ЛЕТОПИСИ И ХРОНИКИ

1973

АРСЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ
НАСОНОВ

ЛЕТОПИСИ И ХРОНИКИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

1973 г.

Посвящен памяти
АРСЕНИЯ НИКОЛАЕВИЧА
НАСОНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1974

Сборник посвящен памяти видного советского ученого А. Н. Насонова — специалиста по истории русского средневековья, внесшего большой вклад в изучение русского летописания. Он содержит статьи учеников и коллег А. Н. Насонова, как советских, так и зарубежных. В сборнике нашли отражение новые наблюдения по истории русского, белорусско-литовского и славяно-молдавского летописания, а также русской и зарубежной средневековой хронографии.

Редакционная коллегия

академик Б. А. РЫБАКОВ (ответственный редактор),
В. И. БУГАНОВ (заместитель ответственного редактора),
В. Т. ПАШУТО, В. А. КУЧКИН

Л $\frac{10604-0496}{042(02)-74}$ БЗ—27—86—74

© Издательство «Наука», 1974

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск является первым в серии сборников статей «Летописи и хроники» и посвящен памяти Арсения Николаевича Насонова (1898—1965).

Труды А. Н. Насонова по истории русского летописания заняли прочное место в советской историографии. Историк, изучающий далекое прошлое нашей страны, всегда находит в его исследованиях тщательно отобранные факты и основанные на них строгие научные выводы относительно характера и структуры летописных сводов — ценнейших источников по истории России с древнейших времен до начала XVIII в. Этот громадный период русского прошлого получил свое отражение в трудах А. Н. Насонова.

Предлагаемый вниманию читателя сборник содержит статьи по тематике, близкой интересам покойного ученого. Подготовка и публикация сборника свидетельствуют о глубоком уважении к памяти А. Н. Насонова, его трудам со стороны научной общественности нашей родины и многих зарубежных стран. Статьи сборника посвящены как изучению эволюции самих летописных памятников на всем протяжении их существования, так и анализу фактов и событий прошлого с использованием летописных свидетельств. Центральное место в сборнике, естественно, занимает история русского летописания. Богатейшее содержание русских летописей делает понятным широкий диапазон состава статей сборника.

Ряд статей посвящен древнерусскому летописанию XI—XIII вв. Роль в летописном творчестве крупного церковного и политического деятеля XI столетия — киевского митрополита Иллариона — выясняется в статье Н. Н. Розова; предания, попавшие на первые страницы «Повести временных лет»,— об апостоле Андрее — рассматриваются в статьях А. Г. Кузьмина и западногерманского слависта Л. Мюллера; вопрос об одной из древнейших русских родословных — Мстиши Свенельдича — вновь поднят польским специалистом по древнерусской истории А. В. Поппэ; включена в поле зрения и летописная традиция о «племенных княжениях» (В. Т. Пашуто).

Ряд статей касается летописных известий, проливающих свет на древнюю историю Венгрии. Это статья профессора Будапешт-

ского университета Й. Перени об уграх в «Повести временных лет» и разбор известным источниковедом Д. Дьерффи «Деяний венгров» Анонима — памятника, привлекающего к себе пристальное внимание и советских медиевистов ввиду его своеобразных известий о Руси. Тесные культурные связи Руси и Германии отмечены в статье ярославского ученого И. Э. Клейненберга, касающейся взаимодействия эпических сюжетов двух народов, нашедших свое отражение в русском летописании. О большом количестве драгоценных летописных сведений, относящихся к истории нашего зодчества, свидетельствуют статьи Н. Н. Воронина и М. Ф. Мурьянова.

Проблемы истории русского летописания XIV—XV вв. затрагиваются в целой серии статей. Так, Л. Л. Муравьева, рассмотрев недавно изданный Владимирский летописец, указала на нить уникальных общерусских известий XIII—XIV вв., которые, возможно, читались и в своде 1409 г. В результате исследования «Списка русских городов дальних и ближних» и некоторых других вошедших в новгородские и московские своды XV—XVI вв. статей справочного характера Е. П. Наумов предлагает новую трактовку их происхождения и новую дату включения в летопись. Работа Я. Н. Щапова «К характеристике некоторых летописных трудов XV в.» исследует сходный сюжет. Известия XIV — начала XVI в. псковских летописей о внешней торговле собраны и обобщены А. Л. Хорошкевич. Они вновь свидетельствуют, что и в пору татаро-монгольского ига Русь продолжала сохранять важное место в международной торговле. Малоизученная статья о Куликовской битве в Новгородской летописи по списку Дубровского (в своде 1539 г.) оказалась, по заключению С. Н. Азбелева, первоначальней соответствующих текстов в Новгородской IV и Софийской I летописях. Я. С. Лурье приходит к выводу о существовании во второй половине XV в. неофициальных монастырских сводов. Читатель найдет в сборнике и интересный этюд Н. А. Мещерского об источниках и происхождении сложного Академического хронографа второй половины XV в.— сочинения по всемирной истории.

Истории западнорусского летописания XV—XVI вв. посвящена работа М. А. Ючаса, а статья Ф. А. Грекула — изучению известий по истории России в молдавских летописях XV — первой половины XVIII в.

Некоторые статьи касаются более позднего летописания XVI в. А. А. Зимин рассмотрел летописные свидетельства XVI столетия об одном из интереснейших эпизодов политической истории Руси конца XV в.— заговоре Дмитрия-внука. Б. М. Клосс определил сохранившийся источник сложной Никоновской летописи. Т. Н. Протасьева проследила взаимоотношения двух томов знаменитого Лицевого летописного свода, хранящихся в Государственном историческом музее,— Никоновской летописи с рисунками и Царственной книги. Д. Н. Альшиц прослеживает судьбу

«Слова о погибели Русской земли» — памятника русской литературы XIII в.— в летописной традиции XVI в.

Известный памятник XVII в.— «Новый летописец» — тоже заинтересовал авторов: список Оболенского анализирует И. А. Жарков, считающий эту редакцию откликом на московское восстание 1682 г.; В. Д. Назаров изучает данные летописца по истории царствования Лжедмитрия I. Неопубликованные летописные записи о московских восстаниях 1662, 1682 и 1698 гг.— предмет статьи В. И. Буганова. Л. З. Мильготина заново провела изучение редакций и списков Золотаревского сказания, посвященного описанию осады и взятия Астрахани повстанческим войском С. Т. Разина в 1670 г. В. И. Корецкий рассматривает источники одного из интересных памятников конца XVII в.— Латухинской степенной книги. Убедительный материал об использовании русского летописного материала великим мыслителем XVII в. Я. А. Коменским представил ныне покойный чехословацкий ученый А. В. Флоровский. С. О. Шмидт нашел новые данные об опричнине в позднем летописчике XVIII в. Недавно скончавшийся швейцарский ученый-славист А. В. Соловьев затронул вопрос о несохранившемся хронографе Спасо-Ярославского монастыря; этот памятник содержал «Слово о полку Игореве» и в конце XVIII в. попал в руки Мусина-Пушкина.

Н. Н. Улащик рассмотрел археографическое оформление и историю подготовки последнего издания западнорусских летописей.

Статьи сборника охватывают широкий круг вопросов по истории летописания в России и в соседних странах. Их авторам присуще единое стремление глубже проникнуть в сложную структуру летописных памятников, раскрыть закономерности их сложения и развития, понять духовный мир их создателей.

Начиная издание исследований о русских и иностранных летописях и хрониках, редколлегия следует давней традиции. В отечественной науке не раз проводились сравнения известий русских летописей в первую очередь с византийскими, а также с польскими, немецкими, английскими хрониками, скандинавскими сагами, некоторыми восточными источниками.

Опыт свидетельствует, что чем шире комплексный сравнительно-источниковедческий охват русской и зарубежной хронографии, тем он плодотворнее. Иностранные (например, польские) хроники позволяют глубже постичь структуру нашего летописания. Они хранят обильный материал для изучения международных экономических, политических и культурных связей России. Из них мы узнаем о том, как в течение столетий формировались взгляды (кстати сказать, оказавшиеся весьма живучими) средневековых читателей католической Европы на иноверную Россию. Весьма существенно при этом не только выявлять новые сведения иностранных хроник о народах нашей страны, но и выяснять источники их информации.

Наконец, сопоставление летописей и хроник дает богатый материал для сравнительно-исторического изучения социальной терминологии и тем самым для познания скрытой за ней закономерной общественно-политической эволюции народов Европы.

Отмеченный подход к источникам естественно предполагает широкое участие в этом издании историков-источниковедов, литературоведов и других специалистов по отечественной и зарубежной истории. Таким образом, издавая эту книгу, редколлегия делает первый шаг по пути интернациональных сравнительно-исторических разысканий. Редакция надеется также дополнить последующие выпуски более дифференцированной структурой; в частности, помимо собственно источниковедческих исследований о летописях и хрониках, предусматривается помещение работ, посвященных историографическим проблемам, публикаций текстов летописей и хроник, описаний рукописей и др.

Редколлегия настоящего издания получила также статьи М. Х. Алешковского, М. Е. Бычковой, В. А. Кучкина, Л. Н. Пушкарева, В. А. Чемерицкого, И. С. Чичурова, но из-за ограниченного объема тома не включила их в его состав.

Научно-организационную работу по тому выполнила Л. Ф. Кузьмина.

АРСЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ НАСОНОВ. БИОГРАФИЯ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

В. А. Кучкин

В ряду историков, посвятивших жизнь изучению средневековой России, почетное место занимает Арсений Николаевич Насонов. Ученый большой культуры, тонкий знаток исторических источников — той основы, без которой немыслимо создание серьезных трудов по истории,— А. Н. Насонов вместе с тем блестяще владел строго научной методикой исследования и исторического построения, дав в итоге новые концепции тех периодов и тех сторон прошлого нашей страны, которые он изучал. Значителен и весом его вклад в развитие советской исторической науки. Перу А. Н. Насонова принадлежат три крупные монографии, несколько десятков статей, ряд разделов в коллективных трудах. Не одно поколение специалистов разных профилей будет обращаться к таким публикациям, как «Псковские летописи» и «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», с благодарностью поминая А. Н. Насонова, необычайно тщательно издавшего эти драгоценные памятники русской истории и культуры. Тематика исследований ученого отличалась глубоким своеобразием. Он брался за разработку таких проблем, которые ранее или совершенно не ставились, или в лучшем случае только намечались в науке. К ним относятся прежде всего вскрытая А. Н. Насоновым история политики татаро-монголов в покоренных русских землях, а также прослеженный им процесс формирования государственной территории Древней Руси. Особое место в творчестве А. Н. Насонова занимала разработка вопросов истории русского летописания. Более половины научных трудов исследователя посвящено данной проблематике. В этой сложной области исторического знания А. Н. Насонов был и остается авторитетом первой величины. Один из наиболее ярких последователей замечательного русского ученого, основоположника современной летописной текстологии академика А. А. Шахматова, А. Н. Насонов во многом развил и дополнил его методику, тесно связав появление летописных сводов с фактами социально-экономической и политической жизни средневековой Руси.

Биография и творческий путь А. Н. Насонова — пример большой целеустремленной работы, последовательного воплощения в жизнь зародившихся еще на студенческой скамье творческих замыслов, образец бескорыстного служения исторической науке, интересоваться которой он начал в детские годы.

* * *

Родился А. Н. Насонов 27 (15) августа 1898 г. в г. Евпатории [1]. Его отец — известный биолог академик Н. В. Насонов, мать — Е. А. Корнилова — приходилась внучкой герою Севастопольской обороны вице-адмиралу В. А. Корнилову.

Гуманитарные наклонности обнаружились у Арсения Николаевича очень рано. В детстве же проявился и его интерес к истории. Его возникновению в определенной степени способствовал родной дядя А. Н. Насонова А. А. Корнилов, известный своими трудами по истории России XIX в. Очень большое и серьезное влияние на будущего исследователя оказал другой крупный историк Д. М. Петрушевский, друг семьи Насоновых. Когда А. Н. Насонов был уже гимназистом (он учился сначала в 1-м Петербургском реальном училище, а затем в петербургской классической гимназии К. Мая, где было хорошо поставлено преподавание истории), он, по его собственному признанию, с увлечением читал начавшие выходить с 1910 г. тома «Русской истории с древнейших времен» М. Н. Покровского. Этот труд привлекал к себе молодежь, и многие революционно настроенные студенты — старшие товарищи и друзья Арсения Николаевича — даже сдавали экзамены по истории России по работе М. Н. Покровского. Среди таких студентов был и Н. В. Крыленко — будущий Главковерх и Наркомюст СССР, хороший знакомый Насоновых.

После окончания в 1916 г. с серебряной медалью гимназии А. Н. Насонов, увлекавшийся еще и живописью и сам прекрасно рисовавший, поступил на архитектурный факультет Академии художеств, где начал заниматься в мастерской известного зодчего Л. В. Руднева. Но занятия в Академии художеств его разочаровали. Призвания к архитектуре молодой студент не почувствовал. Пересилила любовь к истории, и после недолгого пребывания в Академии в том же 1916 г. А. Н. Насонов перешел на историко-филологический факультет Петроградского университета. Тогда на факультете преподавал цвет русской исторической науки того времени: профессора А. А. Шахматов, А. С. Лаппо-Данилевский, М. И. Ростовцев, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков, А. С. Жебелев, Б. А. Тураев, И. М. Гревс и др. В семинаре проф. М. Д. Приселкова А. Н. Насонов начал изучать Лаврентьевскую летопись, а под руководством проф. А. И. Заозерского вместе с В. Н. Кашиным, П. О. Файнштейном и А. А. Степановым стал заниматься разработкой вотчинного архива князей Юсуповых [2]. Работал он и в семинаре проф. С. В. Рождественского. Учась в Петроградском университете, А. Н. Насонов одновремен-

[1] Основные факты жизни и деятельности А. Н. Насонова извлечены из его автобиографий (Архив АН СССР, ф. 1547, д. 250).

[2] *А. Н. Насонов.* Из истории крепостной вотчины XIX века в России.— «Известия АН СССР», VI серия, 1926, 15 апреля — 1 мая, № 7—8, стр. 509, прим. 2.

но прослушал курс экономической статистики у проф. Никольского на экономическом факультете 1-го Петроградского политехнического института. Учебу прервала служба в Красной Армии, куда Арсений Николаевич был призван в феврале 1920 г. Служба оказалась короткой, и уже в декабре 1920 г. будущий историк возобновил занятия в университете. Когда при Петроградском университете был организован рабочий факультет, то А. Н. Насонов, будучи студентом последнего курса, начал читать лекции на этом факультете, внося свою лепту в приобщение к историческим знаниям получивших возможность учиться рабочих и крестьян. Историко-филологический факультет университета к тому времени был преобразован в факультет общественных наук. В 1922 г. А. Н. Насонов успешно закончил университет и был оставлен при кафедре русской истории факультета для подготовки к профессорскому званию. Одновременно он был зачислен научным сотрудником 2-го разряда Исследовательского исторического института при университете.

В процессе подготовки к профессорскому званию необходимо было сдать магистерский экзамен. Для него А. Н. Насонов должен был подготовить десять тем. Семь из них касались русской истории, три — всеобщей. По истории России были предложены следующие вопросы: 1. Князь и город в Ростово-Суздальской земле (XII и первая половина XIII в.); 2. Монгольское иго и его значение в истории Древней Руси; 3. Земские соборы на Руси; 4. Областное управление XVI—XVII вв.; 5. В. Н. Татищев как историк и как человек своего времени; 6. Крепостное хозяйство XIX в.; 7. История Священного союза. По зарубежной истории надо было подготовить темы: 1. Иконоборчество и роль Федора Студита; 2. Поместье каролингской эпохи; 3. Германия в первой половине XIX в. и оппозиционное движение 40-х годов[3]. Перечень тем для магистерского экзамена весьма показателен. Нетрудно видеть, что несколько сюжетов по русской истории включены в перечень прежде всего потому, что они интересовали самого начинающего ученого, эти вопросы так или иначе уже изучались им в университетских семинарах. Не случайно поэтому, что по прошествии нескольких лет А. Н. Насонов опубликовал статью по первой теме, дал серию статей по теме шестой, а по второй теме выпустил монографию.

Готовясь к сдаче экзамена по проблеме «Князь и город в Ростово-Суздальской земле», А. Н. Насонов тщательно изучил труды Н. М. Карамзина, М. П. Погодина, С. М. Соловьева, И. Д. Беляева, Н. И. Костомарова, Д. А. Корсакова, К. Д. Кавелина, В. И. Сергеевича, Д. Я. Самоквасова и А. Е. Преснякова, учел новейшие работы по русскому летописанию А. А. Шахматова, использовал данные археологии и нумизматики[4]. В резуль-

[3] Архив АН СССР, ф. 1547, д. 95, л. 220.
[4] Там же, лл. 2 об.— 88 об.

тате было написано целое исследование. Начатое в 1922 г., оно было закончено в 1923 г.[5] А в 1924 г. в печати появилась первая большая статья А. Н. Насонова — «Князь и город в Ростово-Суздальской земле», изданная в сборнике «Века», вышедшем под редакцией университетских учителей автора — А. И. Заозерского и М. Д. Приселкова.

Молодого ученого заинтересовал вопрос, который уже давно разрабатывался в русской исторической науке, но и до наших дней остается проблемой сложной и дискуссионной. Речь шла о путях развития Северо-Восточной Руси в домонгольское время. Было ли это развитие своеобразным, особым или в своих главных чертах оно было схожим с развитием общества в других волостях-княжениях Киевской Руси? Большинство историков отыскивало своеобразие в исторической эволюции русского Северо-Востока. В. О. Ключевский, например, проводил мысль о князе-колонизаторе, князе-хозяине в Ростово-Суздальской земле, и это помогало ему в дальнейшем объяснять происхождение московского единодержавия. А. Н. Насонов выступил с критикой этой концепции, полагая, вслед за В. И. Сергеевичем, что ход развития Северо-Восточного края был таким же, как и соседних русских княжеств[6]. Общность развития выражалась в существовании в докняжеский период городов — центров волостей и веча в городе-центре как руководящего органа волости. Это была основная мысль статьи А. Н. Насонова. Она разделяется и сегодняшней историографией. Справедливо было и указание автора на существование в Ростовской земле местной знати, руководившей политической жизнью волости еще до появления здесь князей[7]. Однако утверждение А. Н. Насонова, что эта знать являлась торговой по своему происхождению[8] (взгляд, сложившийся, возможно, под влиянием идей М. Н. Покровского), не было обосновано материалом. Неточны были и некоторые текстологические изыскания молодого исследователя, в частности вывод о том, что важная запись под 1162 г. в Ипатьевской летописи о самовластии Андрея Боголюбского — ростовского происхождения[9]. Зато уже в первом печатном труде исследователя было верно подмечено существование владимирского свода конца 30-х годов XIII в. великого князя Юрия Всеволодовича. К такому выводу Арсений Николаевич пришел на основании сравнительного изучения Лаврентьевской и Воскресенской летописей[10]. Через 39 лет это положение было обстоятельно раскрыто и аргументировано

---

[5] Архив АН СССР, ф. 1547, д. 93, лл. 1—146.
[6] *А. Н. Насонов.* Князь и город в Ростово-Суздальской земле.— «Века. Исторический сборник», вып. 1. Пг., 1924, стр. 27.
[7] Там же, стр. 12, 18—19, 22.
[8] Там же, стр. 10, 11, 14, 15, 22, 26, 27.
[9] Там же, стр. 7—8.
[10] Там же, стр. 23—24.

в другой статье — «Лаврентьевская летопись и владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в.» [11].

Первый печатный труд А. Н. Насонова не прошел незамеченным. В Саратове тогда еще мало кому известный С. В. Юшков использовал выводы А. Н. Насонова в работе «Феодальные отношения в Киевской Руси», опубликованной год спустя после выхода в свет статьи о князе и городе в Ростово-Суздальской земле [12].

В июле 1923 г. Исследовательский исторический институт при Петроградском университете был закрыт. Однако Арсений Николаевич продолжал свои дальнейшие исторические изыскания. Зимой 1923/24 г. он завершил обработку материала по истории вотчинного хозяйства князей Юсуповых. Итогом явились две большие статьи о крепостной вотчине XIX в., напечатанные в 1926 и 1928 гг. Кроме того, в 1926 г. были опубликованы основные выводы из проделанной работы.

В русской историографии тема о крупных вотчинах в России накануне и в период падения крепостного права была совершенно не разработана. Вотчинные архивы находились в частных руках, и доступ к ним исследователей был практически закрыт. Только после Октябрьской революции, когда ленинским декретом «О реорганизации и централизации архивного дела» архивы были объединены и частные архивы поступили в государственные хранилища, стала возможной их разработка. В делавшей первые шаги советской исторической науке началось плодотворное изучение вопросов экономической и социальной истории русской деревни XIX столетия. А. Н. Насонов был в числе пионеров этого направления исторической мысли. Его исследования были посвящены хозяйственной характеристике владений князей Юсуповых, разбросанных в Курской, Харьковской, Воронежской и Полтавской губерниях. Административным центром этих владений была слобода Ракитная. Тщательно проанализировав документы Ракитнянской вотчинной конторы, ученый нарисовал широкую и разностороннюю картину жизни крупной вотчины в период кризиса феодальной системы. Помещик-крепостник даже в середине XIX в. оставался настоящим феодальным государем для своих крестьян. Власть над крестьянами и собственность на землю позволили Юсуповым приспособиться к условиям растущего капиталистического внешнего хлебного рынка. В расположенных в черноземной полосе владениях Юсуповых вместо оброка была введена барщина. Ее рост за счет увеличения гос-

---

[11] *А. Н. Насонов.* Лаврентьевская летопись и владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в.— В кн.: «Проблемы источниковедения», вып. XI. М., 1963.

[12] *С. В. Юшков.* Феодальные отношения в Киевской Руси.— «Ученые записки Саратовского государственного университета», т. 3, вып. 4. Саратов, 1925, стр. 102—103.

подской запашки и интенсификации труда крепостных крестьян привел на первых порах к повышению доходности имений, но затем начался хозяйственный упадок. Принуждения сверх меры, массовые экзекуции повлекли за собой общее обеднение крестьян, занятых на обработке господской земли. В связи с этим контора Юсуповых меняет формы управления крестьянами и предпринимает меры для стабилизации их хозяйств, препятствуя имущественному расслоению среди крепостных. Одновременно на пашню переводится дворовая челядь, сокращаются расходы внутри имения. В итоге, несмотря на связь с рынком, происходит своеобразная натурализация поместья, что в целом, несомненно, серьезно задерживало хозяйственное развитие страны. Реформа 1861 г. сломала сложившийся порядок в южнорусских имениях Юсуповых, но она оставила в их руках наиболее плодородные земли, которые владельцы начали раздавать в аренду своим бывшим крепостным. Экономическая мощь феодала-землевладельца сохранилась.

В трех указанных работах А. Н. Насонов наметил тот круг проблем, предложил ту методику их разработки, которые позднее стали основными при изучении вотчинного хозяйства дореформенной России. Однако более к вопросам позднего феодализма исследователь уже не возвращался. Объектом его изучения стали средние века русской истории.

В 1924 г. А. Н. Насонов поступил на службу в Государственный Эрмитаж, где в течение трех лет работал в качестве исполняющего обязанности помощника хранителя Отдела нумизматики. Здесь он начал заниматься западноевропейской и русской нумизматикой XIV—XV вв., а также историей денежного обращения Золотой Орды, постепенно собирая материал для книги о монголах и Руси [13]. Одновременно продолжалась работа и над русскими источниками, в частности летописями.

Зимой 1925 — весной 1926 г. А. Н. Насонов написал большое исследование о тверских летописных сводах. Это была новая тема в его занятиях, и он успешно, в течение всего лишь нескольких месяцев, завершил ее разработку. Для печатания работы нужен был отзыв одного из авторитетных специалистов. По воспоминаниям Арсения Николаевича, он обратился к академику В. М. Истрину. Тот, хотя и болел и был занят изданием своего «Амартола», внимательно прочитал работу, а потом все допытывался у молодого автора, сам ли он ее написал. Рукопись, очевидно, произвела впечатление на маститого текстолога. По представлению В. М. Истрина главные результаты работы А. Н. Насонова были опубликованы в 1926 г. А четыре года спустя в печати появилось и основное исследование Арсения Ни-

[13] Позднее А. Н. Насонов писал, что «работа над монографией «Монголы и Русь» была начата в 1924 г.» (*А. Н. Насонов*. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.— Л., 1940, стр. 8, прим. 1).

колаевича о тверских летописях. По широте охвата материала, продуманной методике и тщательности его анализа исследование о тверских летописных памятниках сразу выдвинуло А. Н. Насонова в число наиболее авторитетных специалистов по истории русского летописания.

Проблема тверского летописания, которой занялся А. Н. Насонов, была поставлена еще Н. М. Карамзиным [14]. Касался ее, но в методическом отношении малоудачно, И. А. Тихомиров[15]. Важные и интересные наблюдения были сделаны А. А. Шахматовым[16]. Но только А. Н. Насонов провел систематическое выделение из русских летописных сводов фрагментов тверского летописания и воссоздал историю последнего. Внимательно рассмотрев окончание Лаврентьевской летописи, остатки тверского летописания в Рогожском летописце, Тверском сборнике, Никоновской летописи, Слове похвальном инока Фомы, А. Н. Насонов установил, что тверские летописные записи начались еще в конце XIII в., примерно с 1285 г. Местными записями пользовались занимавшие стол великого княжения во Владимире тверские князья Михаил Ярославич, Дмитрий и Александр Михайловичи, когда создавали в первой четверти XIV в. свои общерусские великокняжеские своды. Эти своды были продолжены в великое княжение московских князей, почему тверской летописный материал и сохранился в позднейшем великокняжеском московском и митрополичьем летописании. В Твери тверское великокняжеское летописание было продолжено в конце 30-х годов XIV в. и доведено до середины 70-х годов того же столетия. Разгром Твери в 1375 г. объединенными силами русских князей во главе с Дмитрием Ивановичем Московским привел к прекращению тверского летописного дела. Но в 80-х годах XIV столетия оно возобновилось. В начале XV в. создается обширный свод при тверской епископской кафедре, который кладется в основание свода Ивана Михайловича Тверского (1425 г.). Около того же времени появляется кашинский свод, отразившийся в Никоновской летописи. Примерно в 1455 г. создается сокращенная и переработанная редакция тверского свода великого князя Бориса Александровича, сохранившаяся до статьи 1375 г. в Рогожском летописце, а за более позднее время — только во второй части Тверского сборника. В последнем, однако, свод Бориса Тверского представлен не в чистом виде, а в московской переработке конца

---

[14] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, кн. 1, изд. И. Эйнерлинга. СПб., 1842, стр. XVI: «Никоновский... в XIV веке сообщает вероятные дополнительные известия о Тверском княжении».

[15] *И. А. Тихомиров.* О сборнике, именуемом Тверскою летописью.— ЖМНП, 1876, № 12; *он же.* Обозрение состава Воскресенского летописного свода.— Там же, 1894, № 12.

[16] *А. А. Шахматов.* Отзыв об издании Н. П. Лихачева «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». СПб., 1909.

XV — начала XVI в., включившей в свой состав тверские известия и за вторую половину XV столетия. Таковы вкратце выводы, к которым пришел в результате своих разысканий о тверских летописных памятниках А. Н. Насонов. В построениях А. Н. Насонова есть ряд моментов, которые требуют дальнейшей разработки. Некоторые из них были скорректированы самим Арсением Николаевичем в момент печатания статьи[17], другие должны быть исправлены на основании более поздних изысканий ученого[18]. Тем не менее ряд неясностей остается. Так, сомнения вызывает утверждение исследователя об отражении в Рогожском летописце тверского свода 1455 г. Оно построено на убеждении, что начало Рогожского летописца, т. е. известия до 1285 г.,— тверского происхождения. А поскольку в начальной части Рогожского летописца отразились поздние источники[19], то и тверские сведения памятника за XIII—XIV столетия должны возводиться к своду 50-х годов XV в. князя Бориса Александровича. Между тем, как показывает филигранографическое обследование Рогожского летописца, сама рукопись памятника должна датироваться концом 40-х годов XV в. Поэтому отнесение тверского источника Рогожского летописца к 1455 г. едва ли возможно. Будущие исследователи должны, очевидно, внести некоторые поправки в общую схему тверского летописания, предложенную А. Н. Насоновым, а также найти в ней место для свода, отрывок из которого был опубликован Арсением Николаевичем в 1958 г.[20] По некоторым данным видно, что этот отрывок сохранил текст свода более древнего, чем отразившийся в Рогожском летописце.

В статье о тверских летописных памятниках Арсений Николаевич попутно пришел еще к одному очень важному для истории летописания выводу: о существовании митрополичьего летописания во второй половине XV — первых десятилетиях XVI в.[21] Впоследствии изучение русского летописания XV—XVI столетий полностью подтвердило правильность заключения А. Н. Насонова.

---

[17] *А. Н. Насонов.* Летописные памятники Тверского княжества.— «Известия АН СССР». Отделение гуманитарных наук, 1930, № 10, стр. 772, прим.

[18] В 1930 г. А. Н. Насонов писал о том, что в руках Н. М. Карамзина был тверской летописный памятник, кончавшийся описанием событий 1426 г., и видел в этом одно из доказательств существования свода 1425 г. («Известия АН СССР». Отделение гуманитарных наук, 1930, № 10, стр. 753—754). Позднее А. Н. Насонов обнаружил источник, который цитировал Н. М. Карамзин,— рукопись из ГПБ под шифром F. IV. № 216. Памятник оказался общерусским сводом очень позднего происхождения (в качестве источника использована Степенная книга, в которой тверские известия доходили до 1486 или даже 1490 г.) (*А. Н. Насонов.* О тверском летописном материале в рукописях XVII в.— «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 28—30).

[19] *А. Н. Насонов.* Летописные памятники Тверского княжества.— «Известия АН СССР». Отделение гуманитарных наук, 1930, № 9, стр. 737—738.

[20] *А. Н. Насонов.* О тверском летописном материале в рукописях XVII в., стр. 33—40.

[21] «Известия АН СССР». Отделение гуманитарных наук, 1930, № 9, стр. 721.

В 1927 г. Арсений Николаевич по болезни оставил службу в Эрмитаже. Тем не менее он продолжал работу над интересовавшими его историческими сюжетами. В 1929 г. А. Н. Насонов опубликовал содержательную рецензию на книги Ф. В. Баллода «Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды» и «Приволжские «Помпеи»», где подверг критике методику работы автора и его выводы [22].

Тема «Монголы и Русь» была намечена А. Н. Насоновым давно. Она органически вытекала из стремления ученого к познанию закономерностей исторического развития Северо-Восточной Руси.

Еще в своей статье о князе и городе в Ростово-Суздальской земле А. Н. Насонов, рассматривая проблему смены на территории Волго-Окского междуречья вечевой жизни удельным периодом (такова была точка зрения тогдашней историографии), приводил мнение В. И. Сергеевича, согласно которому «новые черты в отношениях князя к населению появляются только после татарского нашествия: татарская власть сразу уничтожила почву для проявления вечевой деятельности» [23]. Если исследование 1924 г. было посвящено вечевой деятельности городов и внедрению в древнюю волость князей, то следующим этапом закономерно должна была стать проверка высказанного в историографии взгляда о влиянии монгольского ига на вечевую жизнь и социальные отношения Руси. Первоначально, собственно, работа о монголах и Руси и была написана с таким уклоном. Существовала вводная глава, где рассматривались, по словам автора, «некоторые вопросы истории домонгольской Руси» [24]. Но в процессе разработки темы первоначальный замысел изменился и расширился. Речь пошла уже не только о Северо-Восточной, но и о Южной и Юго-Западной Руси. Были вскрыты корни политики татаро-монголов, исследованы ее социальная основа, конкретные проявления и последствия со времени установления ига и до первой четверти XV в. включительно. Чтобы осветить все эти вопросы, А. Н. Насонов изучил огромный фактический материал: русские летописи, княжеские духовные и договорные грамоты, акты, агиографическую литературу, арабские, китайские, венгерские и итальянские хроники, дипломатические отчеты, географические сочинения и описания путешествий. Овладев специально персидским языком, Арсений Николаевич сумел привлечь для своей темы персидские источники. Весьма широко использовал А. Н. Насонов данные золотоордынской и русской нумизматики,

---

[22] *А. Н. Насонов.* Рецензия на книги Ф. В. Баллода: «Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды» и «Приволжские «Помпеи»».— «Zeitschrift für slawische Philologie», Leipzig, 1929, Bd. V, Doppelheft 3/4, S. 494—498.

[23] *А. Н. Насонов.* Князь и город..., стр. 5.

[24] *А. Н. Насонов.* Монголы и Русь, стр. 8, прим. 1.

а также археологический материал. В 1934 г. работа была завершена, но книга вышла из печати лишь в 1940 г.

Монография «Монголы и Русь» была и остается крупной вехой в советской историографии как по богатству собранных фактов, так и по тем выводам, к которым пришел автор на основе их анализа. Если предшествовавшие исследователи исходили из мысли о пассивной роли Орды в истории русских земель и рассматривали русскую историю второй половины XIII—XV в. как естественное продолжение более ранних начал, не замечая тех качественных изменений, которые принесло с собой чужеземное завоевание, если А. Е. Пресняков сумел подметить элементы активной политики русских князей в отношении Орды [25], то А. Н. Насонов доказал существование целенаправленной политики татаро-монгольских феодалов в покоренных русских землях. Эта политика, сопровождаемая грабежами и насилиями, имела постоянной целью сохранение феодальной раздробленности Руси, она являлась чрезвычайно серьезным препятствием для объединения русских земель в единое национальное государство. А. Н. Насонов ярко, научно точно и убедительно показал регрессивную историческую роль татаро-монгольского завоевания для покоренных народов. Их развитие затормозилось на целые столетия.

В начале 30-х годов А. Н. Насонов, видимо, под влиянием своих занятий историей русско-ордынских отношений, заинтересовался вопросами взаимоотношений Руси с народами Кавказа и Причерноморья. В результате появилась статья о древнейших судьбах Тмуторокани [26].

В 1935 г. А. Н. Насонов перешел на работу в Историко-археографический институт АН СССР, впоследствии преобразованный в Институт истории. Здесь он проработал до конца своих дней. В институте Арсений Николаевич по заданию дирекции начал заниматься разработкой истории русского летописания и подготовкой к печати русских летописных сводов. Эта тема стала основной в творчестве А. Н. Насонова на все последующие годы. К занятиям, надолго определившим его интересы, ученый, как всегда, отнесся очень добросовестно. Поучителен сам подход А. Н. Насонова к изучению проблемы. Прежде всего он ознакомился с творческим наследием крупнейшего авторитета в области изучения русского летописания академика А. А. Шахматова. В архиве покойного ученого он исследовал большую рукопись, в которой рассматривалось большинство известных в начале XX столетия русских летописных сводов. Во втором выпуске «Проблем источниковедения» А. Н. Насонов поместил обзор этой

---

[25] См. его монографию «Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий» (ЛЗАК, вып. XX. Пг., 1920).

[26] *А. Н. Насонов.* Тмуторокань в истории Восточной Европы X века.— «Исторические записки», т. 6, 1940.

рукописи [27]. Ценность обзора заключалась не только в ознакомлении широкой научной общественности с крупным трудом выдающегося исследователя, но и в том, что обзор показывал по существу эволюцию взглядов А. А. Шахматова на происхождение и состав различных памятников русского летописания. Для последнего нужно было очень внимательно изучить все опубликованные работы А. А. Шахматова по истории летописания и точно зафиксировать даже мельчайшие изменения в его мнениях по поводу того или иного свода. Такая кропотливая работа и была проделана А. Н. Насоновым.

Во второй половине 30-х годов Арсений Николаевич принимается за изучение псковских летописей и подготавливает к изданию их тексты. В 1941 г. выходит из печати первый выпуск «Псковских летописей» [28]. Это был совершенно новый тип издания, в котором тексты были соединены с исследованием, явившимся итогом большой предварительной работы по выявлению и текстологическому сравнению всех списков псковских летописных памятников. Всего А. Н. Насонов изучил 24 списка псковских летописей [29].

Проанализировав тексты, А. Н. Насонов установил, что псковское летописание дошло не в двух, как считалось ранее, а в трех редакциях. Обнаруженный публикатором Тихановский список содержал древнейшую редакцию 1469 г. Псковской I летописи. А. Н. Насоновым также впервые были введены в научный оборот Погодинский I список и летописные отрывки из Копенгагенского сборника. Все издание было выполнено в высшей степени тщательно.

Одновременно А. Н. Насоновым был подготовлен для печати и второй выпуск «Псковских летописей» [30]. Однако он увидел свет только в 1955 г.[31] Во втором выпуске публикатор обещал поместить очерк «О древнейшем периоде псковского летописания с кратким историографическим введением» [32]. Обещание было выполнено, но в иной форме: статья на эту тему была напечатана в

---

[27] *А. Н. Насонов.* О неизданной рукописи А. А. Шахматова: Обозрение летописных сводов.— В кн.: «Проблемы источниковедения», сб. II. М.— Л., 1936. Через два года эта рукопись А. А. Шахматова была издана, но с купюрами (*А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.— Л., 1938).

[28] «Псковские летописи». Приготовил к печати А. Насонов, вып. I. М.— Л., 1941.

[29] Публикатору казалось, что один список он не разыскал. Как выяснил впоследствии Л. А. Творогов, считавшийся пропавшим так называемый Холмогорский список Псковской летописи на самом деле был учтен Арсением Николаевичем как 2-й Погодинский список (*Д. С. Лихачев.* Текстология. М.— Л., 1962, стр. 108—109).

[30] Судить об этом можно на основании ссылок на Псковскую II и Псковскую III летописи, имеющихся в издании 1941 г.

[31] «Псковские летописи», вып. II. М., 1955.

[32] Там же, вып. I, стр. XXVIII.

1946 г.[33] Но материал к нему А. Н. Насонов начал собирать также в довоенное время. Казалось бы, для очерка по летописной текстологии необходимо лишь учесть мнения предшественников о соотношении летописных текстов и изложить результаты собственных наблюдений над самими текстами. Однако Арсений Николаевич этим не ограничился. Он ставит задачу широко и при подготовке специального вопроса изучает всю литературу о средневековом Пскове, будь то работы по праву или исследования об экономическом быте древнего города[34]. В результате история псковского летописания в очерке А. Н. Насонова приобретает фон, становится объемной, она тесно увязывается со всей историей Псковской республики.

Параллельно с подготовкой к печати псковских летописей и их изучением Арсений Николаевич должен был принять участие в подготовке проектировавшейся в предвоенные годы пятитомной «Истории СССР». Этот коллективный труд так и не увидел света, но подготовленный для него материал был использован А. Н. Насоновым при написании разделов в двух томах «Очерков истории СССР», опубликованных уже в 1953 и 1955 гг. Для пятитомника А. Н. Насонов написал очерк истории Ростово-Суздальской земли в домонгольское время[35] и, видимо, ряд других параграфов, в частности по экономической истории России конца XV—XVI в. В архиве ученого сохранились выписки из различных работ по истории народного хозяйства России[36].

В предвоенные годы у А. Н. Насонова зародилась и мысль о написании работы по исторической географии Древней Руси. Среди бумаг исследователя имеются составленные еще до войны перечни географических номенклатур различных княжеств Руси домонгольского времени[37]. Очевидно, эти перечни являются результатом изучения большого количества летописных и других источников по истории Древнерусского государства, в которых встречаются упоминания о тех или иных географических наименованиях.

После выхода в свет книги «Монголы и Русь» А. Н. Насонов представил ее к защите в качестве кандидатской диссертации. В 1941 г. защита состоялась и прошла успешно.

Научную работу, творческие замыслы исследователя нарушило нападение фашистской Германии. В августе 1941 г. Арсений Николаевич эвакуировался в Ашхабад. Здесь он был назначен заведующим сектором истории Института истории, языка и литературы Туркменского филиала АН СССР. Под руководством А. Н. На-

---

[33] *А. Н. Насонов.* Из истории псковского летописания.— «Исторические записки», т. 18, 1946.

[34] Архив АН СССР, ф. 1547, д. 6.

[35] О поручении А. Н. Насонову написать такой очерк известно из письма к нему Н. Ф. Лаврова от 6 января 1937 г. (там же, д. 323, л. 10—10 об.).

[36] Там же, д. 114.

[37] Там же, д. 106.

сонова началась работа по подготовке «Очерков по истории Туркмении и туркменского народа» [38]. Но в связи с призывом в ряды Красной Армии в 1942 г. ученый должен был оставить это начинание. В армии рядовой А. Н. Насонов вел большую пропагандистскую и лекционную работу, выступал перед рядовым и командным составом с лекциями на военно-патриотические и исторические темы. Вот некоторые из них: «Нашествие монголов и борьба с ними русского народа», «Александр Невский и немецкие захватчики XIII в.», «Минин и Пожарский», «Петр I», «Русские в Семилетней войне», «Мировое значение русского военного искусства», «Ломоносов — основоположник русской науки», «Версальский мир и возрождение германского империализма» и т. д. [39] Живое слово историка звало к победе над захватчиками.

В 1944 г., еще будучи на службе в армии, А. Н. Насонов приехал в Москву для защиты докторской диссертации. Ученому совету предлагалась для рассмотрения работа «Очерки по истории древнерусского летописания», состоявшая из очерков о летописании Твери и Пскова. Официальными оппонентами докторской диссертации А. Н. Насонова были профессор К. В. Базилевич, член-корр. АН СССР С. В. Бахрушин и тогда еще доктор исторических наук, профессор М. Н. Тихомиров. В своем отзыве К. В. Базилевич писал: «Представленные для защиты исследования по истории местного (областного) летописания являются весьма ценным приобретением нашей науки. Диссертант показал полную зрелость и самостоятельность своего исследовательского метода. В его лице наша марксистская историческая наука приобретает крупного специалиста, обладающего широким научным кругозором и в совершенстве владеющего специальным методом исследования в области труднейших источников — летописных памятников» [40]. Высоко оценил работу диссертанта и С. В. Бахрушин. Вот несколько мест из его отзыва. «Будучи продолжателем дела Шахматова, А. Н. Насонов в своей диссертации показывает большое уменье пользоваться «шахматовским» методом критического анализа текстов». «А. Н. Насонову принадлежит заслуга выявления путем скрупулезной, можно сказать, мозаичной работы над летописными текстами следов нескольких великокняжеских тверских сводов (1326, 1409, 1425, 1455 и конца XV в.)». Говоря о разделе, посвященном псковскому летописанию, С. В. Бахрушин писал, что «тут, как и в очерке о тверском летописании, анализ текста и сравнение летописных редакций (в рукописи: летописной редакции.— *В. К.*) проделаны с исключительной тщательностью и строгостью» [41]. К высокой оценке труда Арсения Николаевича присоединился и М. Н. Тихомиров: «Диссертант провел большую исследовательскую работу и пришел к ценным выводам, имеющим зна-

[38] Там же, д. 263.
[39] Там же, д. 193, 189, 202, 198, 191, 203, 192, 195.
[40] Там же, д. 353, л. 3 об.
[41] Там же, д. 352, лл. 1, 2, 3.

чение не только для истории древнерусского летописания, но и русской истории в целом». Вместе с тем М. Н. Тихомиров высказал ряд критических замечаний. Одно было методического характера. «Мне кажется,— писал он,— что эти построения о многочисленных погибших сводах являются не только гипотетическими, но и мало нужными для историка». В этом утверждении оппонент едва ли был прав. Веские доказательства существования утраченных летописных сводов обогащают наши представления о культуре средневековой Руси. И исследования А. Н. Насонова много дали в этом отношении. Другой упрек М. Н. Тихомирова сводился к тому, что, по его мнению, диссертант ошибочно соединил в один свод Тихановский и Погодинский списки Псковской I летописи. С точки зрения М. Н. Тихомирова, Погодинский список представляет собой особый свод, где псковская летопись была объединена с Новгородской V летописью, причем такая компиляция известна в ряде списков [42]. Это замечание М. Н. Тихомирова более существенно, и оно должно быть принято во внимание при дальнейшей работе над псковскими летописями, хотя нужно иметь в виду, что не только А. Н. Насонов считал такую компиляцию чисто механической, но и А. А. Шахматов, извлекший из Погодинского списка (и близких к нему) текст Новгородской V летописи и оставивший в стороне ее псковское продолжение [43]. В приведенных отзывах оппонентов — не только характеристика диссертационной работы, но и высокая оценка современниками вклада А. Н. Насонова в изучение русского летописания.

После защиты докторской диссертации А. Н. Насонов вернулся в армию, но в начале 1945 г. был демобилизован и вновь приступил к научной работе в Институте истории. В 1945 и 1946 гг. им были опубликованы две статьи, построенные на материале его докторской диссертации. Первая из них обобщала наблюдения над областным русским летописанием [44], вторая была посвящена истории псковского летописания [45]. Основными же объектами работ А. Н. Насонова конца 40-х годов были подготовка к изданию Новгородской I летописи и исследование о государственной территории Древней Руси.

Новгородская I летопись принадлежит к числу ценнейших источников по истории Руси. Пергаменный Синодальный ее список является самым старшим среди сохранившихся списков крупных русских летописных сводов. Новгородская I летопись издавалась неоднократно, начиная с XVIII в. Лучшее ее досоветское издание было осуществлено в 1888 г. П. И. Савваитовым [46]. Однако публи-

---

[42] Архив АН СССР, ф. 1547, д. 354, лл. 1, 1 об., 2.
[43] ПСРЛ, т. IV, ч. II, вып. 1. Пг., 1917.
[44] *А. Н. Насонов.* О русском областном летописании.— «Известия АН СССР». Серия истории и философии, 1945, т. 2, № 4.
[45] Об этой работе см. выше, стр. 15—16 и прим. 33.
[46] «Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку». СПб., 1888.

кация А. Н. Насонова по уровню исполнения оставила далеко позади савваитовское издание. Вот что писал в своем отзыве о подготовленной А. Н. Насоновым к печати рукописи Новгородской I летописи известный археограф и источниковед, издатель «Правды Русской» В. П. Любимов: «Настоящий труд А. Н. Насонова может стать одним из самых ценных изданий Академии наук, приготовленных за последнее время. Ценно как то, что издаются древнейшие дошедшие до нас летописные памятники, так и высокое исполнение работы, потребовавшее больших знаний и упорного труда» [47]. Действительно, вышедшая в 1950 г. под редакцией А. Н. Насонова «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов» стала одним из лучших изданий русских летописных памятников.

В 1949 г. Арсений Николаевич закончил большое исследование о формировании государственной территории Древней Руси [48], которое было опубликовано два года спустя [49]. Историко-географическая тема, избранная А. Н. Насоновым для своей монографии, была необычной. Нельзя сказать, чтобы вопросы исторической географии не разрабатывались предшественниками А. Н. Насонова. Они изучались, но преимущественно в двух планах: история колонизации, которая зачастую прямо отождествлялась с процессом нарастания государственной территории, и история отдельных княжеств-волостей, необходимыми элементами которой были определение границ и локализация очерченных в этих границах поселений. Причины же образования территории княжеств-волостей или совсем не обсуждались, или сводились к тривиальным объяснениям, вроде желания князей наделять владениями своих потомков. А. Н. Насонов поставил проблему совершенно иначе. Он рассматривал образование и рост государственной территории как следствие появления государства, возникшего в результате раскола общества на классы, когда меньшинство общества создает для поддержания своего господства над большинством аппарат насилия и принуждения — государственную власть. Применительно к Руси VIII—XIII вв. это выражалось в установлении дани и суда на подвластной государству территории [50]. Дань и суд и были для историка теми существенными признаками, которые определяли отнесение той или иной территории к государственной. Как же распространялись дань и суд по Восточно-Европейской равнине? А. Н. Насонов очень четко показал, что процесс этот шел не равномерно, не путем постепенного охвата из какого-либо одного центра сначала близлежащей территории, затем более отдаленной и т. д., а скачкообразно, захватывая различные районы [51].

[47] Архив АН СССР, ф. 1547, д. 355, л. 5. Отзыв датирован 20 января 1949 г.
[48] Там же, д. 358 и 359.
[49] *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951.
[50] Там же, стр. 6 и прим. 2.
[51] Там же, стр. 7.

Наблюдения над таким «очаговым» нарастанием государственной территории, с одной стороны, и тот непреложный факт, что к XII в. во всех крупных городах Древней Руси сидели потомки Игоря и Святослава, княживших в X в. в Киеве, с другой стороны, заставляли исследователя ответить на вопрос о причинах и такой «очаговости» и такого единства. Ведь если дань и суд распространились из Киева, были результатом завоеваний киевских князей, то следовало ожидать именно постепенного, а не скачкообразного роста государственной территории. А. Н. Насонов сумел ответить на этот нелегкий вопрос. Он пришел к выводу о нескольких очагах возникновения государственности у восточных славян [52]. Исходя из положений классиков марксизма-ленинизма, А. Н. Насонов доказывал, что в результате социально-экономического развития у различных восточнославянских племен в разных районах появляется феодализирующаяся знать, которая в своих интересах занималась распространением дани и суда на население округи, руководила местной политической жизнью. В этом отношении проанализированный Арсением Николаевичем исторический и географический материал во многом подтвердил его прежние выводы о роли знати в докняжеский период, высказанные в работе «Князь и город в Ростово-Суздальской земле» [53]. Наиболее ранний (VIII—IX вв.) очаг государственности у восточных славян возник в Среднем Поднепровье. Это первое восточнославянское государство охватывало сравнительно небольшую территорию так называемой «Русской земли» [54] с городами Киевом, Черниговом и Переяславлем. С объединением в конце IX — начале X в. Киева с Новгородом возникло громадное Киевское государство, в котором «Русская земля» продолжала играть роль территориального и политического ядра. Знать «Русской земли» оказывала решающее воздействие на политику киевских князей. На протяжении X в. киевские князья распространили свою власть на значительное пространство Восточно-Европейской равнины. Захвату подвергались территории, где имелось значительное количество населения, а там уже шел процесс феодализации, существовала местная знать. Отсюда «очаговость» распространения власти киевских князей и в то же время определенное политическое единство Киевского государства. Под эгидой Киева происходила дальнейшая активизация военной организации местной знати, которая начинала усиленно распространять свой аппарат принуждения по территории местной округи. С ростом периферийных центров подрывалась власть Кие-

[52] *А. Н. Насонов.* К вопросу об образовании древнерусской государственной территории.— «Вопросы истории», 1954, № 12, стр. 112 (предпоследний абзац).

[53] *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, стр. 3 и 216.

[54] Эту территорию А. Н. Насонов восстановил по летописным данным XII в. (там же, стр. 29—30).

ва, но в то же время образовывалась единая государственная территория, хотя и разделенная на части границами княжеств и земель [55]. Для обоснования своей концепции А. Н. Насонов привлек колоссальный фактический материал, практически все, чем располагала историческая наука по данной теме к середине XX в. Центральное место среди всей этой массы материала заняли летописные сведения. Тонкий знаток летописей, А. Н. Насонов очень строго подошел к отбору известий древнерусских сводчиков, не позволяя увлечь себя готовыми объяснениями и фактами легендарного характера, которыми так богата начальная часть русских летописных сводов и которыми, к сожалению, не пренебрегали его предшественники, особенно писавшие об отдельных землях-княжениях Древней Руси. В итоге благодаря глубине источниковедческого анализа и широте охвата материала получилась очень яркая картина формирования и роста государственной территории сначала на Юге, в Среднем Поднепровье, затем в Новгороде, Волыни, Полоцке, Смоленске, Ростово-Суздальской и Муромо-Рязанской землях. Нанесенные А. Н. Насоновым на карту древние поселения, подвластные названным центрам, наглядно показали, что территории древних княжеств-земель не совпадали с племенными территориями летописных полян, древлян, северян, кривичей, радимичей и т. д., вопреки мнению, высказывавшемуся еще М. П. Погодиным [56]. Феодальные захваты не считались с родо-племенными границами. Тем самым исследование А. Н. Насонова лишний раз, хотя и в специфической области, подтвердило то положение исторического материализма, что образование государства — качественно новый этап в развитии общества.

Параллельно с подготовкой к изданию Новгородской I летописи и написанием монографии о ««Русской земле» и образовании территории Древнерусского государства» А. Н. Насонов занимался разработкой некоторых проблем экономической истории русского средневековья. Начало этому было положено еще до войны. В архиве ученого сохранились две сравнительно большие, но неоконченные работы: «Эволюция рыболовных поселений на р. Ильмени» [57] и «К проблеме изучения хозяйственной истории древнерусского города (Старая Ладога)» [58]. Судя по ссылкам в последнем исследовании на статью Е. А. Рыдзевской «Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе», опубликованную в 1945 г., Арсений Николаевич продолжал изучать вопросы истории хозяйства и в послевоенные годы. В процессе работы А. Н. Насонов обнаружил в Центральном государственном архиве древних актов неизвестную до той поры писцовую книгу Вотской пятины 1568 г. Материал этой книги был использован в упомянутых статьях,

---

[55] Там же, стр. 222.
[56] Там же, стр. 11.
[57] Архив АН СССР, ф. 1547, д. 164.
[58] Там же, д. 114.

а данные самих статей — в разделе «Рост общественного разделения труда и развитие внутреннего рынка» в конце XV — первой половине XVI в., подготовленном для «Очерков истории СССР» [59].

Как крупный специалист в области отечественного источниковедения, А. Н. Насонов постановлением Президиума АН СССР от 9 марта 1951 г. утверждается членом Археографического совета Института истории АН СССР [60], позднее становится заместителем председателя совета, а в 1956 г. в связи с образованием при Отделении исторических наук Археографической комиссии — ее членом [61].

В начале 50-х годов Арсений Николаевич сосредоточивает свои усилия преимущественно на изучении истории русского летописания. Были и другие объекты, была, в частности, большая редакторская работа, но главным оставалось летописание. В поисках новых летописных памятников А. Н. Насонов обследовал архивохранилища Москвы и Ленинграда. До розысков, предпринятых А. Н. Насоновым, считалось, что до нашего времени сохранилось около 200 списков русских летописных сводов разного времени [62]. Однако только в Центральном государственном архиве древних актов, Рукописном отделе Библиотеки им. В. И. Ленина и Отделе рукописей Государственного исторического музея Арсений Николаевич обнаружил более 1000 рукописей, содержавших летописные тексты [63]. 173 из них он изучил со стороны состава, поскольку они представляли интерес для историков и филологов [64]. Но в своем обзоре летописных памятников московских архивохранилищ А. Н. Насонов поместил сведения примерно о половине указанного им числа рукописей [65]. Следовательно, будущим текстологам предстоит определить состав по меньшей мере еще 8 десятков рукописей, содержащих тексты, по мнению самого Арсения Николаевича немаловажные для истории русского летописания. В обзоре летописных памятников из собраний г. Ленинграда А. Н. Насонов дополнительно дал сведения еще о 20 рукописях с летописными текстами [66].

С 1959 г. в «Проблемах источниковедения» начали выходить большие статьи Арсения Николаевича, посвященные вопросам

---

[59] «Очерки истории СССР». Период феодализма. Конец XV в.—начало XVI в. М., 1955, стр. 62—80. Здесь же на стр. 67 в прим. 1 дана ссылка на писцовую книгу Вотской пятины 1568 г.

[60] Архив АН СССР, ф. 1547, д. 267, л. 1.

[61] Там же, д. 281, л. 2.

[62] *М. Д. Приселков.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 13.

[63] *А. Н. Насонов.* Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы).— В кн.: «Проблемы источниковедения», вып. IV. М., 1955, стр. 243.

[64] Там же.

[65] По произведенным подсчетам в статье упомянуто 87 рукописей.

[66] *А. Н. Насонов.* Материалы и исследования по истории русского летописания.— В кн.: «Проблемы источниковедения», вып. VI. М., 1958.

русского летописания XI—XV вв. Впоследствии эти статьи составили ряд глав его монографии «История русского летописания XI — начала XVIII века» [67]. По широте поставленных проблем, глубине их разработки, многочисленным ценным частным выводам книга о русском летописании А. Н. Насонова встала в один ряд с классическими трудами по летописной тематике. Остановимся на наиболее значительных наблюдениях ученого, изложенных в названной монографии.

Прежде всего обращают на себя внимание хронологические рамки исследования. История русского летописания доведена до 20-х годов XVIII в. В литературе о летописании это сделано впервые. А. Н. Насонову удалось обнаружить целый ряд летописных сводов конца XVI, XVII и первой четверти XVIII в., имевших общегосударственный, официальный характер. Особенно любопытны факты, прямо говорящие о заинтересованности Петра I в создании летописных историй своего времени [68]. А ведь до недавнего времени полагали, что летописание уже во второй половине XVI в. приходит в упадок, сходит почти на нет в XVII столетии, и если существует, то уже не как столичное, официальное, а как провинциальное или частное [69]. Исследование А. Н. Насонова показало глубокую живучесть на протяжении почти восьми столетий русских летописных сводов как особой формы осмысления исторического прошлого, как специфических произведений письменности феодальной эпохи, которые «содержали опыт средневекового построения истории государства, народа или народов» [70]. Именно подход к летописным сводам как к средневековым концепциям исторического процесса позволил исследователю тесно связать раннюю историю летописания с развитием Древнерусского государства и древнерусской народности. Критически пересмотрев данные А. А. Шахматова о древнейшем периоде русско-

---

[67] *А. Н. Насонов.* История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. В состав книги вошли следующие ранее напечатанные статьи А. Н. Насонова: «Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием Древнерусского государства» («Проблемы источниковедения», вып. VII) — первая глава книги; «Об отношении летописания Переяславля Русского к киевскому (XII в.)» («Проблемы источниковедения», вып. VIII) — вторая глава; «Малоисследованные вопросы ростово-суздальского летописания XII века» («Проблемы источниковедения», вып. X) — третья глава; «Лаврентьевская летопись и владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в.» («Проблемы источниковедения», вып. XI) — четвертая глава; «Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник» («Проблемы источниковедения», вып. IX) — главы шестая (частично) и седьмая. В главе двенадцатой был использован материал, опубликованный в IV и VI выпусках «Проблем источниковедения». Главы пятая, восьмая, девятая, десятая и одиннадцатая в основном были написаны заново.

[68] *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 490—499.

[69] *Д. С. Лихачев.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947, стр. 356, 362, 370, 373—378, 384—386, 423—424.

[70] *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 12.

го летописания, А. Н. Насонов подтвердил в целом его схему. Летописные своды начали создаваться в эпоху Ярослава Мудрого, когда окрепло Киевское государство, когда в Киеве необычайно интенсивно начала развиваться литературная работа. Это не значит, что летописные записи не велись в более раннее время. Возможно, они появились еще в X в. при киевской Десятинной церкви. Однако своды — большие летописные компиляции, включавшие отдельные летописные записи, произведения литературы и фольклора,— возникают лишь в XI в.[71]

В дальнейшем летописание охватывает все новые и новые центры. Скрупулезное сопоставление текстов Ипатьевской и Лаврентьевской летописей за XII столетие (после «Повести временных лет») позволило А. Н. Насонову прийти к выводу об отражении в Лаврентьевской летописи киевского летописного свода более ранней редакции, чем в Ипатьевской летописи, хотя этот киевский источник и дошел в сокращенном виде по сравнению со сводом, сохранившимся в Ипатьевской летописи[72]. Сокращение было сделано в Переяславле Южном, летописание которого в значительной степени было основано на киевских сводах. Позднее переяславский свод с киевской основой был использован на Северо-Востоке при создании свода времен Андрея Боголюбского. Объяснение происхождения южнорусских известий XII в. Лаврентьевской летописи позволило А. Н. Насонову решить вопрос и о черниговских известиях Ипатьевской летописи, которые, как оказалось, были соединены с киевскими и переяславскими текстами не ранее конца 50-х годов XII в.[73] Сложный текстологический анализ, проведенный исследователем, в основном безупречен. Кажется, есть только один момент, вызывающий сомнение. Под 6635 г. в Лаврентьевской летописи дважды упоминается Курск как владение Ярополка Переяславского[74]. Таких упоминаний нет в Ипатьевской летописи[75], и Арсений Николаевич решил, что указание на Курск вставлено в Переяславле при обработке киевского источника[76]. Но наблюдение над текстом Ипатьевской летописи показывает[77], что были сделаны не вставки в Лаврентьевскую, а изъятия из Ипатьевской летописи, причем пропуски эти не случайны. Очевидно, в период княжения в Киеве черниговских князей, претендовавших на Курск, в киевском летописании постарались устранить упоминания о принадлежности спорного города Переяславлю.

---

[71] *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 20, 32, 45.
[72] Там же, стр. 97, 99, 101.
[73] Там же, стр. 107.
[74] ПСРЛ, т. I, вып. 1, изд. 2. Л., 1926, стб. 296 и 298.
[75] Там же, т. II, изд. 2. СПб., 1908, стб. 291 и 292.
[76] *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 98.
[77] Это особенно ясно чувствуется в первом случае, где в Ипатьевской летописи оборвана фраза: «Ярополци бо бяху посадничи...» (ПСРЛ, т. II, стб. 291).

К весьма ценным результатам пришел А. Н. Насонов, определяя текст южнорусского источника свода Феодосия-Филиппа, т. е. общего источника свода 1479 г. и Ермолинской летописи [78]. Восстановив текст свода 1479 г. по Эрмитажному списку этого свода и Уваровскому списку свода конца XV в., А. Н. Насонов извлек из реконструкции все те известия, которые могли восходить к Софийской I, Новгородской IV или Троицкой летописям [79], т. е. к источникам не южнорусским. В результате столь сложной работы обнаружилась нить известий, отсутствующих в указанных летописях и повествующих о событиях в Южной Руси. Сравнение показало, что южнорусский источник свода Феодосия-Филиппа был близок Ипатьевской летописи, в то же время несколько отличаясь от нее [80]. Так было доказано существование южнорусского свода XII в. в редакции, отличной от известной по Ипатьевской летописи. Как справедливо указал в свое время Д. С. Лихачев, результат работы А. Н. Насонова позволяет определить и источник галицко-волынских статей XII в. Ипатьевского свода [81]. Эта задача еще ждет своего текстологического решения.

Изучая свод 1479 г. в его связи с другими летописными памятниками, А. Н. Насонов сделал важное открытие относительно основного источника Ермолинской летописи. Ранее считалось, что текст этой летописи примерно до 1425 г. представляет собой сокращение Владимирского полихрона (свода митрополита Фотия), который сохранился фрагментарно в составе позднейшего летописания [82]. Сличение Московского свода 1479 г. с Ермолинской летописью, проведенное А. Н. Насоновым, показало, что основным источником Ермолинской летописи был общерусский митрополичий свод времен Феодосия-Филиппа [83]. Это не значит, конечно, что сама Ермолинская летопись — памятник митрополичьего летописания. Выборка из свода Феодосия-Филиппа могла быть сделана не только в Москве, но и в других центрах, в частности в Ростове, с которым А. А. Шахматов связывал появление протографа Ермолинской летописи. А. Н. Насонов продолжил работу А. А. Шахматова и показал, что Ермолинская летопись и в части после 1425 г. дает материал, относящийся к Ростовской епархии [84].

Все результаты, достигнутые ученым в его исследовании о судьбах русского летописания, явились плодом поистине титани-

---

[78] Публикуя свои выводы в 1961 г., А. Н. Насонов озаглавил работу «Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник». Название это неточно. Речь должна идти об одном из источников свода 1479 г.— митрополичьем своде 60—70-х годов XV в., куда впервые попал южнорусский материал.

[79] *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 279—281, 282—288.

[80] Там же, стр. 288, 289—293.

[81] *Д. С. Лихачев.* Текстология. М.— Л., 1962, стр. 359—360.

[82] *А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.— Л., 1938, стр. 149—150.

[83] *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 260—273.

[84] Там же, стр. 328—334.

ческой работы по кропотливейшему сличению между собой многочисленных летописных текстов. Арсений Николаевич никогда не позволял себе строить выводы и обобщения на основе выборочного сравнения, выхватывания отдельных кусков текста, которые подкрепляли бы априорную авторскую концепцию. Он всегда подчеркивал необходимость сплошного сопоставления текстов и постоянно указывал на опасность субъективных заключений, основанных на выборочном методе [85]. Проблемы происхождения отдельных летописных статей он всегда решал в плане единства частного и общего, записи и свода. Характерен в этом отношении его анализ рассказов об убиении Андрея Боголюбского, читающихся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Обычно оба рассказа рассматривались как две самостоятельные повести, механически вставленные в летописный текст. А. Н. Насонов очень тонко показал, что оба рассказа нельзя отрывать от истории сохранивших их сводов, в рассказах обнаруживаются те же редакционные дополнения, какие были характерны для сводов в целом [86]. Построенные на материале, идущие от показаний источника выводы А. Н. Насонова надолго сохранят точность и достоверность.

* * *

Книга «История русского летописания XI — начала XVIII века» не была закончена исследователем. Смерть пришла тогда, когда оставалось дописать несколько страниц заключения. А. Н. Насонов умер 23 апреля 1965 г. Из жизни ушел не только большой ученый, но и мягкий, сердечный человек, готовый всегда прийти на помощь, поделиться своими обширными знаниями. Светлая память об А. Н. Насонове сохранится в сердцах тех, кто знал его, а труды исследователя будут служить образцами тому, кто избрал в своей жизни нелегкую профессию историка.

---

[85] *А. Н. Насонов.* История русского летописания..., стр. 17.
[86] Там же, стр. 144—158.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ А. Н. НАСОНОВА

1924

Князь и город в Ростово-Суздальской земле. — «Века. Исторический сборник», вып. 1. Пг., 1924, с. 3—27.

1926

Юсуповские вотчины в XIX веке. — «Доклады АН СССР», серия В, январь — февраль 1926, Л., с. 1—4.

Из истории крепостной вотчины XIX века в России. — «Известия АН СССР», VI серия, 15 апреля — 1 мая, № 7—8. Л., 1926, с. 499—526.

Летописные своды Тверского княжества. — «Доклады АН СССР», серия В, ноябрь — декабрь 1926, Л., с. 125—128.

1928

Хозяйство крупной вотчины накануне освобождения крестьян в России. — «Известия АН СССР», серия VII, № 4—7. Л., 1928, с. 343—374, табл.

1929

Рецензия на книги Ф. В. Баллода: «Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды» и «Приволжские «Помпеи»». — «Zeitschrift für slawische Philologie», Leipzig, 1929, Bd. V, Doppelheft 3/4, S. 494—498.

1930

Летописные памятники Тверского княжества. — «Известия АН СССР», Отделение гуманитарных наук, 1930, № 9, с. 709—738; № 10, с. 739—773.

1936

О неизданной рукописи А. А. Шахматова: Обозрение летописных сводов. — В кн.: «Проблемы источниковедения», сб. II. М.—Л., 1936, с. 279—298.

1937

Летописные памятники Пскова. — «Историк-марксист», 1937, № 5—6 с. 271—272.

1939

Полководец Димитрий Донской (Из истории нашей Родины). — «Вечерняя Москва», 27 мая 1939 г.

1940

Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.— Л., 1940, 178 с.

Рец.: «Исторический журнал», 1941, № 1, с. 148; *Бержовский В.*— газ. «Рабочий край», Иваново, 18 января 1941 г.; *Vernadsky G.* — «The Slavonic Year-Book», Menasha. Wisconsin, 1941, p. 363—364.

Татарское иго на Руси в освещении М. Н. Покровского.— В сб.: «Против антимарксистской концепции Покровского», ч. 2. М.—Л., 1940. с. 59—90.

Тмуторокань в истории Восточной Европы X века. — «Исторические записки», т. 6, 1940, с. 79—99.

Рец.: *И. Б.*—«Историк-марксист», 1940, № 11, с. 153.

1941

Приготовил к печати: «Псковские летописи», вып. I. М.– Л., 1941, 147 с.

Рец.: «Вестник АН СССР», 1941, № 11—12, с. 78; «Исторический журнал», 1941, № 6, с. 143; *Hellmann M.*—«Jahrbuch für Geschichte Osteuropas», Wiesbaden, 1962, Bd. 10, Heft 3, S. 313 (вып. I—II).

1945

О русском областном летописании. — «Известия АН СССР». Серия истории и философии, 1945, т. 2, № 4, с. 290–292.

1946

Из истории псковского летописания. — «Исторические записки», т. 18, 1946, с. 255—294.

Рец.: *Новицкий Г. А.*—«Советская книга», 1947, № 7, с. 58.

1950

Под ред. и с предисловием: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.

Рец.: *Лихачев Д. С.*—«Вопросы истории», 1951, № 5, с. 106—109; *Шаскольский И. П.*—газ. «Новгородская правда», 19 апреля 1953 г.; *Jablonowski H.*—«Historische Zeitschrift», München, 1955, Bd. 180, N 1, S. 124; *Johansen P.*—«Hansische Geschichtsblätter», Köln — Graz, 1952, Jg. 71, S. 197; *Łowmianski H.*—«Kwartalnik Historyczny», Warszawa — Kraków, 1953, r. 60, N 3, s. 233—243.

1951

О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи.— «Вопросы истории», № 2, 1951, с. 89—91. (Совместно с А. А. Зиминым.)

«Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951, 260 с.

Рец.: *Шаскольский И. П.*—«На рубеже», 1952, № 4; *Пашуто В. Т.*—«Вопросы истории», 1953, № 8; *Jablonowski H.*—«Historische Zeitschrift», München, 1955, Bd. 180, N 1, S. 133; *Martinka I.*—«Geografický časopis», Bratislava, 1954, r. 6, N 1—2, s. 108—110.

Рец. на кн.: «Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец)». Подготовила к печати К. Н. Сербина. М.– Л., 1950, 127 стр. – «Вопросы истории», 1951, № 3, с. 114—115.

1953

Владимиро-Суздальское княжество.– В кн.: «Очерки истории СССР». Период феодализма. IX–XIII вв. М., 1953, гл. 3, § 4а, с. 320–334.

Знание и просвещение.– В кн.: «Очерки истории СССР». Период феодализма. IX–XIII вв. М., 1953, гл. 3, § 5б, с. 463–471.

Образование феодальных княжеств и республик и судьба Киевской земли [раздел о территории княжеств]. — В кн. «Очерки истории СССР». Период феодализма. IX–XIII вв. М., 1953, гл. 3, § 3, с. 310–320.

Новгородская и Псковская феодальные республики в XIV–XV вв. [текст о Пскове]. — В кн.: «Очерки истории СССР». Период феодализма. XIV–XV вв. М., 1953, гл. 1, § 7, с. 167–191. (Совместно с С. В. Бахрушиным, Л. В. Даниловой и Г. Е. Кочиным.)

Образование территории Русского централизованного государства. — В кн.: «Очерки истории СССР». Период феодализма. XIV–XV вв. М., 1953, гл. 1, § 5, с. 132—143. (Совместно с К. В. Базилевичем, С. В. Бахрушиным, Г. Е. Кочиным, Л. В. Черепниным.)

Русская культура и быт XIV—XV вв.— В кн.: «Очерки истории СССР», Период феодализма. XIV—XV вв. М., 1953, гл. 3, с. 334—409. (Совместно с К. В. Базилевичем, Н. А. Баклановой, С. В. Бахрушиным, И. У. Будовницем, Э. В. Померанцевой и Л. В. Черепниным.)

1954

Завоевание Туркмении Монгольским государством и установление монгольского ига. — В кн.: «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.» Ашхабад, 1954, с. 134—160.

К вопросу об образовании древнерусской государственной территории (Ответ на рецензию В. Т. Пашуто.— «Вопросы истории», 1953, № 8).— «Вопросы истории», 1954, № 12, с. 111—113.

Ред.: Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954. (Совместно с А. Каррыевым, В. Г. Мошковой, А. Ю. Якубовским.)

1955

Летописный свод XV века (по двум спискам). — В кн.: «Материалы по истории СССР», вып. 2. М., 1955, с. 273—321.

Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — В кн.: «Проблемы источниковедения», вып. IV. М., 1955, с. 243—285.

Редактор и составитель: «Псковские летописи», вып. II. М., 1955, 326 с.

Рец.: *Assmann E.*—«Hansische Geschichtsblätter». Köln — Gras, 1956, Jg. 74, S. 205
Stöhl G.—«Jahrbuch für Geschichte Osteuropas», 1958, Bd. 6, Heft 4, S. 470.

Рост общественного разделения труда и развитие внутреннего рынка.— В кн.: «Очерки истории СССР». Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в. М., 1955, гл. I, § 4, с. 62—80.

Углубление процесса общественного разделения труда и складывание предпосылок всероссийского рынка.— В кн.: «Очерки истории СССР». Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в. М., 1955, гл. II, § 4, с. 249—261.

Ред.: «Очерки истории СССР». Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в. М., 1955. (Совместно с Л. В. Черепниным и А. А. Зиминым.)

Ред.: «Проблемы источниковедения», вып. IV. М., 1955. (Совместно с А. А. Новосельским и В. К. Яцунским.)

1956

Ред.: «Проблемы источниковедения», вып. V. М., 1956. (Совместно с А. А. Новосельским.)

1958

Материалы и исследования по истории русского летописания.— В кн.: «Проблемы источниковедения», вып. VI. М., 1958, с. 235—274.

О тверском летописном материале в рукописях XVII в. — В кн.: «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, с. 26—40.

Ред.: «Проблемы источниковедения», вып. VI. М., 1958. (Совместно с А. И. Андреевым и А. А. Новосельским.)

1959

Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием Древнерусского государства. — В кн.: «Проблемы источниковедения», вып. VII. М., 1959, с. 416—462.

Рец.: *Poppe A.*—«Studia Źródloznawcze», 1961, t. VI, s. 171—172.

Об отношении летописания Переяславля Русского к киевскому (XII в.).— В кн.: «Проблемы источниковедения», вып. VIII. М., 1959, с. 466—494.

Ред.: «Проблемы источниковедения», вып. VII. М., 1959. (Совместно с А. И. Андреевым и А. А. Новосельским.)

Ред.: «Проблемы источниковедения», вып. VIII. М., 1959. (Совместно с А. И. Андреевым и А. А. Новосельским.)

1961

Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник. — В кн.: «Проблемы источниковедения», вып. IX. М., 1961, с. 350—385.

Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись. — В кн.: «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961, с. 218—222.

Ред.: «Проблемы источниковедения», вып. IX. М., 1961. (Совместно с А. А. Новосельским.)

1962

Малоисследованные вопросы ростово-суздальского летописания XII века. — В кн.: «Проблемы источниковедения», вып. X. М., 1962, с. 349—392.

Новые источники по истории Казанского взятия. — В кн.: «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, с. 3—26.

Отв. ред. кн.: Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962, 289 с.

Отв. ред. кн.: «Полное собрание русских летописей», т. XXVII. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.— Л., 1962, 417 с.

Рец.: «Исторический архив», 1962, № 5, с. 207; *Лимонов Ю. А.*—«Вопросы истории» 1963, № 6, с. 133—135; *Лурье Я. С.*—«История СССР», 1964, № 6, с. 118—131; *Nesteruk K.*—«Studia Źródloznawcze», 1964, t. IX, s. 170—171.

Ред.: «Проблемы источниковедения», вып. X. М., 1962. (Совместно с А. А. Новосельским.)

1963

Лаврентьевская летопись и владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в.— В кн.: «Проблемы источниковедения», вып. XI. М., 1963, с. 429—480.

Ред.: А. А. Гераклитов. Филиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, 259 с. (Совместно с А. А. Новосельским.)

Ред.: «Проблемы источниковедения», вып. XI. М., 1963. (Совместно с А. А. Новосельским.)

Сост.: «Правда Русская», т. III. М., 1963. (Совместно с Н. А. Баклановой, А. А. Зиминым, А. А. Новосельским и Л. В. Черепниным.)

1969

История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969, 555 с. (посмертное издание).

***Рец.*: *Буганов В. И.*—«Новый мир», 1971, № 1, с. 270—273.**

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ИЛАРИОНА В НАЧАЛЬНОМ ЛЕТОПИСАНИИ

Н. Н. Розов

Предположение об участии Илариона в начальном русском летописании напрашивается само собой. Он имел касательство к основанию Киево-Печерского монастыря: именно в его пещере, опустевшей после назначения Илариона на пост главы русской церкви, поселился Антоний Печерский. Логично предположить, что после своего удаления с кафедры Иларион вновь оказался в пещере, но на сей раз среди братии Печерского монастыря. Вероятнее всего, именно о нем говорит Нестор в «Житии Феодосия Печерского»: «Многажды же великому Никону седящу и строащу книгы и блаженому [Феодосию] въскрай его седящю и прядущу вервие еже на потребу таковому делу» [1]; «И се еще ми исповеда единь от братиа, именем Ларион, глаголя...» [2]; «И се пакы тъи же чрънориzець Ларион исповеда ми. Беяше бо книгам хитр писати, и съи по вся дьни и нощи писаше книгы в келии блаженнаго отца нашего Феодосиа, оному же Псалтырь поющу усты тихо и рукама прядуща вълну или ино кое дело делающу» [3].

В приведенных цитатах Нестор очень точно определяет долю участия каждого из трех названных им лиц в производстве книги. Феодосий — настоятель монастыря — делает самую неприметную и черновую работу, и этим еще раз подчеркивается его смирение; сидевший рядом Никон «строил» книги, т. е., вероятно, сшивал их из отдельных тетрадей и переплетал [4], а Иларион занимался самым важным — писал книги. Из этой характеристики Никона и Илариона их современником можно предположить, что именно так, из различных тетрадей, мог составить в какой-то мере и на известном этапе Никон свой летописный свод [5].

---

[1] *Д. И. Абрамович.* Киево-Печерський патерик. Київ, 1931, стр. 46.
[2] Там же, стр. 48.
[3] Там же, стр. 49.
[4] Из многочисленных значений глагола «строити», приведенных в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (т. III, стб. 554—556), здесь более всего подходит «изготовлять».
[5] Исследователи Начальной русской летописи, подчас весьма убедительно определяющие ее «слои» и «швы», почти не привлекают к своим доказательствам палеографические, точнее — кодикологические данные. Если попробовать подсчитать, какое количество листов и тетрадей мог занимать тот или иной «слой», то можно было бы еще более убедительно объяснить некоторые «швы». Распространение в древнерусской рукописной книжнос-

В свое время А. А. Шахматовым был отмечен «ряд общих мест» между «Повестью временных лет» и «Словом о законе и благодати»,— которых, по его словам, «так много, что это нельзя объяснить случайностью» [6]. Д. С. Лихачев в своей докторской диссертации увеличил число и провел текстуальные сопоставления таких «общих мест» [7]. Говоря о гипотетическом «Сказании о распространении христианства на Руси», следы которого обнаруживаются им в «Повести временных лет», Д. С. Лихачев пишет: «И «Слово» Илариона, и «Сказание» основываются на общем материале выдержек из «Священного писания». Можно было бы подумать, что совпадения эти случайны, если бы цитатный материал не был сопровожден одинаковыми замечаниями у Илариона и у автора «Сказания»» (стр. 148). Приводя примеры такого «общего цитатного материала», Д. С. Лихачев отмечает, что он содержится в «Слове» и «Сказании» «в одинаково свободной передаче». Но такая «свободная передача» наблюдается не только в цитатных, но и в других текстуальных совпадениях, отмеченных Д. С. Лихачевым. И если вопрос о совпадении цитат требует более глубокого изучения (с привлечением языковых данных древнейших русских списков цитируемых библейских книг), то сравнение нецитатных совпадений можно провести по древнейшему, Лаврентьевскому, списку «Повести временных лет» и по единственному сохранившемуся списку первоначальной, полной редакции «Слова о законе и благодати».

Вот несколько таких примеров, приводимых Д. С. Лихачевым [8].

«Повесть временных лет»	«Слово о законе и благодати»
«Разъгнѣвася богъ на отци наши и расточи ны по странамъ грѣхъ ради наших и предана бысть земля наша хрестеяномъ» (85—86).	«И отгнани быша июдеи и расточени по странам и чяда благодѣтьная христиании наслѣдници быша богу и отцу» (155—156).
«И посла на ня римляны, грады ихъ разбиша и самы расточиша по странам» (87).	«Пришедъше бо римляне плѣниша Иерусалим и разбиша до основаниа его... и расѣяни быша иудеи по странам» (160).

ти способа «монтировки» текста книг и отдельных произведений из различных, часто разновременных тетрадей свидетельствуется сборниками-конволютами.

[6] *А. А. Шахматов.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 417—418.

[7] Диссертация в сокращенном виде была издана: *Д. С. Лихачев.* Русские летописи и их культурно-историческое значение (М.— Л., 1947). С любезного разрешения автора я пользуюсь диссертацией, так как текстуальные сопоставления в указанную книгу не вошли (ИРЛИ АН СССР, Р 1, оп. 49, № 20/1; в скобках указаны листы этой машинописи).

[8] Он пользовался старым изданием сочинений Илариона. В настоящее время есть возможность пользоваться новейшим изданием (*Н. Н. Розов.* Сино-

Так, почти в одинаковых выражениях рассказывается о судьбе евреев в обоих памятниках; только в «Повести временных лет» они говорят сами, от первого лица, или о них говорят греки, а в «Слове о законе и благодати» о них говорит автор.

Большего количества и более убедительных совпадений естественно ожидать в изложении событий русской истории; и эти ожидания вполне оправдываются. Возьмем, например, несколько цитат из тех мест обоих памятников, где рассказывается о крещении Руси:

«Сде же мняшеся окаяныи: яко сде ми есть жилище, сде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли» (83).

«Сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ» (118).

«Аще и тѣлом апостоли не суть [сдѣ и] были, но ученья ихъ аки трубы гласять по вселенѣи» (83).

«Не видѣ апостола пришедша в землю твою... не видѣ бѣс изъгоним именемь Исус Христовом... Сих всѣх не видѣв, како убо вѣрова» (166).

«Тогда тма бѣсослуганиа погыбе» (165) [9].

«Апостольскаа труба... вси грады огласи» (165).

И опять, если в «Повести» — прямая речь (на сей раз от имени «диавола»), то в «Слове» — авторский пересказ, но тех же мыслей и в сходных выражениях.

Следующие два примера относятся к описанию некоторых конкретных, бытовых сторон деятельности князя Владимира.

«Володимиръ посла по всему граду, глаголя: аще не обрящеться кто [заутра на] рѣцѣ богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ — противенъ мнѣ да будеть» (117).

«Устрои же и се, рек яко немощнии и болнии не могуть долѣсти двора моего, повелѣ пристроити кола [и] въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь разноличныи, медъ въ бчелках, а въ другых квасъ возити по городу въпрашающим: «Кде болнии и нищь не могы ходити?» — Тѣмъ раздаваху на потребу» (125—126).

«И всѣм быти христианом — малыим и великыим, рабом и свободныим, уныим и старыим,... богатыим и убогыим» (165).

«Кто исповѣсть многыа твоа нощныа милостыня и дневныа щедроты яже к убогыим творяаше, к сирыим болящиим, к должныим, к вдовам и к всѣмь требующим милости» (166).

«Просящиим подаваа, нагыа одѣваа, жадныа и алъчныа насыщая, болящиим всяко утѣшение посылаа» (167).

Если в первых приведенных цитатах из «Повести» и «Слова» можно отметить даже лексические совпадения, то в других дело обстоит сложнее: здесь нет ни текстуальных, ни лексических

дальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в.—«Slavia», XXXII. Praha, 1963, стр. 141—175). По этому изданию и приводятся цитаты, отмеченные Д. С. Лихачевым; цифры после цитат (в скобках) означают номера страниц названного издания и первого тома ПСРЛ (изд. 2. Л., 1926—1928).

[9] Этого примера у Д. С. Лихачева нет, но его можно также привести, так как речь идет о том же — о «служении бесу».

совпадений. И разница между ними объясняется различием жанров двух этих произведений. В «Слове о законе и благодати» — произведении «высокого жанра» ораторского искусства — просто не могло быть тех поражающих своим конкретным бытовизмом деталей, какие есть в летописи. Авторы обоих сравниваемых произведений могли слышать рассказы об описываемых событиях от их участников и очевидцев, переданные всего лишь через одно поколение. Но если летописец передает эти события с предельной конкретностью, вплоть до воспроизведения речей действующих лиц, то оратор этого сделать никак не мог. Поэтому он и ограничился кратким, книжным по стилю описанием событий, а не их картинным воспроизведением.

Однако, несмотря на различие жанров, близость содержания «Повести временных лет» в части, относящейся к описанию событий крещения Руси, со «Словом о законе и благодати» подтверждается не только сопоставлением цитат. Приведем еще один пример из летописи:

«Благословенъ господь Исус Христос, иже възлюби новыя люди Рускую землю и просвѣти ю крещеньем святымь... (далее идет пространная молитва, почти целиком составленная из библейских цитат.— *Н. Р.*) ... господь в вѣкы пребываеть хвалимъ от русьскых сыновь, пѣваем въ троици, а дѣмони проклинаеми от благовѣрных мужь и от вѣрных жен, иже прияли суть крещенье и покаяньо въ отпущенье грѣхов, новии людье хрестьяньстии избрании богомь» (119—121). Но ведь это же — пересказ основного идейно-политического содержания первой части «Слова о законе и благодати», пересказ с заимствованием отдельных мыслей и выражений из различных мест этой части, что свидетельствует о знании ее летописцем целиком, а не в выдержках и цитатах.

Не хуже знал летописец и вторую часть «Слова о законе и благодати», где характеризуется деятельность Владимира и Ярослава. «Одинаковость» их характеристик отмечает и Д. С. Лихачев, причем он указывает на полное совпадение «последовательности перечисления построек Ярослава» в летописи и в «Слове», а также подробностей украшения Софийского собора. «Особенно разительным» считает он «совпадение символического толкования посвящения благовещению церкви на Золотых воротах Киева» [10]. Заключительный вывод Д. С. Лихачева вкратце можно сформулировать так: считая, что нельзя установить ни зависимости «Сказания о распространении христианства на Руси» от «Слова о законе и благодати» ни обратного влияния, он приходит к выводу, что «автором обоих произведений было одно лицо — Иларион или тесный круг ярославовых книжников» [11].

Мне кажется, что для второй части этой альтернативы можно предположить и другой «узкий круг», точнее «треугольник», обо-

---

[10] *Д. С. Лихачев.* Русские летописи..., стр. 69.
[11] Там же, стр. 70.

значенный в приведенной в начале статьи цитате из «Жития Феодосия Печерского». В колыбели русского летописания — в Киево-Печерском монастыре,— несомненно, обсуждались и осмыслялись еще не стершиеся в памяти события времен князя Владимира. Нетрудно предположить, что осмыслялись эти события преимущественно с точки зрения провиденциализма — как они отразили и оправдали предсказания библейских книг. Отсюда — то обилие библейских цитат в соответствующей части «Повести временных лет» и в «Слове о законе и благодати». А если еще вспомнить, что в келье, где работали, по словам летописца Нестора, Иларион и Никон, Феодосий пел наизусть Псалтирь, то станет понятным и обилие цитат именно из этой книги Ветхого завета.

Нет нужды обязательно считать Илариона автором и «Слова о законе и благодати» и гипотетического «Сказания о распространении христианства на Руси» прежде всего потому, что «Сказание» так и остается памятником предполагаемым, с неочерченным еще кругом его идейно-политического содержания, а «Слово» — реально существующее литературное произведение. Важно отметить идейную близость и текстуальные совпадения этих двух произведений, свидетельствующие об их происхождении в одно время и из одной творческой среды.

Русская летопись и сочинение Илариона (принадлежность ему «Слова о законе и благодати» считается в настоящее время бесспорной), появившись одновременно и в одном месте, еще долго существовали в связи друг с другом. Когда, например, составителю Ипатьевской летописи понадобились достойные слова для похвалы князю Владимиру Васильковичу, он обратился к заключительной части «Слова о законе и благодати». Когда какому-то книжнику показалось недостаточно цитат из библейских пророческих книг в «Слове», он вставил в него кусок из «Повести временных лет» — оттуда, где рассказывается о распространении христианства на Руси, и так получилась третья, интерполированная редакция этого произведения [12]. Однако других случаев включения летописных отрывков в «Слово о законе и благодати» неизвестно, и взаимоотношение его с летописью продолжало оставаться, вероятно, таким же, каким было изначала: «Слово» питало летописание, а не наоборот. И так продолжалось в русской историографии вплоть до XVI в. Последние отзвуки «Слова о законе и благодати» находятся в Степенной книге [13] и в Казанской истории [14].

---

[12] О редакциях и списках «Слова о законе и благодати» см.: *Н. Н. Розов.* Рукописная традиция «Слова о законе и благодати».— ТОДРЛ, т. XVII. М.— Л., 1961, стр. 42—53.

[13] *Н. Н. Розов.* Похвальное слово великому князю Василию III.— «Археографический ежегодник за 1964 год». М., 1965, стр. 278—289.

[14] *А. Б. Никольская.* Слово митрополита киевского Илариона в позднейшей литературной традиции.— «Slavia», VII. Praha, 1928—1929, стр. 3—4.

Но только ли «Словом о законе и благодати» послужил Иларион русскому летописанию? Можно предположить, что именно через него могли стать известными печерским летописцам и некоторые произведения переводной историографии, использованные в «Повести временных лет». Он был живым связующим звеном между книжниками Ярославовой библиотеки, переводившими довольно широкий по тематике круг произведений, и книжниками Киево-Печерского монастыря — первыми русскими историографами. Другое лицо, которому можно было бы приписать такую роль, назвать затруднительно.

Итак, есть все основания (свидетельство Нестора и данные текстологических сопоставлений) признать Илариона, наравне с Никоном и Нестором, одним из основоположников русской историографии. Для этого вовсе нет нужды отождествлять его с Никоном, как это делает М. Д. Приселков [15]. Оба эти знаменитые и старейшие русские книжники внесли каждый свою долю в русское летописание: Никон, «строивший» книги, а Иларион — как автор и «поставщик» историографических произведений, использованных при составлении «Повести временных лет».

---

[15] *М. Д. Приселков.* Митрополит Иларион — в схиме Никон как борец за независимую русскую церковь.— «Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову». СПб., 1911; *он же.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 183. А. В. Королев в рецензии на эту книгу указывает на каноническую невозможность превращения архиерея в схимника с сохранением сана священника (ЖМНП, 1914, октябрь, стр. 397) — одного из основных положений гипотезы М. Д. Приселкова. Но ведь в приведенных в начале статьи выписках из «Жития Феодосия Печерского» летописца Нестора говорится об Иларионе и Никоне как о *разных* лицах! Это достоверное свидетельство современника было упущено М. Д. Приселковым.

СКАЗАНИЕ ОБ АПОСТОЛЕ АНДРЕЕ И ЕГО МЕСТО В НАЧАЛЬНОЙ ЛЕТОПИСИ

А. Г. Кузьмин

На одной из первых страниц Начальной летописи, т. е. «Повести временных лет», помещен рассказ о путешествии апостола Андрея из Корсуня в Рим через Русскую землю. Легенда неоднократно привлекала внимание исследователей и вызывала разноречивые суждения. Это и не удивительно, если учесть, что спорными остаются два вопроса, без решения которых не может быть достаточно полно уяснено содержание текста: когда предание возникло и было записано и когда оно было включено в летопись.

В настоящее время в историко-филологической литературе наиболее популярна шахматовская схема истории сложения древнейших летописных памятников. Согласно этой схеме, практически все летописание рассматривается в качестве дерева, ветви которого идут от единственного ствола. Этапы летописной работы при таком подходе рассматриваются как периодические пополнения и переработки практически одного и того же предшествующего материала. В центре схемы А. А. Шахматова — Новгородская I летопись, начальную часть которой ученый датировал 1095 г. (так называемый Начальный свод). Материал «Повести временных лет», не находящий параллелей в Новгородской летописи, обычно распределяется по редакциям 1113 г. (по мнению А. А. Шахматова — основной текст, принадлежащий Нестору), 1116 г. (Сильвестра), 1118 г. (летописца, близкого Мстиславу Владимировичу).

Легенда об апостоле Андрее находится среди вводных статей, не имеющих параллели в Новгородской I летописи. В шахматовской схеме письменная история ее не могла начинаться ранее времени составления «Повести временных лет». Сам А. А. Шахматов связывал ее именно с Нестором [1]. М. Д. Приселков, Д. С. Лихачев и с оговорками Б. А. Рыбаков отнесли включение легенды к Сильвестру [2], И. И. Малышевский и А. Д. Седельников — к середине XII в., а Е. Е. Голубинский — даже к еще более позднe-

---

[1] *А. А. Шахматов.* «Повесть временных лет» и ее источники.— ТОДРЛ, т. IV. М.— Л., 1940, стр. 29, 149—150.

[2] *М. Д. Приселков.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 162; *Д. С. Лихачев.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947, стр. 170; *Б. А. Рыбаков.* Древняя Русь. Сказания — былины — летописи. М., 1963, стр. 226, 284.

му времени [3]. Только А. Л. Погодин допускал, что сказание вошло в летопись уже в XI в.[4] Но это положение не подкреплялось анализом текста и, возможно, поэтому не привлекло должного внимания. А М. Х. Алешковский, сославшись на эту работу, не придал значения ее основным выводам, связывая предание с «третьей» редакцией [5].

Если по вопросу о времени письменного оформления сказания мнения существенно расходятся, то относительно времени появления самой легенды больше единодушия: оно определяется периодом правления Всеволода и Владимира Мономаха. Обычно указывается, что в 1086 г. Всеволод создал Андреевский монастырь и что сам он носил имя этого апостола. Наблюдения эти вполне естественны. Необходимо только учитывать, что Всеволод родился в 1030 г. и, очевидно, тогда же получил второе, христианское имя. Следовательно, если отмеченным фактам придавать датирующее значение, существование устного предания должно быть отнесено к более раннему времени.

Само собой разумеется, что Сказание об апостоле Андрее не имеет под собой реального содержания. Но примечательно, что существовали греческие апокрифические сказания, по которым апостол Андрей «просвещал» Причерноморье и, в частности, Скифию [6]. Уже в конце VIII — начале IX в. бытовали предания об Андрее в припонтских областях: Синопе, Босфоре, Керчи, Феодосии и др. [7] К концу X — началу XI в. относятся греческие сказания о трех учениках Андрея, замученных в Скифии местным правителем [8]. В XI в. возникает грузинское сказание об апостоле [9]. Естественно, что с распространением христианства и на Руси создаются свои варианты легенд. В. Г. Васильевский предложил интересное обоснование того, что Всеволод Ярославич был адресатом византийского императора Михаила VII Дуки, в письме которого, между прочим, говорилось о том, «что одно и то же спасительное слово было распространено в обоих, что одни и те же

---

[3] *И. И. Малышевский.* Сказание о посещении русской страны св. апостолом Андреем. — «Владимирский сборник. В память девятисотлетия крещения России». Киев, 1888, стр. 32—34; *А. Д. Седельников.* Древняя киевская легенда об апостоле Андрее.—«Slavia». III. Praha, 1924—1925, стр. 316—335; *Е. Е. Голубинский.* История русской церкви, т. I, 1-я пол. М., 1880, стр. 6, прим. 1.

[4] *А. Л. Погодин.* Повесть о хождении апостола Андрея в Руси.— «Byzantinoslavica», VII. Praha, 1937—1938, стр. 142—145.

[5] *М. Х. Алешковский.* Первая редакция Повести временных лет.— «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969, стр. 34. Автор рассматривает шахматовский Начальный свод в качестве основной редакции «Повести временных лет», относя ее составление к 1115 г., а последующие переработки ограничивает вмешательством «редактора» 1119 г.

[6] *В. Г. Васильевский.* Труды, т. II, вып. 1. СПб., 1909, стр. 213—295 (Хождение ап. Андрея в стране миромидонян) и др.

[7] *И. И. Малышевский.* Указ. соч., стр. 8—9.

[8] Там же, стр. 10—11.

[9] Там же, стр. 9—10; *И. А. Джавахов.* Проповедническая деятельность ап. Андрея и св. Нины в Грузии.— ЖМНП, 1901, январь.

самовидцы божественного таинства и вещатели провозгласили в них слово евангелия»[10]. Если это соображение справедливо, то мы получим время, когда легенду готовы были признать в Византии: это 70-е годы XI столетия[11].

Так или иначе, весьма вероятно, что в середине XI в. легенда об апостоле Андрее уже бытовала на Руси. Но, разумеется, летописец мог пользоваться устным преданием, и лишь с момента включения в летопись начиналась его письменная история. Поскольку параллельных текстов, содержащих иные варианты легенды и близко хронологически стоящих к «Повести временных лет», в настоящее время нет, остается единственный путь анализа летописного сказания: уяснение его содержания и отыскание внутренних связей его с другими летописными текстами.

Автору настоящей статьи неоднократно приходилось высказывать сомнение в обоснованности положения о первичности начальной части Новгородской I летописи по сравнению с введением «Повести временных лет». В Новгородской I летописи, несомненно, использованы весьма ранние письменные источники, но введение «Повести временных лет» не является простым распространением текста Начального свода. Летописание вообще не сводилось к единой традиции, к последовательному наслоению материала на одну и ту же основу. С самого начала параллельно развиваются самостоятельные традиции, которые могут пересекаться и влиять друг на друга и могут оставаться изолированными[12]. «Излишний» по сравнению с Новгородской I летописью материал «Повести временных лет» обязательно должен быть рассмотрен с точки зрения его содержания, поскольку иных путей установления времени его возникновения попросту нет. Сказание об апостоле Андрее — один из важных и достаточно выразительных в этом плане сюжетов.

Следует подчеркнуть, что этнографическое введение «Повести временных лет» неоднородно, причем не только в силу его компилятивности[13], но и по причине неоднократного редактирования. Начальная летопись в заголовке ставила вопрос: «откуду пошла Русская земля». В статье 6360 г. говорится о первом упоминании «Руси». Однако на поставленный вопрос она не отвечает. Какой-то

---

[10] *В. Г. Васильевский.* Труды, т. II, вып. 1, стр. 11.

[11] Мнение В. Г. Васильевского оспаривается М. В. Левченко (ср. *М. В. Левченко.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 407—418). Однако автор не рассмотрел аргументы В. Г. Васильевского во всем их объеме, а также не учел специфики положения на Руси после смерти Ярослава, когда старшие Ярославичи стали фактически независимыми правителями.

[12] Авторская концепция изложена в ряде опубликованных и пока еще не опубликованных работ. Ср., например: *А. Г. Кузьмин.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969; *он же.* Древнерусские исторические традиции и идейные течения XII века.— «Вопросы истории», 1971, № 10; и др.

[13] Это убедительно продемонстрировано Б. А. Рыбаковым (*Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 219—247).

ответ на вопрос должен был содержаться в недатированном введении, как это можно видеть, например, в Хронике Козьмы Пражского. Введение и действительно дает такой ответ. Но в нем нет ни однозначности, ни последовательности. К тому же в этой части имеются материалы, не связанные с основной сюжетной линией.

Вводная часть «Повести временных лет» начинается с сообщения о разделе земли тремя сыновьями Ноя после «потопа». По мнению А. А. Шахматова, этот раздел был составлен на основе Хроники Георгия Амартола и особого Хронографа. Здесь же оказывается обзор северных соседей Руси, а также западноевропейских народов. Далее сообщается о расселении славян, причем дается прямая ссылка на Сказание о славянской грамоте. От общего обзора летописец переходит к полянам, но текст его перебивается вставкой легенды об апостоле Андрее. Снова рассказ возвращается к полянам, и теперь сообщается о создании Киева. В летопись вводится полемический выпад против тех, кто отказывался признать княжеское достоинство Кия, а затем снова говорится о славянских княжениях и соседних народах, перечень которых выше уже приводился. Далее летописец снова напоминает о расселении славян по Дунаю, говорит о нашествии обров и опять возвращается к полянам. Но на сей раз рядом с полянами и древлянами оказываются радимичи и вятичи, ранее не упоминавшиеся. Здесь же сообщается о местах обитания дулебов, уличей и тиверцев. Следует описание обычаев племен, причем сначала сопоставляются только поляне и древляне, а затем описываются некоторые другие племена. Своеобразным комментарием служит извлечение из Хроники Амартола с прямой ссылкой на нее. Завершается этнографический обзор пересказом легенды о хазарской дани.

Библейским сюжетом о разделении земли между тремя сыновьями Ноя открываются многие средневековые хроники. Для русского летописца ближайшим образцом могла служить Хроника Георгия Амартола. Но в летописи соединены две хроники. А. А. Шахматов считал, что один летописец (Нестор) свел данные Хроники Амартола и Болгарского хронографа или Хронографа, однородного с Еллинским летописцем [14]. В. М. Истрин настаивал на двух этапах привлечения греческих хроник, связывая первый со временем около 1054 г. («Хронограф по великому изложению»), а второй — с работой Нестора [15].

Исследования А. А. Шахматова и В. М. Истрина показали, что тексты Хронографа и Хроники соединяются «чересполосно», причем краткая космографическая канва насыщалась материалами Хроники. М. Х. Алешковский справедливо заметил в этой связи, что привлечение краткого текста было бы нецелесообраз-

[14] [*А. А. Шахматов.*] Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916, стр. XXIII и 1—5 (текст) и др.

[15] *В. М. Истрин.* Замечания о начале русского летописания.— ИОРЯС, т. XXVI. Пг., 1923, стр. 68—70, и др.

ным, если бы в распоряжении летописца был сразу более распространенный текст [16]. Можно также отметить вслед за В. М. Истриным, что относительно поздними наслоениями являются *все* буквальные заимствования из Хроники. Очевидно, мы имеем дело именно с двумя последовательно работавшими летописцами.

Разграничение материала между Хронографом и Хроникой не может быть произведено с абсолютной точностью, так как текст Хронографа восстанавливается предположительно, а восходит он в конечном счете, возможно, к той же Хронике. Но первый летописец был, очевидно, более динамичен и целенаправлен. Он начинал изложение не с «сотворения мира», а с разделения земель после «потопа» и давал эту вводку как фон для определения места Руси в мировой системе стран и народов. Извлечения же из Хроники несколько затушевывали эту идею, поскольку задача византийских хронистов была иная: показ преемственности генеральной линии мирового исторического процесса «от Адама» до византийских императоров.

Весьма противоречив переход летописца от космографического обозрения к основной теме своего сочинения. Как справедливо заметил А. Н. Насонов, трудность для древнего автора заключалась в том, что «ни у Амартола, ни в Хронографе он не находил, конечно, названий славянских стран, расположенных на Восточно-Европейской равнине» [17]. Между тем в перечне стран, доставшихся Афету, после «Илюрика» названы «Словене». Источник в данном случае может быть определен с абсолютной точностью: отсюда выводило славян Сказание о славянской грамоте. Логическое развитие рассказа предполагало за описанием стран сообщение о «смешении языков». И действительно, в летописи отмечается, что «язык Словеньск» один из 72-х, возникших в результате «смешения», причем подчеркивается, что «Словене» — это «Норики», население области, примыкающей к Иллирии [18]. Именно здесь и следует рассказ о расселении славянских племен по Европейской равнине.

Таким образом, текст предполагаемого Хронографа структурно увязывается со Сказанием о славянской грамоте. Однако и в этой части, как отметил Б. А. Рыбаков, имеется целый ряд «нарушений логики изложения» [19]. Еще до упоминания о «смешении языков», вслед за перечнем восточноевропейских рек, дается явно не на место попавший текст:

«В Афетове части седять Русь, Чюдь и вси языци: Меря, Мурома, Весь, Моръдва, Заволочьская Чюдь, Пермь, Печера, Ямь,

[16] *М. Х. Алешковский.* Указ. соч., стр. 33. Должно, впрочем, иметь в виду, что Хроника Амартола не содержит четкой характеристики каждого из трех «жребиев».

[17] *А. Н. Насонов.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, стр. 72.

[18] «Летопись по Лаврентиевскому списку» (далее — ЛЛ), изд. 3. СПб., 1897, стр. 5.

[19] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 220.

Угра, Литва, Зимегола, Корсь, Летьгола, Любь. Ляхове же и Пруси, Чюдь преседять к морю Варяжскому; по сему же морю седять Варязи семо ко въстоку до предела Симова, по тому же морю седять к западу до земле Агнянски и до Волошьски. Афетово бо и то колено: Варязи, Свеи, Урмане, [Готе], Русь, Агняне, Галичане, Волъхва, Римляне, Немцы, Корлязи, Веньдици, Фрягове и прочии, ти же приседять от запада к полуденью и съседяться с племянем Хамовым» [20].

Ниже, сразу за перечнем славянских племен, дается список племен, платящих дань Руси. Очевидно, там должен был находиться и цитированный текст. Здесь же должны были упоминаться области, а не народы. Вставка явно сделана другим летописцем, причем оказалась нарушенной не только логика изложения, но и самый замысел. Первый автор собирался через систему Ной — Афет — Словене — Поляне подойти к началу Русской земли. Кто-то из его преемников с этим замыслом уже не считался.

Цитированный текст, однако, и сам по себе не может быть приписан одному автору. В нем имеется целый ряд противоречий. Здесь дважды и в разных смыслах упоминается «Русь», дважды говорится о «Чуди» и дважды о «Варягах». На это обстоятельство указывалось в литературе [21]. Можно только подчеркнуть, что текст, вводимый словами «Афетово бо и то колено», предполагает наслоение на уже имевшуюся вставку о Руси и других народах, поскольку никаких иных «Афетовых колен» в предшествующей части летописи нет. Но и исключив последнюю вставку, мы еще не получим однородного включения: противоречиво понимается летописцами и этноним «Чудь».

Таким образом, только в этой части летописного текста мы имеем по меньшей мере три слоя. Один летописец вел изложение от раздела земель между тремя сыновьями Ноя к описанию расселения славянских племен, другой вставил текст о руси и чуди, третий добавил к этому перечень европейских народов. По логике изложения первого летописца, рассказ о расселении славянских племен должен был подводить к собственно «Руси». Но от истории Руси как объединения восточноевропейских племен летописец постоянно сбивается на рассказ о полянах. Весьма вероятно, что на него оказывал влияние источник, каковым могла быть особая Повесть о полянах, существование которой предполагал Н. К. Никольский [22].

В той части летописи, которая самым тесным образом связана со Сказанием о славянской грамоте, упоминается шесть племен, входящих в состав Руси: поляне, древляне, дреговичи, поло-

[20] ЛЛ, стр. 3—4.
[21] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 221; *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 65—66.
[22] *Н. К. Никольский.* Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, вып. I. Л., 1930, стр. 31—44 и др.

чане, новгородцы, северяне [23]. Почти тот же перечень дважды повторен в другом месте этнографического введения, также примыкающем к основной сюжетной линии [24]. Вместе с тем повествование неоднократно возвращается к полянам. После сообщения о расселении племен в летописи напоминается, что «поляном же жившем особе по горам сим, бе путь из Варяг в Греки» [25]. Рассказав о путях, идущих из Руси — Приднепровья, летописец передает легенду об апостоле Андрее, после чего снова отмечает, что «Полем же жившем особе и володеющем роды своими, иже и до сее братье (т. е., по логике текста, до Андрея и Петра.— *А. К.*) бяху Поляне, и живяху кождо со своим родом и на своих местах, владеюще кождо родом своим» [26]. Далее излагается основной текст о полянах.

Таким образом, текст Сказания об апостоле Андрее находится «внутри» проводившейся автором поляно-славянской концепции начала Руси, но повествование о полянах он разрывает. Очевидно, Сказание не относится к самым древним письменным пластам. Но нити, связывающие его с основной конструкцией введения, выявляются в целом ряде моментов.

Сказание об апостоле Андрее оказывается тесно связанным с рассказом о путях. На это обстоятельство обращалось внимание в литературе [27]. При этом, однако, не придавалось значения другой линии связей, именно: с основными статьями недатированного введения. Рассказ о путях помещается сразу после описания расселения славян. Летописец переходит к полянам, говорит, что они живут «по горам сим, бе путь из Варяг в Греки и из Грек», дает описание этого пути, сообщает, что по Варяжскому морю можно дойти до Рима и далее к Царюгороду, откуда через «Понт море» можно вернуться к Днепру, указывает, куда текут реки Днепр, Двина, Волга. Связь с начальными статьями этнографического введения проявляется здесь в указании, что из Руси по Волге можно «доити в жребий Симов, а по Двине в Варяги, из Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хамова» [28]. Только что нарисованная картина разделения земель по жребию между сыновьями Ноя находится постоянно в поле зрения летописца.

Еще теснее связь рассказа о путях с самой легендой об апостоле. Сообщив о впадении Днепра в Понт, летописец уточняет, что это «море словеть Руское», и добавляет, что «по сему же учил святый Оньдрей, брат Петров, яко же реша» [29]. Как и во всем

---

[23] ЛЛ, стр. 5—6.
[24] Там же, стр. 9—10.
[25] Там же, стр. 6.
[26] Там же, стр. 8.
[27] [*А. А. Шахматов.*] Повесть временных лет, т. I, стр. 375; *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 242. Д. С. Лихачев допускал два этапа включения этих сюжетов, но не аргументировал своего мнения (*Д. С. Лихачев.* Указ. соч., стр. 154, прим.).
[28] ЛЛ, стр. 6.
[29] Там же, стр. 7.

рассказе о путях, Русь здесь не смешивается с варягами, а «Русское» море противостоит «Варяжскому».

Б. А. Рыбаков обратил внимание на неестественное положение слов «яко же реша» и предположил возможность перемещения текста [30]. Но не исключено, что в первоначальной записи говорилось о миссионерской деятельности Андрея на Русском море. В сохранившемся же тексте сказано лишь о путешествии Андрея. Апостол Петр упомянут в той же фразе с оттенком его превосходства над Андреем. В летописи же ни до, ни после он больше не упоминается. Это позволяет допустить, что какая-то часть повествования об Андрее и Петре была позднее изъята из летописи.

Летописное предание об Андрее весьма лаконично. Летописца интересовали лишь некоторые аспекты легенд. Он заставил Андрея совершить путешествие из Корсуня, где апостол занимался «просвещением», в Рим по пути «из Варяг в Греки». На месте будущего Киева Андрей воздвиг крест и предсказал, что здесь будет великий город. В земле словен, на месте будущего Новгорода, Андрей поразился странным обычаям этого славянского племени: моясь в бане, они «бъют ся сами» молодыми прутьями до того, что «едва слезуть ле живи», «и то творять по вся дни, не мучими никим же, но сами ся мучать, и то творять мовенье собе, а не мученье» [31]. Об этом Андрей рассказывает в Риме — конечной цели путешествия. Заканчивается предание лаконичным сообщением о приходе апостола из Рима в Синопию.

В литературе обращалось внимание на несовместимость легенды об апостоле Андрее и Сказания о славянской грамоте: в одном случае крещение полян предвещает Андрей, в другом — славянским первоучителем признается Павел [32]. Несомненно, они имеют разное происхождение. Легенда об апостоле Андрее, с которым связывалось «просвещение» большей части Византии, своими корнями уходила в Причерноморье. Сказание о славянской грамоте зародилось у западных славян. Тем не менее в летописи обе легенды могли быть соединены под пером одного автора. Все дело в том, по какому принципу подбирался материал. Можно отметить, что обе группы текстов привязываются к рассказу о полянах; и в том, и другом повествовании нет выпадов против римской церкви; наоборот, признается авторитет или даже приоритет Рима. Легенда об Андрее не противоречит даже идее о том, что апостол Павел является просветителем всего славянства, в том числе и Руси. Фрондируя против греческого духовенства, летописец все-таки не говорит о просвещении Руси Андреем. Апостол благословил место будущей столицы, а не людей, которые, по схеме летописца, были еще на Дунае. Летописец, правда, не представлял себе, как давно это было, а рассказывая о словенах —

[30] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 226.
[31] ЛЛ, стр. 7—8.
[32] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 226.

будущих новгородцах,— и вообще забыл об этом. Предубежденность данного автора против новгородцев достаточно очевидна: словени, с его точки зрения, не заслуживают не только «просвещения», но и благословения.

Представление о позднем включении легенды в летопись подкрепляется также обычно ссылками на некоторые внелетописные сочинения и текстами «Повести временных лет», с которыми сказание входит в противоречие. Так, в рассказе о варягах-мучениках под 983 г. утверждается, что «телом апостоли не суть сде были» [33]. Реплика — «сде не суть ученья апостольска» — имеется и в статье 988 г.[34] В Чтении о Борисе и Глебе Нестор также отмечает, что «не беша бо ни апостоли ходили» на Русь [35]. Именно это замечание привело Д. С. Лихачева к заключению, что легенда появилась в летописи после Нестора [36]. Но основанные на приведенных чтениях выводы обязательны только при взгляде на летописание как на развитие одной-единственной традиции, обосложнения вставками одной первоначальной основы. Названные летописные тексты, несомненно, противоречат содержанию легенды об апостоле Андрее. Но это значит только, что ни Нестору, ни составителю статей 983 и 988 гг. этот текст принадлежать не мог. Какой летописный текст следовал первоначально за основной канвой введения и какое начало предшествовало статьям 983 и 988 гг.— величины искомые. Анализ содержания Сказания может в известной мере способствовать их определению.

Внимание историков церкви неизменно привлекал необычный, шокирующий характер изложения легенды в летописи. По замечанию Е. Е. Голубинского, «серьезное по крайней мере наполовину перемешано в ней с шуточным и юмористическим, и апостол не совсем скромным образом употреблен в орудие насмешки» [37]. «Странным и недостойным апостола» находил этот рассказ и И. И. Малышевский [38]. Способ повествования в данном случае по существу не имеет ничего общего с клерикальными летописными и внелетописными текстами (включая сочинения Нестора). Но он не является спецификой только этого летописного повествования. В составе «Повести временных лет» можно выделить сходные по манере изложения чтения.

Одна из главных особенностей летописного пересказа легенды — насмешливый тон в отношении новгородцев. Может создаться впечатление, что легенда и интересовала летописца только в этой связи, в плане возможности повернуть ее против новгородцев. В летописи имеются еще два подобных выпада. Один из

[33] ЛЛ, стр. 81.
[34] Там же, стр. 115.
[35] *Д. И. Абрамович.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба. Пг., 1916, стр. 3.
[36] *Д. С. Лихачев.* Указ. соч., стр. 170—171.
[37] *Е. Е. Голубинский.* История русской церкви, т. I, 1-я пол., изд. 2. М., 1901, стр. 25.
[38] *И. И. Малышевский.* Указ. соч., стр. 17.

них привязан к рассказу о возвращении Олега из победоносного похода в 6415 г. Олег предлагает руси и словенам натянуть шелковые паруса, но паруса словен ветер разодрал, «и реша Словени: имемся своим толстинам, не даны суть Словены пре паволочиты» [39]. Тот же иронический тон чувствуется в известном эпизоде с посольством новгородцев к Святославу за князем. «А бы пошел кто к вам»,— заявляет, по летописи, Святослав новгородским послам, как бы подчеркивая захудалость Новгородского княжения или вздорный характер новгородцев. Отказ Ярополка и Олега Святославичей идти в Новгород подчеркивает эту же мысль [40].

Соперничество двух главных центров Руси имеет длительную историю, поэтому датировать указанные выпады крайне трудно. Но все-таки можно с большой долей уверенности исключить авторов-редакторов, близких Владимиру Мономаху и его сыну Мстиславу. Еще Всеволод посадил в Новгороде Мстислава, и этот князь правил в Новгороде вплоть до отзыва его отцом в 1117 г. с кратковременным перерывом в середине 90-х годов XI в. Мстислава сменил в Новгороде Всеволод, также правивший там 20 лет, до восстания 1136 г. В период правления этих князей нельзя было сказать, будто к новгородцам никто не хочет идти. В положении «пасынка» Новгород находился в период с 1052 г., когда умер княживший там Владимир Ярославич, до конца 80-х годов (вокняжения Мстислава). По разделу 1054 г. Новгород достался Изяславу, но посаженный там Мстислав Изяславич бежал оттуда в Киев. Следующего князя новгородцы получили лишь от Святослава Ярославича (1073—1076), но Глеб Святославич скоро был изгнан новгородцами и погиб «в Заволочьи». Пришедший ему на смену Святополк, подобно Мстиславу Изяславичу, также бежал от новгородцев. Об этом новгородское посольство напомнило, когда Святополк, по договоренности с Владимиром Мономахом, пытался навязать в 1102 г. своего сына [41]. Очевидно, летописец, сыпавший иронические стрелы против новгородцев, смотрел на события через призму этих фактов.

Таким образом, насмешливый тон в отношении новгородцев ведет к периоду правления Ярославичей, когда Новгород не имел сколько-нибудь постоянных князей, а в течение ряда лет и вообще обходился без них. Если и возможны иные подобные периоды во взаимоотношениях двух центров, то они должны уходить скорее в более раннее, чем позднее, время. Так, противостояние Киева и Новгорода достигло особой остроты в период борьбы Ярополка и Владимира, а затем Святополка и Ярослава (1015—1019). Святополк в летописях обрисован черными красками. Но этот облик он получил в позднейшем оформлении. Зато отец Свя-

[39] ЛЛ, стр. 31. Как и в легенде, здесь противопоставляются киевляне и новгородцы.

[40] Там же, стр. 67—68.

[41] Там же, стр. 266: «А ты еси шел от нас». О сменах князей на новгородском столе см.: НПЛ. М.— Л., 1950, стр. 161 (перечень новгородских князей).

тополка — Ярополк — представлен в более выгодном свете, чем даже «равноапостольный» Владимир.

В качестве другого датирующего признака может служить необычное путешествие апостола Андрея в Рим через «Варяги». Видимо, автор работал тогда, когда в Рим могли ехать и не через Константинополь, а связи с варягами оставались достаточно тесными. Как можно видеть из «Хождения игумена Даниила», в начале XII в. в Средиземноморский бассейн направлялись через Константинополь. Но в 1054 г. папские легаты, после разрыва переговоров с представителями византийской церкви, возвращались в Рим из Константинополя через Русь [42].

Варягам до 1054 г. Новгород выплачивал дань. После смерти Ярослава выплата дани прекратилась. Варяги исчезают со страниц летописей, и представление о них дает лишь этнографическое введение. Но какие-то отношения с варягами во второй половине XI столетия еще поддерживались. Адам Бременский около 1075 г., подобно русскому летописцу, зафиксировал путь «из Варяг в Греки»: от города Волина, расположенного у устья Одера, через Новгород в Киев и Константинополь [43]. Именно путь через южное Балтийское побережье мог вести в Рим: отсюда начиналась Священная Римская империя.

Следует подчеркнуть, что Сказание об апостоле Андрее связано в летописи с такими текстами, происхождение которых не выходит за пределы XI в. Это, в частности, относится к основной канве этнографического введения (ограничение Руси шестью восточнославянскими племенами), а также к тем летописным статьям, которые датированы особым стилем, отличающимся от обычной константинопольской эры на четыре года [44]. С другой стороны, и Сказание дает определенный материал для характеристики идейных течений и представлений XI столетия.

---

[42] *Б. Я. Рамм.* Папство и Русь в X—XV веках. М.— Л., 1959, стр. 58.

[43] «Magistri Adam Bremensis gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum». Hannoverae et Lipsiae, 1917, p. 79—80. «Варяги» в летописях имеют двоякое значение: собирательное название значительной части прибалтийского населения и определенная этническая общность, отличающаяся от соседей — свевов, готов, англян (датчан) и др. В цитированной выше фразе на западе к варягам примыкают «агняне», под которыми разумелось население Дании. Восточные границы расселения варягов — «предел Симов»,— видимо, предполагают размежевание севера Руси и Волжской Болгарии. Возможно, под влиянием хазарской письменной традиции на Руси считали волжских болгар семитским народом (ср. ЛЛ, стр. 226). Варяги же, согласно летописной легенде, создали города от Новгорода до Мурома, а сами новгородцы выводились «от рода варяжска». Согласно Кедрину и Скилице, варяги «по происхождению кельты» (*В. Г. Васильевский.* Труды, т. I. СПб., 1908, стр. 322). Значительное количество имен договоров (Карн, Моны, Куци, Стир, Бруни и др.) подтверждают справедливость этого указания. Но на Руси пестрые в этническом отношении варяжские дружины, очевидно, говорили по-славянски, причем они восприняли этот язык еще на южном побережье Балтики.

[44] *А. Г. Кузьмин.* Русские летописи, стр. 79—90, 148—153 и др.

ДРЕВНЕРУССКОЕ СКАЗАНИЕ О ХОЖДЕНИИ АПОСТОЛА АНДРЕЯ В КИЕВ И НОВГОРОД

Л. Мюллер

В одной из вводных статей «Повести временных лет» [1] рассказывается о том, как апостол Андрей ходил вверх по Днепру от Корсуня и пришел на то место, где впоследствии вырос Киев. Здесь он воздвиг крест, благословил горы и предсказал, что на этом месте появится большой город и на него снизойдет благодать божья. После этого он направился дальше на север. На месте будущего Новгорода он наблюдал обычаи, связанные с мытьем в бане, и оттуда отправился в Рим. В Риме он представил отчет о том, где он произносил проповеди, и рассказал, что он видел на Ильмень-озере. Свой рассказ о купальных обрядах «словѣн» он заканчивает словами: «И то творять мовенье собе, а не мученье» [2]. Затем он вернулся из Рима к исходному пункту своих странствий и центру своей миссионерской деятельности — в Синоп на южном берегу Черного моря.

Нет нужды доказывать, что описанные здесь события не относятся к числу исторических фактов. Достаточно лишь повторить то, что сказал Шлёцер более 170 лет тому назад: «Сказание Нестора о хождении апостола Андрея не что иное, как благочестивая сказка, которая в будущем будет повторяться лишь теми, для кого история церкви тайна за семью печатями» [3]. Для критического рационалиста Шлёцера Сказание об Андрее больше не представляло интереса, поскольку было ясно, что изложенные в нем события не являются историческими фактами. Однако ученые XIX столетия все более приходили к убеждению, что сказания, сказки и легенды следует рассматривать как исторические источники. Хотя описываемые в них события относятся к области фантазии, сам по себе рассказ — реальное событие, он возник в определенный исторический момент и является продуктом определенной социальной или политической, культурно- или духовно-исторической обстановки, другими словами, его следует рассмат-

[1] В дальнейшем я цитирую ПВЛ по годовым записям и по цифрам, обозначающим столбцы, в издании: ПСРЛ, т. I, вып. 1. Л., 1926; перепечатка — М., 1962.

[2] ПСРЛ, т. 1, стб. 9.

[3] *A. L. Schlözer*. Нестор. Russische Annalen..., Bd. 2. Göttingen, 1802, S. XIII.

ривать как исторический факт, а возможно даже и как исторически действенный фактор.

Сказание об Андрее с конца прошлого века неоднократно становилось предметом научных исследований. Ученые интересовались заложенным в нем смыслом, тенденцией, временем и обстоятельствами его появления, а также включения в «Повесть временных лет» [4].

К сожалению, на все эти вопросы получены весьма различные, а порой и диаметрально противоположные ответы. Поэтому в данной статье предпринимается попытка еще раз осветить проблематику этого повествования и, возможно, сделать шаг на пути решения связанных с ним вопросов.

Сначала вопрос о тенденции повествования. Одни исследователи видят в нем прогреческую, вторые — антигреческую, третьи — проримскую, четвертые — антиновгородскую, пятые — прокиевскую тенденции. Есть исследователи, которые пытаются всеми возможными способами варьировать и комбинировать эти различные тенденции — антиновгородскую с проримской, антивизантийскую с антиновгородской, антивизантийскую с прокиевской и т. д.

Защитники прогреческой тенденции приводят следующие аргументы. Апостол Андрей был особенно тесно связан с Константинополем. Согласно одной легенде, появившейся в IX в. в Константинополе, а с начала X в. распространившейся по всему Востоку, он был основателем византийской церкви [5]. Если же этот сугубо византийский святой провозглашается основателем русской церкви, то тем самым признается преемственность русского христианства от Византии, а следовательно, и право греков на господствующее положение в церкви Киева [6]. Но Сказание не содержит данных, позволяющих сделать вывод, что апостол Андрей был основателем русской церкви.

Как известно, церковь основывается после проповеди, крещения и назначения епископа [7]. Ничего подобного не содержится в нашем Сказании об апостоле. Напротив, в нем, очевидно, сознательно не упомянуто о миссионерской деятельности апостола на Руси. В Синопе он проповедует, на Руси же он только путешествует, молится, благословляет, воздвигает крест, наблюдает обряд

---

[4] Обзор (хотя и неполный) истории его изучения см.: *А. Л. Погодин.* Повесть о хождении апостола Андрея в Руси.— «Byzantinoslavica», VII. Praha, 1937—1938, стр. 128—148.

[5] *F. Dvornik.* The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew. Cambridge Mass., 1958, p. 223—264.

[6] Ср. *A. M. Ammann.* Untersuchungen zur Geschichte der kirchlichen Kultur und des religiösen Lebens bei den Ostslaven, H. I. Würzburg, 1955, S. 65 f.; *В. М. Истрин.* Очерк истории древнерусской литературы. Пг., 1922, стр. 130.

[7] Так же и в древневизантийских актах об Андрее: «Acta Andreae Apostoli cum laudatione contexta», hrsg. von Max Bonnet.— «Analecta Bollandiana», Bd. XIII. Bruxelles, 1894, S. 335.

мытья в бане, т. е. совершает индифферентные. незначительные с точки зрения церковного права деяния. Так как в Сказании об Андрее ни одним словом не упоминается об основании апостолом Андреем русской церкви, то и тенденция Сказания не может состоять в доказательстве зависимости русской церкви от другой, якобы основанной им церкви.

Более того, в Сказании об Андрее хождение апостола по Руси описывается как эпизод, относящийся ко времени его пребывания в странах, расположенных вокруг Черного моря, когда центром его деятельности оставался Синоп. В распространенном и общепризнанном в те времена житии Андрея время, связанное с его пребыванием в Синопе и с якобы совершенным им путешествием по Руси, предшествует времени основания им византийской церкви. Тем труднее объяснить, как можно увязать хождение апостола по Руси с зависимостью русской церкви от не существовавшей во времена этого хождения церкви византийской.

В подкрепление тезиса о прогреческой тенденции Сказания об Андрее приводилось письмо византийского императора Михаила VII Дуки русскому князю Всеволоду Ярославичу, в котором император намекает на то, что апостол Андрей якобы провозгласил евангелие на Руси. Из этого очевидно, говорят сторонники этой тенденции, греческое происхождение и тем самым прогреческая тенденция Сказания об Андрее [8]. Место в письме, в котором якобы содержится ссылка на Сказание об Андрее, звучит так: «Священные писания и подлинные исторические книги убеждают меня, что наши государства имеют одно происхождение и общие корни и что одно и то же спасительное слово дошло до нас обоих и те же самые свидетели и предвозвестники божественной тайны принесли нам обоим слово евангелия» [9]. Возникает вопрос, действительно ли император ссылается здесь на Сказание об Андрее? Первый, кто опубликовал письмо, К. Н. Сатас, в качестве адресата называет норманнского князя Роберта Гюискара [10]. В. Г. Васильевский, напротив, пытался доказать, что письмо было направлено не Роберту Гюискару, а русскому князю Всеволоду. Это мнение было общепризнанным, однако в последнее время его оспорил М. В. Левченко [11]. Если ограничиться здесь интерпретацией приведенных слов, то следует признать правоту Левченко. Выражения, в которых император говорит о распространении христианства «в наших государствах», не относятся к Руси и вообще

---

[8] Кроме перечисленных в сн. 7, см.: *В. Г. Васильевский.* Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу.— ЖМНП, 1875, декабрь, стр. 270—315 и *М. Д. Приселков.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 160—162.

[9] Греческий текст см. у В. Г. Васильевского, стр. 310.

[10] *K. N. Sathas.* Bibliotheca graeca medii aevi, Bd. V, S. 285 ff.

[11] *М. В. Левченко.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 407—418.

никак не согласуются со Сказанием об Андрее. Ведь он говорит о нескольких «свидетелях и предвозвестниках божественной тайны», провозгласивших евангелие в обеих странах. Что же касается Руси, то здесь можно говорить только об одном провозвестнике, именно: об Андрее. Если бы имелся в виду только он, то в письме Михаила VII Дуки следовало бы непременно употреблять единственное число. К аргументации Левченко можно добавить, что, согласно Сказанию, апостол Андрей вообще не *проповедовал* на Руси, т. е. никак не может выступать в роли «предвозвестника божественной тайны». Но даже если это письмо и было направлено Всеволоду Ярославичу и содержало неясные намеки на апостола Андрея (что я, руководствуясь мнением Левченко, считаю исключенным), то в нем все же отсутствует всякая церковно-политическая тенденция. Император просит о помощи и приводит аргумент об общности происхождения христианской веры в обоих государствах лишь для того, чтобы побудить адресата к оказанию помощи.

Ни содержание Сказания об Андрее, ни якобы имеющийся, кстати сказать, весьма проблематичный, намек на это Сказание в письме греческого императора не свидетельствуют о какой-либо политической или церковно-политической тенденции в пользу греков [12].

Столь же мало, как прогреческая тенденция, ощущается в Сказании об Андрее и тенденция антигреческая. Ее сторонники приводят следующие аргументы. Сказание об Андрее упорно умалчивает о Константинополе, хотя ко времени возникновения этой легенды Андрей бесспорно считался основателем христианской общины в Византии [13]. Отсюда вывод: если Сказание об Андрее умалчивает о таких чрезвычайно важных делах Андрея, как основание византийской церкви, то это объясняется враждебным отношением автора Сказания к ней [14].

Так ли следует истолковывать умолчание Сказания о Константинополе? Я думаю, нет. Согласно средневизантийским актам об Андрее Синоп, расположенный на южном берегу Черного моря, долгое время был центром миссионерской деятельности Андрея. Он покидал его трижды: отправился в Иерусалим и встретился там со своим братом Петром; предпринял большое путешествие

---

[12] Возможно и даже нетрудно из дошедшего до нас в «Повести временных лет» Сказания об Андрее предположить существование такого якобы имевшего место первоначального текста, в котором была бы ясно выражена прогреческая тенденция (см., например: *М. Д. Приселков.* Указ. соч.). Ср. *А. Д. Седельников.* Древняя киевская легенда об апостоле Андрее.— «Slavia», III. Praha, 1924—1925, стр. 316—335. Но так же легко предположить существование текста с противоположными тенденциями. Мы же придерживались имеющегося у нас текста, и у нас нет основания для подобных выводов.

[13] Ср. *F. Dvornik.* Op. cit., p. 138—264.

[14] *И. И. Малышевский.* Сказание о посещении русской страны св. апостолом Андреем.— «Владимирский сборник. В память девятисотлетия крещения России». Киев, 1888, стр. 1—51; *А. Л. Погодин.* Указ. соч., стр. 135.

с миссионерскими целями в страны, лежащие южнее, восточнее и севернее Черного моря, с северного побережья он вернулся назад, в Синоп, морским путем; наконец, отсюда же он отправился в третье путешествие, в Византию и затем в Патры, где погиб мученической смертью. Путешествие по Руси он мог совершить во время своего пребывания на северном побережье Черного моря, т. е. перед последним возвращением в Синоп, а стало быть, перед пребыванием в будущем Константинополе. Поэтому в Сказании об Андрее и нельзя ожидать упоминания о Константинополе, которого еще не было [15].

И в сообщении Сказания «о воздвижении креста» у Днепра самим апостолом и в его пророчестве «о величии Киева» видели «почти автокефалические, во всяком случае возвышающие Русь по сравнению с Византией черты» [16]. Однако воздвижение креста с церковно-правовой точки зрения является актом незначительным и недостаточным для обоснования церковно-правовых претензий [17].

Нельзя усмотреть проповеди автокефалии и в словах апостола: «Видите ли горы сия? Яко на сих горах восияеть благодать божья; имать град велик [быти] и церкви многи бог въздвигнути имать». Пророчество о том, что в Киеве будет много церквей, есть самое простое vaticinium ex eventu. Выражение, что благодать божья снизойдет сюда, для средневековых писателей равнозначно предложению: «здесь будет много церквей». Конечно, все это служит возвеличению Киева. Но ничто в тексте не дает основания предположить, что подобное возвеличение Киева означает умаление роли Константинополя. Иларион в своем панегирике Владимиру Святому также превозносит величие и красоту Киева и снизошедшую на этот город благодать божью и одновременно прославляет Константинополь, как второй Иерусалим, и Грецию, как оплот благочестия [18].

Антигреческую тенденцию Сказания пытались, наконец, усмотреть в том, что в нем возникновение христианства на Руси связывается с деятельностью не греческих миссионеров IX или X вв., а самого апостола Андрея [19]. На это можно возразить, что со-

---

[15] Примерно так же, как и в Сказании об Андрее говорится об Андрее, в «Повести временных лет» под 898 г. (ПСРЛ, т. I, стб. 28) рассказывается об апостоле Павле и об его якобы имевшем место пребывании в Моравии. Факт, что апостол Павел потом отправился в Рим, в этой связи не упоминается. И неправильно делать из этого умолчания вывод, будто содержащееся в ПВЛ под 898 г. Сказание о Павле имеет антиримскую тенденцию.

[16] *W. Philipp.* Ansätze zum geschichtlichen und politischen Denken im Kiewer Russland. Breslau, 1940, S. 19.

[17] Впрочем, и средневизантийская легенда об Андрее заставляет апостола воздвигать крест в различных местах Вифинии и Пафлагонии, и при этом не делается никаких выводов церковно-правового характера.

[18] *L. Müller.* Des Metropoliten Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962, S. 102 f., 117 ff.

[19] Так интерпретируют Сказание об Андрее Иван Грозный (в беседе с Поссевино) и Арсений Суханов (*A. Possevinus.* Moscovia. Antwerpen, 1592, p. 139 f.; Арсений Суханов. Прения с греками о вере.— *С. Белокуров.* Арсений

гласно Сказанию апостол вообще не проповедовал на Руси. Поэтому Сказание никоим образом не противоречит высказываемому в других местах «Повести временных лет» утверждению, что христианство на Русь принесли в X в. греческие миссионеры. И даже если бы в Сказании говорилось о миссионерской деятельности апостола на Руси, то в этом никак нельзя еще усмотреть антигреческую тенденцию или притязание на автокефалию. Ведь согласно средневизантийской легенде апостол помимо многих других общин основал общины в Синопе и Корсуне (и раньше, чем в Византии!), что, однако, не дает им права на приоритет или автокефалию своих общин.

Проримскую тенденцию Сказания выводили главным образом из того факта, что в нем умалчивается о Византии, зато упоминается Рим [20]. Но позже мы увидим, что Рим фигурирует в рассказе в качестве цели путешествия, чтобы мотивировать хождение апостола по Руси. О Византии умолчали еще и потому, что хотели включить это хождение в считавшийся тогда аутентичным маршрут апостола. Наконец, трудно поверить, чтобы после раскола в 1054 г. никто в пределах сферы влияния восточной церкви не осмелился назвать имени первого апостола Петра и его резиденции Рима, боясь быть заподозренным в проримских и антигреческих симпатиях. Представления об истории церкви были в Древней Руси не так примитивны, и древние русские в своей полемике с Западом не заходили так далеко, чтобы изгонять все то, что могло только напомнить им о Риме. Как раз наоборот: именно в антилатинских рукописях Древней Руси [21] новые римляне, отошедшие от истинной веры, четко отделялись от древних, изо всех сил старавшихся сохранить в чистоте свою веру. Древний Рим пользовался положительной репутацией у русских в течение всего средневековья, о чем свидетельствует, в частности, идея о Москве как о третьем Риме [22].

Если в Сказании об Андрее и упоминается о древнем Риме, резиденции первого апостола Петра (к тому же и брата апостола Андрея), то из этого нельзя делать вывод о проримской или антигреческой тенденции Сказания и, конечно, о его антиримской направленности. Упоминание о древнем Риме носит индифферентный характер.

Суханов, ч. II, вып. 1, изд. 2-е. М., 1894, стр. 137—139). Сходную интерпретацию, правда очень осторожно высказанную, см.: *И. К. Гудзий.* История древней русской литературы, изд. 7-е. М., 1966, стр. 62.

[20] *А. Д. Седельников.* Указ. соч., стр. 330 и сл.

[21] ПСРЛ, т. I, стб. 114—116 (988 г.).

[22] В писании старца Филофея говорится, что латиняне были «с нами в согласии 770 лет». Лишь «будучи прельщенными императором Карлом и папой Формозой они впали в Аполинариевскую ересь» (*H. Schaeder.* Moskau das dritte Rom, 2. Aufl. Darmstadt, 1957, S. 201, 213). И Иосиф Волоцкий в своем рассказе об апостоле Андрее признает главенствующее положение апостола Петра (*И. А. Казакова* и *Я. С. Лурье.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М., 1955, стр. 468).

Вторая часть Сказания об Андрее, описание новгородских купальных обрядов, так же как и первая, дала повод к поискам тенденций. Одни видели в нем почти добродушную насмешку над русскими-северянами со стороны русских-южан [23]. Другие считали его враждебным Новгороду и отыскивали в русской истории XI или XII вв. ситуации, которые могли дать повод киевскому публицисту полемизировать с Новгородом. Те, кто усматривал в Сказании об Андрее наряду с антиновгородской антивизантийскую тенденцию, обнаружили подобную ситуацию около 1150 г., когда киевский митрополит Климент Смолятич выступил одновременно против патриарха константинопольского и епископа новгородского [24]. Те же, кто видел в нем наряду с антиновгородской прокиевскую тенденцию, отыскали соответствующую ситуацию во времена Андрея Боголюбского: один киевский писатель обратился к этому князю со Сказанием об Андрее, которое по существу является не историческим, а публицистическим произведением, с целью посоветовать ему, носившему имя апостола Андрея, отказаться от своей антикиевской политики, так как его святой покровитель прославлял Киев, и одновременно укрепить его с помощью второй части Сказания в антиновгородской политике [25].

Я считаю абсолютно неправильными эти попытки разрешить загадку Сказания об Андрее. Дошедшее до нас Сказание не соответствует приписываемым ему идеологическим тенденциям. Тяжелый конфликт, который пришлось выдержать Клименту Смолятичу с патриархом константинопольским и епископом новгородским, нельзя связать ни с вполне понятным умалчиванием Сказания о Византии, ни с описанием новгородских купальных обрядов. В еще большей степени это относится к кровавой борьбе Андрея Боголюбского против Киева и Новгорода. Сказание с его более чем тонкими намеками в данном случае ничем не помогло бы, и его возникновение с этих позиций понять невозможно [26].

Уже тот факт, что в Сказании об Андрее были обнаружены многие взаимоисключающие тенденции, а также неубедительность аргументов, приводимых в защиту отдельных тенденций, говорят о том, что в Сказании вообще не содержится ясной политиче-

---

[23] Примерно так у Е. Е. Голубинского (История русской церкви, т. I, 1-я пол., изд. 2-е. М., 1901, стр. 26 и далее). Должен признаться, что его высказывания, касающиеся Сказания об Андрее, на мой взгляд, являются наиболее трезвыми и правильными из всех.

[24] *И. И. Малышевский.* Указ. соч., стр. 32; *А. В. Карташев.* Очерки по истории русской церкви, т. I. Париж, 1959, стр. 40—51.

[25] *А. Д. Седельников.* Указ. соч., стр. 326; ср. *А. Л. Погодин.* Указ. соч., стр. 137.

[26] И текстологически вряд ли можно отнести возникновение Сказания об Андрее к середине XII в. Во всех основных рукописях ПВЛ (Л, Т, Р, А, И, Х) оно встречается на том же месте и имеет почти идентичный текст. По-моему, оно было внесено в ПВЛ не позднее 1116 г.

ской или церковно-политической тенденции. Но где нет тенденции, все-таки может быть намерение и должна быть позиция, с которой ведется повествование. Насколько разноречивы в силу вышеизложенных причин мнения относительно тенденции, якобы имеющейся в Сказании об Андрее, настолько полным оказалось совпадение взглядов ученых по вопросу о позиции повествователя.

Общепризнано, что в первой части Сказания об Андрее речь идет о прославлении христианского Киева, т. е. повествование ведется с позиции Киева.

Не столь ясна позиция повествователя во второй части Сказания. Большинство исследователей считало, что и эта часть своим ироническим описанием новгородских купальных обрядов выдает южнорусского сказителя. Однако некоторые исследователи высказали серьезные сомнения в этом. Д. Герхардт задал вопрос, действительно ли описание новгородских парилен свидетельствует о враждебном или по меньшей мере ироническом отношении киевского сказителя к Новгороду [27]. Он ссылается на заключительное суждение апостола об этих обрядах: «То творят мовенье собе, а не мученье». Герхардт понимает под словом «мученье» аскетизм, парильню как самобичевание. Он указывает на религиозно-историческое значение омовенья, и кажущаяся юмористически-иронической история приобретает в его глазах религиозно-исторический смысл и внутреннюю связь с серьезным религиозным содержанием первой части Сказания об Андрее. Поэтому рассказ о парильнях теряет для него свою антиновгородскую тенденцию. Более того, развивая мысль Герхардта, можно сказать: если будущее значение Киева для христианства и церкви уже было предсказано апостолом Андреем, то значение Новгорода вытекает из того факта, что новгородцы исполняли аскетические обряды прежде, чем до них дошло евангелие, т. е. уже были подготовлены к его восприятию.

В подтверждение своей интерпретации Герхардт ссылается на повествование, которое неоднократно связывалось со Сказанием об Андрее. Живший в XVI в. иезуит Дионисий Фабрициус сообщает в своей «Истории Ливонии» следующую забавную историю о монастыре Фалькенау в Лифляндии, случившуюся будто бы в XIII в. [28] Монастырь, считавший свои доходы слишком низкими, посылает двух монахов к папе с поручением сообщить ему о своем тяжелом материальном положении и попросить о помощи. Для обоснования претензий монастыря они, между прочим, рассказали об исполняемом ими очень тяжелом аскетическом обряде:

[27] *D. Gerhardt.* Das Land ohne Apostel und seine Apostel.— «Festschrift für D. Čyževskyj zum 60. Geburtstag». Berlin, 1954, S. 129 ff.; *он же.* Über Vorkommen und Wertung der Dampfbäder.— «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. 24. Leipzig, 1955, S. 82—90.

[28] Герхардт заново опубликовал труднодоступный латинский текст рассказа (*D. Gerhardt.* Über Vorkommen..., S. 83 ff.).

каждую субботу они так горячо натапливают печь в бане, что человек едва может вынести эту жару. Там монахи раздеваются, стегают себя прутьями, затем обливаются холодной водой, чтобы побороть в себе таким образом все страсти. Для проверки этих сведений из Рима был послан в далекую Ливонию итальянский монах. В субботу затапливают баню и вводят туда итальянца. «Quod cum intolerabile videretur Italo, exsiliens ex balneis, proh Deum! inquit: austera nimis haec vestra vitae regula, vix audita ab hominibus». Итальянец, подчеркивается, был «незнаком с местностью и обычаями людей, обитающих в ней». Возвратившись в Рим, он высказывается в пользу монастыря, и папа удовлетворяет обращенную к нему просьбу.

Эта история укрепляет Герхардта в мнении, что в Сказании об Андрее о «мученье» новгородцев говорится не в ироническом или юмористическом смысле, а как о совершенно серьезно аскетическом обряде, хотя и довольно странном.

Допустим, что вторая часть Сказания не носит иронического, антиновгородского характера, однако, по-моему, ей нельзя отказать в юморе, и я нахожу, что история о монастыре Фалькенау это подтверждает. Рассказ не лишен остроумия. Его соль заключается в том, что монахи обманули легата: выдали за высшую ступень аскетизма то, что в действительности является как раз противоположностью аскетизма, высшей степенью телесного блаженства. Они утверждали, что подвергают себя жесточайшему «мученью», в то время как это было весьма приятное «мовенье». И этот их мнимый аскетизм обманул легковерного, хилого и к тому же незнакомого с местными обычаями итальянца и заставил его хлопотать об увеличении доходов монастыря. Юмор, содержащийся в Сказании при описании купальных обрядов новгородцев и об удивлении южан, получает блестящее развитие в истории о монастыре.

С другой стороны, история о монастыре Фалькенау недвусмысленно подтверждает, с каких позиций был выдуман и рассказан анекдот о парильне. Не римляне, удивлявшиеся этому «строгому аскетизму», выдумали рассказанную здесь историю, а северяне, которые каждую субботу наслаждались парной баней и от всего сердца смеялись над южанами, настолько простодушными, что не понимали, что здесь происходит, и слишком слабыми, чтобы вынести подобное.

С этой точки зрения весьма спорно (и в этом Герхардт прав), что повествование второй части Сказания ведется с антиновгородских позиций (не говоря уже об антиновгородской тенденции). Несомненно, что летописец, вставивший Сказание об Андрее в «Повесть временных лет», пишет в Киеве. Такие образом, антикиевской позиции от него ожидать нельзя. Если она и имела место в предшествующей редакции Сказания, то вполне естественно, что в настоящее время она уже не ощущается. Вполне естественно также, что в Сказании об Андрее глупость южан не подчерки-

вается так сильно, как в истории о монастыре, ибо в Сказании роль легата исполняет сам святой апостол. Если принять во внимание, что автор дошедшего до нас варианта Сказания был уроженцем юга Руси, то стоит только удивляться, как мало антиновгородского в его позиции. Он нигде не высказывает действительного порицания, даже не смеется над новгородцами, а только удивляется. Более того, даже в южнорусской редакции повествования о северорусских паровых банях отчетливо видно, что именно русские-северяне имели повод смеяться: смеяться над теми, кто не понимал смысла этого обычая.

Я совершенно не исключаю, что воспроизведенный во второй части Сказания об Андрее анекдот о парной бане возник на юге. Значительные различия фольклорного характера могут быть предметом шутки и насмешки по обеим сторонам фольклорной границы. Там, где незнакомы с купальным обрядом, могут смеяться над такой странной манерой бессмысленного самоистязания. Гораздо вероятнее, что за историей о монастыре Фалькенау и даже за второй частью Сказания стоит северорусский анекдот [29], в котором высмеиваются южане, неправильно интерпретирующие северный обряд купанья.

Так в Сказании об Андрее довольно неожиданно сталкиваются два мотива, различные по своему характеру и по своему географическому происхождению: прославление величия и красоты Киева и анекдот о непонимании южанином купального обряда Севера. Остается задать вопрос: как, где и когда эти сначала независимые друг от друга мотивы могли слиться в повествование, дошедшее до нас в «Повести временных лет»?

Одной из причин возникновения Сказания об Андрее была, конечно, проблема «страны без апостолов» [30]. Христианская церковь, которая в торжественных случаях именует себя «апостолической», всегда и везде заинтересована в том, чтобы показать свою особую связь с апостолами. Подобное стремление ощущается также в древнерусской литературе. Так, летописец отмечает: «Аще и тѣлом апостоли не суть сде были, но ученья их аки труби гласять по вселенѣи в церквах» [31]. Он видит апостоличность церкви в ее твердой вере в апостольское откровение: там, где звучит проповедь евангелия, незримо присутствуют апостолы.

---

[29] Герхардт справедливо не усматривает зависимости истории с монастырем Фалькенау от Сказания об Андрее в «Повести временных лет» (*D. Gerhardt.* Das Land ohne Apostel..., S. 130; *он же.* Über Vorkommen..., S. 85). Тот факт, что в первой соль ощущается ясней и суть рассказа определенней, чем во втором, скорее свидетельствует о противоположном. Однако ПВЛ почти на 500 лет старше рассказа Фабриция. Поэтому в данном случае очень многое говорит за то, что оба рассказа имеют «один общий источник — фольклор» (*D. Gerhardt.* Über Vorkommen..., S. 85).

[30] Согласно формулировке Д. Герхардта.

[31] ПСРЛ, т. 1, стб. 83 (983 г.) и прим. 6.

Однако не все удовлетворялись подобной теоретической связью русской церкви с апостолами, а в Древней Руси старались отыскать конкретные, зримые черты этой связи. Сначала русские пытались связать христианство с именем апостола Павла, потому что Павел-де проповедовал в Иллирии и в Иллирии жили славяне, и раз так, то Павел является учителем славян, а русские тоже славяне, стало быть, Павел является учителем и русских [32]. Все же эта более чем искусственная аргументация не нашла широкого отклика. Таким образом, связь между русской церковью и апостолом оказалась слишком непрочной.

Куда более естественной и непосредственной казалась связь через легенду об апостоле Андрее. С давних пор [33] знали, что Скифия была областью его миссионерской деятельности. А так как все жившие на территории современной Украины считались скифами, то вполне возможно, что в XI в. многие верили, что апостол Андрей мог дойти и до Киева. Если же такое предположение было высказано, то уже недалеко и до особых почестей, которые оказывались апостолу, чья нога ступила на эту землю.

Культ апостола Андрея засвидетельствован на Руси с 80-х годов XI в. В 1086 г. Всеволод Ярославич в присутствии митрополита Иоанна заложил первый камень церкви апостола Андрея в Киеве и основал монастырь при этой церкви, в котором постриглась его дочь Анна (Янка) [34] и затем были погребены она и ее мать [35]. После 1089 г. Ефрем, переяславский митрополит, основал в своей резиденции церковь св. Андрея [36]. Родившийся в 1102 г. внук Всеволода и сын Владимира Мономаха был наречен именем Андрей [37], которое с тех пор получило большое распространение на Руси [38]. Вполне естественно, что в праздник апостола Андрея (30 ноября) в церквах, названных его именем, в Киеве и Переяславле возносили ему хвалу, и я склонен предполагать, что выступавший с праздничной проповедью высказал предположение, а может быть и говорил как о достоверном факте, что апостол Андрей при своем хождении в страны севернее Черного моря зашел однажды и в ту местность, где позднее был заложен город Киев.

---

[32] ПСРЛ, т. I, стб. 28 (898 г.); ср. *D. Gerhardt.* Das Land ohne Apostel...

[33] *Eusebii* Historia ecclesiastica, t. III, cap. 1. Евсевий ссылается на авторитет Оригена, жившего в 185—254 гг.

[34] ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стб. 197 (1086 г.).

[35] Там же, т. I, под 1111 и 1112 гг.

[36] Там же, под 1089 г. В этом месте летописи помимо церкви св. Андрея упоминается «строенье баньное камено, сего же не бысть прежже в Руси». Я не поддамся искушению связать это упоминание церкви св. Андрея рядом с баней с банным мотивом в Сказании об Андрее, однако удивлен, что, насколько мне известно, этого еще не произошло.

[37] ПСРЛ, т. II (1102 г.).

[38] Ср. *N. de Baumgarten.* Généalogies et Mariages Occidentaux des Rurikides Russes du Xe au XIIIe Siècle. Roma, 1927.— André.

Но и это трудноопровержимое (а поэтому в настоящее время с таким доверием воспринимаемое [39]) утверждение о пребывании апостола в Киеве при зрелом размышлении приводит к постановке вопросов, на которые нелегко ответить.

Сначала возникает вопрос: что ему здесь понадобилось? Ведь обычные функции апостола — проповедовать, крестить, назначать епископов — вряд ли он мог исполнять. По представлениям того времени, христианство на Руси появилось лишь в X в. [40] Даже зачатки христианства в IX в. были, по-видимому, забыты [41]. Если происхождение церкви в местности под Киевом отнести к апостольским временам, то необходимо будет добавить, что впоследствии это заложенное апостолом строение погибло. Для средневековых людей такое предположение было трудновоспринимаемым и требовало обстоятельной богословской аргументации.

Если же предположить, что апостол, хотя и был в Киеве, церкви здесь не основывал, не проповедовал и не совершал обрядов крещения, то возникает новый вопрос: с какой целью он проделал далеко не короткий путь от Корсуня до места будущего Киева? Первый ответ: апостол посетил эти области по пути. Но что же это могло быть за путешествие, которое привело его, чья сфера деятельности не выходила за пределы прибрежных районов Черного моря, к месту, на котором был построен будущий Киев? На севере Европы ведь не было христианских общин, основанных апостолами [42]. На этот вопрос поможет ответить географическое представление о двух путях в Рим. В Киевской Руси знали, что Европа — это нечто вроде острова: с севера, запада и юга она омывается морями, а на востоке протекают большие реки, соединяющие Балтийское море с Каспийским и Черным. Они знали также, что имелось два пути, по которым из Киева можно было водным путем добраться до Рима: вниз по Днепру через Черное море и Константинополь и вверх по Днепру до Волхова с преодолением небольшого участка пути волоком и далее по Балтийскому морю. При описании этих двух путей в Рим летописец и вставляет в свое повествование Сказание об Андрее, как

---

[39] Даже Б. Д. Греков (Киевская Русь. М., 1953, стр. 388) склонен как будто поверить в это.

[40] Ср. ПСРЛ, т. I, стб. 54 (945 г.).

[41] Ср. *L. Müller.* Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln, 1959, S. 21 f.

[42] И. И. Малышевский (указ. соч., стр. 21 и далее) связал путешествие апостола в Рим со сказаниями о якобы имевшем место пребывании его в Англии и Исландии. Согласно В. Г. Васильевскому (указ. соч., стр. 68 и далее) существует еще не опубликованная исландская сага об апостоле Андрее. В той литературе, которая мне доступна, я не нашел никаких сведений на этот счет. Если эти сказания относятся к XI в., то они бы могли иметь хождение на Руси, так как в то время существовали тесные отношения между Русью и северогерманскими государствами, и способствовать возникновению древнерусского Сказания об Андрее.

бы в подтверждение того, что некогда кто-то воспользовался этим длинным северным путем.

Уже задолго до появления Сказания об Андрее на Руси были известны два пути в Рим. Об этом свидетельствует отчет в Бертинских анналах о посланцах — «chacanus» народа россов, для которых был закрыт прямой путь из Константинополя на их родину, лежащую где-то севернее Черного моря, и которые пытались возвратиться туда через Западную Европу и Швецию [43]. Для новгородцев же путь в Рим через Балтийское море был вполне естественным. Согласно легенде монах Антоний Римлянин на камне совершил путешествие из Рима «через океан-море до Невы-реки и оттуда через Ладогу-озеро и реку Волхов до Новгорода» [44], а митрополит Исидор в 1437 г. в действительности совершил путешествие в обратном направлении — из Новгорода через Балтийское море в Италию.

Но и в Киеве, как сказано, знали о двух водных путях в Рим. Представления о расстояниях были довольно смутные. О том, что в действительности не боялись таких огромных кружных путей, лучше всего свидетельствует отчет, содержащийся в Бертинских анналах.

Если уж хотели послать апостола транзитным путем через Киев, то само собой напрашивалось направить его в Рим. Согласно средневизантийской легенде об Андрее он возвратился в Синоп из Корсуня [45]. Если считать Синоп непосредственной целью этого обратного пути, то трудно было объяснить крюк через Киев. Точно так же мало оснований было включать хождение по Руси в маршрут апостола из Синопа в Византию. Напротив, если считать Рим промежуточным пунктом на пути между Корсунем и Синопом, то киевлянину, знавшему о двух путях в Рим, но имевшему туманное представление об истинных расстояниях, могло показаться возможным, что апостол изберет северный путь, который так подробно был описан летописцем (имевшим, очевидно, также смутное представление о расстояниях).

Мотив для поездки в Рим также было нетрудно найти. Ведь здесь была резиденция Петра, первого апостола и к тому же брата Андрея. Средневизантийская легенда об Андрее также заставляет его совершить далекое путешествие, чтобы повидать брата, резиденция которого в то время находилась еще в Иерусалиме, и рассказать ему о своих делах и результатах миссионерской деятельности [46].

Таким образом, упоминание Рима в Сказании об Андрее не имеет церковно-политического значения, а служит вспомогатель-

[43] «Annales Bertiniani», hrsg. von G. Waitz. Hannover und Leipzig, 1883, p. 19 f.
[44] *E. Benz.* Russische Heiligenlegenden. Zürich, 1953, S. 451.
[45] *Epiphanius.* Vita Sancti Andreae.— *J. P. Migne.* Patrologiae cursus completus. Series Graeca, t. 120, col. 244. Parisius, 1864, col. 244.
[46] Ibid., col. 229.

ным средством для объяснения путешествия апостола по Руси, которое не преследовало миссионерских целей.

Теперь можно ясно себе представить, как шаг за шагом складывалось Сказание об Андрее из возникшего однажды предположения, что апостол, путешествуя по Скифии, мог как-то раз оказаться на месте будущего Киева. Если же он и оказался здесь, то проповедовать и основывать церкви он не мог. Если же он не проповедовал, то мог оказаться здесь только проездом, причем путешествие через Киев могло быть возможно лишь в том случае, если он находился на пути в Рим. В Рим же он отправился для встречи со своим братом Петром. Из Рима он возвратился в Синоп минуя Византию, так как согласно средневизантийской легенде он посетил Византию во время своего последнего путешествия (из Синопа в Патры).

Все же остается объяснить, как увязать второй мотив Сказания об Андрее, а именно (вопреки Герхардту): «юмористический» анекдот о парильне — с таким серьезным мотивом, как благословение Киева. Трудно поверить, что летописец вставил сюда этот анекдот от себя. Он относится ко всему повествованию о пребывании апостола на Руси с некоторой осторожностью, сообщает с оговоркой, что слышал это от других, о чем свидетельствует вставляемое им выражение «яко же рѣкоша» [47]. Он имел тем более оснований для такой осторожности, что в прежней редакции русской летописи, которую он использовал в своем труде, высказывалось убеждение, что апостолы «не суть сде были» [48]. Летописец относится к числу критически мыслящих историков. Как историка его интересовало все значительное, что, по его мнению, совершалось на Руси, а посещение апостола, несомненно, было настолько выдающимся событием, что он, услышав о нем, не мог умолчать. Как критически мыслящий историк, он не только ничего не выдумывает от себя, но даже не вполне доверяет дошедшим до него сведениям, и если там имеются противоречия, отдает предпочтение одним перед другими [49] и называет источник своей информации [50], если сведения могут, по его мнению, показаться читателю неправдоподобными. Так обстоит дело и с анекдотом о парильне, который он не выдумал и связал с именем апостола Андрея также не по своей инициативе. Он слышал рассказ о пребывании апостола на берегу Ильмень-озера и, скорее всего, слышал его в Северной Руси, где он, по свидетельству летописи, был около 1114 г. [51] Он мог это услышать также от русского,

---

[47] ПСРЛ, т. I, стб. 7.
[48] Там же (983 г.).
[49] Например, в вопросе о профессии Кия (там же, стб. 9 и далее) или о месте крещения Владимира Святого (там же, стб. 111, 988 г.).
[50] Там же, т. I, стб. 234 (1096 г.)—это Гюрята Рогович; т. II, стб. 277 и далее—это посадник Павел с Ладоги и «все люди с Ладоги».
[51] Там же.

жившего на севере, может быть от Гюряты Роговича, с которым он, по свидетельству летописи, разговаривал около 1096 г.[52]

Анекдот о парильне имел самостоятельное хождение в Новгороде еще до того, как его вместе с повествованием о благословении киевских гор апостолом Андреем включили в Сказание об Андрее, вошедшее в летопись Нестора. Сравнение с историей о монастыре Фалькенау заставляет нас предположить, что содержание анекдота о парильне теснее и первоначальнее связано с Римом, чем с апостолом Андреем. В истории о монастыре отношения с Римом более мотивированы и заложены в основе рассказа. Напротив, из Сказания об Андрее довольно трудно понять, почему апостол именно в Риме так подробно рассказывал о купальных обрядах на озере Ильмень, а не в Синопе или почему рассказ о купальных обрядах ведется не от имени самого рассказчика, а вкладывается в уста апостола? Все это хорошо обосновано в истории о монастыре: именно до Рима доходит этот рассказ, так как только папа может удовлетворить просьбу монастыря. По этой причине именно там рассказывается о странной форме мнимого аскетизма. Поэтому едва ли можно поверить, что история о монастыре Фалькенау находится в зависимости от Сказания об Андрее[53]. Обратная зависимость отпадает по хронологическим причинам. Таким образом, остается единственная возможность: предположить, что оба анекдота имеют общего предшественника. В нем, можно полагать, связь с Римом так же хорошо мотивирована, как и в истории о монастыре Фалькенау[54].

С именем апостола Андрея этот рассказ связали, по-видимому, позднее, когда киевский вариант Сказания об Андрее стал известен в Новгороде. Если отнести возникновение андреевской традиции в Киеве ко времени начала культа Андрея в Южной Руси, т. е. к 80-м годам XI в., то до появления «Повести временных лет» в дошедшей до нас редакции, относящейся к 1116 г., оставалось еще примерно 30 лет, в течение которых легенда могла прийти из Киева в Новгород и обогатиться там за счет включения новгородского анекдота о парильне.

Совершенно естественно, что странствующий анекдот, в котором рассказывается о связи между районом распространения парных бань и Римом, был соотнесен в Новгороде с именем апостола Андрея, как только там узнали, что он однажды проезжал через Новгород, направляясь в Рим. Это был первый путе-

---

[52] ПСРЛ, т. I, стб. 234. Что эти оба известия (1096 и 1114 гг.) принадлежат перу летописца, а не князя Мстислава, как думал М. Д. Приселков, я пытался доказать в работе «Die dritte Redaktion der Nestorchronik» («Festschrift für Margarete Woltner». Heidelberg, 1967).

[53] *D. Gerhardt.* Das Land ohne Apostel..., S. 130; *он же.* Über Vorkommen..., S. 85.

[54] При тех тесных отношениях, которые существовали в XI в. между Новгородом и латинским Западом, и особенно Скандинавией, нетрудно предположить, что анекдот, описывающий взаимоотношения между областью распространения паровых бань (куда, как известно, относится также и Скандинавия) и Римом, был рассказан в Новгороде в конце столетия.

шественник, который из Средиземноморского района пришел к берегам озера Ильмень, т. е. первый, кто увидел удивительные и почти непонятные для южных народов купальные обряды «словен».

Конечно, анекдот потерял свою соль, как только его связали с именем апостола, но в мировой литературе немало фактов, свидетельствующих о том, что стремление связать странствующие анекдоты с известными именами сильнее, чем желание передать их первоначальный текст с первоначальной солью.

Итак, Сказание об Андрее не является рафинированной и тенденциозной выдумкой отдельного лица. Нельзя его назвать также «благочестивой сказкой» или «бессмысленным сплетением трех фрагментов» [55]. Оно скорее является продуктом историографического мышления. Стремление найти прямую связь между появлением христианства на Руси и апостолическим происхождением церкви приводит в конце XI в. к убеждению, что апостол Андрей был в Киеве. Все доводы, противоречащие этому убеждению, устраняются предположением, что апостол, направляясь в Рим по северному пути, прошел по Руси. А так как он считался первым южанином, посетившим Северную Русь, то анекдот, рассказывающий об удивлении южан северными банями, связали с его именем.

Летописец, собирающий все, что он мог узнать о ранней истории Руси, заносит в свою историческую летопись и Сказание об Андрее. При этом он достаточно осторожен и осмотрителен, чтобы не только не приукрасить Сказание, но и сопроводить содержащиеся в нем события критически осторожным «яко же рѣкоша».

Хотя Сказание по своему конкретному содержанию и фантастично, но что касается церковно-теологических взглядов, то тут оно крайне осторожно. Так, пребывание апостола в Киеве никак не истолковано с точки зрения церковного права. В апостоле видят не основателя русской церкви, а лицо, только благословившее страну и предсказавшее будущую благодать. Автор Сказания знает, что апостоличность церкви даже в «стране без апостолов» следует обосновывать не вымыслами церковно-правового характера, а тем непреложным фактом, что даже и здесь «ученья их аки труби гласять... в церквахъ».

---

[55] «Благочестивой сказкой» называл Сказание А. Л. Шлёцер, второе выражение принадлежит Г. М. Барацу (О составителях Повести временных лет и ее источниках. Берлин, 1924).

РОДОСЛОВНАЯ МСТИШИ СВЕНЕЛЬДИЧА

А. В. Поппэ

Летописное сказание о мести Ольги древлянам под 6453 г. начинается сообщением о положении, создавшемся после убийства Игоря: «Ольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ дѣтъскомъ Святославомъ и кормилець бѣ его Асмудъ и воевода бѣ Свинделдъ, то же отець Мьстишинъ» [1]. Пояснение к имени Свенельда останавливало на себе внимание исследователей, стремившихся проникнуть в тайны начальной истории русского летописания. Загадочный Мстиша, нигде больше не упоминаемый, именем которого летописец отличает хорошо известного летописи Свенельда, подсказывал разные соображения о первоначальном составе лето-

[1] ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стб. 43; ср. т. I, вып. 1. Л., 1926, стб. 55. В статье мы пользуемся распространенной в литературе формой «Свенельд», близкой записи этого имени в Лаврентьевской летописи (Свѣнелдъ, Свѣналдъ), на основании которой оно отождествляется с древнескандинавским именем «Sveinaldr» (в рунических надписях—Svainaltr, Svinaltr, в латинизированной форме — Svenaldus, Svanaldus) (ср. *В. Томсен.* Начало русского государства.— ЧОИДР, 1891, кн. 1, стр. 126—127; *М. Vasmer.* Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. II. Heidelberg, 1953, S. 588). Следует обратить внимание, что для Ипатьевской летописи характерна форма «Свѣнгелд» и восходящая к ней «Свѣнделдъ» (мена «г» на «д»), присущая также новгородскому летописанию (ср. НПЛ. М., 1950, стр. 109, 110, 113, 123—125), с переходом «д» в «т» (Свентелдъ—ПСРЛ, т. V, вып. 1. Л., 1925, стр. 31, 42, 43; ср. один раз в Лаврентьевской летописи «Свѣндель» — ПСРЛ, т. I, стб. 73). «Свенгелд» следует признать более правильной записью имени воеводы Игоря и Святослава, основываясь на зарегистрированном Львом Диаконом несомненно живом выговоре этого имени в период Святославова похода в Болгарию «Σφέγγελος» («Leonis Diaconi Historia». Bonnae, 1828, p. 135, 138, 144; Kedrenos — Skylitzes, ed. Bonnae, 1839, t. II, p. 395, 402: «Σφάγγελλος», «Σφάγγελος»). Такому отождествлению, казалось бы, противоречит показание Льва Диакона, что Сфенкел, третья личность у тавроскифов после Святослава, пал под Доростолом, тогда как из договора в июле 971 г. следует, что Свенгелд был ближайшим соратником русского князя и оставался жив. Однако пользовавшийся тем же первоисточником Скилица указывает, что Сфенкел занимал второе место после Святослава. Упоминание же Скилицы, равно как и второе Льва Диакона, о том, что Сфенкел пал в бою, неопределенно и может быть воспринято в смысле ранения. К тому же, учитывая особенности византийского источника, нет оснований признавать его во всех подробностях достоверным. Для В. Томсена (указ. соч., стр. 127—128) Свенелд и Σφέγγελος — два разные лица, так как он не учитывает формы «Свенгелд» — необходимого звена для проведения довода тождества. Ввиду этого скандинавская форма имени «Свенгелд» должна быть не «Sveinaldr», тоже, вероятно, известная на Руси, а иная—Svengaard, Swennegord, Svenkerud? (ср. *O. Rygh.* Gamle Personnane i norske Stedsnane. Kristiania, 1901, s. 242). Менее правдоподобно, учитывая только греческую запись, вслед за Томсеном возводить это имя к Sveinkell (?)

писного текста, о судьбах и тождестве упоминаемых в нем лиц, наконец, о времени записи этого генеалогического пояснения. Таким образом, исследователи подходили вплотную к вопросу о времени возникновения летописания на Руси.

Еще Шлёцер, отметивший присутствие Свенельда в летописи на протяжении более шестидесяти лет (914—975), предполагал, что под этим именем скрываются два разных лица и именно припиской «отець Мьстишин» летописец отличал старшего Свенельда от Свенельда — отца Лютова, упомянутого под 6483 (975) г. [2] Подобным образом высказывался также И. И. Срезневский, считавший, что «заметка о Свенельде как об отце Мстиши, в 945-м году, указывает на то, что в то время, когда эта заметка сделана, был на виду и другой Свенельд, если не два или три, и что его надобно было отличить именем сына» [3].

Однако для летописца, на что уже обращалось внимание, тождество Свенельда, воеводы Святослава, а затем Ярополка, со Свенельдом, воеводой Игоря, не подлежало сомнению: под 6480 (972) г. возвращавшийся вместе со Святославом из болгарского похода Свенельд назван «воевода отень». Следует отметить также существенное различие в упоминаниях об обоих Свенельдичах. Если под 945 г. распознавательной приметой Свенельда является Мстиша, то сообщение 975 г. подчеркивает, что Олегом Святославичем убит Свенельдич, и только как второстепенную подробность добавляет «именем Лют». Это и понятно, если учесть, что убийством летописец объясняет предпринятый по наущению потерявшего сына Свенельда поход Ярополка против Олега, завершившийся гибелью последнего [4]. Убедительные выводы А. А. Шахматова, установившего, что появление имени Свенельда в статьях 914 и 922 гг. новгородских летописей (Софийский временник и Новгородская I летопись) вызвано инициативой их составителей и не имеет никакого значения для определения времени первого выступления Свенельда, устранили сомнения в тождественности летописного Свенельда, возбуждаемые соображениями хронологического порядка [5].

Но упоминание летописи о Мстише оставалось загадочным, и А. А. Шахматов, не довольствуясь предположением М. П. Погодина и И. И. Срезневского, усматривавших в Мстише современника летописца X в., самое позднее начала XI в.[6], предложил иное решение вопроса, посвятив ему специальную статью и

---

[2] [*А. Л. Шлёцер.*] Нестор. Русские летописи..., ч. III. СПб., 1819, стр. 293 (в немец. изд.— *A. L. Schlözer.* Nestor. Russische Annalen..., Bd. V. Göttingen, 1809, S. 25).

[3] *И. И. Срезневский.* Чтения о древних русских летописях. Чтения I—III.— «Записки Академии наук», т. II. СПб., 1862, прил. № 4, стр. 6.

[4] ПСРЛ, т. I, стб. 73—75; т. II, стб. 61—63.

[5] *А. А. Шахматов.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 99—105.

[6] *М. П. Погодин.* Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. I. М., 1846, стр. 169; *И. И. Срезневский.* Указ. соч., стр. 6—8, 16—31.

XIV главу своих знаменитых «Разысканий...»: «Мстиша Свенельдич и сказочные предки Владимира Святославича» [7].

В основу построения А. А. Шахматова положена мысль о существовании двух различных исторических преданий о Свенельде и его роде: предание, входившее в состав Древнейшего свода 1039 г., подверглось сильной переделке в Начальном своде 1093—1095 гг. и в таком виде вошло в «Повесть временных лет». Первоначальный рассказ связывал Свенельда с убийством Игоря. Получив от Игоря «деревьскую дань», Свенельд не отказался от нее, когда побуждаемый недовольством своей дружины Игорь сам решился взимать дань с древлян. В сражении между дружиной Игоря и дружиной Свенельда с его данниками-древлянами Игорь был убит сыном Свенельда Мстишей. Позднейший редактор летописи резко изменил изложение событий, стараясь подчеркнуть, что Свенельд и его сын — не враги, а верные соратники киевского князя. Он имел в своем распоряжении другой рассказ об убийстве Олегом Святославичем Мстиши Свенельдича и ввел его в летопись под 975 г., сохранив за ним только его прозвание «Лют» и взяв из первого сказания мотив мести. Переделка текста шла по двум направлениям. Исключались сообщения, намекавшие, что убийство Игоря произошло на почве соперничества из-за дани с древлян. Таким сохранившимся в новгородском летописании осколком первоначального рассказа является сообщение о данном Игорем Свенельду праве сбора дани в Деревской земле. С другой стороны, делались вставки, которые должны были показать Свенельда слугой и приверженцем киевских князей. Таковыми являются упоминания Свенельда в рассказе о мести Ольги древлянам за смерть Игоря. Как на особенно тенденциозную вставку указывал А. А. Шахматов на совет Святославу «воеводы отня» Свенельда при возвращении на Русь из Болгарии не идти мимо порогов, где засели печенеги. Пренебрежение мудрым советом стоило Святославу жизни [8]. Отметим, однако, что показания Льва Диакона вполне подтверждают историческую достоверность летописного сообщения.

Развивая мысль А. А. Шахматова о переделке первоначального текста в духе, благоприятном Свенельду, Д. С. Лихачев усматривает источник такого сочувствия в том, что «Свенельд и Мстиша были предками Яня и его отца Вышаты», находившихся в дружественных отношениях с печерскими летописцами, которые использовали их родовые предания [9]. Однако мысль о преда-

[7] *А. А. Шахматов.* Указ. соч., стр. 340—378; *он же.* Мстислав Лютый в русской поэзии.— «Сборник Харьковского историко-филологического общества», т. XVIII. Харьков, 1909, стр. 82—91.

[8] *А. А. Шахматов.* Мстислав Лютый..., стр. 83—89; *он же.* Разыскания..., стр. 365—370.

[9] *Д. С. Лихачев.* «Устные летописи» в составе «Повести временных лет».— «Исторические записки», т. 17, 1945, стр. 221—224; *он же.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. — Л., 1947, стр. 102—114. Но уже в комментарии к изданию ПВЛ («Повесть временных лет», т. II.

нии Свенельдова рода, попавшем на страницы летописи, как показали изыскания, следует предать забвению, ибо родословную информатора печерского летописца Яня Вышатича никак нельзя вывести от Свенельда [10].

Мы не станем останавливаться подробно на аргументации А. А. Шахматова, тем более что в литературе уже высказывались возражения против нее. Особенно резкой критике подвергались лежащие в основе построения А. А. Шахматова следующие генеалогические соображения: Малк Любечанин — по летописи, отец Добрыни и Малуши, матери князя Владимира,— отождествлен с древлянским князем Малом, который в свою очередь отождествлен с Мстишей Свенельдичем (он же — Лют Свенельдич). В итоге Владимир, внук Игоря, оказывался также внуком убийцы своего деда Мстиши Свенельдича [11]. Эти отождествления, метко названные А. В. Соловьевым монопросопоманией, т. е. пристрастием к сведению исторических сведений о разных личностях к одному лицу, даже исследователей, придерживающихся в основном воззрений Шахматова на древнейший период русского летописания, привели к выводу, что «в работе А. А. Шахматова самым неубедительным местом является XIV глава его «Разысканий», посвященная генеалогии князя Владимира» [12]. Следует подчеркнуть, что смелая, но неубедительная гипотеза А. А. Шахматова о борьбе между Игорем и Свенельдом, за редким исключением [13], не

М.— Л., 1950, стр. 295) Д. С. Лихачев отметил, что гипотеза Шахматова «в некоторых деталях малоубедительна».

[10] *Б. А. Рыбаков.* Древняя Русь. Сказания — былины — летописи. М., 1963, стр. 194—196. Но и дальнейшие звенья этой генеалогии сомнительны: Вышата, отец Яня, и Вышата, сын Остромира,— несомненно два разных лица (*А. Стендер-Петерсен.* Остромир — Вышата — Янь. Генеалогическая заметка.—В сб.: «For Roman Jakobson. Essays on the occasion of his sixtieth birthday. 11 oktober 1956». Gravenhage, 1956, p. 531—539; *L. Müller.* War Jan Vyšatič ein Enkel des Ostromir? — «Die Welt der Slaven». Wiesbaden, 1958, H. 3, S. 253—256; ср. мои замечания: *A. Poppe.* Opowieść latopisarska o wyprawie «na Greków» w 1043 r.— «Slavia orientalis», t. XVI, 1967, nr. 4, s. 353—357).

[11] *А. А. Шахматов.* Разыскания..., стр. 370—378.

[12] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 195; ср. также *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 64. Фантастическими назвал генеалогические домыслы А. А. Шахматова Х. Ловмяньский (*H. Łowmiański.* Zagadnienie roli Normanów w geńiezie państw słowiańskich. Warszawa, 1957, s. 179).

[13] Согласно с ней переделал русскую историю X в., добавив собственные рискованные гипотезы, В. А. Пархоменко (*В. А. Пархоменко.* Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX—X вв. Полтава, 1913, особенно стр. 117—124; ср. *он же.* У истоков русской государственности (VIII—XI вв.). Л., 1924). Целиком в плену концепции А. А. Шахматова оказался Б. Клейбер, по которому «с согласия Игоря и Свенельда к беспокойным древлянам попал в качестве «малого князя» (smálkununger) сын Свенельда Мстислав — Лют» (*B. Kleiber.* Искоростѣнь.—«Scando-Slavica», VI. Copenhagen, 1960, стр. 126—129). Продемонстрированными А. А. Шахматовым приемами сводить к одному лицу разные сведения о разных лицах не раз увлекались ученые. А. Стендер-Петерсен, хоть и отказывался идентифицировать Мстишу-Люта с Малом Древлянским, в свою очередь отождествил Свенельда со

нашла себе места в прагматических изложениях исторических событий X в. на Руси. В области же текстологического изучения летописи долгое время господствовал почти безраздельно авторитет А. А. Шахматова; так подавляюще огромна была проведенная им работа по изучению летописного текста во множестве списков, изумляли остроумные комбинации, вскрывавшие тайники творческой и пристрастной мысли летописца. Всецело под влиянием построений Шахматова оставался, например, Е. Перфецкий в своем исследовании об отношении «Истории» Длугоша к летописям [14]. При таком положении не удивительно, что статья А. Брюкнера, выступившего с критикой исследовательских приемов А. А. Шахматова и с призывом «оставаться при Несторе», особенно в трактовке русских известий Длугоша, не имела успеха [15]. Здесь сказался не столько фельетонно-полемический характер статьи, на которую нельзя было уже ожидать ответа критикуемого, сколько факт, что ставший в защиту «Нестора» ученый, оказавшийся сильным в критике методов А. А. Шахматова, в меньшей степени засвидетельствовал понимание сложной истории летописного текста и степени его изучения [16]. Возражения

Святославом (*A. Stender-Petersen.* Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik.—«Acta Jutlandica», VI. København, 1934, S. 252—253). Под влиянием А. А. Шахматова Н. Т. Беляев (*Н. Т. Беляев.* Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи.—В сб.: «Seminarium Kondakovianum», т. III. Прага, 1929, стр. 215—270) отождествил двух разных Рюриков. Основательную критику этой гипотезы см.: *Х. Ловмяньский.* Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский. — «Скандинавский сборник», т. VII. Таллин 1963, стр. 221—249. К гипотезе Д. И. Прозоровского о тождестве древлянского князя Мала с Малком Любечанином вернулся недавно А. М. Членов, воспринимая древлянское происхождение князя Владимира Святославича как ключ к толкованию событий второй половины X в. (*А. М. Членов.* Древлянське походження князя Володимира.—«Український історичний журнал», Київ, 1970, № 9, стор. 102—104; № 10, стор. 110—112; № 11, стор. 108—113). С источниковедческой точки зрения выводы автора не приемлемы.

[14] *E. Perfeckij.* Historia Polonica Jana Długosza a ruské letopisectví. Praha, 1932, p. 15, 25, 53, 76—79. Исследователь, в задачу которого должна была входить, в частности, самостоятельная источниковедческая проверка передачи Длугошем летописного рассказа об убийстве Игоря и мести Ольги, некритически повторяет выводы Шахматова, даже не установив, какое из разночтений имени древлянского князя у Длугоша следует признать авторским.

[15] *A. Brückner.* Rozdział z «Nestora». — «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. 141—143. Львів, 1925, s. 1—15.

[16] Так, например, А. Брюкнер (op. cit., s. 7) некритически воспринимает попытку С. А. Корфа (Древлянский князь Мал.— ЖМНП, 1912, февраль, стр. 332—342) объяснить имя древлянского князя Мала из скандинавской (вестготской) формулы брака (maeli — сговор), не заметив основательной критики этого мнения в том же журнале (*С. Н. Сыромятников.* Древлянский князь и варяжский вопрос.—ЖМНП, 1912, июль, стр. 120—139), но неудачно и предложенное тут объяснение имени от «мал» = «малолетен». По Стендер-Петерсену (op. cit., s. 251), Мал происходит от «smálkunungr» — «малый князь». Не сомневаемся в правильности свидетельства летописца, тем более что имя Мал и производные от него известны славянской антропонимии (*W. Taszycki.* Najdawniejsze polskie imiona osobowe. Kraków,

А. И. Лященко, выступившего в защиту А. А. Шахматова, не оказались в целом убедительными, к тому же сам автор счел нужным отметить, что не соглашается с некоторыми из выводов А. А. Шахматова [17].

Самую глубокую критику генеалогических построений А. А. Шахматова осуществил А. В. Соловьев в исследовании, оставшемся по обстоятельствам времени не замеченным в историографии. Отсылая читателя к этой статье [18], являющейся до сих пор самым полным разбором главы «Мстиша Свенельдич и сказочные предки Владимира Святославича» в «Разысканиях...» А. А. Шахматова, мы остановимся подробнее на вопросах, непосредственно связанных с темой настоящих изысканий.

Отождествляя убитого в 975 г. на охоте Люта Свенельдича с Мстишей Свенельдичем, упомянутым под 945 г., А. А. Шахматов исходил из соображения, что Мстиша — это имя (уменьшительное), а Лют — прозвище одного и того же сына Свенельда — Мстислава Лютого. Из упоминания в Печерском патерике и в Новгородской IV летописи под 1024 г. князя черниговского Мстислава с эпитетом «лютый» А. А. Шахматов сделал вывод о том, что о Мстиславе Лютом сложилось народное предание или историческая песня. Составитель позднего свода отождествил его с Мстиславом Черниговским, но летописец XI в. (Начального свода) под именем Мстислава Лютого разумел сына Свенельдова, песня о котором послужила ему источником летописного рассказа 975 и 977 гг. о вражде между Ярополком и Олегом. Тот же летописец, приводя имя Свенельда под 945 г., добавил: «тъ же отець Мьстишин»,— вспомнив о песенном легендарном Мстиславе Свенельдиче. Составитель Начального свода располагал при этом двумя различными сказаниями или песнями о Мстише, но отдал предпочтение повествованию об убиении Мстиши — Люта на охоте Олегом Святославичем и вставил его в текст Древнейшего свода, изъяв другое — недоброжелательное в отношении рода Свенельда, о Мстише как убийце Игоря [19]. Не говоря уже о том что существование предания или песни о Мстиславе Лютом, кем бы он ни был, лишь догадка, не имеющая оснований, против такого объяснения присутствия Мстиши в летописи следует возразить, прежде всего следуя ходу мысли самого А. А. Шахматова. Если

1926, s. 80—81; *J. Svoboda.* Staročeská osobni jmena a nasě příjmeni. Praha, 1964, S. 49, 78, 201). Ср. также топоним Малин [от Мал] (*A. Profous.* Místni jména v Čechách, t. III. Praha, 1951, s. 13).

[17] *А. И. Лященко.* Летописное сказание о мести Ольги древлянам.— «Известия по русскому языку и словесности», т. II, кн. 1. Л., 1929, стр. 320—336.

[18] *А. В. Соловьев.* Был ли Владимир Святой правнуком Свенельда? — «Записки Русского научного института в Белграде», вып. 16—17, 1941, стр. 37—64. Там же (стр. 46—49) дан критический разбор теории В. А. Пархоменко.

[19] *А. А. Шахматов.* Мстислав Лютый..., стр. 89—90; *он же.* Разыскания..., стр. 357—359; ср. также реконструкцию текста на стр. 544, 551, 552, 613 «Разысканий...».

действительно летописец, будь он составитель Начального или другого свода, задался целью представить в положительном свете Свенельда, то какой смысл был ему вводить в летопись историю, в которой Свенельду приписан почин рокового исхода вражды между двумя Святославичами. Над трупом брата Олега Ярополк «плакася и рече Свеналду: «Вижь сего ты еси хотел»». Так прославлялся соавтор могущества собирателей земель, князей киевских, или осуждался сеятель междукняжеской которы? И тот и другой вывод был бы, пожалуй, неправилен. Рассказ о убийстве Свенельдича, о горе отца, потерявшем сына, о горе, перековавшемся в жажду мести, о брате, убившем брата и горюющем над его телом,— это не только исторический источник о событиях, но и, может быть прежде всего, литературное произведение; в нем показан человек во всей сложности — низменности и возвышенности своих чувств и поступков. Поэтому-то так богаты красками и правдивы (что вовсе не значит, что исторически верны) портрет Свенельда, портреты Ольги, Святослава и других персонажей летописного повествования [20]. Древнерусскому литератору, будь он и историком, была чужда манера навешивать ярлыки. Ведь благодаря таким жемчужинам, как сказания о мести Ольги, о гибели Олега Древлянского и др., нанизанным на нить летописания, «Повесть временных лет» — не только анналы, но и шедевр древнерусской литературы [21].

У летописца были свои симпатии, он бывал тенденциозен, но это не единственный ключ к пониманию летописного свода, объяснению вставок, пропусков и перестановок. Иначе трудно будет отличить действительные нарушения первоначального текста от воображаемых, угадываемых в мнимых намерениях бытописателя. И поэтому мы отказываемся подозревать летописца в намеренном исключении эпизода о Мстише, тем более что существование такового нельзя признать доказанным. К тому же и само соединение обоих имен искусственно не только потому, что не всякий Мстислав носил эпитет «Лютый», но и потому, что А. А. Шахматов произвольно выбрал имя убитому Олегом Свенельдичу. По Лаврентьевской летописи, он действительно Лют, но по Ипатьевской — Лот, по Новгородской I — Лут. И мы не можем отдать без оговорок предпочтения чтению списка Лаврентия, тем более что Ипатьевский засвидетельствовал себя многими более исправными чтениями. Возможно, что Лот, Лут ближе к первич-

[20] Можно не согласиться с Б. А. Рыбаковым (указ. соч., стр. 55—57, 178, 180, 181, 187), усматривающим в летописном портрете Свенельда антиваряжские тенденции. Тезис о вызревании русской государственности в борьбе с «варяжским засильем», наблюдаемым сквозь призму полемики исследователей XVIII—XX вв., интересен, но спорен.

[21] Изучение летописи как литературного памятника, начатое М. И. Сухомлиновым (1856 г.), в наше время нашло блестящее развитие в многочисленных трудах Д. С. Лихачева. Ср. *О. В. Творогов.* Сюжетное повествование в летописях XI—XIII вв.— В кн.: «Истоки русской беллетристики». Л., 1970, стр. 31—66.

ной записи скандинавского имени Ljot, Lóti, вполне подходящего для сына Svenaldra [22].

Определив Мстише роль убийцы Игоря, А. А. Шахматов поставил его во главе восставших древлян и отождествил с древлянским князем Малом. В свидетели такому преображению ставился Длугош, имевший якобы в числе своих источников утраченный западнорусский летописный свод. Несложный, но осложненный литературой вопрос о русских источниках польского историка и заслуживающий поэтому особого изучения, мы вправе не рассматривать здесь подробно, ограничившись интересующим нас эпизодом: ведь и сам Шахматов констатировал, что Длугошево изложение смерти Игоря и мести Ольги «можно было бы признать заимствованным из Повести временных лет..., если бы не имя древлянского князя: Miskina. Это имя указывает самым решительным образом на другой источник. Повесть временных лет и Начальный свод называют его Малом». «Чтение Miskina я возвожу к чтению «Мьстина» или «Мистина» Длугошева источника... «Мьстина» является, конечно, вариантом имени «Мьстислав»; поэтому я отождествляю Длугошева Мьстину (Miskina) с Мистишей, Мьстишей нашей летописи» [23].

Итак, вопрос сводится к тому, откуда почерпнул Длугош имя древлянского князя. А. Брюкнер, правильно указывая на использование летописи Длугошем, знавшим поверхностно ее язык, в извлечениях и в сокращении, предполагал, что единственное отличие по сравнению с известным летописным рассказом, касающееся имени, является результатом ошибки зрения или пера: пробегая глазами по сокращаемому тексту, Длугош прочитал в нем «то же отець Мьстишинъ» и по невниманию или по недоразумению передал его в несколько искаженном виде (Miskina) как имя древлянского князя [24]. У Длугоша действительно можно встретить разные курьезы — результат его догадок и выдумок или просто непонимания текста; например, при переводе летописных сообщений «о прузех», где саранча преобразилась в прусов [25]. Но в данном случае объяснение Брюкнера неубедительно.

---

[22] Оно известно в Исландии и Норвегии (ср. *O. Rygh.* Gamle Personnane, s. 175; *A. Stender-Petersen.* Varägersage, S. 15, 252).

[23] *А. А. Шахматов.* Разыскания..., стр. 349, 364—365; ср. *E. Perfeckij.* Op. cit., s. 15, 25, 53, 77. Обзор литературы о русских источниках Длугоша см.: *Fr. Sielicki.* Kroniki staroruskie w dawnej Polsce.— «Slavia orientalis», t. XIII, 1964, N 2, s. 143—146; *он же.* Powieść minionych lat. Wrocław, 1968, s. 120—124. Опубликованная посмертно незавершенная статья М. Н. Тихомирова «Русский летописец в «Истории Польши» Яна Длугоша» (в его книге «Исторические связи России со славянскими странами и Византией». М., 1969, стр. 226—237) диктует необходимость источниковедческих изысканий. Отметим лишь, что Длугош не разбирался в хронологической системе древнерусского летописания.

[24] *A. Brückner.* Op. cit., s. 2—3, 12.

[25] Ср., например: «Joannis Dlugossii Historiae Polonicae», t. 1, lib. 1, 4. Ed. A. Przeździecki. Kraków, 1873, s. 402, 447. Здесь «прузи» не только преобразились в «Pruthenis», но получили в придачу Литву. Часты искажения назва-

Прежде всего следует подчеркнуть, что в авторском и восходящем к нему списках Анналов трижды упомянут «dux Drewlyanorum Niszkina» (Niszkinam, Nyszkinam, Nyszkina) в контексте, точно соответствующем летописному рассказу, где также трижды назван Мал. Чтение же Miskina (Myszkina) в изданиях 1615 и 1711 гг. и некоторых списках «Истории» Длугоша, которому А. А. Шахматов отдал предпочтение, явно вторично [26]. Прав А. В. Соловьев, указывавший, что подлинность формы Nyszkina — Niskina подтверждают и черпавшие из труда Длугоша историки XVI—XVII вв. [27] Но и он, и защищавший положения А. А. Шахматова А. И. Лященко приходили к выводу, что Нискина—Нискиня попал в труд Длугоша из русских летописей. А. И. Лященко видел тому доказательство в Густынской летописи и «Ядре российской истории», но усомнился в обоснованности отождествления Мискины — Нискины с Мстишей, осторожно предполагая, что русские летописи упоминали о двух князьях у древлян: Мале и Нискине [28]. К недоразумениям следует отнести ссылку А. И. Лященко на Густынскую летопись — труд XVII в., построенный и на польских хрониках. Составитель летописи ссылается и на Длугоша, который, однако, был ему, по-видимому, знаком через хроники Бельского, Стрыйковского и других польских писателей [29].

ний; например, из «Вручий» — «Waresz», из «къ Треполю» получилось «Kontropolije», из «по Ръси» — «Porsza». Подробнее о расхождениях Длугоша с летописью в результате непонимания либо неправильного прочтения текста см.: *A. Semkowicz.* Krytyczny rozbiór dziejów polskich Jana Dlugosza. Kraków, 1887, s. 69, 105, 122, 125, 130, 132, 135, 136, 138, 139, 145, 147; ср. также *А. І. Генсьорський.* Помилкова інтерпретація Длугошем деяких месць тексту Галицько-Волинського літопису.— В кн.: «Досліди і матеріали з українськоі мови», т. 3. Київ, 1960, стор. 16—26.

[26] Ср. замечания о списках и изданиях труда Длугоша во введении к новому его изданию «Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae», lib. 1—2. Warszawa, 1964, s. 10—42; перевод на польский язык — «Roczniki albo Kroniki sławnego Królestwa Polskiego». Warszawa, 1961, s. 9—56. Упоминание Нискини см. на стр. 122 (в переводе стр. 185), в изд. 1873 г. на стр. 63—64. Отметим, что запись имени вполне соответствует современному Длугошу правописанию. Ср. в документе 1439 г.— Nysky Johannes; он же в грамоте 1441 г.— Nyszky («Kodeks Dyplomatyczny Małopolski», t. IV. Kraków, 1905, s. 341, 372). Ср. также под 1500 г.— Nyszky Petrus («Libri Juris Civilis Cracoviensis 1392—1506». Kraków, 1913, s. 365, N 9128).

[27] *А. В. Соловьев.* Указ. соч., стр. 58—59. У М. Стрыйковского — «Нискиня, а согласно некоторым называемый Малдит» (по изд. 1846 г., т. 1, стр. 117). Это новое имя появилось у С. Герберштейна, вероятно, от первоначального Mal dictus—перевода «бе бо имя ему Мал» (*S. Herberstein.* Rerum Moscoviticarum commentarii. Basileae, 1556, p. 4: a Malditto Drevlianorum principe...).

[28] *А. И. Лященко.* Указ. соч., стр. 327—328.

[29] *В. С. Иконников.* Опыт русской историографии, т. 2, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1520—1522; *А. В. Соловьев.* Указ. соч., стр. 47; *А. Єршов.* Коли й хто написав Густинський літопис? —«Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. 100, ч. II. Львів, 1930, стор. 205—211. См. также обзор литературы вопроса: *Fr. Sielicki.* Kronikarze polscy w latopisarstwie i dawnej historiografii ruskiej.— «Sławia orientalis», t. XIV, 1965, N 2, s. 143—178; особенно s. 153, 157, 160—164. О переводах и распространении хрони-

Так же неудачна ссылка на составленный к 1715 г. труд А. И. Манкиева, где автор пользовался польскими хрониками, в том числе Стрыйковского, как авторитетным источником[30]. А. В. Соловьев обратил внимание на сообщение Иоакимовской летописи в изложении В. Н. Татищева: «Князь древлянский Мал, сын Нискинин, присла послы ко Ольге просити, да идеть за нь»,— и готов был видеть в нем отражение «не дошедшего до нас источника, передавшего легенду об Ольгиной мести несколько иначе, чем Начальная летопись, которым в данном случае пользовался Длугош»[31]. Но теперь, когда выяснилось, что приписываемая Татищевым первому новгородскому епископу Иоакиму летопись не его мистификация, а просто поздняя компиляция конца XVII или даже первой половины XVIII в., имевшая среди своих источников наряду с летописями хроники Бельского и Стрыйковского[32], вопрос об упоминании в русском летописании Нискины—Мискины независимо от Длугоша и его польских последователей следует решить отрицательно. Гипотеза о существовании иной первоначальной редакции сказания о мести Ольги, называвшей по имени двух древлянских князей Мала и Нискиню, возвращала бы нас в мир увлекательных, но слишком субъективных построений, из которого с таким успехом вышел сам А. В. Соловьев, критикуя гипотезу А. А. Шахматова.

Одновременно А. В. Соловьев сделал тонкое наблюдение о возможности существования древнерусского имени или прозвища Нискиня, сформированного от прилагательного «нискыи» (низъкыи), приведя в подтверждение данные топонимики: село Нискиничи (по описи 1545 г.— Nizkinicze) около Владимира Волынского на Западном Буге[33]. Выйдя на правильный путь, ученый,

---

ки Стрыйковского в России и на Украине в XVII в. см.: *А. И. Рогов.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966, стр. 259—306.

[30] *В. С. Иконников.* Указ. соч., т. 2, кн. 2, стр. 1557; *С. Л. Пештич.* Русская историография XVIII в., ч. 1. Л., 1961, стр. 103—109; *Fr. Sielicki.* Kronikarze..., s. 145—146.

[31] *А. В. Соловьев.* Указ. соч., стр. 60; ср. *В. Н. Татищев.* История Российская, т. I. М.— Л., 1962, стр. 111.

[32] *С. К. Шамбинаго.* Иоакимовская летопись. — «Исторические записки», т. 21, 1947, стр. 254—270; *M. Gorlin.* La Chronique de Joachim.— «Revue des études slaves», t. XIX. Paris, 1939, fasc. 1—2, p. 40—51; ср. также введение М. Н. Тихомирова к новому изданию труда В. Н. Татищева «История Российская», т. I, стр. 50—52. Сам Татищев указывал на близость известий Иоакимовской летописи и хроники Стрыйковского, делая из этого вывод, что среди своих источников «Стрыйковский сию Иоакимову имел» (там же, т. I, стр. 113, 118—119).

[33] *А. В. Соловьев.* Указ. соч., стр. 59—61. Здесь автор ссылался на записи 1570—1583 гг.: Niskinicze, Nyskinycze. Упоминание в описи 1545 г. см.: «Źródła dziejowe», t. VI. Rewizja zamków ziemi Wołyńskie w połowie XVI w. Wyd. A. Jabłonowski. Warszawa, 1877, s. 11. Ср. запись 1593 г.: Низкиничи («Архив юго-западной России», ч. I, т. 1. Киев, 1859, стр. 373). «Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich», t. VII. Warszawa, 1886, s. 113, 156: Nieskienicze, Niskienicze.

к сожалению, отказался от «соблазнительной мысли счесть «Нискиню» лишь другим прозвищем князя Мала и свести оба имени к желательному единству» [34]. Нас, однако, такая мысль прельстила, в результате мы пришли к выводу, что древлянский князь Мал стал Нискиней под пером Длугоша и вовсе не в результате невнимательного чтения летописи.

Имя Нискиня (Нискина) следует признать не только древнерусским, но вообще старославянским. По суффиксу -ына, -ыня, -иня, -ина оно подобно именам Добрыня, Поздыня, Благыня, Драгиня, Dobryna, Blizina, Gostina, Parchyna, Vestina, но по словообразованию сложнее: оно образовано путем присоединения к корню двух суффиксальных морфем: низ(=нис)-ък-ина, где первый суффикс уменьшительный, второй ласкательный. По формообразованию тождественны имена: 1) Воикина (от вои-къ), княжий отрок, упомянутый в «Повести временных лет» под 1086 г.; 2) Плоскыня (от плъсъ — плъскъ), воевода бродников, названный в Лаврентьевской летописи под 1223 г.; 3) Сырокина (Широкина) в записи Syrokina (Syrokyna) (от сыръ — сырой, бодрый либо от ширъ — ширъкъ — широкий?), упомянутый среди пожалованных крестьян в подтвердительной грамоте Тынецкому монастырю, известной по двум спискам 1275 г. и XIV в. [35] Следовательно, имя Нискина в XV в. могло быть еще не совсем чуждо польскому языку, и если даже представляло собой исчезающий архаизм, то тем более годилось для помещения на страницах Анналов польского Ливия. Учитывая приемы работы Длугоша, «сочетавшего бесцеремонный произвол в исторических амплификациях с бенедектинской терпеливостью в исправлении несущественных подробностей» [36], и его особую пристрастность к подбору этимологий к ономастическому материалу, а также к архаизации польских имен и прозвищ путем отождествления их с античными, переименование Мала в Нискиню становится вполне понятным. Например, восприняв мнение, что имя Мешко — уменьшительное от Мечислав, и учитывая, что полякам присуще завершать имена своих королей и князей не на «ко», но на «слав», Длугош аккуратно исправил всюду в рукописи Мешко на Мечи-

---

[34] *А. В. Соловьев.* Указ. соч., стр. 60.

[35] ПСРЛ, т. II, стб. 198 (т. I, стб. 206: Вънкина); т. I, стб. 508. Текст Тынецкой грамоты см.: «Album Palaeographicum». Ed. S. Krzyżanowski. Cracoviae, 1907, tabl. XVIII, XIX. Эта подделка с датой 1105 г. восходит к XII—XIII вв. (до 1275 г.), когда вид документа получила опись монастырских имений начала XII в. (*Z. Kozłowska-Budkowa.* Repertorium polskich dokumentów doby piastowskiej. Kraków, 1937, s. 29—33). Все имена на -ina, данные в записи латинским шрифтом, взяты из Гнезненской грамоты 1136 г. («Monumenta Poloniae Palaeographica». Ed S. Krzyżanowski. Cracoviae, 1907, tabl. II; *Fr. Miklosich.* Die Bildung der slavischen Personen- und Ortsnamen. Heidelberg, 1927, S. 9; *W. Taszycki.* Najdawniejsze polskie imiona osobowe. Kraków, 1926, s. 53—54; ср. *И. Тупиков.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903, стр. 306).

[36] Ср. предисловие В. Семкович-Зарембины к «Jana Dlugosza Roczniki», s. 45.

слав. Придав вслед за Кадлубком римское имя Помпилий легендарному Попелю, Длугош не упускает случая отметить: «по-латыни называемый Cinereus, по-немецки — Osserich» (Ascherich с типичным славянским переходом «а» в «о»). Легендарный основоположник Кракова Крак, Кракус превращается в римлянина Гракка, Граккуса и получает родословную от знаменитого рода политических деятелей древнего Рима Гракхов. В польский языческий пантеон Длугош вводит античных богов. Римская Tempe-ries преображается в славянское божество Погоду [37].

Наблюдаемая у Длугоша замена имен является результатом их осмысления и подбора эквивалентов. Магнуса, отца св. Станислава, Длугош наименовал Велиславом. Запись имени Бориса — Borzisz — указывает на то, что это имя воспринималось им как уменьшительное от Борислав — Borzysław. Брячеслава он отождествил в Brzetysławem, имя же Олега считал производным от Алексей (Olech alias Alexius). При передаче летописной ономастики (оставляя в стороне явно ошибочные чтения) у Длугоша, наряду со стремлением к полонизации, встречаются также случаи украинизации имен. Руководствуясь явно украинской фонетикой «г», он либо заменял его на «h», либо вовсе пропускал (например: Ihior, Iior, Olha, Hleb, Czernyeow) [38]. Игоря Ярославича он переименовал в Григория (Hrehory), а его сына Давида неоднократно именовал по отечеству Hreorowicz. Как правило, в украинском произношении записано имя Изяслава — Заслав. Украинизмы у Длугоша в результате изучения всей восточнославянской ономастики Анналов прольют, несомненно, больше света на творческую лабораторию автора, но уже и теперь можно предположить, что в собирании материалов (выписки для картотеки Длугоша) либо в консультировании его участвовал книжник из Галицко-Волынской Руси. Этот волынянин или галичанин, помогая в переводе летописного текста, мог и подсказать Длугошу переименование Мала в Нискиню — имя, не чуждое еще обоим языкам (ср. Нискиничи в волынской топонимике).

Так или иначе, увлекавшийся этимологиями, любивший вникать в смысл слов, Длугош счел нужным изменить и имя древлянского князя. Это не удивительно, если вспомним, что Мал смущал уже летописца, который к речи древлянских послов, обращенной к Ольге («...поиди за князь нашь за Мал»), избегая двусмысленности, добавил: «бе бо имя ему Мал, князю дерьвьску». Имя Мал было известно также в польском языке, но Длугош, видимо, счел его слишком будничным, прозаическим, скорее пле-

---

[37] «Joannis Dlugossii Annales», p. 107, 117, 124, 143—146, 171; «Opera omnia», t. I, s. 9; t. X, s. 303, 367. Ср. также его этимологии этнонимов (p. 117), топонимов (p. 143—144). См. в переводе «Jana Dlugosza Roczniki», s. 165—166, 186—187, 208—211, 236, 237.

[38] Ср. *А. Лященко*. Кілька власних імен в «Історії» Длугоша. Матеріяли до історії української мови в XV ст.— «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. 99, ч. I. Львів, 1930, стор. 317—321.

бейским, чем княжим, и заменил более, по его мнению, подходящим, но имеющим тот же смысл, древним и для его времени — Нискиней.

Выяснению обстоятельств появления Нискини у Длугоша мы уделили особое внимание, так как именно Нискина — Мискина явился основным звеном для восстанавливаемого А. А. Шахматовым первоначального текста летописного рассказа о смерти Игоря. Исключение этого звена ярко рисует всю несостоятельность выдвинутой знаменитым ученым гипотезы. То же можно сказать о предположении, что не дошедшее до нас, но известное Длугошу повествование называло имена двух древлянских князей. Однако появление в летописи Мстиши не перестает быть загадкой.

Доказывавший шаткость построений А. А. Шахматова, А. В. Соловьев считал, что ссылка на Мстишу как на личность, хорошо известную современникам летописца, сделана для придания большей точности рассказу. Мнение это не ново. Еще М. П. Погодин замечал о летописной статье 945 г.: «Верно, это писано тогда, когда жил сий неизвестный Мстиша; следовательно, не позднее начала XI в.». И. И. Срезневский писал :«Сын Свенельда Мстиша... ни разу более не вспоминается, ни по чему другому не нашел себе права на память летописца; он был, следовательно, важен для летописца только как современник и мог быть замечен только современником — следовательно, еще в X веке» [39]. Эту же точку зрения отразил М. И. Артамонов: «По-видимому, летопись составлялась в то время, когда Свенельда не только не было в живых, но и сама память о нем настолько стерлась, что понадобилась ссылка на его сына, возможно, не только хорошо известного, но еще и живого». Такой летописью, по его мнению, мог быть предполагаемый Б. А. Рыбаковым свод 996—997 гг. [40]

Но, в отличие от писавших до и после него, А. В. Соловьев шире аргументировал его положение: «Ссылка на Мьстишу под 945 г. не представляет ничего исключительного. Как раз для Начального свода очень типичен прием: древние события связывает со своим временем, называя известные современникам урочища и лица. Не говоря о многочисленных речениях: «суть до сего дня»,—

---

[39] *М. П. Погодин.* Указ. соч., т. I, стр. 169; *И. И. Срезневский.* Указ. соч., стр. 6. Подобное же мнение высказали М. С. Грушевский (Історія України — Русі, т. I. Львів, 1898, стор. 446) и недавно А. Г. Кузьмин (Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969, стр. 145—146).

[40] *М. И. Артамонов.* Воевода Свенельд.— «Культура Древней Руси. Сб. в честь Н. Н. Воронина». М., 1966, стр. 34. Точнее – это гипотеза Л. В. Черепнина («Исторические записки», т. 25, 1948, стр. 293—333), развитая Б. А. Рыбаковым (указ. соч., стр. 173 и сл.). Против этой гипотезы возражал А. Н. Насонов (Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием Древнерусского государства.—В кн.: «Проблемы источниковедения», вып. VII. М., 1959, стр. 421; *он же.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, стр. 20, 32—34).

отметим более точные указания: «идеже ныне Олмин двор» (882 г.), «идеже есть ныне двор Гордятин и Никифоров», «идеже есть ныне двор Воротиславль и Чюдин», «идеже есть двор демьстников» (все под 945 г.), «иже есть ныне сельце Передславино» (980 г.). Ни об Ольме, ни о Гордяте, ни о Никифоре, ни о Воротиславе в летописи больше не говорится; однако из этого нельзя заключить, что какие-то эпизоды об этих лицах были исключены сводчиком. Просто, для того чтобы придать точность рассказу, летописец ссылается *на личности, хорошо известные* в то время, когда он заканчивал Древнейший свод (в 1039 г. по Шахматову или в 1050 г. по Истрину). Такое же значение имеет и определение умерших личностей по их потомкам: «Свенгельд отец Мьстишин» (945 г.), «преставися Рогнедь, мати Ярославля» (1000 г.), «преставися Изяслав, отець Брячиславль» (1001 г.), «Володимер, отец Ярославль» (1039 г.), «Вышате, отцу Яневи» (1043 г.). Очевидно, и Мьстиша, и великий князь Ярослав, и Брячеслав, и Ян были живы тогда, когда писал летописец. Так как эти речения прекращаются после 1043 г. (так же как и обильные упоминания «до сего дне»), то мы можем прийти к интересному выводу: с 1043 г. стиль летописи меняется, очевидно было закончено составление Древнейшего летописного свода... Что же хотел сказать его составитель, упомянув (в 1043 г.) о Свенельде под 945 г., почти сто лет назад, что он был «отец Мьстишин»? Он просто хотел связать давно умершего Свенельда (умер не позже 980 г.) с современностью. Конечно, у Свенельда был не один сын с пятью именами (Мстиша — Лют — Мискиня — Мал — Малко), это ненужная монопросопомания. Их было по меньшей мере двое: один — Лют, погибший давно, в 975 г., а младшим был Мьстиша (Мстислав), вероятно доживший до 1043 г. и пользовавшийся почетом в Киеве» [41].

Прежде всего, возражая А. В. Соловьеву, отметим, что оборот «до сего дне» и подобные ему «доселе», «доныне» знакомы также летописному тексту второй половины XI в. Например, они встречаются в летописных статьях 1051 и 1074 гг., повествующих о Печерском монастыре и составленных не ранее 90-х годов при игумене Иоанне (1088—1095 гг.) [42]. В основе соображений

---

[41] *А. В. Соловьев.* Указ. соч., стр. 55—57.

[42] ПВЛ, ч. 1, стр. 106, 128, 131. А. А. Шахматов (Разыскания..., стр. 445—451) считал эти сказания о Печерской обители принадлежностью свода 1073 г., но обороты «до сего дне», упоминание игумена Иоанна признавал вставками составителя Начального свода 1095 г. Ср. *A. Poppe.* Chronologia utworów Nestora hagiografa.— «Slavia orientalis», t. XIV, 1965, N 3, s. 290; *А. Г. Кузьмин.* Индикты Начальной летописи.— В сб.: «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 306—307, 310—311; *М. Х. Алешковский.* Первая редакция Повести временных лет.— «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969, стр. 37—38. А. Г. Кузьмин и М. Х. Алешковский отодвигают составление рассказов о Печерском монастыре ко второму десятилетию XII в., но не лишенная противоречий и взаимоисключающая аргументация обоих авторов оставляет вопрос открытым.

А. В. Соловьева лежит гипотеза о существовании свода 40-х годов XI в., в настоящее время в основном оставленная [43]. Но вопрос о времени составления свода (составлен ли он в конце X в., середине или конце XI в.) здесь не существен, и его следует даже намеренно исключить, дабы не обременять хронологических изысканий предположениями, которые вызывают сомнение. По существу, вопрос сводится к установлению времени составления летописной статьи 6453 (945) г.

Следует признать, что действительно в тексте первой половины XI в. умершие личности определяются также по своим потомкам, но это еще не значит, что приведенные определения появились не позже 40-х годов XI в. Самое наглядное тому доказательство — определение под 1043 г. Вышаты как «отца Янева», вышедшее из-под пера летописца, который сообщил под 1106 г. о смерти Яня [44]. Исключая Мстишу, все эти пояснения имен личностей посредством их потомков имеют смысл, ибо о них летописец не раз упоминает. Но отмечая родственные отношения, летописец преследует прежде всего цель более ясного изложения. В летописи не раз упомянут Владимир I, но под 1039 г. летописец поясняет — «отець Ярославль», так как двумя строками ниже (под 1041 и 1043 гг.) он пишет о Владимире, «сыне Ярославле». Упоминая под 1064 г. о Ростиславе, он поясняет, чтобы избежать недоразумения: «сын Володимерь, внук Ярославль». Но он величает Всеволода под 1093 г. сыном Ярослава, внуком Володимира, исключительно для придания большей торжественности сообщению о смерти киевского единодержца. Под 1103 и 1116 гг. упомянут «Мстислав, Игорев внук». Так как летописцу не пришлось нигде упомянуть об отце этого Мстислава (по-видимому, князе-изгое), то он возводит его к деду Игорю (сын Ярослава, ум. 1060 г.), который по летописи знаком и ему, и читателю. Владимир Мономах в своем Поучении говорит об одной из своих жен: «Гюргева мати умре»,— т. е. определяет ее по сыну (Юрий Долгорукий). Итак, пояснительная ссылка на отношения родства не всегда может быть пригодна для определения даты составления самого текста.

Иное дело — историко-топографические экскурсы летописца,

---

[43] *Д. С. Лихачев.* Русские летописи..., стр. 62 и сл.; ПВЛ, ч. II, стр. 90 и рецензии Х. Ловмяньского («Przegląd Historyczny», t. 38. Warszawa, 1948, s. 283; «Kwartalnik Historyczny», 1953, N 3, s. 239); *М. Н. Тихомиров.* Источниковедение истории СССР, т. I. М., 1962, стр. 61—63; *М. К. Каргер.* К характеристике древнерусского летописца.— ТОДРЛ, т. XI. М.— Л., 1955, стр. 70—71; *Н. Н. Ильин.* Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957, стр. 3—20. А. Н. Насонов (Начальные этапы..., стр. 416—433; *он же.* История русского летописания, стр. 20—46), пересматривая гипотезу Д. С. Лихачева о «Сказании о распространении христианства на Руси» 40-х годов XI в., считает возможным говорить о летописном своде времени Ярослава (см. мою рецензию в «Studia Źródłoznawcze», t. VI, 1961, s. 171—172).

[44] ПВЛ, ч. I, стр. 185; ПСРЛ, т. I, стб. 281; т. II, стб. 257.

объясняющего местоположение исчезнувших объектов X в. ссылками на существующую застройку. Такое описание было во всех деталях понятно современникам летописца. Последний действительно нигде в летописи больше не поясняет, кто такие Гордята, Никифор, Воротислав, но он и не ставил себе этой задачи. Всецело поглощенный характеристикой места действия, он мысленно восстанавливает Ольгин град, сопоставляя его очертания с топографией современного ему Киева. Разве иначе поступает современный историк-гид? Он ведет по городу современного читателя, и ему не угадать, поймут ли его будущие поколения. Он только располагает более систематическими и устойчивыми ориентирами, но тоже подлежащими приговору времени.

Историко-топографический экскурс древнерусского летописца в летописной статье 945 г. нет оснований считать позднейшей вставкой. Он органически связан с повествованием о первой мести Ольги — казни принесенных в ладье 20 древлян. Летописец образно представляет киевлянам последний путь лучших древлянских мужей. Поэтому датировка таких определений летописца, как «град же бе Киев, идеже есть ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор княж бяше в городе, идеже есть ныне двор Воротиславль и Чюдин...» [45], указывает время составления (литературной обработки летописцем предания) рассказа о мести Ольги древлянам. М. К. Каргер, рассматривавший многочисленные данные летописного текста об исторической топографии Киева, пришел к выводу о принадлежности их одному автору,— по его мнению, составителю свода 1073 г. Никону [46]. Оставляя в стороне гипотетический свод 1073 г., в существовании которого позволительно усомниться, выводам Каргера в основном нельзя отказать в правильности. Не лишено также оснований указание на Никона, с той, однако, поправкой, что его литературную деятельность, непосредственное участие или руководство летописной работой в Печерском монастыре вероятнее всего следует датировать временем игуменства Никона Великого, т. е. 1078—1088 гг. [47]

Из четырех дворов Киева XI в., упомянутых в летописной статье 945 г., само местонахождение которых указывает на высокое положение их владельцев, мы располагаем несомненными данными только по отношению к одному — Чюдину. Этот видный княжий муж — боярин упомянут в летописи трижды. Под 1068 и 1078 гг. упомянут дважды Тукы с пояснением «Чюдинь брат»; под 1072 г. он упомянут сам в словосочетании, указывающем на более позднюю запись: «И бе тогда держа Вышегород Чюдин,

[45] ПВЛ, ч. I, стр. 40; ПСРЛ, т. I, стб. 55; т. II, стб. 44.

[46] *М. К. Каргер.* К характеристике..., стр. 59—71; *он же.* Древний Киев, т. 1. М.— Л., 1958, стр. 263 и сл.

[47] Литературной деятельности Никона и летописному своду 1073 г. мы посвятим особую статью. О времени игуменства Никона см.: *A. Poppe.* Chronologia..., s. 294—296; «Słownik Starożytności słowiańskich», III, 1968, s. 398—399.

а церковь Лазарь» [48]. Время вышегородского посадничества было, пожалуй, начальным периодом карьеры Чюдина. Подобно Лазарю, настоятелю вышегородской святыни, ставшему до 1088 г. игуменом Всеволожа Киево-Выдубицкого монастыря, повышение получил, по-видимому, и переведенный (или возвращенный) в Киев Чюдин. Он же упомянут в заголовке Правды Ярославичей, съезд которых обоснованно приурочивается к церковному торжеству по случаю перенесения мощей Бориса и Глеба во вновь построенную церковь в Вышегороде в мае 1072 г. Присутствие при составлении княжеского устава среди княжих мужей Микулы Чюдина как хозяина места «снема» Ярославичей совершенно понятно. Как хозяин, он и упомянут последним. Чюдин мог продолжать здравствовать в своем киевском дворе и во втором десятилетии XII в., подобно своему сверстнику Лазарю, умершему в сане епископа 6 сентября 1117 г. В заголовке Правды Ярославичей названы также Микифор Киянин, по всей вероятности владелец упомянутого летописцем двора Никифорова, и Коснячко Перенег, которого принято отождествлять с упомянутым под 1068 г. киевским воеводой Коснячько [49]. Итак, хотя двор Никифоров, а быть может, и Чюдин двор были известны в Киеве уже в 60—70-е годы, упоминание о них летописца, учитывая данные статей 1072 и 1078 гг., правильнее отнести к 80-м, 90-м годам XI в., но быть может, и к началу XII в. Этим временем, периодом оживленной литературной деятельности в стенах Печерского монастыря, и следует датировать литературную обработку сказания о смерти Игоря и мести Ольги [50].

А. В. Соловьев предполагал, что Мстиша жил еще в 1043 г., но изложенные им доводы несостоятельны. К 70—80-м же годам XI в. упоминание о Мстише отнести нельзя. И мы продолжаем оставаться в недоумении, что хотел сказать летописец, делая пояснение у имени Свенельда: «тъ же отець Мьстишинъ».

На первый взгляд, такое пояснение в «Повести временных лет» может показаться даже убедительным. Это второе упоминание о Свенельде; в первом, помещенном выше под тем же

---

[48] ПВЛ, ч. I, стр. 114, 121, 132. Об источнике и времени редактирования летописной статьи 1072 г. см.: *A. Poppe.* Uwagi o najstarszych dziejach kościoła na Rusi, cz. III. — «Przegląd Historyczny», t. LVI, N 4, 1965, s. 560—563.

[49] «Правда Русская», т. II. Комментарии. М.— Л., 1947, стр. 121—131; ср. *М. Н. Тихомиров.* Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, стр. 80; *Л. В. Черепнин.* Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда.— *А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто* и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 185 и сл. Заметим, что упоминаемую под тем же 945 г. Козарю беседу, указывающую на местоположение церкви св. Ильи, в которой клялись дружинники Игоря, быть может, следует сопоставить с воеводой Козариным, названным под 1106 г. (ср. ПСРЛ, т. I, стб. 54, 281; т. II, стб. 42, 257).

[50] А. А. Шахматов, исходивший из иных соображений, включение сказания в летопись признавал делом составителя Начального свода 1093—1095 гг. (*А. А. Шахматов.* Разыскания..., стр. 3, 108—111, 373; ср. реконструкция текста свода 1039 г. в редакции 1073 г.— стр. 544).

945 г., выступают «отроци Свѣньлъжи», которым завидует Игорева дружина. А. А. Шахматов считал этот рассказ намеренно лишенным начала, переданного Новгородской I летописью (сохранившей Начальный свод), где под 6430 (922) г. узнаем, что у Игоря «бе воевода именем Свѣнделд», которому, завоевав уличей и древлян, он дал право взимать с них дань, чем и вызвал недовольство собственной дружины [51]. Оно и довело до роковых событий, изложенных в Новгородской I летописи и «Повести временных лет» под 945 г.

Еще Н. М. Карамзин заметил, что «известие о щедрости Игоря в отношении к Свенельду кажется прибавлением новейшего автора», а в последнее время некоторые соображения в пользу этого мнения высказал М. И. Артамонов, предполагавший, что источником обогащения отроков Свенельда и причиной зависти дружины Игоря была не дань с древлян и уличей, а добыча, полученная в результате похода в Закавказье в 943—944 гг. под командованием Свенельда [52]. Но общие соображения, как бы правдоподобны они ни были, не могут заменить источниковедческого анализа рассказа Новгородской I летописи о Свенельде, достоверность которого образцово для своего времени защищал Н. П. Ламбин [53]. Вопрос, впрочем, сложнее, и его следует рассматривать в связи с тезисом о частичном сохранении новгородским летописанием свода, предшествовавшего «Повести временных лет», названного А. А. Шахматовым Начальным и датированного им 1093—1095 гг. Хотя предположение Шахматова оспаривалось (В. М. Истрин, С. А. Бугославский, Н. К. Никольский), но его аргументация в основном осталась неопровергнутой [54].

---

[51] *А. А. Шахматов.* Разыскания..., стр. 102—108; ср. НПЛ, стр. 109—110.

[52] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, т. I. СПб., 1816, прим. 362. М. И. Артамонов (указ. соч., стр. 30—31) исходит из соображений Н. Я. Полового о роли Свенельда и его дружины в походе в Закавказье (*Н. Я. Половой.* О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. — «Византийский временник», т. XX. М., 1961, стр. 103—105).

[53] *Н. П. Ламбин.* Славяне на северном Черноморье.— ЖМНП, 1877, № 5, стр. 48—71; № 6, стр. 234—259; ср. *А. В. Соловьев.* Указ. соч., стр. 51—52.

[54] *А. А. Шахматов.* Разыскания..., стр. 1—13, 378—398; ср. также последнее исследование А. А. Шахматова об этом своде — «Киевский начальный свод 1095 г.» (в кн.: «А. А. Шахматов. 1864—1920. Сборник статей и материалов». М.— Л., 1947, стр. 117—160). См. *Д. С. Лихачев.* Русские летописи..., стр. 38 и сл.; *А. Н. Насонов.* Начальные этапы..., стр. 417—419; *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 248—260; *Д. С. Лихачев.* Текстология. М.—Л., 1962, стр. 179, 186—189, 369—375. В последнее время шахматовский тезис о Начальном своде 1095 г. подвергли сомнению М. Х. Алешковский и А. Г. Кузьмин. У М. Х. Алешковского возражения в основном хронологического порядка, так как по составу он приравнивает Начальный свод к первой, несохранившейся, редакции «Повести временных лет», которая и легла, по его мнению, в основу новгородского летописания (*М. Х. Алешковский.* Указ. соч.— «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969, стр. 13—40). Дальше идет в своих гипотетических построениях А. Г. Кузьмин, предполагая, что Новгородская I летопись сохранила фрагменты свода Ярославичей 70-х годов XI в. (*А. Г. Кузь-*

Принимая сообщение Новгородской I летописи под 6430 г. за составную часть первоначального повествования о покорении древлян и смерти Игоря, А. А. Шахматов понимал, что вторичная рекомендация Свенельда как отца Мстиши мыслима только в ином, нежели сохранившийся, контексте рассказа, отводившего определенную роль в разыгравшихся событиях этому Свенельдичу. Это и побуждало Шахматова отгадывать перестановки, вставки, пропуски и изменения, сделанные в летописном тексте. Следуя же за исследователями, отказывающимися от известия Новгородской I летописи под 6430 г. и принимая повествование о смерти Игоря и мести Ольги таким, каким сохранила его «Повесть временных лет», мы все же не понимаем, зачем понадобился Мстиша летописцу, если он даже не мог быть его современником. Свенельд достаточно ясно отрекомендован летописцем под 6480 (972) г. как «воевода отень», т. е. отца Святослава Игоря, и, вероятно, поэтому под 945 г. упомянуты «отроци Свѣньлъжи». Это вполне может быть объяснено теми приемами, которыми пользовался составитель летописного свода. Хорошей иллюстрацией подобных приемов является упоминание Вышаты под 1043 г., отрекомендованного как отец Яня. Но кто такой Янь, мы узнаем из летописных известий «Повести временных лет» под 1071, 1089, 1091, 1093 и 1106 гг.[55] В назывании летописцем каждого лица имеется смысл, проступающий из ближайшего или более отдаленного текста летописи. Упоминание Мстиши такого смысла лишено.

Изложив разные попытки решить вопрос о происхождении Мстиши Свенельдича, мы показали всю их неубедительность. Вполне разделяя вывод А. В. Соловьева: «Побольше уважения к тексту летописи. Его не надо ни переделывать, ни перестраивать без достаточных оснований»,— мы подчеркнем одновременно его же слова: «Если в нем есть неясности, то их надо разъяснять, относясь к тексту наиболее бережно»[56]. Мы отклоняем вместе с тем предложение «оставаться при Несторе». Отказываясь от слишком субъективного решения А. А. Шахматова, но и возражая его критикам, мы должны подчеркнуть правоту проницательного исследователя, своим научным чутьем ощутившего порчу текста и необходимость его исправления. Однако в поисках правильного чтения он пошел слишком далеко. Текстолог, заподозрив или установив изменение первоначального чтения, должен обосновать источниковедчески необходимость конъектуры.

Все основные списки «Повести временных лет» и Новгородской I летописи дают один текст с незначительными различиями, в наиболее исправном виде читающийся в списках Ипатьев-

---

мин. К вопросу о происхождении варяжской легенды.— В сб.: «Новое о прошлом нашей родины». М., 1967, стр. 46—51; *он же.* Русские летописи..., стр. 46—53, 63—66, 140—142, 162—163).

[55] Ср. ПВЛ, ч. I, стр. 103, 117—119, 137, 139, 144, 186.

[56] *А. В. Соловьев.* Указ. соч., стр. 63.

ском и Хлебниковском: «...и воевода бѣ Свинделдъ, то же отець Мьстишинъ» [57]. В Комиссионном списке Новгородской I летописи лишь та разница, что указательное местоимение «тъ», изменившееся в основных списках «Повести временных лет» после прояснения сильных редуцированных в «то», осложнилось для различения рода вторым местоимением, получив удвоенную форму «тътъ» («тотъ» в Троицком списке Новгородской I летописи). Указательное местоимение «тъ» (-то, -тътъ) с частицей «же» выступает здесь как дополнение в значении «тот же», «тот же самый», т. е. «он же». Впоследствии в этой функции, т. е. в качестве дополнения, выступает только местоимение «он». Чтение Лаврентьевского списка «Мистишинъ» явно вторично по отношению к «Мьстишинъ» не только потому, что в восходящих к общему протографу Радзивиловском и Академическом списках «Мстишинъ» с пропуском слабого «ь» (также в Троицком Новгородской I летописи), но прежде всего потому, что Мьстиша — имя уменьшительное, образованное от Мьстислав, подобно тому как Богьша — от Богуслав, Святоша — от Святослав, Ратьша — от Ратислав [58]. А. А. Шахматов, не обосновывая свой выбор,

[57] ПСРЛ, т. II, стб. 43; см. также т. I, стб. 55 и НПЛ, стр. 110.

[58] Мужские славянские имена с суффиксом «шь», «ша» очень часты (*F. Miklosich.* Op. cit., s. 17—18; *W. Taszycki.* Op. cit., s. 49—50). Экспонент женственности «а» в мужском имени выражает уменьшительность суффикса с ласкательным оттенком. Сокращенные имена нередко встречаются в первоисточниках в обеих формах — мужской и женской; например: Bogusz — Bogusza, Przybysz—Przybusza, Witosz — Witosza (*W. Taszycki.* Op. cit., s. 42, 47, 48). Западнославянской исторической ономастике известна мужская форма имени, сокращенного от Мьстислав,— Mscisz и уменьшительные от него—Mściszek, Mściszko, как свидетельствуют Козьма Пражский (кн. II, 15, 19: Mztis, Mstis) и актовый материал XIII—XV вв. («Kodeks Dyplomatyczny Polski», t. I. Warszawa, 1847, N 151; t. II. Warszawa, 1848, N 154; «Zbiór dokumentów katedry i diecezji krakowskiej», t. I. Lublin, 1965, N 137, 138, 209). Кроме отмеченного А. В. Соловьевым села Мстишино на р. Стырь около Луцка, в польской топонимике находим Mściszewo (упоминается в 1510 г.) в Познанском воеводстве на р. Варте и Mściszewice (упоминается с начала XV в.) на Кашубском Поморье, а в чешской — Mstišov, Mstišovice (упоминается в XV в.) («Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajow słowiańskich», t. VI. Warszawa, 1885, s. 778, 780; *A. Profous.* Op. cit., s. 150—151). В докончании луцко-владимирского князя Любарта-Дмитрия с королем Казимиром 1366 г. упоминается боярин Иван Мьстишиньский («Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków», t. I. Lwów, 1887, N 1, s. 1, 154) — несомненно, владелец упомянутого волынского Мстишина, подтвержденного в известных нам записях XVI и XIX вв. в форме Мстишин, Mstyszyn. Ср. «Źródła dziejowe», t. VI, s. 61: Mstyszyn (1545); «Архив юго-западной России», ч. I, т. 1, стр. 102: двора и села Мстишина (1579 г.); ч. VI, т. 1, стр. 73—74: у Мьстишине (1570 г.). Видеть, однако, в волынских Мьстишиньских потомков Мьстиши Свенельдича, как предполагал А. В. Соловьев (указ. соч., стр. 57—58), если бы даже таковой был реальной исторической личностью, нет никаких оснований. Сам А. В. Соловьев (там же, стр. 63—64) метко критикует родословную XVII в., выводящую род Киселей из «Свенельдова племени». Ср. также *Г. К. Бугославский.* Киевский воевода Адам Кисель и выстроенная им в с. Низкеничах Владимиро-Волынского уезда церковь.— «Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой». М., 1916, стр. 232—248.

отдавал предпочтение форме Мистиша [59], так как она более годилась для сближения с Длугошевым Мискиней. Хотя чтение «тъ же отець Мьстишинъ» само по себе не лишено смысла, но по изложенным выше соображениям его трудно признать присущим первоначальному тексту. Мы усматриваем здесь переосмысление авторской записи «...тъ же отець мьсти сыи» (или «бывъ»). Построение всего предложения позволяет предполагать скорее всего причастие настоящего (сы — сыи) или прошедшего времени (бывъ — бывыи), хотя не исключено употребление второй формы аориста «бы» (или «бысть» — с вторичным окончанием «сть») [60], тем более что форма «бѣ» («воевода бѣ Свенельдъ») употреблена здесь, пожалуй, в имперфектном значении. Менее правдоподобно повторение имперфекта «бяше», употребленного в начале предложения («Ольга же бяше в Киевѣ»). В данном предложении наиболее подходящим нам кажется словосочетание с местоименным (полным) причастием настоящего времени «сыи» (сущии), служащим в предложении определением. Употребление здесь причастия настоящего времени возможно, так как предшествующий глагол «бѣ» не оставляет сомнения в том, к какому времени должно быть отнесено причастие («бѣ сыи»).

Палеографически все сводится к замене первичного «сыи» (либо другой из указанных выше глагольной формы) записью «шинъ». Здесь можно предположить слуховое (звуковое) сходство «сыи» — «шинъ». Но вероятнее графическое сближение, т. е. зрительное сходство, способствующее такой мене: «ш» могло возникнуть из первоначального «сы»; «нъ» же взято из следующего предложения, которое могло начинаться так: «Нъ ръкоша же древляне...» Переходя к новой мысли, летописец решил начать предложение с «Нъ» («и» в смысле народного «ино», «нѣ же» — «и тогда»). Учитывая, что древнерусскими книжниками разбивка текста на слова не применялась, мы можем себе представить, что писец, переписав слово «отець» и читая дальше слитно написанное «мьстисыи», принял два слова за одно, так как вправе был ожидать здесь именно личного имени. Уменьшительное Мьстиша было ему прекрасно известно из быта, потому-то и решил исправить искаженно, по его мнению, записанный суффикс притяжательного прилагательного, образованного от этого имени. Маловероятно, чтобы причиной переосмысления было внешнее состояние оригинала — дефект рукописи, с которой списывал писец, как раз в этом месте. Более правдоподобно, что

[59] Заметим также, что запись Лаврентьевского списка Мистиша — не результат ошибки, а скорее всего отражает тогдашнее произношение (переход «ь» в «и»). Ср. частую запись славянского имени Мьстислав, по-латыни Mscislaw, Miscislaus, также уменьшительное Мьстина в записях XIII—XIV вв. встречаем в форме: Mscina, Mistina, Mystina («Pommersches Urkundenbuch», Bd. II. Stettin, 1885, s. 350; 2. Abt., s. 390, 494, 606; *W. Taszycki.* Op. cit., s. 83—84).

[60] Ср. обе формы рядом в том же рассказе: «рекоша дружина» — «реша древляне» (ПВЛ, ч. I, стр. 39, 40; ПСРЛ, т. I, стб. 54, 55).

писец просто не понял копируемый текст, так как «понял» его слишком быстро, быть может, даже внимательно не прочитав, а просто догадываясь о конце слова, которое начал читать как имя собственное. Такие переосмысления, стоящие на грани бессознательного и сознательного изменения текста, Д. С. Лихачев правильно считает наиболее коварным видом ошибок. Писец, переписывая текст, «стремится от трудного к легкому, от непривычного к привычному, от незнакомого к знакомому» [61]. Переписывая, он не охватывал всего широкого контекста и потому мог не предполагать, что слово «отець» употреблено здесь иносказательно. Непонятное и потому воспринятое как неуместное сочетание нарицательных слов «мьсти сыи» превратилось в собственное притяжательное «Мьстишинъ». Внимание, уделяемое непосредственному сочетанию слов, отвлекало писца от более широкого охвата смысла всего повествования, тем более что только дальнейший, еще не прочитанный текст мог подсказать правильное, «аллегорическое» понимание Свенельдова отцовства. Рядовому переписчику летописи могли быть чужды литературные тонкости. Даже если это был начитанный книжник, он мог в данном случае неудачно осмыслить текст, либо бессознательно, уставшим от долгой переписки взором, не присматриваясь ко всем начертаниям, «угадать» последние буквы, придавая словосочетанию обыденный смысл.

Аллегорическое употребление слова «отець» в смысле «начало», «корень», «основание», «источник», «инициатор», «изобретатель» хорошо известно уже древнейшим литературам, в том числе Ветхому и Новому завету, а затем и христианской письменности. Нам предстоит только показать, что такое иносказательное употребление слова «отець» не было чуждо древнерусскому автору, в данном случае составителю рассказа о смерти Игоря и мести Ольги древлянам. Вот некоторые примеры. В «Повести временных лет» в летописной статье 6496 (988) г. находим: «аще им есть земля мати, то отьць им есть небо» [62]; в Изборнике Святослава 1073 г. в выписке из евангелия от Иоанна (VIII, 44) читаем: «лъжи отець бываеть» [63]; в Изборнике 1076 г.— «утоли гнев, бесу бо есть отьць, когда без меры исходить» [64]; в Ефремовской кормчей начала XII в. (л. 281а) — «того Феодота... ересѣ начальника и отьця быти» [65]. Этих приме-

[61] *Д. С. Лихачев.* Текстология, стр. 73.

[62] ПСРЛ, т. I, стб. 114. Ср. в Поучении Владимира Мономаха: «леность бо всему мати» (там же, стр. 246; ПВЛ, ч. I, стр. 158).

[63] ЧОИДР, 1882, кн. 4, стр. 69; ср. там же: «гнева чада».

[64] «Изборник 1076 года». М., 1965, стр. 280—281 (л. 65 об.).

[65] Ср. также Сказание о Борисе и Глебе в Успенском сборнике XII в., л. 18 в: «отца света»; Троицкий сборник № 12 XII — начала XIII в., л. 15: «не боися нищеты и греха ся бои отьца мучению»; Хлудовский сборник XIV в., л. 105: «отьца змиям дьявола»; Слово Григория Богослова, сборник XIV в., л. 127а: «яко и отьць речется — начало из начала начало»; л. 213а: «бог... любве отець любы сих»; Пандекты Никона Черногорца 1296 г., л. 113 об.:

ров достаточно для устранения сомнений в знакомстве и умении древнерусского автора пользоваться метафорой. Она здесь целиком на месте, и именно при таком чтении первое предложение, рисующее обстановку в Киеве после смерти Игоря, становится естественным переходом и одновременно введением к рассказу о мести Ольги древлянам. Мы приводим это предложение: «...и убиша Игоря и дружину его, бѣ бо их мало... Ольга же бяше в Киевѣ с сыном своим дѣтьском Святославом и кормилець бѣ его Асмуд и воевода бѣ Свинделд, то же отець мьсти сыи. Нъркоша же Деревляне: се князя русскаго убихом, поимем жену его Олгу за князь свои Мал...» (и дальше — рассказ о посольстве древлян и Ольгиной мести) [66]. Пояснение роли Свенельда как изобретателя, инициатора мести делает предельно понятным непосредственный переход автора в следующем предложении к событиям, заведшим в финале древлянских послов в могильную яму на дворе Ольгина терема в Киеве. Роль Свенельда как организатора мести, соавтора и режиссера драматических событий вполне согласуется с его позицией на киевском дворе после смерти Игоря. Он же как воевода командует сражением с древлянами, символически начатым «детеским» Святославом. Не удивительно, что советом мудрого воеводы пользуется овдовевшая княгиня. Ольга не названа, но изображена летописцем как неутомимая «мати мьсти»: после троекратного мщения она уверяет древлян в Искоростене «уже не хощю отмщения творити», а одновременно затевает новую, четвертую, месть.

В своем капитальном труде, неоценимом пособии для всех занимающихся Древней Русью, Д. С. Лихачев обратил внимание на разнообразие ошибок и переосмыслений текста древнерусскими книжниками, вполне подтверждающих предлагаемую нами вероятность [67]. Хорошую иллюстрацию превращения нарицательного названия в имя собственное представляет «Послание о рае» 1347 г. новгородского архиепископа Василия, где в некоторых списках вместо слов «Деисус написан лазорем чудным» стоит «Деисус написан Лазарем чудным» [68]. Следует указать на испорченный во всех списках «Повести временных лет» текст с чтением «все» вместо «вьсь», где этноним Весь стал местоиме-

---

«лжи отьць бываеть он грех и греху отьць; отьць твоим злобам преисподнии»; Пандекты в сборнике XIV в., л. 97: «зависти отьць»; л. 163: «отьць тьмы дьявол и злобы обретатель». Процитированные примеры взяты из картотеки Древнерусского словаря Института русского языка АН СССР. Их выписке я обязан любезности А. И. Рогова.

[66] ПСРЛ, т. II, стб. 43; ПВЛ, ч. I, стр. 40. В весьма полезных для автора прениях по его докладу, представившему основной тезис настоящей статьи на заседании в Секторе древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР 3 июня 1971 г., еще одну возможность чтения подсказал любезно Д. С. Лихачев: «отець мьсти сеи». Палеографическое сближение «сы» — «ш» весьма обосновано, но и мену «се» на «ш» следует признать вероятной.

[67] *Д. С. Лихачев.* Текстология, особенно стр. 60—68, 73—81, 166—197.

[68] Там же, стр. 77; ср. ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 88.

нием, относимым к Кривичам («все Кривичи» вместо «Весь, Кривичи»). Предложенная в XIX в. конъектура текста стала общепринятой [69].

К окончательно неразгаданным словосочетаниям принадлежит и «Поромони двор», упоминаемый в «Повести временных лет» и Новгородской I летописи под 1015—1016 гг. в связи с избиением варягов в Новгороде («в Поромонѣ дворѣ») и долгое время принимаемый за притяжательное собственное. «Поромони» не всегда было понятно древнерусским писцам, о чем свидетельствуют искажения в Ипатьевской летописи. Это слово в Новгороде, знавшем имя собственное Пороман (Парамон?), подтвержденное единичным упоминанием в Новгородской I летописи под 1269 г., могло восприниматься как таковое. Исследователями начиная с В. Н. Татищева и издателями летописей оно принималось за имя собственное. В 1907 г. Я. Миккола предложил видеть здесь нарицательное в значении «гостиный, торговый двор», так как «поромони» фонетически передает скандинавское «farmanna» (от «farmaðr» — «гость заморский»). В 1948 г. стало известно новое предположение Микколы — толковать «поромони» как фонетическую запись греческого «παραμονή» — «служба охраны», а «поромони двор» понимать, как помещение ближней дружины при дворце Ярослава в Новгороде. Наконец, третью гипотезу выдвинул Б. Клейбер, по мнению которого за «поромони» — «поромяни» скрывается слово «паром» и речь идет о паромной пристани через Волхов [70]. Из этого видно, что вскрытие первоначального смысла крайне сложно даже в том случае, когда сама запись не подверглась в основных списках порче. Характерно при этом стремление видеть в непонятном слове в первую очередь имя собственное.

Поучительный для предлагаемой здесь конъектуры пример последствий переосмысления летописцем текста источника находим в Киево-Печерском патерике. В своем сказании о создании церкви Успения, составленном в 1214—1226 гг., владимиро-суздальский епископ Симон упоминает «Якуна Слѣпаго». Ближайший контекст указывает, что Симону, придавшему Якуну эпитет Слепой, знаком был летописный рассказ под 1024 г. в «Повести временных лет», по которому в Лиственской битве между Мстиславом и Ярославом на стороне последнего участвовал прибывший из-за моря во главе дружины варягов Якун, «и бѣ Якунъ слѣпъ и луда бѣ у него золотом истъкана» [71]. Запись «слѣпъ»

[69] Ср. ПСРЛ, т. I, стб. 19, 20, 22; т. II, стб. 13, 14, 16; [*А. А. Шахматов.*] Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916, стр. 18, 19, 22.

[70] ПВЛ, ч. I, стр. 95; НПЛ, стр. 86, 174, 316; ПСРЛ, т. I, стб. 140; т. II, стб. 127; *Б. Клейбер.* «Поромянь» в Пскове и «Поромони двор» в Новгороде.— В сб.: «Славянское языкознание». М., 1959, стр. 120—124. Здесь также дана предшествующая литература вопроса. Ср. *Д. С. Лихачев.* Текстология, стр. 76—77.

[71] *Д. И. Абрамович.* Киево-Печерський патерик. Київ, 1931, стр. 212; ПСРЛ, т. I, стб. 148; т. II, стб. 135.

присуща всем летописным спискам, но после замечаний Н. П. Ламбина издателями в подстрочных примечаниях как первоначальное отмечалось чтение «сь лѣпъ» [72]. Разделяя мнение Д. С. Лихачева, что название Якуна «слепым» — явное недоразумение, подчеркнем, что прочтение «слѣпъ» подобно чтению «мьстишинъ» было присуще протографу всех основных списков «Повести временных лет» и, следовательно, восходит к очень раннему времени, так как нет оснований допускать, что разные писцы независимо друг от друга повторили одну и ту же ошибку. Пропуск «ь» не только связан с процессом падения редуцированных, но прежде всего с пониманием текста переписчиком. Писец читал слитно «сьлѣпъ» и пропускал слабое «ъ». Если бы он читал раздельно «сь лѣпъ», т. е. понимал «сь» как указательное местоимение («этот»), то воспринял бы «ь» в сильном положении и либо оставил, либо усилил, изменяя «ь» в «е»; для большей определенности присоединялось также местоимение «и». Такие параллельные формы (сь—се—сьи—сеи—си—сии) выступают рядом в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях [73]. Следовательно, в недоразумении повинен не епископ Симон, превративший положительное утверждение («бѣ слѣпъ») в прозвище, а переписчик протографа того списка, которым располагал владимиро-суздальский епископ. По-видимому, уже тогда, в начале XIII в., испорченное чтение было присуще всем спискам «Повести временных лет», кроме «авторского» текста, если таковой еще существовал.

Конъектура Н. П. Ламбина не приобрела, однако, единогласной поддержки исследователей [74]. А. А. Шахматов, предпочитая чтение списков «слѣпъ», замечал, что «если бы дело шло о красоте Якуна, то «при лѣп» было бы «възрастъмь» или «лицьмь», кроме того «луда», как указал Карамзин, означает именно маску, а не шлем или латы; упоминание о луде стоит в связи со слепотой Якуна» [75]. Однако понимание луды как маски, повязки на глаза, имеющее свое начало в толковании текста летописи В. Н. Татищевым, уже после разъяснений Шегрена дополненное основательными выводами Н. П. Ламбина, несостоятельно. Луда, что также прекрасно видно из летописной статьи 1074 г. «Повести

---

[72] *Н. П. Ламбин.* О слепоте Якуна и его златотканной луде.— ЖМНП, 1858, № 5, стр. 33—76; ПВЛ, ч. II, стр. 371; *Д. С. Лихачев.* Текстология, стр. 59, прим. 18; стр. 142—143.

[73] Ср., например: ПСРЛ, т. I, стб. 123, 201, 202; т. II, стб. 107, 192, 194; *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, стб. 344—345. Обилие примеров сопоставил Н. П. Ламбин (О слепоте, стр. 66—73).

[74] Хотя М. С. Грушевский (Історія України — Русі, т. II. Львів, 1905, стр. 20) признавал ее общепринятой, Д. И. Абрамович вслед за А. А. Шахматовым продолжал сомневаться (Киево-Печерський патерик, стр. 212, прим. 1).

[75] *А. А. Шахматов.* Разыскания..., стр. 580, 646; [*он же.*] Повесть временных лет, т. I, стр. 188, 384.

временных лет» («ляха в луде и посяща в приполе цветъкъ»),— это верхняя одежда, плащ, по-видимому суконный [76]. Возражение же Шахматова против «лѣп» — «красивый» вполне обосновано. Следует усомниться в правильности такого перевода, общепринятого со времен Ламбина. «Лѣпъ» имеет много значений — «хороший», «благовидный», «благопристойный» и т. п., в сравнительной степени известен летописям в значении «знатный», «знатнейший» (лепшии князи, мужи, люди). Это несомненный архаизм в летописи — лепых, лепших вытесняют мужи, люди добрые и лучшие [77]. Говоря о Якуне, летописец хотел подчеркнуть его знатность («и бѣ Якунъ съ лѣпъ», т. е. «и был знатен этот Якун»), что подтверждается дальнейшим названием Якуна «княземъ варяжьскимь» [78].

К сложным принадлежит попытка восстановления первоначального чтения в договоре Святослава 971 г. Разночтений нет, и все списки дают одно чтение: «Азъ, Святославъ... хочю имети миръ и свершену любовь съ всякимь и великымъ цесаремь Гречьскым и съ Васильем и съ Костянтином и съ богодохновенными цесари...» [79]. Неувязка налицо, хотя «съ всякым», т. е. «с каждым», не лишено смысла, но обязательство Святослава не шло так далеко, так как по имени названы соправители, тем более следует ожидать имени самого императора, к которому адресована докончательная грамота Святослава: «Ко Иоану, наречаемому Цимьскому цесарю Грецкому».

---

[76] *М. Sjögren.* Was bedeutet das in den russischen Chroniken unter dem Jahr 1024 vorkommende Wort луда.— «Memoires de l Academie Impériales des Sciences», 6 série, t. 2. SPb., 1834, S. 563—592; *Н. П. Ламбин.* О слепоте, стр. 53—63; ср. ПВЛ, ч. I, стр. 126; *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря..., т. II, стб. 49; *Л. Нидерле.* Славянские древности. М., 1956, стр. 232; *A. Stender-Petersen.* Varägersaga, s. 126—127; *M. Vasmer.* Op. cit., Bd. II, S. 66. Фасмер рядом со значением «плащ, верхняя одежда» ставит «головная повязка». Последнее объяснение — результат восприятия лингвистической литературой толкования «луды» Якуна, повторяемого за В. Н. Татищевым (История Российская, т. II. М.— Л., 1963, стр. 76: «оной был глазами слаб, для того имел завеску, золотом исткану, на глазах»). Известный в русском языке с XVI в. «лудан» (шелковая ткань) ни в этимологическом, ни в семантическом плане не имеет отношения к древнеславянскому «луда» (из древнегерманского lodi, loda). Ср. *В. И. Абаев.* Русское и украинское «лудан».— В сб.: «Этимология», [1]. М., 1963, стр. 116—119.

[77] Ср. *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря..., т. I, стб. 682—683; т. II, стб. 57,73—75,191; «Słownik Jazyka Staroslověnskèho», Praha, 1968, s. 154. «Леп» в значении «красивый» присуще прежде всего переводной литературе, в летописях же в этом значении в применении к людям употреблялось «красный». Под 1078 г. летописец говорит, что «бе же Изяслав мужь взором красен и телом велик» (ПСРЛ, т. I, стб. 202; ПВЛ, ч. I, стр. 133—134), т. е. красив на вид и мощного телосложения. О Ростиславе под 1066 г. говорится, что был он «взрастомь же леп и красен лицемъ», т. е. был статен (ростом хорош) и красив лицом (ПВЛ, ч. I, стр. 111; ПСРЛ, т. I, стб. 166).

[78] ПСРЛ, т. I, стб. 148; т. II, стб. 135—136.

[79] Там же, т. I, стб. 72; т. II, стб. 60; ср. ПРП, вып. I. М., 1952, стр. 59, 63.

По предположению Н. Лавровского, первоначальным чтением вместо «съ всякым» было «съ Цемьскиемь (Цимьскимь)» [80]. Склоняясь к этому объяснению, А. А. Шахматов допускал также, что первоначально здесь могло стоять «съ Иоанъмь» либо «съ вами» [81]. Эта мысль заслуживает внимания, учитывая дальнейшие обороты грамоты («людьми вашими», «страну вашю»). Назвав в адресе императора по имени и прозвищу, составитель грамоты мог в дальнейшем ограничиться титулом «μέγας ὁ βασιλεύς» — «великий цесарь», который, будучи поставлен рядом с именами цесарей-соправителей, явно указывал на адресата. И. И. Срезневский же предполагал, что испорченное чтение — результат неумелого прочтения глаголицы, которой якобы была писана грамота Святослава: из первичного «Иванъмь» получилось «всакъмь» [82]. Нетрудно заметить существенную разницу в предложенных исправлениях; выбор имеет коренное значение для понимания истории текста. Конъектуры «съ вами», «съ Цемьскиемь» предполагают порчу текста переписчиком (копиистом). Следуя же Срезневскому, ошибка — несомненный результат чтения написанного глаголицей договора тем, кто ввел его в летопись. Оставляя в стороне вопрос о глаголическом оригинале договора 971 г., заметим, что для обоснования гипотезы Срезневского об ошибке прочтения в результате смешения сходных по начертаниям глаголических букв необходимо первоначальным признать чтение «Иванъмь». Однако в таком случае следовало бы доказать, что славянизированная запись имени первична по отношению к чтению «Иоанъмь» (Ιωανъ). Предпочтение, судя по спискам, следует отдать канонической форме имени [83]. Отказываясь от остроумного объяснения И. И. Срезневского, можно допустить просто порчу первичного чтения «съ Иоанъмь», замененного пере-

---

[80] *Н. Лавровский.* О византийском элементе в языке договоров русских с греками. Варшава, 1904, стр. 147—148; *J. Sorlin.* Les Traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle.— «Cahiers du Monde Russe et Soviétique», v. II. Paris, 1961, N 3—4, p. 466.

[81] *А. А. Шахматов.* «Повесть временных лет» и ее источники.— ТОДРЛ, т. IV. М.— Л., 1940, стр. 122. В реконструкции текста «Повести временных лет» Шахматов предлагает вместо «съ всякымь и» убедительное по смыслу всего контекста чтение «съ вами, Иоанъмь...» ([*А. А. Шахматов.*] Повесть временных лет, т. I, стр. 86).

[82] *И. И. Срезневский.* Следы глаголицы в памятниках X века.— «Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности», т. VII, вып. 5. СПб., 1859, ст. 346—347; ПВЛ, ч. II, стр. 319; *Д. С. Лихачев.* Текстология, стр. 183. Точку зрения И. И. Срезневского принял также С. Микуцкий (*S. Mikucki.* Studia nad najdawniejszą dyplomatyką ruską I. Traktaty rusko-bizantyńskie z Xw.— «Pamiętnik Słowiański», t. III, 1952, s. 117—118; *он же.* Etudes sur la diplomatique russe la plus ancienne.— «Bulletin de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres. Classe de Philologie et d'Histoire», Supplément N 7, 1953, p. 12).

[83] ПСРЛ, т. I, стб. 72; т. II, стб. 60. Обрусение имени Иоанн в Иван происходило, вероятно, уже в XI—XII вв., а не в XIV в., как предполагал М. Фасмер. Ср. также *Б. А. Успенский.* Из истории русских канонических имен. М., 1969, стр. 18—19, 223—226.

писчиком по неразборчивости (некоторое графическое сходство имеется) на «съ всякымъ». Но как бы ни решать этот вопрос, важно и несомненно, что, несмотря на отсутствие разночтений, запись «съ всякымъ» ни в коем случае не может быть признана первоначальной.

Можно, конечно, указать и на другие примеры изменений текста, присущие всем основным спискам «Повести временных лет» [84], но и привлеченные достаточно убедительно свидетельствуют о возможности порчи текста и его переосмысления в протографе списков, передавших повествование о смерти Игоря и мести Ольги древлянам.

Предполагаемая здесь конъектура «Свенельдъ, ть же отець мьсти сыи» вместо «...отець Мьстишинъ» устраняет все неясности и противоречия, придает ближайшему контексту ясный смысл, согласующийся с литературной манерой того времени, проясняет сюжетную линию всего рассказа о мести Ольги древлянам. Выявлен также путь изменения текста как результат сочетания бессознательных и осознанных действий переписчика. Он не вдумывался, не вчитывался в широкий контекст повествования, но, встретив указанное словосочетание, прочел его в обыденном смысле, не уловив иносказательности художественного образа.

Так под пером древнерусского писца родился Мстиша, сын Свенельда, чтобы, пробыв сотни лет на страницах летописи, обеспокоить своей загадочностью исследователей и посеять смуту в разысканиях о древнейшем летописании на Руси. Не подлежит сомнению, что суть дела не в большей картинности событий X столетия в земле древлян и полян. Родословная Мстиши Свенельдича принадлежит к кругу вопросов, решение которых может способствовать более полному пониманию начальной поры русского летописания.

---

[84] Ср. конъектуры, к которым принужден был прибегать Д. С. Лихачев, когда чтения отдельных списков «Повести временных лет» не давали удовлетворительного ответа. См. ПВЛ (т. II, стр. 182—202) с пояснениями исправлений: «по смыслу», «предположительно», «по Амартолу», «по Миклошичу», «по Шахматову».

УГРЫ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Йожеф Перени

История венгров до занятия ими нынешней территории их расселения очень туманна, особенно до VIII в. включительно. Вследствие отсутствия письменных источников различные теории относительно происхождения венгров и их прародины полны противоречий, устранение которых невозможно до тех пор, пока археология не будет располагать достаточным материалом для контроля данных языкознания, на которых эти теории почти исключительно основываются.

Однако уже относительно IX в. положение меняется: сведения о венграх этого столетия появляются в византийских, арабских источниках, а также в «Повести временных лет», что позволяет нарисовать в общих чертах историю венгерского народа этого времени. Кроме того, мы можем сделать некоторые выводы, которые, согласуясь с данными языкознания, проливают свет и на историю предыдущих столетий. Достижения советской археологии последних лет также в некоторой степени могут оказать помощь, но ее данные должны быть подкреплены дальнейшими раскопками.

История венгров, хотя она тесно связана с историей Руси, не была основательно изучена в русской историографии. Советские историки только теперь начинают ею заниматься. В самой Венгрии, разумеется, древняя история венгров стояла и в настоящее время стоит в центре внимания венгерских историков, языковедов, археологов, этнографов и антропологов. В итоге мы располагаем несколькими десятками книг и сотнями статей по этой отдаленной эпохе истории венгерского народа, правда, написанных почти исключительно на венгерском языке и потому недоступных советским исследователям, не владеющим этим языком.

В данной статье я проанализирую сведения «Повести временных лет» и постараюсь выяснить некоторые вопросы истории венгров VIII—IX вв. Я ограничусь лишь теми проблемами, которые в последние годы были затронуты и в советской историографии, но, по моему мнению, не могли быть решены по различным причинам.

«Повесть временных лет» знает венгров под именем «угры». Но в языке летописца это название обозначает не только венгров.

«Словѣньску же языку, яко же рекохом, живущю на Дунаи, придоша от скуф, рекже от козар, рекомии болгаре и сѣдоша

по Дунаеви и населницы словѣном быша. По семь придоша угри бѣлии, и наслѣдиша землю словѣньску. Си бо угри почаша быти при Ираклии цари...» Потом летописец говорит об обрах и продолжает так: «По сих же придоша печенѣзи; паки идоша угри чернии мимо Киев, послѣже при Олзѣ» [1].

Под 898 г. мы читаем более подробное сообщение: «Идоша угри мимо Киев горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское, и пришедъше к Днѣпру сташа вежами; бѣша бо ходяще аки се половци. Пришедше от въстока и устремишася чересь годы великия, яже прозвашася горы Угорьскиа, и почаша воевати на живущая ту волохи и словѣни. Сѣдяху бо ту преже словѣни, и волохове прияша землю словеньску. Посем же угри прогнаша волъхи, и наслѣдиша землю ту, и сѣдоша съ словѣны, покорившие я̀ под ся, и оттоле прозвася земля Угорьска...» [2]

Эти цитаты наглядно показывают, что летописец немного знал об уграх IX в. И все же, анализируя эти отрывки, мы можем получить важные результаты.

Источники двух цитат явно различны. Вторая цитата отражает народную традицию. В Киеве в XI в., когда писал первый летописец, еще помнили об уграх, бывших в окрестностях Киева в конце IX в. Угры здесь — без сомнения, венгры; так и назвали их навсегда восточные славяне. От них название переняли другие, западные и южные, славяне, которые и до сих пор называют их словом, происходящим из «угров», да и другие европейские народы знали венгров под тем же названием (Ungar, Hongrois, Hungarian) [3].

Но в первом отрывке летописец говорит об уграх, которые не могут быть венграми. Поэтому он называет их «белыми», и чтобы не было никаких противоречий, *настоящих*, собственно угров, во второй цитате уже именует «черными» [4]. Кто же были эти белые угры? Ответ довольно прост. Восточные славяне во времена летописца называли уграми только венгров, о других венграх читатели ничего не знали. Ясно, что источником первой цитаты является какая-то византийская хроника (см. слово «скуф»). Известно, что летописец не знал греческого языка и, видимо, вновь использовал старославянский перевод византийской хроники и там нашел название «угры», обозначающее какой-то народ, который не мог быть венгерским народом. Теперь вопрос состоит только в том, какой именно народ переводчик византийской хроники, работавший еще в IX—X вв., назвал «уграми». Византийские хроники времен императора Ираклия говорят о болгарах и оногундурах (оногурах), нападающих на восточную

---

[1] ПВЛ, ч. I. М.— Л., 1950, стр. 14.
[2] Там же, стр. 21.
[3] Слог «ун», «хон» сохранил здесь старый носовой гласный.
[4] Была ли у летописца другая причина отличать белых угров от черных, здесь мы не можем рассмотреть подробнее.

часть Балканского полуострова [5]. Ясно, что славянский переводчик «уграми» назвал именно второй народ. Филологи уже давно установили, что это слово образовано от тюркского «он-огур», что означает «десять стрел», а в переносном смысле «десять племен», и в старославянском языке будет писаться «Ѧгр», с носовым в первом слоге, и из него закономерно образовалось «угр». Значит, восточные славяне (они были соседями оногуров), а позже и другие славяне в течение VI—VII вв. «уграми» называли тюркское племя оногуров [6].

Но здесь сразу же возникает более сложный вопрос: почему византийские хроники назвали часть племен, поселившихся в VII в. на нынешней территории Болгарии, болгарами, другую же часть — оногурами, точнее, называли их то болгарами, то оногурами? Быть может, эти два термина означали один и тот же народ?

Если мы основательно изучим византийские хроники, то не можем не заметить, что они называют тюркские племена V—VIII вв., живущие в причерноморских и в приазовских степях, то болгарами, то оногурами, утургурами, кутургурами и т. д. Несколько раз именуют их и гуннами, причем последнее название (как и «скифы», а позже «турки» и т. п.) в большинстве случаев является анахронизмом. Но во второй половине V в. оно могло отражать еще нечто реальное, потому что после распада империи Аттилы часть гуннских племен возвратилась в причерноморские степи и там смешалась с другими тюркоязычными племенами, пришельцами из Прикубанья, в названии которых почти всегда встречается корень «огур». По-видимому, именно это новое кочевое образование получило собирательное название «болгар», что по-тюркски означает «смесь» [7], причем отдельные племена сохранили и свое прежнее племенное название. Все племенные образования той эпохи — речь идет о союзах родственных тюркских племен — эфемерны, они быстро распадались и из них еще не могла образоваться народность.

---

[5] *Gy. Moravcsik.* Byzantinoslavica, Bd. II. Berlin, 1958, S. 100, 218.

[6] *J. Melich.* Über den Ursprung des Namens «Ungar».— «Archiv für slavische Philologie», Bd. XXXVIII. Berlin, 1923, S. 244—250; *Gy. Németh.* A honfoglaló magyarság kialakulása. Budapest, 1930, 181. l. Критический обзор свидетельств византийских авторов в связи с историей оногуров см.: *Gy. Moravcsik.* Az onogurok történetéhez. Budapest, 1930; в немецком переводе — «Ungarische Jahrbücher», Bd. 10. Berlin — Leipzig, S. 53.

[7] *J. Németh.* La provenance du nom bulgar.— «Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski», t. II. Kraków, 1927, p. 217—222. На основании византийских источников можно предположить, что первый союз «болгар» образовался еще к востоку от Азовского моря «огурскими» племенами, и это название позже распространилось на причерноморские степи. Однако, может быть, по существу это новообразование не имеет ничего общего со старым. Название «болгар» — «смесь» было очень пригодно для обозначения племен различного происхождения, особенно в том случае, когда одну часть этого новообразования уже раньше называли «болгарами».

Так было и с тем племенным союзом, который появляется на исторической арене в первой половине VII в. В византийских источниках мы снова читаем о болгарах, на этот раз под предводительством Ковpата (Кубрата). Эти племена только что освободились от аварского и тюркского ига. Новый племенной союз, территория которого в одном источнике называется «Старой Великой Болгарией», опять-таки состоял из оногуров, утургуров и других племен, сохранивших свое старое название. Они были болгарами как члены болгарского союза, но вместе с тем и оногурами и утургурами, ввиду того что все еще сохраняли старую племенную организацию. После распада союза Ковpата, во второй половине VII в. часть их двинулась на запад, спасаясь от нашествия хазар, которые тогда распространили свое влияние на причерноморские степи. Эта часть болгар-оногуров под предводительством Аспаруха поселилась на территории дунайской Болгарии. Они называли себя то болгарами, то оногурами (оногундурами), что отражается и в византийских источниках, которые позже были переведены на старославянский язык. Русский летописец, не зная всего этого, механически копирует свой источник и говорит об уграх, которых называет «белыми», так как в его время русские «уграми» уже назвали венгров.

Но тут возникает еще более трудный вопрос: когда и как получили венгры от восточных славян название «угры»?

Хотя венгры принадлежат к группе финно-угорских народов, они, по свидетельству всех письменных источников IX в., кочевники и, таким образом, составляют исключение по сравнению с другими финно-уграми, которые в это время занимались еще охотой и рыболовством. Венгры в IX в. ничем не отличались от других кочевников, говоривших на тюркских языках. Некоторые источники даже называют их турками.

Название «финно-угры» само по себе еще ничего не объясняет, не может помочь ответить на поставленный вопрос, поскольку является научным термином, введенным в оборот языковедами во второй половине XIX в. Вторая часть термина — «угры» — означает группу народов, состоящую из манси, хантов и венгров, чьи языки обнаруживают общие черты. Можно предположить, что они когда-то, в 1 тысячелетии до н. э., жили вместе, но уже далеко от другой группы финно-угров — финнов-пермяков. Сами эти народы никогда не называли себя «уграми», они получили такое *научное* название на том основании, что в русских источниках, начиная с XII—XIV вв., т. е. тысячу лет спустя после гипотетичной совместной жизни этих народов, говорится об «уграх», которыми отчасти могут быть именно манси и ханты. Поздние русские источники в первую очередь и говорят об Угрии (Югрии), а не об уграх. Здесь повторяется случай с Сибирью, которая сохранила в своем названии память о сабирах — тюркском племени, жившем там в первых веках н. э. По моему мнению, и Угрия (Угра, Югра) сохраняет память о

тюркском племенном союзе огуров, который был вытеснен из Западной Сибири и частично из Приуралья именно сабирами примерно в V в. Значит, и «Угра», и образованное из него искусственное название «угры» не имеют органической связи с манси, ханты и венграми. Кроме того, составитель «Повести временных лет» и, конечно, восточные славяне в V—VI вв. ничего или мало знали об уграх в Приуралье или в Западной Сибири, и, таким образом, венгры были ими названы «уграми» отнюдь не потому, что пришли в причерноморские степи из Угрии.

Просто восточные славяне познакомились с венграми еще тогда, когда последние называли себя оногурами. Гипотеза, по которой венгры якобы заняли место оногуров только в IX в. и восточные славяне перенесли на них старое название оногуров, не может быть принята. Мне неизвестны случаи, когда русские переносили название одного народа на другой [8].

Но эти теоретические утверждения должны быть проверены анализом источников. Вопрос принимает иную форму: принадлежали ли венгры когда-либо к оногурскому союзу?

В последнее время в советской исторической литературе можно прочитать, что венгры появились в причерноморских степях лишь в 20-х годах IX в. Известный археолог М. И. Артамонов, ссылаясь на то, что источники не упоминают здесь венгров, относительно предшествующего времени предполагает, что во время междоусобиц в Хазарском каганате они, преследуемые печенегами, бежали с территории нынешней Башкирии на запад и заняли земли между Днестром и Дунаем [9]. Он предполагает, что все тюркские племена, которые имеют в названии корень «огур», каким-то образом связаны с финноязычными «уграми», т. е. он убежден в том, что Угра (Югра) позднейших русских летописей является остатком тех стародавних «угуров», часть которых была более или менее тюркизирована еще в эпоху гуннов и приведена гуннами в причерноморские степи. Венгры, якобы, и были самыми последними пришельцами из числа этих «угров».

Но это утверждение противоречит фактам. «Огуры» (оногуры, сарагуры и т. д.) в V—X вв. были тюрками, т. е. говорили на тюркском языке «болгарского» типа. Судя по их названию, они говорили на языке «лир» (огур) и с языковой точки зрения отличаются от позднейших тюркских пришельцев, которые говорили на языке «саз» (огуз) [10].

---

[8] Русские летописцы в большинстве случаев не имели классического образования византийских и латинских авторов, поэтому и не могли отождествить вновь пришедшие кочевые народы со скифами, гуннами, тюрками и т. д. В связи с этим обычно русские летописцы дают новое название вновь пришедшему народу, которое, как правило, связано с его самоназванием. Кроме того, летописцы употребляют народное название, если оно существует.

[9] *М. И. Артамонов.* История хазар. Л., 1962, стр. 336 и сл.

[10] Основные данные относительно классификации тюркских языков см.: *Н. А. Баскаков.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1962. Вопрос

По свидетельству византийского дипломата Приска, сарагуры, уроги (огуры) и оногуры прибыли с востока в 60-х годах V в. и поселились где-то в Приазовье и в Прикубанье [11]. Эти племена или союзы племен (оногур — десять огур) в последующие века не раз упоминаются в византийских, армянских и западных источниках. Так как они были кочевниками, то трудно установить точно, где они жили. Они много раз меняли места своих кочевий. Кто знает жизнь этих народов и особенно тюркских и монгольских кочевых племен, знает и то, что они очень часто меняли места своих поселений и вследствие постоянных племенных усобиц состав племенных союзов, даже племен, быстро изменялся, но племенные названия сохранялись [12]. Очень хорошо доказывает это название «болгар», т. е. «смесь» различных племен.

Византийские и армянские источники помещают огурские племена на восточном побережье Азовского моря, а позже и на берегах Черного моря, потому, что и византийцы и армяне получали свои сведения о них из расположенных там византийских городов, население которых находилось в постоянной связи с этими племенами. Но какие народы обитали в V—X вв. севернее, в лесостепи вдоль рек Медведицы, Хопра, Вороны, Цны, Верхнего Дона, в Донецком бассейне, у Ворсклы, Псела и т. д. вплоть до зоны лесов, где жили мордва и восточные славяне, письменные источники ответа не дают. Однако и эти территории были пригодны для скотоводства, и, как доказывает археология, здесь жили кочевые племена или полукочевники, которые частично уже занимались и земледелием. Там мы находим так называемую салтово-маяцкую культуру; ее когда-то приписывали болгарам и аланам. В наши дни археологи обнаружили в лесостепи и большие поселения, позволяющие говорить о полукочевых племенах на среднем течении Волги [13]. Уже результаты этих археологических исследований проливают свет на возникновение Булгарского государства на Волге и объясняют происхождение чувашского народа. Недалеко время, когда в лесостепи будут обнаружены и другие культуры некоторых кочевых племен, включая венгров.

Видимо, различные огурские племена, между прочим и оногуры, которые в V в. жили к востоку от Азовского моря, медленно распространились на север в направлении нынешнего Волго-Донского канала. Только так могли они перейти на западное побережье Азовского моря. И в середине VII в. когда болгар-

о том, были ли оногуры смешаны с финно-угорскими элементами, пока не решен.

[11] «Гръцки извори за българската история», т. I. София, 1954, стр. 124—125 (греческий текст и болгарский перевод).

[12] Об этих преобразованиях и о закономерностях в образовании племенных названий см. подробнее: *Gy. Németh.* Op. cit., p. 8 и сл.

[13] *В. Ф. Генинг* и *А. Х. Халиков.* Ранние болгары на Волге. М., 1964.

ско-оногурский союз укрепился под властью Ковpата, масса оногуров находилась именно в причерноморских степях. Как мы знаем из византийских источников, черпавших свои данные из устной традиции дунайских болгар-оногундуров, племенной союз Ковpата распался под ударами хазар.

Хазары прибыли с востока и расселились в степи между Каспийским и Черным морями. Южной границей их расселения был Кавказ. Свободная, пригодная для распространения, территория была лишь к северу, в направлении Волго-Донского канала. Но там уже находились болгарские племена. О том, что произошло в этом районе, сообщает нам на основании устной традиции дунайских болгар один византийский летописец, рассказ которого сохранился, между прочим, у Феофана [14].

Вновь повторилось явление, хорошо известное из истории ранних столетий. Началось «переселение народов» с востока на запад.

Часть болгарских племен попала в Северную Италию, другая часть переселилась в Паннонию, третья заняла восточную территорию Балканского полуострова и основала там Болгарское государство, четвертая под предводительством Баяна (Ботбаяна) осталась в «Старой Великой Болгарии», т. е. в Прикубанье. Но наш источник ничего не говорит о том, какой народ остался в причерноморских степях и в лесостепи.

На этой территории остались кочевые племена, ранее принадлежавшие к болгарско-оногурскому союзу. Присутствие их доказывают салтово-маяцкая культура и некоторые могильники, раскопанные в последнее время в лесостепи между Доном и Волгой (Больше-Тарханский, Танкаевский). Именно часть этих племен переселилась на левую сторону Волги. В начале X в. там их находит арабский путешественник Ибн Фадлан. Вождь племен, Алмыш, называет себя царем булгар [15], ему подчинены еще четыре «царя», т. е. главы племен, названия которых приводят арабские источники. Распространялась ли власть Алмыша и на племена, жившие на правобережье Волги, мы не знаем [16]. Но часть булгар жила там, к северу от буртасов, и от них происходит чувашский народ. А еще западнее, в лесостепи, жили

---

[14] Текст Феофана см.: «Гръцки извори за българската история», т. II. София, 1960, стр. 262—263.

[15] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». Под ред. И. Ю. Крачковского. М.— Л., 1939, стр. 68. Интересно, что и вождь венгров в конце IX в. назывался Алмошем. Это личное имя ни раньше, ни позже не встречается в источниках. Отождествить их все же невозможно из-за хронологических трудностей. Но можно предположить, что имя это было распространено среди болгар-оногур или же что они были членами одной семьи.

[16] Сообщение между берегами Волги было не очень интенсивным и в последующие столетия. Русские источники первой половины XVI в., впервые описывающие эту территорию, подчеркивают трудности переправы, которая была возможна лишь в одно время года.

именно венгерские племена, смешанные с аланскими и тюркоязычными племенами, и они сохранили старое племенное название «оногуров». Об этой совместной жизни свидетельствуют аланские и особенно булгарско-чувашские заимствования в венгерском языке. Число их превышает 200, и оно доказывает, что связь между венграми и предками чувашей была тесная, интенсивная и устойчивая. Речь идет о кочевых и полукочевых племенах, где заимствование слов происходит не так легко, как у земледельческих племен. Словарный запас одного кочевника-венгра едва ли превышал 800—1000 слов, и 200 из них — слова булгарско-чувашского происхождения [17].

Это самое веское доказательство того, что венгры не могли прибыть в причерноморские степи в начале IX в. и не могли поселиться между Днепром и Дунаем, далеко от волжских булгар и предков чувашей.

200 заимствований в венгерском языке — все «чувашского» типа. Если бы венгры до начала IX в. жили к востоку от Волги, где-то в нынешней Башкирии, как предполагает Артамонов, они заимствовали бы слова «башкирского» типа, т. е. типа «саз», потому что башкиры говорят на языке именно этого типа. В числе венгерских заимствований мы находим некоторые слова «чувашского» типа, связанные с земледелием. Они доказывают, и это подтверждают и арабские источники X в., что венгры отчасти занимались и земледелием — отраслью хозяйства, которой мы еще долго не находим на территории Башкирии. Но мы хорошо знаем, что именно волжские булгары на левой стороне Волги в начале X в. занимались земледелием, и то же самое можно сказать и о населении правобережья Волги, т. е. о предках чувашей.

Кроме того, венгерские хроники XII—XIII вв. сохранили некоторые эпические элементы, доказывающие, что предки венгров когда-то жили вместе с булгарами и аланами.

И, наконец, археологический материал, который опубликовали В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков из Больше-Тарханского могильника, при сопоставлении с материалами X в., раскопанными на территории нынешней Венгрии, доказывает опять-таки теснейшую связь между жителями названного поселения и некоторыми венгерскими этническими группами.

Примечательно и то, что венгерский монах Юлиан в 30-е годы XIII в., пытаясь отыскать венгров, оставшихся по народной и книжной традиции «где-то на востоке», нашел их именно на Волге, как я доказал, недалеко от нынешнего города Тетюши [18], и что русские летописи XVI в., описывая походы Ивана

---

[17] *Z. Gombocz.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912.

[18] *Perényi József.* A Magna Hungaria kérdéséhez.— «Magyar Nyelv», LV. k. Budapest, 1959, 385—391, 488—499. l.

Грозного на Казань, упоминают там же на «горном» берегу Волги племя «можаров». Таким образом, некогда венгры действительно долгое время жили в северной части причерноморских степей.

Вопрос только в том (и этого мы пока решить положительно не можем), жили ли венгры там в соседстве с другим финским народом — мордвой, уже тогда, когда различные тюркоязычные племена (акациры, кутригуры, утригуры, оногуры т. д.) переселились туда в V—VI вв., или же они передвинулись туда вместе с этими тюркскими племенами, может быть с территории нынешней Башкирии? Но это сейчас не важно. Существенно, что венгры уже были там, когда оформлялся племенной союз болгар-оногуров во времена Ковpата. Северной границей их кочевий могла быть только зона лесов, где жили мордва и восточные славяне. Национальный состав этого союза был очень пестрым; в него входили тюркоязычные племена, возможно и монгольские элементы, и кроме того, аланы и венгры.

Болгары — общее название союза, но отдельные племена сохранили свои исконные наименования. В соседстве с восточными славянами жили именно оногуры, угры позднейших летописей. Среди этих оногуров находились и венгерские племена, у которых тогда не было еще названия народа. Венгры и в IX в. составляли союз, в который объединилось семь племен. По Константину Багрянородному, одно из них называлось «медьер», вариант которого позднее распространился на весь народ («мадьяр»), что произошло лишь в IX в. Эти финноязычные племена, названия которых почти исключительно тюркского происхождения, каким-то образом обособились от других племен болгарско-оногурского союза. Можно предположить, что это случилось именно тогда, когда в Хазарском каганате в первой половине IX в. начались междоусобицы. Оногуры-болгары и венгерские племена уже давно были подчинены хазарам, но сумели сохранить некоторую автономию. Интересы хазарского господствующего класса рано потребовали реорганизации старых племенных объединений. Обо всем этом мы почти ничего не знаем.

Однако нельзя не заметить одной тенденции: тюркоязычные болгары-оногуры распространялись в восточном направлении, часть их даже переправилась на левый берег Волги, в то время как финноязычная группа, т. е. венгерские племена, распространялась на запад, при этом связи венгров (угров) с восточными славянами становились интенсивнее. Цитирую арабского географа Ибн Русту: «Мадьяры господствуют над всеми соседними славянами, налагают на них тяжелые оброки и обращаются с ними, как с военнопленными... Воюя славян и добывши от них пленников, отводят они этих пленников берегом моря к одной из пристаней Румской земли, которая зовется Карх. Сказывают, что в прежние времена Хозаре, опасаясь мадьяров и других соседних с землею своею народов, окапывались противу них рва-

ми» [19]. Ибн Руста (около 930 г.) переписал текст Джайхани, который писал около 870 г. Из арабских источников мы узнаем также, что Венгерская земля «обширная»; «одною окраиной своею прилегает она к Румскому морю (Черному морю), в которое впадают две реки; одна из них больше Джейгуна (Аму-Дарьи); между этими-то двумя реками и находится местопребывание мадьяр» [20]. Гардизи, персидский писатель XI в., приводит и части утраченного труда Джайхани, которые отсутствуют у Ибн Русты. Две реки он называет Дунаем и Атилем. Дунай, как граница венгерских территорий, есть и в других, не заимствованных у арабов, источниках. Об Атиле мнения специалистов расходятся. Быть может, это не Волга, а Дон.

Где же проходила северная граница венгерской территории? Наши источники об этом молчат. Но ею могла быть только лесная зона, в которой венгры граничили со славянами. Уже упомянутый Ибн Руста пишет: «Земля мадьяр богата лесами и водами, и почва там сыра. Много у них также хлебопахотных полей» [21]. Какая часть венгерской земли соответствует этому описанию? В южной части причерноморских степей нет ни больших лесов, ни болот, ни земледелия. Все это может быть на границе лесостепи и зоны лесов. Кто же обрабатывал эти земли? Как доказывают булгарско-чувашские заимствования в венгерском языке, венгры знали примитивное земледелие. Но часть их земледельческой терминологии — славянского происхождения, видимо, часть ее они заимствовали именно у восточных славян. Впрочем, эти слова не имеют никаких специфических фонетических признаков, с помощью которых можно было бы доказать, из какого именно славянского языка они заимствованы.

Мы находим ряд заимствований из языка восточных славян. Так, поляк — lengyel; яс — jász; немец — német; Дунай — Duna. Видимо, венгры познакомились с западными народами через восточных славян. Такого же происхождения может быть холм — halom; раб — rab; слуга — szolga; челядь — cseléd. Три последних слова подтверждают свидетельство арабского писателя об отношениях между венграми и частью славян. Кроме того, согласно данным этнографии, в венгерском рыболовстве немало черт, ведущих свое происхождение от восточнославянского промысла [22].

---

[19] *Д. А. Хвольсон.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 27. Позднее была установлена подлинная форма имени писателя: Ибн Руста.

[20] Там же, стр. 26.

[21] Там же.

[22] Об этих проблемах я писал подробнее в статье: *Perényi József.* A magyarok és a keleti szlávok kapcsolatai a honfoglalás előtt.— In: «Magyar-orosz történeti kapcsolatok». Budapest, 1956 (с картой). Эта же статья была опубликована по-русски (без карты): *И. Перени.* Взаимоотношения между венграми и восточнославянскими племенами.— «Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae», t. II. Budapest, 1956.

Наконец, о хазарской дани восточных славян, о которой так ясно говорит «Повесть временных лет». Эту дань восточные славяне платили уже давно, с того времени, когда по соседству с ними оказались тюркоязычные кочевые народы. Так было везде, где земледельцы, еще не организованные в сильное государство, соприкасались с кочевниками. Предполагаю, что восточные славяне в V—VIII вв. платили дань оногурам, среди которых были и венгры. Когда эти оногуры попали в зависимость от хазар, часть славянской дани была передана оногурами (уграми) хазарам. Не забудем, что между восточными славянами и хазарами жили именно угры. Но большая часть угров в конце IX в. ушла на запад, и их место заняли печенеги. Печенеги же не были подвластны хазарам. Восточные славяне, организованные в сильное государство, в X в. не платили дани ни хазарам, ни печенегам. Первые русские летописцы, писавшие в середине XI в., через 150 лет после событий, уже не знали, как все это было в IX в., и потому говорят только о хазарской дани; это вполне понятно, потому что народная традиция в Киеве сохраняла лишь память об уходе венгров, хазары же продолжали получать дань со славянских племен.

ЛЕТОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ О «ПЛЕМЕННЫХ КНЯЖЕНИЯХ» И ВАРЯЖСКИЙ ВОПРОС

В. Т. Пашуто

Ныне наблюдается все убыстряющееся исследование русско-скандинавских отношений раннесредневекового периода. Достаточно просмотреть материалы симпозиума о викингах в Копенгагене (1968 г.), сессии по норманнам в Сполето (1968 г.), наконец, IV и V конференций по изучению истории скандинавских стран и Финляндии в Петрозаводске (1968 г.) и в Москве (1971 г.).

Все эти собрания (как, впрочем, и последние, очень интересные работы А. В. Соловьева, А. В. Рязановского, К. Р. Шмидта, Г. Штёкля) свидетельствуют, что вопрос о характере общественно-политической структуры восточных славян до появления норманнской династии признается одним из ключевых (его касались М. Хеллман в Сполето [1], Д. С. Лихачев в Копенгагене [2] и я в Петрозаводске и в Москве [3]). Поставлен был этот вопрос в его современном виде Б. Д. Грековым, разрабатывают его у нас и историки и археологи.

Из иностранных ученых более подробно по этой теме высказался М. Хеллман. Он отказался от старых тезисов о завоевании норманнами Руси и о решающей роли норманнов в образовании Древнерусского государства. Насколько я понимаю дело, он приблизился к точке зрения Б. Д. Грекова, попытавшись соединить ее с известным тезисом Г. Людата (Кёльн) о равнозначности «туземных и иноземных» элементов в образовании славянских государств Восточной Европы [4]. «Образование средневековой России рисуется как продолжительный и сложный процесс. Туземные и внешние факторы играли при этом свою роль, не во все

[1] *M. Hellmann.* Einheimische und äussere Faktoren bei der Entstehung des mittelalterlichen Russland.— «I normanni e la loro espansione in Europa nell'alto medioevo». Spoleto, 1969, p. 205—232.

[2] *D. S. Lichačev.* The Legend of the Calling-in of the Varangians.— «Varangian Problems. Scando-Slavica». Supplementum I. Copenhagen, 1970, p. 170—185.

[3] *В. Т. Пашуто.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы.— «Скандинавский сборник», вып. XV. Таллин, 1970, стр. 51—61; *он же.* Норманнский вопрос в свете летописной традиции о племенах и княжениях.— «Тезисы V Международной конференции по изучению истории скандинавских стран и Финляндии». М., 1971.

[4] *H. Ludat.* Der europäische Osten in abendländischer und sovjetischer Sicht. Köln, 1954, S. 16.

времена одинаково интенсивную, но они все содействовали тому, чтобы Киевское государство в течение полутора веков выросло в значительную политическую силу»,— пишет М. Хеллман. Со своей стороны советские историки подчеркнули значение славянских общественно-политических элементов, как основных. Таким образом (отвлекаясь от разницы взглядов на классовую природу государства), признание славяно-скандинавского общественного синтеза — общая платформа для дискуссии между учеными разных мировоззрений. Главное теперь — определить удельный вес синтезируемых элементов.

Внимательно перечитывая летописи, легко заметить, что и до прихода варягов на Руси существовала власть. Летопись, правда, говорит, что варягов призвали некоторые славянские «племена», но дело в том, что сами-то эти племена, даже в их летописной характеристике, оказываются понятием далеко не простым.

Спор о характере общественного строя славян накануне образования Древнерусского государства в советской науке идет между представителями двух точек зрения. Одни видят в четырнадцати землях (полян, древлян и др.), упомянутых летописью, совокупность племенных княжений (Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков) с элементами зарождающейся политической организации, другие — союзов племен (В. В. Седов, И. И. Ляпушкин).

Недавно И. И. Ляпушкин вновь пересмотрел этот вопрос и пришел к выводу, что «нет сведений, позволяющих признать в племенных княжениях славян (полянах, древлянах, северянах и др.) государственные образования» [5]. По его мнению, это «союзы племен» во главе с князьями, которые «еще не управляют», власть находится «в руках народа» [6], имеющего, впрочем, за спиной минимум двухсотлетнее существование сельской общины с индивидуальным ведением хозяйства [7]. Следовательно, перед нами не политические, а этнические общности. Потому известные образования союзов — нескольких таких общностей (например, словен, кривичей и чуди) характеризуются как «объединительные стремления славян», а Древнерусское государство, как слияние племен: «в конце IX в. Север и Юг сливаются в одно государство с центром в Киеве», впрочем и после этого «некоторые из славянских племен», в частности древляне, «все еще сохраняют свои первобытнообщинные устои» [8].

И. И. Ляпушкин был реалистично мыслящим исследователем, но мне думается, что затронутый вопрос поставлен им несколько жестко: или союзы племен, или государственные образования.

---

[5] *И. И. Ляпушкин.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства.— МИА, № 152. Л., 1968, стр. 168.
[6] Там же, стр. 169.
[7] Там же, стр. 167.
[8] Там же, стр. 169.

При рассмотрении его полезно принять во внимание два момента: во-первых, трактовку полян, древлян и им подобных не только «Повестью временных лет», но и последующими летописными сводами, частью которых она является, и, во-вторых, общественно-политическую жизнь соседних Руси народов (польского Поморья, прусского Поморья, народов Восточной Прибалтики, Литвы) на синхростадиальном этапе развития.

Коснемся подробнее первого момента. В науке уже давно замечено желание придворного киевского книжника прославить Полянскую землю, изобразив прочие тринадцать земель менее развитыми, даже дикими. Стоит задуматься над тем, насколько актуальна была такая трактовка истории Словенской, Древлянской, Вятичской, Радимичской, Кривичской земель в трудах летописцев времен Владимира Святославича, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха или даже Изяслава Мстиславича и Рюрика Ростиславича, имея в виду изменяющиеся отношения великокняжеского стола с Овручем, Новгородом, Черниговом, Полоцком.

Хорошо известно, что летописные понятия «род» и «племя» не дают ключа к пониманию общественной структуры этих земель, но, спрашивается, дают ли этот ключ тексты, приводимые И. И. Ляпушкиным в качестве свидетельств народоправства на заре Древнерусского государства.

Возьмем, к примеру Древлянскую землю. Древляне, как и другие, «имяху бо обычаи свои, и закон отец своих и преданья», словом, «свой нрав» [9]; они «творяще сами собе закон» [10]; у них, как и у полян, было свое «княженье», восходящее к незапамятной давности полянского Кия с братией [11]. Текст о древлянах весьма архаичен, и в нем Овруч выступает как соперник Киева на юге. По летописцу, древляне «живяху звериньским образом, живуще скотски» [12], но спрашивается, можно ли ожидать другой оценки древлян, если сперва жившие с ними в мире поляне потом (накануне их перехода под власть хазар) «быша обидимы древлянами и иными окольными» [13]; притом сами древляне в числе хазарских данников не значатся [14].

Древляне — непрочное приобретение киевских великих князей. Олег правил, «обладая» древлянами, но лишь после того как, войною «примучив» их, обложил данью по черной куне [15]; ходили они с ним и на Византию [16]. Но уже от Игоря древляне «затворишася», видимо, в своих укреплениях [17]. Дальнейшее

---

[9] ПВЛ, ч. I. М.— Л., 1950, стр. 14.
[10] Там же, стр. 15.
[11] Там же, стр. 13.
[12] Там же, стр. 15.
[13] Там же, стр. 16.
[14] Там же, стр. 18.
[15] Там же, стр. 20.
[16] Там же, стр. 23 (907 г.).
[17] Там же, стр. 31.

известно — он победил их и возложил дань «болша Олговы» [18]; на Византию с ним они не ходят [19]. Затем Игорь начал замышлять новый поход на древлян, «хотя примыслити большюю дань». Вместе с дружиной он действительно «примышляше к первой дани и насиляше им и мужи его». Затем он, «желая больша именья», отправив дань домой с небольшой дружиной, пошел еще «походить» по земле древлян. Дважды пережившие за короткий срок увеличение дани, древляне «сдумавше со князем своим Малом», «вышедше из града» Искоростеня, убили Игоря и дружину его, и есть могила его в Деревах «и до сего дне» [20]. Формула «до сего дне» встречается в летописи до 1051 г. (статьи о поставлении Илариона в митрополиты и сообщение о Печерском монастыре) [21].

И. И. Ляпушкин полагает, что убийство Игоря «замышляет народ», «сватовство за князя Мала решает народ», «состав посольства к Ольге определяет народ» и что «патриархальностью веет и от взаимоотношений народа древлянского с князьями: «наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю»» [22]. Верно ли это заключение исследователя?

У древлян есть своя общественная структура: княжеская власть (притом давняя: «князи распасли» землю — на это нужно время), «лучшие мужи» (забытые И. И. Ляпушкиным) и, наконец, народ. Народ действует не непосредственно, а через лучших мужей: их, «числом 20», древляне шлют к Ольге послами, и они говорят ей: «посла ны Дерьвьска земля»; и вовсе не народ произносит слова, от коих веет патриархальностью, а именно «лучьшие мужи». И во второе посольство древляне не двинулись толпой, а «избраша лучьшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю» [23], ниже древляне называют этих мужей «дружиной». Когда Ольга идет войной на древлян, те встречают ее «полком»; проиграв битву, древляне обороняются в Искоростене, где упомянуты дворы, клети, вежи, одрины. Здесь тоже царит не народовластие, а есть «старейшины... града», их Ольга, победив, «имала», прочих же частью велела убить, частью раздала своим мужам в виде челяди, а «прок их остави платити дань», притом «дань тяжку» [24], определив ее нормы «уставами» и «уроками».

«Лучшие мужи», как ниже увидим, были не только у древлян. Это знать земель-княжений, еще не составлявшая единого общерусского сословия, но подчас создававшая союзы. Следы союзов земель видны в совместном решении словен, кривичей, чуди и др. о приглашении варяжского князя «по праву» для «наря-

---

[18] ПВЛ, ч. I, стр. 31 (914 г.).
[19] Там же, стр. 33 (944 г.).
[20] Там же, стр. 40.
[21] Там же, стр. 50, 53, 55, 58, 59, 77, 80, 101, 106.
[22] *И. И. Ляпушкин.* Указ. соч., стр. 169.
[23] ПВЛ, ч. I, стр. 41.
[24] Там же,стр. 43.

да»[25]. Это решение не скопищ народа, а собрания «лучших мужей». Были эти союзы федерациями или (учитывая возможную верховную власть жречества) конфедерациями, сказать трудно, но следы их остались в летописном делении страны на «верхнюю» (с центром в Новгороде) и «низовую» (с центром в Киеве).

Древлянская земля, видимо, и утратив собственную династию, продолжала существовать как особая структурная единица в составе Древнерусского государства. Святослав, уходя в 970 г. на балканскую войну, оставил Ярополка в Киеве, а Олега «в Деревех». Это «волость» Олега, и нарушивший границы его охотничьих угодий сын Свенельда был убит древлянским князем (975 г.). Великий князь Ярополк двинул войско «на Деревьску землю», Олег битву проиграл и погиб в свалке у ворот Овруча. Там есть его могила и «до сего дне». Ярополк «перея власть» его[26]. При Владимире Святославиче один из его сыновей, Святослав, сидел в «Деревех»[27] и потом погиб от руки Святополка Окаянного[28]. В последний раз Древлянская земля упоминается в 1136 г., когда Ольговичи с половцами, перейдя Днепр, воюют у Треполя, Василева, Белгорода, «оли же и до Дерев»[29]. С этой поры древляне и их земля исчезают со страниц летописи, но примечательно, что в пору диархии второй половины XII в. великие князья сидели: один, имея «старейшинство», в Киеве, другой, держа «всю Роускую землю», в Овруче (1180 г.)[30].

Конечно, термины «древляне», «вятичи» и др. звучат патриархально, не надо, однако, забывать, что не только в «Повести временных лет», но и у авторов позднейших сводов XII—XIII вв. они были в ходу. Следовательно, за терминами как таковыми в их применении к IX—X вв. вовсе не строго обязательно должна скрываться племенная старина.

Возьмем для примера «Вятичскую землю». Как показал А. Н. Насонов, это очень интересный район — стык черниговской и ростово-суздальской колонизации[31]. Киевский книжник утверждал, что вятичи (как и радимичи) родом от поляков[32]. В условиях киево-чернигово[33]-польских взаимоотношений XI—XII вв. генеалогия вполне понятная. Кроме того, предки черниговцев (как и древляне) жили в лесах, подобно диким зверям,

[25] Там же, стр. 18.
[26] Там же, стр. 53.
[27] Там же, стр. 83.
[28] Там же, стр. 94.
[29] ПСРЛ, т. II, стб. 229.
[30] Там же, стб. 624.
[31] *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 219 (черниговские князья распространили свою власть на вятичей во второй половине XI — начале XII в.), 195 (ростово-суздальские князья — в первой половине XII в.), 197, 205 (о Рязани и вятичах).
[32] ПВЛ, ч. I, стр. 14.
[33] *А. Н. Насонов.* Указ. соч., стр. 51 и др. (северяне, радимичи и вятичи относятся к Черниговской земле).

ели «нечистое», срамословили, имели многоженство, творили тризну, как, впрочем, ее «творять вятичи и ныне» [34]. Формула о «ныне» встречается в летописи до 1097 г. [35], т. е. до Владимира Мономаха, если иметь в виду летописный хронологический расчет [36]. Вятичи вели свое происхождение от Вятко, но особое княжение у них, как у полян или древлян, не упомянуто.

Судьба Вятичской земли не была легкой. Вятичи названы в числе участников похода Олега на Византию [37]. При Игоре они не упомянуты. Впервые их «налезе» Святослав (964 г.), когда они платят дань хазарам «по щьлягу от рала» [38], чем до сих пор поражают историков и нумизматов, верящих нелестной летописной характеристике внеполянских славян. Позднее Святослав отправляется на вятичей, побеждает их и облагает данью (965 г.) [39] «от плуга», что, вновь «победив» вятичей, делает и Владимир Святославич (981 г.) [40]. Впрочем, вятичи опять «заратишася», и князь вторично побеждает их (982 г.) [41]. У вятичей, как и у древлян, мы обнаруживаем и слой «лучших мужей» — их «нарубал» здесь Владимир Святославич для засечной черты [42]; встречаем здесь и наследственных князей — ведь «в вятичи» совершил поход «на Ходоту и на сына его» сам Владимир Мономах [43].

Земля вятичей неоднократно упоминается и в XII в., очерчиваясь следующим кругом городов: Козельск (1152 г.) — Дедославль (1146 г.) — Мценск (1147, 1152 гг.) — Брянск (1147 г.) — Карачев (1146, 1185 гг.) — Рыльск (1152 г.) — Спашь (1152 г.) — Глухов (1149, 1152 гг.) — Ярышев — Беловежа Старая (1149 г.) — Воробейна — Вщиж (1161 г.) — Обловь (1147, 1152 гг.). «Вятичь», как свидетельствуют случайно дошедшие черниговские известия киевского летописания [44], являются объектом острой борьбы между волынской и суздальской группировками князей. «Вятичь» — часть Черниговщины. Великий князь Всеволод Ольгович вступил в конфликт с братьями именно потому, что им в черниговской «отчине своее не дасть Вятичь» [45]. Видим участие и самих «вятичей» в межкняжеской борьбе: сперва «бежа за лес оу Вятиче» Святослав Ольгович [46], потом черниговские Давыдовичи, враждебные Юрию Долгорукому, видимо, в Дедославле «созвавша Вятиче

[34] ПВЛ, ч. I, стр. 15.
[35] Там же, стр. 56, 121, 173.
[36] Там же, стр. 17; ср. *А. Г. Кузьмин.* Хронология Начальной летописи.— «Вестник МГУ», 1968, № 6, стр. 40—53.
[37] ПВЛ, ч. I, стр. 23 (907 г.).
[38] Там же, стр. 47.
[39] Там же.
[40] Там же, стр. 58.
[41] Там же.
[42] Там же, стр. 83.
[43] Там же, стр. 159; ср. стр. 158 («сквозе вятичи»).
[44] *М. Д. Приселков.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 48.
[45] ПСРЛ, т. II, стб. 310—311 (1142 г.).
[46] Там же, стб. 336; т. I, вып. 2. Л., 1927, стб. 314.

и реша им: се есть ворог нама (речь идет о Святославе Ольговиче.— *В. П.*) и вам, а ловите его на полон вама» [47].

Вятичи — «волость» и здесь сидят черниговские посадники: в 1147 г. «выбегоша посадничи Володимери [и] Изяславли из Вятичь, из Брянска, и из Меченьско, и из Блеве», а Святослав Ольгович от Дедославля «иде Девягорьску, иде заем вси Вятичи и Дебрянеск и до Воробиин Подеснье, Домагощь и Мцеиеск» [48]. Приехавший в Киев от Изяслава Давыдовича его брат Владимир передал слова черниговского князя: «Брате, се заял Олгович Святослав волость мою Вятиче, поидеве на нь» [49]. Киевско-черниговский союз против Долгорукого вновь обретает силу: Давыдовичи и Святослав Ольгович обязываются пойти «на Вятиче» и к Ростову [50], но, выполнив лишь первую часть плана, они «стоита въ своих Вятичех, ожидаюча и зряча, что ся тамо учинить» между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким [51]. Последний с русско-половецким войском «иде на Вятиче», о чем Владимир Давыдович в страхе извещает своего волынского союзника: Юрий «вшел в наше Вятиче» [52]. Через несколько лет русско-половецкую рать Долгорукого вновь видим идущей «на Вятиче», где она «тако взяша я, та Мценск, оттуда же идоша на Спашь, та на Глухов, и ту сташа» [53]; в том же году, идя из Рыльска в Суздаль — «туда на Вятиче», Долгорукий «тако прок Вятичь взя» [54]. Еще раз видим суздальского князя здесь в 1154 г., когда по пути в Русь «пришедшу ему оу Вятиче и ста не дошед Козельска» [55].

Во второй половине XII в. «Вятские городы» по-прежнему объект борьбы: Изяслав Давыдович, идя из Гомья «к Вятичем», занимает Обловь «и вси Вятиче» [56], сын Андрея Боголюбского, воюя в Черниговщине, встречается с местными князьями «в Вятиче» во Вщиже [57]. «В Вятиче к Карачеву» ходил в 1185 г. великий князь Святослав Всеволодович «орудей деля своих» [58]; наконец, в 1197 г. суздальский великий князь Всеволод Юрьевич, «вниде в волость» черниговских князей, «поима городы Вятские и землю их пусту створи» [59].

В политической действительности XI—XII вв. живут и другие древние названия земель. Предки новгородцев — словене, как из-

[47] Там же, т. II, стб. 338 (1146 г.); т. XXV. М.— Л., 1949, стр. 39.
[48] Там же, т. II, стб. 342.
[49] Там же, стб. 343 (1147 г.); т. I, вып. 2, стб. 315; т. XXV, стр. 40.
[50] Там же, т. II, стб. 368.
[51] Там же, стб. 371 (1148 г.); т. XXV, стр. 45 (1149 г.).
[52] Там же, т. II, стб. 374 (1149 г.).
[53] Там же, стб. 455 (1152 г.); т. XXV, стр. 56.
[54] Там же, т. II, стб. 459; т. XXV, стр. 57 (1152 г.).
[55] Там же, т. II, стб. 468 (1154 г.); т. I, вып. 2, стб. 341; т. XXV, стр. 58.
[56] Там же, т. II, стб. 502 (1159 г.); т. XXV, стр. 66; ср. т. I, вып. 2, стб. 348 (1158 г.).
[57] Там же, т. II, стб. 509 (1161 г.); ср. т. I, вып. 2, стб. 350 (1159 г.).
[58] Там же, т. II, стб. 637.
[59] Там же, т. I, вып. 2, стб. 413; ср. т. II, стб. 697—698.

вестно, тоже не в чести у киевского летописца: и осмеял-то их сам апостол Андрей, и не задались им тонкие паруса во время византийского похода, и уважающий себя князь к ним на стол не пойдет[60], в последний раз они отмечены в 1036 г. Радимичи тоже не лучше, они и «волчьего хвоста бегают», и «до сего дне» платят дань Руси и «повоз везут»[61],— в последний раз они упомянуты в 1170 г., когда Владимир Мстиславич, изменив Мстиславу Изяславичу, от реки Горыни «оуворотяся на Радимиче, к Андрееви к Суждалю»[62]. Видим в летописи и северян под Черниговом (1025 г.)[63], встречаем и дреговичей, за поход на них Мономах укорял Глеба в 1116 г.[64], а Святослав Ольгович — Владимира Давыдовича в 1149 г.[65]

Наконец, о кривичах известно, что они имели и сохранили особую династию князей, восходящую к норманну X в. Рогволоду, честь дочери которого порушил Владимир Святославич[66]. Наименование полочан и полоцких князей, проводивших политику, враждебную Киеву, кривичами встречаем в 1128 г., когда Мстислав Владимирович отправил в поход со своей братьею «многы кривичи»[67]; «кривитьстеи» или «кривские» князья названы летописью еще дважды, последний раз в 1162 г.[68] Нам приходилось уже отмечать, что в орденской хронике описан поход «на землю кривичей» (ad terram Criwicie) в 1314 г.[69]

Все сказанное о терминах «древляне», «вятичи» и др., кажется, позволяет усомниться, что за ними непременно скрывались союзы племен: эти названия живут в политической практике XI—XII и даже XIII вв., обозначая территории, феодальный общественно-политический строй которых не вызывает сомнений. Какова эволюция содержания этих терминов — вопрос, требующий особого рассмотрения.

---

[60] ПВЛ, ч. I, стр. 12, 25, 49.
[61] Там же, стр. 59.
[62] ПСРЛ, т. II, стб. 537.
[63] ПВЛ, ч. I, стр. 100.
[64] Там же, стр. 200.
[65] ПСРЛ, т. II, стб. 384 (тот держал Курск с Посемьем, Сновскую тысячу, а также Слуцк, Клечск «и вси Дреговиче»).
[66] ПВЛ, ч. I, стр. 13, 54.
[67] ПСРЛ, т. II, стб. 292 (1128 г.).
[68] Там же, стб. 304, 521.
[69] *Petri de Dusburg.* Chronica terrae Prussiae. — «Scriptores Rerum Prussicarum», t. I. Leipzig, 1861, p. 322.

О ЛЕТОПИСНЫХ СТАТЬЯХ 1039 И 1131 ГГ.

М. Ф. Мурьянов

В Лаврентьевской летописи за 1039 г. читаем: «Священа бысть церкы святыя Богородиця, юже созда Володимеръ, отець Ярославль, митрополитомь Феопомтомь» [1]. Это все, что летописец счел нужным зафиксировать из событий года. Поскольку церковь, о которой он говорит, относится к памятникам киевского зодчества конца X в., Д. С. Лихачев в своем комментарии отмечает: «Здесь очевидная ошибка летописца: церковь Богородицы (Десятинная) была освящена за 50 лет до того, см. летописную статью 989 г. По-видимому, речь идет об освящении Софии киевской, заложенной в 1037 г.» [2]

Десятинная церковь была закончена постройкой и введена в действие не за 50 лет до того, а лишь 12 мая 996 г. и ее ктитор Владимир Святославич «створи праздникъ великъ въ тъ день боляромъ и старцемъ людьским, и оубогим раздая именье много» [3]. Эта памятная дата увековечена проложным сказанием, дошедшим до нас в списках не ранее XV в. [4], когда Десятинная церковь уже не существовала, рухнув при татаро-монгольском штурме Киева в декабре 1240 г.

Если ошибка столь очевидна, то почему она повторяется в Новгородской I и Ипатьевской летописях? Все летописи отнюдь не свободны от погрешностей, но ошибки ошибкам рознь. Для составителя Начального свода освящение главного храма Русской земли представлялось событием первостепенной важности, и писать эту дату ошибочно в официальном правительственном документе, проходившем через руки великого князя и митрополита, было невозможно даже в том случае, если бы исполнитель по каким-либо причинам нарочно захотел это сделать.

М. К. Каргер, раскопавший Десятинную церковь, отклоняет попытки связывания статьи 1039 г. с Софийским собором и считает ее буквальное содержание соответствующим действительно-

---

[1] ПСРЛ, т. I. М., 1962, стб. 153.
[2] ПВЛ, ч. II. М.— Л., 1950, стр. 378.
[3] ПСРЛ, т. I, стб. 124.
[4] Данные картотеки Н. К. Никольского в Рукописном отделе Библиотеки АН СССР в Ленинграде. О старшем списке см.: архимандрит *Леонид*. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. 2. М., 1893, стр. 293, № 979 (рукопись сейчас хранится в Государственном историческом музее в Москве).

сти: «По-видимому, это вторичное освящение было вызвано крупными перестройками храма, которые были осуществлены в первые десятилетия XI века» [5].

История Десятинной церкви требует дальнейшего изучения. Летописная статья 1039 г. привлекает внимание исследователей как возможный хронологический ориентир, и поэтому есть необходимость тщательно разобраться в ее смысле. Это будет небесполезным для понимания и летописной статьи 1131 г., рассказывающей об освящении церкви св. Андрея в киевском Янчине монастыре [6]. Это первая на Руси церковь в честь апостола Андрея Первозванного, заложенная в 1086 г. великим князем Всеволодом Ярославичем, в крещении Андреем [7]. В 1105 г. произошло ее частичное обрушение («оувалися верх святаго Андрея» [8]), вскоре исправленное, судя по тому что в 1111 и 1112 гг. в ней похоронили двух членов великокняжеской семьи. М. К. Каргер оставляет открытым вопрос о том, почему же новое освящение храма состоялось лишь в 1131 г. [9]

Раскрытие смысла летописных статей 1039 и 1131 гг. даст возможность продвинуться вперед в понимании вызывающей разнотолки записи месяцеслова Мстиславова евангелия начала XII в. на день 4 ноября: «Священие святыя Софие, иже есть въ Кыеве граде. Священа Ефремъмъ митрополитъмь» [10]. Многие считают ее очень важной для установления времени окончания постройки Софийского собора [11], М. К. Каргер относит это освящение к самому концу XI в., связывая его с устройством второго пояса наружных галерей здания [12].

По необходимости займемся теологическим вопросом о том, что такое освящение, зачем и в каких случаях оно требуется.

Через акт освящения выстроенный храм превращается из обыкновенного здания в святилище, место совершения божественной литургии. По древней традиции акт освящения совершается с максимальной торжественностью и приравнивается по своему значению к праздникам рождества и пасхи, а фактически даже превосходит их, поскольку является событием не ежегодным, а исключительным. Совершение акта относится к компетенции епископа или вышестоящих лиц [13]. День освящения вписы-

[5] *М. К. Каргер.* Древний Киев, т. 2. М.— Л., 1961, стр. 11.
[6] ПСРЛ, т. II, стб. 294.
[7] *M. Murjanoff.* Andreas der Erstberufene im mittelalterlichen Europa.— «Sacris Erudiri», t. XVII, 2. Steenbrugge, 1966, S. 426.
[8] ПСРЛ, т. II, стб. 257.
[9] *М. К. Каргер.* Указ. соч., т. 2, стр. 410—411.
[10] *П. С. Билярский.* Состав и месяцеслов Мстиславова списка евангелия.— ИОРЯС, т. X. СПб., 1861, стб. 118.
[11] *В. Н. Лазарев.* Мозаики Софии Киевской. М., 1960, стр. 55.
[12] *М. К. Каргер.* Указ. соч., т. 2, стр. 104.
[13] *К. Никольский.* Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. СПб., 1907, стр. 797—827; *S. Salaville.* Cérémonial de la consécration d'une église selon le rite byzantin, avec introduction et notes explicatives. Città del Vaticano, 1937.

вается в литургический календарь данной церкви и затем справляется ежегодно как престольный праздник прихода. Престольные праздники важнейших храмов могут приобретать национальное или общецерковное значение, как это имело место с Десятинной церковью, киевской Софией, константинопольским Софийским собором [14].

Церковный регламент предусматривает, как поступать в случаях, если какое-либо неподобающее событие в стенах храма оскорбило достоинство и святость места. Храм немедленно объявляется закрытым (заключенным), литургисать в нем является тяжким преступлением, караемым извержением из сана. Ритуал отверзения храма зависит от того, какая именно причина явилась поводом для закрытия.

Если имелась угроза пожара, вследствие которой миряне касались престола или литургических принадлежностей, или если храм осквернен татьбой, нечистотами, убийством, кровопролитием, внезапной смертью, рождением, излиянием семени, то назначается малое освящение, совершить которое правомочен священник. Специальный случай: если в храм забежит собака или свинья, то он закрывается до 8-го дня [15], после чего назначается окропление храма святой водою [16].

Если же храм осквернен насилием языческим или еретическим, либо при разрушениях или ремонте поврежден или поколеблен престол, то назначается великое освящение, по своему распорядку точно повторяющее освящение при открытии нового храма и совершаемое епископом или вышестоящим лицом. Осквернение язычниками или еретиками воспринималось как тяжкое кощунство, говорить о котором без особой нужды было непристойно. Поэтому митрополит Киприан в «Поучении новгородскому духовенству» 1395 г. ограничивается техническими причинами: «А церкви несть второго священиа никаковаго, кроме аже престолъ святый попортится: тогды и священие надобе, тогды и всякаа порядня изнова надобна» [17]. Интересно, что латинская канонистика трактует этот вопрос несколько иначе, там церковное здание теряет святость также и при разрушении стен, полном или в большей части [18], и назначается reconciliatio violatae ecclesiae [19].

---

[14] Архиепископ *Сергий*. Полный месяцеслов Востока, т. 2. Владимир, 1901, стр. 140, 344, 392, 393.

[15] «Правило о верующих в гады» (Номоканон XIV в.) см.: *С. Смирнов*. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1914, стр. 148.

[16] «Три святительския поучения духовенству и мирянам в разных предметах церковной дисциплины».— РИБ, т. 6. СПб., 1908, стб. 922.

[17] Там же, стб. 236.

[18] «Lexikon für Theologie und Kirche». Hrsg. von J. Höfer und K. Rahner, Bd. 6. Freiburg, 1961, S. 303.

[19] «Le Pontifical romano-germanique du Xe siècle». Publié par C. Vogel et R. Elze, t. I. Città del Vaticano, 1963, p. 182—185.

Теперь возвратимся к интересующим нас киевским храмам.

У нас нет оснований предполагать, что здание Десятинной церкви в начале XI в. находилось в аварийном состоянии. Об этом летописец, пожалуй, не преминул бы сообщить, подобно тому как он это сделал в отношении Андреевской церкви Янчина монастыря («Оувалися верх святаго Андрея» [20]) или о церкви Михаила архангела в Переяславле («В лето 6632. Земля потрясеся мало и падеся церкви великия святаго Михаила оу Переяславли» [21]). В указанный период в Десятинной церкви велось строительство второй очереди, первоначальное трехнефное шестистолпное здание с тремя апсидами было расширено пристройкой галерей с юга и севера и сложным комплексом пристроек с западной стороны [22]. Эти дополнения не затрагивали целости ядра здания и, в частности, его алтарной апсиды. Следовательно, сами по себе строительные работы XI в. не вызывали необходимости освящать Десятинную церковь заново.

Требовалось ли освящение Андреевской церкви Янчина монастыря после устранения последствий обвала купола, происшедшего в 1105 г.? В этом можно сомневаться, если свериться с древнерусским вопросником конца XV в. по пастырской практике. Вопрос № 69 гласит: «Церковь старая, а верхъ поставять на ней новъ, освящати ли ея?» Ответ: «Аще не двигнуть будеть ничимъ святый престолъ, ино свящати священиемъ месяца августа, и молитва поновленью храму» [23]. Вне всякого сомнения, Андреевская церковь к 1111 г. либо сохраняла силу первоначального освящения, либо была освящена после ремонта, потому что о воздании последних литургических почестей вдове и дочери великого князя Всеволода в заключенном храме не могло быть и речи. Следовательно, освящение 1131 г., второе или третье по счету, не имело отношения к строительству и было обусловлено иными причинами.

Точно так же сооружение наружных галерей киевской Софии в конце XI в. по самому содержанию этой работы не требовало нового освящения собора.

В сущности, не остается ничего другого, как признать летописные статьи 1039 и 1131 гг. и помету Мстиславова месяцеслова следствием языческих или еретических инцидентов в киевских храмах. Становится понятной немногословность записей об этих событиях, чувство пиетета к потревоженной святыне не допускало называть их причины, а тем более пускаться в подробности.

---

[20] ПСРЛ, т. II, стб. 257.
[21] Там же, стб. 288.
[22] *М. К. Каргер.* Указ. соч., т. 2, стр. 48.
[23] РИБ, т. 6, стб. 869.

ВРЕМЯ СОСТАВЛЕНИЯ АНОНИМОМ «ДЕЯНИЙ ВЕНГРОВ» И СТЕПЕНЬ ДОСТОВЕРНОСТИ ЭТОГО СОЧИНЕНИЯ

Дьердь Дъерффи

В Отделе рукописей Венгерской государственной библиотеки им. Сеченьи хранится пергаменный кодекс (шифр: Cod. Lat. Medii Aevi 403) середины XIII в. под заглавием «Деяния венгров» («Gesta Hungarorum»), на 24 листах [1]. Относительно времени составления и степени достоверности этого труда в венгерской и восточноевропейской исторической литературе вот уже более 220 лет идут споры, каких не вызывал, вероятно, ни один другой нарративный памятник.

Сочинение «Деяния венгров», состоящее, кроме пролога, из 57 глав, излагает в основном историю обретения (занятия) родины венграми и расселения венгерских племен на ее территории (895—900). Автор сообщает, хотя и значительно короче, сведения по истории венгров в IX в., а также о событиях X в.

В начале пролога автор называет себя так: «Магистр П... нотарий доброй памяти славнейшего короля Венгрии Белы» (P. dictus magister ac quondam bone memorie gloriosissimi Bele regis Hungarie notarius). Далее он пишет о своих занятиях в школе, где он полюбил историю Трои и Греции, а также сочинение Дареса Фригия. Они-то и побудили его написать «генеалогию венгерских королей и дворян» и повествование об их переселении из Скифии в Венгрию. Первая глава содержит описание Скифии, представляющее собой дословное воспроизведение отрывка из сочинения Юстина «Exordia Scythica». Во второй главе автор выводит название народа «Hungari» из топонима «Hunguar» (Унгвар, Ужгород). В третьей — шестой главах говорится о вожде Альмоше и об его избрании, произведенном в Скифии. Седьмая — одиннадцатая главы содержат описание перехода венгров из Скифии в Паннонию. По словам автора, венгры перешли в область Суздаль на Волге (Etyl) (in Rusciam, que Susudal dicitur), к городу Киеву (ad civitatem Kyeu), где, по его словам, семь половецких вождей (VII duces Cumanorum) с их людьми

[1] Факсимильное издание: «Béla kiraly névtelen jegyzöjének a Könyve...», per Ladislaum Fejérpataky. Budapest, 1892. Нами использовано издание: «Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque Arpadianae gestarum», v. I, p. 33—117 (далее — SRH).

присоединились к венграм, а вожди руссов (duces Ruthenorum) обязались платить венграм ежегодную дань (tributum) в размере десяти тысяч марок; оттуда венгры проследовали к городу Владимиру (ad civitatem Lodomer), а затем — в Галицкую землю (in Galiciam), где владимирские и галицкие вожди открыли ворота их городов, преподнесли вождю Альмошу очень обильные дары и просили венгров перейти в Паннонию, рассказав им об ее областях и жителях [2].

Этапы обретения родины венграми изложены автором в сорок одной главе. В двенадцатой и тринадцатой главах он описывает их переход через Карпаты (per silvam Houos) и занятие Унгвара; в четырнадцатой — восемнадцатой — походы в область между Тисой и Татрами (mons Turtur); в девятнадцатой — двадцать третьей — в междуречье Тисы и Мароша, в страну вождя Менумороута, господствовавшего над хазарами (populus Cozar). Это повествование прерывается вставкой, сделанной позже, в виде глав двадцать четвертой — двадцать седьмой с изложением занятия Трансильвании, где якобы господствовал вождь влахов (dux Blacorum) Гелоу; в главах двадцать восьмой — двадцать девятой автор снова описывает поход против Менумороута; в тридцатой — тридцать седьмой — занятие венграми области, простиравшейся от Тисы до Нитры, меньшей частью которой владел болгарский вождь Салан, а большей — вождь чехов Зубур; в тридцать восьмой — сорок первой — захват владений болгарского вождя Салана, зависевшего от греков, между Дунаем и Тисой; в сорок второй — сорок третьей — занятие Далмации, Хорватии и района Загреба; в сорок четвертой — сорок пятой — завоевание страны Глада между Марошем и Дунаем, а также поход на Балканы; главы сорок шестая — пятьдесят вторая посвящены занятию Паннонии, находившейся в руках римлян, и завершению похода против Менумороута. В главах пятьдесят третьей — пятьдесят шестой автор рассказывает — частично на основе продолжения анналов Регино — о набегах венгров на западные страны под предводительством вождя Зульты, а в последней — пятьдесят седьмой главе — об определении границ Венгрии и об обосновании в стране в X в. переселившихся туда чужих народов. По словам автора, вождь Зульта на границе с немцами заставил руссов построить крепость (dedit castrum construere Ruthenis) — современный Оросвар (с 1946 г.— Русовце в Чехословакии) и поселил вблизи него печенегов. Во времена же вождя Такшоня (955—972?) из Волжской Болгарии (de terra Bular) пришли мусульмане (Hismahelite), которые получили крепость Пешт, а печенеги получили место расселения по Тисе.

---

[2] Обстоятельное исследование глав о пути венгров через Русь см.: *В. П. Шушарин.* Русско-венгерские отношения в IX в.— В кн.: «Международные связи России до XVII в.» М., 1961, стр. 131—180.

С тех пор как этот памятник был издан И. Г. Швандтнером и Матьяшем Белем [3], многие историки пытались ответить на вопросы о том, когда было написано данное сочинение, кто мог быть его автором и какова ценность этого труда как исторического источника. И вместе с тем каждый историк, занимавшийся историей Карпатского бассейна в IX—X вв., сталкивался с этим пространным памятником и должен был решать, использовать ли его данные для IX—X вв. или же на их основе делать выводы лишь о времени, когда жил автор сочинения.

Установить это время долго не позволяла та неопределенность, с которой автор выразился о себе, назвав себя нотарием короля Белы.

В Венгрии правили четыре короля Белы: Бела I (1061—1063), Бела II (1131—1141), Бела III (1173—1196), Бела IV (1235—1270). Хотя Даниэль Корнидес, обладавший незаурядным критическим чутьем, в работе, изданной посмертно в 1802 г., считал вероятным, что автор памятника — нотарий Белы III, а после Корнидеса ряд историков (Матьяш Флориан, Дьюла Паулер, Дьюла Шебештьен, Балинт Хоман, Шандор Домановский, Ласло Эрдейи, Лоранд Силадьи, Янош Дъери, автор этих строк и Янош Хорват) доказал, что свидетельства автора «Деяний венгров» отражают социальную и политическую обстановку Венгрии около 1200 г.[4] Со времени выхода первого издания снова и снова появлялись мнения, относившие автора ко времени Белы I, II или IV на основании отдельных частей его произведения. Несмотря на то что выдающийся систематизатор исторических фактов Матьяш Бель уже в 1746 г. в связи с первым изданием памятника указал, что в середине XI в. Галицкого и Влади-

---

[3] «Scriptores rerum Hungaricarum, Dalmaticarum, Croaticarum et Sclavonicarum veteres ac genuini . . . cura et studio Ioannis Georgii Schwandtneri», t. I. Vindobonae, 1746, p. 1—38.

[4] *Daniel Cornides.* Vindiciae anonymi Belae regis notarii. Ed. a J. Christ. Engel. Budae 1802; «Historicae Hungariae fontes domestici». Ed. M. Florianus. t. II. Lipsiae, 1883, p. 258—302; *Pauler Gyula.* Anonymus külföldi vonatkozásai.—«Századok», 1883, 97—116. l.; *он же.* A magyar nemzet története az Arpádházi királyok alatt. I. k. Budapest, 1893, 463—464, 662—664 l. I. k. 2 kiad., 359—361, 516—517. l.; *Sebestyén Gyula.* Ki volt Anonymus? II. k Budapest, 1898; *Hóman Bálint.* A Szent László—kori Gesta Hungarorum. Budapest, 1925, 44. l. kk.; *Domanovszky Sándor.* Anonymus és a II. Géza korabeli Gesta.— «Századok», 1933, 38—54, 163—184. l.; *Erdélyi László.* Anonymus, III. Béla jegyzője. Szeged, 1933; *Szilágyi Loránd.* Az Anonymus-kérdés reviziója.—«Századok», 1937, 1—54, 136—202. l.; SRH, v. II, p. 631—634; *Györy János.* Gesta regum gesta nobilium. Budapest, 1949; *Györffy György.* Krónikáink és a magyar östörtenet. Budapest, 1948; *Horváth János.* Arpádkori latinnyelvü irodalmunk stilusproblémái. Budapest, 1954, 198—238 l.; *он же.* P. mester és müve. — «Irodalomtörténeti közlemények». Budapest, 1966, 1—53, 261—282. l.; ср. *Sólyom Károly.* Uj szempontok az Anonymus — probléma megoldásához.— Ibid., 54—84. l.; *Klaniczai Tibor.* A magyar irodalom története 1600- ig. Budapest, 1964, 80—83. l.

мирского княжеств не существовало и поэтому о нотарии Белы I не может быть речи, Янош Бардошши, Т. Алайош Керестури, Карой Сабо, Йожеф Вашш и Янош Фолтинь усматривали в авторе «Деяний венгров» нотария Белы I. При этом они исходили из того обстоятельства, что Аноним не называл короля Белу вторым, третьим или четвертым и что позднейшим историческим лицом, упомянутым Анонимом, был король Эндре I (1046—1061). Дьердь Фейер и Йожеф Подхрадцкий считали Анонима нотарием Белы II на том основании, что венгры, по Анониму (глава 50), на западной своей границе с момента обретения родины и до времени, когда жил Аноним, владели территорией, названной им «Carinthinorum Moravensium Fines», а ее в середине XII в. отнял у венгров Фридрих из Петтау. Однако Матьяш Флориан и Дьюла Паулер указали, что этим местом источника нельзя обосновать такого вывода, так как Аноним заимствовал приведенное выражение из анналов Регино, относящихся к 889 г.[5]

Архаическое звучание единичных венгерских слов, встречающихся в труде Анонима, в особенности же наличие в этих словах гласных в конце корня, что в конце XII в. стало уже явлением редким, побудило в новое время вслед за Эмилем Якубовичем нескольких наших языковедов (Деже Паиша, Иштвана Книежу и Яноша Мелиха) и историков (Кальмана Юхаса, Лайоша Чоку) признать середину XII в. в качестве времени возникновения «Деяний венгров». К такому же выводу пришел австриец Конрад Хейлиг на основе некоторых особенностей латыни памятника[6]. Что касается языковых особенностей венгерских слов, то Лоранд Силадьи и в последнее время Янош Хорват привели данные, согласно которым эти явления можно встретить и в начале XIII в., главным образом в единичных венгерских словах, имеющихся в Варадском регеструме[7]. Этот взгляд подкрепляется тем фактом,

---

[5] Обзор мнений см.: *Sebestyén Gyula*. Op. cit., I—II, k. Ср. также: *Fejérpataki László*. A magyar honfoglalás kutfői. Szerk.: *Pauler Guyla* és *Szilágyi Sándor*. Budapest, 1900, 384. l.; *Szilágyi Loránd*. A 200 éves Anonymus-kérdés.— «Magyar Könyvszemle». Budapest, 1946, 5—24. l.; *C. A. Macartney*. The Medieval Hungarian Historians. A Critical and Analytical Guide. Cambridge, 1953, p. 59—64.

[6] *Jakubovich Emil*. P. mester (Adalékok az Anonymus-kérdéshez).— In: «Emlékkönyv... Klebelsberg Kuno... emlékére». Budapest, 1925, 169—213. l.; SRH, v. I, p. 15—30; *Pais Dezsö*. Magyar Anonymus. Pécs, 1926, 7—9. l.; *Kniezsa István*. Helyesirásunk története a Könyvnyomtatás koráig. Budapest, 1952, 83. l.; *Melich János*. Dolgozatok, II. Budapest, 1963, 4—7. l. (далее— реставрация ряда устаревших и опровергнутых взглядов); *Juhász Kálmán*. Bischof Paul von Tschanad, Notarius König Bélas.— «Korrespondenzblatt des Vereins für siebenbürgische Landeskunde», Bd. 52. Hermannstadt, 1959, S. 208—214; *Csóka J. Lajos*. Ki volt Anonymus? — «Magyar Nyelv», Budapest, 1962, 153—159, 334—346. l.; *K. J. Heilig*. Wer war der Anonyme Notar? — «A Bécsi Magyar Történeti Intézet évkönyve», 2. k, 1932, 1—61. l.

[7] *Szilágyi Loránd*. Az Anonymus-kérdés... 136—176. l; *Horváth János*. P. mester ..., 26—34. l.

что гласные в конце корня исчезли из венгерского языка не сразу, а в различных районах в разное время. Если, имея в виду эти выводы, учесть, что в труде Анонима имеются языковые архаизмы, например, прибавление венгерского исчезающего гласного к немецкому названию Обуды конца XII в. (Etzelburg: per linguam Hungaricam dicitur nunc Buduuar et a Teothonicis Ecilburgu vocatur)[8], то доводы языкознания против признания Анонима нотарием Белы III окажутся неубедительными.

Если архаизмы венгерского языка и орфография Анонима еще понятны на рубеже XII—XIII вв., то после смерти Белы IV (1270) их наличия уже ничем нельзя объяснить.

Те историки, которые считают Анонима нотарием Белы IV (Адам Коллар, Дьердь Прай, Дьердь Барталь, Роберт Росслер, Хенрик Марцали, Р. Ф. Кайндль и в последнее время — Геза Каршаи[9]), в качестве главного аргумента указывают на то обстоятельство, что Аноним мог описать переселение в Паннонию в конце IX в. половцев (кунов) (Cumani) только под впечатлением их переселения в Венгрию при Беле IV. Однако половцев (кунов) Анонима нельзя отождествлять с истинными половцами, ибо у него указано место их поселения, отличное от области расселения половцев, бежавших от монголов. Аноним считает также половецким по происхождению известный в Венгрии род Абы, к которому принадлежал венгерский король Шамуэль (1041—1044). Фигурирующая у Анонима под именем «кунов» (в латыни до 1200 г.— «cuni», с 1200 г.— «cumani», «comani») часть кочевого народа присоединилась к венграм до 1200 г., и, вероятно, под половцами (кунами) Анонима следует понимать три рода хазар (т. н. кабаров — κάβαροι, covari), которые еще до обретения родины венграми восстали против хазар и присоединились к венграм[10].

---

[8] SRH, v. I, p. 35. О времени появления этого названия см.: *Györffy György.* Krónikáink..., 133. l.

[9] Обзор старой литературы см.: *Sebestyén Gyula.* Op. cit., II, k. 22—41. l.; *R. Roessler.* Romanische Studien. Leipzig, 1871. S. 147—230; *H. Marczali.* Ungarns Geschichtsquellen im Zeitalter der Arpaden. Berlin, 1882, S. 94—102; *R. F. Kaindl.* Studien zur ungarischen Geschichtsquellen, Bd. IX. Wien, 1899, S. 30 — 31; *Karsai Géza.* Az Anonymus-kódex keletkezéséhez.— «Magyar Könyvszemle». Budapest, 1960, 166. l. Здесь же можно упомянуть по видимости научную, а в действительности дилетантскую попытку решения проблемы: *M. Fodor.* Petrus dictus magister Parisiensis. Berlin, 1954.

[10] *Sebestyén Gyula.* Op. cit., II. k., 26—29. l; *Németh Gyula.* A honfoglaló magyarság kialakulása. Budapest, 1930, 223, 238—241. l.; *С. П. Толстов.* Хорезмская генеалогия Самуила Абы.—«Советская этнография». М.—Л., 1947, стр. 104—107; *Györffy György.* Krónikáink ..., 115—118, 124—125. l.; *он же.* A kun és komán népnév eredetének kérdéséhez. Budapest, 1948, 158—176. l.; *он же.* Tanulmányok a magyar állam eredetéről. Budapest, 1959, 44—76. l. О половцах, переселившихся в Венгрию, в XIII в. см.: *Györffy György.* A kunok feudalizálódása.— In: «Tanulmányok a parasztság történetéhez Magyarországon a 14. században». Budapest, 1953, 104—116. l.

После татарского нашествия в Венгрии произошли большие изменения. Анонim же отразил во всех отношениях обстановку до нашествия. Приведу пример с упомянутым ранее топонимом Buduuar-Ecilburgu. Если до начала XIII в. имя Будавар носила Обуда, то после татарского нашествия Будавар — это название существующей и ныне крепости Буды, которую король Бела IV основал после 1243 г.

Каковы же главные доводы, которые позволяют нашим историкам теперь почти единодушно считать магистра П. нотарием Белы III?

Вслед за Флорианом Матьяшем Лоранд Силадьи сравнил социальную, экономическую и дипломатическую терминологию Анонима с терминологией грамот, составленных в Венгрии, и установил, что термины, фигурирующие одновременно и в труде Анонима, и в грамотах, характерны лишь для конца XII в.[11]

Дьюла Паулер исследовал описанные Анонимом отношения Венгрии с соседними странами и пришел к выводу, что они характерны именно для времени Белы III [12]. В этом смысле определяющее значение имеет сочиненный Анонимом рассказ о том, что в IX в. вождь Глад, пришедший из Видина (Болгария), с помощью половцев (кунов) (adiutorio Cumanorum) захватил территорию между Марошем и Дунаем (глава 11), а затем, используя вспомогательные отряды половцев (кунов), болгар и влахов (cum magno exercitu equitum et peditum adiutorio Cumanorum et Bulgarorum atque Blacorum), боролся против венгров (глава 44). В 1186 г. в Болгарии в результате восстания Асеня и Петра возникло Второе Болгарское царство, которое опиралось на такие этнические элементы, как половцы (куны), болгары и влахи. С другой стороны, с середины XIII в. половецкий и влашский элементы исчезают из Болгарии [13].

Можно прибавить к сказанному, что проявляющиеся в труде Анонима специфические особенности его венгерского языка, его географических познаний, его представлений об отношениях внутри господствующего класса, а также политические тенденции его сочинения в целом, характерны для рубежа XII—XIII вв. Поэтому мы считаем доказанным вывод, что именно в это время Анонim написал свое сочинение «Деяния венгров».

Его жанр — также продукт данного периода, который, впрочем, не может быть сужен с точностью до десятилетий.

«Деяния» Анонима нельзя отнести к классическим жанрам средневековой исторической литературы: это — не хроника, автор

---

[11] *Szilágyi Loránd.* Az Anonymus-kérdés..., 1—54. l.

[12] *Pauler Gyula.* Anonymus külföldi vonatkozásai. 97—116. l; ср. *Domanovszky Sándor.* Anonymus..., 50—54. l.

[13] SRH, v. I, p. 49—50, 90; ср. *C. A. Macartney.* Studies on the early Hungarian historical sources. Budapest, 1940, p. 148; *Györffy György.* Krónikáink..., 125. l.

которой стремится дать связное повествование об имевших место событиях; это — не анналы (ежегодники), в которые анналист погодно записывает дошедшие до него известия; но это — и не деяния, как их понимали многие средневековые писатели, создавая рассказы о совершенных кем-либо делах, доводя их действие до времени, в котором жил автор.

«Деяния» Анонима — это деяния-роман, жанр которого стал модным в западной латиноязычной литературе в XII в. Авторы деяний-романов оживляли давно прошедшие времена на основе собственных представлений. Творцы таких романов писали не историю, не стремились к достоверности на основе источников и воспоминаний, а, не имея источников или игнорируя их, создавали способное возбудить интерес литературное произведение. Событие, служившее основой излагаемой романистом истории, могло иметь место в действительности, как обретение родины венграми, его можно было и придумать, как, например, происхождение франков из Трои. Среди описываемых героев были такие, чьи имена сохранили литература или устная традиция. Однако писатель, исходя из сюжета своего рассказа, был вынужден создавать образы героев, заставляя их действовать в вымышленных исторических обстоятельствах, в представленных им сценах и эпизодах.

Именно поэтому история, изложенная в романе-деяниях, не является для историка достоверным источником. Такого рода произведение само по себе — в первую очередь предмет исследования для историков литературы. И лишь после обстоятельного анализа источника можно установить: каким запасом знаний обладал автор романа-деяний, создавая свое произведение; в какой степени он опирался на более ранние литературные произведения, на устную традицию и насколько отразил обстановку, представления и стремления своего времени.

Аноним использовал письменные источники. В своем труде он с уважением говорит о произведениях историографов (historiographorum) [14].

Но он имеет в виду античные и средневековые исторические сочинения, которые были обязаны читать учащиеся школ на западе. Из числа таких сочинений в Прологе Аноним называет «Историю Трои» (De Excidio Troiae Historia) Дареса Фригия, которую он избрал в качестве образца. Начиная обращение к своему другу, Аноним пишет, что во время школьных занятий (согласно распространенному предположению, в Париже) они вместе читали это сочинение Дареса Фригия [15]. Об этом, а также о знакомстве Анонима с другим произведением Дареса Фригия («Дея-

[14] SRH, v. I, p. 36.

[15] Ibid., p. 33. О пребывании в школе во Франции с несколькими ошибками пишет Д. Шебештьен (*Sebestyén Gyula*. Op. cit., 73. 1. kk.; ср. *Györy János*. Op. cit.).

ния Александра Великого» — Gesta Alexandri Magni) свидетельствует несколько дословных заимствований [16]. Источниковеды установили, что Аноним заимствовал целые абзацы из анналов прюмского аббата Регино (ум. 915) или из их продолжения: оттуда он почерпнул известие о скифском происхождении венгров, а также взял исторический остов описания набегов венгров X в. Бóльшую часть главы «О Скифии» (De Scithia) он написал, дословно использовав выдержку (Exordia Scythica), сделанную в VII в. из сочинения Юстина II в.[17] Заимствованные Анонимом выражения свидетельствуют о знании им Библии, а также сочинения Исидора Севильского «Etymologiarum libri» и Гуго из Болоньи «Rationes dictandi prosaice» [18]. Стилистические совпадения говорят о том, что Аноним был знаком с романами-деяниями, вошедшими в моду в XII в. на западе (во Франции, Англии и Арагонии).

Насколько Аноним чтил античных и западных историографов, настолько он выражал презрение, по его выражению, к лживым сказкам крестьян и песням болтливых сказителей, хотя и ссылался на них [19]. Представляется, что равноценным им Аноним считал протограф хроник Венгрии (Gesta Ungarorum), сохранивший венгерские сказания. Это предполагаемое изложение венгерской истории, написанное около 1060 г., не сохранилось в первоначальном виде, а его измененный текст вошел в более пространные хроники — Иллюстрированную (Chronicon Pictum), Будскую (Chronicon Budense), хронику Яноша Туроци. О том, что Аноним недооценивал рассказы протографа, свидетельствует пропуск читавшегося в протографе наивного сказания об обретении венграми родины, согласно которому венгры купили Паннонию у моравского вождя Морота, отдав ему белого коня, седло и узду. Аноним сохранил лишь элементы этого сказания, украсив отдельные эпизоды своего рассказа.

Раньше предполагали, что имеющиеся в труде Анонима и в хрониках дословные совпадения восходят к упомянутому протографу. Однако после того как было доказано, что труд Анонима знал хронист XIII в., стало ясно, что большинство этих совпадений (например, сказание о рождении Альмоша) Аноним не почерпнул из протографа, а сформулировал сам,— может быть, на основе какой-то генеалогической устной традиции [20].

---

[16] *Jakubovich Emil.* Op. cit., 196. l.

[17] *Szilágyi Loránd.* P. magister forrásai és módszere.— «Magyar Nyelv». Budapest, 1947, 118—122. l; *Györffy György.* Krónikáink..., 48—53. l.

[18] *É. Mészáros.* Qua ratione Anonymus Hungarus in conscribendis Gestis suis Sacra scriptura usus sit. Quinqueecclesiis, 1936; *Horváth János.* Irodalomtörténeti Közlemények. Budapest, 1963, 454—455. l; *Jakubovich Emil.* Op. cit., 195—197. l.

[19] SRH, v. I, p. 33, 87.

[20] *Györffy György.* Krónikáink..., 6.ll. kk. Хотя факт заимствования из труда Анонима составителем хроники XIII в. в последнее время был убедительно

Аноним поставил своей целью написание генеалогии венгерских королей и дворян. Поэтому он широко использовал семейные предания магнатов. Магнаты и прелаты, близкие к королевскому двору и канцелярии, рассказали ему, как звали их предков, живших в период обретения родины или в X в., какие земли они заняли в этот период, какие у них были зáмки и древние имения. На основе семейных преданий Аноним записал, что такой-то вождь занял такую-то земляную крепость с окружающим ее районом. Хотя из этих районов только после 1000 г. возникли медье, комитаты (comitatus), Аноним ретроспективно изобразил дело так, что вождь Арпад дал другим вождям комитаты или сделал их ишпанами (comites) отдельных крепостей. К преданию восходит также запись Анонима об уступке вождями, занявшими крепости, двух третей их населения князю [21].

Однако, кроме имен действующих лиц и названий имений, вся история, в которую они вставлены автором,— сплошная его выдумка.

У Анонима не было источника, где рассказывалось бы о боях во время обретения родины. С другой стороны, создавая описания этих боев, испещренные красочными эпизодами, Аноним хотел показать, каким образом предок того или иного магната захватил ту территорию, которой он владел.

Поскольку из письменных памятников Аноним узнал лишь, что Паннония была когда-то землей римлян, а затем — Аттилы, протограф же хроник Венгрии сохранил только имя князя Морота, которое было персонификацией этнонима «мораване» (морва), а Анониму нужны были вражеские вожди, побежденные венграми, то он и выдумал образы этих вражеских вождей. Так как способ создания этих образов Анонимом применяется последовательно, то можно установить, что он сочинял этимологические истории, в которых объяснялось происхождение отдельных географических названий, известных в его время. Метод Анонима, родственный повсеместно распространенному сочинительству сказаний, объясняющих названия, состоял в следующем: он выводил

доказан Яношем Хорватом («Irodalomtörténeti Közlemények». Budapest, 1963, 454—455. l.), Элемер Маюс в своей работе, говоря о протографе, возвратился к устаревшему взгляду, не дав ему нового обоснования («Századok», 1966 715. l. kk.).

[21] Ср. *Györffy György.* Tanulmányok..., 16—36.l. Хотя формулировка Анонима о пожаловании комитатов отражает словоупотребление его времени, на что указал Янош Хорват (*Horváth János.* P. mester..., 10. l. kk.), свидетельства о пожаловании территории некоторых венгерских областей (Веспрем, Заранд, Комаром и др.) Аноним не мог почерпнуть из фактов своего времени, поскольку в его время, когда делались наибольшие пожалования, раздачи комитатов еще не происходило. В пожалованной Белой III области Модруш не было комитатской организации. При Энре II было пожаловано несколько замков, управлявшихся ишпанами (Comitatus) (например, Лочманд). Но такие хозяйства не были комитатами, выделившись к тому времени из территории первоначального комитата.

название места «икс» из имени жившего некогда героя «икс», который якобы был убит в этом месте. Пример применения этого способа Аноним нашел и в Библии, где, в частности, в стихах 7—8 хорошо ему известной шестой главы второй книги Самуила можно прочесть: «...простерся гнев Господа на Уззу, и убил он его там... Давид... назвал это место Переш Узза, как оно называется до сего дня». Использовав этот метод, Аноним, объясняя название реки Лаборца, выдумал болгарского вождя Лаборца, горы Турцоль — вождя половцев (кунов) Турцоля, горы Зубур — вождя чехов Зубура, зáмка Гелоу — вождя влахов Гелоу, деревни Глад — видинского вождя Глада [22].

Но Аноним производил новые имена и создавал образы действующих лиц из имен, найденных им в источниках. При этом он соединял различные имена или же расщеплял их на части. Так, в сказании протографа о происхождении венгров он мог прочесть, что родительницами венгров были Enech и дочери королей Dula и Belar. Соединив начальные слоги этих имен, Аноним составил имя предка Альмоша с материнской стороны — Eunedubelianus. Из имен фигурировавшего в протографе предка Альмоша — многоженца Menrot'a и господствовавшего в Паннонии вождя Morout'a Аноним произвел имя бихарского вождя Menumorout'a, осуществлявшего власть над хазарским населением. Затем Аноним генеалогически связал его с семьей Арпадов [23].

С подобного рода способом расщепления имен мы сталкиваемся, исследуя источник, откуда выведены имена вождей Ed и Edum(en), фигурирующих в качестве «половецких» предков венгерского короля Шамуэля Абы (*Ed, Edum ~ Ed, Edumen* ex quorum progenie... rex *Samuel* descendit, qui pro pietate sua Oba vocabatur) [24]. В Библии (вторая книга Самуила, стихи, 6, 11—12) читаем: «...благословил Господь *Обеда Эдома* и весь народ дома его... Благословил Господь дом *Обеда Эдома* и все, что у того есть». Ранее исследователи, ища этимологию имен Oba, Ed, Edum(en), считали их именами исключительно тюркского происхождения [25]. Однако этимология Анонима имени Аба (Оба) «благочестивый, праведный» не может основываться на значении «благочестивый» тюркско-кипчакского слова аба-«отец», так как благочестие — это не атрибут отцов, а религиозное понятие. В действительности же Аноним наделил благочестием Шамуэля на основе

---

[22] *Györffy György.* Formation d'Etats au IXe siècle suivant les «Gesta Hungarorum» du Notaire Anonyme.— In: «Nouvelles Etudes Historiques publiées á l'occasion du XIIe Congrès International des Sciences Historiques par la Comission Nationale des Historiens Hongrois». Budapest, 1965. Венгерский текст этой статьи см.: «Ethnographia». Budapest, 1965, 411—434. l.

[23] *Györffy György.* Krónikáink..., 11—27. l.

[24] SRH, v. I, p. 42, 46, 73.

[25] *Gombocz Zoltán.* Árpádkori török személynevek. Budapest, 1915, 40. l.; *Németh Gyula.* Op. cit., 239. l.; *Pais Dezső* — SRH, v. I, p. 74; *Horváth János.* P. mester..., 21. l. Мы также разделяли этот взгляд.

слова «abba» (аббат) из архаической средневековой латыни [26]. Проблематична и распространенная этимология имен Ed: венгерский язык не мог заимствовать древнетюркское слово ädγü (добрый, хороший) из формы хазарского (?) слова X в. Ed, так как древнетюркский звук — d — к X в. уже превратился в звуки —v—, —z—, —j— или —r—. Не вдаваясь здесь в обсуждение того, были ли у рода Абы предки по имени Ed и Edumen, обратим лишь внимание на то, что имена Obed—Edom, читаемые в Библии (книга Самуила), повлияли на создание имен Ed и Edumen Анонимом. Это несомненно, с одной стороны, ввиду упоминания им наряду с формой Ed в форме Edum, а с другой стороны — из-за своеобразного библейского добавления о том, что господь благословил Обед Эдома и народ всего его дома. Ведь Аноним и в другом месте представляет потомков Шамуэля Абы как отмеченных божественной милостью, говоря: «Эти потомки по милости бога еще и теперь достойны обладания этими землями». Так как автор не обнаруживает такой общности интересов ни с одной другой магнатской семьей, то вполне возможно, что сам он принадлежал к этому роду [27].

Путем этимологизации Аноним не только создавал имена и вымышленные образы «исторических деятелей», но и не раз придумывал события, объясняя географические названия. Самый разительный пример этого — случай с Греческой пристанью (portus Grecorum) около Альпара.

Об Альпаре известно, что его третья часть в XII в. попала во владение греческого (православного) монастыря в Савасентдеметере, почему и пристань назвали Греческой. На основе этого названия Аноним сочинил, что во время обретения родины венгры сражались у Альпара с греческим войском, и то место, где убегающие греки утонули в Тисе, назвали Греческой пристанью (Unde locus ille, ubi greci mortui fuerunt, a die illo usque nunc portus grecorum nuncupatur) [28]. Насколько Анониму не была ясна обстановка в бассейне Карпат в IX в., видно из следующих трех примеров:

---

[26] *Du Gange.* Glossarium mediae et infimae latinitatis, I. Niort, 1883, p. 11. См., например: «Monumenta Germaniae Historica». Diplomatum regum et imperatorum, II. Hannoveriae, 1893, p. 400 (Dipl. Ottonis III, N 6. 28.XI. 984); «Salemannus abba ex monasterio Laureshammo».

[27] «*Györffy György.* Krónikáink..., 115. l. Детальное знание Анонимом района Верхней Тисы также связывает его с этой территорией, где жил род Абы. Такой связи не наблюдается у него с семьей Велеков, о принадлежности к которой в последнее время высказывались Янош Хорват (*Horváth János.* R. mester..., 1. l. kk.) и Карой Шойом (*Sólyom Károly.* Uj szempontok..., 54. l. kk.).

[28] SRH, v. I, p. 83; ср. *Gy. Györffy.* Das Güterverzeichnis des griechischen Klosters zu Szávaszentdemeter (Sremska Mitrovica) aus dem 12. Jh.— «Studia Slavica», t. 5. Budapest, 1959, S. 46—47; *он же.* Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza, 1. k. Budapest, 1966, 890. l.

1) Достоверные современные источники упоминают в качестве населения этой территории авар, дунайских словен, баварцев-франков, мораван, болгар и гепидов. Из этих народов Аноним знает только о славянах и болгарах. Отождествление секеев, названных Анонимом народом Аттилы, с аварами сомнительно. Этноним мораван появляется у него только в форме имени собственного Morout dux. (Такая персонификация была произведена сказанием [29].) И, наоборот, у Анонима фигурирует целый ряд таких народов, которые в IX в. не были жителями бассейна Карпат,— римляне, чехи, греки, влахи, хазары, половцы (куны) (Cumani). О половцах известно, что из Азии они лишь около 1050 г. вторглись в степь современной Украины и с конца XI в. распространили свою власть также на территорию Молдовы и Валахии, которую с этого времени до второй половины XIII в. называли Куманией.

Влахов византийские источники с конца X в. под именем Βλάχοι знают на Балканах, где территория их обитания упоминается под именем Влахии, Великой Влахии (Βλαχία, Μεγάλη Βλαχία). Епископ влахов с местопребыванием в Македонии подчинялся болгарскому архиепископу Охриды [30]; там влахи приняли христианство по славянскому обряду; в то же время все население королевства Венгрии, включая и Трансильванию, вместе с жившими здесь славянами приняло христианство по западному (латинскому) обряду,— из чего также следует, что латиноязычные (романоязычные) влахи могли принять славянский обряд не в Венгрии. Политическое значение влахов поднялось в 1186 г., когда они вместе с болгарами основали государство Асенидов, глава которого носил титул «господин» или «император влахов и болгар». Когда влахи в первой половине XIII в. исчезли из Болгарии, то они массами появились на территории королевства Венгрии и Кумании (по свидетельствам памятников,— с 1210 г.).

Помещение народов «Cumani» (половцы) и «Blachi» (влахи) в бассейне Карпат в IX в.— одна и та же ретроспекция, перенесение в более раннее время обстановки, существовавшей около 1200 г. Основой ретроспекции, связанной с половцами, мог служить частично тот факт, что в IX в. к венграм присоединились хазары-тюрки, названные Анонимом половцами-кунами (Cuni); ретроспекции, связанной с влахами,— славянское предание об изгнании венграми во время обретения родины из Придунавья

---

[29] *Gy. Györffy.* Formations..., p. 27; *он же.* Die Erinnerung an das Grossmährische Fürstentum in der mittelalterlichen Überlieferung Ungarns.— «Acta Archaeologica», t. 17. Budapest, 1965, p. 41—45.

[30] *M. Gyóni.* L'évêché vlaque de l'archevêché bulgare d'Achris aux XIe — XIVe siècles.— «Etudes Slaves et Roumaines», t. I. Budapest, 1948, p. 148—159, 224—233.

франков, называемых на славянском языке волохами [31]. Славянское слово X в. «влах», во множественном числе «власи» перешло в венгерский язык в значении «неолатинский (новолатинский), итальянский, французский» также в форме «олас(и)» — «olasz(i)»; так венгры эпохи Арпадов (XI—XIII вв.) называли французов и соответственно — франков (например, название деревни: лат. Frankavilla, венг. Оласи — Olaszi); и ныне венгры так же называют итальянцев.

2) Современные источники упоминают следующих исторических лиц, которые во второй половине IX в. играли значительную политическую роль в бассейне Карпат: в области Моравского княжества — князей Растислава и Святоплука с его сыновьями Святоплуком и Моймиром; епископов Мефодия и Вихинга; в Паннонской марке Восточно-Франкской империи — императоров Людовика Немецкого, Карла Толстого и Арнульфа, герцогов Карломанна и Лиутпольда, маркграфов Арибо и Ратпольда, вождей (dux) Прибину, Коцела и Браслава, архиепископов Адальвина и Теотмара; в Болгарии — царей Бориса, Олдамура и Симеона [32]. Характерно, что Аноним не знает имени ни одного из этих исторических лиц (их — 21 человек). Вместо них он заставляет действовать вымышленных героев своего романа.

3) Современные памятники сохранили данные по военной истории обретения венграми родины, связанные с двумя местами. В 896 г. император Арнульф назначил Браслава для защиты Паннонии и Города на болотах — Paludarum urbs (Мозабург, Блатински град, Залавар). В 907 г. венгры одержали решительную победу над двигавшимся против них баварским войском у Brezalauspurc'a (Прессбург > Прешпорок, Пожонь, Братислава) [33]. Аноним же, посвятивший бóльшую часть своего труда битвам времени обретения родины, ни одного из этих мест не знает, рассказывая о таких местах сражений, которые (как, например, упоминавшаяся Греческая пристань — portus Grecorum) оказываются плодом вымысла, обусловленного сюжетом его сказки.

Беспристрастные и знающие весь материал источников историки ныне считают решенным вопрос о времени Анонима и достоверности его сочинения.

Открытым остается вопрос, вызвавший много споров и до сих пор не решенный: кто был Анонимом? В течение двух столетий ученые и дилетанты пытались ответить на него, отождествляя безымянного автора с различными лицами, упоминаемыми в документах.

Долго шли споры о том, является ли буква «П» (лат. «P») в формуле «P. dictus magister» начальной буквой имени или

---

[31] *M. Gyóni.* Les Volochs des Annales primitives de Kiev.— Ibid., t. 2, 1949, p. 56—92.

[32] *Pauler Gyula, Szilágyi Sándor.* Op. cit., Index.

[33] «Monumenta Germaniae Historica. Scriptores», t. XXX, pt. 2, p. 742.

указывает на ранее упомянутого магистра. В последнем случае возможное чтение «Praedictus magister» позволяло предполагать, что он был назван на предыдущей стертой странице. Эмиль Якубович показал на ряде примеров XII в. распространенность формулы скромности типа «P. dictus», а просвечивание стертой страницы ультрафиолетовыми лучами позволило установить, что писец первоначально на ней начал писать известный ныне текст следующей страницы, но испортил его и поэтому стер [34]. После установления этих фактов круг предполагаемых авторов сузился: их можно искать только среди таких современников, имя которых начинается буквой «П» (лат. «P»).

Однако основная трудность заключается в том, что небольшой материал памятников, имеющийся ныне в распоряжении исследователей, недостаточен для составления связной архонтологии XII в. Едва ли мы знаем имена всех нотариев канцелярии Белы III. При таком положении различные умозрительные комбинации могут дать лишь предположения, доказать которые невозможно.

Однако для историка вопрос о том, кто был Анонимом,— второстепенен. Для того чтобы можно было использовать его «Деяния венгров» в качестве источника, нужно иметь точное представление о времени создания и степени достоверности этого труда.

[34] *Jakubovich Emil.* Op. cit., 195—197.1.

«ДЕДРИК БЕРНСКИЙ» В НОВГОРОДСКОЙ I ЛЕТОПИСИ

И. Э. Клейненберг

В Новгородской I летописи содержится под 6712 г. текст «Повести о взятии Царьграда фрягами». Там в соответствии с исторической действительностью главным руководителем крестоносного войска, захватившего и разграбившего Константинополь в 1204 г., назван маркграф монферратский Бонифаций — один из крупнейших североитальянских феодалов того времени. Анонимный русский автор «Повести» называет его не по имени, а лишь «Маркос от Рима», где словом «Маркос» передана итальянская форма титула «маркграф» — «marchiso», «marchese». Но чтобы вызвать у читателей или слушателей «Повести» знакомые ассоциации и связать в их сознании местонахождение североитальянских владений маркграфа с чем-то им уже известным, автор, поясняя, добавляет: «в граде Бьерне, идеже бе жил поганыи злыи Дедрик» [1]. Анализу этого упоминания в Новгородской I летописи персонажа немецкого героического эпоса Дедрика или в более распространенном верхненемецком произношении Дитриха Бернского и посвящена настоящая статья.

Эта любопытная летописная строка до сих пор обстоятельно не комментировалась. В издании Новгородской I летописи 1841 г. в примечании к именам предводителей четвертого крестового похода только сказано: «Дедрик, вероятно, Феодорик Готский» [2]. Это же примечание без изменения повторено и в последнем издании летописи в 1950 г.[3] Такое объяснение в настоящее время устарело и дезориентирует читателя, так как летописная реминисценция относит нас не к историческому лицу, королю готов Теодориху (454—526), а к излюбленному персонажу немецкого средневекового героического и сказочного эпоса Дитриху Бернскому. Правда, эпический образ Дитриха Бернского ведет свое начало от исторических песен остготов VI в., воспевавших деяния своего великого короля Теодориха, приведшего их в богатую Италию. Там же одной из его резиденций стала Верона, называвшаяся в средние века на немецком языке Берном, откуда и возник эпитет «Бернский» [4]. Но, попав после прекращения сущест-

[1] НПЛ. М.— Л., 1950, стр. 49.
[2] ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, стр. 29.
[3] НПЛ, стр. 49.
[4] *W. Matthias.* Die geographische Nomenklatur Italiens im altdeutschen Schrifttum. Plauen, 1911, S. 209 ff.

вования готов как народа в Германию, образ Теодориха исторических песен в устах и руках немецких сказителей и шпильманов потерял всякую связь с представлением о готах и со своим историческим прототипом и стал легендарным образом Дитриха (в нижненемецком звуковом оформлении Дедрика) Бернского, который по воле авторов и исполнителей фольклорных произведений зажил новой жизнью как популярный персонаж немецкого героического и сказочного эпоса [5].

«Повесть о взятии Царьграда фрягами» только один раз подвергалась специальному изучению. Н. А. Мещерским опубликовано две статьи, в одной из которых он подвергает «Повесть» филологическому анализу, в другой — разбирает ее как исторический источник. Общие же сведения о «Повести» и выводы в обеих статьях совпадают. В этих работах дана история текста «Повести» и исчерпывающе проанализирована предшествующая литература. Н. А. Мещерский подтверждает ранее существовавшее мнение, что «Повесть» по данным ее языка — не переводное произведение, не компиляция, а самобытное творение русского автора. Не мог Н. А. Мещерский обойти и упоминание Дедрика. Он справедливо отмечает нижненемецкую форму этого имени в «Повести» и высказывает предположение о знакомстве автора «Повести» с каким-то немецким литературным источником, возможно, «Песней о Нибелунгах»; но он также не проводит четкого разграничения между Теодорихом остготским и фольклорным образом Дитриха Бернского немецкого эпоса [6].

Высказанное в осторожной форме Н. А. Мещерским предположение о «Песне о Нибелунгах» как возможном источнике знакомства автора «Повести» с образом Дитриха Бернского тем временем перекочевало в учебную литературу, обогатившись наречием «несомненно» [7]. Эту гипотезу следует признать необоснованной хотя бы по следующим причинам: поэма о Нибелунгах была создана лишь около 1200 г.[8] и не могла стать поэтому к моменту написания «Повести» общеизвестной на Руси (все исследователи полагают, что «Повесть» написана непосредственно после свершения излагаемых в ней событий, т. е. в 1204 г.); кроме того, «Песнь о Нибелунгах» написана на средне-верхненемецком языке на территории нынешней Австрии, в то время как в «Повести» форма имени Дедрик указывает на нижненемецкий источник, т. е. на источник из Северной Германии.

Мы полагаем, что более верный путь для нахождения источника сведений на Руси о деяниях Дитриха Бернского дает нам

---

[5] *H. Patzig.* Dietrich von Bern und sein Sagenkreis. Berlin, 1917.

[6] *Н. А. Мещерский.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г.— ТОДРЛ, т. X. М. — Л., 1954, стр. 130—131; *он же.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии.— «Византийский временник», т. IX. М., 1956, стр. 181—182.

[7] *Н. В. Водовозов.* История древней русской литературы. М., 1966, стр. 105.

[8] «Deutsche Literaturgeschichte in einem Band». Berlin, 1966, S. 48.

А. Н. Веселовский. В своем исследовании о русских элементах в норвежской компиляции немецких саг о Дитрихе Бернском он указывает на то, что торговые поездки купцов из нижненемецких городов на Русь в XII в., кроме чисто торгового общения, способствовали и общению другого рода: выходцы из вестфальских городов могли быть передатчиками на Руси своих домашних преданий и песен и в свою очередь могли слушать в русских городах местные былины и исторические песни. «... От них, вероятно, идет заметка «о поганом злом Дедрике» в Первой новгородской летописи»,— писал А. Н. Веселовский [9].

Такое предположение подсказал А. Н. Веселовскому сам процесс возникновения норвежской записи саг о Дитрихе Бернском. Дело в том, что до XIII в. включительно нижненемецкие торговые города, особенно Зост [10] в Вестфалии, были центрами, где исполнялись, перерабатывались, приспосабливались к местным условиям и развивались дальше древние германские эпические сюжеты. Особой популярностью в городской и крестьянской среде Северной Германии пользовался образ Дитриха Бернского. Знаменательно, что об этом даже упоминает хроника города Кведлинбурга, хотя хроники вообще редко уделяют внимание таким явлениям: «Тидерик Бернский, о ком издавна пели крестьяне» [11].

Никаких местных записей на немецком языке этих фольклорных произведений, бытовавших в Северной Германии, не сохранилось. Об их содержании мы можем судить лишь по прозаической компиляции, возникшей около 1250 г. в норвежском городе Бергене. Она сохранилась в ряде рукописей, из которых главная и самая древняя написана на пергамене в конце XIII в. Норвежский компилятор объединил вокруг центральной фигуры Дитриха Бернского все известные ему эпические сюжеты Северной Германии. Поэтому это произведение и носит название «Сага о Тидреке» («Thidriks saga») [12]. Норвежская форма имени Дитрих — Thidrik начинается с интрадентального спиранта «th», неточно передаваемого русским «т».

---

[9] *А. Н. Веселовский.* Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Вероиском).— ИОРЯС, т. XI, кн. 3. СПб., 1906, стр. 22.

[10] В русской литературе существует несколько видов передачи названия этого немецкого города Soest — Соэст, Сест, Зест, Зёст. Немецкая орфография названия этого города является традиционной: буквосочетание «oe» обозначает здесь не умлаут, а долгий звук «о». Поэтому наиболее точной русской транскрипцией является написание «Зост», которым мы здесь и пользуемся (*H. Täubert.* Geographische Namen richtig ausgesprochen. Gotha, 1964, S. 164).

[11] *K. Droege.* Zur Geschichte der Nibelungendichtung und der Thidrekssaga.— «Zeitschrift für deutsches Altertum», Bd. 58. Berlin, 1921, Heft 1, S. 13, 26, 29, 39.

[12] «Saga Didriks konungr af Bern», udg. af. C. L. Unger. Christiania, 1853; «Thidriks Saga af Bern», udg. ved. H. Bertelsen, Bd. I—II. København, 1905—1911. Пролог и ряд глав саги перевел на русский язык и опубликовал А. Н. Веселовский (*А. Н. Веселовский.* Указ. соч., стр. 130—190). Там же (стр. 1—3) см. подробные сведения о рукописях саги.

Берген был тем норвежским торговым центром, куда в течение всего средневековья ездили в большом количестве купцы северогерманских городов, которые имели там постоянно действующее подворье, аналогичное немецкому торговому двору св. Петра в Новгороде Великом. Норвежский компилятор «Саги о Тидреке» в некоторых местах своего произведения, в том числе и в прологе к нему, указывает на источники, которыми он пользовался при его написании. Он сообщает, что узнал о пересказываемых им событиях от немецких мужей, главным образом от уроженцев города Зоста, но что также и немцы родом из Бремена и Мюнстера рассказывали ему совершенно одинаково, причем независимо друг от друга, об этих делах, и их рассказы были большей частью в полном согласии с древними песнями на немецком языке, которые сложили ученые мужи о великих подвигах (последние слова относятся к письменным источникам, которыми мог пользоваться компилятор) [13]. Как мы видим, главными источниками своей осведомленности о деяниях Дитриха Бернского норвежский компилятор называет устные рассказы немцев из торговых городов Зоста, Бремена, Мюнстера.

Для нашей темы здесь важно то, что купцы из тех же городов Северной Германии вели в тот же исторический период не менее оживленную торговлю через остров Готланд и с русскими землями. В торговом договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. перечислены в качестве свидетелей при его составлении представители немецких купцов из городов Жюжата (Жата), т. е. Зоста, Мюнстера, Бремена и Любека [14]. Купцы этих немецких городов приезжали не только в Смоленск, но и в значительно большей мере в Новгород Великий. Таким образом, мысль А. Н. Веселовского, что торговое общение русских с немцами повлекло за собой взаимное ознакомление с фольклорными произведениями, является прочно обоснованной.

Сам быт купцов того времени, плававших за море, способствовал сохранению, развитию и исполнению всякого рода устных художественных произведений. Можно легко себе представить, что в те века, когда рукописные книги были дорогой редкостью, рецитация эпических песен и пересказ в прозе подвигов их персонажей занимали купцов во время длительных плаваний в тесных помещениях перегруженных маленьких судов. Также долгие зимние вечера в гостиных дворах на чужбине должны были заполняться чем-то допускаемым строгими уставами этих общежитий монастырского типа, где строго запрещались всякие азартные игры и другие увеселения, которые могли привести к раздорам и кровопролитию.

О том, что при таком заполнении досуга могло происходить и взаимное ознакомление немцев и русских с героями своих на-

[13] «Thidriks Saga af Bern», udg. ved. H. Bertelsen, Bd. II, S. 327.
[14] ПРП, вып. 2. М., 1953, стр. 70 (текст) и стр. 85 (комментарий).

родных эпосов, говорит то, что в XII—XIII вв. новгородцы еще сами плавали за море на Готланд, где они имели свое «становище», т. е. торговое подворье [15]. Поездки туда они совершали главным образом на немецких судах, о чем свидетельствуют особые статьи в договорных грамотах 1189—1199 гг. и 1269 г., в которых обуславливается плата-неустойка немецкому шкиперу, перевозившему русских купцов, если они не захотят возвращаться домой на его же корабле, и ему из-за этого грозят убытки от необходимости плыть обратно без полного груза и пассажиров [16]. Эта активная торговля русских купцов по ту сторону Балтийского моря, которая в последующие века прекратилась, а также плавания на немецких судах, несомненно, способствовали распространению среди них знания нижненемецкого языка, который вплоть до XVI в. служил средством общения при международной торговле в бассейне Балтийского моря.

Немецкие купцы со своей стороны, чтобы подготовить лиц, хорошо владеющих русским языком и грамотой, имели обыкновение поселять по договоренности на длительный срок в русские семьи своих сыновей или молодых приказчиков [17]. В. Т. Пашуто высказал предположение, что многолетняя жизнь этих молодых людей в русской среде была причиной обмена эпическими мотивами между Северной Германией и Русью [18].

К этому можно добавить, что не только изучающие русский язык купеческие служащие и сыновья подолгу жили в русских семьях. Известно, что некоторая часть немецких купцов в Новгороде останавливалась не в своих подворьях, а на частных квартирах у своих постоянных русских контрагентов [19].

Приведенный материал показывает, что условия ведения торговли Новгородом и Смоленском с городами Северной Германии были в XII—XIII вв. исключительно благоприятны для взаимного ознакомления с эпическими сюжетами и персонажами фольклора обоих народов.

Торговые связи Новгорода и Смоленска с северогерманскими городами объясняют также и тот факт, что русские в первую очередь должны были познакомиться из числа героев немецкого эпоса с Дитрихом Бернским, наиболее популярным персонажем героических поэм, бытовавших именно в городах, торговавших

---

[15] Русское «становище» на Готланде упоминается в ГВНП, № 29 (договор 1262—1263 гг.).

[16] ГВНП, № 28, 31.

[17] *H. Raab.* Die Anfänge der slawistischen Studien im deutschen Ostseeraum.— «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Greifswald», Bd. V, 1955—1956, N 5/6, S. 359 ff.

[18] *А. П. Новосельцев* и *В. Т. Пашуто.* Внешняя торговля древней Руси (до середины XIII в.).— «История СССР», 1967, № 3, стр. 92. Ссылка в этой статье на вышеприведенную работу Х. Рааба (стр. 343) необоснованна. Х. Рааб, говоря в ней о молодых немцах, изучавших русский язык в русских семьях, не затрагивает проблемы обмена фольклорными сюжетами.

[19] «Hansisches Urkundenbuch», Bd. II. Halle, 1879, N 505, S. 222.

с Русью. Купцы из этих же городов завезли свой фольклор и на скандинавский север, где многое из него было записано.

Чтобы выяснить, почему герой немецких песен Дитрих Бернский в летописной «Повести» охарактеризован эпитетами «поганыи» и «злыи», обратимся к содержанию норвежской «Саги о Тидреке», скомпанованной и записанной на основе тех же немецких песен и рассказов, которые были известны из того же источника и в Новгороде.

Согласно фольклорной традиции Дитрих Бернский был изгнан недругом из своего царства в Северной Италии. В течение 30 лет он был вынужден жить в изгнании. Приют он нашел при дворе короля гуннов Аттилы. Нижненемецкий извод этих сказаний переносит владения гуннов в Северную Германию, а столицей царства Аттилы делает город Зост. Дитрих со своей дружиной принимает участие во всех войнах и походах Аттилы.

Норвежская компиляция включает в себя целый раздел, описывающий войны гуннов с вильтинами (один из этнонимов славянского племени лютичей, жившего на реке Эльбе) и русскими. Это так называемая «Сага о вильтинах». В основу легендарных событий, излагаемых в этом цикле, легли в очень искаженном виде воспоминания о завоевательных войнах саксонских герцогов и германских императоров саксонской династии IX—X вв. против полабских славян. Интересующие нас факты из пространного и запутанного рассказа этого раздела саги состоят в следующем. Аттиле удается победить и покорить вильтинов только с помощью Дитриха и его дружины. На помощь вильтинам приходят русские. Королем русских является Владимир из Гольмгарда, а одним из его лучших витязей — его брат Илья. Как мы видим, ознакомление с эпическими героями было действительно обоюдосторонним: как русские знали Дедрика — Дитриха, так и немцам был известен былинный Владимир Красное Солнышко и его богатырь Илья Муромец, только в саге резиденция Владимира перенесена из Киева в более известный немцам Новгород (Гольмгард — скандинавское название Новгорода Великого), а Илья Муромец превращен в брата Владимира [20].

В боях с русскими Дитрих пленит раненого сына Владимира и дарит своего пленника Аттиле; когда же Владимирович бежит из плена, то Дитрих настигает его, принуждает к поединку и отрубает ему голову. Гунны и Дитрих вторгаются в Русскую землю, подвергая ее опустошению, они осаждают Полоцк и Смоленск [21]. В битве под Смоленском Дитрих убивает самого Влади-

[20] О характере знакомства немцев с русским героическим эпосом в средние века см.: *В. М. Жирмунский*. Народный героический эпос. М.— Л., 1962, стр. 176—177. Специально о русских элементах в «Саге о Тидреке» см.: *E. Studer*. Russisches in der Thidrekssaga.— «Sprache und Dichtung», Heft 46. Bern, 1931, S. 77—98.

[21] О топонимах и этнонимах в «Саге о Тидреке Бернском» см.: *William J. Paff*. The Geographical and Ethnic Names in the Thidriks Saga. Cambridge-Mass., 1959.

мира. Гунны берут штурмом Полоцк и сравнивают его с землей. В Смоленске заперся брат Владимира Ирон (так назван в этом последнем разделе саги Илья). Ирон не видит другого выхода, как сдаться со своими мужами на милость врагу. Босыми и безоружными они выходят из города. По совету Дитриха Аттила не убивает Ирона—Илью, а передает ему на правах вассала управление покоренной гуннами Руси [22].

Из этого краткого изложения части деяний Дитриха Бернского, которые должны были интересовать русских слушателей в первую очередь и больше всего, ясно, что в Дитрихе русские должны были видеть злейшего врага Руси, русского народа и его богатырей; они должны были отождествлять Дитриха с теми врагами, с которыми бились не на жизнь, а на смерть Илья Муромец и другие витязи русского эпоса, с врагами, к которым русские сказители всегда прилагали эпитет «поганые» (Идолище-поганое). Из вышеизложенного становится понятным,что при упоминании Дитриха Бернского русским автором для русских слушателей или читателей, знакомых с деяниями этого персонажа, описанными в «Саге о вильтинах», эпитеты «поганыи» и «злыи» оказались наиболее подходящими, наиболее полно и вместе с тем кратко выражающими оценку этого эпического персонажа с точки зрения каждого русского человека.

* * *

Н. А. Мещерский в своих работах по «Повести о взятии Царьграда фрягами» ставит под сомнение ее новгородское происхождение. В этом он противостоит всем предшествовавшим ему исследователям, для которых разумелось само собой, что «Повесть» — новгородский памятник. Н. А. Мещерский высказывает мнение, что «Повесть» — поздняя вставка в Новгородскую летопись и в Еллинский летописец из какого-то общего, вероятно южнорусского по происхождению и бытованию памятника [23]. Мы полагаем, что упоминание в «Повести» «поганого и злого Дедрика» отнюдь не подкрепляет эту новую точку зрения, но, наоборот, свидетельствует о том, что автор «Повести», если он даже и не был уроженцем Новгорода, то все же достаточно долго жил в Новгороде, чтобы хорошо знать известные там немецкие эпические сюжеты. Он писал свою «Повесть» для новгородцев, так как на юге Руси, где не было постоянных контактов с нижненемецкими купцами, ссылка на Дедрика и Берн была бы не только непонятной для читателей, но и бессмысленной для автора. Вопрос же о смоленском происхождении «Повести» никогда не ставился, так как это исключают данные языка, на котором данное произведение написано.

---

[22] Полный перевод содержания этих глав саги см.: *А. Н. Веселовский.* Указ. соч., стр. 170—190.

[23] ТОДРЛ, т. X, стр. 133—135; «Византийский временник», т. IX, стр. 185.

* * *

Если подытожить все сказанное историками и литературоведами по разбираемому вопросу, то можно сделать следующие выводы:

1. Упоминание «поганого и злого Дедрика» в тексте «Повести о взятии Царьграда фрягами» в составе Новгородской I летописи принадлежит ее автору и имеет целью уточнить для читателей «Повести» местность, откуда происходил один из вождей четвертого крестового похода маркграф монферратский.

2. Это упоминание, а в особенности оценочные эпитеты «поганыи» и «злыи» свидетельствуют о том, что среди новгородцев и смолян очень полно и хорошо было известно содержание нижненемецких фольклорных произведений, центральной фигурой которых являлся Дитрих Бернский.

3. Знакомство с эпосом Северной Германии было следствием тесного общения в условиях ведения торговли новгородцев и смолян с купцами нижненемецких городов, центров бытования эпических песен о Дитрихе Бернском (Зост, Бремен, Мюнстер).

4. Реминисценция о Дитрихе Бернском в «Повести» подкрепляет точку зрения, что повесть — новгородский, а не южнорусский памятник домонгольского периода русской литературы.

«ПЕРЕЯСЛАВЛЬ НОВЫЙ»

Н. Н. Воронин

Анализируя текст Радзивиловской летописи, А. А. Шахматов заметил, что известие 1157 г. о завершении князем Андреем Боголюбским начатой его отцом Юрием постройки церкви Спаса в Переяславле дополнено здесь пояснением: «в Переяславли новем». Составитель этого текста полагал, что читатель мог усомниться, о каком Переяславле идет речь — о старом, Южном (или Русском) или о новом, только что законченном постройкой Переяславле Северном (или Залесском) [1].

М. Д. Приселков, развивая аргументацию А. А. Шахматова уже в плане своей реконструкции переяславской переработки владимирского свода 1212 г., писал, что «из характера этой записи (1157 г.— *Н. В.*) очевидно, что она писана ростовцем, который и говорил о построении церкви этого названия в Ростове, прямо этого города не назвав. Может быть, предания начала XIII в. в Переяславле связывали каменную церковь этого рода с Андреем Боголюбским, но мы имеем древнюю письменную традицию, что церковь Спаса в Переяславле была выстроена еще Юрием Долгоруким (ПСРЛ, т. XXIV, под 1152 г.)» [2]. Здесь исследователь допустил ошибку. Никакой церкви Спаса в Ростове Андрей Боголюбский не строил, но ему действительно пришлось осуществить какие-то работы по завершению или отделке построенного Юрием в 1152 г. Спасо-Преображенского собора в Переяславле: он не построил этот храм, но именно «сконча» [3]. Так что никакого противоречия между записями 1152 и 1157 гг. нет, как нет нужды допускать «предание» XIII в. об Андрее Боголюбском.

Есть основания думать, что смысл добавлении эпитета «новем» был совсем иной, чем представлялось А. А. Шахматову и М. Д. Приселкову. Но чтобы понять этот смысл, придется рассмотреть «предысторию» Переяславля и рассеять некоторые научные недоразумения.

---

[1] *А. А. Шахматов.* Исследование о Радзивиловской, или Кенигсбергской летописи.—В кн.: «Радзивиловская, или Кенигсбергская летопись», вып. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. СПб., 1902, стр. 36, 43, 93.

[2] *М. Д. Приселков.* Лаврентьевская летопись (история текста).— «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 32. Серия исторических наук, вып. 2, 1939, стр. 83—84.

[3] «... и церковь сконча (или кончал.—*Н. В.*), ю же бе заложи преже отец его, святого Спаса камену (в Переяславли новем)» (*Н. Н. Воронин.* Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I. XII столетие. М., 1961, стр. 87—90).

«Повесть временных лет» помещает на Клещине озере «первых насельников» мерю, подразумевая такую же ее концентрацию здесь, как и на озере Неро («на Ростовском озере меря, а на Клещине озере меря же»)[4].

На северо-восточном берегу Клещина озера находится древнее городище — так называемая Александрова гора. Это многослойный памятник, в сущности потерянный для науки, так как позднее на нем расположился монастырь с его строениями и кладбищем, а в середине XIX в. городище было загублено варварскими раскопками П. С. Савельева[5].

На том же северо-восточном берегу озера рядом с Александровой горой, у села Городище, хорошо сохранились укрепления небольшого городка, расположенного на краю обрыва озерного берега между двумя оврагами. Валы защищают небольшую площадку размером 100 × 160 м. Она лежит выше уровня озера на 40 м. С напольной стороны крепость дополнительно усилена рвом[6]. Валы теперь имеют разрывы; какие из них являются следами первоначальных въездов — сказать трудно. Видимо, два обращенные к плато — древние.

Составленный в конце XVI в. «Список русских городов дальних и ближних» упоминает рядом с Переяславлем город Клещин[7]. Его название свидетельствует о том, что он расположен на том же Клещине озере. Но неясно, какое из двух городищ называлось Клещиным.

Историк Переяславского края М. И. Смирнов присваивал имя Клещин малой крепости у села Городище и полагал, что она основана еще Олегом в конце IX в., когда он облагал данью северные племена, в том числе и мерю, и «ставил городы». Крепость представлялась, таким образом, опорой славянской колонизации. Исследователь отметил также, что раньше само озеро носило мерянское название, стертое новым славянским — Клещино (якобы от глагола «клескать» — «плескать», откуда позднейшее наименование в документах XVII в. «Плещино», или «Плещее»)[8].

Очень близкой точки зрения придерживается П. Н. Третьяков.

---

[4] ПСРЛ, т. I, вып. I, стб. 10—11.

[5] «Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г.» СПб., 1855, стр. 42—46 и прил. II; *А. С. Уваров.* Меряне и их быт по курганным раскопкам.— «Труды I Археологического съезда», т. II. М., 1871, стр. 657—659.

[6] *П. А. Раппопорт.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. М.— Л., 1961, стр. 16—17.

[7] ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 241.

[8] *М. И. Смирнов.* Залесский город Клещин.— «Доклады Переяславль-Залесского научно-просветительного общества» № 4, 1919. Словопроизводство произвольное. И. И. Срезневский не дает перевода глагола (кльцати, кльчати, клъцати, клицати); по контексту его значение никак не может переведено как «плескать» (*И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стб. 1226; см. также *А. И. Свирелин.* О названиях Переяславского озера.— «Исторический вестник»,1902, июль, стр. 343—344). Думаю, что ближе остальных к истине высказанное

Вслед за М. И. Смирновым он считает, что в район Переяславского озера славяне-колонисты проникли еще в IX в. В их числе были княжеские дружинники. Уже в конце IX—X в. на Плещеевом озере образовалось «очень значительное по численности древнерусское население». Но имя Клещин он присваивает Александровой горе, что весьма правдоподобно. По мнению автора, поселение на Александровой горе было искони русским, отсюда «дружинники» осуществляли свою власть над местным населением, в связи с чем основанное ими поселение на горе было названо Клещиным. «... И наименование у него было чисто древнерусское,— замечает П. Н. Третьяков,— «клещити» значит «угнетать», «притеснять»». Автор отрицает показание «Повести временных лет» о сгущении мерянского населения в районе Клещина озера: «на городище древнего Клещина и в его окрестностях нет никаких явных следов мерянской культуры» [9].

Однако заключения П. Н. Третьякова не имеют серьезных оснований. Для предложенной автором даты и «русской» принадлежности древнего городища нужны бы были более широкие раскопки и детальная характеристика инвентаря древнего слоя. Если бы на Александровой горе действительно осели «русские дружинники», то они, конечно, соорудили бы «город», т. е. деревянно-земляную крепость; мы пока не знаем ни замков, ни крепостей, лежащих «просто так» — на открытом плато высокого берега. И, конечно, несколько наивно думать, что «дружинники» столь откровенно афишировали бы в названии крепости Клещин свою «эксплуататорскую сущность»!

Против этой своего рода «панславистской» точки зрения говорит и сам археологический материал Александровой горы. Найден-

---

недавно предположение, что название озера Клещино происходит от названия рыбы леща—«клещь», известного из польского языка и новгородской берестяной грамоты XIV в. № 169 (*А. В. Куза* и *А. А. Медынцева*. Рецензия на книгу Л. В. Черепнина «Новгородские берестяные грамоты как исторический источник». — «Советская археология», 1972, № 2, стр. 308—309). Правда, в наше время леща в озере мало и он составлял в 1927 г. 2,5% годового улова рыбы Плещеева озера («Труды Переяславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея», вып. III, 1927, стр. 37—38). Названия озер по имени водящейся в них рыбы часты. Так, на озере Селигер на большом острове Хачин есть крупные внутренние озера Щучье, Плотичье и Остреченье. По В. И. Далю, «острячата» в тверском и осташковском районах значит «мелкая рыба в куче — ерши, окуни, плотва» (*В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, 1905, стб. 1835). Озеро Остреченье на Хачине теперь называется Окуневым.

[9] *П. Н. Третьяков*. Древнерусский город Клещин.— В кн.: «Проблемы общественно-политической истории России и славянских земель. Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова». М., 1963, стр. 49—53. Отметим, что, судя по контекстам, глагол «клещити» скорее значит «мучить, пытать» (ср. *И. И. Срезневский*. Материалы, т. I, стб. 1229). Впрочем не берусь решать вопрос о смысле и происхождении названия Клещин — Клещино.

ная здесь обычная для мерянских поселений лепная керамика и характерные для мерянского быта изделия из кости позволяют с достаточным основанием полагать, что именно здесь, на плато холма площадью 2000 кв. м, лежал сравнительно большой мерянский поселок. Находка на Александровой горе аббасидских и саманидских монет 850 и 900 гг. свидетельствует, что, как и жители Сарского городка, население этого поселка было в IX—X вв. причастно к восточной торговле [10]. Наличие такого значительного мерянского поселения было одним из фактов, подтверждающих точность показания «Повести временных лет» о концентрации мерян в районе Клещина озера. Можно с большой вероятностью полагать, что, как и Сарский городок, в приозерье озера Неро мерянский поселок на Клещине озере привлек и первых славянских колонистов этого района. Очень возможно, что они и «крестили» заново и поселок, и озеро именем Клещин и Клещино.

Свидетельством ранней славянской колонизации П. Н. Третьяков считает и расположенные по берегам Переяславского озера курганные могильники, датируя их возникновение концом IX в.[11] Однако называемые автором могильники у села Городище и деревни Криушкино, сел Большая и Малая Брембола и Веськово, насчитывающие огромное количество курганов, не имеют ни одного кургана IX и начала X в. Эти некрополи возникают не ранее второй половины X в. и растут главным образом в XI—XII вв., т. е. в ту самую пору, когда в действительности и идет славянская колонизация Волго-Окского междуречья. К тому же погребены в этих могильниках не только «русские», но и местные финны, сильно обрусевшая меря; вспомним, что ее «лучшие» люди участвовали в походах Олега [12]. Вопреки мнению П. Н. Третьякова, никаких заметных «дружинных» элементов в этих курганах нет; также не подкрепляет этой мысли ссылка на аналогию ярославских «дружинных» могильников — Михайловского и Тимеревского [13]. Исследование этих памятников экспедицией Государственного исторического музея показало, что это не «дружинные», а сельские кладбища смешанного славяно-финского (весьского) населения, возникшие во второй половине X—XI в.; более ранний Петровский могильник (возникший в конце IX в.) характеризуется решительным преобладанием финских погребений. Никакого «дружинного» элемента в этих могильниках также нет [14].

---

[10] *Е. И. Горюнова.* Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961, стр. 94, прим. 176.

[11] *П. Н. Третьяков.* Указ. соч., стр. 53.

[12] *Е. И. Горюнова.* Указ. соч., стр. 190 и сл. Поиски других следов мерянского населения приозерья чрезвычайно затруднены — небольшие грунтовые могильники мери открывались главным образом случайно; также сложны поиски небольших сельского типа открытых поселений мери, никак не отмеченных, в отличие от городищ сих, внешними зримыми признаками.

[13] *П. Н. Третьяков.* Указ. соч., стр. 53.

[14] *М. В. Фехнер* и др. Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.

Концентрацию населения на побережье Плещеева — Клещина озера определяло, кроме его рыбных богатств, в немалой степени выгодное географическое положение. К нему с севера близко подходила своим верховьем Нерль Клязьминская, или Малая. С северо-запада речка Векса соединяла озеро с Нерлью Волжской, или Большой. Этот путь, пересекавший по диагонали Ростовский край и плодородное суздальское Ополье, несомненно, служил в пору мира важнейшей торговой дорогой, а в размирье — путем войны [15]. Видимо, с этим было связано сгущение здесь аборигенного мерянского населения, появление крупного поселка на Александровой горе, где со временем осели и славянские колонисты. Им обязано своим именем и городище, и озеро. Значение этого пути и приозерья резко возросло в пору образования Ростово-Суздальского княжества. Стала на очередь защита его водных дорог и упрочение княжеского господства в таких важнейших в экономическом и военном отношении районах. Видимо, в начальную пору княжения Юрия Долгорукого и сооружается на высоком, господствующем над широкой округой северо-восточном берегу Плещеева озера, рядом со старым меряно-русским поселком, Клещин, сторожевой городок. Он был многозначительно назван Переяславлем, но обойден вниманием летописца. Имя его — не только дань памяти о Переяславле Южном, но и знак того, что новый городок «перенимал» значение старого Клещина. Округлая форма его плана характерна для крепостного строительства Юрия Долгорукого. Но городок прослужил недолго: на его площадке культурный слой XII в. почти отсутствует. Видимо, одной из причин этого было мелководье озера под городищем, препятствовавшее подходу судов к берегу.

Так или иначе в 1152 г. Юрий «переводит» в город из соседства с Клещиным («от Клещина») на равнинный берег реки Трубеж, где ее течение прокладывало в озере глубокий фарватер. Летописец был вполне точен, когда подчеркнул, что достроенный в 1157 г. князем Андреем собор был поставлен князем Юрием не в малом уже «старом» — устарелом Переяславле, а в «Переяславли новем». Хотя новая крепость была сооружена при впадении в Трубеж речки Мурмаж и относится как бы к мысовому типу, на деле низменные берега не создавали никакой серьезной защиты, поэтому мощные искусственные укрепления прикрыли город со всех сторон [16]. Как и оставленный городок «Переяславль старый», крепость Переяславля «нового» имеет характерную для крепостей времени Юрия округлую форму. Летописец выделяет Переяславль из числа его современников по большим размерам.

---

[15] Другой путь на Оку и среднюю Волгу шел по рекам Трубеж, Малый Киржач, Клязьма, Ока (*С. Васильев* и *К. Иванов*. Памятник зодчества XII в. в Переславле-Залесском. Ярославль, 1966, стр. 4).

[16] *П. А. Раппопорт*. Указ. соч., стр. 24.

Действительно, периметр «града» составляет около 2,5 км, конкурируя с мономаховым Владимиром, а его валы с рублеными стенами — высотой до 10—16 м превосходят владимирские; оборона, кроме того, была усилена снаружи обводненным рвом.

Как показали наши небольшие раскопки между северной стеной Спасского собора и валом, город стал на совершенно чистом песчаном берегу озера,— ему не предшествовало никакое более раннее поселение [17]. Следовательно, сооружение новой несравненно более мощной крепости диктовалось стратегическим и экономическим значением этого района. По своей огромной площади (внутри крепости) Переяславль-Залесский был явно рассчитан на большой приток населения. Примечательно, что здесь не было и княжеского детинца. Огромное кольцо валов и стен было предназначено как бы для защиты одних горожан. Многозначительно и само имя «града великого», вновь названного Переяславлем по имени столицы южной вотчины Мономаха и его потомков Переяславля Русского. Получила переяславское имя и река, где стала юрьева крепость,— имя Трубеж прочно закрыло местное дорусское имя реки, как это случилось и в мономаховом Владимире, где киевские имена речек заслонили их старые названия. Только приток Трубежа речка Мурмаж сохранила свое древнее мерянское имя. Отсутствие широких археологических разведок в Переяславле лишает возможности судить о степени его заселенности и интенсивности торгово-ремесленной деятельности его населения. Во многом здесь повинен сухой песчаный грунт города, где без следа исчезают органические остатки. Наблюдения за строительными работами в черте валов также не выявили значительного культурного слоя. Мы встречаем здесь хорошего качества керамику, в том числе белоглиняную, изделия с цветной поливой, куски амфор, свидетельствующие о связях с югом, обычные железные ножи и пр. Однако скудость этих данных никак не может ставить под сомнение значительность городского населения «Переяславля нового»: во второй половине XII и XIII вв. «переяславцы» играют видную роль в политической и военной междукняжеской борьбе, а сам город становится столицей владений сына Всеволода III — Ярослава.

---

[17] *Н. Н. Воронин.* Раскопки в Переславле-Залесском.— МИА, № 11. М.—Л., 1949, стр. 196.

ОБ ОБЩЕРУССКОМ ИСТОЧНИКЕ ВЛАДИМИРСКОГО ЛЕТОПИСЦА

Л. Л. Муравьева

Четырнадцатое столетие является важным этапом в истории летописания. С этого времени оно начинает вновь приобретать общерусский характер. Особое место в возрождении традиций киевского летописания принадлежит Троицкой летописи, известной также как свод 1409 г. Бесспорный интерес представляет вопрос об источнике этого свода. В литературе уже высказывалось мнение, что в основе Троицкой летописи лежит Летописец Великий Русский [1]. Он не сохранился в непосредственном виде. Единственное прямое указание на Летописец Великий Русский имелось под 1392 (6900) г. в сгоревшем Троицком своде. Сейчас это указание встречается только в примечании 148 к тому V «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Оно было внесено в виде приписки составителем Троицкой летописи в текст записи о разрыве московского князя Василия Дмитриевича с новгородцами: «А аще хощеши распытовати, разгни книгу, Летописец Великий Русьскии и прочти от великаго Ярослава и до сего князя нынешняго».

Эта ссылка, по-видимому, указывает на существование в XIV в. официальной летописи, предшествующей Троицкому своду. Текст приписки позволяет полагать, что она открывалась «Повестью временных лет». Этот факт требует к себе пристального внимания; использование памятника киевского летописания XII в. в Летописце в качестве своего рода исторического введения говорит о том, что его составитель проводил в своем труде идеи единства Руси. Он вошел в литературу под условным названием Летописец Великий Русский 1389 г. на основании слов приписки о «книге», доведенной «до сего князя нынешняго», т. е. до московского князя Василия Дмитриевича, который начал княжить в 1389 г. Датировка, конечно, приблизительна и требует уточнений. Этот летописный памятник продолжил северо-восточное летописание. М. Д. Приселков писал, что летописец имел продолжение и, возможно, был использован в качестве источника также в более поздних московских сводах [2].

---

[1] *М. Д. Приселков.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 117; *Д. С. Лихачев.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947, стр. 296—297.

[2] *М. Д. Приселков.* Указ. соч., стр. 121.

Вопрос о содержании Летописца Великого Русского рассматривался исследователями довольно бегло. Следует отметить убедительное предположение о том, что в составе этого памятника Троицкая летопись получила «Повесть временных лет» и начальное московское летописание [3]. Но до сих пор остается открытым вопрос о том, какое место в Летописце Великом Русском занимали местные летописные записи. Троицкая летопись считается в литературе древнейшим московским сводом, который носил общерусский характер и включал местное летописание ведущих феодальных центров. Вероятно, работа по объединению местных летописных записей была начата в Летописце Великом Русском и затем продолжена и расширена в Троицкой летописи.

Восстановление Летописца Великого Русского связано с большими трудностями и находится в тесной зависимости от реконструкции утраченного текста Троицкой летописи [4].

Введенный в научный оборот М. Н. Тихомировым Владимирский летописец дает возможность вновь вернуться к вопросу о Летописце Великом Русском, в частности высказать некоторые дополнительные соображения о его содержании. Владимирский летописец относится к XVI в. и составлен из двух самостоятельных источников — общерусского и новгородского (типа Новгородской IV летописи). Через первый источник Владимирский летописец тесно связан с Троицкой летописью, сходные для них обоих тексты восходят к одному протографу. Только во Владимирском летописце текст значительно сокращен. Но в нем сохранены общие обоим памятникам особенности. Записи Владимирского летописца, как и Троицкой летописи, с 886(6394) по 945(6453) г., датированы по мартовскому стилю. По всей вероятности, местом, где он был написан, является Владимир, «на что указывает специальный подбор владимирских известий, причем ряд этих известий находит себе аналогию в предисловии к Летописи Авраамки и в статье «Се князи русьстии» в Археографическом списке Новгородской I летописи» [5]. На владимирское происхождение летописца указывает также принадлежность одного из двух его списков Владимирскому Рождественскому монастырю [6].

Текст этого памятника имеет большое значение для реставрации отдельных текстов Троицкой летописи, о которых нет прямых указаний в примечаниях Н. М. Карамзина. Владимирский летописец дает сравнительно с Симеоновской лишние известия, следы

---

[3] См., например: *К. Н. Сербина.* Предисловие к кн.: М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.— Л., 1950, стр. 3.

[4] ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913.

[5] *М. Н. Тихомиров.* Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания.— «Исторические записки», т. 13, 1942, стр. 261.

[6] Подробнее о Владимирском летописце см.: *М. Н. Тихомиров.* Указ. соч., стр. 257—262; *Л. Л. Муравьева.* Новгородские известия Владимирского летописца.— «Археографический ежегодник за 1966 год». М., 1967, стр. 37—40; *она же.* О Повести временных лет Владимирского летописца.— «Славяне и Русь». Сб. статей. М., 1968, стр. 331—339.

которых, вероятно, ведут к параллельным с Троицкой летописью текстам или общему их протографу. Эти новые известия могли бы составить дополнение к нашим сведениям об исходном источнике Троицкой летописи — Летописце Великом Русском. Вполне допустимо, что во Владимирском летописце сохранилась нить непосредственно предшествующего Троицкому своду летописания, которое известно нам в основном по поздним памятникам.

Владимирский летописец в начале датированных летописных статей «Повести временных лет» имеет написанное простой вязью заглавие: «Летописец Руския земли». Оно могло быть первоначальным по отношению к «книге», о которой упоминается под 1392 г. в Троицкой летописи. Эта «книга» могла получить свое более торжественное название несколько позднее. Нечто подобное мы встречаем и в других летописных памятниках. Напомним, в частности, о приписке 1377 г. к Лаврентьевской летописи, в которой указано, что она называлась просто «Летописец» («Начал есмь писати книги сия, глаголемыи Летописець»). Интересно, что подобное название, но в несколько измененном виде «Летописець рускии...» сохранили летописные памятники XV в.— своды 1493, 1495, 1497 гг., которые связаны с традицией Троицкой летописи.

При известной дефектности части «Повести временных лет» в Троицкой летописи и утрате до 1177 г. текста сходной Симеоновской большое значение приобретают начальные статьи Владимирского летописца. По сравнению с сохранившимся текстом Троицкой летописи текст Летописца в отдельных местах более полон, оригинален по структуре вводной части, при общих особенностях и тождественности имеет самостоятельную редакцию несокращенных статей, отклонения в чтениях от близких летописей, свои варианты в датировке известий[7]. «Повестью временных лет» Владимирского летописца не исчерпываются возможности более точного восстановления с помощью этого памятника некоторых текстов Троицкой летописи, равно как и их общего источника.

А. А. Шахматовым[8] и М. Д. Приселковым[9] установлено, что Симеоновская летопись на протяжении 1177—1390 гг. в ряде случаев расходится с Троицкой и не всегда полностью передает ее текст. В связи с этим приобретает интерес вопрос о соотношении текста Симеоновской летописи с текстом Владимирского летописца, связанного с Троицкой летописью общим источником. Даже беглое сопоставление этих памятников дает ценные результаты.

Под 1213(6721) г. в статье о преставлении великого князя Всеволода Юрьевича Владимирский летописец сравнительно с Си-

---

[7] *Л. Л. Муравьева.* О Повести временных лет Владимирского летописца, стр. 331—339.

[8] *А. А. Шахматов.* Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в.— ИОРЯС, т. V, кн. 2. СПб., 1900.

[9] *М. Д. Приселков.* Указ. соч., стр. 114.

меоновской содержит лишние сведения. О времени преставления в нем записано: «индикта 4 месяца априля 13 день» вместо «индикта месяца априля в 18 день». Кроме того, он имеет дополнительный текст: «А сынома своима раздая грады: князя Костянтина посади в Ростове, а князя Ивана посади в Стародубе, князя Святослава в Юрьеве. Сесь Святослав Гавричь [10] в Юрьеве Полском церковь постави камену святого Георгия, а другую в Володимери Въздвижение честного креста. А князя Андрея посади в Суздали, а Святослава посади в Переяславль в Русскии княжить, а князя Юрья благослови после себе на великое княжение в Володимери. И сесь князь великии Всеволод пристави 4 верхи съборнои церкви святеи Богородици и Володимере и позлати ю; а на татарех имал дань и много о земли Руской пострада. А княгини его Мария, дщи князя Четского, създа церковь камену Успение святеи богородицы в Новом монастыри. Того же лета седе на великом княжении в Володимири князь Юрьи Всеволодовичь» [11]. Этот текст отчасти объединяет известия за разные годы (в том числе о Юрье Всеволодовиче).

Под 1303(6811) г. Симеоновская летопись опускает известие Троицкой, которое, по сообщению Н. М. Карамзина, гласило: «Тое же осени великии князь Андреи поиде в Орду» [12]. Это краткое известие сохранилось во Владимирском летописце под 1304 г. и передано так: «Иде князь великии Андреи в Орду».

Летописные статьи 1235—1237, 1239—1247 и 1361—1364 гг., по мнению М. Д. Приселкова, даны в Симеоновской летописи по Московскому своду 1479 г.; иначе говоря, в пределах этих лет в ней отсутствуют целые куски переработанных текстов Троицкой летописи. За эти годы она реконструируется в литературе на основании сходной Лаврентьевской летописи и отчасти Рогожского летописца (в пределах 1361—1364 гг., где текст Рогожского сходен с Троицкой). Владимирский летописец является здесь контрольным текстом. Его текст имеет дополнительные сравнительно с Лаврентьевской летописью чтения, к примеру за 1235—1237, 1239, 1247, 1249 гг.

1235(6743) г.: «Володимер Рюрикович, Данило Романович ходи на князя Михаила Всеволодичя Чермнаго Чернигов».

1236(6744) г.: «Того же лета родися князю Василку сын князь Глеб месяца маия 2 день».

1237(6745) г. В статье о взятии Батыем Москвы текст: «А татарове поидоша к Москве» продолжен словами: «а князь Володимер затворися в граде Москве».

1237(6745) г. В той же статье о взятии Батыем Москвы добавлен текст: «И на болшее зло подвишася, идоша к Володимерю».

---

[10] Так в рукописи.

[11] ПСРЛ, т. 30. М.— Л., 1965.

[12] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, изд. 5, т. IV. СПб., 1842, прим. 188. Отметим, что Карамзин относил события января-февраля Троицкой к следующему году .

1239(6747) г. В записи о взятии великим князем Ярославом Всеволодовичем Каменца после слов «и взяша град» добавлено: «а князь Михаило утече».

1247(6755) г.: «В се же лета умре царь Батыи и по нем сяде сын его Сартак на царство».

1249(6757) г.: «Того же лета князь Андреи съгна дядю своего Святослава с княжения из Володимеря и Суздаля, а сам седе в Володимери».

Следует отметить, что все эти чтения Владимирского летописца отсутствуют в Московском своде 1479 г.

Сравнение Владимирского летописца за 1361—1364 гг. с Рогожским летописцем не дает дополнительных текстов [13].

Принимая во внимание исключительную роль для изучения русского летописания XIV в. Троицкой летописи, которая продолжила изложение Лаврентьевской летописи, обратимся к тексту Владимирского летописца после 1305 г.

1307(6815) г. Во Владимирском летописце в записи о преставлении 6 декабря митрополита Максима содержится сравнительно с Симеоновской летописью дополнение: «И положиша его в Володимери в церкви святыя Богородица». Укажем, что в своде 1497 г. это сведение в отличие от Владимирского летописца читается под 16 декабря 1305 (6813) г. и имеет иное дополнение: «и положен в Володимери, в Пантелемоне» [14].

1317(6825) г. Во Владимирском летописце известие о походе великого князя Юрья Даниловича на Тверь имеет продолжение: после слов «ратию к Тфери» идет фраза: «а с ним все князи Рустии и посол Ковгадыи и татарская сила, а князя Ивана, брата своего, послал по новгородци». Согласно указанию Н. М. Карамзина, это известие в Троицкой летописи также имело дополнение сравнительно с Симеоновской, но его текст короче: «а князя Ивана Даниловича, брата своего, послал в Новгород Великии по новгородци» [15].

1327(6835) г. В известии о походе татарской рати на Русь Владимирский летописец содержит сведения об участии в нем суздальского князя Александра Васильевича: «князь Иван Данильевич... прииде из Орды, а с ним пять Темных князеи Ординских... да князь Александр Василкович [16]... шед ко Тфери». Это известие имеет и свод 1497 г.

1354—1355 (6862—6863) гг. Известие о посвящении Алексея в митрополиты в Царьграде и его возвращении на Русь разбито во Владимирском летописце на два самостоятельных и содержащих дополнение против одного известия Симеоновской. Первое дано под 1354 г.: «Того же лета поставлен во Цареграде от патриарха Фелофея и вселенского собора Алексеи митрополитом

[13] ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пг., 1922.
[14] Там же, т. 28. М.— Л., 1963.
[15] *Н. М. Карамзин.* Указ. соч., т. IV, прим. 227.
[16] Так в рукописи.

на Рускую землю». Второе — под 1355 г.: «Выиде изо Цариграда архиепископ Алексеи митрополит всея Руси, и прият его князь великии Иван Иванович с великою честию».

1355 (6863) г. В известии о передаче Муромского княжения князю Федору Глебовичю после общей фразы «а князь Юрьи Ярославич выдан бысть ему» Владимирский летописец вместо слов «и с ыстомы у него и умре» содержит слова «он же умори его». Кроме того, Летописец повторяет в другом варианте известие об этом событии: «Того же лета преставися князь Юрьи Ярославич Муромскии».

1357 (6865) г. Во Владимирском летописце по сравнению с Симеоновской дается другое изложение конца записи о поездке на Русь за митрополитом Алексеем посла царицы Тайдулы; в нем эта запись оканчивается фразой «да светить царицю, бе бо больна велми» вместо слов Симеоновской: «да посетить ея на здравие».

1368 (6876) г. В Летописце запись о походе князя Владимира Андреевича на ржев заменена записью о походе на Торжок.

1376 (6884) г. Владимирский летописец в записи о посвящении Киприана в митрополиты в Цареграде добавляет слова: «патриархом Филофием». Под этим же годом Летописец содержит лишнее известие: «Того же лета ходил князь Дмитрии Иванович ратью под Тферь на князя Александра Ивановича» [17].

1377 (6885) г. В Летописце читаем лишнее известие: «Тое же осени, зимы велми студено было, морозы велици зело». Под этим же годом, как и в Симеоновской летописи, Владимирский летописец дает текст летописной статьи о митрополите Алексее, но в несколько измененной редакции. В ней находим, в частности, краткое дополнение о погребении митрополита в Москве в церкви архангела Михаила: «в пределе Благовещения пресвятые богородицы» (которое не читалось в Троицкой) [18].

1389 (6897) г. Этим годом во Владимирском летописце датируется известие о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича. Запись Летописца о преставлении московского князя имеет отличные от Симеоновской данные об его жизни и времени правления. В нем записано: «а был на великом княжении 29 лет и 6 месяць, а всех лет житиа его 38 лет и 5 месяць» (в Симеоновской соответственно 27 и 40). Близкое к Летописцу чтение дает свод 1493 г. [19] Владимирский летописец содержит и другие дополнительные сведения о князе Дмитрии Ивановиче Донском: «а сыновеи у него бысть: 1. Данило, 2. Василии, 3. Юрьи, 4. Андреи».

Характерно, что здесь не упомянут последний сын Дмитрия Константин, родившийся за год до смерти отца (весна 1388 г.).

---

[17] Так в рукописи. В Новгородской IV летописи говорится, что поход состоялся против князя Михаила Александровича (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915).

[18] *Н. М. Карамзин.* Указ. соч., т. V, прим. 55.

[19] ПСРЛ, т. 27. М.— Л., 1962.

Следовательно, летописный источник, использованный во Владимирском летописце, был составлен не позже 1389 г.

К тому же 1389 г. является рубежом, до которого сходны тексты Троицкой, Симеоновской летописей и Владимирского летописца. После этого года они расходятся [20]. Троицкая летопись, равно как и Владимирский летописец, не имеет сходства с Симеоновской. Во Владимирском летописце далее идут в основном отдельные краткие заметки (до 1523 г.), содержание которых известно по другим сводам [21]. В связи с этим датирование Летописца Великого Русского — предполагаемого общего источника Троицкой летописи и Владимирского летописца — приблизительно 1389 годом может рассматриваться с большим основанием, чем прежде.

Выявленный во Владимирском летописце комплекс дополнений в известиях за XIII—XIV вв., как можно допустить, является остатком, передающим, вероятно в сокращении, текст Летописца Великого Русского. С другой стороны, необязательно, что лишние известия и их варианты, читаемые во Владимирском летописце, полностью содержала также Троицкая летопись. Часть из них могла быть в ней опущена.

В связи с этим объем известий русского летописания XIV в., видимо, был большим, чем представлялось до сих пор.

---

[20] *Д. С. Лихачев.* Указ. соч., стр. 439.

[21] *М. Н. Тихомиров.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, стр. 14.

К ИСТОРИИ ЛЕТОПИСНОГО «СПИСКА РУССКИХ ГОРОДОВ ДАЛЬНИХ И БЛИЖНИХ»

Е. П. Наумов

В составе русских летописей особое место принадлежит многочисленным приложениям, встречающимся в разных летописных сводах и списках. Среди таких «историко-юридических» статей (или дополнений «историко-политического характера») мы находим перечни русских князей и митрополитов, русских городов, новгородских посадников и епископов, европейских государей и золотоордынских ханов и т. д.[1] В числе этих статей сводного характера, пожалуй, наиболее интересен и важен «Список русских городов дальных и ближних». Вполне понятно, что в советской исторической литературе неоднократно рассматривались в той или иной степени и связи вопросы его датировки, содержания и места составления, проводилась локализация названных в нем населенных пунктов [2].

Однако нетрудно заметить, что Список городов привлекал внимание ученых прежде всего в плане изучения исторической географии Руси и других земель Восточной Европы. Этим объяс-

---

[1] См., например: *А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.— Л., 1938, стр. 167, 171, 185, 189, 231—232, 235—236, 241—242, 248—249, 251—252, 312, 313, 345; *Д. С. Лихачев.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947, стр. 314.

[2] *М. Н. Тихомиров.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.— «Славянский сборник». М., 1947, стр. 153, 168; *он же.* «Список русских городов дальних и ближних».— «Исторические записки», т. 40, 1952, стр. 214—259; *он же.* Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.). М., 1966, стр. 168; *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 142; *он же.* Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник.— В кн.: «Проблемы источниковедения», т. IX. М., 1961, стр. 354—355; *Б. А. Рыбаков.* Древние руссы.— «Советская археология», т. XVII, 1953, стр. 31—32; *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 442—444; *А. Н. Насонов.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, стр. 276—277; *И. Б. Греков.* Страны Восточной Европы и Золотая Орда на рубеже XIV—XV вв. Автореф. докт. дисс. М., 1971, стр. 32—34, 39; *А. А. Зимин.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973, стр. 71 (с датировкой нач. XV в.). Ср. *A. Andronic.* Oraşe moldoveneşti în secolul al XIV-lea în lumina celor mai vechi izvoare ruseşti.— «Romanoslavica», XI. Bucureşti, 1965, p. 208—210.

няется недостаточное освещение ряда важных источниковедческих проблем, связанных с возникновением данного памятника (т. е. наличие разных датировок его в литературе) и с появлением в его составе болгарских и молдавских топонимов.

Нам представляется, что именно эти болгарские и молдавские материалы Списка помогают более точно определить время и цели его составления, а тем самым в известной мере и время включения Списка в русский летописный свод. Решение данной задачи облегчается уже проведенной работой по русским материалам Списка, отмеченным А. Н. Насоновым и Б. А. Рыбаковым церковным происхождением его (даже точнее — вероятностью составления его в канцелярии главы русской церкви митрополита Киприана), выяснением примерной хронологии Списка (подробнее см. ниже). Правда, решению болгарской «загадки» памятника все еще препятствует наличие в литературе достаточно противоречивых объяснений и поспешных выводов как по данному конкретному вопросу, так и по всей проблематике Списка русских городов.

Напомним, что именно болгарский раздел его послужил поводом для появления статьи Ф. К. Бруна «Догадки касательно участия русских в делах Болгарии в XIII и XIV столетиях». Автор ее высказал свои возражения против предложенного Н. М. Карамзиным тезиса, объяснявшего присутствие болгарских городов в данном Списке фактом завоевания их в X в. киевским князем Святославом Игоревичем. Признавая, вероятно, довольно убедительным объяснение Н. М. Карамзиным присутствия молдавских топонимов в нашем памятнике (т. е. то обстоятельство, что «князья Галицкие в XII в., без сомнения, владели частью Бессарабии и Молдавии»), Ф. К. Брун счел возможным дать иное решение и объяснение болгарской «загадки», встреченной Н. М. Карамзиным в «Российской географии XIV века».

По мнению Ф. К. Бруна, перечисление некоторых североболгарских городов в данном Списке, русское происхождение которого не вызывает сомнений, было обусловлено лишь тем, что русские князья и полководцы (например, Яков Святослав, ставший во второй половине XIII в. деспотом, а затем царем болгарским, и др.) играли важную роль в политической жизни Второго Болгарского царства и что это их участие в событиях политической истории Болгарии «еще не было совершенно забыто» на Руси [3].

Напротив, в статье русского ученого Ю. А. Кулаковского мы находим не только чрезвычайно важное сопоставление перечня средневековых балканских городов из Списка (Карны, Каварны, Калиакры, Дичина, Дрествина и Килии) с названиями «патриар-

---

[3] *Ф. К. Брун.* Черноморье, ч. II. Одесса, 1880, стр. 347—348; ср. *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, кн. I. СПб., 1842 (изд. И. Эйнерлинга), т. IV, гл. XI, стб. 180; ср. прим. 387.

ших кастеллиев» (крепостей) севернее Варны, в Добрудже, которое дало ему возможность сделать интересное наблюдение о совпадении пяти топонимов (а именно: Карны, Каварны, Калиакры, Килии и Дрествина, т. е. Дристры, или Силистрии). Опираясь на этот недатированный список городов Добруджи, находившихся в непосредственной юрисдикции константинопольского патриарха (по его мнению, в 1318—1323 гг.), Кулаковский делал далее весьма веский вывод о наличии русского этнического элемента в Вичинской епархии (т. е. Добрудже), поскольку этот акт патриархии не считает Добруджу болгарской, а «совпадение территории» этих двух списков, по его словам, не могло быть «делом случая» [4].

Таким образом, уже в этих кратких замечаниях, сделанных вскользь, мимоходом, дается объяснение болгарских сюжетов Списка целым рядом причин — обстоятельствами внешнеполитического, этнического и (менее всего) церковного характера. К сожалению, такая противоречивость объяснений наблюдается и в работах советских историков, касавшихся этого вопроса. Так, в частности, М. Н. Тихомиров в своей статье, написанной около 30 лет назад, считал, что «Список русских городов возник ранее окончательного разорения Тырнова турками в 1394 г. и отражает важный момент в истории Второго Болгарского царства», отмечая, что составитель Списка «причислил болгарские города к русским потому, что в бассейне Нижнего Дуная и в Молдавии русский элемент все еще был силен, а номинальная власть литовского великого князя простиралась в конце XIV—XV в. почти до Дуная» [5]. Мы хотели бы отметить недостаточность подобной аргументации, потому что ссылка на наличие русского элемента и на южную границу Великого княжества литовского нисколько не разъясняет включения в Список других болгарских городов, как причерноморских (Каварны и др.), так и Тырнова. Это обстоятельство осталось неосвещенным, поскольку М. Н. Тихомиров признал одновременно, что «составитель списка, конечно, знал, что Тырнов не принадлежит к числу русских городов» [6].

В своей последующей работе, посвященной специально Списку русских городов, Тихомиров попытался усилить свою аргументацию разъяснения причин появления болгарского раздела ссылкой на то, что в конце XIV в. часть болгарской территории была присоединена господарем Валахии Мирчей (в частности, в 1390—1391 гг. ему принадлежали Дристр и часть Добруджи) [7]. Более того, таким путем М. Н. Тихомиров считал возможным объяснить и включение в Список других болгарских городов, за-

[4] *Ю. А. Кулаковский.* Где находилась Вичинская епархия.— «Византийский временник», т. IV. СПб., 1897, стр. 335—336.
[5] *М. Н. Тихомиров.* Исторические связи..., стр. 168.
[6] Там же.
[7] *М. Н. Тихомиров.* «Список...», стр. 216; ср. *К. Иречек.* История болгар. Одесса, 1878, стр. 449.

являя, что «Тырнов и Видин, возможно, сохраняли особых князей и после указанных дат (т. е. взятия их турками в 1393 и 1398 гг.— *Е. Н.*), подчиняясь волошскому господарю Мирче» [8]. Это предположение, однако, нельзя признать убедительным, поскольку исторические источники не сохранили данных о власти Мирчи Валашского в каких бы то ни было районах северной Болгарии, кроме части Добруджанского княжества и г. Силистрии (Дристр, или Дристра). Вместе с тем сама ссылка автора на это мимолетное, продолжавшееся не более двух лет болгаро-валашское политическое объединение под эгидой Мирчи, к сожалению, нисколько не содействует разъяснению данного вопроса, потому что в Списке объединены в действительности города северной Болгарии и Молдавии.

Это немаловажное обстоятельство было упущено из виду М. Н. Тихомировым и в его популярной работе по истории Древней Руси, где он, следуя, впрочем, изложенной выше гипотезе о власти Мирчи, приписал неизвестным авторам Списка и включение не только молдавских и некоторых болгарских городов, но даже и румынских [9] (т. е. валашских).

Вопроса о причинах включения болгарских городов в Список коснулся также и Б. А. Рыбаков, датировавший данный памятник (по его местонахождению в русских летописях) примерно 1396 годом. Это включение, по его словам, «отражало давний процесс переселения антов к Дунаю и на Балканы». Склоняясь тем самым к чисто этническим объяснениям этой проблемы, Б. А. Рыбаков в то же время отметил и церковное происхождение Списка, который мог возникнуть на основании каких-то областных списков 1380—1390-х годов «в канцелярии митрополита, например, Киприана, жившего подолгу в Киеве» [10].

Как нам представляется, ближе всего к разгадке «болгарской» проблемы Списка подошел в своих трудах А. Н. Насонов. Если в одной из своих более ранних работ он объяснял появление ряда южных городов в перечне Списка воспоминанием о временах Галицкого княжества, простиравшегося вплоть до низовьев Дуная [11], то в своей статье о Московском своде 1479 г. он наметил пути, по нашему мнению, наиболее вероятного и правдоподобного объяснения причин и времени появления болгарских топонимов в Списке русских городов. В частности, он подчеркнул общерусские претензии московско-киевского митрополита, церковное происхождение самого Списка и, наконец, наиболее важный в данной связи факт — наличие церковного подчинения Молдавии в конце XIV — начале XV в. польско-русскому галицкому митрополиту, подчиненному в свою очередь всероссийскому

---

[8] *М. Н. Тихомиров.* «Список...», стр. 216.
[9] *М. Н. Тихомиров.* Средневековая Россия..., стр. 18.
[10] *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 31—32.
А. Н. Насонов. «Русская земля»..., стр. 142.

митрополиту Киприану [12]. Правда, в этой же статье А. Н. Насонов допустил небольшую неточность, следуя изложению М. Н. Тихомирова. Именно этим вызвано его утверждение, что «болгарские и волошские (молдавские) города молдавский господарь считал своими в начале 90-х годов XIV и в начале XV в. (1406—1415)» [13].

В действительности же, как мы уже указывали выше, в эти годы некоторые города северной Болгарии принадлежали Мирче Валашскому, а вовсе не правителю Молдавии. Однако отмеченная А. Н. Насоновым иерархическая зависимость Молдавии от Галицкой, а в конечном счете и от Киевской митрополии как раз и является той путеводной нитью, которая помогает решить поставленную нами проблему.

В самом деле после появления рассмотренных работ, а также ввиду наличия целого ряда трудов церковно-исторического характера, в которых подробно прослежена история отношений этих трех кафедр (Молдавской, Галицкой и Киевской) [14], нам остается лишь выяснить, когда и почему было возможно возникновение какой-то зависимости или церковного объединения Молдавии и Болгарии на рубеже XIV и XV вв.

Как известно, вторая половина XIV в. в истории Болгарии представляет собой период постепенного завоевания отдельных болгарских государств турками-османами. Однако было бы неправильно забывать и о другой, церковной экспансии, связанной с расширением владений Византийской патриархии за счет болгарских областей, входивших в самостоятельную Тырновскую патриархию (так, были подчинены сначала Видин и княжество Добротицы в Добрудже, а позднее, после разгрома Тырновского царства и гибели Тырновской патриархии в 1393 г.,— и вся центральная Болгария).

Ликвидация самостоятельности болгарской церкви означала и перестройку всей системы церковной юрисдикции в Болгарии в соответствии с планами константинопольского патриарха. В частности, следует отметить, что гибель княжества Добротицы (видимо, после 1389 г.) вызвала и ликвидацию особой, Варненской митрополии, которая была подчинена греческому месемврийскому митрополиту [15]; вероятно, часть бывшей «деспотии» Добротицы (современной Добруджи) была уже тогда выделена в осо-

---

[12] *А. Н. Насонов.* Московский свод..., стр. 354—355.

[13] Там же, стр. 355.

[14] См., например: *Е. Е. Голубинский.* Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской. М., 1871; *он же.* История русской церкви, т. II, 1-я пол. М., 1900; *Н. Д. Тихомиров.* Галицкая митрополия. СПб., 1896; *Арсений,* еп. Псковский. Исследования и монографии по истории молдавской церкви. СПб., 1904.

[15] См. подробнее в нашей статье «Месемврийские грамоты XIV века (О малоизученных страницах истории Болгарии и Византии)» («Revue des études sud-est européennes», Bucureşti, 1968, N 1, p. 68).

бый округ под управлением экзарха, непосредственно подчинявшегося византийскому патриарху [16].

В данной связи уместно напомнить и об отмеченном Ю. А. Кулаковским совпадении списков городов Добруджи, содержащихся как в Списке русских городов, так и в недатированном акте Константинопольской патриархии (который, возможно, относится к 1318—1323 гг.) [17]. Это, по нашему мнению, свидетельствует о том, что при перестройке церковных диоцезов, доставшихся византийскому патриарху после гибели Тырновского царства и княжества Добротицы (и тем самым их самостоятельных церковных организаций), высшее духовенство Византии исходило из старых норм, ставших недействительными после создания Второго Болгарского царства и Болгарской патриархии, а также, быть может, и о том, что неизвестный составитель Списка имел возможность пользоваться актами Константинопольской патриархии.

Это последнее предположение, как нам кажется, вытекает и из того, как перечислены болгарские города в Списке: очень подробно поименованы центры Добруджи (т. е. Каварнской экзархии, идентичной, вероятно, с прежней Вичинской епархией), а, напротив, вся остальная и весьма обширная территория северной Болгарии представлена лишь двумя городами — Тырново и Видичев-Видин. Сама эта краткость, неопределенность данных о диоцезе Тырновской (ликвидированной) патриархии и Видинской митрополии указывает на то, что перечень болгарских городов в Списке был составлен тогда, когда византийское духовенство только начинало (после 1393 г.) устанавливать там свою власть.

Эту хронологию болгарского раздела Списка подтверждает и примечание Списка, что в Тырнове находятся мощи св. Параскевы-Петки: как гласит рассказ Григория Цамблака, мощи ее были после падения Тырновского царства (1393 г.) перенесены в Видин, столицу Видинского болгарского царства, незадолго до крестового похода Сигизмунда Венгерского (1396 г.) [18]. Весьма важно, что именно в это время и установилась временная зависимость Болгарии от Молдавии в церковном отношении, поскольку изгнанный из Молдавии грек Иеремия, молдавский митрополит, назначенный константинопольским патриархом в августе 1394 г., получил от патриарха в свое ведение Тырново (т. е. диоцез бывшей Тырновской болгарской патриархии) [19].

Вполне возможно, что Иеремия, оставаясь номинально митрополитом Мавровлахии (Молдавии), после передачи ему Тырнов-

---

[16] См., например: *М. Мирчев, Г. Тончева, Д. Димитров.* Bizone — Karvuna.— «Известия на Варненско археологическо дружество», кн. XIII, 1962, стр. 107; *M. Miklosich* et *J. Müller.* Acta et diplomata graeca medii aevi, v. I. Vindobonae, 1860, N 272, p. 528.

[17] *П. Мутафчиев.* Сочинения, т. IV. София, 1947, стр. 43, прим. 2; журн. «Минало», год. II, кн. 5—6. София, 1911, стр. 151. *M. Miklosich* et *J. Müller.* Op. cit., v. II. Vindobonae, 1862, N 52(2), p. 95.

[18] *И. Иванов.* Български старини из Македония. София, 1931, стр. 434.

[19] См., например: *К. Иречек.* История болгар, стр. 454.

ской кафедры был назначен временно также и экзархом Видина и Каварны, т. е. всех тех городов Болгарии и северной Добруджи, которые были перечислены в Списке русских городов. Таким образом, именно в данный период (т. е. в 1394—1396 гг.) создалась в представлениях некоторых деятелей православной церкви схема такого последовательного подчинения Болгарии, Молдавии, Галича и Киева в смысле канонической церковной юрисдикции, нашедшая свое отражение в Списке русских городов.

Более того, на основании актов Константинопольской патриархии конца XIV в. мы можем уже вполне уверенно утверждать, что сам Список был, несомненно, составлен по инициативе Киприана, использовавшего для подкрепления собственных притязаний (заметим, отвечавших и планам экспансии Польши и Литвы на юге) и названную схему канонической зависимости, и неурегулированность церковных отношений в Галиче, Молдавии [20] и Болгарии, и слабость и непрочность власти Константинопольской патриархии в этих новых ее митрополиях.

Об этом совершенно недвусмысленно свидетельствует сохранившийся ответ константинопольского патриарха Антония (январь 1397 г.) на грамоты Киприана, домогавшегося, как видно из письма Антония, непосредственного подчинения своей власти Молдавской и Галицкой митрополий. В частности, Антоний писал: «Что же касается до святейшей Мавровлахийской митрополии, то мы не хотим, чтобы там совершались разные беззакония и нарушались каноны, и когда придет время, не станем медлить ее исправлением; но теперь дело сложилось так, что мы, хотя и крайне сожалеем о том, что она столь долгое время остается без надлежащего призрения, однако пока жив ее законный архиерей, кир-Иеремия, можем помочь ей только чрез экзарха. Сделать что-нибудь другое — значило бы прийти в столкновение с священными канонами». И далее Антоний продолжает: «вся забота» о Галицкой митрополии лежит «на нашей мерности» (т. е. Галицкая митрополия подчинена самому патриарху), и мы поставим туда законного архиерея, а что ты (Киприан.— *Е. Н.*) недавно туда назначил епископа, то «это не хорошо» [21].

Как мы видим из этого документа, византийский патриарх категорически отверг притязания Киприана на галицкую и молдавскую (т. е. и болгарскую) церковь в январе 1397 г., одновременно поставил своего наместника — экзарха (Михаила, архиепископа Вифлеемского) в Молдавию [22]. Дата ответа вновь подтверждает указанную нами выше хронологию болгарского раздела Списка, основанную на примечании о мощах Петки (по-видимо-

[20] См., например: *Е. Е. Голубинский.* Краткий очерк..., стр. 372—375; *Арсений*, еп. Псковский. Указ. соч., стр. 13—25; *Н. Тихомиров.* Указ. соч., стр. 122—124.

[21] РИБ, т. VI. СПб., 1880, прил. № 45, стб. 306—308; ср. № 44 от января 1397 г., стб. 297—302.

[22] Там же, № 44, стб. 291—298.

му, 1394—1396 гг.). Более того, такая датировка, по нашему мнению, закономерно вытекает и из состояния русско-византийских взаимоотношений в тот период. Тяжелое положение Византийской империи, долгая осада Константинополя Баязидом I, нехватка средств для отпора турецкой агрессии заставляли византийского императора и патриарха возлагать особые надежды на денежную помощь единоверной России [23]. Вполне вероятно, что властный Киприан, учитывая тяжелое положение Византии и используя сам факт отправки в осажденный Царьград крупных денежных сумм из Москвы и Твери, хотел в эти годы добиться от патриарха согласия на увеличение своего диоцеза (за счет балканских епархий) и с этой целью распорядился составить в собственной канцелярии Список русских городов (по всей видимости, не ранее последних месяцев 1394 г. и не позднее середины 1396 г.). Сам Список являлся проектом расширенного диоцеза Киевской митрополии и, как нам кажется, в качестве приложения был направлен вместе с официальным посланием Киприана в Царьград (копии Списка, разумеется, остались в митрополичьей канцелярии).

Однако ответ патриарха, как мы видели выше, был резко отрицательным. Византийская церковь яростно защищала не только свои новые владения в Болгарии и Молдавии, но и чисто формальные знаки верховенства и высшей власти Византии над Русью (например, поминовение византийского императора). В начале XV в. патриарху удалось окончательно упрочить свою власть над церковью Молдавии и Болгарии, и в этих условиях представители общерусской митрополии (видимо, прежде всего Киприан), питавшие ранее надежды на возвышение своей кафедры и свое собственное, были вынуждены отказаться от оживления эфемерной схемы канонической ступенчатой зависимости Галича, Молдавии и Болгарии от киевско-московского митрополита, ограничившись лишь подчинением Галича.

Таким образом, Список остался неосуществленным проектом и свидетельством немалых притязаний Киприана. Однако, хотя его судьба как документа конкретной, текущей церковной политики Киприана уже и была решена (по всей видимости, после 1397 г.), все же данный Список уже в конце XIV и начале XV в. стал играть роль важного памятника русской общественно-политической мысли, близкого по своей идейной направленности к «Задонщине» [24].

В силу этого Список русских городов продолжал вызывать большой интерес на Руси, он пользовался широкой популярностью среди русских книжников, включавших его во многие

[23] См., например: *М. Д. Приселков.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.— Л., 1950, стр. 448; *М. Н. Тихомиров.* Россия и Византия в XIV—XV столетиях.— «Зборник радова Византолошког института», кн. 7. Београд, 1961, стр. 33.

[24] *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., стр. 442—443.

летописные списки и другие рукописные сборники. В частности, Список встречается вместе с другими дополнительными статьями в списках Новгородской I летописи младшего извода (Комиссионный список), свода 1518 г. (Уваровской летописи) [25], Воскресенской [26], Новгородской IV и V, псковских летописей [27], а также в составе некоторых «Летописцев вкратце» [28].

Вместе с тем Список русских городов известен и в составе нелетописных сборников, в частности, сборника Новгородского Софийского собора [29] и некоторых других [30], куда, возможно, он был внесен из перечисленных нами выше летописей. Отмечая эту распространенность Списка в летописных и других сборниках, мы имеем возможность поставить здесь вопрос о начале летописной истории Списка городов и высказать по этому поводу ряд соображений, разумеется, во многом гипотетических ввиду утраты летописных списков начала XV в. (в частности, Троицкой и начала Симеоновской летописей).

Этот вопрос, по нашему мнению, представляет интерес, потому что Список городов в составе русских летописей восходит к Новгородско-Софийскому своду (30-х годов XV в.) [31] и к его источнику — Софийскому временнику, реконструированному А. А. Шахматовым (с его собранием дополнительных статей, отредактиро-

[25] НПЛ. М., 1950, стр. 475; ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 163—164; т. 28. М., 1963, стр. 5—6 (списки — Увар. № 188 и Синод. № 645); ср. *А. Н. Насонов.* Московский свод..., стр. 355.

[26] ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 240—241; списки — Воскресенский, Мазуринский, Алатырский, Музейный, Библиотечные I и II и Карамзинский. Ср. *С. А. Левина.* К изучению Воскресенской летописи.—ТОДРЛ, т. XIII. М. — Л., 1957, стр. 689—705; *она же.* Тринадцатый список Воскресенской летописи. — «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969, стр. 96—98.

[27] ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 170—171; т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915, стр. VII и вып. 3. Л., 1929, стр. 623; т. IV, ч. 2, вып. 1. Пг., 1917, стр. IV, VI; «Псковские летописи», вып. 1. Приготовил к печати А. Н. Насонов. М.— Л., 1941, стр. XV—XIX, XXIII—XXIV: списки Карамзинский (Кар. I — ср. *А. А. Шахматов.* Указ. соч., стр. 189), Новороссийский, Снегиревский (Снег. II), Погодинские I и II, список Оболенского, Румянцевский I, Вахромеевский и неполный список Публичной библиотеки (Q. VII. № 151).

[28] Мы имеем в виду два «Летописца вкратце» XVI в. (ГИМ, Синодальное собр., № 939, 940), о которых см.: *С. А. Левина.* К изучению Воскресенской летописи, стр. 694, 702—703. На эти летописцы, равно как и на присутствие Списка в четырех списках Воскресенской летописи, не известных издателям ПСРЛ, обратила наше внимание С. А. Левина, за что мы приносим ей искреннюю благодарность. Мы весьма признательны также А. С. Мыльникову за сведения о Библиотечных I и II списках Воскресенской летописи.

[29] *И. И. Срезневский.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867, стр. 98—99. В этом сборнике много выписок «большей частью из летописи такого же состава, каковы Софийский временник и Воскресенская летопись» (там же, стр. 96).

[30] Мы выражаем искреннюю благодарность Я. Н. Щапову, который сообщил нам, что Список находится также в двух сборниках как приложение к Кормчей (ГПБ, Сол. 968; Каз. 859, 1493 г.) и Палее толковой (ЦГАДА, Собр. Мазурина, № 242).

[31] Ср. *Д. С. Лихачев.* Указ. соч., стр. 314.

ванных в 1423 г.), а любопытные соображения и анализ В. Л. Яниным этого «собрания» статей (и прежде всего списка новгородских посадников [32]) позволяют, как нам кажется, сделать некоторые предположения о времени включения Списка городов в состав русской летописи.

В самом деле, если учесть, что «список А» новгородских посадников возник к 1409 г. (а первое дополнение к нему — в 1411—1414 гг. [33]), и использовать сам факт вхождения Списка городов в «собрания» дополнительных статей (вместе со списком посадников и перечнем золотоордынских ханов), то можно наметить определенные этапы в составлении таких сводных обзоров дополнений к летописному повествованию. Первым этапом такого рода был, видимо, 1409 г. — как замечает В. Л. Янин, дата свода Киприана, тогда как составление второго дополнения к «списку А» посадников совпадает с подготовкой «Полихрона» Фотия [34].

Здесь, по нашему мнению, следует обратить внимание на то обстоятельство, что в летописных сборниках названным статьям (Списку городов и перечню новгородских посадников) сопутствует достаточно точно датируемый список ханов Золотой Орды (кончая Джелал-эд-дином) [35]. Любопытно, что в Воскресенской летописи Список городов даже соединен с перечнем «царей ордынских» в одну статью (в первом оглавлении: «6. О именах градомъ, и о царехъ Болшей орды»). В данной связи для нас важно, что список золотоордынских ханов дошел до нас в первоначальном виде — без позднейших добавлений и продолжений (как это имеет место в перечнях новгородских посадников, русских князей и иерархов), а это позволяет установить время его составления. Поскольку Джелал-эд-дин («Зеди-Салтан», «Зеледин» Тохтамышевич), убитый в 1412 г., правил в Орде в 1411—1412 гг. (или 1412 г.) [36], перечень ордынских царей, без сомнения, возник не ранее 1410 и не позднее 1412 г.

Таким образом, отсутствие в данном перечне ханов тех, кто занимал золотоордынский престол после «Зелени-Салтана» (Джелал-эд-дина), дает основания полагать, что эта дополнительная статья была включена в состав летописи еще до составления «Полихрона» Фотия (1423 г.) и «Софийского временника», т. е. скорее всего гораздо ранее, в числе добавлений к своду 1409 г. Вероятно, так следует истолковать и возможный пропуск в списке Тимур-хана (Темирь, 1410—1412 гг.): Джелал-эд-дин фигури-

---

[32] *В. Л. Янин.* Новгородские посадники. М., 1962, стр. 38, 39, 42.

[33] Там же, стр. 18.

[34] Там же, стр. 40.

[35] См., например: ПСРЛ, т. VII, стр. 218, т. XXIII, стр. 168; *К. Н. Сербина.* Из истории русского летописания конца XV в. (Летописный свод 1497 г.).— В кн.: «Проблемы источниковедения», т. XI. М., 1963, стр. 408—409; *В. Л. Янин.* Указ. соч., стр. 37 (список ханов доведен до 1411 г.).

[36] См., например: *Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Золотая Орда и ее падение. М., 1950, стр. 399—403; *А. Н. Насонов.* Монголы и Русь. М.— Л., 1940, стр. 144.

рует здесь как преемник Пулад-хана (Булат-Салтана, 1407—1410 гг.), имя которого, правда, сохраняется на монетах до 1413 г. В таком случае напрашивается сопоставление этого пропуска в списке ханов с явной лакуной (для 1410—1412 гг., что касается золотоордынских известий и в особенности — сообщений о Тимур-хане) в летописном тексте [37], связанной, видимо, с окончанием известий свода 1409 г. Разумеется, исключение имени Тимур-хана может быть объяснено иначе — как следствие случайной ошибки писца или как признание «прав» Джелал-эддина, претендовавшего на трон еще с 1407—1408 гг.

По-видимому, к этому же времени относится и другая статья справочного характера — список европейских королей, рассмотренный в работе Н. А. Казаковой [38]. Как нам представляется, содержание этого списка европейских правителей, встречающегося среди приложений к летописям XVI в. (в том числе — Уваровской и Воскресенской, где содержится и Список русских городов), не подтверждает датировки его, предложенной Н. А. Казаковой (т. е. 1506—1523 гг.) [39].

Дело в том, что такая датировка списка королей началом XVI в. (после создания единого Испанского королевства и до разрыва унии Швеции с Данией, равно как и до разгрома венгерских войск турками при Мохаче в 1526 г.) не учитывает возможности указания более ранней хронологии памятника даже на основании упоминания в списке королей испанского, венгерского и датского (который тогда был одновременно и шведским) [40]. Более того, такая датировка противоречит другим данным этого источника, а именно: упоминанию среди других королей и неаполитанского, и чешского (не говоря уже о наименовании германского короля наследником римского императора).

Весь характер перечня европейских королей свидетельствует о том, что данный источник (составленный, как отмечал А. И. Со-

---

[37] Ср. ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 158—161; т. 28, стр. 258; *М. Д. Приселков.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 149; ср. там же, стр. 145.

[38] *Н. А. Казакова.* «Европейской страны короли».— В сб.: «Исследования по отечественному источниковедению» («Труды ЛОИИ», т. 7). Л., 1964, стр. 418—426.

[39] Там же, стр. 420—421.

[40] Нам представляется весьма убедительной предложенная Н. А. Казаковой текстологическая поправка — перестановка пояснения «иже и съфедский» к датскому королю (там же, стр. 420 и прим. 19); однако в то же время эта ошибка (притом касающаяся соседнего с Россией государства) в списке королей дает основания усомниться в правильности датировки автора, считающего, что данная статья распространилась в русской письменности уже в 20-х годах XVI в., т. е. уже через несколько лет после ее предполагаемого возникновения (там же, стр. 421). Гораздо вероятнее, как нам кажется, что эта ошибка (во всех списках памятника!) была следствием более раннего и продолжительного распространения данного перечня на Руси и, быть может, неудачного дополнения его (названной вставкой) в начале XVI в., накануне выхода Швеции из Кальмарской унии.

болевский [41], по всей видимости, со слов какого-то иностранца — итальянца или француза) [42] отражал реальное политическое положение, в силу этого не считаясь с существованием некоторых королевств (например, норвежского, сицилийского, боснийского), подчиненных в то время другим государям. Именно поэтому, по нашему мнению, не следует пренебрегать и упоминанием в списке неаполитанского и чешского королей (отдельно от испанской и венгерской короны).

Напомним, что именно в 1506—1523 гг. (если принять датировку Н. А. Казаковой) Венгерское королевство было соединено с Чешским, а Неаполь был лишь одним из многих владений испанского короля. Заметим кстати, что даже и в это время, при Фердинанде Католическом и его внуке и преемнике Карле I, с точки зрения формальных государственно-правовых категорий еще не было «единоличного» испанского короля, так как Фердинанд был только регентом своей дочери, кастильской королевы Иоанны, а Карл сначала вовсе не был объявлен королем Арагона, но до 1518—1519 гг. признавался лишь инфантом и «преемником» Фердинанда [43].

Между тем сосредоточение реальной власти в Испании (опять-таки не в плане номинальных юридических прав) в одних руках имело место не только при Фердинанде Католическом (в начале XVI в.), но и на целое столетие ранее — при Фердинанде I Кастильском, который в 1412—1416 гг. соединил под своей эгидой испанские королевства (Кастилию — как регент, Арагон — как король и, быть может, также Наварру [44]). Таким образом, судя по этим упоминаниям венгерского, чешского, испанского и неаполитанского королей, создание данного списка можно отнести к периоду не ранее 1410 г. (смерть арагонского короля Мартина и начало борьбы за престол) или июня 1412 г. (признание Фердинанда королем Арагона) и не позднее 1414 г. (смерть Владислава Неаполитанского, которому наследовала Иоанна II).

Весьма примечательно, что такая датировка списка королей полностью подтверждается сравнением слов его о германском короле (как наследнике императора римского) с реальными перипетиями борьбы Сигизмунда Люксембургского за германскую и римскую корону. Как известно, Сигизмунд (законный наследник Вацлава, чешского короля и низложенного частью курфюрстов в 1400 г. императора), владевший Венгрией, был избран германским королем еще в 1410 г. (и снова в 1411 г.), однако короновался в Ахене лишь в 1414 г., поскольку Вацлав еще «разыгрывал из себя императора», не отказываясь окончательно от столь

---

[41] *А. И. Соболевский.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 393 (в разделе «Из записей устных рассказов»).
[42] *Н. А. Казакова.* Указ. соч., стр. 421.
[43] Ср. «Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 88—91, 107, 130—131.
[44] См. там же, т. VI, стр. 280.

привлекательного титула [45]. Напротив, реальная обстановка в Германии начала XVI в. не может объяснить данных слов списка, поскольку в 1506—1523 гг. вообще не было никакого «римского короля» — официального наследника императора (такой титул носили лишь Максимилиан в 1486—1493 гг. и Фердинанд I Габсбург с 1531 г.) [46].

Укажем также, что эта датировка началом XV в. (быть может, именно 1412 г.) находит опору и в других событиях, происходивших в Европе. Так, в 1412 г. полноправным королем Дании стал Эрик VII, ранее соправитель Маргариты, и тогда же приезд боснийского короля в столицу Венгрии Буду стал торжественным выражением подчинения Боснии Сигизмундом Венгерским в 1410—1411 гг. [47] Иными словами, такая датировка разъясняет одновременно и смутившее Н. А. Казакову наименование венгерского короля (т. е. для начала XV в. — императора Сигизмунда) на одном из первых мест в списке европейских правителей [48].

Все же этот список королей с нашей точки зрения остается неполным (мы имеем в виду отсутствие в нем Византии и, видимо, Наварры). Отсутствие Наварры, вероятно, можно отнести за счет итальянского происхождения неизвестного автора этого перечня, который к тому же мог считать византийского царя азиатским правителем. По всей видимости, уроженец Франции вряд ли мог пропустить Наварру в своем перечне, хотя возможно и иное объяснение, т. е. успехами Фердинанда I Кастильского, ненадолго объединившего Испанию в 1412—1416 гг. Во всяком случае, здесь мы должны также (независимо от расхождений в датировке списка королей) особо подчеркнуть популярность на Руси таких общеевропейских политических обзоров, которые сохраняются в русской и сербской литературе вплоть до XVIII и XIX вв. [49]

---

[45] Ср.«Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 212; ср. стр. 162, 209—210.

[46] Ср. *Н. А. Казакова*. Указ. соч., стр. 422—423.

[47] *С. Ћирковић*. Историја средњовековне Босанске државе. Београд, 1964, стр. 213—214, 240. О подчинении Боснии, несомненно, должен был знать итальянец — возможный автор списка королей.

[48] Ср. *Н. А. Казакова*. Указ. соч., стр. 422.

[49] Ср. там же, стр. 426. Укажем, например, что в Никшичском сборнике 1714—1715 гг. перечислены «чесари и крали, духьси и републике, воеводе, кои господаю и обладают Иевропомь»: цесарь римский, царь русский, турецкий и т. д. (*П. Ровински*. Рукописни зборник Михаила Милорадовића ...— «Летопис Матице српске», кн. 181. Нови Сад, 1895, стр. 44), а в книге Кураса дан список «ныне владеющих в Европе коронованных государей» (но без имени султана) (*Г. Курас*. Сокращенная универсальная история... СПб., 1762, стр. 332—336). Примечательны в этом смысле и те сведения, которые мы находим в сербских альманахах 20—40-х годов XIX в. В этих популярных изданиях обычно помещалось «родословие» сюзерена (т. е. турецкого султана — для Сербии, а для нынешней Воеводины — австрийского императора), а затем — «прочие владетели европейские» или же «родословие остальных главных владетелей европейских» (см., например: «Банатскій алманахъ за годину 1827», год. I. У Темишвару, стр. 27—31; «Забавникъ за 1834 годину». У Крагуевцу, стр. III—IV; «Мѣсецословъ за преступну годину 1836». У Београду, стр. IV—V; «Ураніа за годину

Все это, видимо, позволяет предполагать, что Список городов (вместе с перечнем золотоордынских ханов, европейских королей, новгородских посадников, вероятно, и русских князей, иерархов) вошел в число дополнений уже к летописному своду 1409 г. Заметим, что и свод этот, и Список городов были результатами концепции Киприана; поэтому наиболее вероятно включение Списка в свод 1409 г. и как документа церковной политики Киприана, и как сочинения, отражающего идейную направленность свода (объединение всех русских земель, в том числе входивших в состав Литовского княжества) [50]. Следовательно, признавая возможным включение Списка русских городов (как и других дополнительных статей, названных выше) в свод Киприана, мы могли бы сделать и другой вывод,— что некоторые «внелетописные» памятники, содержавшиеся в «Полихроне» Фотия, были унаследованы им от свода 1409 г. и что в числе их были не только духовная Киприана, как полагал М. Д. Приселков [51], но и рассмотренный нами «Список русских городов дальних и ближних», и другие аналогичные перечни [52].

1838». У Београду, стр. V—VII; «Сербска пчела или Новый Цвѣтникъ за год. 1838». У Новом Саду, год. IX, стр. 24—26).

[50] *Д. С. Лихачев.* Указ. соч., стр. 296—301. Любопытно, что в Карамзинском I списке Новгородской IV летописи вместе со Списком городов содержатся летописные известия до 1411 г. (*А. А. Шахматов.* Обозрение..., стр. 189). Кстати, ввиду антиордынской тенденции свода 1409 г. вполне уместно и присоединение к летописи краткой справки об ордынских царях.

[51] *М. Д. Приселков.* Указ. соч., стр. 130.

[52] Завершая данную статью, мы приносим искреннюю благодарность С. А. Левиной, В. А. Кучкину, Б. Н. Флоре и Я. Н. Щапову за ценные замечания и соображения.

ПОВЕСТЬ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ В НОВГОРОДСКОЙ ЛЕТОПИСИ ДУБРОВСКОГО

С. Н. Азбелев

К числу летописных памятников, изучавшихся А. Н. Насоновым, принадлежит и Новгородская летопись Дубровского (далее — НЛДубр), которой покойный исследователь посвятил специальный небольшой этюд [1]. А. Н. Насонов убедительно показал, что создание этой владычной летописи непосредственно связано с интересами бояр Квашниных, потомков одного из героев Куликовской победы — Ивана Родионовича Квашни, принадлежавшего затем к ближайшему окружению Дмитрия Донского. Это побуждает отнестись с особым вниманием к заключенной в НЛДубр Повести о Куликовской битве [2], тем более что и сама повесть уникальна здесь по своему составу.

Эта повесть сохранилась в нескольких редакциях. Та из них, которая читается в Софийской I, Новгородской IV и некоторых других летописях, возводившихся А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым к своду 1448 г., может быть названа Пространной редакцией. Эта редакция помещена и в НЛДубр. Но здесь текст полнее, причем значительно богаче фактами. Только в НЛДубр описано, и весьма детально, «уряжение» полков и назначение воевод перед боем; рассказано о роли «потаенного» полка; подробно говорится о розысках после окончания битвы раненого великого князя [3]. Есть и менее существенные отличия. С. К. Шамбинаго отметил около сорока расхождений повести в НЛДубр сравнительно с Новгородской IV летописью, считая, что наиболее крупные из них — результат вставок, источник которых он не определил [4].

Гораздо более глубокое рассмотрение текстов было осуществлено А. А. Шахматовым в его отзыве на работу С. К. Шамбинаго. Выводы А. А. Шахматова сводятся к следующему. Основу

[1] *А. Н. Насонов.* История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969, стр. 353—358.

[2] ГПБ, F. IV № 238, лл. 244 об.— 257. В дальнейшем все цитаты из повести в НЛДубр даются по этой рукописи. Летопись издана лишь частично в ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2—3. Л., 1925—1929.

[3] Из НЛДубр эти сведения попали и в известную по рукописи XVIII в. так называемую Ростовскую летопись, на что впервые указал А. А. Шахматов (*А. А. Шахматов.* О так называемой Ростовской летописи.—ЧОИДР, 1904, кн. 1, стр. 24—26).

[4] *С. К. Шамбинаго.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 151—161.

повести в НЛДубр составил текст, читающийся в Новгородской V летописи, который «сверен и дополнен» по Новгородской IV летописи [5], а также «исправлен и дополнен» на основании недошедшей московской великокняжеской летописи. Последний источник, «во-первых, содержал ряд фактических данных о расположении русских войсковых частей, во-вторых, сходствовал с тем сводом, по которому исправлен текст повести в Соф. 1-й летописи, в-третьих, местами содержал более исправные чтения, чем Новг. 4-я и Соф. 1-я» [6].

Эти выводы требуют некоторых уточнений. Из приведенных А. А. Шахматовым в качестве доказательства десяти общих особенностей повести в НЛДубр с Новгородской V летописью [7] семь должны быть отведены, так как они оказываются общими и с Софийской I. Остальные три чтения следующие: «хотя пленити *хрестьянство*» («христиан» Новгородской IV летописи, «християны» Софийской I летописи) [8]; «всеа силы и рати» («всеа силы и всех ратей» Новгородской IV и Софийской I летописей); «в самый праздник *Рожества святыя богородица*» («Госпожин день» Новгородской IV летописи, «Рожества пречистыя» Софийской I летописи). Этого, конечно, недостаточно для вывода, что Новгородская V летопись — основной источник повести в НЛДубр. Последняя имеет ряд гораздо более существенных отличий от текста Новгородской V летописи. Некоторые части повести в НЛДубр, сходные с Новгородской IV и Софийской I летописями, вообще не имеют соответствия в Новгородской V летописи [9].

По-видимому, заключение А. А. Шахматова о Новгородской V летописи как основном источнике повести в НЛДубр, связано с его замечанием, что гипотеза о пользовании «Новгор. 4-ю и Новгор. 5-ю летописями оправдывается текстом и остальных частей» рукописи ГПБ, F. IV № 238. Но данная рукопись заключает вторую редакцию НЛДубр. Редакция эта основана на соединении Новгородской IV летописи с первой редакцией НЛДубр, которая имела в числе своих протографов Московский свод 1491 г.[10] Последний, в свою очередь, был одним из протографов Новгород-

---

[5] *А. А. Шахматов.* Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.— «Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академиею наук премий митрополита Макария в 1907 году». СПб., 1910, стр. 106.

[6] Там же, стр. 111; ср. также стр. 139.

[7] Там же, стр. 106.

[8] См. текст повести по этим летописям: ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915, стр. 311—320; вып. 2. Л., 1925, стр. 321—325; т. VI. СПб., 1853, стр. 90—98.

[9] Последнее косвенно отмечал и А. А. Шахматов (Отзыв..., стр. 96). Для сличения с Новгородской V летописью я использовал список ГПБ, Погод. 1404-а (лл. 582—589). Издание ее, осуществленное по этому и другим спискам, остановилось на тексте 1352 г. (ПСРЛ, т. IV, ч. 2, вып. 1. Пг., 1917).

[10] *С. Н. Азбелев.* Две редакции Новгородской летописи Дубровского.— «Новгородский исторический сборник», вып. 9. Новгород, 1959, стр. 219—228.

ской V летописи, что не раз показано А. А. Шахматовым [11]. Этим и объясняются черты сходства с Новгородской V летописью летописного текста в рукописи F. IV № 238. Влияние же московской летописи именно на текст Повести о Куликовской битве в Новгородской V летописи не раз отмечено А. А. Шахматовым специально [12].

Очевидно, основу повести в НЛДубр составил не текст этой повести в Новгородской V летописи.

А. А. Шахматов приводит ряд убедительных текстологических данных, свидетельствующих, что в НЛДубр отразился общий протограф Новгородской IV, Софийской I и Новгородской V летописей — протограф, предшествовавший общерусскому своду 1423 г. и существовавший уже в конце XIV в. [13]

А. А. Шахматов показывает, что повесть в НЛДубр в некоторых случаях совпадает или со всеми списками Новгородской IV летописи, или с их частью, со всеми или с частью списков Софийской I летописи. К приведенному им материалу можно добавить, что есть и такие случаи, когда, совпадая с Новгородской IV летописью, текст повести сходен одновременно только со списками старшей редакции Софийской I летописи (например: «к великому князю Дмитрию Ивановичу *весть лестную*», «и князь литовскии идеть на тебя же со всею силою *своею*»).

Для дальнейшего изучения генетических взаимоотношений текста повести по НЛДубр с другими летописями, полезно дать сводку отсутствующего в Новгородской IV, Софийской I и Новгородской V летописях материала НЛДубр [14].

1. «...князь Андрей Полоцкии *с полочаны...*» («плесковици» Новгородской IV, «пьсковичи» Софийской I).

2. «... Мамаи ста за Доном *со всеми силами,* возбуяся и гордяся...».

3. «...и нача выход ему давати *да* и силу свою *в помощь* к нему *присылати...*» («слати» Новгородской IV, Софийской I).

4. «...иде ко причестеи и *помолися во* церкви святыя богородица...».

5. «... и сташа ту и много *ту* думаша...».

6. «...а друзи реша: «не ходи, понеже зело умножишася врази наша: не токмо татарове но и [15] литва, рязанцы» — *не хотяху ити за Дон*».

7. «Мамай же ... смутися *сердцем и* умом...».

8. «... в канун пречистыя ти матери божия богородици *и всех небесных чинов*».

---

[11] *А. А. Шахматов.* К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899, стр. 91—100; и ряд последующих его работ.

[12] *А. А. Шахматов.* Отзыв..., стр. 113, 130, 135 и др.

[13] Там же, стр. 115—121.

[14] Слова, которых нет в параллельном тексте этих летописей, отмечены курсивом. В скобках приведены разночтения к подчеркнутому по Новгородской IV и Софийской I летописям. Из приводимых примеров исключены те, которые состоят только в более полном титуловании князей (кроме одного особого случая — № 20), а также несколько мелочей, никак не влияющих на смысл текста, и немногие явные описки.

[15] В рукописи: «из».

9. «Князю ... пришедшю за Дон на поле чисто в Мамаеву землю на усть Непрядвы реки. *И став ту князь велики ... Исполчився, поидоша противу себе.* Господь бог един вождаше его...». Большой отрывок об уряжении полков и назначении воевод [16].

10. «... Восташа на ны 3 земли, 3 рати: 1 *рать* татарская, 2 литовская, 3 рязанская».

11. «*Яко* («и» Новгородской IV, Софийской I) бысть в *6 час* («шестую годину» Новгородской IV, Софийской I) дни...».

12. «... извлекоша оружия обоюдуостри в руках их, *яко* («и» Новгородской IV, Софийской I) орли *разбивахуся...*» («сбирахуся» Новгородской IV, Софийской I).

13. «Сам же князь великии Дмитреи *Иванович восхоте наперед подвизатися: увидев окоянныя полки татарския,* наеха наперед в сторожевых полцех на поганнаго царя Теляка, нареченнаго плотного диавола Мамая. *Паче* («таче», «таже» Новгородской IV, Софийской I) потом [17], недолго попустя, отъеха князь велики в полк, *но воеводы удержаша его, не даша ему наперед своим полком битися.* А се, поиде великая рать Мамаева...».

14. «И рече слово псаломъское: «братие, бог нам прибежище и сила»— *и прочее псалма того».*

15. «... яко же сему великому князю Дмитрию Ивановичю всея Руси. *И в те же поры хотяше князь Владимер Андреевич своим полком ударитися на агаряны, но Дмитреи Волынец глаголаме ему: «пожди мало, господине, како будет время» — понеже беаше* [18] *мудр и храбр, и искусен многажды ратному чину.* Бившем же ся им от 6-го часа и до девятого...».

16. «...каждо бо своего супротивника искаше победити. *И за мал час знамян больших не подсекоша, а самого же великого князя велми язвиша и с коня збиша. При часе же девятом глаголаше Волынец князю Владимеру Андреевичу: «время ти, господине княже». И тогда потаеныи полк, благороднын храбрыи брат великого князя Владимер Андреевичь* [19] *с своими полки, удари на татары, и бысть сеча велика, яко и земли двизатися, а Дон река кровью протече, а главы аки каменне валяхуся* [20] *в дуброве.* И рече к собе Мамаи...».

17. «... призри господь милостивым оком на *род христианскии* (вместо подчеркнутого: «великого князя Дмитрия Ивановича» Софийской I) и на вси князи руския и на крепкия воеводы...».

18. «... воина *великомученика* («великаго христова» Софийской I) Георгия и славнаго *великомученика Дмитрия...».*

19. «..свершеннаго полку небесных великии архистратиг Михаил. *Тако же и* погании видеша полки *по воздуху парящих и избивающе их немилостивно*: двои воеводы...».

20. «И вознесе бог десницу нашего *государя христианскаго благовернаго царя* великого князя Дмитрия Ивановича *всея Руси* на победу инаплеменник».

---

[16] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 486.
[17] В рукописи: «пом».
[18] В рукописи: «бе аще».
[19] В рукописи: «Владимера Андреевича».
[20] В рукописи: «вяляхуся».

21. «И то слышавше темныя *его* вси власти и князи, вся сила татарская *и вся сила литовская* и побегоша».

22. «Видев же *то князь Владимер и иные многие воеводы* (вместо подчеркнутого: «христиане» Новгородской IV, Софийской I), яко татарове с Мамаем побегоша и погнаша за ними вслед их, бьюще и секуще *немилостивно* поганных (добавлено: «без милости» Новгородской IV, Софийской I). Бог бо невидимою силою (добавлено: «устраши» Новгородской IV, Софийской I) полки татарския гоняще и обратиша...»

23. «И гониша их *и бьюще* до Мечи *реки и до станов их, и взяша все богатство их и стада, и тамо бежащих безчисленное множество погибоша; тогда же бе и руси избито множество. И тогда же... . И наеха тогда убитых воевод своих на побоищи.* Тогда же на том побоищи...» Рассказ об отыскании великого князя [21]. В Новгородской IV и Софийской I летописях вместо всего подчеркнутого: «и тамо бежащих бесчисленое множество погибоша, княжии же полци гнаша содомлян бьюще до стана их, и полониша богатства много и вся имениа их содомьскаа» (цитировано Новгородской IV).

24. «... мнози бо на тои брани побъены быша. *А поганых агарян избитых не бе числа: по дубровам главы аки камение валяшеся.* А самому же великому князю...».

25. «... силою литовскою *и ляцкою*...».

26. «Князь же великии ... на костех татарских, утер поту своего *с дружиною своею*».

27. «...победив враги своя. И мнози *враги его* вои его возрадовашеся...».

28. «И се внезапу приехаша к нему бояре резанстии и поведаша, что князь Олег поверг свою отчину, землю Рязанскую, да сам побегл и со княгинею и з детми. И бояря *резанстии* молиша *великого князя* о сем, дабы на них рати не посылал...». В Новгородской IV и Софийской I смысл иной: «...и с детми и с бояры, и молиша его много о сем...».

29. «Мамаи не во мнозе убежа *дружине* и прибежа во свою землю (добавлено: «в мале дружине» Новгородской IV, Софийской I), видя себя бита...».

30. «... восхоте ити изгоном на Русь *пакы*. И сице ему умыслившю...».

Согласно гипотезе А. А. Шахматова, все это (за исключением, конечно, случаев явной порчи текста — № 12, 25, 27 и нескольких сомнительных) должно признать дополнениями и исправлениями, внесенными по московской великокняжеской летописи. Но тогда возникает естественный вопрос: в каком соотношении находится текст исправленный (т. е. повесть по НЛДубр) и тот текст, на основании которого эти исправления и дополнения вносились? Примеры, идущие почти по всей повести, заставляют полагать, что оба текста должны были быть приблизительно тождественны (по крайней мере по составу).

Основу этой части данной редакции НЛДубр составил текст Новгородской IV летописи. Однако, как показало сплошное сличение, текст повести в НЛДубр имеет несколько сот разночтений с соответствующим текстом Новгородской IV летописи — даже если

[21] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 487.

иметь в виду только те списки ее, в которых повесть ближе к НЛДубр. Чрезвычайно трудно объяснить все это правкой текста Новгородской IV летописи по дополнительному источнику. Проще предположить обратное — что повесть была целиком выписана из дополнительного источника и сверена с соответствующим текстом Новгородской IV летописи.

Такое предположение подкрепляется наблюдениями над остальными частями НЛДубр. В нее включен целый ряд часто довольно обширных самостоятельных текстов. Большинство их дополняют текст Новгородской IV летописи, но некоторые — заменяют соответствующие его отрезки [22]. Эти дополнения, а в особенности состав заключительных частей НЛДубр, заставляют полагать, что составитель пользовался не только материалами новгородского происхождения, но и московским государственным архивом. Так, приведен текст духовной грамоты Василия Темного, обширное, явно официального характера, повествование о походе Ивана III на Новгород в 1471 г., отчет о его же пребывании в Новгороде в 1476 г. и т. п.

Среди таких материалов мог храниться и текст особого извода Пространной редакции Повести о Куликовской битве. Он в полном виде не был использован составителями официальных московских летописных сводов, так как сообщал ряд существенных, но не вполне удобных для таких сводов подробностей (в особенности — о роли в битве князя Владимира Андреевича). Но в этом тексте говорилось, между прочим, специально об Иване Родионовиче Квашне, что, вероятно, явилось одной из причин включения текста в новгородский владычный свод, к составлению которого имели такое близкое отношение Квашнины.

А. А. Шахматовым было показано, что, например, в отрывках 14-м и 19-м текст в НЛДубр более первоначальный, чем в Новгородской IV и Софийской I летописях [23]. Удается показать это и в отношении некоторых других отрывков. Так, например, отрывок 28 имеет в Новгородской IV и Софийской I летописях текст, несомненно испорченный: рязанские *бояре* сообщают, что их князь покинул свое княжество «с княгинею и с детми с *бояры*» и просят Дмитрия, чтобы тот «на *них* (т. е. на убежавших. — *С. А.*) *рати* не послал» (из дальнейшего видно, что речь должна была идти о возможной посылке рати на самих просителей). Эти неувязки некоторые летописцы пытались исправить. Так, в Новгородской V летописи вместо «и с бояры» написано «и со всем своим двором».

В НЛДубр обе несуразности начисто отсутствуют, причем текст позволяет легко понять, каким путем произошла впоследствии его порча. Ошибка писца в одной букве («... и з детми. И бояры...» → «...и з детми, и з бояры ...») неизбежно повлекла за со-

---

[22] Там же, стр. 471—489.

[23] *А. А. Шахматов.* Отзыв..., стр. 111.

бой переосмысление содержания. А это, в свою очередь, вызвало, очевидно, дальнейшее изменение текста [24].

Первичность текста повести в НЛДубр сравнительно с Новгородской IV и Софийской I летописями видна и в отрывке 26. Здесь перед нами цитата из Паремийного чтения о Борисе и Глебе. Как установил А. А. Шахматов, оно послужило источником нескольких текстовых заимствований в повести [25]. В этом источнике читаем: «Ярослав же пришьд и седе Кыеве, *утьр пота с дружиною своею*» [26]. Последние три слова цитаты сохранились только в НЛДубр.

Известно, что другим источником повести была Библия [27]. Текстовая связь с нею прослеживается без труда и в тех пассажах, которые составляют особенность НЛДубр. Так, в отрывке 7 отразилось выражение, дважды встречающееся в евангелии Иоанна — XIV, 1, 27. В отрывке 23 дважды использовано евангелие Луки — XIII, 30 (сходно и в ев. Матфея — XIX, 30) и X, 21; использован также псалом LI, 3.

Особенно показательна связь НЛДубр с Житием Александра Невского. Оно — один из главных источников повести, как это отмечалось многими ее исследователями начиная с С. М. Соловьева. Посредством параллельных примеров С. К. Шамбинаго наглядно показал, что повесть использовала не только композицию, но и сам текст жития [28]. По его мнению, была привлечена редакция жития, составленная вскоре после 1380 г. и сохранившаяся текстуально в составе Софийской I и Воскресенской летописей. Здесь не место касаться дискуссионной проблемы хронологии и взаимоотношения редакций Жития Александра Невского. Заметим только, что оно послужило источником повести не в том своем виде, который сохранили Софийская I и Воскресенская летописи. Более близким к повести оказывается введенный в науку уже после работы С. К. Шамбинаго текст рукописи из сборника Н. П. Лихачева [29] (далее — Лих). Так, в 1-м из приведенных С. К. Шамбинаго параллельных примеров «с князьми» есть в Лих и в повести, но нет в Софийской I и Воскресенской летописях. В 5-м примере в повести, как и в Лих, «и рече», тогда как в Софийской и

---

[24] Не касаемся вопроса об исторической достоверности этого сообщения, вызывавшего сомнения у ряда исследователей начиная с Д. И. Иловайского (*Д. Иловайский.* История Рязанского княжества. М., 1858, стр. 176—177).

[25] *А. А. Шахматов.* Отзыв..., стр. 120. Дополнительные примеры см.: *М. А. Салмина.* «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина».—В сб.: ««Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла». М.— Л., 1966, стр. 369.

[26] «Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им». Подг. к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916, стр. 121.

[27] *С. К. Шамбинаго.* Указ. соч., стр. 57, 78. Дополнительные примеры см.: *М. А. Салмина.* Указ. соч., стр. 369—370.

[28] *С. К. Шамбинаго.* Указ. соч., стр. 64—71.

[29] Издан в кн. *В. Мансикка.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. [СПб.], 1913, [Тексты], стр. 126—137.

Воскресенской летописях «глаголя». В 15-м примере в повести, как и в Лих, «с победою великою», в Софийской I и Воскресенской летописях порядок слов обратный [30].

Текстовые заимствования из Жития Александра Невского есть и в тех отрывках повести, которые читаются только в НЛДубр. При этом существенно, что источником заимствований оказывается опять-таки вариант жития, близкий именно к тексту Лих. Так, для отрывка 9 есть точная параллель в Лих: «Укрепився силою крестною, *ополчися, поидоша противу себе*»; в других текстах жития сходство более отдаленно (в Софийской I и Воскресенской летописях: «поиде на них»). Отрывок 11 относится к фрагменту, который еще С. К. Шамбинаго возводил к житию (см. его параллельный пример 9). Но в НЛДубр этот отрывок текстуально еще ближе к житию (здесь Лих сходен с Софийской I и Воскресенской летописями).

Несомненно восхождение к житию и части отрывка 16. Ср. в Лих: «*И бысть* ту *сеча* зла и *велика* ... яко же и морю померзшю *двигнутися*, и не бе видети леду, покрыло все *кровию*» (сходно в Софийской I и Воскресенской летописях). Использование источника не ограничивается заимствованием подчеркнутых слов. Весь оборот НЛДубр «яко и земли двизатися», несомненно, навеян здесь житием. В других памятниках сходство более отдаленно («земля тутняше, горы и холмы трясахуся», «яко и земли потрястися» и т. п.) [31].

Если считать, что текст в НЛДубр есть результат внесения дополнений в извод повести, который сохранили Новгородская IV, Софийская I и другие летописи, то придется, как видим, признавать вторичное привлечение трех литературных источников. При этом нужно допустить, что из ряда весьма близких между собой разновидностей Жития Александра Невского был почему-то снова взят именно тот вид его, который использовал некогда составитель повести.

Гораздо естественнее признать, что НЛДубр сохранила повесть в том ее составе, который она имела до сокращения, произведенного в общем протографе Новгородской IV, Софийской I и ряда других летописей. Это подтверждается и наличием в НЛДубр отрывков, текст которых первоначальнее соответствующего текста в иных летописях [32].

---

[30] Текст Лих, будучи в целом, несомненно, ближе других к варианту жития, использованному составителем повести, вероятно не был, однако, полностью этому варианту тождествен: в одном случае (у С. К. Шамбинаго пример 12-й) чтение повести, сходное с Софийской I и Воскресенской летописями («бещисленное множество»), отлично от чтения Лих («бещисла»).

[31] *А. С. Орлов.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.).— ЧОИДР, 1902, кн. 4, стр. 15—16.

[32] Вместе с тем текст повести в НЛДубр не может, конечно, быть признан первоначальным во всех своих особенностях. Некоторые из них, как выше указывалось, являются несомненным следствием позднейших изменений (сознательных и бессознательных).

Сохранившийся в НЛДубр полный извод повести позволяет по-новому осветить некоторые трудные вопросы происхождения и эволюции этого памятника.

Обратим здесь внимание только на один момент. В отрывке 9, повествующем об уряжении полков, названы в числе других воевод князья Семен Константинович Оболенский и его брат Иван Тарусский [33]. Это вполне реальные личности, попавшие и в родословные [34]. Данное указание позволяет внести необходимую поправку в «стандартный» для ряда летописей перечень погибших. Там говорится: «... убиен бысть на съступе князь Федор Романовичь Белозерьский, сын его князь Иван, князь Федор Торусьскый ...» (цитировано по Софийской I летописи).

Первоначально, надо думать, читалось так, как в Симеоновской летописи: «князь Феодор Романовичь Белозерскии, сын его князь Иван Федоровичь» [35]. Позднее переписчик, знавший, что в битве участвовал князь Иван Тарусский, отождествил его с князем Иваном Федоровичем. Отсюда, например, чтение, сохранившееся в Ермолинской летописи: «князь Феодор Романовичь Белозерьски, сын его князь Иван Федорович Торусскы» [36]. В дальнейшем отчество «Федорович», утеряв окончание, дало, очевидно, «князя Федора Тарусского», доставившего немало хлопот новейшему исследователю летописной Повести о Куликовской битве [37].

Отпадает, таким образом, нужда в маловероятном предположении, что летописец 40-х годов XV в. своего современника — реального князя Федора Тарусского, убитого в 1437 г., включил в перечень павших 60—70 лет назад на Куликовском поле. Снимается, следовательно, и обусловленная по существу только этим предположением столь поздняя датировка самой повести.

---

[33] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 486.

[34] См., например, «Родословную книгу», опубликованную во «Временнике Общества истории и древностей российских при Московском университете», 1851, кн. 10, стр. 46.

[35] ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 130.

[36] Там же, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 126.

[37] *М. А. Салмина.* Указ. соч., стр. 370—372.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НЕКОТОРЫХ ЛЕТОПИСНЫХ ТРУДОВ XV В.

Я. Н. Щапов

Одной из характерных черт русского летописания, делающих его столь своеобразным явлением хронографии средневековой Европы, является использование в русских летописях, наряду с более ранними летописными сочинениями, большого числа нелетописных произведений и среди них юридических памятников. Уже ранние летописные своды XII в. включили в себя такого рода памятники: «Повесть временных лет» сохранила тексты договоров Руси с Византией X в., Новгородская I летопись — Краткую Русскую Правду XI в. Включение нелетописных, в частности юридических памятников, в эти ранние обобщающие летописные сочинения является, очевидно, одной из отличительных особенностей этих произведений XII в. сравнительно с более ранними местными опытами хронографического и агиографического повествования, на основе которых эти сочинения возникали [1]. В дальнейшем, в XIII—XV вв., в летописные своды продолжают включаться разнообразные юридические памятники как общегосударственного, так и местного значения. В Ипатьевской летописи сохранились галицко-волынские акты XIII в.: духовные грамоты князя Владимира Васильковича около 1287 г., уставная грамота князя Мстислава Даниловича около 1289 г. В некоторых летописных компиляциях XV—XVI вв. юридические памятники продолжают включаться в текст, как и прежде, отдельными документами, иллюстрирующими и раскрывающими летописные известия о тех или иных деятелях. Таковы уставы князей Владимира и Ярослава, вставленные в соответствующие разделы X и XI вв. Летописца русских царей XV в., поздний текст устава князя Ярослава, вставленный в начале XVI в. в Устюжский летописный свод, духовная митрополита Киприана в Новгородской IV летописи и других летописях и т. д.

Однако в летописании XV в. мы встречаемся и с новыми формами использования юридических памятников, неизвестными ранее. В некоторых московских и новгородских сводах этого времени появляются целые группы документов — комплексы, включающие не один, а четыре, девять и даже двенадцать юридических

[1] *Б. А. Рыбаков.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, стр. 317.

памятников,— своеобразные юридические сборники русского средневековья. Таковы Софийская I летопись, включающая под 1019 (6527) г. такой сборник, состоящий в Карамзинской группе списков из четырех памятников [2], а в Бальзеровской — из девяти. Таковы также Комиссионный (Археографический) список Новгородской I летописи середины XV в. и смоленский летописный сборник 1495 г., переписанный Авраамкой, в которых в приложении к летописному тексту находятся юридические сборники в 11—12 статей.

В летописных сводах первой половины XV в. рядом с летописными сочинениями помещаются целые серии генеалогических списков русских князей (таковы Супрасльский и другие белорусские летописные своды, возникшие на территории Литовского великого княжества), генеалогических и персонально-административных списков князей и других глав государственного и городского управления — посадников и тысяцких Новгорода, митрополитов, епископов и пр. (таковы Академический I список Новгородской I летописи, Новороссийский список Новгородской IV летописи, Уваровская летопись — свод 1518 г.) или юридических статей (Софийская I летопись), или и тех, и других, и третьих (Археографический список Новгородской I летописи, летопись Авраамки).

В этих летописных сборниках нелетописные произведения используются столь необычно для летописания предшествующего времени, что названные своды можно рассматривать как новый тип исторических трудов, появляющийся в XV в. Это сложный по составу, многочленный историко-генеалогический и историко-юридический труд, состоящий из: 1) погодного изложения важнейших событий — летописного свода, представляющего собой местную, определенно политически направленную обработку предыдущих летописных памятников; 2) перечней важнейших групп исторических деятелей — генеалогических и персонально-административных списков; 3) копий важнейших историко-юридических памятников, имевших особое значение для данного политического центра, где этот большой летописно-юридический комплекс составлялся; 4) перечней русских городов и епископий, характеризующих размеры государственной и церковно-административной территории Руси или претензии на эти территории. Как указано выше, такой максимальный или приближающийся к максимальному состав статей имеют лишь Археографический (Комиссионный) список и сборник Авраамки, а другие списки включают, наряду с летописным текстом, лишь те или иные дополнительные составные части.

Летописные части этих компиляций давно привлекают внимание исследователей. Изучением истории летописания первой по-

---

[2] Эти памятники входят и в один список (Воскресенский) Софийской II летописи.

ловины XV в. и его источников занимались А. А. Шахматов [3], М. Д. Приселков [4] А. Н. Насонов [5], Д. С. Лихачев [6], М. А. Юнас [7] и другие, значительно продвинувшие исследование сводов этого времени. Генеалогические и персонально-административные списки сборника Археографического типа рассматривались А. А. Шахматовым [8], М. Н. Тихомировым [9], А. А. Зиминым [10], В. Н. Бернадским [11], В. Л. Яниным [12]. Значительно меньшее внимание привлекали списки городов и епископий [13] и юридические сборники в составе летописей, хотя последним также уделяли внимание в своих работах А. В. Марков [13а], А. А. Шахматов [14], С. В. Юшков [15], М. Н. Тихомиров [16], Д. С. Лихачев [17], А. А. Зимин [18].

В списках московской по своему происхождению Софийской I летописи в статье 1019 (6527) г. в связи с летописным сообщением о том, что Ярослав дал новгородцам «правду и устав», включены юридические памятники. При этом в одной, Карамзинской, группе списков этой летописи комплекс юридических статей насчитывает четыре: 1) Правду Русскую, 2) устав Ярослава о мостах, 3) статью о муке, 4) Закон судный людем; а в другой, Бальзеровской, группе, кроме этих четырех, находится еще пять статей: 5) устав Владимира о десятинах и церковных людях, 6) Правило 165 св. отцов о защите церковных

---

[3] *А. А. Шахматов.* Общерусские летописные своды XIV и XV вв.— ЖМНП, 1900, № 9, стр. 90—176; № 11, стр. 135—200; 1901, № 11, стр. 52—80, *он же.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.— Л., 1938.

[4] *М. Д. Приселков.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 142—163.

[5] НПЛ. М.— Л., 1950. Подготовил к изданию А. Н. Насонов.

[6] *Д. С. Лихачев.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947.

[7] *М. А. Юнас.* Летопись великих князей литовских.— «Труды Академии наук Литовской ССР», серия А, № 2(3). Вильнюс, 1957, стр. 111—121.

[8] *А. А. Шахматов.* Обозрение..., стр. 161—172.

[9] *М. Н. Тихомиров.* Исследование о Русской Правде. М.— Л., 1941, стр. 160.

[10] *А. А. Зимин.* Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича.— В сб.: «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, стр. 126—127.

[11] *В. Н. Бернадский.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.— Л., 1961, стр. 357—360.

[12] *В. Л. Янин.* Новгородские посадники. М., 1962, стр. 14—44.

[13] *М. Н. Тихомиров.* «Список русских городов дальних и ближних».— «Исторические записки», т. 40, 1952.

[13а] *А. В. Марков.* Вопрос о подлинности церковных грамот, входящих в состав новгородских летописей.— «Богословский вестник», 1911, июнь, стр. 361—367; сентябрь, стр. 136—137; октябрь, стр. 331—344.

[14] *А. А. Шахматов.* Общерусские летописные своды..., стр. 71—72; *он же.* Обозрение..., стр. 167—171.

[15] *С. В. Юшков.* К истории древнерусских юридических сборников (XIII в.). Саратов, 1921.

[16] *М. Н. Тихомиров.* Исследование..., стр. 148, 159—166; «Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции». М., 1961, стр. 5—27.

[17] *Д. С. Лихачев.* Указ. соч., стр. 306, 314.

[18] *А. А. Зимин.* Указ. соч., стр. 128.

имуществ, 7) Правило о церковных людях, 8) устав Ярослава о церковных судах, 9) Подтвердительная грамота великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана 1402 г.

Изучая летописание XV в., А. А. Шахматов выделил в качестве источника ряда летописных сводов этого времени свод («Полихрон») митрополита Фотия, который он относил к 1423 г. и считал, что среди большого числа нелетописных источников в этот свод вслед за Русской Правдой были внесены и остальные юридические статьи, имеющиеся и в Софийской летописи. Источник этих статей он видел в существовавшем самостоятельно юридическом сборнике, типа Мусин-Пушкинского сборника XIV в., включавшем и Русскую Правду, и княжеские уставы, причем в официальной редакции, с подтверждением 1402 г. Различие в составе юридических статей в списках Софийской I летописи он объяснял тем, что в некоторых списках уставы Владимира и Ярослава не сохранились. «Полихрон» Фотия был использован не только в Софийской I, но и в Новгородской IV, и в Комиссионном списке Новгородской I летописи, в последнем также есть юридические статьи. А. А. Шахматов считал, что все они там также заимствованы из «Полихрона», причем точнее всего эти дополнительные статьи отразились в Комиссионном списке[19]. В своем незавершенном исследовании сводов XIV—XVI вв. А. А. Шахматов высказался за то, что дополнительные историко-юридические статьи Комиссионного списка появились в нем из свода 1448 г., использовавшего «Полихрон». Из этого же свода они попали и в Софийскую I летопись[20]. Исследователи, работавшие после А. А. Шахматова, в основном придерживались той же схемы включения юридических статей в летопись, внеся коррективы в датировку этих сводов.

Изучение юридических статей в Софийской I летописи и Комиссионном списке позволяет несколько изменить наши представления о соотношении текстов этих списков и времени включения в них сборников правовых памятников.

Сравнив состав статей в первой и второй редакциях Софийской I летописи, мы видим здесь и две редакции юридического сборника: первая, содержащая только светские памятники в Карамзинской группе списков, и вторая, включающая и светские, и церковные памятники в Бальзеровской группе. Сборник Бальзеровской редакции соединяет в себе собственно два различных юридических сборника: комплекс памятников, главным образом светского характера, с Русской Правдой, имевший до объединения со вторым свою историю, и комплекс памятников, связанных с церковной юрисдикцией,— княжеские уставы и два «правила», полемические сочинения в защиту феодальных прав церкви.

История краткого, светского сборника в Карамзинской редак-

---

[19] *А. А. Шахматов.* Общерусские летописные своды..., стр. 71—72, 163.
[20] *А. А. Шахматов.* Обозрение..., стр. 167, 171.

ции летописи прослежена М. Н. Тихомировым, который считал этот сборник переработкой более раннего общего источника Пушкинского и Археографического (Комиссионного) списков [21]. Действительно, статьи Карамзинской редакции представляют собой компиляцию, явившуюся результатом соединения ряда более ранних текстов. Так, в Русской Правде Карамзинского извода сведены списки Синодально-Троицкой и Пушкинской групп; к последней принадлежит и Комиссионный список. Как определил В. П. Любимов, Карамзинская группа берет материал из списков разных видов, иногда сразу из нескольких [22]. Закон Судный в Софийской I летописи находится в Соединенной редакции, объединившей Археографический извод Пространной редакции с Краткой [23].

Вторая часть сборника, появившаяся в Бальзеровской редакции, также имеет свою историю до появления в составе летописи. Три ее этапа показывает сопоставление комплекса статей в составе летописей с составом юридических статей в сборниках более раннего происхождения.

Четырехчастный сборник, содержащий основные памятники, которые говорили о взаимоотношении церковной власти со свет-

Кормчая книга Чудовской редакции	Погодинский сборник	Софийская I летопись	
		Карамзинская группа	Бальзеровская группа
		1. Правда Русская Карамзинск.	1. Правда Русская Карамзинск.
		2. Устав о мостах	2. Устав о мостах
		3. О муке	3. О муке
		4. Закон судный людем Сводн. ред.	4. Закон судный людем Сводн. ред.
1. Устав Владимира Синод. ред.	1. Устав Владимира Синод. ред.		5. Устав Владимира Синод. ред.
2. Правило 165 св. отцов	2. Правило 165 св. отцов		6. Правило 165 св. отцов
3. Правило о церковных людях Крест. изв.	3. Правило о церковных людях Крест. изв.		7. Правило о церковных людях Крест. изв.
4. Устав Ярослава Кратк. ред.	4. Устав Ярослава Кратк. ред.		8. Устав Ярослава Кратк. ред.
	5. Грамота Василия и Киприана 1402 г.		9. Грамота Василия и Киприана 1402.

[21] *М. Н. Тихомиров*. Исследование..., стр. 168—172.
[22] «Правда Русская», т. I. М.— Л., 1940, стр. 41.
[23] «Закон Судный людем...», стр. 25.

ской в государственном управлении и суде, а также полемические сочинения в защиту больших материальных средств епископий, был включен в первой половине XIV в. в состав новой, Чудовской, редакции Кормчей книги, которая получила большое распространение в Москве и Московской митрополии в XIV—XVI вв. При обновлении церковно-княжеских отношений с появлением на московской кафедре после долгого перерыва нового митрополита, Киприана, эти основные конституционные акты русской митрополии, восходящие к первым основателям церкви на Руси, Владимиру и Ярославу, были подтверждены в Москве великим князем Василием Дмитриевичем и митрополитом в 1402 г. и получили новое распространение, уже вне Кормчей. Погодинский сборник сохранил, наряду с юридическими статьями и грамотой 1402 г., правила приема от еретиков из Кормчей [24].

На каком этапе эволюции летописного свода, результатом которой является Софийская I летопись, был в него включен юридический сборник? Вторая редакция сборника сложнее первой, однако она не является ее переработкой, но восходит вместе с первой редакцией к одному общему источнику. Тексты юридических памятников, повторяющихся в Карамзинской и Бальзеровской группах, различаются главным образом лексикой, поновленной в одних случаях в одной, в других — в другой редакции и не могут быть выведены один из другого [25]. Тот же вывод относительно соотношения летописных текстов сделал А. А. Шахматов [26].

Это различие двух сборников Софийской летописи при существовании двух редакций этой летописи ведет к предположению о том, что первый, светский, сборник включен в летопись вместе с одним из основных ее источников — сводом 1430-х годов, а второй появился только при возникновении архетипа Бальзеровской редакции, т. е. в 1456 г., по датировке М. Д. Приселкова [27]. Однако этому предположению мешает такое обстоятельство, как заключительная грамота церковного сборника, которая принадлежит Киприану и имеет дату 1402 г. Дело в том, что тот же церковный сборник, при том же князе Василии Дмитриевиче был подтвержден вторично такой же грамотой митрополитом Фотием в 1419 г. и в этом виде получил новое распространение на территории Русского государства [28]. Включение в Софийскую летопись сборника не 1419, а 1402 г. может свидетельствовать в пользу того, что это было сделано еще до 1419 г. Хотя возможность использования в более позднее время раннего, киприанов-

[24] ГПБ, Пог. 1112.

[25] Относительно Русской Правды на это обратил внимание В. П. Любимов («Правда Русская», т. I, стр. 54).

[26] *А. А. Шахматов.* Обозрение..., стр. 208, 214; ср. также *М. Н. Тихомиров.* Исследование..., стр. 180—181.

[27] *М. Д. Приселков.* Указ. соч., стр. 163 (схема).

[28] *Я. Н. Щапов.* Редакция устава князя Ярослава Владимировича.—В кн.: «Проблемы источниковедения», XI. М., 1963, стр. 496.

ского, сборника не может быть исключена, все же есть основания считать, что московская обработка летописи, вышедшая из-под пера людей, близко стоявших к метрополичьей кафедре, должна была чутко отзываться на появлении новых ее актов. Так, например, связанный с московским княжеским столом и кафедрой Фроловский сборник княжеских духовных и договорных грамот и церковных уставов, сложившийся в середине XV в., до 1462 г.[29], имеет подтвердительную грамоту Фотия 1419 г.[30]

В этом случае мы склоняемся к другому предположению, что оба сборника, и светский, и церковный, входили уже в свод 1430-х годов и, кроме того, в его источник — Фотиев «Полихрон» 1418 г. Мало того, само включение в сборник грамоты 1402 г., которая продолжала распространяться и после смерти Киприана (умер в 1406 г.) в течение длительного пребывания на кафедре Фотия, до нового подтверждения сборника в 1419 г., т. е. в 1408—1418 гг., может служить дополнительным подтверждением создания «Полихрона» именно в 1418 г., как это считал М. Д. Приселков[31], а не в 1423 г., как предполагал А. А. Шахматов[32]. Д. С. Лихачев совершенно справедливо отнес включение юридических статей в летопись именно к Фотиеву «Полихрону» 1418 г.[33] Отсутствие в Карамзинской редакции церковного сборника в таком случае может объясняться случайными причинами. В архетипе этой редакции был утрачен конец рукописи[34]; возможно, что церковный сборник в архетипе Софийской летописи (и в предшествующих сводах 1430-х годов и 1418 г.) находился в приложении, как он находится в Комиссионном списке, а в летописный текст вслед за светским сборником был перенесен только при создании Бальзеровской редакции. Тогда отсутствие этого сборника в Карамзинской редакции можно объяснить утратой его

[29] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951, стр. 351—352.

[30] Появление сборника с грамотой Киприана 1402 г. в составе летописи в более позднее время, например в середине XV в., при создании архетипа Бальзеровской редакции Софийской летописи, может найти объяснение в том случае, если этот архетип возник не в Москве, и тем более не в кругах, близких к митрополичьей кафедре, а на той территории, где авторитет Киприана был несравненно выше авторитета Фотия, т. е. на территории Литовского великого княжества. На такое, не московское происхождение церковного сборника может указывать пововление в уставе князя Ярослава Бальзеровского извода, где в первоначальном «дал есмь митрополиту и епископом те суды...» слово «митрополиту» заменено на «митрополитом» (*Я. Н. Щапов.* Редакции..., стр. 495). Признание существования на Руси нескольких митрополичьих кафедр, т. е. признание, наряду с Московской, также литовской Киевской, со стороны московского сводчика маловероятно. Однако московское происхождение Бальзеровской редакции Софийской летописи у историков летописания не вызывает сомнений (*А. А. Шахматов.* Обозрение..., стр. 216—221; *М. Д. Приселков.* Указ. соч., стр. 154).

[31] *М. Д. Приселков.* Указ. соч., стр. 143—145.

[32] *А. А. Шахматов.* Общерусские летописные своды..., стр. 62 и сл.

[33] *Д. С. Лихачев.* Указ. соч., стр. 306.

[34] *М. Д. Приселков.* Указ. соч., стр. 152.

вместе с окончанием списка летописи. Очевидно, юридические статьи были включены в свод 1418 г. не целым сборником, ибо они заняли разное место в рукописи, а двумя комплексами: светские статьи вслед за Русской Правдой в летописной статье 1019 г., церковные, подтвержденные митрополитом Киприаном,— в приложении к своду.

Обратимся теперь к юридическому сборнику в Комиссионном (Археографическом) списке Новгородской I летописи. Археографический сборник представляет собой сложный и многочленный комплекс, включивший значительно больше памятников, чем Бальзеровский. Внутри него также можно выделить две основные, исторически сложившиеся самостоятельно, части: сборник с Русской Правдой и сборник с уставами князей Владимира и Ярослава, к которым, однако, здесь присоединены дополнительные статьи. В отличие от Бальзеровского сборника здесь на первое место поставлен не светский, а церковный сборник, начинающийся с Правила о церковных людях, сборник же с Русской Правдой следует за ним.

Обратимся опять к этому светскому сборнику, включающему здесь: 1) вышись из слова Василия Великого, 2) Правду Русскую Археографического извода, 3) статью «О бесчестьи», 4) Закон судный Археографического извода Пространной редакции, 5) Устав о мостах. М. Н. Тихомиров выделил этот сборник из всего состава юридических статей Комиссионного списка, сравнил его с Пушкинским сборником и нашел, что оба они восходят к одному оригиналу, который возник во второй половине XIII в. в Новгороде [35]. Этот же сборник лег в основу переработки, которая была включена в Карамзинский и Бальзеровский сборники Софийской летописи [36]. Возможно, как писали А. А. Шахматов и Д. С. Лихачев и как указано выше, что этот новгородский по своему происхождению (судя по Уставу о мостах) сборник был включен уже в Фотиев «Полихрон» 1418 г., собравший в себе летописные и внелетописные памятники из различных центров Руси, в том числе из Новгорода, а из этого свода через свод 1430-х годов он попал в приложение к Новгородской I летописи.

В Археографическом сборнике к указанным пяти статьям добавлена еще одна Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича купеческой организации Иванской церкви, как и Устав о мостах,— местная новгородская запись, касающаяся отдельных сторон административного устройства Новгорода. Эта грамота в последних исследованиях датируется концом XIII—XIV в., а Археографическая ее редакция — после 1433—1434 гг. и до середины XV в. (А. А. Зимин) или XIV — первой четвертью XV в. (В. Л. Янин) [37].

[35] *М. Н. Тихомиров.* Исследование..., стр. 148—151.
[36] Там же, стр. 168.
[37] *А. А. Зимин.* Указ. соч., стр. 123—131; *В. Л. Янин.* Указ. соч., стр. 82—89.

Другой основной комплекс Археографического сборника, стоящий первым, включает два полемических сочинения: 1) Правило о церковных людях и 2) Правило 165 св. отцов; а также: 3) Устав князя Владимира и 4) Устав князя Ярослава. В этом сборнике, в отличие от светского, не только обработка статей, но и их расположение иные, чем в Софийской летописи: вместо древнего княжеского устава впереди помещено здесь публицистическое произведение. Комплекс статей такого состава известен в другой археографической традиции, в составе сборников Архангельского типа [38]. Там после групп полемических антилатинских статей, юридических статей из Кормчих, следуют юридические памятники, не входившие в ранние Кормчие: Книги законные, включающие византийский Земледельческий закон, и те же статьи в том же порядке, как в изучаемом комплексе Археографического сборника. Этот сборник сложился, очевидно, в конце XIV — начале XV в. на северо-западных землях Руси, но вне Новгорода [39]. Тексты уставов Владимира и Ярослава в Архангельском сборнике самостоятельно восходят к древней киевской традиции и не связаны ни с новгородскими, ни с северо-восточными, владимирско-московскими текстами.

В состав сборника Археографического типа четыре названных памятника вошли из источника, который можно отождествить со сборником Архангельского типа, и не ранее начала или первой четверти XV в. Тогда же его статьи получили новую местную, и притом значительную, обработку: устав Владимира был подвергнут правке по тексту новгородского Синодального извода, близкому к включенному в Синодальную кормчую 1280-х годов, устав Ярослава получил новую редакцию в результате беспрецедентного по числу использованных источников слияния текстов нескольких списков Основного извода (типа Архангельских сборников), древнего списка, близкого к архетипу Пространной редакции конца XII — начала XIII в., списка московской Краткой редакции XIV в. и текста устава Владимира [40]. Таким образом, комплекс из четырех правил и уставов в Археографическом сборнике не связан своим происхождением со сводом, бывшим источником Софийской I летописи, но основан на другой, отличной от летописной, традиции. Вместе с тем этот сборник представляет собой компиляцию из большого числа обработок и списков уставов Владимира и Ярослава, известных в Новгороде в XV в.

Это составление новгородского собрания юридических и полемических сочинений о месте церкви в жизни общества было продолжено в результате добавления еще двух: 5) статьи «О женитвах», посвященной защите библейских праотцов, бывших много-

[38] Старший список — начала XVI в. (ГБЛ, Овчин. 156).

[39] *Я. Н. Щапов.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI—XIV вв. М., 1972, стр. 106—109.

[40] *Я. Н. Щапов.* Редакции устава..., стр. 499—501; *он же.* Княжеские уставы..., стр. 219—221.

женцами, от нападок «еретиков», 6) новгородского устава князя Всеволода о церковной юрисдикции. Первая из них не имеет точных хронологических признаков. Она присоединялась к тексту Закона судного Краткой редакции в Кормчих книгах, восходящих к Переславльской обработке их 1280 г., а здесь, в Новгороде, при пополнении сборника княжеских уставов она была поставлена вслед за уставом Ярослава о церковных судах, очевидно, в связи с общей темой этих памятников — защитой моногамии. Устав князя Всеволода также не может помочь в точной датировке юридического сборника — он складывался, вероятно, в несколько приемов, но не позже конца XIV в. [41]

Как в Бальзеровском сборнике, так и в Археографическом, традиционный, но переработанный комплекс статей с Русской Правдой был объединен с таким же традиционным и так же переработанным комплексом статей с княжескими уставами, в результате чего оказался созданным своеобразный свод историко-правовых памятников, характеризующий конституционные основы Новгородской республики относительно ее внутренней, судебно-правовой компетенции.

Имея в виду сборник светских юридических памятников, включающий Русскую Правду и Пространный Закон судный, М. Н. Тихомиров писал, что «составитель подобного сборника преследовал цель создать юридическое руководство для судей» [42]. На том, раннем, этапе сложения сборника, в XIV в., который имел в виду М. Н. Тихомиров, это было действительно так. Однако сборник Археографического типа, находящийся рядом с летописным текстом и генеалогическими и персонально-административными списками, трудно рассматривать в качестве такого руководства. В этой новой форме сборник приобрел уже другой, политический смысл, как одна из составных частей литературного идеологического предприятия, направленного на обоснование древних прав Новгорода на самостоятельное существование и независимость от московского великокняжеского стола. Согласно упоминаниям имен в заглавиях памятников, все эти акты относились или ко времени, от которого новгородцы вели свою независимость («великие князья» Ярослав, Всеволод, Владимир Мономах), или к еще более раннему времени («пятый вселенский собор», «великий князь» Владимир).

Сложение сборника Археографического типа (старший список — середины XV в.) представляется нам связанным с обширны-

---

[41] Новгородский устав Всеволода в исторической литературе датируется третьей четвертью XIII в. (С. В. Юшков), XII в. (М. Н. Тихомиров), последней третью XIV в. (А. А. Зимин), концом XIII в. (В. Л. Янин). Наше исследование этого устава позволяет относить создание основной его части к концу XIII — началу XIV в., а дополнений и дополнительных статей — к концу XIV в. (*Я. Н. Щапов.* Княжеские уставы..., стр. 165—175).

[42] *М. Н. Тихомиров.* Исследование..., стр. 155.

ми летописными трудами второй четверти — середины XV в., когда Софийскую кафедру занимал выдающийся деятель Новгородской боярской республики времени ее борьбы с Москвой за консервативную программу архиепископ Евфимий II (1429—1458 гг.). Второй четвертью XV в. датируется и летописный текст, которым завершается Комиссионный список (статьи 1440—1447 гг.) и дополнение в персонально-административных списках в начале рукописи: последним назван здесь митрополит Герасим (1433—1434 гг.), от которого Евфимий II получил посвящение в архиепископы.

Таким образом, при создании крупных исторических трудов нового типа в первой половине XV в. дело не ограничивалось привлечением более ранних летописных сводов различного происхождения, как общерусских, московских и новгородских, так и местных, что выяснено в трудах исследователей летописания. Одновременно шла большая работа по привлечению различных, не только своих (соответственно — московских или новгородских), но и чужих, заимствованных из правовой и исторической традиции иных феодальных центров, редакций и списков юридических памятников, по сличению их и изготовлению таким образом новых сводных редакций, которые должны были преодолеть провинциальную ограниченность содержания местных текстов, соединив правовые нормы, зафиксированные в памятниках различных земель Руси. Однако, как говорилось выше, это соединение имело не столько практические цели создания новых сводных судебников и новых, более подробных, конституций епископских кафедр, сколько декларативно-политические, показывая, что каждый из этих конкурирующих феодальных центров претендует на роль единственного наследника всего доступного правового наследства русских земель.

Правда, юридический сборник Археографического типа сохранился и вне летописей, в составе других, более поздних рукописей, в том числе в одной правового содержания — в новгородской Кормчей 1493 г. Однако при этом, во-первых, зависимость этой позднейшей стадии использования сводных юридических сборников от ранней, летописной, несомненна [43], а во-вторых, указанная Кормчая представляет собой аналогичный рассматри-

---

[43] Сводный юридический сборник в приложении к Кормчей книге в Новгородском списке 1493 г., где находится также Список городов русских Новгородской I летописи, является переработкой сборника Археографического типа; сборник Археографического типа в Погодинском списке (ГПБ, Пог. 1572) начала XVI в. представляет собой отрывок рукописи, в котором утрачен конец. Возможно, что этот сборник также находился в конце, в приложении к не дошедшей до нас полностью, сложной по составу рукописи такого типа, как Комиссионный список или сборник Авраамки. Среди четырех списков сборников Бальзеровского типа один (ГБЛ, Унд. 820) сохранился вне летописи. Это также отрывок (тетради 13—15 и начало 16) какой-то большой рукописи.

ваемым здесь опытам *исторических* литературных компиляций опыт *юридической* литературной компиляции, практическое значение которой было ничтожно.

Представляется не случайным различие в порядке следования двух — светского и церковного — комплексов статей в двухчастных юридических сборниках Бальзеровского и Археографического типов. Очевидно, здесь проявилось не только различие в том, кто — церковный или княжеский — редактор составлял эти сборники и включал их в исторические труды. Различной в этих феодальных центрах XV в. была роль главы церкви и князя: в Новгороде главой государства фактически являлся архиепископ и ему принадлежали обширные права, далеко выходящие за пределы, зафиксированные ранними уставами XI—XII вв.; в Москве и верховная, и реальная власть была в руках князя, который в конце XIV—XV в. все более ограничивал церковную юрисдикцию.

У нас нет достаточных свидетельств, чтобы определить, каким образом, через какие летописные своды, вошел юридический сборник Археографического типа в Комиссионный список. Гипотеза М. Д. Приселкова о московском происхождении свода 1430-х годов [44] позволяет объяснить сохранение в московской Софийской летописи юридического сборника с грамотой 1402 г., как и отсутствие его в Новгородской IV летописи: в археографической традиции Новгорода юридические сборники с московскими грамотами 1402 и 1419 гг. не встречаются. В этом случае ко второй четверти — середине XV в. можно отнести замену московского сборника княжеских уставов на новгородский, указанную выше обработку юридических памятников и перестановку двух частей сборника местами. При отнесении этого свода к Новгороду, что обосновывал А. А. Шахматов [45] и поддержал Д. С. Лихачев, история появления в составе летописи московского сборника с грамотой 1402 г. оказывается значительно более сложной. Предполагая соединение летописного текста с юридическим сборником Археографического типа именно в этом своде, мы оказываемся в затруднительном положении при объяснении отсутствия этого сборника в Новгородской IV летописи, лучше представляющей новгородское владычное летописание. Впрочем, возможно также, что ни в составе свода 1430-х годов, ни в приложении к нему юридических статей еще не было и они появились в московских и новгородских летописных трудах лишь несколько позже и из разных, местных источников.

Каждый из этих больших политических центров Руси при создании новых исторических трудов XV в. использует свои традиционные памятники (подтвердительная грамота 1402 г. в Москве, устав князя Всеволода, уставная грамота князя Всеволода Мсти-

[44] *М. Д. Приселков.* Указ. соч., стр. 149—151.
[45] *А. А. Шахматов.* Обозрение..., стр. 155.

славича в Новгороде), или, если это общерусские памятники, восходящие к Древнерусскому государству, то свои обработки их. Таковы Правда Русская Карамзинской группы, Соединенная редакция Закона судного, Краткая редакция устава Ярослава — в Москве, Правда Русская Пушкинской группы, Пространная редакция Закона судного, Пространная редакция устава Ярослава — в Новгороде. Вместе с тем в XV в., может быть, даже в большей степени, чем раньше, идет интенсивный обмен между различными феодальными центрами и распространение памятников, возникших в одних местах, на других территориях. Так, тексты уставов из Литовского великого княжества проникли в Новгород и легли там в основу местных обработок, а новгородский Археографический сборник проник в Смоленск, принадлежавший этому княжеству, где и был переписан вместе с новгородским летописным сводом и литовскими летописями. Текст Правды Русской с новгородским Уставом о мостах переписывался в Москве вместе с московской летописью; при создании Археографического извода устава Ярослава в Новгороде была использована московская Краткая редакция этого памятника. Это говорит о тесных литературных, идеологических, церковно-политических связях, которые существовали между восточнославянскими феодальными государствами Европы в XV в., еще до того, как большая часть их земель была объединена Москвой в Русском государстве.

Возвращаясь от изучения связи летописного текста с юридическими сборниками в составе исторических трудов XV в., к связи их с генеалогическими и персонально-административными списками, нельзя не обратить внимания на то общее, что объединяло все составные части этих трудов. Генеалогия и право, наряду с историей, были теми отраслями гуманитарного знания в средневековье, которые служили наиболее действенным политическим оружием в борьбе феодальных групп и центров между собой. С этим связано то внимание, которое уделялось составлению и изучению генеалогии правящих династий, собиранию и толкованию памятников права, подготовке специалистов в этих науках средневековья. Создание значительных историко-полемических трудов путем соединения в них летописных, генеалогических и юридических сочинений представляется нам конкретной русской формой проявления этой универсальной для средневековья связи истории, генеалогии и права, формой, в которой нашла отражение политическая борьба крупнейших феодальных центров Восточной Европы XV в.

Работа над составлением больших и сложных исторических трудов такого типа относится к эпохе объединения русских земель, когда Москва мобилизует все свое древнее наследство, как и литературное достояние других феодальных центров, для политического обоснования этого процесса и своей ведущей роли в нем, а Новгородское феодальное государство стремится перенять

этот опыт в своей сепаратистской деятельности [46]. Эта работа, начавшаяся в первой половине XV в. с создания московских и новгородских исторических трудов нового типа, после присоединения Новгорода находит продолжение в огромных литературных (Минеи-четьи в Новгороде и в Москве), исторических (Никоновская, Воскресенская и другие летописи), юридических (сводные Кормчие, Судебники) мероприятиях XVI в. по собиранию, систематизации и усвоению своего богатого наследия для его использования как во внутри-, так и во внешнеполитических целях. В свою очередь этот этап развития русской письменной культуры подготовил и следующий — неудовлетворение этим, в большой степени только своим и восточнохристианским вообще наследством и выход за его пределы с более энергичным обращением к культуре других европейских стран в XVII—XVIII вв.

[46] «История русской литературы», т. II. М.— Л., 1945, стр. 257—258.

ПСКОВСКИЕ ЛЕТОПИСИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ПСКОВА XIV – НАЧАЛА XVI В.

А. Л. Хорошкевич

Одной из основных тем исследований А. Н. Насонова были псковские летописи. А. Н. Насонов выдвинул мысль о существовании нескольких летописных сводов — свода 1464 г., представленного Тихановским списком Псковской I летописи, свода 1481 г., наиболее полно отразившегося в Строевском списке Псковской III летописи и, наконец, свода конца 80-х годов XV в., известного по Синодальному списку Псковской II летописи [1].

В отличие от других псковские летописи сохранили довольно много сведений о внешней торговле, внешнеторговой политике города (в частности, договорах), ценах на товары, организации псковского купечества, судьбах его отдельных представителей. Эти указания изредка встречаются как случайные упоминания при рассказе о других событиях, но большей частью включены в летопись в виде самостоятельных заметок. Подобных сведений не содержит ни одна из тех летописей, которые, по наблюдениям А. Н. Насонова, были использованы псковскими летописцами,— ни Новгородская V, ни Новгородско-Софийский свод, представленный Новгородской IV и Софийской I летописями [2].

Поэтому вполне правомерен вопрос об источниках этих сообщений и общих причинах внимания летописцев к вопросам торговли. Ответ на этот вопрос отчасти дал сам А. Н. Насонов, указав, что псковские летописи составлялись при участии псковских посадников или, во всяком случае, под их руководством [3]. Таким образом особенности социально-экономической и политической структуры Пскова наложили отпечаток на характер и организацию летописного дела во Пскове. А. Н. Насонов пошел и дальше. Он отметил, что Тихановский список Псковской I летописи 1469 г., представляющий свод 1464 г., был составлен лицом, близким к купеческому старосте [4].

[1] *А. Н. Насонов.* Введение к вып. I «Псковских летописей». М.— Л., 1941.
[2] *А. Н. Насонов.* Из истории псковского летописания.— «Исторические записки», т. 18, 1946, стр. 273—274.
[3] Там же, стр. 264—265.
[4] *А. Н. Насонов.* Введение к вып. I «Псковских летописей», стр. XXVII, XLIV.

Задача настоящей статьи — проверить эту гипотезу А. Н. Насонова с помощью известий псковских летописей, относящихся к торговле и, в частности, к внешней торговле. Одновременно делается попытка выяснить источники сообщения псковских летописей относительно торговли города и ценность этих материалов для изучения самой торговли.

Если правильно предположение А. Н. Насонова о близости составителя Тихановского списка к купеческому старосте, то можно было бы ожидать, что в Тихановском списке материалы по истории торговли города будут представлены полнее, чем в других редакциях и списках, в особенности за конец 50—60-х годов, т. е. незадолго до составления списка. Сравним известия о торговле, занесенные в Тихановский список Псковской I летописи, с аналогичными сообщениями из других редакций.

Данные о псковской торговле начинаются с 1314 г. Под этим годом Тихановский, Синодальный, Строевский и Архивский I и II списки содержат сообщения о дороговизне хлеба [5]. Это, по мнению А. Н. Насонова, одна из древнейших местных псковских записей [6].

Более систематичны известия о торговле с 1323 г., т. е. со времени возникновения самостоятельного псковского летописания [7]. В 1323 г. немцы нарушили мир, и осенью «избиша Немцы псковичь на миру и гостеи во озере и ловцов на Норове реце» [8]. То же известие находится и в Синодальном списке [9]. Однако о содержании договора 1323 г. псковские летописи не сообщают, хотя можно быть полностью уверенным в том, что переговоры 1323 г. касались и торговли и статуса псковских купцов на территории Ливонии и в водах Чудского озера. Псковские I и II летописи кратко сообщают: «И по том приехаша силнии послове от всея земля Немецкыя во Псков и докончаша мир по всеи псковской воли» [10]. Вряд ли ограничились псковичи урегулированием пограничных вопросов и в 1348 г. с Великим княжеством литовским [11].

О событиях 1363 г. сообщают все три редакции псковских летописей. В ответ на очередное нападение немцев на Псковскую землю в районе Лидвы псковичи задержали немецких гостей: «тогда бяше гость силен немецкыи, и приаша плесковичи немецкыи гость, и выпустиша на другое лето на Воздвиженье, а серебро на них поимаша за головы избьеных» [12]. Псковская II летопись опустила только сообщение о количестве немецких гостей.

Возможно, что и 24 ладьи, утонувшие в Чудском озере в

[5] «Псковские летописи», вып. I, стр. 14; вып. II. М., 1955, стр. 22 и 88.
[6] *А. Н. Насонов.* Из истории псковского летописания, стр. 289.
[7] Там же.
[8] «Псковские летописи», вып. I, стр. 15.
[9] Там же, вып. II, стр. 22.
[10] Там же, вып. I, стр. 15; вып. II, стр. 23.
[11] Там же, вып. II, стр. 26, 99.
[12] Там же, вып. I, стр. 23; вып. II, стр. 27, 103.

1380 г., были также купеческими, хотя ни одна из псковских летописей не характеризует их подробнее [13].

Запись о знаменитом Нибурове мире 1392 г., заложившем основы взаимоотношений Новгорода с ливонскими и ганзейскими городами на весь XV в., и об одновременном заключении аналогичного мира Пскова с их западными соседями и контрагентами очень лаконична: «Взяху мир новогородцы с Немцы, а опроче псковичь; взяху псковичи мир с Немцы особе»[14]. Псковская II пишет более образно: «Новгородци взяша мир с Немци, а псковичь вымириша» [15].

Таким образом, на протяжении всего XIV в. Тихановский, Синодальный и Строевский списки, т. е. все три редакции псковских летописей, дают совершенно одинаковые сведения, восходящие к их общему протографу.

Несколько иную картину дают материалы о торговле XV в. Общи для всех трех редакций лишь известия о денежных реформах 1409 и 1424 гг. Известия о ценах находятся далеко не во всех списках (римскими цифрами обозначены выпуски «Псковских летописей», арабскими — страницы).

Год	Тихановский	Синодальный	Строевский
		Цены на хлеб	
1314	I, 14	II, 22	I, 88
1407		II, 34	II, 115
1409		II, 35	II, 116
1422		II, 39	II, 117
1428		II, 43	II, 124
1434	I, 42	II, 44	II, 129
1464			II, 159
1467			II, 164
1475			II, 200
1485		II, 67	
1498			Копенгагенский I, 292, Архивский II, 252
		Цены на хмель	
1467	I, 71	II, 54	II, 163
		Цены на темьян	
1463			II, 157
		Цены на соль	
1407		II, 34	II, 116
1409		в Русе II, 35	II, 117
1464		II, 54	II, 159
1467			II, 164

[13] Там же, вып. I, стр. 24; вып. II, стр. 29, 106 (цифры во всех сводах разные — 4, 20, 24).
[14] Там же, вып. I, стр. 25; вып. II, стр. 107.
[15] Там же, вып. II, стр. 29.

Сопоставление данных о ценах в трех редакциях псковских летописей показывает, что в Тихановский список не только не внесены дополнительные сведения о ценах, но и опущены те, которые содержались в общем протографе псковских летописей. В 60-е годы, т. е. годы, предшествовавшие изготовлению Тихановского списка, его составитель почти не вносил известий о ценах (так было в 1463, 1464, 1467 гг., исключение составляет лишь запись о дороговизне хмеля в 1467 г.); за 60-е годы наиболее полны сведения о ценах в Строевском списке, а за первую треть XV в.— в Синодальном списке. Целый ряд других известий о торговле также отсутствует в Тихановском списке.

О конфликте 1415 г., когда псковичи задержали немецких гостей во Пскове после ареста псковских купцов в Юрьеве, сообщают только Синодальный и Строевский списки [16].

Об аресте немецких купцов во Пскове весной 1436 г. пишет лишь Строевский список [17]. Он же наиболее подробно излагает взаимоотношения с Юрьевом и другими ливонскими городами на протяжении 1461—1463 гг. [18], хотя последний этап этих переговоров нашел отражение и в Тихановском списке [19].

Только в Псковской III летописи находятся полные данные о внутренней торговой политике — о смене единиц веса во Пскове в 1458 и 1462 гг. И за 70-е годы Строевский список дает очень подробные сведения: о договоре 1474 г. с Ригой и ливонскими городами, о конфликтах с Ригой и Юрьевом в 1478 и 1479 гг. (впрочем, наряду с Погодинским списком) [20].

Богатство Строевского списка данными о торговле заставляет предполагать, что в том источнике XV в., которым пользовался ее составитель дополнительно к протографу псковских летописей, как это установили А. А. Шахматов и А. Н. Насонов, содержалось много материалов о псковской торговле — ее конкретном ходе, внешне- и внутреннеторговой политике, ценах на товары. Этим Псковская III летопись значительно отличается от других редакций, содержащих только те сведения, которые находились в их общем протографе [21].

Отсутствие же целого ряда известий о торговле в Тихановском списке противоречит гипотезе А. Н. Насонова о близости составителя этого списка к купеческому старосте. Скорее можно предположить такую близость у составителя свода 1481 г., легшего в основу древнейшей части Строевского списка, или у составителя его дополнительного источника.

Рассмотрим в связи с этим сведения псковских летописей об

---

[16] «Псковские летописи», вып. II, стр. 36.
[17] Там же, стр. 132.
[18] Там же, стр. 149, 151, 156—157.
[19] Там же, вып. I, стр. 68.
[20] Там же, вып. II, 143, 151, 197, 217, 218.
[21] *А. Н. Насонов.* Введение к вып. I «Псковских летописей», стр. XXXIX.

организации псковского купечества. Они довольно многочисленны [22]. По-видимому, еще в XIV в. все псковское купечество входило в единую организацию, располагавшую общей казной. На средства купечества строилась патрональная купеческая церковь св. Софии [23]. Она существовала уже в первой половине XIV в. В 50-х годах XIV в. на месте прежней была сооружена новая деревянная церковь. В Псковской I летописи это событие отнесено к 1352 г.[23а], в Псковской III — 1354 г.[24], в Псковской II — к 1357 г. [25] В 1357 г.— и в этой дате согласны все три псковские летописи — в церкви св. Софии была установлена «вседенная служба». Храм св. Софии был превращен в соборный, он стал играть первенствующую роль во втором псковском соборе [26].

В XV в. церковь св. Софии была перестроена. В 1415—1416 гг. на месте деревянного здания было воздвигнуто каменное. Его место летописи определяют также по-разному («за Довмонтовою стеною», «в Довмонтовой стене»). По-разному датируют и начало строительства Псковская III («В лето 6924 ... церковь святыа Софьа стараа розбися, а новую начаша делати за Домонтовою стеною» [27]) и Псковская II летописи («В лето 6923 ...Того же лета купци псковскыя разбиша старую церковъ святую Софию и начаша новую делати» [28]). В 1465 г. церковь св. Софии была покрыта железом, весьма дорогим по тому времени и поэтому употреблявшимся только для крупнейших храмов. По-видимому, купеческая организация Пскова могла выделить большие средства для поддержания в порядке своей патрональной церкви. Решение о покрытии церкви было принято, вероятно, с согласия всего псковского купечества — «повелением раба божия старосты купецького Якова Ивановича Кротова и всех рядовичь купцов» [29].

Купеческой казной распоряжались купеческие старосты. С какого времени они появились и каков был порядок их избрания, по летописи сказать нельзя. Однако в сообщениях о перестройке церкви в XIV в. они не упоминаются, в известиях XV в.— обязательно фигурируют. Сколько было старост, также трудно сказать. В 1415—1416 гг. названы двое старост.

---

[22] Часть их собрал А. И. Никитский (*А. И. Никитский.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873, стр. 171—172).

[23] Связь Псковской купеческой «гильдии» с храмом св. Софии отметил А. И. Никитский (указ. соч., стр. 171).

[23а] «Псковские летописи», вып. I, стр. 22.

[24] Там же, вып. II, стр. 102.

[25] Там же, стр. 27.

[26] *А. И. Никитский.* Указ. соч., стр. 172.

[27] «Псковские летописи», вып. II, стр. 120.

[28] Там же, стр. 36. Тот же глагол «разбиша» см. в «Псковских летописях», вып. I, стр. 33.

[29] Там же, вып. I, стр. 71.

Псковская II летопись	Псковская III летопись
В лето 6923... Того же лета мастер Еремеи съверши церковъ камену святых мученицъ Веры, Любве, Надежи и матере их Софии, месяца иуня в 18, па память святого мученика Леонтиа, благословениемь служителя святых мученицъ Ивана священника Хахиловича, а повелениемь купецкых старост Андрея Тимофеевича и Осея и всех купцов [30].	В лето 6924... А того же лета свершише церковь святыа Софиа за Домонтовою стеною, месяца июня 18 при старостех святеи Троицы, Андреи Тимошиничь [31] и при Осьи и при попе Иоане Хахилеве, а при посадникех псковских Ларивоне Доиниковиче и Романе и Иоанъ [32] и Федосе и Микуле [33].

Из всех разночтений Псковских II и III летописей в связи с изучаемой темой наибольший интерес представляет обозначение «должностей» Андрея Тимофеевича (Тимошинича, Тимошкинича) и Осея. На них обратил внимание А. И. Никитский, по мнению которого сообщение Псковской III летописи ошибочно. Если же сообщения обеих летописей правильны, то купеческие старосты являлись одновременно церковными старостами псковской патрональной церкви св. Троицы, в «сенях» которой происходили веча, где собирался городской совет, хранились официальные документы и казна. Купеческие старосты были не церковными старостами своей купеческой патрональной церкви, кстати, по праву считавшейся второй по значению псковской церковью [34], а церковными старостами церкви св. Троицы. Таким образом, они получали доступ к управлению всеми внутренними и внешними псковскими делами.

Возможно, что первоначальное число купеческих старост зависело также от того, что в церкви св. Троицы было два церковных старосты. В 1402 г. «Роман посадник и Арист Павлович старосты святыя Троица поставиша новый крест позлащен на святеи Троицы» [35]. В 1467 г. «побиша железом верх у святеи Троицы, а повелением раб божиих старост Леонтия посадника Макаринича и Юрья Тимофеевича» [36].

К середине XV в. число купеческих старост, видимо, переменилось. В 1465 г. вместо двух назван только один— Яков Ивано-

[30] Вып. II, стр. 36.
[31] В Архивском II списке: «Тимошкиничь».
[32] Как в Архивском II. В Строевском же, видимо, описка: «Иоант его».
[33] «Псковские летописи», вып. II, стр. 120.
[34] На это указывает «адрес» послания митрополита Симона 1504 г. во Псков «Наместнику псковскому князю Дмитрею Володимировичю и всем посадником псковским и собору святыя Троица и собору святыя Софьи и собору святого Николы и всем священником и всем христоименитым господним людем» («Псковские летописи», вып. I, стр. 88).
[35] Там же, вып. I, стр. 26.
[36] Там же, стр. 73.

вич Кротов [37]. В 1463 г. он был церковным старостой одного из приделов церкви св. Троицы, как явствует из записи на евангельских чтениях: «В лето 6971 кончашася книгы сиа нарицаемое евангелие месяца июля в 13 день повелениемь раб божиих старост Благовещения святыа Троици Якова Ивановича, Гаврила Микуленича ... при посаднике Юрьи Тимофеевиче, при посаднике степенном Зиновии Михаиловиче» [38].

В летописи указано, что в качестве купеческого старосты он был главой рядовичей, т. е. купцов, торговавших в псковских рядах.

К началу XVI в. количество купеческих старост увеличилось. В 1510 г. говорится о старостах всех рядов. С жалобой на великокняжеского наместника князя Репню Оболенского, наряду с другими послами, в Москву отправились и «купецких людеи старосты всех рядов» [39]. Сколько в это время во Пскове было рядов, неизвестно. До 1510 г. псковские летописи не называют ни одного ряда. В конце же XIV в. там существовало около 30 рядов [40]. До 10 рядов могло быть во Пскове и в начале века. Был ли староста в каждом ряду, неизвестно.

Об одном из купеческих старост XV в. известно довольно много. Я. И. Кротов принадлежал к именитой боярской семье Пскова [41]. По-видимому, он был внуком Юрия Тимофеевича Винкова, посадничавшего в 1423—1464 гг. [42] В 1465 г. он назван посадником, хотя Б. Б. Кафенгауз, полагаясь на сведения Тихановского списка, датирует начало его посадничества 1461 г. [43] Н. Н. Масленникова, установившая идентичность купеческого старосты и видного государственного деятеля Я. И. Кротова [44], пишет по этому поводу, что во Пскове «боярство было тесно связано с торговлей, от которой в несколько большей степени, чем в других русских областях, зависело богатство бояр» [45].

Пример Я. И. Кротова показывает тесную связь купеческих старост с правящей боярской верхушкой города, из среды кото-

---

[37] Там же, стр. 71.

[38] *М. П. Погодин.* Образцы славяно-русского древнеописания, изд. 1, т. 2. М., 1841, стр. 10.

[39] «Псковские летописи», вып. II, стр. 254 (Архивский список).

[40] «Сборник Московского архива Министерства юстиции», т. V. М., 1913; *Н. Д. Чечулин.* Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889.

[41] Он назван боярином в 1461 и 1463 гг. в сообщениях о посольствах в Юрьев и Москву («Псковские летописи», вып. II, стр. 149, 151). Псковская I летопись, по-видимому, ошибочно называет его посадником уже в 1461 г. (там же, вып. I, стр. 60).

[42] *Б. Б. Кафенгауз.* Древний Псков. Очерки по истории феодальной республики. М., 1969, стр. 39, 43—44.

[43] Там же, стр. 41.

[44] Он был послом в Новгород и Москву, в Литву в 1470 г., в Ригу и Новгород в 1473 г., в Москву в 1474 г. («Псковские летописи», вып. II, стр. 168, 169, 171, 193, 196, 199).

[45] *Н. Н. Масленникова.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955, стр. 47.

рой избирались и псковские посадники. Участвуя в дипломатических переговорах со своими западными — ливонскими, юго-западными — белорусскими и литовскими, северо-восточными соседями — Новгородской землей, псковские бояре, хорошо разбиравшиеся и в купеческих делах, защищали интересы и боярства и купечества города.

Н. Н. Масленникова затрудняется найти объяснение тому, что псковский боярин был одновременно и купеческим старостой. Причина этого заключается, по-видимому, в том, что купеческий староста был одновременно и церковным. В качестве же церковных старост выступают только бояре и посадники.

Весьма возможно, что при церкви св. Софии, как и при церкви св. Троицы и ряде других (ср. приписку летописной формы на псковской лицевой палее церкви св. Рождества [46]), велись погодные записи, причем софийские «летописцы» уделяли значительное внимание торговле. Эти-то записи и могли попасть в дополнительный источник XV в., использованный составителем свода 1481 г.— основы Строевского списка.

Таковы некоторые предположения, которые можно сделать, анализируя сведения псковских летописей относительно внешней торговли.

* * *

Вторая задача настоящей статьи — определить значение летописных известий о торговле как источника по внешней торговле Пскова.

Внешняя торговля Пскова почти не подвергалась изучению [47]. Гибель Тартуского (Дерптского, Юрьевского) архива лишила исследователей возможности восстановить псковскую торговлю по немецким источникам, ибо Дерпт, ближайший ливонский сосед, был постоянным контрагентом Пскова [48]. Кроме того, роль Пскова казалась слишком скромной на фоне деятельности Новгорода Великого. Псковская земля не обладала собственными источниками пушнины и воска, экспортных товаров Руси. Его внешняя тор-

---

[46] «Псковские летописи», вып. II, стр. 302—303.

[47] *М. Н. Бережков.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб., 1879; *А. И. Никитский.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. Сочинение М. Бережкова. СПб., 1879.— «Отчет о двадцать втором присуждении наград графа Уварова». СПб., 1880, стр. 13—63.

[48] *L. K. Goetz.* Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922; *J. Jenšs.* Rīgas pilsētas tridzniecība ar Pliskavu XVI un XVII gs.— «Izglītības Ministrijas Mēnešraksts», 1937, N 1—2; *P. Osten-Sacken.* Der Hansehandel mit Pleskau bis zur Mitte des XV. Jahrhunderts.—«Beiträge zur russischen Geschichte». Berlin, 1907, S. 27—82. Внутреннюю торговлю Пскова подробно охарактеризовала Н. Н. Масленникова (*Н. Н. Масленникова.* Указ. соч., стр. 42—48; см. также *С. М. Каштанов.* Две жалованные грамоты 1510 г. псковским монастырям.— «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 24. М., 1961, стр. 221—256).

говля неизбежно оказывалась в зависимости от внутренних торговых связей — в первую очередь с тем же Новгородом и отчасти с Москвой [49].

Псковские летописи рисуют картину оживленных торговых связей города. Среди направлений псковской внешней торговли летописи особенно подробно говорят о ливонском, выделяя ближайшего соседа — г. Дерпт (Тарту). Однако все более или менее прямые данные о торговле в Дерпте — Юрьеве относятся к XV в. Косвенным свидетельством отношений с Юрьевом является сообщение под 1404 г. о том, что эпидемия — «мор пришол ... из Немецькои земли, из Юриева» [50]. В сентябре 1415 г. на Воздвиженье немцы (по-видимому, в Юрьеве) задержали псковских гостей, в ответ на что псковичи арестовали немецких купцов [51]. Торговля была прекращена на целое лето; она возобновилась только после прибытия юрьевских послов и подтверждения старого мира [52]. В 1420 г. летописи вновь записывают сообщение о появлении эпидемии во Пскове из Юрьева [53]. Псковичи хорошо информированы о значительных событиях и в других местах Ливонии. Так, под 1433 г. в летописи читаем: «Тогда немецкие городке Калывань выгоре весь от молниа» [54]. Под следующим годом в летопись занесена запись о голоде в «Немецкои земле»: «бысть хлеб дорог вельми в Немецкои земли» [55].

Даже в 30-е годы XV в., когда главным русским центром русско-ливонской и русско-ганзейской торговли был Новгород, во Псков приезжало довольно много немцев. Весной 1436 г. (подчеркиваем: весной, когда происходила смена зимних и летних гостей, зимние по последнему снегу возвращались в Ливонию, а летние дожидались открытия навигации по рекам и Чудскому озеру) во Пскове находились 24 немца [56]. После этого сведения о Ливонии и поездках туда псковичей исчезают со страниц летописей вплоть до 1462 г., когда вопреки перемирию со Псковом «немци юрьевци посла псковского Кондрата сотцкого и гостя псковского всадиша в погреб» [57]. Псковские гости были отпущены только после заключения мира в 1463 г. Уже во время переговоров о заключении мира псковичи и московский великий князь, ока-

[49] Впрочем, для Пскова сношения с Новгородом и Москвой были почти такими же внешними, как с Литвой и Ливонией. Поэтому в данной статье рассматриваются и сведения псковских летописей о псковско-новгородских экономических отношениях.

[50] «Псковские летописи», вып. I, стр. 27; вып. II, стр. 31, 111. В данном случае Новгородская IV летопись ограничивается указанием на самый факт эпидемии: «В Пскове бысть мор» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, стр. 395).

[51] «Псковские летописи», вып. II, стр. 36.

[52] Там же.

[53] Там же, стр. 38.

[54] Там же, стр. 44. Колывань — Ревель — Таллин.

[55] Там же, стр. 44, 129.

[56] Там же, стр. 132.

[57] Там же, стр. 151.

завший им помощь, потребовали: «а что Руский конець и святыа церкви, а то им держать по старине и по старым грамотам, а не обидеть» [58]. Речь шла, как установили исследователи, о псковской церкви св. Николая и новгородской церкви св. Георгия, возникших, возможно, еще в XIV в. [59], и так называемом Русском конце в Юрьеве, т. е. в том районе, который прилегал к русским церквам и где снимали помещения псковские и новгородские купцы, приезжавшие в Юрьев [60].

После 1463 г. поездки в Юрьев возобновились и опять во Псков стали проникать эпидемии из Юрьева: в 1465 г. вспыхнула эпидемия, занесенная псковичом, вернувшимся оттуда [61].

Очередное ухудшение псковско-ливонских отношений в 1478 г. [62] привело к аресту псковских купцов в Риге: «Тоя же весны гостя псковскаго местер приял, и много псковичи послов слаша, и отрядиша псковичи Олехна к местеру, и пословал местеру о гости псковском; и отпусти местер гостеи псковских, а товар их на Риге остался» [63]. Это сообщение летописи интересно тем, что в нем впервые упоминается о пребывании псковичей в Риге, хотя, разумеется, этим временем нельзя датировать начало псковских поездок туда.

На следующий, 1479, год неудача постигла 45 псковских гостей [64], находившихся в Юрьеве. Их там было задержали. В связи с началом русско-ливонской войны 1501—1503 гг. «прияша немцы гостя псковьскаго, 25 учанов с товаром и людеи пол-200, не зная крестного целованья» [65].

Судя по приведенным цифрам, торговля Пскова в Юрьеве в конце XV — начале XVI в. приобрела весьма значительные размеры. Для сравнения можно указать, что в Новгороде в момент закрытия Немецкого двора находилось всего 49 немецких купцов [66]. Даже в периоды наибольшего расцвета новгородской торговли в Новгород одновременно редко приезжало больше ста ганзейских купцов [67]. На фоне этих цифр количество псковских купцов, находившихся в Юрьеве в 1501 г.,— 150 человек — производит внушительное впечатление и свидетельствует о развитии активной псковской торговли.

В целом, несмотря на лаконичность и некоторую случайность сведений о псковско-ливонской торговле, псковские летописи ри-

[58] «Псковские летописи», вып. II, стр. 156.
[59] *Н. А. Казакова.* Русь и Ливония 60-х — начала 90-х годов XV в. — В сб.: «Международные связи России до XVII в.» М., 1961, стр. 319.
[60] Там же, стр. 319—320.
[61] «Псковские летописи», вып. II, стр. 161.
[62] *Н. А. Казакова.* Указ. соч., стр. 324—325.
[63] «Псковские летописи», вып. I, стр. 76.
[64] Там же.
[65] Там же, стр. 84—85.
[66] «Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch», Abt. 2, Bd. I. Riga— Moscau, 1900, N 80.
[67] *W. Schlüter.* Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen von XIII. bis XVIII. Jahrhundert. Dorpat — Lübeck, 1914.

суют яркую картину постоянных, хотя и часто прерываемых войнами и пограничными конфликтами, экономических сношений Пскова с Юрьевом (Дерптом) и Ригой. Сам Псков на основании летописных свидетельств предстает крупным торговым центром, немногим уступавшим Новгороду.

В отличие от Новгорода внешняя торговля Пскова не ограничивалась ливонской торговлей. Близость к русским землям в бассейне Двины, вошедшим в XIV в. в состав Великого княжества литовского, предопределила развитие экономических связей Пскова с Белоруссией и Литвой. Псковские купцы, ведя транзитную торговлю, рано вступили в непосредственные контакты с полоцким и смоленским купечеством.

После неудачного похода литовского князя Ольгерда на Новгород и Псковскую волость, во время которого он потерял много людей и коней, правитель и его сын Андрей в 1343 г. задержали всех псковских купцов, находившихся в Полоцке или в Литве [68]. Еще более плачевная участь ожидала псковичей в 1403 г. Немцы Риги, не удовлетворенные исходом рижско-литовских переговоров, нарушив крестное целование, отправились в поход на Полоцкую волость «и псковскии гости побиша на озере на Нещерде (к северо-западу от Полоцка.— *А. Х.*), и товар отъяша, а самых вметаша в озеро девять муж» [69].

В этом же году не посчастливилось и псковичам, отправившимся в Смоленск. Зимой 1402/1403 г. смоленский князь Юрий задержал псковских, а вероятно, как предполагает Н. Н. Масленникова [70], и новгородских купцов, отобрал их товар, а самих купцов продержал в городе до середины лета. Только совместному посольству псковичей и новгородцев удалось добиться их возвращения. Купцы «приидоша пеши, а кони и товар отъят» [71].

Агрессивная по отношению ко Пскову политика Витовта затормозила развитие псковско-литовско-белорусских экономических связей. Упоминания о торговых поездках псковичей в Великое княжество литовское надолго исчезают со страниц псковских летописей. Сообщение о пожаре в Полоцке в 1440 г. [72] восходит, вероятно, к рассказам псковских очевидцев — послов к великому князю Казимиру для заключения договора с ним [73]. Возможно, вслед за заключением этого договора торговые отношения Пскова с Белоруссией и Литвой вновь расширились.

Следующее псковское посольство, явившееся в Полоцк 24 января 1470 г., должно было, по словам летописи, вести перегово-

---

[68] «Псковские летописи», вып. II, стр. 26—27 (под 1349 г.) и стр. 99 (под 1348 г.).
[69] Там же, стр. 110; вып. I, стр. 27.
[70] *Н. Н. Масленникова.* Указ. соч., стр. 42. Новгородские летописи ничего об этом не сообщают.
[71] «Псковские летописи», вып. II, стр. 110.
[72] Там же, стр. 46.
[73] ГВНП, № 335, стр. 321.

ры «о земле и о воде и обо всяких управах» [74], в число которых входили, возможно, и торговые отношения. Следующее посольство ограничивалось только вопросами политических и пограничных взаимоотношений [75].

В Вильне находился так называемый Русский конец и несколько православных церквей. Вероятно, в числе жителей Русского конца были и псковичи. По проторенной псковскими купцами дороге в Литву низовские гости ехали из Пскова в 1477 г. [76]

Как далеко простирались торговые связи псковичей внутри русских земель, трудно сказать. Наиболее подробны сведения о псковской торговле с Новгородом в XV в. В 1421 г. во время наводнения в Новгороде пострадал и Псковский двор: «... а в Новегороде много города подняло, и Псковъскии довор подняло весь ...» [77] Псковичи хорошо были осведомлены и о состоянии соседнего с их двором Немецкого двора в Новгороде, в Псковскую III летопись занесена запись о пожаре Немецкого «речного» двора в Новгороде в 1471 г.[78]

В конце 60-х годов XV в. торговые отношения Новгорода и Пскова были нарушены. У псковских гостей, задержанных в Новгороде, были отняты товары. Только после посольства бывшего купеческого старосты, а теперь посадника Я. И. Кротова в 1470 г. в Москву к Ивану III новгородцы отпустили псковских гостей. На следующий год псковичи — «порубленые люди», т. е. те, которые были задержаны в Новгороде, самосудом взыскали с новгородского посла деньги за ущерб, нанесенный им в Новгороде. Среди этих «порубленых людей» были и купцы [79]. Впрочем, их было, по-видимому, не очень много, судя по той сумме, которую они взыскали с новгородского посла,—$13^1/_2$ рубля.

К псковичам, ближайшим соседям Новгорода и верным союзникам великого князя, Иван III обратился в 1477 г. с требованием подвезти товары и различные припасы для его войска. Псковичи отправили «и хлеб и мед и муку пшеничную и колачи и рыбы пресныа, все сполу покрутив». Кроме этого, «поехали и инии купцы псковьскыа многыа с иным товаром с разноличным с многым» [80]. Каков был этот различный товар, неизвестно. На основании этого и ряда других сообщений летописи Н. Н. Масленникова делает правильный вывод, что главным товаром псковской внутренней торговли был хлеб [81].

Последнее свидетельство о псковско-новгородских экономических отношениях предшествует присоединению Пскова к Русско-

[74] «Псковские летописи», вып. II, стр. 169.
[75] Там же, стр. 179.
[76] Там же, стр. 210—211.
[77] Там же, вып. I, стр. 34. Новгородские летописи о Псковском дворе ничего не сообщают (НПЛ, стр. 413; ПСРЛ, т. IV, вып. 2, стр. 429—430).
[78] «Псковские летописи», вып. II, стр. 185.
[79] Там же, стр. 174.
[80] Там же, стр. 214.
[81] *Н. Н. Масленникова*, Указ. соч., стр. 43—44.

му государству. Псковичи узнали о намерениях великого князя в 1510 г. от «Филипа Поповича от купчины от псковитина; и он ехал к Новугороду и стал у Веряжи, и услышав тую злую весть и оставя товар, и погонил ко Пскову» [82].

Несомненно, псковско-новгородские отношения в области торговли были гораздо интенсивнее, чем можно представить себе по псковским летописям. Однако и они показывают, как тяжело отражались на торговле любые политические конфликты Пскова и Новгорода, связанных общими интересами в области внешней торговли.

Относительно связей Пскова с Москвой летописи почти не сохранили известий. Исключение составляет лишь запись под 1422 г., когда во время голода во Псков приезжали купцы изо всех районов Руси: «и тферичи и москвичи и, просто рещи, съ всеи Рускои земли». Одновременно во Псков приходили и «новгородци, Корела, Чюдь, Вожани» [83]. Вероятно, среди «низовских» гостей, устремившихся из Новгорода во Псков в 1478 г., были и московские купцы [84]. Итак, судя по псковским летописям, нельзя сказать об интенсивности псковско-московских экономических отношений.

В целом летописи дают некоторое представление об основных направлениях псковской внешней торговли. Об ее ассортименте они сообщают лишь постольку, поскольку торговля отдельными товарами оказывалась предметом внешнеполитических переговоров. В связи с договором 1474 г. появляются упоминания о пиве и вине. Отныне следовало «во Псков... корчьмы, пива и меда не пущати» [85], ибо торговля этими напитками была монополией наместника, как полагает Н. Н. Масленникова [86].

Частые сообщения о ценах на соль свидетельствуют о том, что она была важнейшим товаром на псковском рынке. Цены на соль известны за 1407, 1464, 1467, 1475 и 1498 гг. В 1407 г. указано: «соли по осми мордок и по гривне пуд» [87]. К сожалению, метрологические системы домонетного периода еще не изучены, поэтому цену 1407 г. нельзя сопоставить с более поздними. В 1464 и 1467 гг. пуд соли во Пскове стоил 3 деньги [88], в 1475 г.— 3,5 [89], в 1498 г. мех соли — 35 денег [90], а пуд — 4,6 денег (мех соли должен был весить 120 кг). Таким образом, в 1498 г. была самая высокая цена соли. Может быть, это объясняется временным за-

---

[82] «Псковские летописи», вып. II, стр. 255.
[83] Там же, стр. 39.
[84] Там же, стр. 210–211.
[85] Там же, стр. 196—197.
[86] *Н. Н. Масленникова.* Указ. соч., стр. 43.
[87] «Псковские летописи», вып. II, стр. 116.
[88] Там же, стр. 159, 164.
[89] Там же, стр. 200; см. также *А. С. Мельникова.* Псковские монеты XV в.— «Нумизматика и эпиграфика», т. IV. М., 1964.
[90] «Псковские летописи», вып. II, стр. 252.

претом ввоза соли на Русь, который был введен великим князем Иваном III около 1498 г.[91]

В целом цена соли во Пскове представляется довольно устойчивой, что, вероятно, было следствием регулярности сношений Пскова с Ливонией, откуда во Псков, как и в другие города северо-запада, поступала французская (байская) и испанская соль.

Некоторые данные сообщают псковские летописи и о порядке торговли во Пскове. Вплоть до присоединения Пскова к Русскому государству тамга во Пскове не взималась[92]. Существовал и институт «извожников»[93] и «подводщиков»[94]. Они не ограничивались только перевозкой купеческих товаров, но и выполняли другие поручения по перевозке. Так, псковские «подводщики» везли к новгородской границе приданое Софьи Палеолог во время ее первого путешествия по России. К сожалению, по летописям нельзя сказать, имели ли извозчики и подводщики какую-либо организацию, подобно новгородским ладейщикам[95].

По отдельным намекам летописей можно судить о специализации и разделении в среде псковского купечества. Под 1463 г. упоминается Иуда «суконник»[96]. Ко второй половине XV в. во всех крупных городах России уже выделились купцы, ведшие крупную оптовую торговлю импортными с запада сукнами.

Наряду с ними продолжали существовать и в середине XV в. попали на страницы летописей мелкие и средние купцы — или ведшие торговлю в рядах — рядовичи, или сами путешествовавшие со своим товаром в другие города. Так, Филипп Попович в 1510 г. оказался под самым Новгородом, он вез туда свои товар[97–98].

Предпринятые во второй половине XV в. попытки регулирования единиц веса, употреблявшихся в торговле, привлекли внимание летописца. В конце 50-х годов псковские власти увеличили меру веса — зобницу и ползобенья. В 1458 г. «прибавишя псковичи зобници и палицю привишили к позобенью»[99]. Н. Н. Масленникова рассматривает эту реформу как меру в интересах псковских черных людей, покупавших хлеб на рынке[100].

Однако она имела, вероятно, и другое значение — в плане борьбы русского купечества за равные с ливонскими купцами условия торговли. Русские меры, как это известно на примере

---

[91] Сб. РИО, т. 35. СПб., 1882, стр. 261.
[92] «Псковские летописи», вып. II, стр. 258.
[93] Там же, стр. 214.
[94] Там же, стр. 191.
[95] См. подробнее: *Н. А. Казакова.* Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в.— «Исторические записки», т. 28, 1949, стр. 111—115.
[96] Толкование Н. Н. Масленниковой этого термина как ремесленной специальности (*Н. Н. Масленникова.* Указ. соч., стр. 49) представляется неверным.
[97—98] «Псковские летописи», вып. I, стр. 68—69; вып. II, стр. 156, 255.
[99] Там же, вып. II, стр. 143.
[100] *Н. Н. Масленникова.* Указ. соч., стр. 35.

Новгорода, были значительно меньше ливонских [101], поэтому ливонское купечество, покупая у русских воск, постоянно выигрывало на его перепродаже, если даже цены на русском и ливонском рынках не многим отличались друг от друга [102]. Однако эта мера сулила псковичам осложнения во внешних сношениях и большие убытки псковским боярам во внутренней торговле. Поэтому она встретила противодействие старых посадников. Псковская III летопись отмечает, что реформу псковичи провели «при посадниче степенном Алексее Васильевиче, а старых посадников избив на вечи» [103].

Затруднения и во внешней и во внутренней торговле были, по-видимому, настолько велики, что возврат к прежним единицам веса, произошедший в 1462 г., накануне заключения договора с Юрьевом, прошел, судя по летописи, безо всяких эксцессов. В 1462—1463 гг. «посадник псковскыи степенныи Федор Никифоровичь отнял у ползобенья палицу» [104].

Этим сообщением можно закончить обзор сведений псковских летописей о внешней торговле города, указав, что летописи позволяют выяснить основные направления псковской внешней торговли, некоторые географические пути, по которым она проходила, определить формы организации купечества, тесную спаянность купеческой верхушки с боярско-посадничьими кругами, с одной стороны, и с церковными властями, с другой.

Возможно, при церкви св. Софии велись какие-то заметки, использованные и в протографе псковских летописей и в дополнительном источнике Строевского списка. Однако предположение А. Н. Насонова о близости составителя Тихановского списка к купеческому старосте материалами этого же списка, касающимися торговли, не подтверждается.

---

[101] *И. Э. Клейненберг.* Унификация вощаного веса в новгородско-ливонской торговле XV в.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 82—93.

[102] *М. П. Лесников.* Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV и начале XV в.— «Исторические записки», т. 39, 1952, стр. 259—278.

[103] «Псковские летописи», вып. II, стр. 143—144.

[104] Там же, стр. 151.

ЛЕТОПИСАНИЕ XV В. И КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Я. С. Лурье

Летописные своды второй половины XV в. были открыты А. А. Шахматовым. Ряд сводов этого периода (свод 1472 г., свод 1479 г.) он связывал с великокняжеским летописанием; другие своды, которые позволяли себе «независимое суждение о политике великого князя», А. А. Шахматов склонен был возводить к ростовскому владычному летописанию. Ростовским сводом он считал, например, Ермолинскую летопись, где читается иронический рассказ об обретенных в 1463 г. ярославских чудотворцах (в этих чудотворцев, по другим сведениям, не верил и ростовский архиепископ Трифон), а под 1396 г. помещен (как и в ряде других летописей) список ростовских владык, продолженный до второй половины XV в.[1] К разным редакциям ростовского владычного летописания А. А. Шахматов возводил и другие летописи, совпадающие рядом известий (в частности, известием о ярославских чудотворцах) с Ермолинской: Новгородскую летопись по Хронографическому списку, не изданную в то время летопись из Погод. собр. № 1409, Софийскую I летопись по списку Царского, «Отрывок русской летописи» по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку и, кроме того, Софийскую II, Львовскую, Типографскую и Тверскую летописи[2].

Широкой схеме ростовского владычного летописания XV в. противоречили уже некоторые наблюдения самого А. А. Шахматова. Исследуя Типографскую летопись, А. А. Шахматов показал на многих примерах, что эта летопись действительно была связана с Ростовом и в особенности с архиепископом Вассианом. Но в Типографской летописи не обнаруживается на всем ее протяжении никаких совпадений с Ермолинской — а между тем именно эта последняя была, по предположению А. А. Шахматова, сводом архиепископа Вассиана[3].

---

[1] ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 157—158; ср. стр. 135.

[2] *А. А. Шахматов.* Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904; *он же.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.— Л., 1938, стр. 146—150.

[3] Типографскую летопись см.: ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921; ср. *А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 284—301. Нет в Ермолинской летописи ростовских известий, которые содержатся в другом своде, связанном с Ростовом,— в Московско-Академическом списке Суздальской летописи (ср. там же, стр. 222—228).

Очень много сделал для исследования летописной традиции XV в., независимой от великокняжеской власти, А. Н. Насонов. Прежде всего А. Н. Насонов доказал, что общерусское летописание, противостоящее великокняжеской власти, существовало во второй половине XV в. и помимо Ростова. Исследуя свод, лежащий в основе Софийской II и Львовской летописей, А. Н. Насонов пришел к выводу, что этот свод не только не отражал летописания ростовских владык, но в ряде случаев выступал против них, защищая позиции митрополита Геронтия [4].

Последние работы А. Н. Насонова были специально посвящены Ермолинской летописи. Сравнив Ермолинскую летопись с Московским сводом 1479 г., А. Н. Насонов показал, что в основе обеих летописей лежит общий источник. Источник этот, отразившийся на всем тексте с XII по первую четверть XV в., не был ростовской выборкой из митрополичьего свода начала XV в., как думал А. А. Шахматов, а представлял собой особый общерусский свод середины XV в., составленный при митрополитах Феодосии и Филиппе (между 1464 и 1472 гг.) [5].

Итак, источник основной части Ермолинской летописи (более $^2/_3$ всего текста) — свод середины XV в., не ростовский владычный, а общерусский (митрополичий) свод: именно к этому своду восходит, очевидно, перечень ростовских владык под 1396 г. [6] Но что представляет собой текст Ермолинской летописи после 1425 г.— ее последняя часть, имеющая, как отметил уже А. А. Шахматов, общий источник с рядом других летописей? Летописи, содержащие сходные с Ермолинской известия середины XV в., мы знаем теперь лучше, чем прежде. Летопись из собрания Погодина № 1409 издана под именем «Сокращенного летописного свода 1493 г.»; издан также близкий к ней «Сокращенный летописный свод 1495 г.» [7]. Сравнив общий текст этих двух летописей и близкий к ним текст Новгородской летописи по Хронографическому списку и Софийской I по списку Царского (этот общий текст он условно назвал «Сокращенным сводом») с Ермолинской летописью, А. Н. Насонов отметил черты сходства и раз-

---

[4] *А. Н. Насонов.* Летописные памятники Тверского княжества.— «Известия АН СССР». Отделение гуманитарных наук, 1930, № 9, стр. 714—721.

[5] *А. Н. Насонов.* История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969, стр. 260—274; ср. *он же.* Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись.— В кн.: «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961, стр. 218—222.

[6] В своде 1479 г. перечень владык под 1396 г., несомненно, восходит к «своду Феодосия—Филиппа» —в предшествующем своде 1472 г. перечень этот (вслед за Софийской I) был опущен (ср. *А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 159, прим.). В летописях, которые А. А. Шахматов возводил вместе с Ермолинской к Ростовскому владычному своду («Сокращенный свод»), перечня владык нет.

[7] ПСРЛ, т. XXVII. М.— Л., 1962, стр. 165—367.

личия между ними [8]. В Ермолинской летописи, по мнению А. Н. Насонова, может быть обнаружен ряд ростовских известий. Однако известия эти содержатся среди «уникальных отступлений» Ермолинской летописи от текста, общего с «Сокращенным сводом». «Основной источник Ермолинской летописи имел свои специфические особенности, а «Сокращенный» общерусский свод — свои. Круг интересов составителя основного источника Ермолинской летописи определялся кругом интересов ростовской владычной кафедры»,— писал А. Н. Насонов [9]. Иного происхождения протограф «Сокращенного свода». Отметив, что мнение А. А. Шахматова по этому вопросу не было устойчивым, А. Н. Насонов приходил к выводу, что «нельзя считать доказанным, что Ростовский владычный свод лежал в основании таких сводов, как список Царского, Новоиерусалимский Воскресенский «Отрывок», Хронографический список Новгородской IV летописи и Погодинский № 1409» [10]. Но наличие какого-то общего источника «Сокращенного свода» и Ермолинской летописи (для известий XV в.) остается все-таки несомненным фактом. «...Не подлежит сомнению, что в части до 1472 г. общерусская летописная основа «Сокращенного» свода имела общий протограф с Ермолинской летописью, или, вернее, с общерусским источником ее основной части»,— писал А. Н. Насонов [11].

Что же представлял собой этот общерусский свод — протограф Ермолинской летописи, с одной стороны, и «Сокращенного свода» (мы будем употреблять этот термин в том же смысле, что и А. Н. Насонов), с другой? Оставляя пока в стороне вопрос об «уникальных отступлениях» Ермолинской от этого протографа, мы хотели бы установить состав и характер восходящих к нему известий.

Совпадение известий Ермолинской летописи (далее — Е) и «Сокращенного свода» (далее — СС) обнаруживается уже под 6936 г. (известие о порховской дани); далее сходны известия 6939 (описание засухи), 6941, 6942 (ссылка великих княгинь в Рузу), 6943, 6949 (убийство «Мятля Порховского»), 6950, 6951, 6953, 6954 гг. (участие «троецьких старцев» в заговоре Шемяки). Совпадения под следующими годами (наряду с различиями) отмечены уже А. Н. Насоновым [12]. В основном сходны тексты 6955,

[8] *А. Н. Насонов.* История русского летописания, стр. 336—345. А. Н. Насонов привлек к этому сравнению также Устюжский свод (Архангелогородскую летопись) (ср. «Устюжский летописный свод». М.— Л., 1950), который он считал отражением «Сокращенного свода» в редакции 1474 г. (*А. Н. Насонов.* История русского летописания, стр. 346—350).

[9] Там же, стр. 346.

[10] Там же, стр. 322.

[11] Там же, стр. 341. Отклонения от этого общего протографа имел в виду А. Н. Насонов, когда писал, что в Ермолинской известие об Ощере дано «в смягченном виде» (стр. 308), а в рассказе о Беклемишеве «обличительная сторона устранена» (стр. 310) и что в «Сокращенном своде» запись о ярославских чудотворцах «передана в сокращенном виде» (стр. 338).

[12] Там же, стр. 341—345.

6956, 6957 (пленение Стефаниды и Козловой-Морозовой), 6958 (гибель Горсткина), 6959, 6961, 6962, 6963, 6964, 6966, 6968, 6969, 6970, 6971, 6972, 6977, 6978, 6979, 6980 гг.

Значительный фонд общих известий Е и СС дает возможность представить состав и характер их источника — того общерусского свода, существование которого признавал А. Н. Насонов. Мы можем утверждать, что в ряде случаев текст его лучше передан в Е: в СС мы наблюдаем явные черты сокращения общего протографа. Несомненно, например, что рассказ о ярославских чудотворцах 6971 г. читался уже в общем протографе исследуемых летописей. Ирония, кощунственная игра словами «прощати — прощение» (то в смысле чудес от мощей, то в смысле вынужденного отказа ярославских князей от их вотчин) свойственна общему тексту всех летописей; следующая за этим в СС фраза «после того у них Иван Сухой чюдеса почал творити» представляет собой очень неудачное сокращение иронической фразы Е о «новом чудотворце» — княжеском наместнике Иване Сущем, «отписывавшем» ярославские земли. Если бы первичным был рассказ СС, то пришлось бы считать, что уже в протографе обоих текстов присутствовала ирония, но выраженная темно и непоследовательно; составитель же Е счастливо связал разорванные замечания своего оригинала и улучшил его рассказ. Гораздо вероятнее предположить обратное — принадлежность остроумного рассказа оригиналу обоих текстов и его «цензурную» (или скорее «самоцензурную») обработку в СС.

Более последовательными и первичными представляются и известия Е о казни серпуховских бояр и смерти Василия Темного в 6970 г. В оригинале обоих текстов, несомненно, читался сохранившийся в Е рассказ об измене Кулодаря Ирешского Василию II в 6950 г.— без этого рассказа непонятно имеющееся в обоих текстах известие о наказании Кулодаря. Тому же оригиналу принадлежат и известия, рисующие в героическом свете московского боярина Федора Басенка: в обоих текстах Басенку приписывается успех в войне с татарами в 6963 г. и с новгородцами в 6964 г. (в великокняжеском летописании эти события описаны совершенно иначе), и в Е и в СС сообщается (в отличие от великокняжеской летописи) о попытке новгородских «шильников» убить Басенка в 6968 г. Можно поэтому считать, что и другие известия о Басенке, эпитет «удалой» и подробности нападения «шильников» на него, содержащиеся в Е, принадлежат протографу обоих текстов.

В некоторых случаях мы можем, однако, предполагать первичность текста СС по сравнению с Е. В обоих текстах содержатся рассказы о неудачных действиях московских воевод: известие о том, что воевода Перхушков «норовил» вятчанам и потому не взял Вятку в 6966 г., о неудачных казанских походах в 6976, 6977 и 6978 гг. и о бегстве воеводы Беклемишева из осажденного татарами Алексина в 6980 г. (в великокняжеском летописа-

нии все эти события описаны совершенно иначе) [13]. Но в СС странное поведение Перхушкова объясняется тем, что он «поимал» у вятчан «посулы» (взятку); эта важная деталь хорошо объясняет известие следующего года, сохранившееся на этот раз только в Е,— о заточении Перхушкова; очевидно, в протографе содержались оба известия о Перхушкове, тесно связанные между собой. Первичным представляется и текст СС под 6980 г., более пространный и последовательный, чем в Е (неудача объясняется здесь лихоимством воеводы Беклемишева, требовавшего от жителей Алексина «посула» за защиту города). Если мы будем считать первичным краткое известие Е, то нам, как и в предыдущих случаях, придется предполагать двукратное обращение летописи (сперва общего оригинала обоих текстов; затем — оригинала СС) к истории с Беклемишевым; гораздо вероятнее предположить, что развернутый рассказ о нападении на Алексин читался в общем протографе и был сокращен в Е [14].

Общерусский свод — протограф Е и СС — отразился также в Софийской II и Львовской летописях, отражающих, по убедительному предположению А. Н. Насонова, свод 1489 г., связанный с митрополитом Геронтием. Здесь читаются известия общего протографа Е и СС за 6936, 6939, 6941, 6949, 6955 (в Львовской еще 6958), 6959, 6962, 6964, 6967, 6968, 6969, 6970 и 6980 гг. [15] В большинстве случаев текст Софийской II — Львовской близок к СС. С СС совпадают также два известия Софийской II — Львовской летописей, отсутствующие в Е и во всех других летописях: 6938 г. (съезд «со всех земель» у Витовта) и 6939/40 г. (приезд Василия II из Орды в сопровождении «Монсырь улана»). Но известие о казни серпуховских бояр в 6970 г. дано в Софийской II — Львовской в более развернутой форме, чем в СС, и частично совпадает с Е. Кроме того, в Софийской II — Львовской под 6968 г. читаются дополнительные подробности пребывания Басенка в Новгороде, отсутствующие в СС, но не совпадающие и с Е [16].

---

[13] Наличие всех этих мест в Е не позволяет нам согласиться с мнением А. Н. Насонова, что в этой летописи нет «иронических выпадов по адресу московской военной администрации» (*А. Н. Насонов*. История русского летописания, стр. 322—323).

[14] Отметим, что в этом же рассказе СС князь Василий Михайлович именуется «удалый» — тот же самый эпитет, который употреблен в Е по отношению к Басенку под 6964 г. и Горсткину под 6958 г. Очевидно, этот эпитет принадлежит общему оригиналу Е и СС.

[15] ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 119—276; т. XX, 1-я и 2-я пол. СПб., 1910—1914; ср. *А. Н. Насонов*. История русского летописания, стр. 307—310. Текст Софийской II и Львовской летописей за 6953—6960 гг. в основном не совпадает.

[16] К общему источнику Е—СС может быть отнесено еще известие Софийской II — Львовской об измене Г. Протасьева в 6945 г. (отсутствующее в остальных летописях), ибо оно связано с известием Е—СС об аресте и ослеплении Протасьева в 6947 г.; сходное известие читается под 6946 г. в Устюжском своде, близком к СС.

В целом оригинал Софийской II — Львовской («свод 1489 г.») передавал текст источника Е и СС — общерусского неофициального свода начала 70-х годов — менее последовательно, чем обе эти летописи; в ряде случаев тенденции «свода 1489 г.» были прямо противоположны тенденциям протографа Е — СС (ср., например, благоговейный рассказ о ярославских чудотворцах в Софийской II — Львовской и связанную с этим противоречивую характеристику Трифона под 6955 и 6971—6975 гг.) [17]. Однако «свод 1489 г.» пользовался протографом Е—СС (в редакции, более близкой к СС) самостоятельно и сохранил благодаря этому некоторые известия, не включенные в Е и СС.

Текст этого общерусского свода, сохранившийся в Е, СС и других летописях, не дает оснований связывать его с ростовским владычным летописанием: в летописях, отражающих этот оригинал, даже не упоминается архиепископ Дионисий, занимавший ростовский престол в 6926—6935 гг., ничего не сообщается о поставлении Ефрема (6935 г.) и Трифона (6970 г.) (в Типографской летописи, связанной с Ростовской епископией, соответствующие данные приведены полностью). Но если никаких признаков близости к владычной кафедре мы в этом своде не находим, то связь его с Ростовской землей представляется вероятной. Уже А. А. Шахматов обратил внимание на то, что скептическое отношение к ярославским чудотворцам, обнаруженное этим сводом, совпадает с позицией архиепископа Трифона. Но до своего пребывания на владычном престоле (который он занимал 5 лет и вынужден был оставить в 1467 г.) Трифон был — значительно дольше (12 лет) и успешнее — игуменом Кирилло-Белозерского монастыря.

Именно этот период деятельности Трифона получил отражение в интересующем нас своде: здесь подчеркивается решающая роль кирилловского игумена (и отрицательная роль троицких монахов) в освобождении Василия Темного и его выступлении против Шемяки в 6955 (1447) г. С Кирилло-Белозерским монастырем был связан и персонаж, занимающий видное место в рассказе того же свода,— Федор Басенок: попавший в опалу и ослепленный в 6971 (1463) г., Басенок был сослан в Кириллов монастырь и провел там последние семь лет жизни (любопытно в связи с этим отметить, что наиболее критичные по отношению к великокняжеской власти рассказы Е—СС за 6970/71 г. приходятся как раз на время падения Басенка). Покровителями Кириллова монастыря были верейско-белозерские князья Михаил и Ва-

---

[17] Противоречива в «своде 1489 г.» и оценка казни боярыни Марии Мамоновой: под 6951 г. здесь приведен совпадающий с Е—СС рассказ, в котором эта казнь описана как немотивированный и, очевидно, несправедливый поступок князя Ивана Можайского (в Е — «сжегл безлеп»), а под 6988 г. летописец, осуждая Григория Мамона, сообщает, что «матерь его князь Иван Ондреевичь Можайской за волшевство сжег».

силий, роль которых в военных действиях 6953 и 6980 гг. специально отмечалась в Е—СС. Перхушков, упомянутый под 6966 г., происходил из семьи, два члена которой были монахами Кириллова монастыря, но сам он был вкладчиком соседнего монастыря — Ферапонтова [18]. Кулодарь Ирешский, лишившийся дьячества в Москве в 6950 г. при обстоятельствах, описанных в Е—СС, попал на Белоозеро и был дьяком князя Михаила, а затем перешел к его брату и политическому противнику Ивану Можайскому [19].

Связь общерусского свода, отразившегося в Е и СС, с Кирилловым монастырем обнаруживается, таким образом, в целом ряде его известий. Подтверждается ли такая связь археографическими данными? Нами обнаружены два списка Сокращенного свода 1495 г. (Мазуринской летописи), помеченные как летописцы Кириллова монастыря,— ГИМ, Синод. № 938 (XVI в.) и ЛОИИ, ф. 11 (Археографическая комиссия), № 249 (XVII в.). Кроме того, С. А. Левиной обнаружен фрагмент Сокращенного свода 1495 г. (конца XVII — начала XVIII в.) — ГИМ, Собр. Уварова, № 567; а Б. М. Клоссом — еще один (первой половины XVI в.) — ГБЛ, Муз. № 5837 [20]. В Кирилловом монастыре был составлен также сокращенный текст Е, дошедший в двух списках — ЛОИИ, ф. 11, № 247 и ГИМ, Синод. № 486 (XVI в.) [21].

---

[18] АСЭИ, т. II. М., 1958, № 330, ср. там же, № 100, 145, 146, 173 (Евфимий-Перхушков); *Н. А. Казакова.* Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина.— ТОДРЛ, т. XVII. М.— Л., 1961, стр. 200 (Феодосий Перхушков).

[19] АСЭИ, т. II, № 167; ср. ДиДГ, № 51, стр. 155.

[20] *Я. С. Лурье.* Источник «Сокращенных летописных сводов конца XV в.» и Устюжского летописца.— «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972, стр. 121; *С. А. Левина.* Тринадцатый список Воскресенской летописи.— «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969, стр. 97, прим. 13; *Б. М. Клосс.* О времени создания русского Хронографа.— В сб.: «Древнерусская литература и русская культура XVIII—XX вв.» (ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, стр. 246). Все четыре списка не были учтены при издании летописи. Текст летописи Синод. № 938 обрывается на 6975 г. (л. 117 об.); он сокращен по сравнению с опубликованным текстом. Еще более сокращенный текст (но с рядом дополнений; 6666 г.— построение Москвы и др.) дает ЛОИИ, ф. 11, № 249 (лл. 45—101 об.); после известия 6999 г. (поставление Зосимы) следуют отдельные записи и текст сближается с кирилло-белозерскими летописчиками (см. ниже, прим. 24). Текст Сокращенного свода 1495 г. в Уваровском № 567 (лл. 1—14 об.) доведен до 1350 г. и представляет собой реставрацию утраченного начала текста Воскресенской летописи. В списке Музейном № 5837 сокращенный свод 1495 г. продолжен до 1526 г. (с приписками, кончающимися на известии 1533 г. о смерти Василия III).

[21] Ср. ПСРЛ, т. XXIII, стр. IV—V. Текст Кирилло-Белозерского списка близок к Е до 6523 г., далее он последовательно сокращен. По своей структуре список сходен с Прилуцкой и Уваровской летописями (ПСРЛ, т. XXVIII. М.— Л., 1963): после 6925 г. здесь следует текст, близкий к московскому великокняжескому летописанию. Под 6935 и 6936 гг. вставлены известия о Кирилле Белозерском и Никоне Сергиевском. Ср. *М. Н. Тихомиров.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, стр. 33—34.

Но все это — рукописи XVI—XVII вв., передающие уже не протограф Е—СС, а основанные на нем летописи. Большой интерес для установления связи интересующего нас свода с Кирилло-Белозерским монастырем представляет другой памятник — найденный и опубликованный А. Н. Насоновым сокращенный «Летописець русский», основной список которого (Синод. № 941) написан в конце XV в.; список этот имеет помету: «Летописец Кириллова монастыря Белозерского» [22]. Первая часть «Летописца русского» (соответствующая «Повести временных лет») не обнаруживает специфической близости к какому-либо определенному своду; дальнейший текст с начала XIII в. до 6927 (1419) г. сходен с Московско-Академическим списком Суздальской летописи; в последней части (начиная с 30-х годов XV в.) летописец содержит ряд известий, общих Е и СС. Это известия 6939, 6956, 6957, 6959, 6968, 6969, 6971 [23], 6977 и 6979 гг. Сходство с Е не заканчивается в летописце 6980 (1472) г., продолжается дальше — вплоть до 6989 (1481) г. (далее следуют приписки до 6999 г.) [24], но Е не может считаться его источником. Против этого говорит не только отсутствие совпадений до XV в., но и существенные расхождения в последней части: под 6946 г. в «Летописце русском» читается, например, чрезвычайно редкое известие об участии митрополита Исидора (будущего униата) в похоронах княгини Евпраксии, содержащееся только в Софийской II — Львовской летописях (в Е и СС его нет) и непосредственно восходящее, очевидно, к интересующему нас общерусскому своду — протографу Е, СС, Софийской II и Львовской летописей.

Где был составлен «Летописец русский»? Помета «Летописец Кириллова монастыря Белозерского» сделана на списке иным почерком, чем его основной текст [25]; запись эта поэтому не может считаться бесспорным доказательством кирилло-белозерского происхождения текста. Но у нас есть более определенное доказательство связи «Летописца русского» с кирилло-белозерской тра-

[22] *А. Н. Насонов.* Летописный свод XV века (по двум спискам).— В кн.: «Материалы по истории СССР», вып. 2. М., 1955, стр. 273—321. Другой список «Летописца» (ГБЛ, Муз. № 3841, XVI в.), привлеченный А. Н. Насоновым, обрывается на 6827 г. Неполный текст этого же летописца (6923—6994 гг.) обнаружен Б. М. Клоссом в списке ГБЛ, Муз. № 3271 (текст опубликован: *И. М. Кудрявцев.* Сборник последней четверти XV — начала XVI в. из Музейного собрания.— «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 25. М., 1962, стр. 285—288); другой неполный текст (6923—6989 гг.) обнаружен нами в списке (XVI в.) ГИМ, Чуд. № 274 (лл. 389 об.— 397).

[23] Текст состоит из одной фразы: «Явишася чюдотворцы в Ярославле», но это начало именно текста СС—Е (в великокняжеских сводах: «обретени быша мощи...»; в Софийской II — Львовской: «лежаху три князи... и егда въсприаша мощи...»).

[24] Характерно, что на последних словах, совпадающих с Е («в разъхыщение и погыбель»), заканчивается текст в списке Чуд. № 274 (см. прим. 22). Очевидно, именно до этого места доходил общий источник Е и «Летописца русского».

[25] А. Н. Насонов (Летописный свод XV в., стр. 280) датирует эту запись XVII в., М. Н. Тихомиров (указ. соч., стр. 38) — XVI в.

дицией XV в. В нескольких сборниках Кирилло-Белозерского монастыря сохранился текст местного краткого летописчика; его древнейшие списки относятся к XV в. и написаны руками известных монастырских книгописцев — Ефросина [26] и Гурия Тушина [27]. Основной текст этого летописчика доходит только до 6939 г. (далее следуют с нарушением хронологии отдельные записи от 6917 до 6967 г.); в пределах этого текста летописчик оказывается кратким, но последовательным конспектом найденного А. Н. Насоновым «Летописца русского», включая его заголовок, первую часть, текст, совпадающий с Московско-Академическим списком, и кончая 30-ми годами XV в. [28]

Мы можем предполагать, таким образом, что свод, отражающий (полностью или частично) общий протограф Е, СС и других летописей, уже в 70-х годах (когда написан сборник Ефросина с его летописчиком) [29] находился и использовался в Кирилло-Белозерском монастыре. Около 1481 г. общий протограф Е и «Летописца русского» (судя по дате, с которой начинается расхождение этих памятников) лег в основу Е — летописи, составленной для прославления строительной и архитектурной деятельности В. Д. Ермолина. При составлении оригинала этой летописи в текст были включены сведения, отражающие интересы заказчика,— не только известия о строительной деятельности самого Ермолина, но, как убедительно предположил А. Н. Насонов, и другие известия о строительстве и иконописании на Руси [30].

[26] *А. А. Зимин.* Краткие летописцы XV—XVI вв.— «Исторический архив», т. V. М.— Л., 1961, стр. 22—27. Р. П. Дмитриева установила, что опубликованный текст краткого летописца (из сборника ГПБ, Погод. № 1554) представляет собой отрывок, вырванный (вероятно, П. М. Строевым) из сборника Ефросина, где сохранилось (ГПБ, Кир.-Бел. № 22/1099, л. 15 об.) начало летописца (*Р. П. Дмитриева.* Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве».—В сб.: ««Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла». М.— Л., 1966, стр. 251, прим. 78).

[27] *Н. А. Казакова.* Указ. соч., стр. 198—200. Текст краткого летописчика в списке Тушина (ГПБ., Соф. № 1468) продолжен до 7031 г. (он включает известия о конце жизни Басенка —ср. стр. 207); аналогичный текст, но продолженный еще далее — до середины XVI в.,— читается в сборнике ГПБ, Погод. № 1566 (лл. 48—61) и, как дополнение к своду 1495 г., в сборнике ЛОИИ, ф. 11, № 249 (лл. 100 об.— 102).

[28] Сходство это частично отмечено уже А. Н. Насоновым (Материалы и исследования по истории русского летописания.— В кн.: «Проблемы источниковедения», т. VI. М., 1958, стр. 257—259); однако указанные А. Н. Насоновым совпадения между кратким летописчиком, Московско-Академическим списком и Е за XIV век не доказательны, так как все соответствующие места (как доказал впоследствии сам А. Н. Насонов) заимствованы Е из «свода Феодосия—Филиппа». Текст, сходный с «Летописцем русским», см. также в летописчике ГИМ, Син. № 951.

[29] Сборник Кир.-Бел. № 22/1099 по водяным знакам и тексту довольно точно датируется 70-ми годами XV в. (*Я. С. Лурье.* Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV в.— ТОДРЛ, т. XVII. М.— Л., 1941, стр. 132—133 и 139).

[30] А. Н. Насонов связывал с Ермолиным известия об иконописании и строительстве XII—XIII вв. (История русского летописания, стр. 318). К этой

Не были ли при этом вставлены в Е и некоторые известия, относящиеся к Ростовской земле? На такую возможность указывают как будто обнаруженные А. Н. Насоновым «уникальные отступления» Е от СС, связанные с Ярославлем, Угличем, Устюгом и другими городами Ростовско-Ярославской земли [31]. Дополнительное редактирование оригинала Е в Ростовской земле представляется нам возможным, но не обязательным. Ни одно из отмеченных А. Н. Насоновым уникальных известий не имеет черт вторичности; все они могли поэтому читаться уже в общем протографе Е—СС и быть исключенными в оригинале СС.

Предположение о кирилло-белозерском происхождении общерусского свода — оригинала Е—СС — объясняет и связи этого свода с Ростовско-Ярославской землей и его независимый характер. Официальный владычный свод, составленный уже после удаления (в 1465 г.) с престола Трифона, не верившего в ярославских чудотворцев, едва ли мог позволить себе скептическое отношение к этим чудотворцам (а заодно к присоединению ярославских земель); столь же странно звучали бы в этом своде иронические замечания о великокняжеской политике и действиях московских воевод. Совсем иные возможности были у кирилловских книгописцев — таких, как упомянутый выше Ефросин, заносивший в свои сборники много такого, чего нельзя было «честь в зборе» и показывать «многим» [32]. В подобной «келейной» традиции легко мог найти свое место свод, составленный единомышленниками опального Трифона и собеседниками ослепленного Басенка.

Роль Кириллова монастыря как одного из важных центров летописания отмечалась в литературе [33]. В этом монастыре и сложился, по нашему мнению, свод, выразивший «независимое суждение о политике великого князя» и получивший довольно значительное — хотя также неофициальное — распространение.

же группе могут быть отнесены, по нашему мнению, и подробности о «сведении верха» ростовской церкви в 6919 г. и об изготовлении колоколов в 6920 г. в Ростове (ср. *А. Н. Насонов*. Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 266).

[31] *А. Н. Насонов*. История русского летописания, стр. 329—335. Из числа отмеченных А. Н. Насоновым известий только одно (6944 г.) связано с ростовским владыкой; все остальные касаются отдельных местностей Ростовско-Ярославской земли.

[32] Ср. *Я. С. Лурье*. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV в., стр. 155—156, 166—168.

[33] *Н. Ф. Лавров*. Заметки о Никоновской летописи.—ЛЗАК, вып. 1 (XXXIV). Л., 1927, стр. 76; *М. Д. Приселков*. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 164.

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ И ИСТОЧНИКАХ АКАДЕМИЧЕСКОГО ХРОНОГРАФА

Н. А. Мещерский

Академическим хронографом условно называем тот хронографический сборник всемирно-исторического содержания, который представлен списком XVI в., ныне хранящимся в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде [1]. Рукопись была открыта В. И. Срезневским в 1902 г. и до того принадлежала Вологодскому архиерейскому дому. Впервые подробное описание рукописи было осуществлено тогда же В. И. Срезневским [2]. Вслед за тем хронографом заинтересовался В. М. Истрин, вскоре опубликовавший специальное исследование об этом памятнике [3]. Позже этот же ученый уделил несколько страниц нашему хронографу в своем трехтомном труде о Хронике Георгия Амартола, поскольку по данным списка представляется возможным проследить за историей текста названного переводного произведения на русской почве [4].

Так как нам в ряде работ приходилось уже затрагивать тексты отдельных частей Академического хронографа, то в них нередко содержатся упоминания о названном памятнике [5]. Последнее по времени и наиболее точное описание рукописи принадлежит В. Ф. Покровской [6].

---

[1] БАН, № 45.13.4.

[2] *В. И. Срезневский.* Отчет о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии.— ИОРЯС, т. VIII, кн. 4. СПб., 1903, стр. 109—123.

[3] *В. М. Истрин.* «Хронограф» Академии наук 45.13.4 (из Вологды).— «Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете», т. XIII, Византийско-славянский отдел, VIII. Одесса, 1905, стр. 313—341.

[4] *В. М. Истрин.* Книги временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. II. Пг., 1922, стр. 404—408.

[5] См., например: *Н. А. Мещерский.* «Рыдание» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод.— «Византийский временник», т. VII. М., 1953, стр. 78—79; *он же.* К вопросу об изучении переводной письменности киевского периода.— «Ученые записки Карело-финского педагогического института», т. II, вып. 1. Петрозаводск, 1956, стр. 204—206; *он же.* «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.— Л., 1958, стр. 16, 141—142; и др.

[6] «Исторические сборники XV—XVII вв. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР», т. 3, вып. 2. Составили А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М.— Л., 1965, стр. 7—13.

Уже В. И. Срезневским было замечено, что рукопись БАН 45.13.4 до малейших подробностей совпадает по составу и содержанию с другой рукописью XV в. из бывшего собрания графа А. С. Уварова № 3 (18), хранящейся в ГИМ в Москве [7]. Действительно, совпадения между обоими списками разительны, и ряд мелких подробностей позволяет убедиться, что Академический хронограф может быть признан копией Уваровского, поскольку этот последний, несомненно, старше Академического списка по времени написания.

Затем летописная часть хронографа названного вида попала в поле зрения М. Н. Тихомирова и была им опубликована по Уваровскому списку [8].

Содержание тождественных между собой Академического и Уваровского хронографов совпадает в подавляющем большинстве составляющих их статей еще с одной рукописью, датируемой началом XVI в. На близость последней к двум ранее названным впервые было обращено внимание мною. Это список бывшего книгохранилища Троице-Сергиевой лавры, впоследствии поступившего в библиотеку Троицкой духовной семинарии, а затем в библиотеку Московской духовной академии и, наконец, ныне находящегося в Отделе рукописей ГБЛ в Москве [9]. Совпадение по составу между всеми тремя сборниками оказывается полным, за исключением самой последней части: «Книга Таин Еноховых» (так называется краткая редакция апокрифической книги Еноха в ее славянской версии) [10]. Это произведение имеется в первых двух рукописях и отсутствует в третьей.

Как было отмечено В. М. Истриным, Академический хронограф представляется сложным сводом, в котором механически объединены три основных составляющих его раздела: 1) Ветхозаветные библейские книги, завершающиеся текстом книги Есфирь; 2) Пространное компилятивное произведение «Плѣны Иерусалимли: прьвое Навходъсорово, другое Антиохово, третие Титово», т. е. повествование о трех разорениях Иерусалима — вавилонским царем Навуходоносором в 586 г. до н. э., сирийским царем Антиохом Епифаном в 168 г. до н. э. и римским полководцем Титом Флавием в 70 г. н. э.; 3) «Александрия»

---

[7] *Леонид*, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. I. М., 1893, стр. 5—8.

[8] *М. Н. Тихомиров*. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, стр. 69 и 161—174.

[9] «Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Св. Троицкой Сергиевой Лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии)», вып. 2. Труд архимандрита Леонида. М., 1887, стр. 1—5. Рукопись № 1 (12) датируется по записи «дачи митрополита Варлаама» временем 1511—1521 гг.

[10] Об этом см.: *Н. А. Мещерский*. К истории текста Славянской книги Еноха.— «Византийский временник», т. XXIV. М., 1964, стр. 91—108.

(имеется в виду текст так называемой «Хронографической Александрии» по ее первой редакции) [11]. Это перечисление, разумеется, слишком суммарно и нуждается в существенных уточнениях.

Что касается первого раздела в Академическом хронографе, то он представляет собой текст ветхозаветных книг не по паремийным чтениям, положенным в православном богослужении, а текст, использовавшийся в качестве материала для домашнего чтения и служивший к пополнению хронографических памятников для изложения событий всемирной истории. Перевод этих библейских книг, восходящих к тексту греческой библии, «Септуагинты», по-видимому, был осуществлен в Болгарии в начале X в. Текст же паремийских чтений, по всей видимости, восходит еще к кирилло-мефодиевскому периоду.

Как отмечено исследователями, текст Пятикнижия Моисея в нашем сборнике разделяется на части не в соответствии с традиционным для христианской библии делением на главы, а в соответствии с еврейской синагогальной практикой: в составе книги Бытия выделено 12 разделов, отмеченных цифрами на полях рукописи; в составе остальных четырех книг Пятикнижия — по 10 разделов. Деление это совпадает с разделением еврейского масоретского текста на «параши», т. е. на отрезки, читаемые при синагогальном богослужении [12]. Подобное же разделение ветхозаветного текста встречается и в некоторых других древнерусских списках Пятикнижия, например в рукописи Кирилло-Белозерской, № 1/6 в ГПБ в Ленинграде и в других.

Порядок следования ветхозаветных «исторических» книг, как и в ряде других списков, определялся в Академическом хронографе как «Десятикнижие»: после пяти книг Моисея в качестве книги шестой следует книга Иисуса Навина, седьмое место принадлежит книге Судей, восьмое,— книге Руфь, девятая книга — «Театровасилион», т. е. все четыре книги Царств; наконец, десятое место принадлежит тексту книги Есфирь [13]. Подобный порядок установился еще по крайней мере в киевскую эпоху, если не ранее, так как хронографическая запись, сохраненная вышеназванной рукописью, восходит ко времени князя Всеволода Большое Гнездо [14].

Текст книги Есфирь восходит не к греческому тексту Септуагинты, как остальные книги Ветхого завета, а к еврейскому масоретскому оригиналу. Перевод книги Есфирь был осуществлен не в Болгарии, а в Киевской Руси, не позднее конца XI — на-

---

[11] *В. М. Истрин.* Хроника Георгия Амартола, т. II, стр. 404.

[12] «Исторические сборники XV—XVII вв.», стр. 8.

[13] См., например, рукопись Троице-Сергиевского собрания (ныне — в ГБЛ), № 2 (2027), на пергамене XIV в.

[14] *И. И. Срезневский.* Древние памятники русского письма и языка, изд. 2. СПб., 1882, стр. 89.

чала XII в.[15] В Академический хронограф[16] перевод книги Есфирь оказался включенным в позднейшей переработке, произведенной на русской почве не ранее XV в. Правка эта заключалась в следующем: по сравнению с более древними списками перевода, его язык подвергся искусственной славянизации, в частности слова с корнем «полон» в большинстве случаев соответственно заменяются словами с корнем «плен» (см. гл. 2, ст. 6); ряд пропусков в тексте древнейших списков восполнен по оригиналу (гл. 2, ст. 12 и гл. 3, ст. 10); исправлены названия стран Индия и Эфиопия (гл. 1, ст. 1 и гл. 8, ст. 9); если в древних списках эти страны названы соответственно «Од [Одуд]» и «Хус», то в Академическом хронографе читаем «Индія» и «Кушь»; имена придворных царя Ахазвероса, читающиеся в древних списках (гл. 4, ст. 21) как «Бихъванъ и Вафесъ», заменены на «Бихванъ и Терешь», при этом и название их титула, переданное в древних списках словом «тивунъ», исправлено на «староста» (заметим при этом, что если в древних списках еврейская буква «шин» систематически передается как «с», то в Академическом хронографе вместо этого в ряде мест видим на ее месте букву «ш»). Все это свидетельствует о повторном обращении правщиков XV в. к масоретскому оригиналу[17].

Второй раздел Академического хронографа («Плѣны Иерусалимли») был в свое время во всех подробностях проанализирован В. М. Истриным. Ему удалось установить источники почти всех составных частей этой исключительно сложной текстовой мозаики. Однако при этом происхождение отдельных компонентов произведения все же осталось неясным. Так, первая часть компиляции «Первое пленение Навуходоносорово» оказалась составленной из 25 различных по своему происхождению отрывков. Среди источников, из которых сложилось это повествование, В. М. Истрин правильно отождествил такие произведения, как ветхозаветные библейские книги (4-я книга Царств, книги Иеремии и Варуха, книга Даниила), апокрифическая «Повесть о пленении Иерусалима» (при Иеремии и Варухе), опубликованная в свое время Н. С. Тихонравовым по списку XVI в. из Великих четьих-миней митрополита Макария[18]; наконец, целый ряд выдержек из славянского перевода Хроники Георгия Амартола. Весь этот сложный сплав объединен рядом редакторских «скреп», обличающих единую авторскую руку русского книжника[19].

---

[15] *Н. А. Мещерский.* К вопросу об изучении переводной письменности..., стр. 207.

[16] Здесь и далее название «Академический хронограф» применяется нами для обозначения произведения по всем его спискам: Академическому, Уваровскому и Троицкому.

[17] *Н. А. Мещерский.* К вопросу об изучении переводной письменности..., стр. 205—206.

[18] «Памятники отреченной русской литературы» (собраны и изданы Н. С. Тихонравовым), т. I. СПб., 1863, стр. 284—297.

[19] *В. М. Истрин.* «Хронограф» Академии наук..., стр. 314.

Но при этом отдельные куски текста остались без точного определения их источников. К числу таких принадлежит, например, особое сказание о царствовании иудейских царей Иехонии и Седекии, читающееся на лл. 198-в и сл. в Академическом хронографе. Приведя в своей статье текст данного открывка полностью, В. М. Истрин добавляет: «Источник сказания мне неизвестен» [20].

Со своей стороны мы можем заметить, что содержание названного сказания весьма близко к тексту 4-й книги Царств, гл. 25, статьи — 1—7, однако значительно отличается от него по языку и стилю. Приведем для сопоставления несколько отрывков:

4-я книга Царств	Сказание
5. И бысть, въ лѣто девятое царства с его, въ мцъ десятый, приде Навуходоносоръ царь Вавилонскій, и вся сила его на Іерусалимъ: и обступи его отвсюду, и создаша окрестъ его боиницы. И бысть градъ во облежаніи до первагонадесять лѣта царства Седекіина, с девятого дне мца. И превозможе во градѣ гладъ, и не бысть хлѣба людемъ земли тоа [21].	... и быс в десятое лѣто црства его в с десятыи днь десятаго мца, повелѣ Навухдоносоръ црь Вавилонскій и вся сила его с во Иерлимъ и створиша острогъ окртъ его, и оградиша и четверорожным камением окртъ его, и приде во обсѣдение до единаго на десят лѣта с с цря Седекия в 9 днь пятаго мца. И утвердися гладъ в градѣ и не бяше хлѣба тоземным.
6. И пояша царя, и приведоша его къ царю Вавулонску въ Ревлаоу: и гла съ ним судъ:	с ... и яша цря и приведоша и в Де[а]валфанъ къ Навходоносору, и сопрѣ-
7. И сыны Седекіины закла пред очима его, и очи Седекіины изободе, и связа его узами и отведе его в Вавулонъ.	с ся с ним яростию црь, запеже пре- с стоупилъ клятву гню. И посѣчен быс Седекия пред очима его и вся князи Іюдины иссѣче в Девлафѣ...

Как наглядно следует из сравнения двух параллельных текстов, сказание вольно передает содержание 4-й книги Царств, допуская значительные отступления и добавления. Замена топонима «РевлаѲа» (евр. רִבְלָתָה) названием «Де[а]валфанъ» («в Девлафѣ» — местный падеж) указывает на возможность перевода сказания с какого-то еврейского оригинала, так как в еврейском квадратном письме буквы «реш» и «далет» в их начальной форме очень близки друг к другу, что делает вероятным их смешение и взаимную замену при прочтении. С другой стороны, конечное «нъ» в имени «Де[а]валфанъ» могло бы свидетельст-

[20] *В. М. Истрин.* «Хронограф» Академии наук..., стр. 317.

[21] Текст 4-й книги Царств дается по синодальному церковнославянскому переводу. Пользуюсь изданием XVIII в. без даты и места выхода.

вовать и о посредничестве какого-либо греческого перевода, поскольку в данном написании могла бы отразиться греческая форма винительного падежа с флексией «v».

Не были возведены В. М. Истриным к какому-либо определенному источнику также довольно многочисленные вставки в текст апокрифической повести «О плепении Иерусалима». Текстология названного произведения остается еще совсем не изученной, равно как и его источники и происхождение. Однако весьма заметен еврейский элемент этой повести, несмотря на отдельные черты христианизирующего мировоззрения, проявляющиеся особенно заметно в ее заключительной части.

Не были отождествлены в статье В. М. Истрина и некоторые другие источники компиляции, как, например, «Сказание о взятии и ослеплении Седекии» [22], своеобразный рассказ о жене царя Иехонии, которая по ходатайству жены Навуходоносора после обращения иудейских вельмож с просьбой к этой властительнице была допущена в тюрьму к заключенному там пленному Иехонии, так как у последнего иначе не осталось бы наследников и род царя Давида пресекся бы [23]. Заметим, что идентичный рассказ читается и в тексте Летописца Еллинского и Римского по его второму виду [24]. Еврейское происхождение обоих названных источников не вызывает сомнений.

Не меньше материалов подобного рода обнаруживается и в другой части компилятивного сказания, во «Втором плепении Иерусалима Антиохом». Из числа восьми составных элементов названного сказания остались без точного отождествления в работе В. М. Истрина два больших отрывка: «О мучении Елеазара и семи братий» и «О восстании Маттиага иерея» [25]. Как нами уже было показано в другой нашей работе, источником обоих названных отрывков, без сомнения, может быть признана книга «Иосиппон», средневековая еврейская хронография, охватывающая события «от начала мира» до разорения Иерусалима Титом [26].

Следы непосредственного перевода с еврейского оригинала легко обнаруживаются в языке обоих повествований. Это, во-первых, своеобразная передача собственных личных имен, отступающая от обычной славяно-византийской традиции, и, во-вторых, характерные для семитских языков синтаксические конструкции с предложным управлением. Так, имя наместника царя Антиоха в Иерусалиме систематически передается как «Полифосъ», а не как «Филипп» (евр.: פִּלִיפּוֹס); имя священника Маттафии — «Мататиагъ» (евр.: מַתִּתְיָה).

---

[22] *В. М. Истрин.* «Хронограф» Академии наук..., стр. 323.
[23] Там же, стр. 325.
[24] Ср. *П. А. Казакова* и *Я. С. Лурье.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.— Л., 1955, стр. 285.
[25] *В. М. Истрин.* «Хронограф» Академии наук..., стр. 326—327.
[26] *Н. А. Мещерский.* «История Иудейской войны»..., стр. 141—142.

Необычны также синтаксические конструкции с предлогом «к» вместо нормального для славянского языка дательного падежа без предлога: «оставлю по мънѣ храбръство и къ людемъ своимъ Израилю» (л. 217-б), «мы душѣ нашѣ къ смерти дахомъ» (л. 218-а) и многие другие.

Визуальное сопоставление с еврейским текстом книги «Иосиппон» тоже не оставляет сомнений в использовании русским автором названного источника:

«Iosippon». кн. III, гл. 6, стр. 188 [27]	Л. 218-в
ויאמר אליה הטלך אשה טובי המול על חילד הזה ורחמי אתפרי בטנך ופתי אותו כרבדיד לעשות רצוני והיה זח לד לפליטה	с̃ И возва црь матери его и рече: «Помилуй нынѣ дѣтя се, жено добрая, и помилуй плодъ чрева своего. И обласкай его створити хоть мою, и будеть тебѣ олѣкъ».

К сожалению, объем статьи не позволяет привести более пространные сопоставления, однако, как нам кажется, и произведенное сравнение текстов достаточно убедительно.

В Академическом хронографе заключительный компонент данного раздела «Третье пленение Титово», сохранившийся полностью в списках Летописца Еллинского второго вида, оказался замененным текстом т. н. «отдельной редакции» древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» [28]. Таким образом, источник еврейского происхождения, восходящий к VI книге «Иосиппона», оказался вытесненным относительно поздно. В свою очередь перевод «Истории» Иосифа Флавия вошел в состав Академического хронографа, уже будучи осложнен присоединением к нему «Рыдания» Иоанна Евгеника. Вслед за этим произведением прибавлена еще дополнительная статья «О втором создании Иерусалима и церкве», извлеченная из Хроники Георгия Амартола и уже фигурировавшая в составе хронографа выше, в повествовании о втором пленении Иерусалима. Все эти подробности дают в руки исследователей нити для уточнения времени возникновения памятника в его целом.

«Рыдание» Иоанна Евгеника посвящено оплакиванию захвата византийской столицы турками, т. е. оно появилось на греческом языке не раньше 1453 г.; русский же перевод проник в Новгород

---

[27] ומיפוך בר־גיורי sive Josephus Hebraicus», Ed. a. Jo. Frederico Breithaupto. Gothae et Lipsiae, 1710, p. 188. Подстрочный перевод: «И сказал ей царь: «Жена добрая, смилуйся над младенцем этим и пощади плод чрева твоего, Словами своими заставь его исполнить желание мое, и да будет он тебе остатком»».

[28] *Н. А. Мещерский*. «История Иудейской войны»..., стр. 154—155.

уже к 1468 г., будучи там соединен с текстом перевода «Истории» Иосифа Флавия. Следовательно, включение всего данного литературного комплекса в состав Академического хронографа могло произойти не ранее 70-х годов XV в. Terminusamte quem для включения определяется временем не позднее конца того же столетия, поскольку к этому периоду относится изготовление Уваровской рукописи.

Таким образом, время составления памятника в целом — это 70-е — 90-е годы XV в. Соблазнительно ставить возникновение этого произведения в связь с деятельностью новгородско-московских еретиков, однако для такого предположения нет прямых оснований, так как памятник пользовался самой широкой популярностью в строго православных кругах и в XVI в. после разгрома и осуждения ереси.

В заключение скажем, что Академический хронограф в значительно большей мере заслуживал бы названия «Иудейского хронографа», чем то компилятивное произведение, сохранившееся в Архивском и Виленском списках XVI в., которое в свое время так было названо В. М. Истриным [29]. Академический хронограф не только излагает исторические судьбы еврейского народа «от создания мира» до разорения Иерусалима римлянами, но и делает это путем глубокого проникновения в подлинные еврейские источники. Это стремление ad fortes, несомненно, роднит общественно-литературные движения на Руси в конце XV в. с одновременно развивавшимся западным гуманизмом. Однако делать какие бы то ни было обобщающие выводы из этого факта неосторожно до полного и основательного изучения всех доступных нам памятников.

[29] *В. М. Истрин*. Александрия русских хронографов. М., 1893, стр. 317—361.

ХРОНИКА БЫХОВЦА

М. А. Ючас

Хроника Быховца до сих пор не перестает быть загадкой. Единственный ее список с оборванным началом и концом исчез, после того как его опубликовал в 1846 г. Т. Нарбут [1]. Недоверчивость историков к публикациям и работам инженера по профессии, романтика-историка по призванию Т. Нарбута породила мысль о возможной фальсификации этой Хроники [2]. Правда, в польской историографии Хроника Быховца не ставилась в ряд с другими фальсификатами Т. Нарбута. Голос К. Ходыницкого о сочинении Т. Нарбутом Хроники был единственным и нетвердым, он обещал дать подробный разбор Хроники, но не выполнил этого. О. Галецкий назвал Хронику «ошибочным и тенденциозным источником», но считал, что этот источник видели и использовали М. Стрыйковский и А. Коялович [3]. Советские историки Р. Шалуга и Н. Н. Улащик решительно высказались в пользу аутентичности Хроники [4]. Им удалось доказать, что Т. Нарбут действительно имел рукопись Хроники и издал ее.

В последнее время появился ряд работ, в которых делается попытка определить круг деятельности автора и то, чьи интересы он представлял. Представляет интерес статья И. Радзишевской, в которой она утверждает, что Хронику написал молодой М. Стрыйковский между 1565—1570 гг. [5] Однако негативная оценка унии в Хронике, как правильно отметил Ю. Бардах, и антипольские идеи никак не совмещаются с позитивной оценкой унии и католичества у М. Стрыйковского [6]. Автор Хроники был право-

[1] «Pomniki do dziejów litewskich». Wilno, 1846.

[2] *K. Chodynicki.* Ze studjów nad dziejopisarstwem Rusko-Litewskiem.— «Ateneum Wileńskie», t. III. Wilno, 1926, str. 387.

[3] *O. Halecki.* O początkach szlachty i heraldyki na Litwie.— «Kwartalnik Historyczny», 1915, r. 29, zesz. 1/4, str. 200.

[4] *R. Šaluga.* Bychovco kronika.— «Lietuvos TSR Mokslu Akademijos darbai», Ser. A (6), 1959, p. 149—153; «Хроника Быховца». М., 1966. Однако некоторые исследователи, опираясь на работу К. Ходыницкого, называют в числе фальсификаций Т. Нарбута и хронику Быховца (*J. Tazbir.* Fałszerstwa historyczne w Polsce w XIX w.— «Przegląd Historyczny», Warszawa, 1966, t. 57, 4, str. 590—591).

[5] *J. Radziszewska.* W sprawie autorstwa tzw. Latopisu Bychowca.— «Zeszyty Naukowe Wyższej Skoły Pedagogicznej w Katowicach», Prace historyczne, 1967, N 2, s. 55—62; см. также «Kwartalnik Historyczny», 1968, № 1, s. 151.

[6] *J. Bardach.* Studia z ustroju prawa W. X. Litewskiego XIV—XVII. Bialystok, 1970, s. 78—83.

славным, а по своим идеям близок к литовским панам. М. Стрыйковский же — католик и представитель шляхетской демократии.

Новый взгляд на Хронику высказал И. Охманьский. Полемизируя с Н. Н. Улащиком, полагающим, что Хроника возникла в начале XVI в. в православном кругу Слуцкого князя, И. Охманьский утверждает, что Хроника сложена из трех частей. Общую редакцию же выполнил четвертый автор, и не в начале XVI в., когда она обрывается, а позже, во второй половине XVI в.[7] Однако И. Охманьский не мог объяснить, что побудило к составлению такой общей редакции, кто ее автор или в каком кругу она составлена. И. Охманьский разделил Хронику на три части: до 1440 г., Хронику Гоштовтов и до 1508 г. (Хроника обрывается на 1506 г.). Автором двух первых частей был литовец, говоривший по-польски, из среды князей Гольшанских и Гоштовтов, писавший еще при жизни Альбрехта Гоштовта в 1522—1539 гг., третья же часть Хроники написана в 1510—1514 гг. автором православным, но патриотом Литвы.

Перевод на литовский язык и подробный комментарий Хроники дал Р. Ясас. Автор попытался установить круг людей (Гоштовтов, Гольшанских и Друцких, между собой родственных), в среде которых были написаны не только Хроника, но и пространная литовская летопись. Хроника Быховца, как утверждает Р. Ясас, является заключительным этапом пространной редакции литовских летописей и ответом на польскую хронику Меховита. Дополнения же к спискам пространной редакции летописей (до 1548 г.) не являются органической частью, и они написаны позже. Хроника Быховца написана не позже 1525 г. и без дополнений пространной редакции[8]. Тем не менее в истолковании Хроники Быховца остается много неясного и спорного[9].

Ниже мы попытаемся ответить на вопросы о времени создания Хроники, ее составных частях и авторе.

* * *

В Хронике излагается история Великого княжества литовского; в частности, история родственных между собой семей Гольшанских и Слуцких князей и панов Гоштовтов. Во второй половине XV — начале XVI в. они определяли внутреннюю и внешнюю политику Литвы. Польский историк Я. Якубовский, полемизируя с И. А. Тихомировым, утверждавшим, будто родина Хроники Волынь, предполагал, что ее автор находился в самых близких отношениях с родом Слуцких князей. Он писал: «Нет сомнения, что

[7] *J. Ochmański.* Nad Kroniką Bychowca.— «Studia Źródłoznawcze», 1967, XII, s. 155—163.

[8] «Lietuvos metraštis, Bychovco Kronika». Vilnius, 1971, p. 10, 28—30.

[9] По указанным Т. Нарбутом водяным знакам — карась и инициалы «GG»— бумагу следует датировать не XVII, а началом XVIII в., причем это не литовская, а прусская бумага (*E. LauceviČius.* Popierius Lietuvoje XV—XVIII a. Vilnius, 1967, N 4127).

Слуцк или вообще близкая к Литве русская земля была родиной этого летописца. Может быть, язык Хроники Быховца, в котором имеется много украинских выражений, дал повод нашему критику думать, что вся Хроника, а особенно последняя ее часть, возникла на том месте, где был распространен украинский язык» [10].

Лексические особенности Хроники, прекрасное знание хронистом мест в окрестностях Слуцка, особые симпатии его к князю Семену Михайловичу Слуцкому и, наконец, изображение Новогрудка как политического центра Литвы дали возможность Н. Н. Улащику высказать предположение, что местом возникновения Хроники была Западная Белоруссия или район Новогрудок — Слуцк [11].

Б. Н. Флоря, как и И. Охманьский, утверждает, что не вся Хроника, а лишь ее заключительная часть продолжена в записях конца XV — начала XVI в. при дворе Слуцких князей Олельковичей. Вставки же в «Летопись великих князей литовских» до середины XV в. сделаны современником вильнюсского воеводы Яна Гоштовта. В целом появление Хроники автор относит к 50—60-м годам XVI в.[12]

В самом деле, события последней части Хроники связаны с жизнью и борьбой князя Слуцкого, но хроника в целом далека от возвышения рода князей Слуцких. Ниже приведем некоторые факты, подтверждающие эту мысль. Внук Ольгерда Александр Владимирович Олелька владел Киевом с 1443 по 1455 г. Его сын Семен сидел в Киеве до 1470 г. Он был женат на дочери Яна Гоштовта Марии (1458 г.). После смерти Семена Олельковича в 1471 г. в Киев был послан наместник короля Мартин Янович Гоштовт [13]. Брат Семена Михаил Олелькович не получил Киева. Автор Хроники не пытался обосновать права Олельковичей на Киев. Он писал: «Died ich kniaź Wołodymir behał na Moskwu y tam probenał atczyznu» [14]. Более того, автор Хроники не старался обосновать права ни Олелька, ни его сыновей на престол Литвы после убийства в 1440 г. Жигимонта Кейстутовича. Главным в польско-литовских отношениях середины XV в. был спорный вопрос о землях Подолии и Волыни. После того как Казимир под нажимом польских панов признал эти земли польскими, в Литве образовалась оппозиция Казимиру. Автор же Хроники обошел молчанием тот факт, что в 1456 г. литовские паны даже выдвинули на литовский престол кандидатуру Семена Олель-

---

[10] *J. Jakubowski.* Studja nad stosunkami narodowościowemi na Litwie przed unją Lubelską. Warszawa, 1912, str. 89—90.

[11] «Хроника Быховца», стр. 24, 26—28.

[12] *В. Н. Флоря.* О «Летописце Быховца».— В кн.: «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, стр. 135—144.

[13] *J. Długosz.* Historia Poloniae, t. V. Kraków, 1870, p. 515.

[14] ПСРЛ, т. XVII, СПб., 1907, стб. 549.

ковича. Об этом упоминают М. Стрыйковский [15], М. Бельский [16], А. Коялович [17]. М. Стрыйковский указывал, что князья Олельковичи Слуцкие, потомки Ольгерда, имели герб Погони и Колумнов и были обижены на короля, сделавшего их отчину Киев провинцией Литвы [18].

В Хронике всячески возвышается род магнатов Гоштовтов. Это дало повод С. Смольке [19], затем К. Ходыницкому [20], С. Кучинскому [21] и другим авторам утверждать, что Хроника служила подтверждению генеалогической истории этой семьи. С. Кучинский высказал мысль, что Хроника могла быть написана в среде вильнюсских францисканцев [22].

Нам представляется, что автор Хроники был близок Гольшанскому князю Павлу. Он был одним из самых богатых вельмож Литвы и родственником литовских аристократов. Альбрехт Мартынович Гоштовт (умер в 1539 г.), вильнюсский воевода и канцлер Литвы, был сыном Гольшанской княжны Анны [23]. Павел Гольшанский в 1522 г. завещал Альбрехту Гоштовту и его сыну (после своей смерти) свою часть в Гольшанах [24]. Альбрехт фактически управлял Литвой во времена Александра и Жигимонта. Князь Павел был сыном Александра Юрьевича Гольшанского и Софии Судимонтовны. Александр Юрьевич, вильнюсский каштелян и гродненский староста, был также одним из первых панов Литвы. В Хронике ему уделено много места. У его отца в Гольшанах собравшиеся аристократы Литвы избрали Казимира великим князем Литвы [25]. Юрий Гольшанский был видным членом Государственного совета [26].

В 1495 г. Александр Юрьевич, подскарбий Литвы, числился наместником Гродно, ездил в Москву, сопровождал княжну Елену [27]. Сын Александра Павел, последний из рода Гольшанских князей, в 1507 г. был студентом Краковского университета и вско-

---

[15] *M. Stryjkowski.* Kronika polska, litewska, zmódzka i wszyskiej Rusi, t. II. Warszawa, 1846, str. 250.
[16] *M. Bielski.* Kronika Polska. Kraków, 1597, str. 408.
[17] *Albertus Wiuk Koiałowicz.* Historiae Lituaniae pars altera. Antverpiae, 1669, p. 224.
[18] *M. Stryjkowski.* Op. cit., str. 248—249.
[19] *St. Smolka.* Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego, Rozbior krytyczny.— «Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie». Wydz. Filołog. i Hist.- Filoz., t. VIII. Krakow, 1890, str. 54.
[20] *K. Chodynicki.* Op. cit.— «Ateneum Wileńskie», t. III. Wilno, 1926, str. 387—402.
[21] *St. M. Kuczyński.* Studia z dziejów Europy wschodniej X—XVII w. Warszawa, 1965, str. 218—219.
[22] Ibid., str. 219.
[23] *M. Kuzmińska.* Olbracht Marcinowicz Gasztold.— «Ateneum Wileńskie», t. V. Wilno, 1928, str. 126.
[24] *J. Wolff.* Kniaziowie litewsko-ruscy. Warszawa, 1895, str. 103.
[25] ПСРЛ, т. XVII, стб. 535.
[26] Там же, стб. 536.
[27] Там же, стб. 548, 553.

ре стал епископом Луцким [28]. Около 1512 г. он посетил Италию. Он проживал более в литовской столице, чем в Луцке, был членом совета панов Литвы и, владея имениями Гольшаны, Волпы, Лебедзюв, Даниловичи, Хожов, Станков и Житин, именовал себя вотчинником. С 1536 г. Павел Гольшанский стал вильнюсским епископом. Проживая в Вильнюсе, он выстроил собственный дворец, с 1538 г. принялся за восстановление сгоревшего в 1530 г. кафедрального собора [29].

Привлекает внимание одна деталь в этих его действиях. В связи с восстановлением собора он увековечил память (по легенде) убитых язычниками-литовцами, во времена Ольгерда, 14 францисканцев, первых проповедников католической веры в Литве. Он присоединил это памятное место к своему саду и приказал построить часовню-«oratorium» — дом для молитвы (где костел св. Банифратров). Документ относится к 1543 г. В нем упоминается о сгоревшем соборе и о том, что остались после пожара на этом месте, где были казнены и похоронены некоторые из францисканцев, башня и крест. «Мы же постановили в этом месте построить часовню» [30]. Автор же Хроники, говоря о мучениках-францисканцах (пространные литовские летописи этого не знают), заявил: «a hde ich postynano na tom mestcy i teper Bozaia muka stoit w sadu Biskupem» [31]. А если это так, то автор Хроники еще не видел выстроенной часовни [32].

С середины XVI в. ушли из истории князья Гольшанские и магнаты Гоштовты. Их заменили Радзивиллы. Однако в Хронике очень мало места уделено семье Радзивиллов [33].

Рукопись Хроники оборвалась на 1506 г. Надо полагать, что она и не имела пространного продолжения. Хроники М. Стрыйковского и М. Бельского после 1506 г. в описании литовских событий становятся более фрагментарными. Вызывает сомнение включение издателями Хроники в ее состав первого листа, известного по М. Стрыйковскому [34]. В нем сказано, что Аттила в 401 г. вышел от реки Угры: «od rzeki Juhri, a Jura i teraz jest w ziemi Ywaka cara». На наш взгляд, не следует относить появление Хроники к царствованию Ивана IV (1547—1584) или к середине XVI в. [35] Упомянутая запись М. Стрыйковского име-

---

[28] *J. Wolff.* Op. cit., str. 103.

[29] *W. Przyałgowski.* Żywoty biskupów wileńskich, t. I. Petersburg, 1859, str. 136—138.

[30] Ibid., str. 139—140; *J. Kurczewski.* Biskupstwo Wileńskie. Wilno, 1912, str. 164.

[31] ПСРЛ, т. XVII, стб. 500.

[32] Сведения о францисканцах в Литве и заложении часовни основаны на францисканских источниках (*K. Chodynicki.* Proby zaprowadzenia chreścijaństwa na Litwie.— «Przegląd Historyczny», t. XVIII. Warszawa, 1914, str. 313).

[33] ПСРЛ, т. XVII, стб. 535, 543.

[34] *A. M. Stryjkowski.* Op. cit., t. I. Warszawa, 1846, str. 56.

[35] *A. Prochaska.* Z powodu wydawnictw latopisów litewskich— «Przegląd Historiczny», t. XII. Warszawa, 1911, str. 116; *И. А. Тихомиров.* О составе

ется и в первом его издании 1582 г.[36] Подобную запись он мог вставить от себя, что часто делал в других случаях, тем более что тут смешивается Угра с рекой Юрой в Жемайтии, где бывал сам М. Стрыйковский.

Наконец, в Хронике нет полонизмов. Язык ее типичен для первой половины XVI в.[37] Хроника кончается записями современника конца XV — начала XVI в. Все вышесказанное позволяет нам составление ее отнести примерно к 30-м годам XVI в.

Хроника внимательна к судьбам князя Павла Гольшанского и генеалогии его рода. Гольшанские князья, как и Гедройцкие, не были Гедиминовичами. В Хронике Гольшис (Holszysz), сын Романа,— основатель Гольшан (Holszany). Его брат Тройден из рода Китавров, согласно Хронике, стал великим князем Литвы. Гольшис и Гедрис умерли. Тройден был убит. Остался его сын чернец Римонт (Лавраш). Тут заметно влияние рассказа Ипатьевской летописи времен Миндовга[38]. Лавраш, мстя за гибель отца, сбросил монашескую рясу, собрал войско и побил силы убийцы Довмонта. Но Лавраш не сел сам на великом княжении и не посадил на нем сыновей Гольшиса или Гедриса. Они были молоды. Выбор Лавраша пал на человека не из рода Китавров — на маршала его отца Витеня[39]. Версия о маршале Витенесе задумана для того, чтобы противопоставить ее немецкой версии о Витенисе-конюхе[40]. Наследником Витениса был Гедимин. Лавраш заменил великокняжескую династию с гербом Китавра на династию Колумнов с гербом Погони, знака взрослого человека, умеющего защищать родину[41]. Но род Гольшиса не был отстранен от великокняжеской династии. Автор Хроники утверждал, что Гедимин, заняв Киев, посадил в нем Ольгимонта, сына Миндовга Гольшанского[42]. М. Стрыйковский писал, что Миндовг, родственник Гедимина, находился в Киеве до прихода Владимира Ольгердовича. Гольшанские князья, по этой версии, стали родоначальниками литовской киевской династии. В Хронике известие об утверждении литовских князей в Киеве помещено рядом с легендой о перенесении Гедимином столицы Литвы из Тракая в Вильнюс[43]. В Киеве и Вильнюсе были две линии великих князей литовских — Китаврасов и Колумнов.

Западнорусских, так называемых Литовских летописей.— ЖМНП, 1901, № 3, стр. 27.

[36] «Kronika Polska litewska, żmózka y wszystkiej Rusi... Maclia Osostiewiciusa Striikowskiego». Królewec, 1582, str. 48.

[37] *J. Jakubowski.* Op. cit., str. 91.

[38] ПСРЛ, т. II, стб. 815—858.

[39] Маршал Витень, видимо, взят из немецкой версии, где Витень — конюший — pferdemarschalk («Scriptores Rerum Prussicorum», t. V. Leipzig, 1874, p. 223).

[40] Ibidem.

[41] ПСРЛ, т. XVII, стб. 489.

[42] Там же, стб. 493.

[43] Там же.

Гольшанские князья вводятся и в великокняжескую династию Гедиминовичей со времен Витовта. Ягайло и Витовт, по заявлению автора Хроники, были женаты на княжнах Гольшанских. Жена Витовта Юлиана была сестрой Ивана Ольгимонтовича, а четвертая жена Ягайлы София была дочерью Андрея Ольгимонтовича и сестрой друцкого князя Семена. Иван и Андрей Ольгимонтовичи — братья. Бездетному Ягайле София родила двух сыновей и продолжила династию Ягеллонов. Автор это подчеркнул. После убийства Скиргайла в Киеве Витовт назначил на его место Ивана Ольгимонтовича [44].

Поэтому Витовт высоко почитается в Хронике. Особенно красочно он рисуется при описании Грюнвальдской битвы. Автор радовался успехам Витовта [45]. Он записал сведения о его семье: первую жену Анну он назвал дочерью Святослава Смоленского, вторую — Марию — дочерью князя Лукомля и Стародуба и третью — Юлиану — дочерью Андрея Ольгимонтовича, князя Гольшанского [46]. Видимо, автор Хроники с особой симпатией относился к памяти Витовта [47]. Но он защищал интересы не князей, а литовских аристократов. Он утверждал, что король не может никого, имеющего шляхетский герб, лишить власти и славы. Устами епископа Табора он заявил королю Александру: «my protyw tebe hospodara naszoho ne stoiali, alech my boronili praw y priwilejow naszych, stztobychmo pri nich zostati» [48]. В пространной литовской летописи отмечено, что с убийством великого Жигимонта в Тракае в 1440 г. «сотворися зло велико в Литве» [49]. Автор Хроники изобразил Жигимонта деспотом, который хотел погубить весь шляхетский род: «wsiu szlachtu wystynaty y wykorenity, a chłopski rozay podnesty» [50]. Он оправдывал заговорщиков.

О польской шляхте автор Хроники заявил, что она происходит из простых людей, а свои гербы получила от чехов. Литовская же шляхта имеет свои гербы от древних римлян [51]. О том, что в связи с польско-литовским конфликтом из-за Подолии (времена Казимира) литовские бояре вернули гербы, полученные от польской шляхты в 1413 г., знает не только автор Хроники. Это сведение сохранила традиция, записанная в издании А. В. Кояло-

---

[44] ПСРЛ, т. XVII, стб. 515.
[45] Там же, стб. 521.
[46] И. Ионинас доказал, что Анна, жена Витовта, была сестрой князя Судиманта, а после ее смерти в 1418 г.— вторая его жена Юлиана — дочь Ивана Ольгимонтовича Гольшанского; Марии, жены Витовта, современники не знают (*J. Jonynas.* Vytauto šeimyna. Kaunas, 1932, p. 26—32, 38).
[47] Не случайно и Павел Гольшанский восстановил в кафедральном соборе в Вильнюсе память о Витовте и его жене Юлиане.
[48] ПСРЛ, т. XVII, стб. 569.
[49] Там же, стб. 67; ср. стб. 287, 338, 399, 465.
[50] Там же, стб. 533.
[51] Там же, стб. 527.

вича [52]. Тем не менее О. Халецкому удалось доказать, что она противоречит геральдике второй половины XV в. Литовские бояре (в том числе и названные в Хронике как вернувшие польские гербы полякам) в переписке с представителями Ордена и после Парчевского съезда 1453 г. употребляли свои печати с польскими гербами. Очевидно, на Парчевском съезде шла речь о неудачном возобновлении гербов, что и послужило основой для возникновения легенды. Легенда о полученных польских гербах записана не под 1413 г., а под 1429 г. на съезде в Луцке, причем сопровождается описанием явно вымышленных обстоятельств. Примечательно, что среди литовских боярских родов, получивших в 1413 г. гербы польской шляхты, нет Гольшанских князей, хотя помечены князья Гедройцкие [53]. Тем не менее 18 января 1401 г. с панами Литвы документ о верности королю подписал только князь Иван, сын Ольгимонта Гольшанского [54]. Все это дополнительно свидетельствует о связях автора с родом князей Гольшанских.

* * *

На наш взгляд, Хронику можно разделить на следующие составные части: 1) легендарную, в основном схожую с пространной литовской летописью; 2) переработанную часть «Летописи великих князей литовских»; 3) небольшую часть из краткого свода литовской летописи; 4) хронику или, вернее, рассказ о Яне Гоштовте с дополнением из неизвестной хроники 1453—1492 гг.; 5) записи современника 1492—1506 гг. Ниже остановимся вкратце на каждой из частей Хроники.

В легендарной части Хроники имеется дополнение к пространной литовской летописи. Это дополнение, почерпнутое из Ипатьевской летописи, говорит о князе Миндовге и его сыне Войшелке в Новогрудке [55]. В Ипатьевской летописи не указано происхождение Миндовга. Автор Хроники называет его отца Рингольта [56]. А в пространной литовской летописи утверждается, будто Рингольт в Новогрудке был последним князем: «такся доконал род княжати римского Полемона» [57]. Автору известно и о другом Миндовге, князе Гольшанском, современнике Гедимина [58].

Более значительные дополнения сделаны в Хронике к «Летописи великих князей литовских». Историку первой половины

---

[52] *W. Semkowicz.* O litewskich rodach bojarskich...— «Miesięcznik Heraldyczny», t. VI. Lwów, 1913, str. 145.

[53] *W. Semkowicz.* O litewskich rodach bojarskich...—«Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego we Lwowie», t. V, 1928, str. 51; t. IX, 1929, str. 258.

[54] «Codex epistolaris Vitoldi». Ed. A. Prochaska. Cracoviae, 1882, p. 73.

[55] ПСРЛ, т. XVII, стб. 481—486; т. II, стб. 815—820, 847, 855—869.

[56] Там же, т. XVII, стб. 481.

[57] Там же, стб. 250.

[58] Там же, стб. 260, 313, 493.

XVI в. не была очень интересна внутренняя борьба великих князей литовских конца XIV в. Ей уделено меньше внимания. Но зато борьба за Подолию стала в конце XV — начале XVI в. более важным событием, чем внутренняя борьба во времена Витовта. Решение этого вопроса в Хронике приписывается не Витовту, а Ольгерду [59]. Это делается очень просто — вместо слов: «а в тыя лета князь великий Витовт» [60] пишется: «a w tyie leta kniaźaczy welikomu kniaziu Olgierdu» [61]. Подолию с Каменцем Ольгерд якобы еще в 1351 г. отдал Гоштовту [62]. Литовская летопись знает, что Ольгерд отдал Подолию Кориату, а Витовт отнял ее от Феодора Кориатовича и присоединил к Литве [63].

В Хронике имеются значительные дополнения к «Летописи великих князей литовских», касающиеся отношений Литвы с Польшей до унии 1385 г.[64] Но и тут встречаются баснословные рассказы: сообщается, как Ягайло определил рубеж между Литвой и Польшей по реке Висле [65], назван конкурент Ягайлы на польский престол поморский князь Фридрих [66], рассказываются сомнительные детали о Грюнвальдской битве [67].

Следует подчеркнуть, что автор в основном придерживался темы и не обращал внимания на хронологию. При переходе от одной темы к другой автор обычно употреблял слова: «na zimu», «na druhuiu zimu», «na druhoie leto», «tohoz hodu», «potom», «po małom czasu». Эти слова автору давали основание перемещать события на несколько или даже на десяток лет. Даты указаны в Хронике приблизительные. Почти нет точных дат. Это приводит автора к значительному смещению событий. Городельская уния 1413 г. определила наследников польского престола. Автор же Хроники, сместив описание четвертой женитьбы Ягайлы с 1422 на 1401 г., там же сообщил о двух наследниках Ягайлы [68].

После Городельской унии 1413 г. автор вернулся к событиям 1409 г. в Жемайтии. Хронологическая путаница нарушила логическую связь событий и последовательность. После восстания в Жемайтии в 1409 г. описывается выкуп ее Витовтом у Ордена, основание епископства и крещение жемайтов в 1413 г., а затем ведется рассказ о христианизации «zemli Zawelskoj», т. е. Аукштайтии [69]. На самом же деле все произошло наоборот: после принятия христианства в Аукштайтии в 1387 г. последовало восстание жемайтов в 1409 г., вследствие чего произошла Грюнваль-

[59] ПСРЛ, т. XVII, стб. 496—497.
[60] Там же, стб. 82.
[61] Там же, стб. 497.
[62] Там же, стб. 496.
[63] Там же, стб. 82—83.
[64] Там же, стб. 506—508.
[65] Там же, стб. 508.
[66] Там же.
[67] Там же, стб. 521—523.
[68] Там же, стб. 519.
[69] Там же, стб. 524.

ская битва в 1410 г. и присоединение Жемайтии к Литве в 1411 г., крещение жемайтов в 1413 г. и основание епископства в 1417 г. Очевидно, эти события для автора Хроники были лишь эхом давних лет и почерпнуты им из чьих-то воспоминаний.

Хроника не является летописью, в которой события изложены по годам. В ней избраны важнейшие события, подчеркивающие значимость деяний великих князей литовских. В сообщении о Витовте отмечены его военные и политические действия в Киеве, Смоленске, против татар, Пскова, Новгорода и Москвы. И в этих событиях мы напрасно стали бы искать хронологию. Сначала ведется рассказ о войне против Пскова и Новгорода, причем объединяются события 1406, 1413 и 1428 гг. Начало войны Витовта с Русью автор датировал 1412 г. Кончив рассказ о победах Витовта на востоке, он вернулся к его делам на западе, хотя эти события хронологически переплетались. Ему было достаточно сказать «potom na zimu», чтобы перешагнуть от крещения жемайтов к коронации Витовта, т. е. примерно через 15 лет [70]. Автор опустил все события, которые не умножали славу Витовта. Даже приход Витовта к власти совмещен с его победой в Вильнюсе в 1390 г.[71], а не с Островским договором 1392 г. Особый интерес автора Хроники к памяти Витовта, очевидно, происходит и от представлений эпохи Возрождения о судьбах древних героев.

В Хронике не помещены сведения краткого свода литовской летописи, позаимствованные из Общерусского летописного свода и Смоленской летописи, так как хронист старался освободиться от влияния русских летописей. В Хронике нет русских событий. История русских земель освещена постольку, поскольку они входили в состав Литвы. И здесь отдельные события из краткого свода литовской летописи рассказаны без хронологической связи. Подчеркнуты победы Литвы; смещены события в Смоленске в 1395, 1401 и 1404 гг., а восстание в Смоленске в 1401 г. совмещено с победой Витовта в 1404 г.[72]

Летописью Яна Гоштовта, охватывающей 1440—1453 гг., можно назвать описание в Хронике событий времен короля Казимира. В самом деле, история 1440—1453 гг. заняла в Хронике столбцы 535—549, а после ухода с политической арены Яна Гоштовта остальные годы правления Казимира уместились на столбцах 549—551. Записи под 1453—1492 гг. коротки и изложены хронологически последовательно. Они, очевидно, современны событиям, но списаны с какой-то хроники. Между тем вся летопись Яна Гоштовта записана даже без приблизительных дат (за исключением 1445 г.— войны Казимира с Русью). Пристрастность автора к роду Гоштовтов прослеживается по всей Хронике. Летопись Яна Гоштовта, как и дополнения к литовской краткой летописи, написаны, вероятнее всего, на основе устных сказаний и воспо-

[70] Там же, стб. 521.
[71] Там же, стб. 513.
[72] Ср. там же, стб. 49, 98, 174, 281, 331, 457 и 517—518.

минаний литовских панов в начале XVI в. Паны Литвы в ней — основные действующие лица.

Много внимания уделено в Хронике и предшественникам Яна Гоштовта: Петр Гоштовт, сын Кумпия из рода Колумнов, в легендарной части Хроники уже во времена Гедимина защищал от крестоносцев замок Каунаса [73]. Рассказ очень схож с сообщением Виганда о защите Гоштовтом Велионы в 1363 г.[74] Хроника именует этого Петра Гоштовта первым воеводой Вильнюса, гетманом Гедимина. Между тем воеводы в Литве известны только с 1413 г., а гетманы — с 1497 г. Автор Хроники выдумал, что Петр Гоштовт, по поручению Ольгерда, управлял Подолией, стал первым католиком в Литве и начал распространять католическую веру [75].

Як Гоштовт изображен в Хронике участником Грюнвальдской битвы, заменившим Сокола, наместником смоленским и фактическим управителем Литвы в 1440—1447 гг. в качестве тракайского, а затем вильнюсского воеводы. Он, совместно с другими боярами, пригласил на престол Литвы Казимира, сына Ягайлы, укрепил его власть в восставшей Жемайтии и Смоленске, Полесье и в Киеве [76]. Он первый в совете панов. Он спас панов Литвы на Парчевском съезде от их уничтожения; он — инициатор возвращения полякам польских гербов, принятых в 1413 г., наконец, он решает вопрос о помощи Литвы Польше против Ордена [77]. Автор Хроники подробно знал дела Яна Гоштовта. Князь Смоленска Юрий, сбежавший в Новгород, находясь в немилости у Казимира, действовал через Яна Гоштовта, он был крестным отцом его детей [78].

Записи современника 1492—1506 гг. являются лучшими не только в Хронике, но и во всех литовских летописях. Они отличаются непосредственным знанием описываемых событий, деталей, мест и времени войн Литвы с Русью и русских земель с татарами. Только очевидец мог описать военные действия у Смоленска, руководимые С. Кишкой и К. Острожским, или битву у Ведроши в 1499 г., перечислить имена участников, детально изложить все подробности похода войск и битвы с татарами у Клецка в 1507 г.

Итак, Хроника Быховца написана примерно в 30-е годы XVI в. при епископе Павле Гольшанском. В ней ясно выражены интересы панов всего Великого княжества литовского, особенно князей Гольшанских, Олельковичей и панов Гоштовтов. Это не узкая провинциальная или семейная хроника. Она представляет интересы Великого княжества в целом. В ней род Гольшанских князей,

---

[73] ПСРЛ, т. XVII, стб. 491.
[74] «Scriptores rerum Prussicarum», t. II. Leipzig, 1863, p. 540, 547.
[75] ПСРЛ, т. XVII, стб. 497—498.
[76] Там же, стб. 535—542.
[77] Там же, стб. 548.
[78] Там же, стб. 540.

не Гедиминовичей, введен в состав великокняжеской династии, Гольшанские князья — родоначальники литовской киевской династии. Автор Хроники — сторонник аристократов, защитник их привилегий от великокняжеской власти. Он против притязаний польской шляхты на Подолию и Волынь и включения Литвы в состав Польши. Он защищал права литовских феодалов на русские земли, хотя, очевидно, принадлежал к православным. Но эта его принадлежность к православной церкви не отражается на характеристике государственных интересов Литвы и даже католической церкви. Правда, автор Хроники не проявил большого интереса к духовным делам. Вопросы христианизации в XVI в., по сравнению с XIII—XIV вв., в Литве не были столь актуальными. За исключением отрывка о Петре Гоштовте и вильнюсских францисканцах, нигде в Хронике не говорится о духовных делах. Автора гораздо больше интересовали политические и военные дела, особенно в последней части хроники. Пристальный его интерес к судьбам Тракайского воеводства связан с биографией Гоштовтов.

Хроника не имеет начала и конца, но она и не могла иметь ни большого введения, ни пространного продолжения. Лучшей ее частью являются записи современника событий 1492—1506 гг. Автор Хроники подверг значительной обработке свой основной источник: краткий свод литовской летописи в целом. Он ее дополнил в основном устными воспоминаниями литовских панов начала XVI в.

МОЛДАВСКИЕ ЛЕТОПИСИ О РОССИИ

Ф. А. Грекул

В настоящей статье рассматриваются известия по истории России, встречающиеся в молдавских летописях XV — начала XVIII в.

Первые славяно-молдавские исторические источники летописного характера возникают в XV в. в монастырях Путна, Бистрица, Нямец и др. Наиболее древней, не считая «Анналов двора господаря Стефана Великого» (1457—1504), является Бистрицкая летопись, охватывающая 1359—1506 гг.[1] Эта летопись, как и другие аналогичные памятники, представляет собой в основном погодный перечень событий внешнеполитического характера, содержит материал о молдавских господарях (их жизнеописание, генеалогию), а также сведения о государственных сановниках и других представителях господствующего класса Молдавии. Таково же содержание и второй Путнянской летописи, охватывающей 1359—1504 гг. с добавлением до 1518 г.[2], а также Хроники Стефана III, повествующей о деятельности этого господаря за 1457—1499 гг.[3] Правда, Хроника Стефана Великого по содержанию и богатству фактического материала несколько отличается от двух предыдущих летописей. В ней имеется несравненно больше подробностей о деятельности самого Стефана Великого, об его правлении, о борьбе молдавского народа против турецкой военно-феодальной экспансии во второй половине XV в. и т. д.

От XVI столетия до нас дошли три летописи, представляющие собой памятники официального господарского летописания и принадлежащие перу видных представителей духовной знати — Макария, Евфимия и Азария.

Летопись Макария, написанная по специальному заказу господаря Молдавии Петра Рареша (1527—1538, 1541—1546), охватывает 1504—1551 гг.[4] Летопись Евфимия, составленная по поручению господаря Александра Лапушняну (1552—1561, 1564—

---

[1] *I. Bogdan.* Cronice inedite atingătoare de istoria romînilor. Bucureşti, 1895.

[2] *I. Bogdan.* Vechile cronice moldoveneşti pînă la Ureche. Bucureşti, 1891; «Cronicile slavo-romîne din sec. XV—XVI publicate de Ion Bogdan».— «Ediţie revăzută şi completată de P. P. Panaitescu». Bucureşti, 1959.

[3] *I. C. Chiţimia.* Cronica lui Ştefan cel Mare. Bucureşti, 1942.

[4] *I. Bogdan.* Vechile cronice..., p. 48—64; *А. И. Яцимирский.* Романский митрополит Макарий и новооткрытая его славяно-молдавская летопись 1541—1551 годов.— ЖМНП, 1909, № 5.

1568), описывает события 1542—1554 гг.[5] И, наконец, летопись Азария, написанная по заданию господаря Петра Хромого (1574 — 1579, 1582—1591), посвящена событиям 1551—1574 гг.[6]

Вышеупомянутые летописи в основном освещали деятельность господарей, государственных сановников, отражали интересы господствующего класса, тем не менее они представляют значительный интерес как исторические источники и как памятники древней молдавской литературы, написанные на славянском языке. Славянский язык был в Молдавии официальным государственным языком господарской канцелярии, употреблялся в богослужении и в памятниках литературы с момента образования Молдавского феодального государства в 1359 г. вплоть до середины XVII в., когда во все сферы общественной, государственной и культурной жизни страны проник и занял господствующее положение молдавский язык.

Одним из наиболее ценных повествовательных источников по истории Молдавии XIV—XVI вв. является летопись, написанная на молдавском языке и принадлежащая перу боярина Григория Уреке (1590?—1647). Летопись Уреке («Летопись Молдавской страны и жизнеописание господарей от Драгоша воеводы до Арона воеводы»)[7] описывает исторические факты 1359—1595 гг. Уреке особенно подробно характеризует жизнь и деятельность господаря Стефана III, показывает героическую борьбу молдавского народа за независимость под руководством этого полководца. Летопись Уреке написана под сильным влиянием польско-шляхетского мировоззрения. Являясь представителем крупного молдавского боярства, Уреке выступал против усиления центральной господарской власти, считая панскую Польшу образцом государственного устройства и правления.

При создании своего труда Уреке широко использовал предшествующие молдавские летописи, древние предания, сообщения иностранцев-очевидцев, побывавших в Молдавии.

Продолжателем Уреке на поприще молдавского летописания явился другой крупнейший светский феодал и государственный сановник Молдавии — Мирон Костин (1633—1691).

М. Костин, как и Г. Уреке, прожил значительное время в Польше и получил там хорошее образование. Вернувшись на родину, М. Костин занимал видные государственные посты при господарском дворе, находясь у кормила правления страны. Он,

---

[5] *I. Bogdan.* Vechile cronice..., p. 65—74.

[6] *I. Bogdan.* Letopiseţul lui Azarie.— «Analele Academiei Romîne», Seria II, Memoriile Sectiunei Istorice, vol. XXXI. Bucureşti, 1909; *А. И. Яцимирский.* Славяно-молдавская летопись монаха Азария.— ИОРЯС, т. VIII, кн. 4. СПб., 1909.

[7] *М. Когэлничану.* Летописецеле Цэрий Молдовей, т. I—III. Яшь, 1845—1852; *M. Kogălniceanu.* Cronicele Romîniei sau Letopiseţele Moldovei şi Valahiei, vol. I—III. Bucureşti, 1872—1874; *Grigore Ureche.* Letopiseţul Tării Moldovei. Ed. P. P Panaitescu. Bucureşti, 1955.

как и Г. Ureке, был великим ворником, а затем великим логофетом — канцлером молдавской господарской канцелярии и хранителем большой государственной печати.

Основным произведением М. Костина, принесшим ему славу одного из крупнейших молдавских летописцев и представляющим значительный интерес как исторический источник и литературный памятник, является «Летопись страны Молдавской от Арона воеводы» [8]. Эта летопись, посвященная событиям 1595—1661 гг., является продолжением молдавской летописи Г. Ureке. Летопись М. Костина помещена в общем сборнике молдавских летописей, изданных под редакцией М. Когэлничану. Кроме того, она выходила и отдельными изданиями [9].

В упомянутый сборник включена Хроника и другого боярина-летописца Молдавии, сына М. Костина — логофета Николая Костина (1660—1712). Прошедший хорошую школу и получивший солидное образование, Н. Костин задумал широкий план составления летописи, который, однако, ему так и не удалось осуществить до конца. Его труд охватывает 1661—1711 гг. [10]

Наконец, отметим еще одного видного молдавского летописца и крупного деятеля феодальной культуры Молдавии, продолжателя дела Г. Ureке и М. Костина,— Иона Некулче (1672—1745), описавшего исторические события 1661—1743 гг. [11]

«Летопись Молдавской страны от Дабижи воеводы до второго правления Константина Маврокардата» И. Некулче, как и труды его предшественников, проникнута глубоким патриотизмом. Будущность Молдавии, ее экономическое и культурное развитие Некулче связывал с ростом и укреплением Русского государства, с его экономической мощью и политической силой. Вот почему Некулче, как и его господарь Димитрий Кантемир (1673—1723), решил «взять сторону российского царя Петра Великого» [12].

Таковы известные молдавские летописи XV — начала XVIII в., которые положены в основу настоящей статьи.

Известия молдавских летописей о России могут быть разделены на три основные группы: сведения, относящиеся к истории русско-молдавских связей; сообщения о взаимоотношениях России с другими государствами; известия по истории самой России.

Тесные политические и дипломатические связи Молдавии с Русским государством были установлены во второй половине

---

[8] *М. Когэлничану.* Указ. соч., т. I.

[9] *Miron Costin.* Letopiseţul Ţării Moldovei. Ed. I. S. Petre. Bucureşti, 1943; *он же.* Opere. Ed. P. P. Panaitescu. Bucureşti, 1958.

[10] *М. Когэлничану.* Указ. соч., т. II; *Nicolai Costin.* Letopiseţul Ţării Moldovei. Ed I. S. Petre. Bucureşti, 1942.

[11] *М. Когэлничану.* Указ. соч., т. III; *Ion Neculce.* Letopiseţul Ţării Moldovei şi o samă de cuvinte. Ed. Iorgu Iordan. Bucureşti, 1959.

[12] *Д. Кантемир.* Историческое, географическое и политическое описание Молдавии. М., 1789, стр. 118.

XV в., во время правления молдавского господаря Стефана III. Стефан Великий, выдающийся государственный деятель и дипломат, видел в растущем Русском государстве верного союзника и друга. На почве взаимных экономических интересов, общей борьбы с феодалами Польши, Литвы и татарскими ханами крепла дружба между Молдавией и Русью. Русско-молдавские военно-политические союзы обычно скреплялись брачными узами между княжескими домами.

Путнянская вторая летопись под 1463 г. сообщает, что молдавский господарь Стефан III женился на сестре киевского князя Семена Олельковича Евдокии: «В лето 6971, иоуниа 5, приять себе госпожду Еудокию, сестра Семена царя от Киева» [13]. Тем самым Стефан породнился не только с влиятельным домом Олельковичей, но и с князьями Северо-Восточной Руси [14]. Позже дочь Стефана Великого от этого брака — Елена Волошанка — стала женой Ивана Ивановича Молодого, сына московского великого князя Ивана III (1462—1505). Характерно, что почти все молдавские летописцы сочли нужным включить в свои труды рассказ о браке господаря Стефана с киевской княжной Евдокией.

Путнянская вторая летопись под 1490 г. сообщает о кончине сына великого московского князя Ивана III — Ивана Ивановича Молодого, мужа Елены Стефановны Волошанки и отца Дмитрия, внука господаря Стефана III: «Того же лета (6998.— *Ф. Г.*) преставися раб божий Ион, сынъ великаго князя Ион Московскаго, отецъ великаго князя Димитрия, анепсия (т. е. внука.— *Ф. Г.*) Стефана воеводы» [15]. Об этом же событии повествуют и иные молдавские летописи, придавая ему очень большое значение в истории русско-молдавских связей [16].

Имеются в молдавских летописях известия о дипломатических сношениях Молдавии с Россией. Летописец Г. Ureke отмечает, что молдавский господарь Богдан III (1504—1517) в 1513 г. направил в Москву посольство с просьбой оказать ему помощь против татар [17]. Что же касается направлявшегося в Москву одного из посольств господаря Стефаницы (1517—1527), то оно не было пропущено польским правительством Сигизмунда I через свою территорию из-за войны между Польшей и Русским государством, говорит Г. Ureke [18].

При господаре Петре Рареше Молдавия попала под турецкое иго. С этого времени молдавские летописи около ста лет почти ничего не сообщают о России. Теперь, напротив, русские летопи-

---

[13] «Cronicile slavo-romîne din sec. XV—XVI». Ed. P. P. Panaitescu. Bucureşti, 1959, p. 44.

[14] Генеалогию княжеского рода Олельковичей см.: *G. Bezviconi*. Contribuţii la istoria relaţiilor romîno-ruse. Bucureşti, 1962, p. 32, nota 1.

[15] «Cronicile slavo-romîne din sec. XV—XVI». Bucureşti, 1959, p. 59.

[16] Ibid., p. 47, 51, 181.

[17] *Grigore Ureche*. Op. cit., p. 132.

[18] Ibid., p. 135.

си больше говорят о Молдавии, находящейся под властью султанской военно-феодальной Турции. Более того, русские летописцы заимствуют из молдавских и других летописей целые сказания о Молдавии и включают их в свои труды [19].

С середины XVII в. начинается новый этап в истории молдавско-русских связей. Для изучения истории этого периода приобретают первостепенное значение молдавские летописи М. и Н. Костинов (отца и сына) и особенно И. Некулче.

М. Костин в своей летописи подробно описывает молдавско-русско-украинские связи времен господаря Василия Лупу (1634—1653), царя Алексея Михайловича и Богдана Хмельницкого, а также сообщает об участии молдаван в освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг. [20]

Сведения о Русском государстве, приведенные И. Некулче в летописи, свидетельствуют о первостепенных успехах России и ее внешней политики в борьбе за Прибалтику и за выход к Балтийскому и Черному морям, об активной роли России в международной политике в годы русско-турецкой войны (1676—1681 гг.), Крымских (1687, 1689 гг.) и Азовских (1695—1696 гг.) походов, Северной войны со Швецией (1700—1721 гг.).

Особое место в молдавских летописях занимают известия летописцев Н. Костина и Н. Некулче о вторжении войска шведского короля Карла XII в пределы России и разгроме шведов под Полтавой, о Прутском походе русской армии Петра I в Молдавию и сражении под Станилештами. Вот лишь краткий перечень вопросов, на которых подробно останавливается Н. Костин в своей летописи: «История шведского короля Карла XII, когда он пошел войной против царя Петра Алексеевича; сражение под Полтавой; число убитых и раненых шведов; количество пленных и трофеев, взятых русскими войсками; потери русских убитыми и ранеными в сражении под Полтавой» [21]. Большой интерес представляют также сведения летописцев Н. Костина и И. Некулче об участии в сражениях против шведских захватчиков соединений молдавских добровольцев в рядах русской армии.

Н. Костин пишет, что тогда на полях сражений должен был решиться великий спор между Швецией и Россией. Здесь, под Полтавой, встретились «лицом к лицу» русский царь Петр I и шведский король Карл XII. И тут «непобедимый швед, каким он считался», «очень быстро спину показал» под натиском храбрых русских войск [22]. Шведы под Полтавой были полностью разгромлены и «больше не смогли оправиться», они «были побеждены, биты и выгнаны» [23]. Итак, с удовлетворением заключает свою

[19] См., например, Воскресенскую летопись (ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 256—259).
[20] *Miron Costin.* Opere. Ed. P. P. Panaitescu, p. 127—167.
[21] *M. Kogălniceanu.* Op. cit., t. II. Bucureşti, 1874, p. 57—70.
[22] Ibid., p. 61.
[23] Ibidem.

мысль Н. Костин, «высокомерный неприятель» бежал, преследуемый русскими, украинскими и молдавскими отрядами [24].

Не остался без внимания летописца Н. Костина и «Иуда» [25] Мазепа, который, по его словам, «ел хлеб и соль своего хозяина» [26] — Петра I, а затем предал его и перешел на сторону шведского короля Карла XII и бежал вместе с ним в с. Варнэ под Бендеры.

Н. Костин и особенно И. Некулче в своих летописях приводят богатый и интересный материал о классовой и национально-освободительной борьбе в Молдавии, Валахии и балканских странах, об отношении к России народов, покоренных Османской империей, об атмосфере, царившей в Молдавии, Валахии и странах Балканского полуострова после Полтавской битвы, накануне и во время Прутского похода русской армии.

В 1711 г. Петр I заключил соглашение с валашским господарем Константином Брынковяну (1688—1714) и молдавским господарем Дмитрием Кантемиром о совместной борьбе против Османской империи [27].

Таким образом, с начала XVIII в. история Молдавии и Валахии теснейшим образом переплетается с историей русско-турецких отношений. Территория Молдавии и Валахии стала театром военных действий, которые велись между Турцией и Россией за преобладающее влияние не только в Дунайских княжествах, но и на Балканах.

И. Некулче отмечает, что, как только русская армия под командованием Б. П. Шереметева перешла Днестр и вступила на молдавскую землю, народ выступил против турецких поработителей, чтобы с помощью России сбросить ненавистное турецкое иго. Он пишет: «Когда же Шеремет преследовал со своим войском от Днестра к Цуцоре и прошел через Оргеев, то поднялись все оргеевцы, сорочане и лапушняне, сопровождая его до самого Прута» [28], «молдаване, увидев русских..., начали хватать и убивать турок» [29]. Призыв Петра I и Д. Кантемира к населению Молдавии взяться за оружие и записываться в армию для совместной борьбы против султанской Турции нашел широкий отклик в народе, он вызвал мощный патриотический подъем. По словам И. Некулче, «тогда стали собираться со всех сторон и записываться в полки; узнав о жаловании, начали записываться не только служилые люди, но и сапожники, портные, меховщики, корчмари; боярские слуги покидали своих господ и торопились

[24] Ibid., p. 68.
[25] Ibid., p. 57.
[26] Ibid., p. 58.
[27] И. Некулче в своей летописи пересказывает основное содержание русско-молдавского договора 1711 г. (*Н. П. Кириченко.* Текст русско-молдавского договора 1711 г. и соответствие его летописи И. Некулче.— В кн.: «Вековая дружба». Кишинев, 1961, стр. 198—210).
[28] *I. Neculce.* Op. cit., p. 221.
[29] Ibid., p. 220.

вступить в ряды солдат... И собралось за пятнадцать дней 17 полковников и 170 ротмистров с полками» [30], не считая основного 10-тысячного господарского войска Д. Кантемира и 40-тысячной русской армии Петра I.

Таким образом, Петр I в борьбе с Турцией вполне мог рассчитывать на обещанную Д. Кантемиром и К. Брынковяну помощь и использовать естественную ненависть покоренных турками народов против иноземных турецких поработителей [31].

Однако валашский господарь К. Брынковяну, человек «с двойным расчетом», лавировал и выжидал, какая сторона возьмет верх, не выступил против турок во главе 30-тысячного войска и не выполнил взятого на себя обязательства по обеспечению провиантом русской армии. Он же не пропустил через свою территорию стоявших на границе Валахии 18 тыс. сербов [32], готовых с оружием в руках сражаться с турками на стороне Петра I.

Между тем огромная турецкая армия под командованием визиря Балтаджи перешла Дунай и направилась навстречу русско-молдавской армии, которая шла вдоль Прута. 9 июля 1711 г. на берегу Прута, у селения Станилешты, противники встретились, произошло известное в истории сражение, которое и решило исход русско-турецкой войны.

Трое суток день и ночь продолжались ожесточенные кровопролитные бои. Летописец Н. Костин следующим образом описывает события, развернувшиеся в первый день Станилештской битвы: «В понедельник, 9 июля, на рассвете приблизились турецкие янычары к русской армии, подошедшей к Станилештам. Построив батареи и укрепившись в долине Валя-Рыиоасэ, турки атаковали русский лагерь с западной стороны. Сражение было столь сильное, что дым от артиллерии и ружей затмил солнце, нельзя было ничего слышать из-за шума и грохота канонады и криков сражающихся...» [33] Атаки следовали одна за другой. Турки, встреченные ураганным огнем, по образному выражению летописца-очевидца И. Некулче, падали, как «спелые груши при встряхивании дерева» [34]. Русские и молдавские солдаты «опрокидывали турок, словно сметали их метлой»,— пишет далее участник Станилештского сражения И. Некулче [35].

Также обстояло дело и в последующие дни Станилештской битвы. «...Во вторник, 10 июля,— отмечает И. Некулче,— на рассвете начался бой. От дыма пушечной и ружейной пальбы наступил мрак, все было застлано толстым и густым слоем дыма,

---

[30] *I. Neculce*. Op. cit., p. 228—229.
[31] Ibid., p. 230—231.
[32] Ibid., 230. Кроме того, по словам И. Некулче, 20 тыс. сербов восстали у себя на родине. Однако это восстание было подавлено турецкими войсками после Станилештской битвы (ibid., p. 233—234).
[33] *M. Kogălniceanu*. Op. cit., vol. II, p. 109.
[34] *I. Neculce*. Op. cit., p. 238.
[35] Ibid., p. 239.

солдаты едва могли видеть друг друга, виден был только огонь артиллерии, подобно пожару сухого камыша, усиливавшемуся от большой бури» [36].

Летописцы И. Некулче и др. не только говорят об участии молдавского народа в Прутском походе русских войск 1711 г., но и приводят примеры храбрости и отваги русских и молдавских солдат и военачальников. Некулче отмечает, что турки очень хотели прекратить военные действия и начать мирные переговоры [37].

Однако Прутский поход русской армии Петра I в Молдавию потерпел неудачу, и молдавский господарь Д. Кантемир и гетман молдавских войск летописец И. Некулче после безуспешной борьбы с турками и заключения русско-турецкого мирного договора от 12 июля 1711 г. вынуждены были покинуть Молдавию и искать приют в России. Освобождение Молдавии и Валахии от турецкого ига при помощи России было еще впереди.

Молдавские летописи, особенно труды Н. Костина и И. Некулче, дополняют и обогащают известные нам источники по истории России. Они не только говорят об участии соединений молдавских добровольцев в рядах русских войск в сражении под Полтавой, об участии молдавского народа в Прутском походе русской армии, но и приводят примеры храбрости и героизма молдавских воинов, которые вместе с русскими солдатами боролись против шведских и турецких захватчиков. Таким образом, молдавские летописи представляют несомненный интерес как источник по истории России периода феодализма.

---

[36] Ibid., p. 243.
[37] Ibid., p. 246.

ЛЕТОПИСНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О КОРОНАЦИИ ДМИТРИЯ-ВНУКА И ЗАГОВОРЕ ВЛАДИМИРА ГУСЕВА (1497—1498 ГГ.)

А. А. Зимин

События 1497—1498 гг. изложены в ряде летописей. Их последовательность по Уваровской летописи (свод 1518 г.) такова.

В декабре 1497 г. «по диаволю действу въсполеся князь великий на сына своего князя Василиа да и на жену на свою на великую княгиню Софию да в той опале велел казнити детей боярских Володимера Елизарова сына Гусева да князя Ивана Палецкого Хруля, да Поярка Рунова брата, да Сцевиа Скрябина сына Травина, да Феодора Стромилова, диака введенаго, да Афонасиа Яропкина, казниша их на леду, головы им секоша декабря 27». Сразу после этого сообщается, что «тое же зимы февраля 4, в неделю, князь великий Иван Васильевич всея Русии благословил и посадил на великое княжение Владимерское и Московское всея Русии внука своего князя Дмитрея Ивановича». При этом на Дмитрия возложили «шапку Манамахову и бармы». Вся процедура коронации изложена в летописи подробнейшим образом [1]. В Вологодско-Пермской летописи, псковских летописях и Устюжском летописном своде этого рассказа нет [2]. В Типографской летописи коротко говорится о коронации Дмитрия с краткой заметкой о Судебнике: «В лето 7006 фев[раля] князь великый Иван Васильевич посадил на княжение внука своего князя Дмитриа Ивановича. Того же лета князь великый Иван Васильевич и околничим и всем судьям, а уложил суд судити бояром по судебнику, Володимера Гусева писати» [3].

Далее после изложения апрельских событий 1498 г. помещена небольшая запись о казни Владимира Гусева с товарищами без каких-либо сведений об опале Василия Ивановича: «Лета 7006-го поимал князь великый по рожестве Христове Володимера Гусева

---

[1] ПСРЛ, т. 28. М., 1963, стр. 330—331; см. также т. 6. СПб., 1853, стр. 241—243; т. 8. СПб., 1859, стр. 234—236; т. 12. СПб., 1901, стр. 246—248;т. 20, 1-я пол. СПб., 1910, стр. 366—368; «Иоасафовская летопись». М., 1957, стр. 134—137.

[2] ПСРЛ. т. 26. М.— Л., 1959, стр. 291; «Псковские летописи», вып. I. М.—Л. 1941, стр. 82; вып. II. М., 1955, стр. 224; «Устюжский летописный свод». М.— Л., 1950, стр. 100.

[3] ПСРЛ, т. 24. Пг., 1921, стр. 213.

Елизарова сына да Афонасиа Яропкина, Ивана Хруля сына Палетского княж Ивана, да Щавья Скрябина, да Федора Стромилова, да Поярка Рунова брата и велел их казнити смертною казнью» [4].

Наиболее подробно о событиях 1497 г. рассказывается в так называемом «Отрывке летописи по Воскресенскому списку» и Новгородском своде 1539 г. Здесь виновником называется не «дьявол», а сам княжич Василий, который готовил измену: «В лето 7006 декабря восполелся князь великий Иван Васильевич всеа Русии на сына своего на князя Василья и посади его за приставы на его же дворе того ради, что он, сведав от дьяка своего от Федора Стромилова то, что отец его князь великий хочет пожаловати великим княжением Володимерским и Московским внука своего князя Дмитрея Ивановича, нача думати князю Василью вторый сатанин предотеча Афанасий Аропчонок; бысть же в думе той и дьяк Федор Стромилов и Поярок Рупов брат и иные дети боярские, а иных тайно к целованию приведоша». Итак, выясняется, что, во-первых, коронация Дмитрия-внука готовилась еще до раскрытия заговора Владимира Гусева, что, во-вторых, фактическим главой заговора был княжич Василий, недовольный предстоявшей коронацией, что, в-третьих, Василий в конечном счете был посажен «за приставы». Излагаются и цели заговорщиков, решивших, «чтобы князю Василью от отца своего великого князя отъехати да казна пограбити на Вологде и на Белеозере и над князем над Дмитреем израда учинити». Итак, речь шла о подготовке «отъезда» Василия — одной из обычных форм удельного протеста, к концу XV в. уже устаревшей.

Расправа была жестокой: «И изведав то и обыскав князь велики Иван Васильевич злую их мысль и повелел изменников казнити». Вслед за этим «Отрывок» коротко говорит и о коронации 4 февраля Дмитрия Ивановича, на которого «возложиша... бармы Манамаховы и шапку» [5]. В основе этого текста находился летописный свод, составленный около 1500 г., т. е. до падения Дмитрия-внука [6].

Составитель Степенной книги, говоря о пожаловании княжича Василия Новгородом и Псковом в 1499 г. и прощении Софьи, вскользь бросает: «Малым бо пред сим, яко за два лета, некоих ради людьских крамол, гнев имел на них. Егда же во гневе бяху у него, и тогда пожаловал и благословил внука своего князя Дьмитрея Ивановича великим княжением Владимерским и Московским и всеа Русии» [7].

В Хронографе, так же как в Типографской летописи, сначала коротко говорится о поставлении на великое княжение Дмитрия-

---

[4] Там же, стр. 214.

[5] ПСРЛ, т. 6, стр. 279; т. 4, ч. 1. вып. 1. Пг., 1915, стр. 530—531.

[6] *Я. С. Лурье.* Из истории русского летописания конца XV века.— ТОДРЛ, т. XI. М.— Л., 1955, стр. 180—191; *С. Н. Азбелев.* Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960, стр. 25.

[7] ПСРЛ, т. 21, 2-я пол. СПб., 1913, стр. 572.

внука 4 февраля 1498 г. Затем сообщается об опале княжича Василия без объяснения каких-либо причин [8]. Краткие, но выразительные сведения читаем в одном Кирилло-Белозерском летописце: «Лета 7006 опала великого князя Ивана Васильевича на сына на князя Василья. И в той опалке велел казнить Володимира Елизарова сына Гусева с товарищи» [9]. В кратком Погодинском летописце есть только запись о коронации Дмитрия-внука [10]. В Тверском сборнике сообщается лишь о казни Владимира Гусева с товарищами [11].

В литературе существует несколько попыток объяснить события 1497 г. и определить состав сторонников Дмитрия-внука. Верный своему монархическому взгляду на ход исторического процесса, Н. М. Карамзин возникновение заговора рисует следующим образом. Дьяк Федор Стромилов и «некоторые безрассудные молодые люди» уверили «юного Василия», что «родитель его хочет объявить внука наследником», и предложили «погубить Дмитрия» [12]. Будущий монарх оказывался не при чем — все объяснялось безрассудством его не в меру горячих доброхотов.

С. М. Соловьев уже пытался найти некую закономерность в событиях конца XV в. По его мнению, князья и бояре поддерживали Елену Стефановну, «на стороне же Софии и сына ее Василия мы видим только детей боярских и дьяков». Они-то и являлись душой заговора 1497 г. [13] Эта точка зрения на долгое время утвердилась в исторической литературе. Ее придерживались, в частности, И. И. Смирнов [14] и автор этих строк [15]. С. М. Каштанов полагает, что Иван III вел борьбу с сепаратистскими тенденциями Василия Ивановича [16].

Для того чтобы разобраться в происходивших в 1497—1498 гг. событиях, уже С. Б. Веселовский обратился к биографическим

---

[8] ПСРЛ, т. 22, ч. 1. СПб., 1911, стр. 513; *С. О. Шмидт.* Продолжение Хронографа редакции 1512 года.— «Исторический архив», кн. VII. М., 1951, стр. 272.

[9] *А. А. Зимин.* Краткие летописцы XV—XVI вв.— «Исторический архив», кн. V. М.— Л., 1950, стр. 36. Сходно в Волоколамском летописчике (там же, стр. 10).

[10] *Я. С. Лурье.* Краткий летописец Погодинского собрания.— «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 443.

[11] ПСРЛ, т. 15. СПб., 1863, стб. 503—504. Этот текст целиком совпадает с Владимирским летописцем, где он только дополнен объяснением причин казни «в помышлениях зло на государя» (там же, т. 30. М., 1965, стр. 139).

[12] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, кн. II. СПб., 1842, стб. 171.

[13] *С. М. Соловьев.* История России, кн. III. М., 1960, стр. 60; ср. *Н. И. Шатагин.* Русское государство в первой половине XVI века. Свердловск, 1941, стр. 22.

[14] *И. И. Смирнов.* Рец. на книгу К. В. Базилевича «Внешняя политика Русского централизованного государства».— «Вопросы истории», 1952, № 11, стр. 142—143.

[15] *А. А. Зимин.* Рец. на книгу Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.», ч. 2.— «Советская книга», 1952, № 4, стр. 67.

[16] *С. М. Каштанов.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967, стр. 88.

сведениям о сторонниках княжича Василия Ивановича [17]. Он установил, что Владимир Гусев принадлежал к старомосковской боярской фамилии, верой и правдой служившей великокняжеской власти. Впрочем, отец Владимира — Елизар Васильевич — находился некоторое время (в 1448 г.) при дворе князя Ивана Андреевича Можайского, а в 1478 г. был боярином князя Андрея Васильевича Меньшого [18]. Его дети не занимали сколько-нибудь видных должностей. Юшка Елизаров — человек из «Тферьские земли» сына Ивана III Ивана Ивановича (1488 г.); осенью 1492 г. он бежал в Литву [19]. Младшие братья Владимира — Василий и Михаил Елизаровичи — служили князю Юрию Ивановичу Дмитровскому [20].

О самом Владимире Гусеве известно немного: в 1483 г. он ездил с какой-то миссией в Тверь. В литературе существует три попытки объяснить рассказ Тверской летописи под 1483 г., когда Михаил Борисович «выслал... вон» Владимира Гусева, приехавшего в Тверь «с поклоном» от Ивана III [21]. По мнению С. Б. Веселовского, «оскорбительный прием относился, конечно, не лично к Вл. Гусеву, а к московскому великому князю» [22]. Я. С. Лурье строит довольно сложную конструкцию, согласно которой Гусев приехал в Тверь, чтобы привлечь князя Михаила на сторону феодального блока, боровшегося с великим князем московским, Михаил Борисович (по летописи, верный союзник Москвы) и выгнал Владимира Гусева [23]. Но в летописи Гусев выступает послом именно великого князя, и Михаил Тверской от Ивана III «поклона не приал».

Л. В. Черепнин заметил, что, по А. Н. Насонову, летописный свод, содержавший запись за 1483 г., отредактирован в Москве в 1499 г., т. е. в период возвышения Дмитрия-внука и его единомышленников, враждебных Владимиру Гусеву [24]. А раз так, то «известие о Гусеве попало на страницы Тверского сборника потому, что составитель желал скомпрометировать этого крамольного представителя боярства. Раз лояльный в отношении Москвы тверской князь Михаил Борисович (а таким представляет его Тверской сборник) выгнал московского посла, значит его приезд

---

[17] *С. Б. Веселовский.* Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 года.— «Исторические записки», т. 5, 1939, стр. 31—47; см. также *он же.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 304.

[18] «Акты исторические», т. I. СПб., 1841, стр. 80; ПСРЛ, т. 8, стр. 189.

[19] Сб. РИО, т. 35, СПб., 1882, стр. 16; ПСРЛ, т. 28, СПб., 1963, стр. 157.

[20] «Родословная книга князей и дворян российских», ч. II. М., 1787, стр. 130; «Разрядная книга 1475—1598 гг.» М., 1966 (далее — РК), стр. 37.

[21] ПСРЛ, т. 15, стр. 499.

[22] *С. Б. Веселовский.* Владимир Гусев, стр. 40.

[23] *Я. С. Лурье.* Из истории политической борьбы при Иване III.— «Ученые записки ЛГУ», № 80, 1941, стр. 92.

[24] *А. Н. Насонов.* Летописные памятники Тверского княжества.— «Известия Академии наук СССР», Отделение гуманитарных наук, 1930, № 10, стр. 740—742.

таил какие-то недобрые намерения, мог внести диссонанс в московско-тверские отношения». Л. В. Черепнин не считает, что Гусев на самом деле пытался склонить тверского князя на борьбу с Иваном III, но полагает, что просто летописный свод «пытался набросить на Гусева подозрительную тень» [25].

На мой взгляд, никакой попытки скомпрометировать Гусева в летописном рассказе 1483 г. нет. Скорее его автор перелагает ответственность за поход 1485 г. с московского князя на тверского, обосновывая необходимость присоединения Твери к Москве, а отсюда и прав Дмитрия-внука на тверской престол. Ведь, рассказывая об этих событиях, летописец специально говорит о том, что тверское княжение получил отец Дмитрия Иван Иванович. Кстати, наместником в Твери стал двоюродный брат отца Владимира Гусева — Василий Федорович Образец Добрынский. Это, конечно, также не свидетельствует ни о «крамольных намерениях» Гусева, ни о тенденции летописца очернить посла московского князя, отправленного в Тверь в 1483 г.

В 1495 г. Владимира Гусева (как «сына боярского») мы видим в большой свите, провожавшей княгиню Елену в Литву [26]. В составе свиты, кроме него, можно обнаружить много других, более видных представителей знати, не имевших никакого отношения к заговору 1497 г. (Семен Иванович Ряполовский, Михаил Яковлевич Русалка). «Пребывание в Литве,— пишет Л. В. Черепнин,— где находились некоторые русские изгнанники (удельные князья), могло оказать влияние на политическое мировоззрение Гусева и дать новый толчок практическому оформлению заговора». Ведь Гусев «мог оказаться в курсе» планов восстановления в России феодальной раздробленности. Все это могло быть, но и могло не быть. Поэтому скорее всего следует присоединиться к более осторожному из суждений Л. В. Черепнина, что из факта участия Гусева в посольстве 1495 г. «вряд ли можно сделать какие-либо прочные выводы для понимания позднейшего дела Гусева» [27].

Долгое время в литературе бытовала точка зрения Типографской летописи, что Владимир Гусев был составителем Судебника 1497 г. («по судебнику, Володимера Гусева писати») [28]. Еще Я. С. Лурье в 1941 г. предположил, что слова «Володимера Гусева писати» не имели никакого отношения к Судебнику 1497 г. и были началом какого-то известия о заговоре 1497 г., оборванного по политическим соображениям: рукопись Типографской летописи относится к началу XVI в., времени великого княжения Василия Ивановича, бывшего одним из организаторов этого заговора [29].

---

[25] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М.—Л., 1951, стр. 300—301.

[26] Сб. РИО, т. 35, стр. 164.

[27] *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., ч. 2, стр. 301.

[28] *С. Б. Веселовский.* Владимир Гусев, стр. 31 и сл.

[29] *Я. С. Лурье.* Из истории политической борьбы при Иване III.— «Ученые записки ЛГУ», № 80, 1941, стр. 20.

Эта точка зрения была развита Л. В. Черепниным, который считал, что в Типографской летописи «в значительной степени механически слиты выдержки из двух источников»: один — о времени Ивана III, другой — о Судебнике. После первого «в черновом проекте протографа Типографской летописи, по-видимому, стояла помета: «Володимера Гусева писати»», т. е. следовало написать о заговоре Владимира Гусева. Начало фразы «того же лета князь великий Иван Васильевич» должна была начать рассказ о деле Владимира Гусева. Фразу о Судебнике Л. В. Черепнин реставрирует так: «а уложил суд судити бояром и околничим, и всем судьям по Судебнику» [30]. Точку зрения Я. С. Лурье принял К. В. Базилевич [31]. Автор этих строк писал, что механической припиской скорее следует считать одно слово «писати» и что поэтому у нас нет достаточных оснований для вывода о непричастности Гусева к составлению Судебника [32].

В настоящее время вопрос может быть решен благодаря находке А. Н. Насонова, причем в пользу гипотезы Я. С. Лурье и Л. В. Черепнина. А. Н. Насонов обнаружил близкий к Типографской летописи текст одного из летописцев, восходящий к Троицкому монастырю. В нем мы читаем: «В лето 7005 (в Типографской летописи — 7006) февраля князь велики Иван Васильевич посадил на великое княжение внука своего князя Дмитрея Ивановича. Того же лета князь велики Иван Васильевич придумал [33] з бояры и уложил суд судити и бояром [33], околничим, а у боярина быти дияку, а судити по судебнику по великого князя.

В лето 7006, поимал князь великий Володимера Елизара сына Гусева да Офонасья Яропкина...» [34].

Итак, Владимир Гусев никакого отношения к Судебнику 1497 г. не имел, а слова «Володимера Гусева писати» являются пометой [35].

С. Б. Веселовский обратил внимание на то, что Еропкины служили при удельных дворах. Происходили Еропкины из измель-

---

[30] *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., ч. 2, стр. 290—291.

[31] *К. В. Базилевич.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 362—363.

[32] *А. А. Зимин.* Рец. на книгу Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.» ч. 2.— «Советская книга», 1952, № 4, стр. 65—67. Эту точку зрения поддерживал А. Г. Поляк (ПРП, вып. III. М., 1955, стр. 344).

[33—33] Текст в Типографской летописи отсутствует.

[34] БАН, Архан. 193, лл. 70—71; ср. ЦГАДА, ф. 181, № 365.

[35] В Типографской летописи в данном случае слиты два источника: материалы свода 1497 г. о челобитии Ивана III митрополиту Симону (ПСРЛ, т. 28, стр. 160) и запись Троицкого летописца. В последнем дата «В лето 7005» неточна: она должна относиться только к сообщению о Судебнике; коронация Дмитрия-внука датируется 7006 г. В свою очередь в Типографской летописи издание Судебника датируется 7006 г. Находка А. Н. Насонова показала, что в данном случае — простая ошибка и нет основания относить утверждение Судебника к 1498 г. (*А. Н. Насонов.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, стр. 384).

чавших смоленских князей, бежавших еще в начале XV в. на Русь [36]. К середине XVI в. многочисленные Еропкины владели землями в Волоколамском, Клинском, Воротынском и Можайском уездах [37]. Андрей Еропкин служил князю Борису Волоцкому, но был им почему-то лишен вотчины (до 1477 г.). Афанасий Еропкин числился в свите во время поездки Ивана III в Новгород в 1495 г. Крупным дипломатом был Михаил Андреевич Клянпик Еропкин, ездивший в 1492—1493 гг. к императору Максимилиану [38].

Князь Иван Иванович Хруль Палецкий был, очевидно, накануне казни еще очень молодым человеком, ибо его отец служил даже в 1507—1512 гг. воеводой. Младший брат Ивана Хруля — Борис служил боярином у Андрея Старицкого и был подвергнут «торговой казни» в 1537 г. [39]

Как и Афанасий Еропкин, из измельчавших смоленских князей происходил Щавей Скрябин-Травин. Иван Иванович Салтык Травин участвовал в 1483 г. в походе «на вогуличей», а в 1489 г.— на Вятку [40]. Еще до 1497 г. (где-то в 80-е годах) его двор был распущен, а его послужильцы испомещены в Новгороде. Сохранилась духовная Салтыка 1483 г. [41] Его двоюродным братом был отец Щавея. Брат Щавея Иосиф постригся в монахи, покинув свое новгородское поместье еще до 1500 г. [42] Щавей, как и Афанасий Еропкин, в 1495 г. находился в свите Ивана III во время поездки великого князя в Новгород [43]. Григорий Пырей и Иван Отава Осокины-Травины (двоюродные братья Щавея) входили в том же 1495 г. в свиту княгини Елены [44]. Их отец Иван Григорьевич Осока в 1496 г. получил в кормление половину Зубцова от князя Василия Ивановича [45]. Связи с княжичем Василием, следовательно, у Осокиных установились уже давно.

Одним из верных, хотя и неродовитых сподвижников Ивана III был Иван Дмитриевич Руно. Около 1483 г. он подвергнут опале, и его послужильцы были испомещены в Новгороде [46].

---

[36] *С. Б. Веселовский.* Владимир Гусев, стр. 43; *он же.* Исследования по истории класса..., стр. 371—372.

[37] «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.» М., 1950, стр. 298; АСЭИ, т. III. М.— Л., 1964, № 62; АФЗХ, т. II. М., 1956,

[38] № 124, 170 и др.

[39] ДиДГ, № 71; РК, стр. 25; ПСРЛ, т. 18. СПб., 1913, стр. 157, 159.

[40] РК, стр. 38, 39, 41, 43, 46; ПСРЛ, т. 8, стр. 294—295.

[41] РК, стр. 21; ПСРЛ, т. 12, стр. 215.

[42] АСЭИ, т. I, № 501.

[43] «Новгородские писцовые книги», т. III. СПб., 1868, стр. 812. *С. Б. Веселовский.* Владимир Гусев, стр. 44; *он же.* Исследования по истории класса..., стр. 365. В РК (стр. 24—26) Щавея нет.

[44] Сб. РИО, т. 35, стр. 164. О детях Ивана Осоки см. купчую 1515—1522 гг. (АФЗХ, ч. II, № 67).

[45] АСЭИ, т. III, № 181.

[46] *С. Б. Веселовский.* Владимир Гусев, стр. 44, 45; *он же.* Исследования по истории класса..., стр. 156—157.

О его брате Поярке, кроме летописной записи 1497 г., нам ничего не известно. Дьяк Федор Стромилов происходил из старинной дьяческой фамилии [47]. В 90-е годы он уже был дьяком Василия Ивановича как великого князя тверского [48].

С. Б. Веселовский считал, что дело Владимира Гусева было «раздуто враждебной им придворной партией и ряд лиц, быть может в том числе и Вл. Гусев, были оклеветаны, замешаны в дело и казнены потому, что по неосторожности или из побуждений карьеры вмешались в семейное дело великого князя» [49].

К иному выводу пришел Л. В. Черепнин. Он обратил, в частности, внимание на то, что Юшка Гусев бежал в Литву в 1492 г., «очевидно, в связи с арестом и заточением в тюрьму за год перед этим князя Андрея Васильевича Углицкого с семьей» [50].

Князь Андрей был поиман осенью 1491 г. [51] Интересно, что его арестовал князь Василий Иванович Патрикеев — противник княжича Василия и его окружения. Никаких прямых данных о связи «поимания» князя Андрея с бегством Юшки Гусева осенью 1492 г. у нас нет. Л. В. Черепнин ссылается только на предположение А. А. Шахматова [52] о том, что Типографская летопись (в пределах 1482—1528 г., т. е. с упоминанием Владимира Гусева) составлялась в Угличе. Отсюда он делает вывод, что «заговор, главным действующим лицом которого был Владимир Елизарович, имел какое-либо отношение к антиправительственным кругам, действовавшим в Угличе» [53].

Однако связь Синодального (Типографского) списка Типографской летописи с Угличем обнаруживается только в пределах 1521—1526 гг. До 1497 г. включительно этот список совпадает со сводом 1497 г. По предположению К. Н. Сербиной, это был митрополичий, а по гипотезе Я. С. Лурье — Ростовский свод [54]. Так или иначе, но углицкий характер записи 1497 г. Типографской летописи о Владимире Гусеве не может считаться доказанным. Поэтому полагать, что «выступление Гусева и его сообщников в

---

[47] Ср. ДиДГ, № 22 (1423 г.). С. Б. Веселовский установил родственные связи Стромиловых с митрополичьими детьми боярскими Чертовыми.

[48] АСЭИ, т. II. М., 1958, № 161. С. Б. Веселовский считал, что Ф. Стромилов был дьяком в 1488 г. князя Ивана Ивановича, и удивлялся, почему он оказался на стороне княжича Василия (*С. Б. Веселовский*. Владимир Гусев, стр. 46). Это недоразумение: Стромилов подписал не грамоту Ивана Ивановича, а ее подтверждение княжичем Василием.

[49] *С. Б. Веселовский*. Владимир Гусев, стр. 47.

[50] *Л. В. Черепнин*. Указ. соч., ч. 2, стр. 293.

[51] ПСРЛ, т. 12, стр. 231.

[52] *А. А. Шахматов*. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.— Л., 1938, стр. 249.

[53] *Л. В. Черепнин*. Указ. соч., ч. 2, стр. 293.

[54] *К. Н. Сербина*. История русского летописания конца XV в.— В кн.: «Проблемы источниковедения», т. XI. М., 1963, стр. 391—428; *Я. С. Лурье*. Новые памятники русского летописания конца XV в.— «История СССР», 1964, № 6, стр. 130—131.

1497 г. представляло собой отголосок дела углицкого удельного князя Андрея Васильевича» [55], у нас нет достаточных оснований.

Андрей Васильевич Углицкий умер в заточении в ноябре 1493 г. [56] Пожалуй, самым сильным доводом против гипотезы о близости Владимира Гусева к углицкому князю является сведение Типографской летописи и свода 1497 г. о том, что Иван III призвал митрополита и епископов, «прося у них о своем брате князе Андрее Васильевиче, что своим грехом, неосторожно его уморил» [57]. Этот рассказ в Типографской летописи помещен после упоминания о Владимире Гусеве в связи с Судебником и перед записью о его казни. Описанные в нем события происходили поздней осенью 1497 г., т. е. до опалы Гусева. Посмертное восстановление доброй памяти об Андрее Углицком говорит о добрых отношениях Ивана III с окружением этого князя, к которому, следовательно, Гусев вряд ли принадлежал.

С. Б. Веселовский и Л. В. Черепнин для характеристики происхождения дьяка Федора Стромилова ссылаются на рассказ о родословии Чертовых из митрополичьего формулярника начала XVI в. [58] Из него выясняется, что предки Стромилова и Гусева выступали союзниками Ивана Андреевича Можайского: речь идет об Алексее Попове, который, вероятно, был дедом Федора Стромилова, и Никите Константиновиче Добрынском — родном брате деда Владимира Гусева. Наблюдение интересное.

Обратим внимание на следующие факты. Теткой жены сына последнего верейского князя Михаила Андреевича — Василия была Софья Палеолог, покровительственно относившаяся к своему свойственнику. Сам Василий осенью 1583 г. бежал в Литву [59]. Еще 4 апреля 1482 г. Иван III заключил договор с Михаилом Андреевичем, обеспечивавший переход великому князю Белоозера после смерти князя Михаила. Это подтверждено было в новом докончании 12 декабря 1483 г. и в завещании Михаила Андреевича, написанном между 1483—1486 гг. (князь Михаил умер 9 апреля 1486 г.) [60].

В этой связи многозначительно упоминание свода 1500 г. о том, что княжич Василий Иванович предполагал в 1497 г. бежать на Белоозеро, т. е. в одну из вотчин верейских князей. Все это делает весьма вероятным предположение о связи княжича Василия и заговорщиков с силами, поддерживавшими верейского князя. Поэтому трудно согласиться с Л. В. Черепниным, что «вряд ли

---

[55] *Л. В. Черепнин.* Указ соч., ч. 2, стр. 294.

[56] ПСРЛ, т. 28, стр. 159, 325; т. 27, стр. 365—366; т. 24, стр. 212; т. 12, стр. 237; т. 8, стр. 227; т. 15, стб. 501.

[57] Там же, т. 24, стр. 213—214. Начало рассказа и дата (7005) есть в сокращенном своде 1497 г. (ПСРЛ, т. 28, стр. 160). Это было вскоре после Дмитриева дня, т. е. 26 октября 1495 г. («не много времени подождав»).

[58] ГИМ, Синод. № 526, лл. 432 об.— 434.

[59] ПСРЛ, т. 24, стр. 202—203; т. 28, стр. 151, 317.

[60] ДиДГ, № 75, 78, 80.

можно допустить действенную общность интересов Василия Ивановича в партии Гусева» [61].

Итак, подведем итоги. Владимир Гусев и его соратники, хотя и происходили из знатных фамилий, но все же были детьми боярскими, т. е. по своему положению не принадлежали к наиболее близкому окружению Ивана III.

Родичи Гусева связаны были с верейским удельным двором, который пользовался покровительством Софьи Палеолог. Известно также, что греки Дмитрий и Юрий Траханиоты из свиты царьградской княжны поддерживали тесный контакт с главой воинствующих церковников архиепископом новгородским Геннадием.

Юрий Траханиот ездил с посольством в Германию в 1489 г. [62] Со слов германского посла фон Турна и Юрия Траханиота в 1490 г. по распоряжению Геннадия записаны «речи посла цесарева», в них восхвалялся «шпанский король», который «очистил свою землю от ересей жидовских» [63]. Больше ничего сколько-нибудь определенного о социальной базе заговорщиков сказать нельзя.

Не составляет особых затруднений выяснить ту среду, которая поддерживала политические притязания Дмитрия-внука. Еще отец Дмитрия — Иван Иванович Молодой — после присоединения Твери в 1485 г. был пожалован Тверским княжеством [64]. По матери Иван Молодой был внуком великого князя Бориса Александровича, а его жена была кузиной супруги последнего тверского князя Михаила Борисовича. Иван Молодой, следовательно, считался как бы законным преемником князя Михаила в Твери. Поэтому Тверь надолго сделалась опорой семьи Ивана Ивановича Молодого. Кстати, в судебных делах, решавшихся этим князем, принимал участие и Федор Курицын после своего возвращения из Венгрии [65]. После смерти Ивана Ивановича Молодого (март 1490 г.) Тверь была передана не его малолетнему сыну Дмитрию, а Василию Ивановичу [66]. Московское правительство повело решительную борьбу с остатками тверской обособленности. Василий Иванович уже именуется не «великим князем», как его

---

[61] *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., ч. 2, стр. 294.

[62] «Памятники дипломатических сношений», т. I. СПб., 1851, стб. 12.

[63] *А. Д. Седельников.* Речи посла цесарева.— «Труды Комиссии по древнерусской литературе АН СССР», т. I. Л., 1932, стр. 49—50. В послании Геннадия митрополиту Зосиме «шпанский король» ставился в пример великому князю (*Н. Л. Казаксва* и *Я. С. Лурье.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.— Л., 1955, стр. 379).

[64] ПСРЛ, т. 15, стр. 500; «Псковские летописи», вып. I, стр. 126. Иван Иванович был в Твери в мае 1486, 1488 гг. (АСЭИ, т. III, № 161—180).

[65] АСЭИ, т. I. М., 1952, № 523.

[66] Василий Иванович выдавал и подтверждал тверские грамоты в октябре 1490 г. (АСЭИ, т. III, № 181) и в 1491 г. (там же, т. II, № 28). Об этом см.: *J. Fennell.* Ivan the Great of Moscow. London, 1961, p. 335. Отпущен Василий в Тверь был и в 1492/93 г. (РК, стр. 23).

предшественник, а просто князем [67]. В 1492 г. в Тверь были посланы писцы «писати по московски сохи» [68].

Утверждение московских порядков, связанное с деятельностью княжича Василия, конечно, не могло прийтись по вкусу сторонникам сохранения тверских вольностей. И совершенно естественно, что свои чаяния они связали с именем Дмитрия Ивановича, «законного» претендента на Тверское княжество.

Группировка Дмитрия-внука имела прочную опору в среде высших бюрократических дельцов столицы, затронутых еретическим вольномыслием. Ее лидером был фактический глава складывающегося центрального ведомства по внешним сношениям (будущего Посольского приказа) дьяк Федор Курицын [69]. Еще в 1481 г. он был отправлен с посольством к венгерскому королю Матвею Корвину и молдавскому господарю Стефану III. Около июня 1484 — марта 1485 г. он вернулся на Русь. К этому времени и сложился московский еретический кружок. В него входили брат Федора Иван Волк Курицын [70], дьяки Истома и Сверчок, писец Иван Черный, купцы Иван Зубов и Семен Кленов, сын боярский Митя Конопле́в, а также некоторые представители «белого духовенства». Первые сведения о близости Федора Курицына к Ивану Молодому датируются 1485—1490 гг. [71] Курицыну, очевидно, принадлежит Повесть о Дракуле, в которой содержится осуждение деспотизма и вместе с тем понимание необходимой государевой «грозы» в борьбе с «разбоями» [72]. Иван Волк Курицын был переписчиком сборника русских и византийских законов «Мерила праведного». Идеология кружка Федора Курицына — это идеология сторонников укрепления единого Русского государства.

Тверская группировка Дмитрия-внука и близких к ним Патрикеевых и Ряполовского [73] во внешней политике отстаивала необходимость сближения с Литвой [74]. В этой связи можно вспомнить и факт тесных родственных связей Елены Стефановны с

---

[67] АСЭИ, т. III, № 181 (1490 г.). Он назван «великим князем» только во включенном акте 1497 г., помещенном в судном списке 1504 г. (там же, № 165.) Но это позднейшая реминисценция.

[68] ПСРЛ, т. 25, стр. 287.

[69] В посольских делах он упоминается в ноябре 1491—1495, 1497 — апреле 1500 гг. (Сб. РИО, т. 35, стр. 56, 298 и др.).

[70] В 1495 г. Иван Волк и Федор Курицыны сопровождали Ивана III в Новгород (РК, стр. 25), в 1496 г. Иван Волк участвовал в походе на Казань (там же, стр. 28), а в 1495—1497 гг. подписал докладную грамоту (АСЭИ, т. III, № 209).

[71] АСЭИ, т. I, № 523.

[72] «Повесть о Дракуле». Исследование и подг. текста Я. С. Лурье. М.— Л., 1964.

[73] Зато врагом Твери, судя по летописной записи 1483 г., был Владимир Гусев, один из лидеров группировки княжича Василия (ПСРЛ, т. 15, стр. 499)

[74] *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., ч. 2, стр. 315, 316; *К. В. Базилевич.* Указ. соч., стр. 374.

князьями литовского дома (ее мать была сестрой Михаила Олельковича, с которым, кстати говоря, в Новгород приехал Схария).

Изучение тверской среды, поддерживавшей еретический кружок Федора Курицына и Елены Стефановны, интересно и потому, что помогает установить преемственность вольнодумных идей. Традиции еретического вольномыслия в Твери имели глубокие корни, а в конце XV в. именно Тверь была одним из очагов реформационного движения. В год Тверского взятия (1485 г.) «еретик» Иван Черный, вероятно по распоряжению Ивана III, переписал «Еллинский летописец» в связи с возросшим интересом к предыстории величия Москвы. Отмечая этот факт, Л. В. Черепнин поставил очень интересный вопрос: не делал ли Иван III «попытки приблизить к себе и тверских еретиков»[75]. К сожалению, конкретных данных о составе тверских еретиков у нас нет, но благожелательное отношение московского великого князя в 80—90-х годах XV в. к их высоким покровителям несомненно.

Итак, разбор летописных сведений о событиях 1497—1498 гг. показывает, что в последние годы правления Ивана III произошла последняя вспышка борьбы тех же самых сил, которые выступали на арене политической жизни еще во время феодальной войны второй четверти XV в., когда Москве противостоял углицко-новгородский блок при благожелательном нейтралитете Твери. В 1497—1498 гг. победу одержали те силы, которые опирались на поддержку тверской группировки в составе придворной знати, а силы, опиравшиеся на удельное княжение и новгородское окружение архиепископа Геннадия, потерпели поражение.

Наиболее достоверный рассказ о происшедших событиях содержится в летописном своде 1500 г., сохранившемся в новгородской традиции (летописный свод 1539 г.). Запись летописного свода 1508 г., прошедшая редакционную обработку окружения Василия III, передает уже позднейшую, тенденциозную версию о событиях, приведших к опале княжича Василия Ивановича, ставшего в 1505 г. уже великим князем всея Руси.

---

[75] *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, стр. 895.

НОВГОРОДСКАЯ V ЛЕТОПИСЬ И ВОПРОС ОБ ИСТОЧНИКАХ НИКОНОВСКОГО СВОДА

Б. М. Клосс

При изучении новгородского летописания XV в. заслуживает внимания так называемая Новгородская V летопись [1], отразившая ряд древних источников. Один из старейших и наиболее полный список этой летописи — Хронографический (ГИМ, Син. 280) — представляет и самостоятельный интерес для истории русского летописания, потому что, во-первых, продолжает Новгородскую V летопись текстом «свода 1491 г.», занимающего важное место в еще во многом не выясненной системе сокращенных сводов конца XV в., а во-вторых, этот список являлся, как полагал А. А. Шахматов, источником Никоновской летописи. Последнее имеет особенное значение, поскольку в том случае, если бы мнение А. А. Шахматова оказалось справедливым, мы имели бы в своем распоряжении непосредственный источник Никоновской летописи. Изучению взаимоотношения Хронографического списка Новгородской V и Никоновской летописей посвящена настоящая работа.

Для решения указанной задачи следует заново пересмотреть вопрос об источниках Новгородской V летописи и историю самой рукописи Син. 280. Состав Новгородской V летописи, доводившей изложение до 1446 г., определен А. А. Шахматовым: в основание ее положен младший извод Новгородской IV летописи, который местами исправлен, местами же (статьи 955—996, 1384—1405 гг.) заменен текстом Новгородской I летописи [2]. Правда, вопрос о Новгородской I летописи, бывшей в распоряжении составителя Новгородской V, представлялся А. А. Шахматову не вполне ясным. В исследованиях на эту тему ученый развивал мысль, что Новгородская I летопись была использована в редакции 1433 г.[3], но впоследствии на полях рукописи «Обозрения» написал, что считает более вероятным, что источником Новгородской V летописи был Комиссионный список, исправленный по Троицкому [4].

[1] Об изводах и списках летописи см.: *А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.— Л., 1938, стр. 196—197.

[2] Там же, стр. 197—202, 368. Добавим, что Новгородская IV летопись при этом наиболее близка к спискам Академическому и Дубровского.

[3] Там же, стр. 201—202, 368.

[4] Там же, стр. 196, 207.

Действительно, многие чтения Новгородской V в статьях 955—996 гг. роднят ее именно с Комиссионным списком. Отметим в первую очередь случаи переработки текста «Повести временных лет». Так, под 955 г. в других списках Новгородской I, Новгородской IV и Софийской I летописей читается: «людие мои погании и сын мои», а Комиссионный список и Новгородская V летопись одинаково добавляют: «тако же поган бе» [5]. Несколько ниже вместо: «аще ты, рци, тако же постоиши у мене в Почаине, яко же и аз в Суду» — в Комиссионном списке и Новгородской V летописи читаем: «аще ты сице глаголеши от Чемьского царя, рци ему тако: пришедши, постоиши у мене в Почаине, якоже и аз у тебе в Съсуду стоявши» [6]. Под 988 г. в других списках Новгородской I, Новгородской IV и Софийской I летописей читаем: «Иде Володимир с вои», а в Комиссионном списке и Новгородской V: «Иде Володимир в силе велице» [7]. Под 996 г. в других списках: «Володимир виде церковь свершену», а в Комиссионном списке и Новгородской V: «И виде паки Володимир свершену церковь» [8]. Необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. В Комиссионном списке на полях с выносным знаком тем же почерком, но более светлыми чернилами восполнен ряд пропусков, имеющихся в тексте. Оказывается, что в одних случаях аналогичные пропуски имеются и в Новгородской V [9], а в других случаях — нет [10]. Представляется маловероятным, чтобы составитель Новгородской V не принял во внимание указанные на полях исправления. Скорее всего это указывает на то, что в распоряжении составителя находился не сам Комиссионный список, а его протограф, некоторые пропуски которого он восполнял по другим источникам. В пользу этого соображения свидетельствуют также некоторые чтения, общие Новгородской V и Академическому (Толстовскому) списку Новгородской I. Например, «смертью да умреть» вместо «смерть прииметь» или «кая есть вера ваша» вместо «како есть вера ваша», как в Комиссионном и Троицком списках [11]. Высказанное мнение подтверждается и рассмотрением другого комплекса сообщений, где отразилась Новгородская I летопись,— статей 1384—1402 гг. (а не 1405 г., как считал А. А. Шахматов). Заметим сначала, что здесь не мог отразиться Академический список Новгородской I летопи-

---

[5] НПЛ. М.— Л., 1950, стр. 114, вар. 50. Чтения Новгородской V летописи см. по изданию ПСРЛ, т. IV, ч. 2, вып. 1. Пг., 1917.

[6] НПЛ, стр. 115, вар. 58—60.

[7] Там же, стр. 150, вар. 17.

[8] Там же, стр. 165, вар. 23.

[9] Там же, стр. 118, вар. ж; стр. 134, вар.б; стр. 155, вар. а, б. В других списках Новгородской I, Новгородской IV и Софийской I этих пропусков нет (кроме последнего — в Новгородской IV и Софийской I).

[10] Там же, стр. 122, вар. а; стр. 128, вар. а, б; стр. 152, вар. а; стр. 156, вар. в; стр. 157, вар. г. Причем окружающий текст — из Новгородской I летописи.

[11] Там же, стр. 116, вар. 45 и стр. 520; стр. 132, вар. 15 и стр. 530.

си ввиду отсутствия характерной стилистической особенности этого списка — замены типа «еха» на «иде» [12]. Наоборот, в большинстве существенных разночтений текст Новгородской V явно склоняется в пользу Комиссионного списка [13]. Но с другой стороны, в некоторых случаях Новгородская V совпадает все-таки именно с Академическим списком. Например, «Того же году» вместо «Того же лета» [14], «много поимаша» вместо «поимаша бещисла» Комиссионного списка [15].

Троицкий список Новгородской I, доведенный до 1015 г., вообще говоря, представляет некоторую загадку: с одной стороны, он примыкает к младшему изводу Новгородской I, с другой стороны, выясняется, что его окончание явно выписано из другого источника, природу которого А. А. Шахматов затруднялся точно определить [16]. Как уже указывалось выше, протограф Троицкого списка, по предположению А. А. Шахматова, являлся одним из источников Новгородской V летописи. Правда, указанные А. А. Шахматовым совпадения Новгородской V и Троицкого списка [17], как выяснилось при проверке, не являются индивидуальными чтениями Троицкого списка, но мы можем указать на факт обратного воздействия: оказывается, окончание Троицкого списка выписано именно из Новгородской V летописи. Для доказательства достаточно рассмотреть следующий фрагмент: «да аще еси получил дръзновение у бога, молися *богу* о мне, да и аз ту же *смерть бых* принял; луче бо ми с тобою *умърети*, нежели в свете сем прелестнем *жити*» [18]. Слова «смерть бых приял» читаются в младшем изводе Новгородской IV (списки Фроловский, Строевский, Синодальный), между тем как в старшем изводе (и в Софийской I): «страсть принял» [19]. Аналогично «умърети» характерно для младшего извода Новгородской IV. В старшем изводе и Софийской I было «жити» [20]. Наконец, выделенные слова «богу» и «жити» отсутствуют в Новгородской IV (и в Софийской I) и читаются лишь в Новгородской V.

В Новгородской V выделяется еще один источник, давший ряд дополнительных сведений за конец XIV — начало XV в., не находящих себе соответствия ни в Новгородской I, ни в Новгородской IV. Определим его хронологические рамки. Под 1385 г.

---

[12] Замены такого типа производятся писцом Академического списка систематически на пространстве 1224—1437 гг.

[13] НПЛ, стр. 380, вар. 19; стр. 381, вар. 9,36, 57; стр. 382, вар. 44, 45, 71; стр. 383, вар. 6, 16, 31, 45; стр. 385, вар. 2, 10; стр. 387, вар. 10, 43; стр. 388, вар. 25; стр. 391, вар. 11; стр. 392, вар. 14; стр. 397, вар. 1. Текст Новгородской V см. по летописи Авраамки (ПСРЛ, т. XVI. СПб., 1889).

[14] НПЛ, стр. 389, вар. 30; ср. ПСРЛ, т. XVI, стб. 139; Син. 280, л. 671.

[15] НПЛ, стр. 392, вар. 30; ср. ПСРЛ, т. XVI, стб. 142; Син. 280, л. 673.

[16] *А. А. Шахматов.* Обозрение, стр. 174.

[17] *А. А. Шахматов.* Киевский начальный свод 1095 года.— В кн.: «А. А. Шахматов. 1864—1920. Сб. статей и материалов». М.— Л., 1947, стр. 146—147.

[18] НПЛ, стр. 556.

[19] ПСРЛ, т. IV, изд. 2, вып. 1, стр. 102, вар. 52.

[20] Там же, стр. 102, вар. 55.

читаются известия о прибытии в Новгород Стефана Пермского и об окончании строительства церкви Богородицы в Радоковичах. Под 1399 г. при перечислении убитых литовских князей к имени Ивана Ямонта добавлено: «наместьник Смоленьский» (Син. 280, л. 675 об.[21]; ПСРЛ, т. XVI, стб. 145). В известии 1400 г. о том, что «погоре владыченъ берег», уточняется: «от Водных ворот до Володимира» (соответственно — л. 676; стб. 146). Под 1402 г. в известии о поставлении церкви Варвары добавлено: «а старую розбиша» (л. 677; стб. 147). Под 1403 г. читается длинное сообщение о задержании митрополитом в Москве новгородского архиепископа Ивана, там же уточняется, что владыка пробыл в Москве 3 года, 3 месяца и 3 недели (в Новгородской I — 3 года и 4 месяца, в Новгородской IV — «полчетверта лета»). Под 1415 г. указывается, что половодье случилось «на святой недели» (л. 691; стб. 162), там же в известии о солнечном затмении добавлено: «мрак акы зелен, и друга возле одва видети, начася како обеднюю пели» (л. 691; стб. 162). Под 1417 г. читается более подробная редакция сообщения о поставлении церкви Настасьи (л. 694; стб. 165—166). Под 1418 г. в сообщении о захвате Кременца указывается, что Дашко прибыл к городу «на срок, на святой недели» (л. 696; стб. 168). Под 1421 г. помещен более подробный рассказ о наводнении в Новгороде (л. 702 об.; стб. 174), там же при имени посадника Александра Фоминича добавлено — «Царько» (л. 704; стб. 176). Под 1422 г. указано, что церковь Воскресения построена Давидом Дмитриевичем (л. 704 об.; стб. 176). Такие детали, как в рассказе 1423 г.— что новгородцы выслали Феодосия «из владычня двора» (л. 704 об.; стб. 177), или под 1424 г.— что Емельян «паречен быть Еуфимии» от митрополита Фотия (л. 705; стб. 177), можно было бы приписать редакторской обработке составителя, если бы они не читались в Московском своде 1479 г., где также отразился некоторый новгородский материал (см. соответственно под 1423 и 1428 гг.).

А. А. Шахматов определял данный источник как Новгородско-софийский свод, причем он считал, что использование его начинается со статьи 1405 г.[22] Поводом к такому предположению послужила запись на полях под 1405 г. «съ другого съ старого» (Син. 280, л. 678 об.; в летописи Авраамки примерно в том же месте фраза вставлена в текст: «а се съ другого старого» — ПСРЛ, т. XVI, стб. 149). А. А. Шахматов думал, что, использовав на пространстве 1384—1405 гг. Новгородскую I летопись, составитель указанными выше словами отметил переход к новому источнику — Новгородско-софийскому своду. Но, как нам кажется, дело здесь обстоит иначе. При сверке текста выяснилось, что составитель Новгородской V окончил сплошное переписывание Новгородской I на статье 1402 г., а с 1403 г. перешел к Нов-

[21] В настоящей работе принимается в рассмотрение нумерация листов рукописи Син. 280 по верхнему полю.

[22] *А. А. Шахматов.* Обозрение, стр. 199.

городской IV. Текст Новгородской IV и идет до самого конца летописи, изредка пополняясь сведениями из другого источника. Заметка же на полях объясняется следующим образом. Как известно, события, связанные с захватом Смоленска Витовтом и приездом князя Юрия Святославича в Новгород, описаны в Новгородской IV дважды: один раз по источнику, близкому к Новгородской I (но местами более подробному), другой — по Новгородско-софийскому своду (совпадает с Софийской I). Легко заметить, что указанная приписка на полях помещена как раз против второго рассказа о смоленских событиях, т. е. тем самым составитель выразил знакомство с источниками обоих рассказов (из них по крайней мере один являлся для него «старым»).

Отметим, что рассмотренный выше комплекс известий не обязательно, как считал А. А. Шахматов, принадлежит Новгородско-софийскому своду,— это мог быть летописец, хронологически охватывавший события до начала 20-х годов XV в. и существование которого устанавливается, исходя из датировки статей новгородского происхождения, помещенных в приложении к Комиссионному списку, и из наблюдения над сменой стиля летописания после 1423 г. (см. Новгородскую I и Новгородскую IV летописи), когда объем погодного изложения резко упал.

Обратимся теперь к рассмотрению Хронографического списка. Рукопись Син. 280 сложна как по составу, так и по истории своего создания. Ядро памятника составляют Еллинский летописец (лл. 6—409 об.) [23] и Новгородская V летопись (лл. 441—662 об., 667—715) [24], написанные одним писцом в конце XV — начале XVI в. Ко второму этапу работы следует отнести материал, помещенный в начале рукописи и между двумя указанными произведениями (статьи разнообразного содержания), а также на лл. 715 об.— 729 об. (продолжение летописи, но уже на московской основе) [25]. В этом тексте различаются четыре почерка, но большая часть работы выполнена лишь одним из писцов (лл. 410—433 об., 715 об.—729 об.). Переписанная им на лл. 715 об.—729 об. летопись однородна с сокращенными сводами конца XV в. и списком Царского Софийской I летописи. Но еще до начала его работы видим вмешательство чьей-то редакторской

[23] Водяные знаки: 1) папская тиара — близкие варианты у Брике, № 4899 (1501—1503 гг.) и Лихачева, № 1351 (1507 г.), № 1387 (1511 г.); на л. 204 знак имеет сбоку монограмму особого вида — см. у Брике, № 6911 (1492—1502 гг.); 2) голова быка с крестом, перевитым змеей,— аналогично у Брике, № 15376 (1498 г.) и Лихачева, № 1346, 1347 (1507—1508 гг.).

[24] Водяной знак: три горы с крестом — аналогично у Лихачева, № 1272 (1497 г.), № 1338 (1501 г.), близкий вариант у Брике, № 11808 (1490—1501 гг.).

[25] Лл. 1, 2, 5, утеряны, лл. 411, 416—418, 440 чистые. Водяной знак — папская тиара — почти такой же, как в первом случае. Поэтому по времени данный этап, можно думать, примерно синхронен первому; на это также указывают список русских великих князей, доведенный до Дмитрия, внука Ивана III (л. 3), и особый перечень тех же князей, кончающийся Иваном III с указанием его сыновей (лл. 430—433 об.).

руки: не уместившиеся в последней строке л. 715 и вынесенные поэтому на поля слова «полтине бысть» стерты и переписаны на л. 715 об.; затем они продолжены известием: «Того же лета родился великому князю сын князь Ондрей на Оуглечи августа 14 день» (ср. со сводом 1493 г.); тем же почерком сделаны приписки и исправления на лл. 714 об.—715, совпадающие с соответствующим местом, например, сокращенного свода 1493 г.[26] Лишь после этого к переписке летописного текста, начиная со статьи 1447 г., приступил новый писец.

Окончательно Хронографический список сложился несколько позже, видимо во второй четверти XVI в.: были вставлены лл. 663—666 со «Словом о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» и лл. 730—737 с летописными статьями 1491—1496 гг.[27] Характеристика этого этапа будет дана ниже.

Хронографический список дополнил Новгородскую V летопись материалами московского летописания, а изложение в нем доведено до 1496 г. и обрывается на неоконченной фразе (после чего половина л. 737 и весь л. 737 об. остались чистыми). А. А. Шахматовым было установлено, что этот дополнительный летописный текст восходит к своду, доведенному до 1491 г.[28] Как показывает сравнение Хронографического списка с летописью Дубровского и Отрывком летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку, их общий текст доходит до 1491 г. (оканчиваясь известием о прибытии воевод Репниных-Оболенских), после чего в последних летописях идет статья с изложением событий 1498 г., а в Хронографическом списке добавлено еще несколько известий 1491 г. (начиная с описания пожара в Угличе), нарушивших хронологическую последовательность сообщений и к тому же повторяющих некоторые известия того же года, изложенные выше в другой редакции. Интересно, что примерно с этого же места, с л. 730, в Хронографическом списке текст писан новым почерком.

Свод 1491 г. на протяжении 1447—1491 гг., как он восстанавливается на основании Хронографического списка, Отрывка и летописи Дубровского, имеет общий источник с сокращенными сводами конца XV в. и списком Царского Софийской I летописи[29]. Тот же характер он имел, видимо, как мы указывали выше, и до 1447 г. Время составления свода можно определить началом 90-х годов XV в. Помимо того, что сама летопись доведена только до 1491 г., приведем еще следующий аргумент. Дело в том,

---

[26] На л. 714 об.: «прииде в Переслав на Дмитреев день, а потом и на Москву» на л. 715: «а с Москвы коромолил на великого князя Иван Старков, да и от гостей, да и от Троецкых черньцов», вписано по подчищенному «февраля 13», и др.

[27] Была использована бумага, на водяном знаке которой представлен двуглавый орел под тиарой,— из опубликованных знаков наиболее близок указанный у Брике № 243 (1516 г.).

[28] *А. А. Шахматов.* О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, стр. 53—55.

[29] *А. А. Шахматов.* Обозрение, стр. 370.

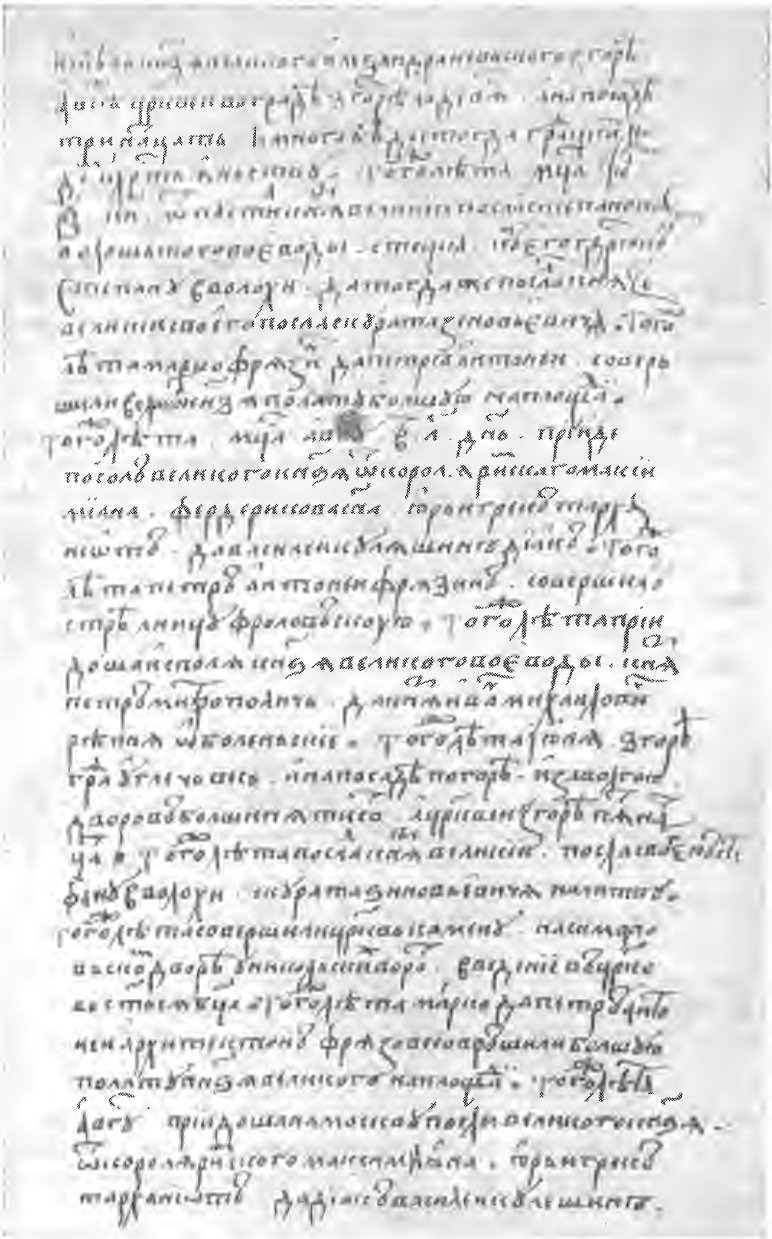
что в московских летописях, отредактированных в конце XV в., известие о поставлении в 1490 г. митрополита Зосимы выглядит весьма скромно: «Возведен бысть на двор митрополичь архимандрит Симановъскыи Зосима» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 331; аналогично в сокращенных сводах конца XV в., своде 1497 г., Уваровской, Симеоновской, Иоасафовской и др.). Это объясняется тем, что в 1494 г. Зосима вынужден был оставить митрополичий престол «не своею волею». Поэтому пышный характер записи о поставлении Зосимы в своде 1491 г. свидетельствует о ее современности: «И по благости божиеи, по избранию святаго духа и изволением благовернаго и христолюбиваго великого князя Ивана Васильевича всея Руси и всех православных епископ и всего священнаго собора Рускыя митрополиа изъбраша архимандрита Симановского Изосиму яко достоина суща управляти богом порученное ему стадо» (Син. 280, л. 728).

Из всего сказанного естественно следует предположение, что текст Хронографического списка, включающий в себя окончание статьи 1491 г. (с известия о пожаре в Угличе), статьи 1492—1495 гг. и начальный фрагмент статьи 1496 г., доведенный до слов «И егда же совершися божественная служба...» (л. 737), относится уже не к своду 1491 г., а к другому источнику. Оказывается, этот источник можно определить. Именно, если мы пожелаем сравнить указанный текст с Иоасафовской летописью, то там его не найдется — тетрадь № 17 с соответствующим текстом отсутствует и ее место заполнено чистыми листами (ГБЛ, ф. 173, № 140, лл. 138—145) [30]. Содержание исчезнувшей тетради легко определяется: л. 137 об. завершается известием 1491 г. о пожаре во Владимире, после которого, судя по близким московским сводам (Уваровской, Никоновской и др.), должно было следовать известие о пожаре в Угличе, а л. 146 начинается со слов: «и приспе время, еже възвести на место митрополита», т. е. точнейшим образом продолжает оборванную в Хронографическом списке фразу [31]. Таким образом, содержание указанной выше части Хронографического списка, дополнившей свод 1491 г., должно совпадать с текстом исчезнувшей тетради № 17 Иоасафовской летописи.

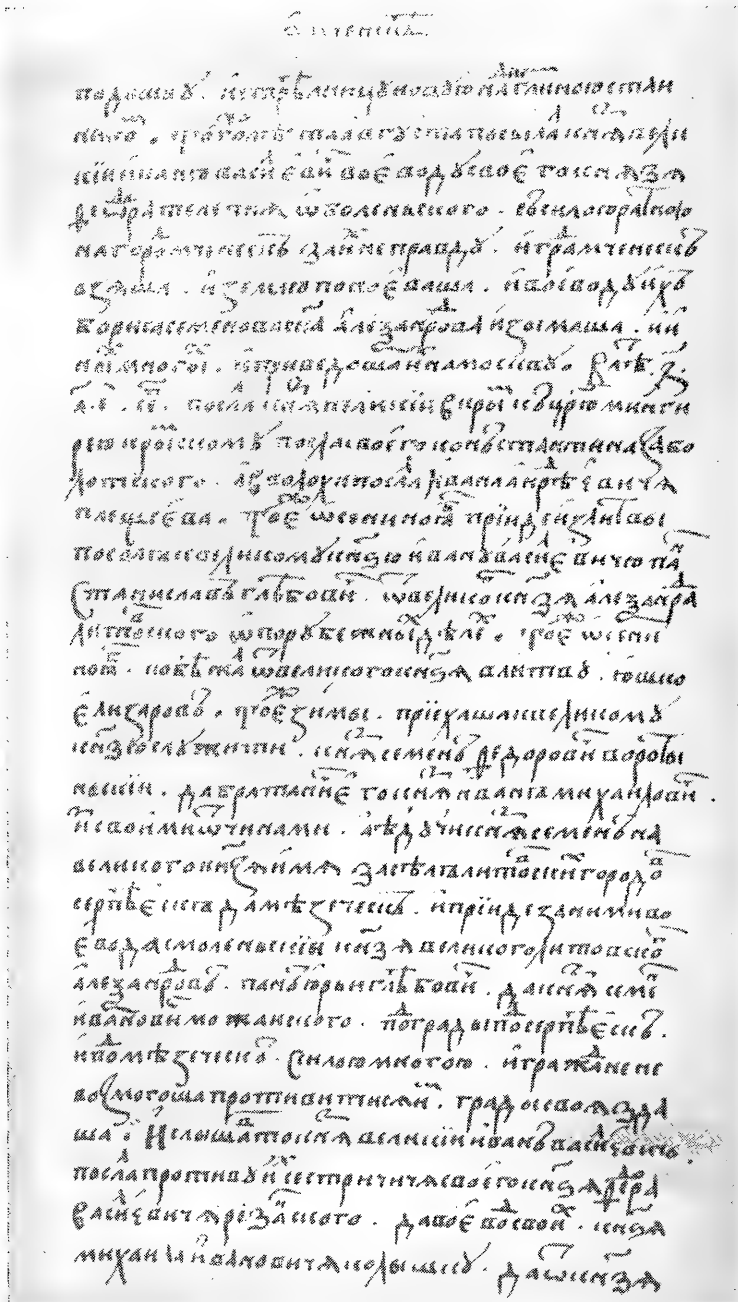
Итак, можно следующим образом представить себе работу составителей Хронографического списка. По всей видимости, было решено дополнить текст свода 1491 г. по Иоасафовской летописи. По счастливой случайности, предпоследний л. 729 об. Хронографического списка кончался известием о пожаре во Владимире, после которого на следующем листе читалось еще несколько строк окончания статьи 1491 г. С этого места и было решено сблизить текст Хронографического списка и Иоасафовской летописи,

[30] Филигрань отлична от остальной части рукописи: гербовый щит под короной с розеткой — см. у Брике, № 1848 (1523—1533 гг.), у Тромонина, № 1815 (ок. 1530 г.).

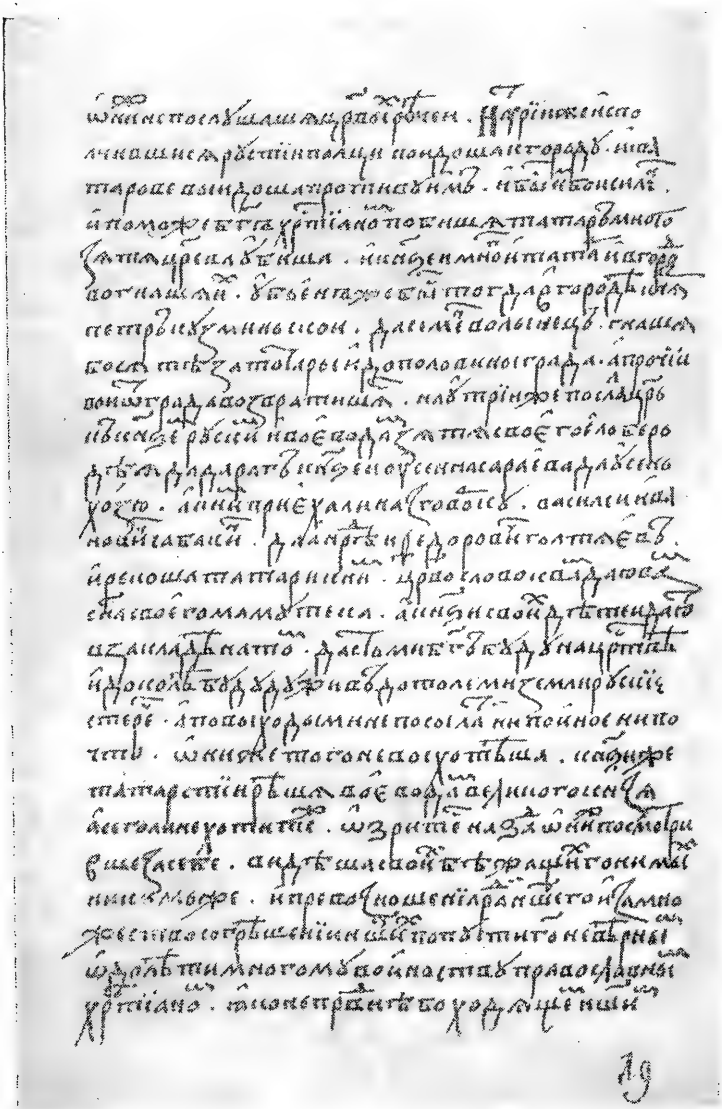
[31] «Иоасафовская летопись». М., 1957, стр. 130, 182—190.



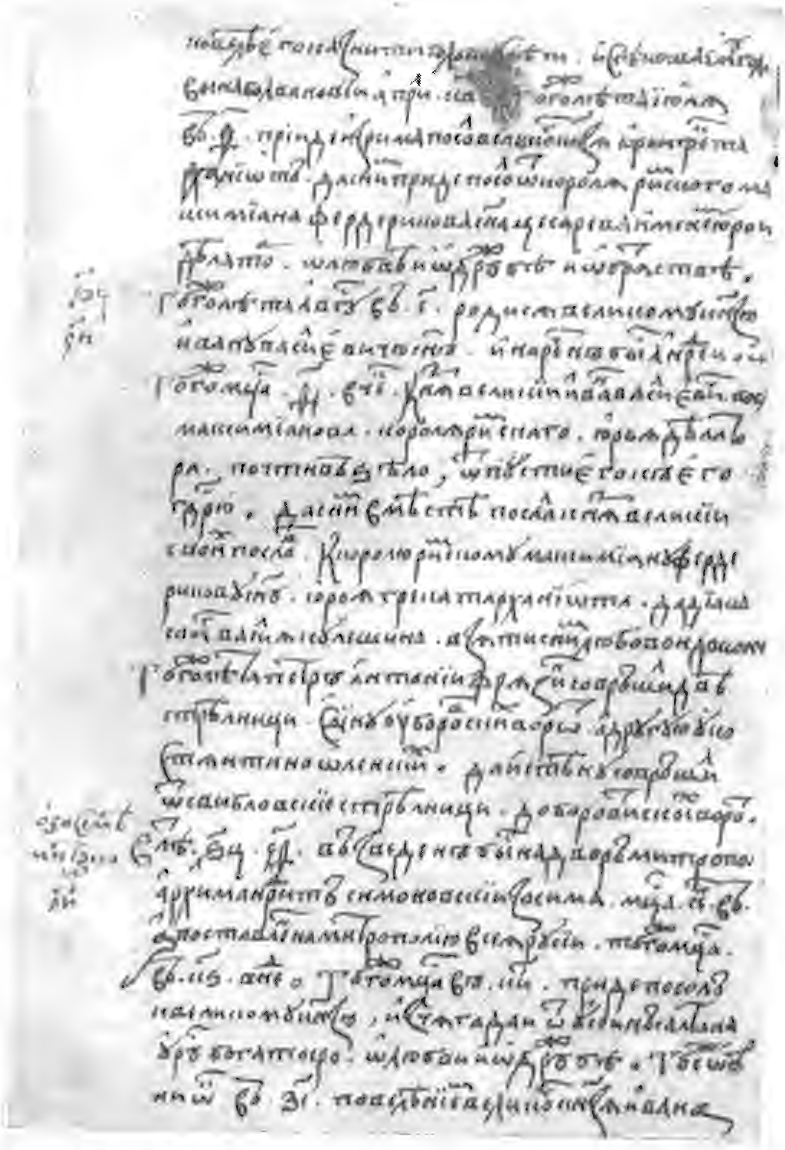
Хронографический список Новгородской V летописи, л. 730



Хронографический список Новгородской V летописи, л. 732



Иоасафовская летопись, л. 19



Иоасафовская летопись, л. 136 об.

поскольку тетрадь № 16 этой летописи также заканчивалась описанием пожара во Владимире. Правда, в Хронографическом списке на л. 729 об. после этого читалось начало следующего известия: «Того же лета месяца июля в 28 отпустил князь великии посла Степанова Во ...», но писец зачеркнул его киноварью, а на л. 730 (с этого листа и начинается новый почерк) продолжил описание пожара во Владимире по Иоасафовской летописи. Затем он переписал зачеркнутую выше фразу об отправке посла, а также последующие известия свода 1491 г. После этого он приступил к списыванию тетради № 17 из Иоасафовской летописи (или, возможно, из ее протографа, так как писцы Иоасафовской рукописи переписывали текст целыми тетрадями), но работы своей не кончил — его сменил другой писец, который и переписал тетрадь до конца (лл. 735—737). Может быть, новый писец не знал, откуда была взята тетрадь для переписки,— тогда это объясняет, почему она не была возвращена на свое место.

Полученное утверждение о связи Хронографического списка с Иоасафовской летописью может быть усилено. Оказывается, писец, начавший переписывать тетрадь № 17 из Иоасафовской летописи в Хронографический список, принимал участие в переписывании самой Иоасафовской летописи, где его почерком написаны тетради №№ 2 и 16 (!). Действительно, обратимся к рассмотрению почерков, которыми написаны лл. 730—734 об. Хронографического списка и лл. 16—23 об., 130—137 об. Иоасафовской летописи.

Это полуустав (XVI в.) с элементами скорописи (особенно заметно в написании надстрочных знаков). Для обоих почерков характерен легкий наклон вправо, изогнутые мачты, некоторая «растянутость» букв по строке. Сравнение с другими почерками приблизительно того же времени (середина XVI в.) позволяет выявить индивидуальные черты, которые оказались общими для обоих почерков: это, во-первых, написание «земли» в виде семерки с резко скошенной вниз головкой и с плавно изогнутым хвостиком, во-вторых, вариант написания «ять» с высокой мачтой и длинной перекладиной, украшенной слева характерной ресничкой. Проведенный анализ показывает, что все устойчивые написания и других букв в обоих почерках совпадают [32]. Мелкие от-

[32] Остальные варианты более или менее типичны и для других почерков XVI в. Отметим только следующие: «д» пишется с удлиненными прямыми ножками, правая из которых слегка скошена и несколько короче левой; «е» употребляется в широком и узком вариантах, но отметим, что широкое «е» отстоит от последующей буквы на некотором расстоянии; «зело» имеет наклон и несколько увеличенную нижнюю петлю; написанное с большим наклоном вправо «о» или вытянуто, или имеет угловатую форму; характерно «ъ» с высокой мачтой и изогнутой крышей; «фита» — узкая с низко расположенной (чуть скошенной) перекладиной, выходящей за рамки овала.

Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность Л. М. Костюхиной и Н. Б. Тихомирову за оказанную консультацию.

личия вполне могут быть объяснены различием в «величине» почерков: мелкий почерк писца Иоасафовской летописи согласуется с аналогичными почерками других писцов той же рукописи, в то время как вписывая текст в Хронографический список, он вынужден был подгонять свой почерк под крупный полуустав основной части списка. Более существенное различие обоих почерков состоит в следующем: в качестве надстрочного «ж» в обеих рукописях употребляется скорописный вариант с написанием в два приема и закрытой петлей в правой части, но если в строке писец Хронографического списка использует начертание в три приема (с закрытой левой петлей), то писец Иоасафовской летописи употребляет два варианта. Это различие также объясняется тем, что в одном случае писец дополнял рукопись, написанную полууставом, и, естественно, должен был придерживаться более строгих правил этого письма; над перепиской же Иоасафовской летописи трудились несколько писцов, работавших в скорописной манере, что оказало влияние и на нашего писца (видно, что на последних листах тетради № 16 он часто сбивается на скоропись). Подводя итоги, во всяком случае можно сказать, что очевидная близость рассматриваемых почерков Хронографического списка и Иоасафовской летописи в сочетании с тем обстоятельством, что в Хронографический список была вписана тетрадь именно из Иоасафовской летописи, позволяет сделать вывод, что оба почерка принадлежат одному и тому же лицу.

Установление связи между Хронографическим списком и Иоасафовской летописью важно еще тем, что оба памятника имеют самое непосредственное отношение к составлению Никоновского летописного свода. Еще А. А. Шахматов указал на тесную связь Иоасафовской летописи с Никоновской [33]. Впоследствии А. Е. Пресняков привел некоторые соображения в пользу того, что источником Никоновской летописи служил протограф Иоасафовской [34]; это мнение было поддержано А. А. Зиминым [35].

В тексте Хронографического списка и на полях имеются многочисленные поправки и приписки, совпадавшие с Никоновской летописью. Это и позволило А. А. Шахматову высказать мысль, что данный список является источником Никоновского свода [36]. Впрочем, строгого обоснования этого положения ученый не дал. А. Г. Кузьмин высказал прямо противоположное мнение, утверждая, что «в составе свода действительно имеется источник, близкий Новгородской IV или V летописи. Но в целом он отличается от новгородских летописей. Очевидно, приписки Хронографиче-

---

[33] *А. А. Шахматов.* Иоасафовская летопись.— ЖМНП, 1904, № 5, стр. 69—79.

[34] *А. Е. Пресняков.* Иоасафовская летопись.—«Исторические записки», т. 8, 1940, стр. 242—247.

[35] «Иоасафовская летопись», стр. 10.

[36] *А. А. Шахматов.* Обозрение, стр. 205—206, 371.

ского списка являются правкой его по Никоновской летописи» [37]. Для аргументации А. Г. Кузьмин привлекает два примера: вставку «рязанцев» в сообщении под 1169 г. и ошибку в дате начала осады Рязани татарами в статье 1237 г. [38] Но эти чтения имеются в самом тексте Хронографического списка, а не появились в результате исправления; к тому же они имеются и в других списках Новгородской V летописи. Поэтому следовало бы говорить о влиянии Никоновской летописи на Новгородскую V вообще, что невозможно, так как обращение списков последней зафиксировано уже в XV в.

Переходим теперь к обоснованию положения А. А. Шахматова, что Хронографический список являлся непосредственным источником Никоновской летописи. Это обоснование мы начнем с замечания, что именно Новгородская V летопись была положена в основу Никоновской. Об этом свидетельствуют характерные вкрапления текста Новгородской I летописи с признаками Комиссионного списка, которые были отмечены выше на пространстве 955—996 гг., а также наличие в Никоновской летописи чтений особого источника, выделенного в Новгородской V на протяжении конца XIV — первой четверти XV в. (в Никоновской отразились также и другие многочисленные особенности Новгородской V летописи).

В вопросе, мог ли Хронографический список являться источником Никоновской летописи, очень показателен следующий пример. Под 1430 г. в сообщении о засухе текст Хронографического списка местами подчищен (но заметно, что читались те фразы, что и в других списках Новгородской V) и другим почерком и другими чернилами вписаны новые слова. В результате сообщение читается теперь в следующем виде: «Тои осени вода бысть мала велми, *и* земля и лесы горяху, и дым мног велми, иногда и друга не видети, и с того дыма *звери* и птици *и рыбы мряху, и человеци в ноужи бяху велицеи*» [39]. Указанные исправления читаются в Никоновской летописи, но здесь переработка коснулась и других частей текста: «Того же лета с у х м е н ь б ы л а в е л и к а и воды д о б р е малы, а земля и б о р ы и лесы горяху, и дым мног велми, иногда ж е д р у г друга не видети, и с того дыму *звери* и птицы *и* рыбы в в о д а х *мряху, и человецы в нужи беху велице* и *умираху*» [40]. Исправления в Хронографическом списке сделаны сходным почерком и чернилами, какими правился текст под 1446 г. Важно подчеркнуть, что в обоих случаях применен способ подчистки старого текста, и это отличает, наряду с почерками, эти два места от комплекса приписок и поправок, произведенных в Хронографическом списке в части «Повести времен-

---

[37] *А. Г. Кузьмин.* Рязанское летописание. М., 1965, стр. 26.
[38] Там же, стр. 105, 179.
[39] Син. 280, л. 706. Курсивом отмечены вписанные слова.
[40] ПСРЛ, т. XII, стр. 9.

ных лет». Дополним эти наблюдения рассуждениями другого рода. Если предположить, что Хронографический список правился по Никоновской, то покажется странным, что при вписывании фразы «мряху, и человеци в ноужи бяху велицеи» оказались опущенными словами «в водах» и «умираху», стоящие в тексте Никоновской летописи впереди и позади указанной фразы и которых тоже не было в старом тексте Хронографического списка (т. е. пропущены те места, где внимание переписчика особенно велико). Более того, после слова «велицем» в Хронографическом списке до начала статьи следующего года еще осталось свободное место, в котором вполне уместилось бы слово «умираху». Объясним теперь, откуда появились некоторые лишние слова в сообщении Никоновской летописи. Во-первых, фраза Никоновской летописи «сухмень была велика» совпадает с киноварным заголовком на полях Хронографического списка: «сухмень велика», а внесение заголовка в текст обычно является признаком его вторичности. Во-вторых, обратим внимание, что сообщение о засухе в Никоновской летописи повторяется под 1431 г., но здесь оно заимствовано из источника, близкого к Ермолинской летописи. В Ермолинской (см. ПСРЛ, т. XXIII) читаем: «Тогда же засуха велика была, земля и болота горели ... и рыбы в в о д е мерли». Теперь видим, что составитель Никоновской летописи обрабатывал оба сообщения в одинаковой манере; он пишет: «земля и б о р ы и болота горяху»,— в обоих известиях он вставил лишнее «и боры»; уточнение Ермолинской — что рыбы «в воде мерли» — он переносит в сообщение под 1430 г., зато под 1431 г., чтобы не повторяться, вовсе опускает эту фразу; под 1430 г. составитель добавляет, что люди во время засухи «умираху», под 1431 г. не менее сильное добавление: «и глад бысть велик по всеи земли Русскои». Таким образом, лишние места Никоновской летописи вполне объясняются влиянием ее летописных источников и стилистической манерой самого составителя Никоновской летописи. Тогда и текст Хронографического списка должен быть признан первичным.

Приведем еще одно наблюдение. Под 912 г. в Никоновской летописи пропущена фраза: «толицем же пребоудеть по закону» [41]. Оказывается, что пропущенные слова занимают в Хронографическом списке в точности целую строку [42]. Это дает основание считать, что и в данном случае источником Никоновской летописи служил Хронографический список.

Вопрос о том, являлись ли приписки и исправления в тексте Хронографического списка источником Никоновской летописи или, наоборот, они представляют результат правки этого списка по Никоновской, в целом представляется довольно сложным. Во всяком случае мы не можем присоединиться к мнению Л. Г. Кузь-

[41] ПСРЛ, т. IX, стр. 20, вар. 3.
[42] Син. 280, л. 455 об., 18-я строка сверху.

мина, что, «очевидно, приписки Хронографического списка являются правкой его по Никоновской летописи». Исправления сделаны разными почерками и, возможно, появились в разное время. Некоторые приписки Хронографического списка вообще не читаются в Никоновской и, следовательно, не могли появиться в результате сверки с этой летописью [43]. Рассмотрим также следующий пример. В результате исправления в тексте и приписок на полях конец статьи 985 г. и начало статьи 986 г. читаются в Хронографическом списке следующим образом (выделяем курсивом все исправленные места): «И створи мир Володимир с Болгары и роте *захотеша* межи собою и реша Болгари: *аще ли* не будеть мира межи нами, *егда* начнеть камень плавати, а хмель *на воде* грязпути, *тогда вам дань взяти*. И прииде Володимир Кыеву. В лето 6494. Приидоша Болгари *к Володимеру* веры *бо хощеши...*» [44] В таком виде текст и читается в Никоновской летописи [45], за одним исключением: вместо «Болгари» в конце отрывка там имеем «Срацыни». Мы убедились, как тщательно и обильно правился текст в Хронографическом списке, и поэтому маловероятно, чтобы редактор (если правка производилась по Никоновской) не обратил внимания на эту бросающуюся в глаза разницу. Это тем более странно потому, что слово «Болгари» попало в поле его зрения — возле него он сам поставил киноварью крестик, обозначавший знак выноски, а на полях приписал: «к Володимеру». Более того, в Никоновской летописи слово «Срацыни» повторено тут же второй раз, теперь уже в виде киноварного заголовка рядом с названием статьи 6494 г. Самостоятельный характер исправлений в Хронографическом списке проявляется еще в том, что слово «Бохмечи» не было понято редактором и он его зачеркнул, а потом уже переправил на «бо хощеши».

Таким образом, некоторые приписки Хронографического списка, во всяком случае, не могли появиться в результате правки по Никоновской летописи, скорее всего они и явились источником соответствующего текста Никоновской. Это, впрочем, не препятствует признанию того, что ряд приписок мог появиться в результате сверки, например, с черновым вариантом Никоновской летописи.

Продолжая наше исследование, обратимся к рассмотрению «Слова о житии и преставлении» великого князя Дмитрия Донского, помещенного в Хронографическом списке на лл. 663—666 об., и сравним его с Никоновской летописью [46]. Во-первых,

---

[43] Например, на л. 450 об. на полях с выносным знаком другим почерком и другими чернилами помещены исправления: «яже и преже рече» и «Святославля до перваго лета»,— но их нет в Никоновской летописи; ср. ПСРЛ, т. IX, стр. 16.

[44] Син. 280, л. 480. О характере исправлений см.: ПСРЛ, т. IV, ч. 2, вып. 1, стр. 58, вар. и-п.

[45] ПСРЛ, т. XI. М., 1965, стр. 42.

[46] О взаимоотношениях редакций Слова в различных летописях см.: *В. П. Адрианова-Перетц*. «Слово о житии и о преставлении великого князя

отметим, что «Слово о житии» по Хронографическому списку восходит к традиции Софийской I летописи (младшего извода или основной редакции). Действительно, в большинстве случаев, где Софийская I отличается от Новгородской IV, Хронографический список следует именно Софийской I. Приведем некоторые примеры: 1) заголовок в Новгородской IV начинается так: «Слово о житии...» (ПСРЛ, т. IV, вып. 2. Л., 1925, стр. 351), а в Хронографическом списке и Софийской I: «О житии...» (Син. 280, л. 663; ПСРЛ, т VI. СПб., 1853, стр. 104); 2) в Новгородской IV: «православного князя Ивана Даниловича» (т. IV, стр. 351), в Хронографическом списке и Софийской I: «великаго» (Син., л. 663; т. VI, стр. 104); 3) в Новгородской IV: «потом же и тому преставльшуся» (там же), в Хронографическом списке и Софийской I — пропущено; 4) в Новгородской IV: «яко златопрьсистый голубь и сладкоглаголивая ластовица» (т. IV, стр. 352), в Хронографическом списке и Софийской I — пропущено; 5) в Новгородской IV: «божественаго апостола Павла се сбыться о нем глаголющее, еще рече: мы есте...» (т. IV, стр. 355—356), в Хронографическом списке и Софийской I: «Христова апостола Павла сбыться о нем реченое: братие, вы есте...» (Син., л. 663 об.; т. VI, стр. 106); 6) в Новгородской IV: «Житие дръжаше, на престоле седяше» (т. IV, стр. 356), в Хронографическом списке и Софийской I: «житие свершаше, землю Русьскую управляше, на престоле царьстем седя» (Син., л. 664; т. VI, стр. 106). Но иногда Хронографический список дает общие чтения с Новгородской IV: 1) в Хронографическом списке и Новгородской IV: «злобою младенецъ обреташеся» (Син., л. 663—663 об.; т. IV, стр. 352), а в Софийской I — «отроча» (т. VI, стр. 104); 2) в Новгородской IV: «стенами чудно огради» (т. IV, стр. 352), в Хронографическом списке — «чюдне» (л. 663 об.), а в Софийской I: «чюдными» (т. VI, стр. 104). В то же время в Хронографическом списке не имеется характерных особенностей текста старшего извода Софийской I (т. VI, стр. 104—111).

С другой стороны «Слово о житии» по Хронографическому списку представляет по сравнению с Софийской I и Новгородской IV летописями текст особой редакции, которая и была положена в основу Никоновской летописи. Отметим наиболее яркие особенности этой редакции, общие Хронографическому списку и Никоновской летописи: 1) в заголовке отсутствуют слова: «царя Русьскаго» (Син. 280, л. 663; ПСРЛ, т. XI. М., 1965, стр. 108); 2) пропущены слова: «с любимым си братом своим князем Иваном Ивановичем» (Син., л. 663; т. XI, стр. 108; ср. т. IV, стр. 352; т. VI, стр. 104); 3) к слову «стенами» добавлено: «каменными» (Син., л. 663 об.; т. XI, стр. 109); 4) в Новгородской IV и Со-

---

Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго».—ТОДРЛ, т. V. М.— Л., 1947, стр. 73—96.

фийской I: «во всем мире славен бысть», а в Хронографическом списке и Никоновской летописи: «во всех странах славно имя его бяше» (там же); 5) в Хронографическом списке и Никоновской летописи пропущен большой отрывок с изложением воинских эпизодов, от слов «И умножися слава имени его ...» до слов «Аще дерзну несрамно рещи о житии сего великого князя и царя Русьского ...» (т. IV, стр. 353—355; т. VI, стр. 104—106); 6) в Новгородской IV и Софийской I количество лет, прожитых в супружестве Дмитрием и Евдокией, определяется как 22, время великого княжения Дмитрия — как 29 лет и 6 месяцев, время жизни князя — 38 лет и 5 месяцев; в Хронографическом списке и Никоновской летописи аналогичные данные имеют соответственно вид: 24 года, 27 лет и 6 месяцев, 40 лет (Син., л. 664; т. XI, стр. 110); 7) в Новгородской IV и Софийской I читается: «възрадовашася великая княгини и сынове его радостию великою и велможа его» (т. VI, стр. 107; т. IV, стр. 356), а в Хронографическом и Никоновской летописи: «возрадовашася вси людие о сем» (Син., л. 664; т. XI, стр. 110); 8) в Софийской I и Новгородской IV читается: «и уже приближися ко смерти душа его» (там же), а в Хронографическом списке и Никоновской летописи вместо последних слов — «конець житиа его» (Син., л. 664; т. XI, стр. 113); 9) в Софийской I и Новгородской IV читается: «въздаваите противу служению их, без воля их ...» (т. VI, стр. 107; т. IV, стр. 357), а в Хронографическом списке и Никоновской летописи: «противу делу коегождо, без их думы ...» (Син., л. 664 об.; т. XI, стр. 114); 10) в Софийской и Новгородской IV: «но все творите с повелением родитель своих», а в Хронографическом списке и Никоновской летописи: «все же творите с разсуждением, якоже достоить, и со вопрошением матере вашея» (там же); 11) в Никоновской летописи отсутствует заключительная Похвала, а в Хронографическом списке она значительно сокращена и переработана.

В своей основе «Слово о житии» Никоновской летописи восходит, несомненно, к Хронографическому списку. По сравнению с последним Слово в Никоновской летописи еще более сокращено (целиком изъят плач княгини Евдокии и др.) и переработано в стилистической манере, присущей составителям Никоновской летописи (особенно наглядно видна эта переработка в начале, где перечисляются все предки Дмитрия Донского по прямой линии). Кроме того, в текст Слова Никоновской летописи вставлен отрывок из духовной грамоты Дмитрия Ивановича. Все это доказывает, что не Никоновская летопись послужила источником при вставке «Слова о житии» в Хронографический список, а наоборот — текст Хронографического списка был положен в основу Никоновской летописи.

Все приведенные выше в совокупности аргументы убеждают, на наш взгляд, в том, что Хронографический список явился непосредственным источником Никоновской летописи. Примечатель-

но также, что две летописи — Хронографический список Новгородской V и Иоасафовская (или ее протограф), будучи источниками Никоновского свода, оказались тесно связанными между собой. Поскольку обе они ведут свое происхождение из канцелярии русского митрополита [47], то, не решая окончательно вопрос о месте составления Никоновского свода, можно во всяком случае сделать вывод, что в качестве источников свода использовались материалы митрополичьей кафедры.

---

[47] А. А. Зимин, привлекая идеологические мотивы, связывает создание Иоасафовской летописи с митрополитом Даниилом («Иоасафовская летопись», стр. 10—12).

К ВОПРОСУ О МИНИАТЮРАХ НИКОНОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ (Син. № 962)

Т. Н. Протасьева

Лицевой летописный свод XVI в. стал предметом исследования многих ученых как со стороны содержания, так и в отношении своих многочисленных миниатюр. Из исследователей прошлого времени следует назвать имена Н. П. Лихачева, А. Е. Преснякова, В. Н. Щепкина. В наше время миниатюры Лицевого свода привлекали внимание А. В. Арциховского и С. О. Шмидта. Вопросу об историческом значении приписок в Лицевом своде посвящены работы Д. П. Альшица и Н. Е. Андреева [1]. Последней обобщающей работой является монография О. И. Подобедовой, посвященная исследованию миниатюр Лицевого свода в целом, дающая цельное представление о возникновении и развитии на Руси иллюстрации светских исторических сюжетов. Кроме того, О. И. Подобедовой прослежены и установлены в Лицевом своде две школы московских миниатюристов — митрополичья и царская, охарактеризованы их отличительные признаки и отмечены приемы отдельных мастеров [2].

Настоящая статья посвящена специальному вопросу — о соотношении текстов последних томов Лицевого свода: так называемой Никоновской летописи с рисунками и Царственной книги, которые составляли единое целое, разделенное впоследствии на две части.

---

[1] *Н. П. Лихачев.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 1. СПб., 1899; *А. Е. Пресняков.* Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893; *он же.* Московская историческая энциклопедия XVI века. СПб., 1900; *В. Н. Щепкин.* Два лицевых сборника имп. Исторического музея.— «Археологические известия и заметки», ч. V, № 4. М., 1897; *он же.* Лицевой сборник Российского исторического музея. СПб., 1900; *А. В. Арциховский.* Древнерусская миниатюра как исторический источник. М., 1944; *С. О. Шмидт.* Миниатюры Царственной книги как источник по истории московского восстания 1547 г.— В кн.: «Проблемы источниковедения», вып. 5. М., 1956; *он же.* Становление российского самодержавства. М., 1973, стр. 42—66; *Д. Н. Альшиц* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени.—«Исторические записки», т. 23, 1947; *он же.* Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г.—«Исторические записки», т. 25, 1949; *Н. Е. Андреев.* Об авторстве приписок в лицевых сводах Грозного.—ТОДРЛ, т. 18. М.— Л., 1962.

[2] *О. И. Подобедова.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965.

Оба эти последних тома хранятся в Государственном историческом музее, куда поступили в составе Синодального (б. Патриаршего) собрания [3].

Царственная книга (Син. № 149) содержит известия о царствовании Грозного за 1533—1553 гг. Написана она на 687 листах, в тексте находятся 1072 рисунка, выполненных в чернильном очерке, без красок. Переплет книги поздний, XIX в., картонный, обтянутый сафьяном. Листы рукописи при переплете, по счастью, не были обрезаны, так что до настоящего времени сохраняют свой первоначальный формат 47,1×33,2 см. По нижнему краю листов сохранились благодаря этому пометы беглым полууставом XVI в.: «Четвертая часть» и «Царственная первая часть» [4].

Также нетронутыми остались приписки скорописью XVI в., помещенные на ряде листов Царственной книги. Они привлекают до настоящего времени неослабное внимание исследователей.

Из всех десяти томов Лицевого свода только рисунки Царственной книги остались нераскрашенными, за исключением лл. 7 и 8 об. Незавершенность работы над иллюстрациями Царственной книги особенно хорошо видна в конце рукописи, там, где рисунки дошли лишь в легком эскизном наброске карандашом, или там, где над готовым текстом оставлены свободные чистые места для миниатюр [5].

Никоновская летопись с рисунками (Син. № 962) содержит известия: с 1535 по 1542 г., с 1553 по 1560 г. и с 1563 по 1567 г. [6] Так же как и Царственная книга, она написана на бумаге, употребленной и в остальных томах Лицевого свода [7]. Основной почерк рукописи — крупный каллиграфический полуустав XVI в. (общий для всех томов Лицевого свода), но встречается также и другой, более сжатый почерк, употребленный в переписанных набело листах [8]. В Никоновской летописи 626 листов и 1125 раскрашенных миниатюр. Первый лист рукописи оборван более чем наполовину, л. 328 пропущен в счете. На полях и в самом тексте имеются приписки и редакторские правки, написан-

---

[3] В Государственном историческом музее хранится также начальный том Лицевого свода (Муз. № 358).

[4] Текст Царственной книги был издан в 1769 г. М. М. Щербатовым, давшим рукописи название согласно этим пометам. См. ниже прим. 11, 46.

[5] Царственная книга, лл. 667—678 об.; 674—676 об.

[6] Листы Никоновской летописи 1—6, 623—626 по содержанию относятся к Хронографу Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, № 151. Лл. 7—93 об. содержат известия 1535—1542 гг., лл. 94—495 — 1553—1560 гг., лл. 496—622 — за 1563—1567 гг. Порядок следования их по отношению к ПСРЛ, т. XIII таков: лл. 7—93, 94—337, 412—416, 338—355, 417, 356—361.

[7] Водяные знаки Никоновской ближе всего к Царственной книге и Голицынскому тому, с преобладанием знака «Корона» (*Н. П. Лихачев.* Указ. соч., ч. I, стр. 303—304).

[8] Лл. 67, 177, 192—204 — крупный полуустав; лл. 202—203 об. — иной, более мелкий.

ные той же скорописью и чернилами того же цвета, что и в Царственной книге [9].

В настоящее время Никоновская летопись имеет переплет XVII в.— доски, покрытые тисненой кожей. На верхней доске накреплены четыре больших прорезных наугольника, а в центре — средник желтой меди. На нижней доске, в центре накреплена небольшая круглая розетка, в углу сохранилась одна жуковина миндалевидной формы и одна застежка. Корешок имеет валики. Переплет, как видно, реставрировался в XVIII в., о чем свидетельствуют вплетенные в конец рукописи 46 чистых листов, часть которых имеет водяной знак «Pro patria» изделия русской бумажной фабрики Афанасия Гончарова 1767—1770 гг. Другие листы синеватого оттенка, грубой выделки XVIII в. имеют водяной знак, который не просматривается. В темно-коричневой коже переплета XVII в. вставлены куски более светлой кожи без тиснения. Никоновская летопись, как видно, переплеталась не один раз, поэтому листы ее сильно обрезаны и размер их 39,6× ×27,5 см значительно меньше первоначального, сохранившегося в Царственной книге.

В разделении Никоновской и Царственной на две части не видно какого-то определенного плана, при сличении выявляется путаница листов между ними, значительные хронологические пропуски, местами текст как бы выхватывается из одной рукописи и вплетается в другую.

За 1534—1567 гг. текст делится между Никоновской летописью и Царственной книгой следующим образом. За 1534 г. известия идут только по одной Царственной книге. С 1535 г. вступает Никоновская, и дальше до 1542 г. известия идут в обеих рукописях параллельно. В одних случаях редакция текста в них совпадает, в других — Царственная книга дает иной, более пространный вариант. Все приписки, нанесенные на полях Никоновской рукописи, изменяющие или дополняющие текст, с большой точностью вносятся в переписанные набело листы Царственной книги. Таким образом, для отрезка с 1535 до 1542 г. Царственную книгу можно справедливо назвать исправленной копией с Никоновской.

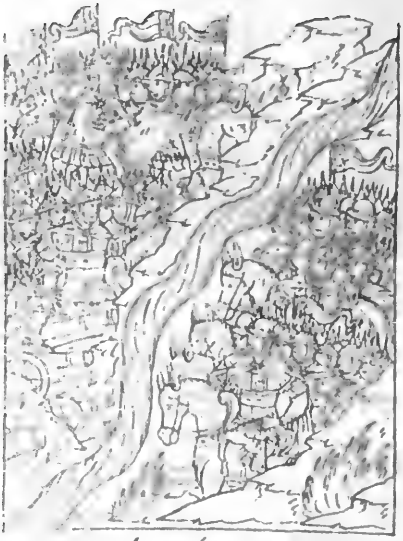
На известии 1542 г. (о посылке Ковгорпад-царевной казанских послов на Москву) текст в Никоновской обрывается, и в дальнейшем рукописи общего текста уже не имеют: до 1553 г. известия идут по Царственной книге, а с конца 1553 по 1560 г., а также с 1563 по 1567 г.— только по Никоновской. За 1560—1563 гг. известия как в той, так и в другой рукописях отсутствуют. (Текст за 1560—1563 гг. воспроизводится только по Лебедевской копии XVII в.,— ГПБ, F. IV—792, лл. 830 об.—929 [10]).

---

[9] Никоновская летопись, лл. 43, 44, 65 об., 67 об., 84 об., 89, 90, 90 об., 91, 91 об., 92, 107 об., 108 об., 109, 109 об., 110, 146, 213, 233 об., 270 об.

[10] *А. Е. Пресняков.* Московская историческая энциклопедия XVI века, стр. 47.

Никоновская летопись (Син. 962, л. 67 об.)



Царственная книга (Син. 149, л. 197)

Никоновская летопись (Спи. 962, л. 65 об.)

Царственная книга (Син. 149, л. 194 об.)

Редакторская правка, проведенная как в Царственной, так и в Никоновской летописях, изменяла не только текст рукописей, но также и композицию рисунков. Примером может служить л. 65 об. Никоновской летописи, где находится приписка: «в знаменье (далее зачеркнуто слово «царевич») государь написан не г делу». Соответственно этому в Царственной книге на л. 194 об. к тому же тексту изображения Грозного не имеется.

Все листы Царственной книги с переписанным набело текстом имеют и иную композицию рисунков. Характерно, что в них Грозный и его мать изображаются в царских венцах, тогда как в первом варианте, в Никоновской, Грозный изображается еще в княжеской шапке, а Елена Глинская, наравне с другими боярынями,— в покрывале.

Относительно Царственной книги известно, что она в XVIII в. была собрана и переплетена в отдельный том историком М. М. Щербатовым. Он нашел ее в Патриаршей библиотеке в куче неперепленетенных листов, подобрал, как он говорит в своем предисловии, по хронологическому порядку и издал ее текст [11].

Относительно того, когда была собрана в отдельный том Никоновская летопись с рисунками, мы таких определенных известий не имеем. Существует мнение, что она была переплетена еще в XVI в. Однако отсутствие в ней хронологической последовательности, спутанность листов скорее указывает на то, что она была сплетена спустя какое-то продолжительное время.

Сохранившийся до настоящего времени переплет Никоновской летописи относится к XVII в. Мы не можем с уверенностью сказать, является ли он первоначальным переплетом, но одно остается несомненным, что Никоновская летопись существовала как отдельная рукопись столетием раньше Царственной книги.

По какому плану отбирались листы, составившие Никоновскую летопись, почему не были взяты целиком известия, относящиеся к определенным событиям, какова причина перебивки листов между нею и Царственной книгой — вот вопросы, которые хотелось бы по возможности выяснить. Наблюдения над миниатюрами Никоновской летописи, возможно, помогут в некоторой степени разобраться в этих вопросах.

Миниатюры всех томов Лицевого свода написаны в одной определенной манере, которая выработалась по мере создания такого большого количества иллюстраций. В этом общем «почерке» можно различить отдельных мастеров-рисовальщиков, имеющих свои особые приемы в технике рисунка, построении композиций и т. д.

О. И. Подобедова, детально разбирая вопрос о мастерах, иллюстрировавших Лицевой свод, указывает, что они составляли «дружину». В эту дружину, по предположению исследовательни-

---

[11] *М. М. Щербатов.* Царственная книга, т. е. Летописец царствования царя Иоанна Васильевича от 7042 году до 7061 ... СПб., 1769.

цы, могли войти мастера-новгородцы, приехавшие работать над восстановлением росписей кремлевских соборов после пожара 1547 г. [12]

В Никоновской летописи (так же как и в Царственной книге) прослеживаются приемы отдельных мастеров [13]: один рисует мелкие лица и фигуры [14], другой — более крупные [15], третий мастер отличается тем, что дает особо четкий контур и резкую штриховку [16], и т. п.

Миниатюры Никоновской летописи по своему рисунку не выделяются из других томов Лицевого свода, зато расцветка их резко отличается от остальных своей небрежностью и иным подбором красок. Разница эта бросается в глаза особенно при сравнении с раскраской первого тома Лицевого свода — Музейного сборника № 358.

В. Н. Щепкин в свое время подробно описал первый том Лицевого свода и дал определение различным манерам раскраски миниатюр [17]. Он указал, какая раскраска относится к XVI в. и что является позднейшим поновлением: для XVI в. характерна легкая раскраска прозрачными, светлыми тонами и вторая, того же времени, «в одну густую тень»; третий прием — с иконописными «пробелами», т. е. когда для обозначения светлых мест бумажный фон оставляется незакрашенным [18].

Следуя этим определениям, мы в Никоновской летописи также отметили разные приемы наложения красок и различный их цветовой подбор.

Здесь без особого труда можно различить: первоначальную легкую раскраску XVI в., раскраску XVII в. и позднейшее поновление, произведенное, судя по употребленным краскам, не ранее конца XVII в.

Легкая, прозрачная раскраска XVI в. сохранилась лишь на начальных листах Никоновской летописи, которые по своему со-

---

[12] *О. И. Подобедова.* Указ. соч., стр. 131—134, 145—158.

[13] То же разграничение приводит по другим томам Лицевого свода О. И. Подобедова.

[14] ГИМ, Син. № 962, лл. 17—19 об., 28 об.— 30, 59 и др.

[15] Там же, лл. 123 об., 124—128, 134—140 и др.

[16] Там же, лл. 488—494 и др.

[17] *В. Н. Щепкин.* Лицевой сборник Российского исторического музея, стр. 4—6.

[18] В качестве образца легкой прозрачной раскраски (местами с пробелами) можно привести еще Минею-четью XVI в. митрополита Макария за август (Син. № 997), а также рукопись XVI в. «Житие Нифонта» (Муз. № 340), Апокалипсис (Хлуд. № 7), которые по всем палеографическим признакам (бумаге, расцветке и рисунку) следует отнести к художественной школе митрополита Макария. Образцом раскраски «в густую тень» может служить Псалтырь Чудова монастыря № 56, превосходные миниатюры которой выполнены этим приемом. В ней, кроме того, употреблена и раскраска с пробелами, но это достигается здесь путем нанесения белил поверх красочного слоя, в подражание технике раскраски по пергамену. Раскраска «в густую тень» встречается также и в рукописях XVII в.

держанию относятся к Хронографу [19] и приплетены к Никоновской рукописи, видимо, значительно позднее [20]. В конце рукописи из Хронографа имеется еще несколько листов, но они уже подверглись общему поновлению конца XVII в. [21]

Другая раскраска, тщательно выполненная более плотными красками, среди которых преобладает киноварь, произведена, по-видимому, в XVII в. Местами эта раскраска сильно испорчена позднейшей реставрацией, но все же можно проследить, что этот прием оставляет архитектурные детали (например, стены палат) незакрашенными [22], в иных случаях оживляет их легкой тенью или покрывает неяркими тонами [23].

В целом в Никоновской летописи до л. 299, за немногими исключениями, сохраняется еще общий спокойный тон расцветки миниатюр, а дальше краски резко меняются, выполнение становится крайне небрежным, приближаясь к ремесленной, лубочной раскраске, которая характерна для конца XVII — начала XVIII в. [24] Рисунки покрываются плотным слоем красок, совершенно закрывающих контуры изображений, раскраска нередко выходит за рамки миниатюр, искажается самый смысл изображений [25]. На полях листов нередко проводятся кистью мазки — пробы красок [26]. Все это создает картину спешно и небрежно исполненной работы [27].

В этой небрежной работе участвовало, как видно, несколько мастеров: у каждого из них есть свои привычные приемы и преимущественно употребляемые краски. Так, например, один из них обводит контуры холмов в пейзаже малиново-лиловыми полосами сандала [28], а землю замазывает сплошным слоем желтой охры, по которой разбрасывает пятна, изображающие растения [29], другой — разводит сандал белилами, отчего обводка получается более тусклой [30]. В одних случаях контуры обведены ровными полосами сандалом или зеленью [31], в других — затейливой бахромой или орнаментом в виде уголков [32] тем же сандалом или рыжей краской типа терракоты [33]. Шафраном светло-ли-

---

[19] ГПБ, № 151.
[20] ГИМ, Син. № 962, лл. 1—6.
[21] Там же, лл. 623—626.
[22] Там же, лл. 94—116, 515 и др.
[23] Там же, лл. 340 об.— 345 и др.
[24] *Д. Ровинский*, Русские народные картинки, кн. 5. СПб., 1881, стр. 20—21.
[25] ГИМ, Син. № 962, лл. 204 об., 256 и др.
[26] Там же, лл. 15 об.— 18, 73 об., 186, 373, 399 об., 504 и др.
[27] Там же, см. еще лл. 554, 589—592, 398 и др.
[28] «Сандал упоминается в 1601 г. в числе зелий, привезенных английским аптекарем Яковом Френшаном (*В. Рихтер*. История медицины в России. М., 1820).
[29] ГИМ, Син. № 962, лл. 324—337 и др.
[30] Там же, лл. 320—323, 341 об.— 345 и др.
[31] Там же, лл. 324—337 и др.
[32] Там же, лл. 317 об.— 319, 357—387 и др.
[33] Там же, лл. 496—574 и др.

монного оттенка закрашивается в большинстве случаев позем [34], в других — он преимущественно употреблен в раскраске доспехов и других деталей [35]. К этому же поповлению можно отнести изображения деревьев и цветов, нанесенных одной кистью, без очерка [36].

Кроме перечисленных красок, в миниатюрах Никоновской употребляется сурик [37] и густая сажа, резко выступающая на общем фоне [38].

В своем исследовании народной гравюры Д. Ровинский перечисляет краски, употреблявшиеся в лубках в конце XVII — начале XVIII в.: охра, сандал, празелень, сурик, сажа, ярь-медянка [39]. И. Е. Забелин приводит выписки из дел Оружейной палаты за 1675—1676 гг., где указаны некоторые употребительные для этого времени краски [40]. Их перечень совпадает с названием красок, употребленных при реставрации миниатюр Никоновской летописи, и, следовательно, мы можем отнести эту реставрацию к концу XVII в.

* * *

И. Е. Забелин приводит две выписки из приходо-расходных книг Оружейной палаты, которые имеют очень важное значение для уяснения истории бытования последних двух томов Лицевого свода. Первая из них относится к 1639 г., в ней говорится, что 7 мая из Казенного приказа были переданы в Оружейную палату «пять книг царственных, знаменных в лицах, 1, 2, 4, 6 и 7 части» [41]. Какие именно части Лицевого свода указаны в данной выписке? Книги названы «царственными». Мы знаем, что на листах нынешней Царственной книги (Син. № 149) сохранились пометы XVI в. «Четвертая часть» и «Царственная первая часть». Такие же пометы, надо полагать, имелись и на листах Никоновской летописи (Син. № 962), но затем их срезали при позднейших переплетах.

Во второй выписке указывается: «1677 года марта 24 Приказа серебрянных дел дьяк Андрей Юдин принес в Оружейную палату книгу царственную в лицах, писана на александрейской бумаге в десть, была переплетена, а из переплету вывалилась, и многие листы ознаменены, а не выцвечены, 613 листов, а на тех листах 1072 места, а приказал тое книгу разцветить жалованным и московским и кормовым иконописцам; и которые драные листы,— и те листы переписать вновь. А сказал: тое книгу

[34] Там же, лл. 471 об.— 474 и др.
[35] Там же, лл. 119 об.— 120 и др.
[36] Там же, лл. 74—75, 131—132, 137—145, 218—226.
[37] Там же, лл. 323 об.— 325, 412—414, 350—351 об., 369 об.— 376 и др.
[38] Там же, лл. 79 об.— 80, 158, 163 об.— 170, 412—416 и др.
[39] *Д. Ровинский.* Указ. соч., кн. 5, стр. 21.
[40] *И. Е. Забелин.* Домашний быт русских царей, ч. II. М., 1915, стр. 228.
[41] Там же, стр. 170.

выдал от великого государя из хором боярин и дворецкой и оружейничей Богдан Матвеевич Хитрово» [42].

А. Е. Пресняков приводит продолжение этого известия: «Приходной и расходной книги денежной казне Оружейной палаты 7185 году (1677 г.) мая 12 кормовым иконописцам Филиппу Павлову с товарыщи от книги царственные, которая писана в лицах на александрейской бумаге в десть от 1072-х мест от расцвечиванья за дело от места по 6 денег, итого 32 рубля 5 алтын. Тое книгу принес в Оружейную палату дьяк Андрей Юдин в нынешнем во 185 году марта в 24, а сказал: тое книгу выдал ему из хором государя боярин и оружейничей Богдан Матвеевич Хитрово» [43].

Число рисунков, указанное в выписке 1677 г., совпадает с количеством миниатюр в Царственной книге, однако отнести это известие к ней не представляется возможным, потому что, согласно известию, миниатюры были расцвечены по цене 6 денег за миниатюру, а в Царственной книге все рисунки остались без раскраски, исключая лл. 7 и 8 об.

Из остальных же томов Лицевого свода по количеству листов и по количеству миниатюр известие 1677 г. ближе всего подходит к Никоновской летописи с рисунками, в которой все листы раскрашены.

Выписка указывает 613 листов; в Никоновской в настоящее время 626 листов. Из 1125 миниатюр Никоновской летописи следует вычесть приплетенные к ней из Хронографа 17 рисунков, в результате чего получаем 1108 миниатюр, т. е. количество, близкое к указанному в выписке,— 1072 места.

Расхождение в 36 миниатюр не так велико, если учесть непредвиденные обстоятельства. Надо отметить, однако, что в известии 1677 г. мастерам дается указание не только расцветить рисунки, но и заменить и переписать вновь драные листы. Следовательно, мы могли бы ожидать, что в Никоновской среди бумаги XVI в. найдутся листы с филигранями XVII в. Однако мы не встретили в Никоновской ни одного листа, относящегося к XVII в. Из этого мы можем заключить, что в 1677 г. 36 нераскрашенных листов могли быть добавлены из общей кипы, которая впоследствии, в XVIII в., составила Царственную книгу.

Возвратимся к известию 1639 г., где лицевые летописи названы «царственными, знаменными в лицах, 1, 2, 4, 6 и 7 части». В Царственной книге сохранились и доныне эти пометы, идущие по нижнему краю ее листов, написанные беглым полууставом XVI в.: по лл. 237—276 «Четвертая часть» и по листам 278—663 «Царственная первая часть». Интересно, что пометы «первой части» совпадают с известием о венчании Грозного на царство.

---

[42] *И. Е. Забелин*. Указ. соч., ч. II, стр. 170.
[43] *А. Е. Пресняков*. Царственная книга..., стр. 31.

Как объяснить, что пометы четвертой части идут впереди помет первой части и почему в пометах четвертой части опущено название «Царственная»? Конечно, трудно точно расшифровать смысл помет XVI в. Может быть, они делили летопись на отдельные княжения или это были просто рабочие пометы пачек листов, данных переписчикам или рисовальщикам в работе. На наш взгляд, первое решение более вероятно: по-видимому, текст был разделен по княжениям. Каждое княжение составляло раздел, делившийся в свою очередь на части. Таким образом, четвертая часть в данном случае являлась окончанием раздела о великом княжении Василия III, а царствование Грозного, начинаясь венчанием его на царство, было помечено уже как «Царственная первая часть».

Если первая и четвертая части вошли в Царственную книгу, то можно полагать, что остальные части, указанные в выписке, могли находиться в Никоновской летописи с рисунками. Пометы эти исчезли с обрезкой листов при ее неоднократных переплетах.

На основе приведенных выше известий история разделения Никоновской и Царственной на два тома представляется нам в следующем виде. При Грозном последняя часть лицевой летописи, содержавшая историю его царствования, не была закончена. Непереплетенные листы ее, требовавшие частично переделки, были сложены в общей кипе. Какая-то часть листов после редакторской правки была переписана набело и даже начата раскраской.

После смерти Грозного предприятие это было оставлено, и летописи лежали в Казенном приказе без употребления. В 1639 г. в Оружейную палату передают [44] «пять книг царственных, знаменных в лицах, 1, 2, 4, 6 и 7 части», т. е. Никоновскую и Царственную вместе, и собирают из них в отдельный том нынешнюю Никоновскую летопись, которая предназначалась для обучения царевича Алексея Михайловича и других царских детей [45]. Неиспользованные листы остались лежать в кипе до XVIII в.

За истекшие после смерти Грозного полстолетия (1584—1639) назначение лицевых летописей изменилось: вместо торжественных рукописей, свидетельствовавших о славе царствования Грозного, они отдаются в качестве наглядного пособия при обучении царских детей. В это же время была произведена раскраска отобранных листов, выполненная тщательно, неторопливо «в густую тень», о чем мы говорили выше. Но какая-то часть листов осталась без раскраски.

С 1639 по 1677 г., т. е. за 38 лет, переплетенная летопись в руках царских детей приходит в полную негодность, и 24 марта 1677 г. дьяк Андрей Юдин приносит ее из хором государя

[44] Возможно, по приказу патриарха Филарета Никитича.

[45] В. Н. Щепкин относит такой способ раскраски к XVI в., но он также встречается и в лицевых рукописях XVII в.

в Оружейную палату для реставрации. Состояние рукописи было самое жалкое — она вывалилась из переплета, листы были изодраны. Жалованным царским иконописцам дается указание обновить всю книгу, раскрашенные обветшалые листы подправить, не имевшие раскраски расцветить.

Работа эта поручается «иконописцам Филиппу Павлову с товарыщи на подряд по уговору за дело со всякого места по 6 денег». 24 марта работа была задана, а уже через полтора месяца, 12 мая, она была выполнена, и в приходо-расходных книгах Оружейной палаты отмечается, что за работу было уплачено за все 1072 места 32 рубля 5 алтын.

Филипп Павлов и его бригада работали быстро, но небрежно, упрощенным способом. С них, видимо, и не спрашивали тщательного исполнения, а потребовали лишь сколько-нибудь привести в порядок старую рукопись. На этот раз «бытия царственные» подготовлялись для подраставшего пятилетнего царевича Петра Алексеевича, которого дьяк Никита Зотов начал обучать грамоте с 12 марта того же 1677 г.[45а]

Этой принесенной в 1677 г. и отданной в реставрацию рукописью была, как мы считаем, Никоновская летопись с рисунками (Син. № 962). До 1639 г. она составляла с Царственной одно целое, одну кипу непереплетенных листов. Остальные оставшиеся в общей кипе листы летописи Грозного, не использованные ни в 1639, ни в 1677 гг., пролежали до XVIII в., когда их нашел в Патриаршей библиотеке историк М. М. Щербатов [46].

[45а] *И. Е. Забелин.* Указ. соч., ч. II, стр. 170.

[46] *М. М. Щербатов.* Царственная книга, т. е. Летописец царствования царя Иоанна Васильевича от 7042 году до 7061 ... СПб., 1769: «...имел счастье получить... дозволение для сведения моего брать потребные мне списки из Патриаршей и Типографической библиотеки, где действительно многое, касающееся до Российской истории, весьма достойное любопытства, нашел; и между прочими книгами найдена мною была под № 70 книга в листах и перемешана, под титулом «Летописец старинной о великих князьях», писана на целых листах с рисовальными фигурами, без переплету, которой я взял и по рассмотрении его нашел, что сей, конечно, был часть какого-то великого труда, который хотели сочинить. Ибо многие листы были двойные и тройные и многие, и паче в новейшее время промешки находились. Однако те, которые мог следствием собрать, то есть от 7042 до 7061 году, переплел... и получил потом повеление, дабы сию книгу напечатать. Не бесполезно же при сем почитаю предложить описание самой сей книги. Оная писана на листах уставом с рисовальными фигурами пером противу всякого приключения, из которых одну, представлявшую восшествие на престол царя Иоанна Васильевича, для показания, как оные рисованы, здесь грыдировальную предлагаю, прочих же места довольствовался означить литерою К, знаменующей «Картина». Многие из сих картин расписаны и красками, а другие в конце сей книги только назначены карандашом и иных же и совсем нет, но токмо места оставлены, которые последние места означены мною литерами М. К.— «Место картины», что все доказует, что сей труд еще не был окончен. Наконец, в некоторых местах на полях учинены поправки скорописью, из коих я также те внес, которые предлагают какое новое приключение или что прибавляют, и означено, что оное в подлиннике скорописью приписано. Также усмотрено мною, что в самом конце некоторые листы перемешаны, которые я, опасаясь отдалиться от

Конечно, мы еще не располагаем достаточными сведениями, чтобы проследить все условия бытования двух последних томов Лицевого свода, но указанные И. Е. Забелиным выписки из приходо-расходных книг Оружейной палаты за 1639 и 1677 гг., сопоставленные с данными самих рукописей, объясняют отчасти, как мы полагаем, путаницу текста между Никоновской летописью и Царственной книгой.

М. М. Щербатов отмечает, что в кипе листов, найденных им в Патриаршей библиотеке, были «многие расписанные и красками». В настоящее время в Царственной книге, кроме двух, начатых расцветкой, миниатюр на лл. 7 и 8 об., нет раскрашенных листов. О каких же расписанных красками листах мог говорить Щербатов?

В Никоновской мы отметили листы Хронографа, приплетенные в начале и конце рукописи, всего 6 листов с десятью миниатюрами. Эти листы скорее всего были присоединены Щербатовым при последней, происходившей при нем реставрации переплета Никоновской. В это же время Щербатовым могли быть присоединены 14 миниатюр (лл. 93, 94, 399, 400, 416, 515, 622). Листы эти ветхи, помяты, часть из них подклеена. Очень возможно, что это те листы, которые были откинуты как испорченные и негодные при реставрации 1677 г. и сложены в общую кипу.

Переплет Никоновской определенно свидетельствует о реставрации его в конце XVIII в., это доказывают вплетенные листы русской бумажной фабрики Гончарова 1767—1770 гг., т. е. как раз тех лет, когда Щербатов работал в Патриаршей библиотеке и подбирал по порядку листы Царственной книги. Здесь же хранилась и Никоновская летопись с рисунками. Остается предположить, что Щербатов, бережно относясь к остаткам старинных рукописей, присоединил к Никоновской те листы, которые не подходили по содержанию к Царственной книге. Это соображение еще более приближает цифру, указанную в выписке 1677 г. («1072 места»), к количеству листов Никоновской летописи с рисунками.

подлинника, так как в одном листы перемечены, без перемены того порядка за лучшее почел и напечатать, довольствуя в примечаниях означить, где оные листы являются мне перемешаны и каким бы образом, по моему мнению, им быть надлежало. Хотя, как выше здесь означено, надписание сей книги по росписи Патриаршей библиотеки есть «Летописец старинной о великих князьях» и прочее, но как во многих местах на листах усмотрено мною старинною же рукою надписание «Царственная», того ради, отметая первое надписание, яко ничего особливого не значущее, за лучшее почел означенное надписание на самых листах в печатной сохранить...»

«СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУСКЫЯ ЗЕМЛИ» И «КАЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ»

Д. Н. Альшиц

«Слово о погибели Рускыя земли» до нас не дошло. Известно лишь его начало — всего 45 строк. В этом маленьком отрывке заключен проникновенный гимн Русской земле, пожалуй, не находящий себе равного ни в одном из дошедших произведений древнерусской литературы.

Этим замечательным строкам посвящено более 150 работ. Однако до последнего времени не удавалось ответить даже на такой вопрос, чему именно посвящено произведение в целом. Затруднения были вызваны не только краткостью дошедшего до нас отрывка. Исследование памятника тормозилось отсутствием ясности даже в вопросе, существовало ли вообще такое произведение — «Слово о погибели Рускыя земли». Многие ученые были убеждены, что не существовало и что «Слово» — всего-навсего предисловие к «Житию» Александра Невского.

Важным вкладом в решение этого вопроса является исследование Ю. К. Бегунова [1]. Существование «Слова о погибели» как отдельного произведения, начало которого значительно позднее, только в XV в., было соединено с «Житием» Александра Невского, теперь вполне доказано.

Поскольку это так, возникает задача предпринять поиски не дошедшей части памятника, от которого сохранилось только начало. Для того чтобы приступить к ним, необходимо, на основании дошедшего отрывка, со всей возможной ясностью определить: чему посвящено произведение в целом, что следует искать.

Приведем целиком дошедшие строки [2]:

«Слово о погибели Рускыя земли от [3] смерти великого князя Ярослава.

О светло светлая и украсно украшена земля Руськая! И многыми красотами удивлена еси: озеры многыми, удивлена еси реками и кладязьми, месточестьными горами, крутыми холми, высокими дубравоми, частыми польми, дивными зверьми, разлычны-

[1] *Ю. К. Бегунов.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965.

[2] Привожу текст, изданный Ю. К. Бегуновым (указ. соч., стр. 156—157). При этом я не воспроизвожу букв и орфографии старинного алфавита.

[3] Иначе, чем Ю. К. Бегунов, читаю неясные буквы заглавия: не «и по смерти», а «от смерти».

ми птицами, бещисленными городы великыми [4], селы дивными, винограды обителными, домы церковьными и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами — всего еси исполнена земля Руская, о прававерная вера хрестияньская!

Отселе до Угор и до Ляхов, до Чахов, от Чахов до Ятвязи и от Ятвязи до Литвы, до Немець, от Немець до Корелы, от Корелы до Устьюга, где тамо бяху Тоимици погании, и за Дышючим морем; от моря до Болгарь, от Болгарь до Буртас, от Буртас до Черемис, от Черемис до Мордви — то все покорено было богом крестианскому языку поганьскыя страны: великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю Кыевскому, деду его Володимеру и Мана[ма]ху, которым то Половци дети своя ношаху в колыбели, а Литва из болота на свет не выникиваху, а Угры твердяху каменыи городы железными вороты, абы на них великый Володимер тамо не вьсехал. А Немци радовахуся, далече будуче за синим морем. Буртаси, Черемиси, Вяда и Мордва бортьничаху на князя великого Володимера.

И жюр Мануил цесарегородскый, опас имея, поне и великыя дары посылаша к нему, абы под ним великый князь Володимер Цесарягорода не взял.

А в ты дни болезнь крестианом от великаго Ярослава и до Володимера, и до нынящняго Ярослава и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго».

Во второй половине XVI в. официальные московские книжники под руководством, а иногда и при непосредственном участии самого Ивана Грозного создали ряд монументальных историко-литературных памятников: многотомные летописные своды, Степенную книгу, «Казанскую историю» и др. Все эти сочинения имели одну задачу — возвеличить власть московских государей и дать историческое обоснование их исключительному праву на русское единодержавие. Эта гигантская работа строилась на использовании огромного числа исторических и литературных памятников прошлого, имевшихся в распоряжении московских книжников.

Множество прежних летописей, всевозможные сказания и повести, а также документы княжеских архивов были тщательно изучены. Весь материал подвергался отбору и переосмыслялся в строгом соответствии с официальной исторической концепцией XVI в.

Если «Слово о погибели Рускыя земли» дошло до книжников XVI в., оно должно было прийтись им по душе. Как мы видим

---

[4] Слово «бещислеными» отнесено Ю. К. Бегуновым к существительному «птицами». Думаю, что это ошибка и относить его следует к слову «городы». Считать птиц или хотя бы одних ворон издревле было признано пустым занятием. Гордиться тем, что птиц столько, что не сосчитать,— бессмысленно. Бесчисленные поселения — это действительно характеризует богатство державы.

из дошедшего отрывка, этот памятник XIII в. с большой художественной силой и яркостью выражал ту самую мысль, которая была буквально идеей фикс московской исторической публицистики эпохи Грозного.

Автор «Слова» в XIII в., в разгар удельной междоусобицы, объявляет всю Русскую землю, границы которой он очертил предельно широко, подвластной киевским, а затем владимирским великим князьям — предкам будущих князей московских. Насколько такой взгляд был близок официальной московской историографии XVI в., видно хотя бы из того, что ради его обоснования было предпринято составление специального, огромных размеров труда — Степенной книги, призванной изобразить всю историю Руси в виде смены княжений представителей одного великокняжеского рода — киевских, владимирских и московских князей, потомков Владимира Святославича и Владимира Мономаха.

Поскольку историческая действительность не соответствовала желаемой схеме, составителям Степенной книги приходилось сплошь и рядом строить свое изложение вопреки фактам. Для того, чтобы вместо феодального разобщения страны, нарисовать картину единодержавия, например, владимирских князей в XII—XIII вв., они вынуждены были отступать от древних летописей, перекомпоновывать и перекраивать их известия, а иногда прямо выступать с искусными опровержениями нежелательных исторических представлений [5].

Легко представить себе, какое восторженное отношение в этих условиях должен был вызвать подлинный памятник древности, с огромной художественной силой утверждавший о своем времени именно то самое, что официальные историки XVI в. подчас с таким трудом искусственно конструировали. Совершенно понятно, что если бы «Слово о погибели Рускыя земли» оказалось в их руках, они не оставили бы его без внимания.

Эти соображения побуждают обратиться к поискам следов «Слова» в сочинениях официальной историографии XVI в. Естественно начать с произведения, непосредственно посвященного истории русско-татарских отношений. Такое произведение хорошо известно.

В начале 70-х годов XVI в., в ознаменование победы над Казанью, в Москве был создан замечательный литературный памятник — «Казанская история».

Это грандиозное литературное сооружение основано на весьма солидном историческом фундаменте. Повествованию о войне с Казанью при Иване Грозном предпослана историческая часть, краткий обзор отношений Руси с татарами — с Золотой Ордой,

---

[5] *Д. Н. Альшиц.* Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве».— ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр 64—70.

а затем с наследницей и продолжательницей всех ее жестокостей и козней — Казанью. Не только текст, но уже и сама конструкция произведения должны были подчеркнуть, что разгром и уничтожение Казанского царства являются справедливым и даже гуманным возмездием за разгром и унижение Руси, учиненные татарами в прошлом. Первые несколько глав «Казанской истории» посвящены описанию того, как Русская земля воспряла после страшного татарского разорения и как, в свою очередь, потерпела разгром Золотая Орда. Заключительная глава этой части называется так: «О конечном запустении Златыя Орды, и о царе ея, и о величестве Руския земли, и о чести и красоте преславного града Москвы» [6]. В ней рассказывается, как после набега на Орду московских воевод, в 1481 г. ногаи добили «останки ординския». «И тако скончашася цари ординстии, и таковым божиим промыслом погибе царство и власть великия Орды Златыя. И тогда великая наша Руская земля освободися от ярма и покорения бусурманскаго, и начат обновлятися, яко от зимы и на тихую весну прелагатися. И взыде паки на преднее свое величество и благочестие, и доброту, яко же при велицем князи первом Владимире православном» [7]. Заметим, что величие и слава Руси отнесены здесь автором не просто к дотатарским временам, а ко времени Владимира первого, иначе говоря, ко времени, как раз предшествующему княжению «великаго Ярослава», от которого, как указывает «Слово», началась «болезнь крестианом».

Повествованию о том, как «погибе» от Руси Орда, в «Казанской истории» предшествует рассказ о том, как от Орды погибла Русь. Следует проверить: рассказывает ли автор «Казанской истории» о погибели земли Русской, зная специально посвященное этой теме произведение и придерживаясь его, или его рассказ носит совершенно самостоятельный от этого произведения характер?

«Казанская история» начинается, как известно, небольшим обращением к читателю, за которым помещен следующий текст [8]: «Бысть убо от начала Руския земли, яко же поведают, Русь и варвари, все то Руская земля была едина [9]. Иде же ныне стоит град Казань, продолжающеся в долину с единою от Новаграда Нижнего на восток, по обою странам великия реки Волги вниз и до болгарских рубежов и до Камы реки, в ширину на полунощние до Вятцкия, рече, земля и до Пермския, на полудние до половецких предел — все же то держава и область Киевская и Владимирская, по тех же ныне Московская. Живяху же

---

[6] *Г. Н. Моисеева.* Казанская история. М.—Л., 1954, стр. 57 (далее — «Казанская история...»).

[7] Там же.

[8] Цитирую здесь и далее по публикации Г. Н. Моисеевой «Казанская история».

[9] Здесь в публикации Г. Н. Моисеевой стоит запятая, что, на мой взгляд, искажает смысл.

за Камою рекою, в части земля своея болгарския князи и варвари, владеюще поганым языком черемиским, не знающе бога и никого же закона имуще, обоима же бяху служаще и [10] дани дающе Рускому царству до Батыя царя» [11].

В этом отрывке нельзя не ощутить чего-то знакомого. Русская земля до катастрофы была единой. Огромные пространства, заселенные как русскими, так и варварскими племенами, в том числе болгарами и черемисами,— все это было покорено еще киевскими князьями, скажем, Владимиром Мономахом и Юрием Долгоруким, а затем было державой владимирских князей, т. е. Всеволода и его сыновей, ну, а уже позднее московских князей... Именно о приволжских народах, в частности о черемисах, говорится, что они давали дань князьям русским.

Это описание Русской земли явно перекликается с дошедшим до нас началом «Слова о погибели». Речь, как и там, идет о Русской земле в целом, но, преимущественно, о земле Владимирской — о державе князей киевских, а затем владимирских. Величие Русской земли показано здесь с помощью того же приема — очерчивания ее огромных пределов. Естественно, что в этом месте «Казанской истории», в соответствии с главной темой, перечислены лишь те исконные русские владения, которые простирались на восток, были потом захвачены казанцами, а ныне снова возвращены Руси. Из четырех приволжских племен, названных в начальном отрывке «Слова»,— болгары, буртасы, черемисы и мордва — здесь названы два крупнейших — болгары и черемисы. О приволжских народах (за исключением болгар) в «Слове» говорится, что они бортничали на Владимира Мономаха. И московский книжник XVI в. написал, что черемисы, а также болгары служили и платили дань Русскому царству.

Бросается в глаза и текстуальная близость отдельных выражений. Строчки «Казанской истории»: «...все же то держава и область киевская и владимерская, по тех же ныне московская...» — являются как бы перефразировкой аналогичного места в начале «Слова»: «...то все покорено было богом... великому князю Всеволоду (владимирскому.— *Д. А.*), отцю его Юрью, князю Кыевскому, деду его Володимеру и Мана[ма]ху...» Прилагательное «поганый» и существительное «язык», поставленные рядом автором «Слова», стоят рядом и в соответствующих строках «Казанской истории», несмотря на то, что смысл фразы несколько иной: «... покорено... крестианскому языку поганьскыя страны...» — «...владеюще поганым языком черемиским...»

Теперь обратим внимание на то, что в другом месте, ведя речь о Новгороде, автор «Казанской истории» снова прибегает к тому же приему, что и автор «Слова»,— с помощью перечисления подвластных народов он очерчивает на этот раз западные

---

[10] В рукописи ошибочно: «ни».
[11] «Казанская история...», стр. 44.

пределы Руси: «Изначала и исперва едино царство и едино государство, едина держава Руская: и поляне, и древляне, и новгородцы, и полочане, и волыняне, и Подолье — то все едина Русь единому великому князю служаху, тому же и дани даваху и повиновахуся киивскому и владимирскому» [12].

Здесь чрезвычайно интересное отличие от «Слова» в перечислении народов. Автор «Слова» очерчивает западную границу Русской земли извне, с помощью перечисления народов, лежащих за ее пределами и до которых доходит Русь: «до Угор... до Ляхов... до Чахов...» и т. д. Автор «Казанской истории» очерчивает ту же территорию изнутри, называя народы, входящие в состав Руси и населяющие ее западные пограничные земли. Это отличие очень походит на сознательную замену. Все перечисленные территории так или иначе были спорными в момент Ливонской войны, когда писалась «Казанская история». Так, в частности, в начале 70-х годов в Москве происходили массовые казни виновных и подозреваемых в намерении отдать Новгород Польско-Литовскому государству, с которым воевал Иван Грозный. Полоцк, как известно, был одним из городов, из-за которых шли наиболее ожесточенные битвы между воюющими сторонами. Характерно, что остальные перечисленные земли полян, древлян волынян и Подолье в древности действительно входили в русские пределы, но теперь, буквально накануне написания «Казанской истории», были, согласно Люблинской унии 1569 г., официально включены в состав враждебного Польско-Литовского государства. Вполне понятно, как важно было в разгар войны с Польшей и Литвой заменить описание пределов Древней Руси с помощью перечисления внешних народов описанием этих же ее исконных пределов перечислением самих русских владений, ставших в данное время предметом военного спора.

К сказанному остается добавить, что не только в самом начале «Казанской истории», но и в конце ее мы снова читаем строки, перекликающиеся по содержанию и отчасти сходные текстуально со «Словом о погибели».

Говоря о значении победы над Казанью, автор пишет: «И стеснившаяся от супостат руския пределы на все страны разшири и продолжи их до край морских и наполни безчисленными селенми людскими» [13].

Речь снова идет о тех широких пределах, которыми обладала Русская земля до нашествия татар, очерченных как в начале «Слова», так и в начале «Казанской истории» и теперь восстановленных. Мы снова видим здесь и текстуальную близость со «Словом». Если там говорится о «бещисленых городах великих, селах дивных», которыми «исполнена» Русская земля, то и здесь сказано, что победитель Казани «наполни безчисленными селенми»

[12] Там же, стр. 54.
[13] Там же, стр. 176.

отвоеванные русские земли. И здесь море названо началом восточной границы.

Подводя итог, можно сделать вывод: при написании своего рассказа о погибели земли Русской в XIII в. автор «Казанской истории» использовал известное нам начало «Слова о погибели».

Правда, этот вывод сам по себе еще не движет вперед наши поиски. В самом деле, автор «Казанской истории» мог знать и использовать великолепный отрывок о прежнем величии Руси, помещенный в некоторых списках «Жития» Александра Невского, отрывок, известный нам.

Тем не менее у нас теперь есть вполне достаточное основание искать в «Казанской истории» следы пересказа, а быть может, и обрывки текста всего не дошедшего до нас древнего произведения. Естественно, что эта задача специального большого исследования. Не предрешая здесь его результатов, ограничусь кратким сообщением о том, что и в «Казанской истории», и в Степенной книге, и в Никоновской летописи, т. е. во всех основных монументальных исторических памятниках XVI в., мне удалось обнаружить следы какого-то не дошедшего до нас повествования о разорении и погибели Русской, притом именно Владимирской, земли от монголов.

«НОВЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ» ПО СПИСКУ М. А. ОБОЛЕНСКОГО

И. А. Жарков

В 1853 г. М. А. Оболенский издал принадлежащий ему список «Нового летописца». В предисловии к публикации Оболенский писал, что его список «Нового летописца» первоначально был в одной рукописи с «Созерцанием кратким» С. Медведева [1].

Оболенский отметил, что произведение, сохранившееся в его списке, является редакцией «Нового летописца», что его список отличается от редакции Никоновского списка и «Летописи о многих мятежах» «более простым и сжатым изложением событий». В Никоновском списке, по сравнению с его списком, писал Оболенский, «недостает начала и конца». Он пришел к выводу, что его список представляет первоначальную редакцию «Нового летописца», «которая была уже впоследствии переиначена, дополнена вставками, изменена в слоге, и в таком виде напечатана в 8-й части Никоновской летописи» [2], хотя полного сопоставления текстов названных памятников им проведено, видимо, не было.

К иному выводу пришел С. Ф. Платонов. Он указал на пропуски в «Новом летописце» по списку Оболенского некоторых статей и известий по сравнению с Никоновским списком. Он справедливо отметил наличие литературной обработки первоначального текста, частое отсутствие в статьях религиозных вступлений о причинах исторических событий. Более тщательное сопоставление текста Никоновского списка со списком Оболенского привело С. Ф. Платонова к заключению, что редакция, представленная списком Оболенского, является позднейшей по сравнению с редакцией, представленной Никоновским списком «Нового летописца» [3].

Вывод С. Ф. Платонова поддержал Л. В. Черепнин. Он обнаружил список «Нового летописца» (ГИМ, Собр. И. Е. Забелина, № 269), подобный списку ГБЛ, ф. 205 (ОИДР), № 358, под-

---

[1] «Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. Издан по списку князя Оболенского». М., 1853, стр. III.

[2] Там же, стр. II.

[3] *С. Ф. Платонов.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник, изд. 2. СПб., 1913, стр. 311, 312, 317, 319, 320, 323, 324, 326, 328, 332.

робно описанному Е. И. Соколовым [4], и, выборочно сличив списки Никоновский, Оболенского и ОИДР, пришел к выводу, что Никоновский список представляет первоначальную редакцию «Нового летописца», список Оболенского — позднейшую, а списки ОИДР и Забелинский отражают промежуточную редакцию. Однако следует отметить, что в списках ОИДР и Забелинском сохранились известия, отсутствующие в Никоновском и восходящие, очевидно, к общему с Никоновским списком протографу. Те же первоначальные известия сохранились и в поздней редакции списка Оболенского, что заставляет сравнивать этот список в первую очередь со списками ОИДР и Забелинским, а не с Никоновским.

Л. В. Черепнин предполагал, что редакция «Нового летописца», представленная списком Оболенского, возникла в «процессе работ по созданию общего исторического труда с древнейших времен до XVII в.» [5].

В настоящее время известны три списка интересующей нас редакции. Приводим их краткое описание.

Самый ранний список хранится в ЦГАДА, ф. 201, № 57. Рукопись в 1^0, на 154 лл. Это та самая рукопись, которая была издана М. А. Оболенским в 1853 г. Список имеет буквенную и арабскую пагинации листов. Буквенной пагинацией пронумеровано 140 листов. На первом листе в правом верхнем углу буквами написано «15». Очевидно, первые 14 листов утрачены. Водяные знаки рукописи: всадник — у К. Я. Тромонина [6] № 1247—1249 под 1676 г.; знак типа al mod papier — у А. А. Гераклитова [7] близкий тип знака под № 1479 датируется 1676 г.; герб Амстердама — подобный вариант знака С. А. Клепиков [8] датирует 1689 г., № 14а. Дерево, обвитое змеей с буквами ML, Лауцявичюс датирует 1695 г.— № 891 [8a]. Таким образом, рукопись можно датировать не позднее 80—90-х годов XVII столетия.

В начале рукописи на лл. 1—10 арабской пагинации написано: «Описание главам, обретающихся в книзе сей». Последней статьей в этом перечне названо «Избрание на царство московского царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Росии и о венчании его царским венцем и о царствии его» — глава 163, л. 121, по современной нумерации л. 135. После «Описания» в рукописи три листа оставлены чистыми (лл. 11—14, листа 13 не было, после л. 12 сразу следует л. 14). С л. 15 начинаются сами летописные

---

[4] *Е. И. Соколов.* Библиотека Общества истории и древностей Российских, вып. 2. М., 1905, стр. 112—119.

[5] *Л. В. Черепнин.* «Смута» и историография XVII в. (Из истории древнерусского летописания). —«Исторические записки», т. 14, 1945, стр. 114—116.

[6] *К. Я. Тромонин.* Знаки писчей бумаги. М., 1844.

[7] *А. А. Гераклитов.* Филиграни XVII века. М., 1963.

[8] *С. А. Клепиков.* Бумага с филигранью «Герб города Амстердама».— «Записки Отдела рукописей» ГБЛ, вып. 20. М., 1958.

[8a] *E. Laucevičius.* Popierius Lietuvoje XV-XVIII a. Vilnius, 1967.

«главы» — сперва краткий летописец «От Адама...», кончая разрядом Ливонского похода в 1579 г. Далее следует текст «Нового летописца», который заканчивается статьей о московском пожаре в 1629 г. Вторая часть рукописи содержит «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» С. Медведева [9]. Оно издано А. Прозоровским [10]. Сравнение почерков показывает, что одни и те же писцы участвовали в написании «Нового летописца» и «Созерцания краткого» [11].

Архимандритом Леонидом описан список ГИМ, Собр. А. С. Уварова, № 257 [12]. Рукопись в 1^0, на 285 лл. Водяные знаки: Красносельской мануфактуры — С. А. Клепиков [13], № 338—353 под 1742—1753 гг.; Коммерц-коллегии — К. Я. Тромонин [14], № 446, 447 под 1741, 1746 гг. Следовательно, рукопись может быть датирована 40—50 годами XVIII в.

Рукопись начинается со статьи «Нового летописца» о сборе Нижегородского ополчения, словами: «Во время разорения царства Московского от поляков о усердии же подвизех нижегородцких людей, и о князе Димитрие Михайловиче Пожарском, и о собравшемся с ним воинстве, и о шествии под Москву и о других собственных во оное разорение случаях, и о избрании царя Михаила Федоровича на царство»,— а заканчивается статьей о московском пожаре в 1629 г., словами: «И многия убытки в Москве тотда от оных пожаров учинилися» (л. 50 об.). На лл. 51—244 об.— «Созерцание краткое» С. Медведева, на лл. 245—285 — Повесть о стрелецком восстании 1682 г. А. А. Матвеева.

Еще один список рассматриваемой редакции «Нового летописца» хранится в Ленинграде — БАН, № 16.3.9. Рукопись в 1^0, на 239 лл.— по карандашной нумерации, на 220 лл.— по чернильной. Водяные знаки: герб Амстердама на левой половине листа и буквы НК на правой половине листа — С. А. Клепиков [15] датирует этот знак 1733 г., № 103; Pro patria на правой половине листа и буквы CR под короной на левой половине листа — в альбоме Вурна [16] близкий к № 130 под 1723 г.

Рукопись начинается оглавлением: первая статья «О разорении царства Московского от поляков и о подвизе нижегородцких людей», последняя статья указана под № 174 о рассылке стрель-

---

[9] См. также ЦГАДА, ф. 179, № 205.

[10] ЧОИДР, 1894, кн. 4.

[11] Ср. почерк рукописей ЦГАДА, ф. 201, № 57, лл. 1—8, 120 об., 151—152об. и ЦГАДА, ф. 179, № 205, лл. 1, 2, 4, 199—200; почерком списка Оболенского сделаны исправления в рукописи № 205 на лл. 81 об., 83, 101 об.

[12] *Леонид.* Систематическое описание рукописей графа А. С. Уварова, т. 3. М., 1894, стр. 110, № 1465.

[13] *С. А. Клепиков.* Филиграни и штемпели. М., 1959.

[14] *К. Я. Тромонин.* Указ. соч.

[15] *С. А. Клепиков.* Бумага с филигранью «Герб города Амстердама».

[16] *Н. Voorn.* De papier molens in de provincie Noord-Holland. Harlem, 1960.

цов «в разные городы за их своевольныя мятежи». Эти слова написаны по стертому тексту. Далее помещен большой отрывок «Нового летописца». С л. 60 следует текст «Созерцания краткого», кончается оно словами: «И тем (стрельцам.— *И. Ж.*) за то быть в жестоком наказании без всякого милосердия и пощады. И они б о том их великих государей указе ведали и в Курск шли однолично» (л. 198). Рукопись заканчивается чистыми листами.

Каковы же редакционные отличия списков Оболенского, Уваровского, Библиотечного от списков ОИДР и Забелинского? Прежде всего, редактор «Нового летописца» сделал многочисленные сокращения: опустил несколько хронологических ссылок («А от Адама...»), речи Цимисхия, плач Ольги над могилой Игоря, сравнение старых и новых князей, легенды о Яне Усмаре и белгородском киселе и др.[17] Наряду со значительными пропусками, в списке Оболенского имеются дополнительные известия, которые отсутствуют в списках ОИДР и Забелинском. Так, в статье о захвате Тулы войсками царя В. И. Шуйского говорится, что В. И. Шуйский одарил Фому Кравкова за устройство плотины[18]. В главе 150, где речь идет о пленении и смерти Шуйских в Польше, сообщается, что «послы ж, присланные с Москвы, митрополит Филарет и прочии с ним, слышащи о смерти царя Василия оскорбишася и плакахуся»[19]. Глухое известие о письме царевича Петра к Лжедмитрию составитель наполнил содержанием: «Наперед же себя оный Илюшка писа к Ростриге, претя ему нашествием своим ратию, да не медля снидет с царского престола и вдаст его ему, яко сущему отчичю и наследнику»[20]. И. И. Смирнов доказал недостоверность этого известия. По его мнению, рассматриваемая версия появилась в результате обработки первоначального известия в духе «вотчинной теории престолонаследия»[21].

Редактор не удовлетворился сокращениями и фактическими добавлениями в тексте, а существенно изменил первоначальный текст произведения. Многие скупые известия и косвенную речь он развил в пространную прямую речь, не меняя, однако, первоначальной идеи. В то же время редактор старался осмыслить события «Смуты», их причины и следствия, понять движущие мотивы человеческих поступков. Свидетельство тому его многочисленные размышления и замечания, которые он вставил в текст «Нового летописца». Например, в главе 88 «О разбойниках около Москвы и о посылке на них» редактор следующим образом объ-

---

[17] Ср. ОИДР, № 358, лл. 1—26; Заб. № 269, лл. 1—27; «Новый летописец...», стр. 1—14.

[18] «Новый летописец...», стр. 86. Такая же версия имеется в повести Катырева-Ростовского (РИБ, т. XIII. СПб., 1891, стр. 587).

[19] «Новый летописец...», стр. 125.

[20] Там же, стр. 78.

[21] *И. И. Смирнов.* Восстание Болотникова. 1606—1607 гг. М., 1951, стр. 369—370.

ясняет причину стойкости правительственного войска, посланного против повстанцев Хлопка: «Разбойницы же учиниша с ними бой и убиша самого воеводу; прочии же людие видеша падение воеводы своего, возбояшася Бориса царя, яко не соблюдоша его от убиения оных разбойников, и умыслиша оную вину заслужити и разбойников всех искоренити» [22]. В главе 132 «О приходе вора под Москву и о бою на Ходынке» редактор прямо высказывается о значении хорошего воеводы для успеха боевых действий: «Мало тогда ляхи из табора (Тушина.— *И. Ж.*) не побегоша, а щ е б ы в о ж д и д о б р е с т р о и л и и с о з и р а л и» [23]. Особенно ярко заметен интерес редактора к военным событиям в известии о казачьих рейдах: «И приидоша паки в Новгородской уезд, всюду пустошаши, шкоды же нигде не бысть им, понеже тамо живущии людие не научени ратному делу, аще и противляхуся, обаче побиени быша от них» [24].

Однако наибольший интерес представляет обработка статей, рассказывающих о народных волнениях. Так, в главе 137 составитель дал яркую характеристику внутреннего положения России в царствование В. И. Шуйского: «Царь же Василий Иванович, видя мятеж умножающеся в народе, и вси людие яко во тме хождаху мятущеся, и междоусобная брань день ото дне паче растяше, противнии же яко волцы всюду растекошася, губящи людей, во истине же стоящии по вся дни умаляхуся, хотяше же толикий народный мятеж сократити и противным отпор дати, но людскаго собрания толикаго у себя не име, мало бо не во всяком граде своего старейшину имущи противляющагося ему, и заедино с польскими и литовскими людьми отечество свое разоряху» [25]. В последних строках выражены политические взгляды редактора: те, кто выступают против законного царя, помогают интервентам. Подобная политическая идея редактора отчетливо видна и в главе 139 «О восстании на царя Василия Ивановича многих людей...», в которой автор вложил в уста патриарха Гермогена пространную речь. И в статье о Матюшке проявляется резко отрицательное отношение редактора к народным волнениям [26].

Когда и в связи с чем была составлена рассматриваемая редакция «Нового летописца»? Этот вопрос помогает решить сравнение составов сборников с редакцией «Нового летописца» типа списка Оболенского.

---

[22] «Новый летописец...», стр. 58.
[23] Там же, стр. 92; ср. Заб. № 269, л. 100; ОИДР, № 358, л. 70 об. Разрядка моя.— *И. Ж.*
[24] «Новый летописец...», стр. 175; Увар. № 257, л. 33; БАН, № 16.3.9, л. 43; ср. Заб. № 269, лл. 211 об.— 212; ОИДР, № 358, л. 146 об.
[25] «Новый летописец...», стр. 97; ср. ОИДР, № 358, л. 75; Заб. № 269, лл. 107—108.
[26] «Новый летописец...», стр. 142; ср. ОИДР, № 358, л. 118; Заб. № 269, л. 166.

Составы сборников с текстом «Нового летописца»

Оболенского, № 57	Уварова, № 257 в 1°	БАН, 16.3.9
Оглавление	—	Оглавление
Краткий летописец	—	—
«Новый летописец»	«Новый летописец»	«Новый летописец»
«Созерцание краткое»	«Созерцание краткое»	«Созерцание краткое»
—	Повесть А. А. Матвеева	—

Проведенное сравнение сборников показывает, что они имеют довольно устойчивую часть — «Новый летописец» с «Созерцанием кратким».

Наличие редакции «Нового летописца» вместе с «Созерцанием кратким», рассказывающим о восстании 1682 г., отмеченные выпады против народных волнений в статьях «Нового летописца» — все это заставляет предполагать, что «Новый летописец» по списку Оболенского составлялся не позднее 80—90-х годов XVII в. Редактор создал этот памятник под впечатлением, произведенным на него восстанием 1682 г. [27]

---

[27] В подготовке этой статьи техническую помощь автору оказала его мать Жаркова З. Ф. Выражаю ей благодарность.

«НОВЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЦАРСТВОВАНИЯ ЛЖЕДМИТРИЯ I

В. Д. Назаров

Дальнейшее изучение Крестьянской войны в России начала XVII в. требует прежде всего расширения источниковедческой базы. Это связано с вводом в научный оборот новых, неизвестных ранее материалов и с более углубленным анализом уже использовавшихся. Трудно переоценить значение нарративных памятников для указанной темы: они не только раскрывают фактическую сторону Крестьянской войны, но и сами по себе являются фактом идеологической, политической борьбы в период «Смуты» и в ближайшее после нее время. Среди таких произведений важнейшим является «Новый летописец».

Источниковедческий анализ этого памятника еще далек от завершения. С. Ф. Платонов, предпринявший комплексное изучение большинства повествовательных сочинений о «Смуте», уделил «Новому летописцу» сравнительно мало внимания. Однако впоследствии был подтвержден и уточнен его тезис о большей древности текста памятника редакции с Никоновской летописью и «Повестью о честном житии»; оказались верными мысли о его возникновении около 1630 г. в кругу патриарха Филарета, о двойственности литературной манеры памятника (наличие в «Новом летописце», с одной стороны, «повествований, литературно обработанных», а с другой — «записей летописного характера») и т. д. [1]

В советской историографии наиболее полное исследование «Нового летописца» было предпринято Л. В. Черепниным. Он развил наблюдения С. Ф. Платонова о первоначальности редакции памятника в ряде списков Никоновской летописи, более аргументированно обосновал дату его возникновения. Главной же заслугой Л. В. Черепнина было выяснение идеологической направленности произведения, характера его источников (документальных и нарративных). Весьма тщательно была изучена дальнейшая литературная судьба памятника в XVII в. В результате и само создание «Нового летописца», и последующая история его текста были поставлены в связь с внутриполитической обстановкой в

[1] *С. Ф. Платонов.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник, изд. 2. СПб., 1913, стр. 311—339.

стране (в особенности с идеологической борьбой в оценке «Смуты» в 20-х годах XVII в.), с важнейшими внешнеполитическими событиями [2]. К основным выводам Л. В. Черепнина присоединился и И. И. Смирнов, сделавший ряд интересных наблюдений над тем разделом памятника, где излагаются события восстания под руководством Болотникова [3].

В последнее время вопросы о времени, месте и условиях создания первоначального текста «Нового летописца» и его последующих редакций были вновь подняты И. А. Жарковым. Он уточнил годы и обстоятельства переделок «Нового летописца», начиная с четвертого десятилетия XVII в. и до начала XVIII в. [4] Интересно, но не бесспорно намечена им предыстория памятника [5]. Впрочем, характер и объем опубликованных работ И. А. Жаркова не дают пока возможности судить о степени убедительности его выводов — в них нет сколько-нибудь развернутой аргументации (это и понятно, ибо в двух случаях изданы тезисы его докладов). Одно из наблюдений нашей статьи, сходное с представлениями И. А. Жаркова (отношение к авторскому тексту редакции «Нового летописца» с Никоновской летописью и «Летописи о многих мятежах») обосновано далее текстологически.

К проблеме источников «Нового летописца» обратился в последнее время В. И. Корецкий [6]. Если в первой статье автор только поставил вопрос о возможном привлечении составителем «Нового летописца» «Истории Иосифа о разорении русском», то во второй он решительно настаивает на этом тезисе. По его мнению, «История» келейника патриарха Иова была одним из основных (или вообще самым главным) источников нашего памятника в разделе до 1613 г., причем именно важнейшие главы «Нового летописца» («те, которые, по мнению С. Ф. Платонова, относились

---

[2] *Л. В. Черепнин.* «Смута» и историография XVII в. (Из истории древнерусского летописания).— «Исторические записки», т. 14, 1945.

[3] *И. И. Смирнов.* Обзор источников о восстании Болотникова.— В кн.: «Восстание Ивана Болотникова. Документы и материалы». М., 1959, стр. 7—8, 11—12, 21—22; *он же.* Восстание Болотникова. 1606—1607 гг. М., 1951, стр. 89, 156—158, 165, 175—179, 214—216 и др.

[4] *И. А. Жарков.* Из каких кругов вышла «Летопись о многих мятежах».— В кн.: «Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова». М., 1967, стр. 232—234; *он же.* Продолжения «Нового летописца». Тезисы доклада.— В сб.: «Тезисы докладов на совещании молодых специалистов «Вопросы изучения средневекового славянского и греческого рукописного наследия в советских собраниях (текстология, палеография, кодикология, источниковедение и др.)»». Л., 1967, стр. 19.

[5] *И. А. Жарков.* «Новый летописец». Тезисы доклада.— В сб.: «Тезисы докладов научной конференции молодых ученых МГУ». М., 1968, стр. 269—270.

[6] *В. И. Корецкий.* Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени.— В сб.: «Славяне и Русь. К шестидесятилетию акад. Б. А. Рыбакова». М., 1968, стр. 286, 289; *он же.* «История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева.— В кн.: «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. V. Л., 1973, стр. 258, 261, 285.

к числу «повествований, литературно обработанных»), основываются на «Истории» Иосифа. Наблюдения исследователя о составе и характере «Истории» Иосифа, ее взаимоотношениях с рядом летописных сочинений XVII в. и с так называемой «Выпиской из гистории с начала царства царя Феодора Иоанновича...» (с обоими — черновым и беловым — ее вариантами) В. Н. Татищева [7], бесспорно, представляют большой интерес и впервые, пожалуй, ставят весь этот сложный комплекс проблем на солидную базу текстологических изысканий и широких фактологических сопоставлений. Однако опубликованные работы В. И. Корецкого — лишь часть его обширного труда, посвященного нарративным источникам эпохи «Смуты», что, естественно, не позволило автору достаточно полно аргументировать все выводы. В частности, представляется еще дискуссионным вопрос о характере и степени использования в «Новом летописце» «Истории» Иосифа. В. И. Корецкий не дал развернутого и четкого решения проблемы состава сочинения келейника Иова (по объему известий, их композиции, хронологическим рамкам), места, времени и условий его возникновения [8], без чего нельзя дать исчерпывающего ответа на указанный выше вопрос. Известные сомнения вызывают также некоторые методические аспекты текстологического анализа [9], а так-

---

[7] Издана в кн.: *В. Н. Татищев.* История Российская, т. VI. М.—Л., 1966, стр. 281 и далее (черновые варианты и разночтения см. на стр. 374 и далее).

[8] Так, остается непонятным, почему столь приближенное к Иову лицо, использовавшее к тому же, по словам В. И. Корецкого, «доверительные сообщения самого патриарха Иова» (*В. И. Корецкий.* «История Иосифа...», стр. 284 и др.), дало по существу убийственную его этическую характеристику в эпизоде с покаянием Б. Бельского (он приводится у В. Н. Татищева и, по мнению В. И. Корецкого, заимствован из «Истории» Иосифа.— *В. И. Корецкий.* «История Иосифа...», стр. 275); ведь Иов не только по существу одобрил нарушение духовником тайны исповеди, но и ярко продемонстрировал сервильность своего отношения к Б. Годунову. Критическое отношение к Иову заметно и в ряде других известий у В. Н. Татищева, которые В. И. Корецкий склонен относить к «Истории» Иосифа.

[9] Представляется методически неверным использовать при текстологических сравнениях только текст редакции «Нового летописца» с Никоновской летописью. Как показано И. А. Жарковым и в нашей статье, более поздние редакции памятника независимо восходят к авторскому тексту и в ряде случаев более верно передают его. Затем, остаются текстологически необъясненными случаи, когда и «Новый летописец», и «Выписка...» В. Н. Татищева по-разному передают одно и то же сообщение, взятое ими, по мнению В. И. Корецкого, из «Истории» Иосифа. Так, в черновом варианте «Выписки...» смерть Б. Годунова отнесена к «седмице» Фоминой недели, а в «Новом летописце» (ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, стр. 63) эта дата определена как «после бо святыя недели канун жены мироносицы». Оба известия В. И. Корецкий («История Иосифа...», стр. 263) возводит к сочинению Иосифа, но остается непонятным, каков же был текст Иосифа. Ведь оба указания верны («седмица» Фоминой недели приходилась в 1605 г. на субботу, 13 апреля, точно так же, как и «канун» недели жен-мироносиц, начинавшейся с воскресенья 14 апреля), а идеологически они абсолютно нейтральны. Число подобных примеров нетрудно увеличить. Попутно отметим, что факт приведения В. Н. Татищевым в черновом варианте «Выписки...» неверной даты смерти Б. Годунова (5 апреля) при правиль-

же ряд положений, характеризующих идеологическую направленность «Нового летописца» [10].

Дальнейшее исследование «Нового летописца» потребует, на наш взгляд, тщательного текстологического анализа всех сохранившихся списков всех редакций, скрупулезной проверки всех его известий и установления их источников (документального или литературного характера). Задача предлагаемой статьи несравненно скромнее — выяснить значение памятника как источника по истории царствования Лжедмитрия I, а это означает: текстологическое исследование опубликованных его редакций по интересующему нас разделу, сопоставление комплекса известий по данному вопросу с другими нарративными произведениями, выяснение источников сведений «Нового летописца» о правлении Лжедмитрия I и, наконец, установление авторской оценки деятельности первого Самозванца.

ной ее характеристике по церковному календарю свидетельствует не об его ошибке при определении числа дня, а скорее указывает на использование им «Летописи о многих мятежах», где приведена именно эта дата («Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства», изд. 2. М., 1788, стр. 87). Наконец, автор не всегда полно рассматривает все версии тех или иных эпизодов, приводимых В. Н. Татищевым. В «Выписке...» (История Российская, т. VI, стр. 293) есть три варианта рассказа о действиях П. Ф. Басманова по возвращении в Москву после осады в Новгороде-Северском. Первый — краткий — восходит к гл. 95 «Нового летописца», переданной В. Н. Татищевым в сокращении и с хронологической ошибкой. Второй — пространный — повествует о посылке Б. Годуновым П. Ф. Басманова для переговоров с поляками из войска Лжедмитрия I, а также с целью последующего изобличения Самозванца. Басманов, однако, вернувшись в Москву, вступил в сговор с боярами, а затем, обманув Б. Годунова, объявил на многолюдном народном собрании о подлинности претендента и бежал к нему. Третий (такой же краткий, как и первый) сообщает, что слухи о подлинности Лжедмитрия I распространялись П. Ф. Басмановым тайно, а сам он после смерти Б. Годунова был послан в правительственную армию под Кромы (последнее полностью соответствует историческим фактам). В. И. Корецкий («История Иосифа...», стр. 262—263) из всех трех версий рассматривает только одну — вторую, которую он и причисляет к заимствованиям из «Истории» Иосифа и не объясняет наличия двух других (кстати, третий вариант начинается с таких слов— «другие же сказуют»,— которые обычно рассматриваются В. И. Корецким как точное текстологическое указание на заимствования В. Н. Татищева именно из сочинения Иосифа).

[10] Никак нельзя согласиться с автором, когда он пишет о склонности составителя «Нового летописца» обелять действия В. И. Шуйского и других бояр, о его устранении критики Иосифа в адрес правящих слоев и т. п. (*В. И. Корецкий.* «История Иосифа...», стр. 262, 280 и др.). В свое время Л. В. Черепнин доказал, что именно благожелательная оценка В. И. Шуйского в так называемой «рукописи Филарета» (в противовес позиции автора «Нового летописца») (*Л. В. Черепнин.* Указ. соч., стр. 101—102) не дает возможности причислять первую к кругу официальных сочинений правительства Романовых. В нашей статье (см. ниже) показано, что осуждение поведения «начальных людей» Русского государства в период правления Лжедмитрия I — один из основных идеологических мотивов соответствующих разделов «Нового летописца». Последнее, кстати, частично признает и В. И. Корецкий — в противоречии с вышеуказанными собственными выводами (*В. И. Корецкий.* «История Иосифа...», стр. 265).

Обратимся к первой проблеме. Сравнение редакции памятника в ряде списков Никоновской летописи с «Летописью о многих мятежах» приводит к выводу, уже известному в историографии, о чрезвычайной близости обеих редакций в анализируемой части. Действительно, обе они дают одно и то же членение текста на главы, в подавляющей части (за единственным исключением) совпадают названия глав, и, что наиболее важно, весьма близки их тексты. Однако текстологические различия все же существуют. Это прежде всего такие разночтения, когда более правильные чтения содержатся в редакции «Нового летописца» в Никоновской летописи:

Редакция «Нового летописца» в Никоновской летописи [11]	«Летопись о многих мятежах» [12]
Гл. О патриярхе Иеве и о разсылке Годуновых	
«...патриярха Иева с престола сведоша; приведоша его в соборную церковь, и начаша с него сымати святительское платье...» (стр. 65).	«...патриярха Иева с престола сведоша, с него снявше святительское платье...» (стр. 92).
«Сию же аз грешный исправлях слово сына твоего Христа бога нашего 19 лет...» (стр. 65).	«Сию же аз грешный исправлях слово сына твоего бога нашего 10 лет...» (стр. 92).
Гл. О убиении царевича Федора с матерью	
«...мстящу ж богу кровь царевича Дмитрея и иныя неповинныя крови...» (стр. 66).	«...мстящу бо богу кровь царевича Дмитрия за неповинную кровь...» (стр. 94).
Гл. О приходе Ростригине к Москве	
«...над Москвою, над градом и над посадом, стояше тма, окроме града нигде не видяху...» стр. 66).	«...над Москвой, над градом и над посадом, стоящу тму промеж града, нигде бо пуста места не видяще...» (стр. 95).
«...поиде во град в царские хоромы и начат пировати многие дни с тою Литвою и с своими советники» (стр. 66—67).	«...поиде во град в царские хоромы и пача пировати» (стр. 95).
Гл. О князе В. И. Шуйском з братьею	
«На том же соборе ни власти, ни из бояр, ни ис простых людей...» (стр. 67).	«На том же соборе не властники из бояр, но из простых людей...» (стр. 96)

[11] ПСРЛ, т. XIV, ч. 1. СПб., 1910. Страницы издания указаны в тексте после приведенных цитат. Разрядка везде наша.— *В. Н.*

[12] «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства...», изд. 2. М., 1788. Страницы издания указаны в тексте после приведенных цитат. Разрядка везде наша.— *В. Н.*

Правильность чтений редакции с Никоновской летописи очевидна. Так, в первом случае без указания на приведение Иова в Успенский собор становится непонятной его речь перед иконой богородицы, имеющаяся в обеих редакциях. Не мог Иов и определять время своего «пастырства» на московской кафедре в 10 лет. Явно заметна стилистическая и смысловая неточность «Летописи...» в третьем разночтении: в прорομановском сочинении для автора было существенно подчеркнуть вину Б. Годунова не только в смерти царевича Дмитрия, но и его ответственность за преследование и смерть представителей романовской фамилии и лиц из их окружения. В четвертом случае текст «Летописи...» вообще искажен, так что становится непонятным авторское описание грозного предзнаменования при въезде Лжедмитрия в Москву. Подобное же мы наблюдаем и в шестом разночтении, когда в «Летописи...» полностью испорчено перечисление «чинов» соборного суда над В. И. Шуйским. Наконец, в пятом случае «Летописью...» просто утрачено окончание фразы.

Мы обнаруживаем и такие разночтения, в которых несомненна бóльшая исправность текста «Летописи о многих мятежах»:

Редакция «Нового летописца» в Никоновской летописи	«Летопись о многих мятежах»
Гл. О патриярхе Иове и о разсылке Годуновых	
«...а с т р а с т и ю посла Петра Басманова...» (стр. 65).	«...а с р а т и ю посла Петра Басманова...» (стр. 92).
Гл. О приходе Ростригине к Москве	
«...прииде на реку М о с к о в к у. Тут же на реке на М о с к о в к е...» стр. 66).	«... прииде на реку на М о с к в у. Тут же на реке на М о с к в е...» (стр. 94.)
Гл. О посылке в Литву по Сердомирсково з дочерью	
«...посла в Литву с в а т а т ц а з а с е б я у Сердомирсково воеводы...» (стр. 67).	«...посла в Литву с в а т а т ь з а с е б я д о ч ь у Сердомирского воеводы» (стр. 97).
Гл. О посылках Литовских (стр. 68)	Гл. О послах Литовских (стр. 99)
Гл. О воре Петрушке, како назвася царевичем...[13]	
«...а именоваху ж т о т г р а д по р у с с к и и Т е р к у» (стр. 71).	«...а именоваху ж т о т г р а д по р е к е Т е р к у» (стр. 107).

Кроме того, И. И. Смирнов доказал правильность чтения «Летописи...» в главе о восстании в Астрахани[14]. И еще один красноречивый пример, правда из другой части памятника. В главе

[13] Эта глава хронологически относится к анализируемому нами разделу памятника.

[14] *И. И. Смирнов.* Восстание Болотникова, стр. 214—216.

«О преставлении царевны Феодосии» именно «Летопись...» правильно передает название села, отданного царем Федором Ивановичем в кремлевский девичий Вознесенский монастырь в Масальском уезде (Чертень), тогда как в редакции Никоновской летописи оно искажено (Гертень) [15].

Приведенные разночтения (а их количество нетрудно увеличить) достаточно показательны. И если некоторые из них, казалось бы, могут быть объяснены исправлениями издателя «Летописи...» М. М. Щербатова (первый, второй и третий случаи), то этого никак нельзя сказать об остальных разночтениях. Правка в пятом примере и в случае с наименованием села в Масальском уезде предполагает столь тщательные историко-географические изыскания на весьма узкую тему, которые вряд ли могли быть выполнены в XVIII в. Такое же, но только историко-филологическое исследование может оправдать и изменение заголовка главы (четвертый пример), опять-таки если мы предположим исправление издателя. Впрочем, характер работы М. М. Щербатова над рукописью точно неизвестен, поскольку еще не найден список «Летописи...», по которому он ее издал. При общем же просмотре прежде всего бросаются в глаза лексические и грамматические поновления текста, выдающие руку издателя именно XVIII в. Подобные неисправности опубликованного текста «Летописи...» мы не учитывали.

Из сравнения приведенных разночтений обеих групп вытекают три важных для текстологической истории памятника вывода. Во-первых, ни одна из разбираемых редакций не является первоначальным авторским текстом «Нового летописца». Во-вторых, обе они восходят к этому авторскому тексту независимо друг от друга. В-третьих, редакция «Нового летописца» в Никоновской летописи отразила первоначальный текст в общем полнее и точнее, чем «Летопись о многих мятежах».

Где и когда произошло соединение «Нового летописца» с Никоновской летописью? Одним из источников сборников [16], куда входят, наряду с «Новым летописцем», Никоновская летопись и «Повесть о честном житии царя Федора Ивановича» (автор — патриарх Иов), был список Оболенского Никоновской летописи [17]. Последний, как известно, состоит из разновременно написанных частей, причем отрывочные заметки после 1558 г. были внесены

---

[15] ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, стр. 45; «Летопись о многих мятежах», стр. 35; ср. ГИМ, столбцы Синодального собрания, Вознесенский № 2. Правда, автор «Нового летописца» в данном эпизоде был неточен и, скорее всего, преднамеренно: по душе царевны Феодосии Вознесенский монастырь получил село Сухиничи Мещовского уезда, село же Чертень было отдано монастырю Б. Годуновым в виде вклада «по иноке Александре» (его сестре и жене царя Федора Ивановича).

[16] Это списки Академический XV, Троицкий III и Строгановский Никоновской летописи второй половины XVII в.

[17] ПСРЛ, т. XIII, 1-я пол. СПб., 1904, стр. IV.

уже в XVII в. [18] По мнению Н. Ф. Лаврова, список Оболенского в известном нам виде (по 1558 г.) обязан своим возникновением правительственным кругам [19]. Однако, насколько можно судить по записям на его листах, уже в первой половине XVII в. он был собственностью Троице-Сергиева монастыря [20], откуда, видимо, в феврале 1637 г. был затребован в Приказ Большого дворца [21]. В этом списке есть четыре записи — за 1639 г. и 1645 г.,— отсутствующие в списках Академическом XV, Троицком III и Строгановском [22].

Таким образом, соединение «Нового летописца» с «Повестью о честном житии» и Никоновской летописью (по списку Оболенского) произошло или в «книгописной палате» Троице-Сергиевой обители до февраля 1637 г. или после этой даты (но до января 1639 г.) по инициативе правительственных кругов. Мы склоняемся в пользу первого предположения. Во-первых, один из сборников с Никоновской летописью и «Новым летописцем» — Троицкий III — принадлежал в XVII в. Троице-Сергиеву монастырю. Во-вторых, трудно допустить, чтобы по правительственной инициативе мог быть составлен сборник, включавший официальное произведение круга Романовых и «Повесть о честном житии», столь различные в оценке 80—90-х годов XVI в. и в особенности личности и деятельности Б. Годунова. С другой стороны, в распоряжении троицкой братии, учитывая положение и роль монастыря, вполне могли быть и «Новый летописец», и «Повесть о честном житии» [23].

Сравнение обеих указанных редакций памятника с его редакцией в списке Оболенского в исследуемой части подтверждает мнение Л. В. Черепнина о сравнительно позднем возникновении последней редакции и большом объеме редакторской работы ее составителя. Однако, можно думать, что составитель редакции Оболенского имел в руках текст «Нового летописца», близкий к авторскому. Так, он при переработке следует то правильным

---

[18] *Н. П. Лихачев.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I. СПб., 1899, стр. 319—333.

[19] *Н. Ф. Лавров.* Заметки о Никоновской летописи.— ЛЗАК, вып. 1 (34). Л., 1927, стр. 90.

[20] ПСРЛ, т. IX. СПБ., 1862, стр. VII—VIII; *А. Г. Кузьмин.* Рязанское летописание. М., 1965, стр. 28.

[21] ПСРЛ, т. IX, стр. VIII.

[22] Там же, т. XIII, 1-я пол., стр. 302.

[23] По наблюдению С. Ф. Платонова (указ. соч., стр. 374, прим. 2), известный троицкий писатель Симон Азарьин был патриаршим казначеем с августа 1630 по апрель 1631 г., т. е. вскоре по завершении работы над «Новым летописцем». Патриарх Иов (автор «Повести о честном житии») с лета 1605 г. и до смерти находился в Старицком монастыре, архимандритом которого с 1607 г. был Дионисий, впоследствии ставший архимандритом Троице-Сергиева монастыря (с 1610 г.). По свидетельству «Истории о Иове...», Иов умер, окруженный заботами Дионисия (*С. Ф. Платонов.* Указ. соч., стр. 354). Вполне вероятно, что список столь мало распространенной «Повести о честном житии» мог непосредственно от автора попасть в руки к Дионисию, а через него — в распоряжение троицких «списателей».

чтениям «Летописи...», то редакции памятника в Никоновской летописи. Рассказывая о сведении Иова, автор вслед за «Летописью...» правильно упоминает о посылке в Москву с войском П. Басманова, а чуть ниже, уже согласно с редакцией Никоновской летописи, говорит о приведении патриарха Иова в Успенский собор [24]. Так же обстоит дело и в других случаях [25]. Подобную «избирательность» составителя редакции Оболенского трудно объяснить его литературным чутьем и большой эрудированностью или тем, что в его руках были обе вышеуказанные редакции «Нового летописца». Скорее всего, перед ним находился текст списка памятника, весьма близкий к авторскому, который он и перерабатывал.

Сопоставление «Нового летописца» с предшествующими повествовательными сочинениями убеждает в полной самостоятельности и оригинальности памятника. Так, весьма отличной является композиция рассказа о правлении Лжедмитрия I, характерная черта которой — значительная дробность разделения текста. Стиль памятника лишен риторических украшений и публицистических отступлений, типичных для других сказаний («Повесть, како восхити», «Сказание, еже содеяшася», Сказание Авраамия Палицына, «Иное сказание»), он прост, безыскусствен и даже несколько сух. Весьма заметны различия и в объеме сообщаемых известий. Так, с одной стороны, в «Новом летописце» отсутствует ряд сведений о царствовании первого Самозванца, имеющихся в других сочинениях. Это — известие о построении потешного городка («ада», по названию авторов повестей 1606 г.) [26], сведение о конфликте между Лжедмитрием I и казанским митрополитом Гермогеном, коломенским епископом Иосифом, о ссылке последнего и опале на М. И. Татищева [27], известие о возвращении из ссылки опальных при Б. Годунове лиц и фамилий (в частности, Романовых) и о поставлении Филарета Романова в ростовские митрополиты [28], сообщение об увеличении при Самозванце денежного и земельного жалованья [29]. Наконец, в памятнике отсутствует характеристика личных качеств Лжедмитрия I (в анализируемом разделе), какую мы находим в сочинениях князя

[24] «Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. Издан по списку князя Оболенского». М., 1853, стр. 69.

[25] Там же, стр. 71 (гл. о суде над В. И. Шуйским) и стр. 73 (рассказ о казни стрельцов).

[26] РИБ, т. XIII, изд. 3, ч. 1. Л., 1925, стб. 55—56, 164.

[27] См. «Сказание, еже содеяшася» (РИБ, т. XIII, изд. 3, ч. 1, стб. 739—740); ср. известие об опале на М. И. Татищева у Маржерета [«Сказания современников о Дмитрии Самозванце», изд. 3, ч. 1. СПб., 1859, стр. 300 (далее — *Мержерет*)].

[28] См. в Хронографе 1617 г. («Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции». Собрал и издал А. Попов. М., 1869, стр. 193—194); ср. «Сказание Авраамия Палицына». М.—Л., 1955, стр. 113 (далее — *Палицын*).

[29] См. Карамзинский хронограф («Изборник...», стр. 329).

И. А. Хворостинина, князя И. М. Катырева-Ростовского, в Хронографе 1617 г.

С другой стороны, «Новый летописец» содержит известия, отсутствующие в упомянутых произведениях. Это, например, сведение о конфликте Самозванца с Симеоном Тверским и ссылке последнего. Кроме того, при описании совпадающих фактов текст «Нового летописца» дает самостоятельную и, как правило, более содержательную трактовку событий. Так, рассказ о сведении с кафедры патриарха Иова и высылке Годуновых, помимо подробного описания самого хода низложения опального иерарха, пополнился указанием на посылку в Москву П. Басманова вместе с князем В. В. Голицыным, князем В. М. Масальским и Б. Сутуповым и определением мест ссылки Годуновых и Сабуровых. В описании убийства Ф. Б. Годунова и его матери более точен список убийц — наряду с Голицыным и Масальским указаны М. Молчанов и А. Шерефединов. Рассказ о суде над В. И. Шуйским в «Новом летописце» включает в себя определение его как «соборного суда» и дает выразительное описание его хода, чего нет в других памятниках [30]. Наконец, только в «Новом летописце» содержится подробное изложение волнений среди стрельцов и казни семерых из них [31].

Из сказанного следует, что автор «Нового летописца» мог заимствовать из предшествующих произведений только общую канву событий царствования Самозванца (видимо, с этой целью он использовал «Сказание, еже содеяшася» и Сказание Авраамия Палицына). Откуда же черпал автор «Нового летописца» многие свои сведения?

Л. В. Черепнин убедительно показал, что в распоряжении автора «Нового летописца» были документальные материалы из архивов различных приказов (прежде всего Посольского). Не составляет исключения в этом отношении и анализируемая нами часть памятника. Ряд сведений составитель мог взять из разрядных документов (книг, столбцов, грамот). К таким можно отнести известие о местах ссылки Годуновых и Сабуровых, посылке П. Басманова в Москву вместе с князем Голицыным [32]. Материалы Посольского приказа были, видимо, использованы в главах «О посылках Литовских» и «О посылке в Литву по Сердомирсково з дочерью». В то же время, на наш взгляд, бесспорно, что автор памятника обильно использовал и свои личные припоминания, и воспоминания лиц, так или иначе имевших отноше-

[30] «Соборный» характер суда над В. И. Шуйским «з братьею» подтверждают Маржерет (*Маржерет*, стр. 299) и письма иезуитов, сопровождавших Самозванца, из Москвы.

[31] Ср. с известиями Массы [*Исаак Масса*. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, стр. 122—124 (далее — *Масса*)] и К. Буссова [*К. Буссов*. Московская хроника. М.—Л., 1961, стр. 112—113 (далее — *Буссов*)].

[32] Ср. *С. А. Белокуров*. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907, стр. 6, 201—202, 241—243, 202—203.

ние к созданию «Нового летописца». Именно этим объясняется ошибка в указании места ссылки Симеона Бекбулатовича: в Соловецкий монастырь он попал уже по распоряжению В. И. Шуйского, при Самозванце же он был отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь [33]. Неизбежные погрешности памяти отразились, видимо, и на хронологической точности «Нового летописца». Так, восстание москвичей против поляков в нем отнесено к 14 мая, волнения среди стрельцов и казнь семерых из них приурочены к началу мая (после прибытия Мнишков, но до свадьбы) [33а]. В этом же смысле показательно и отсутствие многих дат в описании правления Лжедмитрия I — даты его вступления в Москву, даты прибытия его мнимой матери Марфы Нагой, дня его венчания и т. д. Думаем, что приведенные примеры свидетельствуют о том, что никаких летописных источников по времени Самозванца в распоряжении составителя памятника не было. Вообще, его отличительной чертой (но только в разделах после царствования Федора) является почти полное отсутствие точных дат и даже строгого погодного разделения текста. Для времени же Федора Ивановича и самого начала царствования Б. Годунова, наоборот, показательно сравнительное обилие дат и достаточно строго проведенное погодное расположение материала. Предполагаем, что в описании 80—90-х годов составитель «Нового летописца» положил в основу какое-то летописное произведение [34].

Какова же оценка деятельности Лжедмитрия I автором «Нового летописца»? В общем памятник дает уже устоявшуюся характеристику и личности Самозванца, и его правления. Лейтмотивом всех предшествующих ему сочинений (особенно созданных в царствование В. И. Шуйского) было обвинение Лжедмитрия в «злокозненном еретичестве», в стремлении окатоличить страну, уничтожив православие, исконные традиции и «защитников» национальной самостоятельности — «начальных людей» Русского государства. Ответственность за все мероприятия возлагалась только на «богомерзкого Растригу». Таким образом, производилось косвенное оправдание верхушки господствующего класса.

---

[33] ААЭ, т. II. СПб., 1836, № 41, стр. 96—97; № 45, стр. 103.

[33а] Исаак Масса, непосредственно наблюдавший события этого периода, относит волнение среди стрельцов и казнь семерых из них ко времени от января до начала весны (*Масса*, стр. 122—124).

[34] Приведем примеры. Так, статья о построении Белого города в Москве датирована 7095 г. (ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, стр. 37), а с отсылки «того же году» начинаются еще две главы (17 и 18) «Нового летописца». Подобные же вставки характерны и для известий 7096 (главы 19—20), 7099 (главы 23, 24, 27), 7100 (главы 32—37), 7101 (главы 38—40) и других годов. Такой характер изложения обрывается на первых известиях после коронации Б. Годунова (осень 1598 — зима 1599 г.— см. главы 65—66, ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, стр. 51) и больше не возобновляется. Не беремся сейчас судить, какой по характеру и составу летописный источник был использован автором «Нового летописца» в разделе до зимы 1599 г. В. И. Корецкий в указанных выше статьях не остановился на этой особенности структуры нашего памятника.

Прямое же оправдание достигалось описанием «крепкостоятельства» «начальных людей», их обличениями Самозванца (в первую очередь при описании действий князя В. И. Шуйского) [35]. Подобные взгляды были порождены внутриполитическими обстоятельствами 1606—1610 гг. и внешнеполитическими задачами (во взаимоотношениях с Польшей).

Уже Авраамий Палицын несколько приглушил публицистические обвинения в адрес Самозванца, а само его появление рассматривал как божью кару за «безумное молчание» всего населения в царствование Б. Годунова и «неповинную кровь». Автор «Нового летописца» еще более развил эти взгляды.

Действительно, рассказ памятника о правлении Лжедмитрия I почти начисто лишен публицистических обличений Самозванца. В данном отношении он не только резко контрастирует с предшествующими повествованиями, но и с другими частями «Нового летописца». Безыскусность и лаконичность текста здесь уже выступают не только как особенность стилистической манеры автора, но и как характерная деталь его концепции. Показательно, что составитель нигде не дает сколько-нибудь развернутой оценки личности Самозванца. Он даже совершенно иначе излагает судьбу царевны Ксении Годуновой, служившую столь удобным предлогом для всех авторов сказаний и повестей в обличении моральной нечистоплотности Лжедмитрия I [36]. Эти особенности авторской позиции отнюдь не случайны. Они связаны с тем, что составитель «Нового летописца», рассматривая Лжедмитрия I как возмездие в руках бога за «неповинную кровь» и «безумное молчание» в царствование Б. Годунова, распространяет тезис об ответственности населения — и прежде всего «начальных людей» — за преступления правителей и на время правления Самозванца. Особо характерны в этом отношении два примера. Описывая заговор князя В. И. Шуйского и суд над ним, автор памятника специально указывает: «На том же соборе ни власти, ни из бояр, ни ис простых людей нихто ж им пособствующе, все на них же кричаху» [37]. Другие сочинения вообще не упоминают ни о факте соборного суда, ни о позиции представителей духовенства, боярства и выборных земских лиц. В рассказе о посылке свадебного посольства в Польшу автор «Нового летописца» еще более ярко провел эту мысль: «Боляре же все и всяких чинов люди не побояхуся праведного суда божия, не восхотеша от бога приняти венца страстотерпческого, все по нем, Гришке,

---

[35] Это особенно характерно для «Повести, како восхити», «Сказания, еже содеяшася», а также «Иного сказания».

[36] Только в сочинении Ивана Тимофеева («Временник Ивана Тимофеева». М.—Л., 1951, стр. 85) судьба Ксении изложена сходно с «Новым летописцем». В этом же сочинении содержится и осуждение «потакающих» вельмож (там же, стр. 87—88). Не был ли знаком автор «Нового летописца» с произведением Ивана Тимофеева?

[37] ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, стр. 67.

побараху: послаша грамоты в Литву за руками святительскими и за боярскими, и назваша его прямым прирожденным государем...» [38] В ранних произведениях о правлении Лжедмитрия I этот эпизод целиком отнесен к замыслам и действиям «злокозненного» черпеца и его «нечестивых» советников. У Авраамия Палицына такая позиция церковных иерархов и «начальных чинов» из светских феодалов объясняется тем, что они «покорились» «злому совету Ростриги с Игнатием» [39]. Различия достаточно рельефные.

Тезис об ответственности русского общества, прежде всего «начальных людей», за преступления Самозванца был, конечно, необходим автору «Нового летописца» для общей концепции «Смутного времени». С одной стороны, «шатость» и «лукавство» светских и духовных владык — это типичная черта их поведения на всем протяжении «Смуты». С другой стороны, их позиция по отношению к Лжедмитрию I, по мысли составителя, означала непонимание причин божьего гнева, сохранение среди них тех пороков и грехов, которые уже привели к потрясениям в Русском государстве. Это должно было привести к дальнейшему развитию социального кризиса в стране, к еще большему разрастанию междоусобной борьбы.

---

[38] Там же.
[39] *Палицын*, стр.

РУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ И Я. А. КОМЕНСКИЙ

А. В. Флоровский

В вышедшем в свет в 1677 г. труде историка Томаша Пешины из Чехорода (1629—1680) имеется ссылка на то, что великий чешский мыслитель Ян Амос Коменский в одном из своих произведений 20-х годов XVII в. использовал материал «древней русской летописи» [1]. Эта ссылка представляет немалый интерес с разных точек зрения.

Прежде всего следует констатировать, что Коменский (1592—1670) в начальные годы своей литературной деятельности проявил интерес к русскому летописанию и ознакомился с одним из его памятников. С другой стороны, примечательно, что какой-то русский летописный текст, очевидно рукописный, оказался доступным Коменскому при его жизни и деятельности в Чехии. Этот факт должен быть учтен при изучении истории, так сказать, распространения русской культуры за пределы собственно Руси. В 1964 г. М. И. Слуховский сделал обзор форм и этапов этого распространения [2]. Влияние русского летописания в славянских и неславянских землях Южной и Западной Европы учтено им, однако, недостаточно, а оно заслуживает всяческого внимания.

Наконец, чрезвычайно важно учесть, что изучение использования русских летописных текстов историками и писателями вне Руси, в частности в славянских землях, дает дополнительный, иной раз исключительно важный материал для истории русского летописания, поскольку выявляется наличие у тех или иных историков русских текстов, отличных от известных списков русских летописей. Достаточно вспомнить, что изучение летописных источников одного из первых историков Польши Яна Длугоша позволяет установить существование в те времена, т. е. в конце XV в., некоторого числа летописных сводов, не сохранившихся совсем или сохранившихся лишь отрывочно среди дошедших до нас летописных сводов и списков [3]. Значительный интерес представляет в этом смысле и установление источников информации по исто-

[1] *Pešina z Čechorodu.* Mars Moravicus, t. I. Pragae, MDCLXXVII, s. 230, 232 (на полях).

[2] *М. И. Слуховский.* Из истории книжной культуры России. Старорусская книга в международных культурных связях. М., 1964.

[3] Ср. *E. Perfeckij.* Historia Polonica Jana Długosze a ruské letopisectví. Praha, 1932.

рии Руси у С. Герберштейна, который первым в Европе выступил с изложением русского летописного материала [4]. Его летописный источник, может быть, и не очень отличался от известных ныне сводов, однако и он должен быть включен в число тех памятников русского летописания, какими располагал читатель в первой половине XVI в. В этом смысле следует приветствовать работу А. И. Рогова, подвергшего тщательному анализу русские летописные сведения М. Стрыйковского [5].

Эти сведения оправдывают наш интерес к каждой цитате из русской летописи, какую можно встретить в исторической литературе вне Руси.

К сожалению, мы вынуждены основываться на материале из вторых рук и крайне ограниченном по своему составу. Дело в том, что сочинение Коменского, в котором якобы использован русский летописный материал, до нас не дошло. Оно в рукописи было известно названному выше Пешине из Чехорода, и только по его указаниям могут быть восстановлены сообщения, которые Коменский заимствовал из русской летописи. Нужно оговориться, что дело касается довольно деликатной по тем временам темы — начальной истории Моравии и генеалогии одного из видных родов местной знати, игравших и в судьбе самого Коменского, и в истории Моравии заметную роль.

По свидетельству Пешины, Я. А. Коменский в 1618—1621 гг., проживая в Моравии и находясь в числе приближенных крупного вождя моравских евангеликов Жеротина, написал небольшой трактат по генеалогии рода Жеротинов — «De origine baronum a Zierotin». Рукопись своего труда Коменский якобы представил самому Жеротину, а затем она оказалась в руках Пешины, занимавшегося историческими изысканиями о прошлом Моравии. Предполагается, что рукопись сочинения осталась в руках Пешины и ее можно было бы найти в составе его литературного наследия, если бы оно сохранилось в полном виде [6].

Обратимся, однако, к фолианту Пешины и посмотрим, в какой связи появилась там ссылка на использованную Коменским летопись. Дело касается истории далекого предка Жеротинов, одного из первых моравских князей князя Олега: «totum hoc quod de Olego memorat dixit habere ex Annalibus vetustissinus Russorum» [7].

Род Жеротинов вели в Чехии от русского княжеского рода уже в конце XVI в., когда известный чешско-польский писатель

---

[4] *А. В. Флоровский.* Каким летописным текстом пользовался С. Герберштейн?— «Ученые записки Высшей школы г. Одессы». Отдел гуманитарно-общественных наук. Одесса, 1922, стр. 69—80.

[5] *А. И. Рогов.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966.

[6] *I. Brambora.* Knizné dilo J. A. Komenského. Praha, 1954, s. 40—41. Ранее эта работа Коменским отмечена как утраченная (*Č. Zibert'a.* Bibliografie české historie, V. Praha, 1905, s. 331, 407, 648).

[7] *Pešina.* Op. cit., t. I, s. 232.

Бартломей Папроцкий на страницах своего сочинения «Zrdcadlo slavneho Margkrabstwij Morawskeho» (1593) изложил краткую историю появления в Моравии русского родоначальника Жеротинов — сына Колги (очевидно, Олега) Святославича, племянника русских князей Ярополка и Владимира. По рассказу Папроцкого, этот князь был направлен в Чехию к чешским князьям самим его отцом, опасавшимся угроз «сурового тирана» Ярополка, желавшего убить и своего брата и его сына. Ярополк действительно собственноручно убил Колгу, но затем и сам стал жертвой гнева брата Владимира. Между тем сын Колги, посланный отцом в Чехию с большим запасом золота и серебра, привязался к этой новой для него родине, отказался от титула князя и принял достоинство рыцаря. А так как он часто употреблял русское выражение «иди к черту», что Папроцкий передавал «иди к врагу», то он получил кличку «враг» и она стала прозвищем всего его рода (Враговский). Именно от него получил свое начало и род Жеротинов [8].

Все это повествование, несомненно, отражает хорошо известную из «Повести временных лет» историю враждебных отношений между сыновьями Святослава Игоревича — Ярополком, Олегом и Владимиром (Святым). И Папроцкий имел основание связывать этот рассказ с «анналами русскими и польскими», датируя, впрочем, начало рода Жеротинов 861 (6370) годом, т. е. на сто с лишним лет раньше удостоверенных русской летописью событий. В каких «русских» анналах мог Папроцкий найти данные об эмиграции сына Колги в Чехию и о судьбе его здесь?

Между тем история этого русского князя Олега (Olegus) существенно иначе излагается в книге Пешины, якобы по сочинению Коменского и снова со ссылкой на древнейшие русские анналы. Олег был племянником князя Ярополка, но Пешина допускает, что он мог быть и братом Ольги, жены Ярополка, отца «Jori», т. е., видимо, Игоря. Он якобы оказался почему-то в Моравии и был здесь моравами единогласно избран князем или даже царем (rex), после того как Моравия отпала от Чехии (ab imperio Bohemici) в связи с убиением князем Болеславом брата Вацлава в 939 г. Олег затем вел упорную, но безуспешную борьбу с венграми, во главе которых стоял вождь из рода Аркадов Токис. В этой борьбе Олег пользовался якобы помощью и поляков (особенно князя Земомысла), и родственников из Руси («a duce Russiae agnato suo»). Борьба завершилась полной неудачей, и Олег кончает свои дни в Польше у князя Земомысла [9].

---

[8] *B. Paprocki.* Zrdcadlo Cech a Moravy. Praha, 1941, s. 46. О Папроцком см.: ibid., s. 239—253. Подробнее см.: *K. Krejčí.* B. Paprocky z Hlohol a Paprocke Vule. Praha, 1946.

[9] *Pešina.* Op. cit., t. I, s. 230—233.

И вот от этого князя Олега и вел Я. А. Коменский генеалогию рода Жеротинов. В какой древней русской летописи мог он найти приведенные сведения об Олеге? При всей несомненной связи рассказа Пешины с рассказом Папроцкого в части, касающейся собственно русской летописной традиции о братьях Святославичах, они существенно расходятся в изображении судьбы родоначальника Жеротинов русского князя Олега. Коменский — Пешина знали о нем много подробнее и более конкретно, связывали его при этом не с Чехией, а собственно с Моравской землею, даже противопоставляя ее Чехии и тамошней правящей княжеской линии.

Эта оторванность рассказа об Олеге от русской летописной традиции становится еще более ясной, когда мы отметим, что позже исследователи генеалогии Жеротинов предложили новые варианты объяснения связи происхождения этого рода с Русью. Калин из Мариенбурга в 1683 г. выпустил в Вене специальное сочинение об этом с опровержением слишком якобы принижающего род Жеротина рассказа Пешины. Он же не согласился с трактовкой Крюгера (Crugerus'a), согласно которой этот род произошел (через род Плихты) от чешского князя Бржетислава IV, женатого на русской княжне Маржене, и т. д. Калин связывает род Жеротинов прямо с Владимиром Святым через его сына Изяслава Полоцкого, потомка гречанки Анны. Таким образом, этот род оказывается прямым отпрыском византийской императорской династии [10].

Приведенные данные позволяют полагать, что в руках генеалогов Жеротинов, в частности в руках Коменского, была какая-то своеобразная литературная обработка древнейшей истории Киевской Руси и ее княжеского рода. В ее состав входили восходящие к летописной традиции «Повести временных лет» сведения о роде Святославичей и их взаимных отношениях, приводились имена боровшихся за власть братьев-князей. Однако в ткань этого рассказа была вплетена и нить домыслов о представителе более молодого поколения русских князей — об Олеге, существование которого не было отмечено старой русской традицией, хотя по существу и не исключалось ею. Введение в изложение князя Олега едва ли могло иметь место еще на русской почве, скорее это случилось уже в рамках чешской или польско-чешской историографии. Шла уже свободная игра фантазии, ввиду чего разные генеалоги XVI и XVII вв. свободно и независимо друг от друга дописывали каждый по-своему историю этого князя Олега.

Естественно возникает вопрос, имел ли Коменский в руках подобную законченную компиляцию и не внес ли в нее что-либо

---

[10] *Calin de Marienburg.* Virtus Ilonin, ex conspicuo et percelso vetustissimorum ac potèntissimorum Russiae ducum sanguine in... Zierotinial... gentem... transfusa, Viennal Aurfrial. MDCLXXXIII, p. 14, 16—17, 32.

и от себя? Во всяком случае несомненно, что в Чехии и Моравии в XVI и XVII вв. знали о существовании русских анналов-летописей и могли ссылаться на них как на авторитетный источник сведений о Древней Руси. Но этот летописный источник Коменского нельзя связывать со старой основной русской летописной традицией. Его источник входил скорее в круг тех литературных историографических текстов, которые были так типичны для польско-чешской, а затем московской и украинской историографии XVI и следующего веков. Не в русской традиции летописания следует искать корень этих чешско-моравских сведений об Олеге, а в рамках традиции, представленной, например, Каменевич-Рвовским и поздними русскими хронографическими и космографическими повествованиями, характерными смесью исторической достоверности с вымыслом [11].

Имея перед собою высокую цель прославления своей родины и ее влиятельных представителей (Жеротинов), Я. А. Коменский мог с полным доверием повторять текст своего источника, не имея данных для того, чтобы отделить удостоверенные русской летописью обстоятельства истории киевского владетельного рода от истории князя Олега на почве Моравии. Нужно еще учесть, что во время написания своей книги о роде Жеротинов Коменский не располагал достаточными сведениями по истории Руси, какие могли стать ему более доступными и прямо необходимыми позже, когда он находился в Польше и весьма интересовался политическими отношениями того времени на Украине и в Москве [12]. Но это было весьма далеко от интереса к русским древностям IX или X вв.

[11] Ср. *А. И. Робинсон.* Историография славянского Возрождения и Паисий Хиландарский. М., 1963. Чешская традиция здесь не учтена, как оговаривает и сам автор (стр. 102, прим. 153).

[12] *А. В. Флоровский.* Чехи и восточные славяне, т. II. Прага, 1947, стр. 409 и сл.

О РЕДАКЦИЯХ И СПИСКАХ ЗОЛОТАРЕВСКОГО СКАЗАНИЯ

Л. З. Мильготина

Золотаревский летописец, или Летописное сказание Петра Золотарева, принадлежит к числу важных источников по истории восстания под предводительством Степана Разина. Различаются Краткое и Пространное сказания. Первое представляет собой запись расспросных речей попов Кирилла Елисеева и Петра Иванова. Этот источник посвящен событиям, происшедшим в Астрахани между 11 мая и 2 ноября 1670 г. Главная тема Краткого сказания — убийство восставшими астраханского митрополита Иосифа. Пространное сказание является летописцем в большей мере, чем Краткое. Здесь описываются связанные с восстанием события, имевшие место в Нижнем Поволжье между маем 1667 г. и ноябрем 1671 г. В Пространном сказании рассказ об убийстве митрополита поставлен в определенные исторические рамки. Ему предпослано подробное изложение обстоятельств захвата Астрахани разинцами. Сам рассказ о смерти митрополита продолжен описанием поражения восставших в результате взятия города воеводой И. Б. Милославским.

Нами установлено существование двух редакций Краткого и четырех редакций Пространного сказания.

Первая редакция Краткого сказания представлена Ленинградским черновиком и Астраханским беловиком, вторая — Казанским I и Уваровским I списками. Первую редакцию Пространного сказания представляют списки Музейный, Уваровский II, Академический; вторую — Лихачевский, Комиссионный, Погодинский, Эрмитажный, Соловьевский, Неплюевский, Библиотечный, Отдельский; третью — Ундольский, Саровский, Барятинский, Казанский II, Волжский; четвертую — Епархиальный.

В литературе наблюдается полнейший произвол в приемах использования данных Золотаревского сказания. Это объясняется тем, что не было проведено текстологической работы над его списками. Тот или иной список использовался сам по себе; деление списков на редакции отсутствовало. Наиболее научным является издание первой редакции Краткого сказания — по беловику, с вариантами по черновику [1]. Вторая редакция Краткого

[1] «Акты исторические», т. IV. СПб., 1841, № 226/IV; «Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов», т. III. М., 1962, № 192.

сказания издана Н. Пальмовым по Казанскому I списку, без вариантов по Уваровскому I, но с текстологически неоправданными вариантами из первой редакции Краткого сказания и еще менее оправданными вариантами из второй — четвертой редакций Пространного сказания (по Погодинскому, Волжскому и Епархиальному спискам) [2].

Первая редакция Пространного сказания напечатана А. Поповым с пропуском основной части (об убийстве митрополита Иосифа) по Уваровскому II списку, без вариантов [3]. Вторая редакция не публиковалась; только Н. Пальмов привел из нее некоторые варианты по Погодинскому списку в примечаниях к изданию второй редакции Краткого сказания [4]. Третья редакция издана неполностью (до рассказа об убийстве митрополита) по Волжскому списку, без вариантов [5]; при переиздании к ранее изданной части текста третьей редакции было присоединено окончание четвертой редакции (по Епархиальному списку) [6]. Четвертая редакция издана полностью по Епархиальному списку [7]. Все эти публикации отличаются низким археографическим уровнем как в отношении выбора, так и в отношении передачи текста.

Списки Золотаревского сказания, правда не все, упоминались в печатных описаниях различных рукописных собраний. Сводку сведений об упоминаниях и изданиях списков дал М. Сменцовский, но опять-таки без какого-либо деления списков на редакции [8].

Ряд новых списков был любезно указан нам Е. В. Чистяковой и В. И. Бугановым. Помощь в работе над Академическим, Лихачевским, Погодинским и Неплюевским списками автору оказали В. М. Панеях, Ю. А. Лимонов, Ю. Г. Алексеев, над Казанским II — А. Л. Литвин.

В обзорах, где упоминаются списки Золотаревского летописца, отсутствует палеографическая характеристика, а следовательно и датировка рукописей. Поэтому задачей статьи, помимо определения различий между редакциями, является палеографическая

---

[2] *Н. Пальмов.* К материалам для жизнеописания святителя Иосифа убиенного, митрополита астраханского и терского.— «Труды Киевской духовной академии», 1912, декабрь, стр. 657—672 (отдельное издание под тем же названием вышло в Киеве в 1913 г.).

[3] «Материалы для истории возмущения Стеньки Разина». М., 1857, стр. 241—261. В публикации источник не указан; определен нами путем текстуального сличения издания со списками.

[4] *Н. Пальмов.* Указ. соч. Киев, 1913, стр. 9—23.

[5] «Волга», 1864, № 28, 30, 34, 40.

[6] «Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края», вып. I. Астрахань, 1896, стр. 145—166.

[7] «Астраханские епархиальные ведомости», 1878, № 1, 2, 3, 11, 13, 18.

[8] *М. Сменцовский.* Степан Разин в науке, литературе, искусстве.— «Каторга и ссылка», 1932, № 7, стр. 199—200.

характеристика и датировка списков. Проблема происхождения и датировки редакций, как задача более сложная и требующая специального исследования, здесь не рассматривается.

Краткое сказание

Первая редакция

Первая редакция представляет собой, как уже говорилось, запись расспросных речей попов Кирилла и Петра. Подлинник расспросных речей сохранился в черновом и беловом вариантах.

1. Черновик: ЛОИИ СССР, ф. Астраханской приказной палаты, № 87, лл. 1—18.

2. Беловик: Астраханский облгосархив, ф. Астраханской приказной избы, оп. 1, № 79, лл. 1—14. Опубликован (с разночтениями по черновику): 1) «Акты исторические», т. IV. СПб., 1841, № 226/IV; 2) «Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов», т. III. М., 1962, № 192.

Вторая редакция

Вторая редакция ограничена хронологией и фактическим материалом первой редакции, хотя не исключено, что она испытала на себе влияние и Пространного сказания. Эта редакция носит следы литературной обработки первоначального источника в XVIII в. В ней опущены некоторые фактические подробности, но зато развит элемент церковной проповеди, обличающей восставших и восхваляющей митрополита.

Списки

1. Казанский I

Опубликован: «Труды Киевской духовной Академии», 1912, декабрь, стр. 657—672.

2. Уваровский I. Находится в составе сборника: ГИМ, Собрание Уварова, № 263(2068). Рукопись в 4°, на 85 лл., в картонном переплете XVIII—XIX вв., писана четкой скорописью разными почерками XVIII в. (один — на лл. 1—40, 57—84 об.; другой — на лл. 41—56 об.). Водяные знаки: на лл. 1—40, 57—84 — расположенные по вертикали литеры РѲМ в гербовом картуше под короной и сложная плетенка (1754 г.) [9]; на лл. 41—56 об.— литеры GR под короной и знак Pro patria (1762 г.) [10].

Состав сборника: 1) Золотаревский летописец — лл. 1—16; 2) Сказание об Удоне епископе — лл. 17—29; 3) Сказание об Иуде — лл. 29 об.—35 об.; 4) «Поучение... христианом... не упива-

[9] *С. А. Клепиков.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959, № 511.

[10] Там же, № 1044.

тися» — лл. 36—39 об.; 5) «Память» Михаила Синайского — лл. 39 об.—40 об.; 6) Слово о сошествии Иоанна Предтечи в ад — лл. 41—56 об.; 7) Житие «Алексиа, человека божиа» — лл. 57—84 об.; 8) «Из книги Диоптры вторыя части» — лл. 84 об.—85 [11].

По почерку и водяным знакам — рукопись середины XVIII в.

Пространное сказание

Первая редакция

Списки

1. Музейный. Находится в составе сборника: ГИМ, Музейное собрание, № 1481. Рукопись в 4°, на 186 лл., без переплета, писана скорописью разными почерками конца XVII в. Водяные знаки: литеры MID и MD в прямоугольнике, голова шута (около 1689 г.) [12].

Состав сборника: 1) Золотаревский летописец — лл. 1—104 об.; 2) Двинской летописец — лл. 105—186.

По почерку и водяным знакам — список конца XVII в.

Опубликован: ПСРЛ, т. 31. М., 1968, стр. 206—233.

2. Уваровский II. Находится в составе сборника: ГИМ, Собрание Уварова, № 547 (1856). Рукопись в 4°, на 304 лл., в деревянном переплете XIX в., обтянутом кожей, писана стилизованным полууставом (до л. 284) и скорописью (лл. 285—302) разными почерками XVIII в., заставки и первые буквы в начале статей киноварные. Водяные знаки: сдвоенный вензель «ВК» в двухлинейном круге и Георгий Победоносец в таком же круге, ярославский герб второго типа и литеры ЯӨЗ (около 1732, 1734 и 1734—1741 гг.) [13]; на нескольких первых листах — литеры ТФ АМ (около 1801 г.) [14]: поскольку эти листы по почерку не отличаются от последующих, можно думать, что ими в начале XIX в. были искусно заменены попорченные первые листы рукописи.

Состав сборника: 1) Сказание Авраамия Палицына — лл. 1—215; 2) Сказание о спасении Москвы от интервентов — лл. 216—223; 3) Золотаревский летописец — лл. 224—284; 4) Луцидарий — лл. 285—304 [15].

По почерку и водяным знакам — список второй половины 30-х — начала 40-х годов XVIII в.

Опубликован: 1) «Материалы для истории возмущения Степь-

---

[11] См. также: *Леонид*, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. IV. М., 1894, стр. 449, № 2068; *В. С. Иконников*. Опыт русской историографии, т. II, кн. II. Киев, 1908, стр. 1864.

[12] *А. А. Гераклитов*. Филиграни XVII века. М., 1963, № 1385, 1386.

[13] *С. А. Клепиков*. Филиграни и штемпели, № 120, 785.

[14] **Там же**, № 614.

[15] **См. также**: *Леонид*. Указ. соч., ч. IV, стр. 185, № 1856 (датируется концом XVII в.); *М. Сменцовский*. Указ. соч., стр. 200.

ки Разина». М., 1857, стр. 241—261 (без центральной части); 2) ПСРЛ, т. 31. М., 1968, стр. 206—233 (в вариантах).

3. Академический. Находится в составе сборника: ГПБ, Собрание Санкт-Петербургской духовной академии, № 313. Рукопись в 4°, на 85 лл., писана скорописью двумя почерками XVIII в., первый почерк — на лл. 3—64, второй — на лл. 65—84 об. Водяные знаки: на лл. 4—64 ярославский герб второго типа и литеры ЯѲЗ, РФ и WE (около 30-х — 40-х годов XVIII в.) [16]; на лл. 65—84 герб Амстердама и литеры PIS (около 1720 г.) [17].

Состав сборника: 1) Золотаревский летописец — лл. 4—62; 2) Сказания о взятии царства Сибирского донским атаманом Ермаком с товарищами в 1580 (7088) г., о присылке на воеводство князя Семена Волконского и о поставлении Тобольска — лл. 64—78; 3) Географическое описание Сибири — «Список чертежа Сибирские земли»— лл. 78—84 об. [18]

По почерку и водяным знакам — список 40-х годов XVIII в.

Опубликован: ПСРЛ, т. 31. М., 1968, стр. 206—233 (в вариантах).

Вторая редакция

Вторая редакция отличается от первой прежде всего рядом перестановок в тексте и изменением заголовков некоторых частей. Однако похоже на то, что она использует не только текст первой редакции, но и другие источники. Здесь мы встречаем, например, лиц, не фигурировавших в первой редакции (так, в числе повешенных на шогле дополнительно показан Семен Шарапов), а те лица, которые в первой редакции упоминались без имени, во второй названы по имени (сотник, ехавший с разинцами из Москвы,— Никита Хамутский; уздень князя Черкасского — Кангул и др.).

Списки

1. Лихачевский. Находится в составе сборника: ЛОИИ СССР, Коллекция Н. П. Лихачева (ф. 238), оп. 1, № 103. Рукопись в 4°, на 324 лл., без переплета, начала и конца нет, писана скорописью разными почерками конца XVII—XVIII в. Водяные знаки: на лл. 55—90 голова шута, герб Амстердама, литеры FSI, ACM, BEAHVAIS (около конца XVII в.— 1712 г.) [19].

Состав сборника: 1) Поучения на библейские темы (без начала) — лл. 1—8; 2) Приговор по делу новгородского архи-

[16] *С. А. Клепиков.* Филиграни и штемпели, № 488, 784, 785.
[17] Там же, № 1304.
[18] О рукописи см. также: *А. А. Родосский.* Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1894, стр. 313; *М. Сменцовский.* Указ. соч., стр. 199—200.
[19] *С. А. Клепиков.* Бумага с филигранью герб г. Амстердама. М., 1958, № 14а, 29.

епископа Феодосия 1725 г.— лл. 9—16; 3) Летописные заметки 1654—1715 гг.— лл. 16 об.— 17; 4) Копии указов 1724 г.— лл. 18—28; 5) Слова Иоанна Златоуста о ленивых и о женах — лл. 30—53 об.; 6) Сказание о 12 «добрых друзех» — лл. 53 об.— 54; 7) Золотаревский летописец — лл. 55—90; 8) Повесть о благовещении — лл. 90—96; 9) Повесть о пастуховой дочери — лл. 96—100; 10) Сказание о иверской царице Динаре — лл. 101—139; 11) Хождение в Иерусалим Трифона Коробейникова — лл. 139—142; 12) Летописные записи 7091—7116 гг.— лл. 142—220; 13) Сказание о зачатии Царяграда — лл. 220 об.— 256; 14) Повесть о семи мудрецах — лл. 256 об.— 324 [20].

По полям на лл. 72 об., 73 об., 74 об., 75 об., 76 об., 77 об., 78 об., 79 об., 80 об. помещена владельческая запись: «Сея книга нижегородскова купца Якова Иванова сына Поздеева. 1784 года».

На л. 55 вверху надпись: «велико»; далее другим почерком: «Книга сия. Лета 1707, 207-го декабря в 11 день начата сия [21] тетрать списывати о убиении преосвященнаго Иосифа митрополита астраханъского и терскаго».

На л. 90 после слов: «а службы толко было болшая попавида» другим почерком вписано: «Конец книге о взятии Астрахани».

По почерку, водяным знакам и согласно записи на л. 55— список конца XVII — начала XVIII в.

2. Комиссионный. Находится в составе сборника: ЛОИИ СССР, Коллекция Археографической комиссии, № 47. Рукопись в 1°, на 95 лл., в кожаном переплете, писана уставом одним или несколькими близкими почерками конца XVII—XVIII в., заголовки и первые буквы в начале статей киноварные. Водяные знаки — голова шута, герб Амстердама, литеры ICO в прямоугольнике (около конца XVII в.— 1706 г.) [22].

Порядок листов нарушен: лл. 70—90 помещены перед лл. 1—69. Один лист в начале и один лист в конце рукописи утрачены.

Состав сборника: 1) Выписки из Нижегородского летописца и другие известия о нижегородцах и Нижнем Новгороде — лл. 1—34; 2) Золотаревский летописец — лл. 35—69; 3) Отрывок из космографии — лл. 70—87 об.; 4) Ярлык хана Узбека митрополиту Петру — лл. 87 об.— 95 [23].

---

[20] Упоминание о сборнике см.: «Путеводитель по Архиву ЛОИИ». М.—Л., 1958, стр. 407.

[21] Написано дважды.

[22] *С. А. Клепиков.* Филиграни и штемпели, № 1107, 1108.

[23] О рукописи см. также: ЛЗАК, вып. V. СПб., 1871, стр. 33—34; *Н. Барсуков.* Рукописи Археографической комиссии. СПб., 1882, стр. 36—37; *А. А. Шилов.* Описание рукописей, содержащих летописные тексты.— ЛЗАК, вып. 22. СПб., 1910, стр. 7 — 8; *М. Сменцовский.* Указ. соч., стр. 200.

По почерку и водяным знакам — список конца XVII — начала XVIII в.

3. Погодинский. Находится в составе сборника: ГПБ, Собрание М. П. Погодина, № 1603. Рукопись в 4°, на 460 лл., писана скорописью одним почерком XVIII в., заголовки и первые буквы в начале статей киноварные. Водяные знаки: герб Амстердама и литеры IP, BAVOAIS, DI, DGL, MAD, а также SIYS в прямоугольнике (около 1712—1722 гг.) [24].

Состав сборника: 1) Оглавление — лл. 1—2; 2) История об астраханском взятии — лл. 3—20 об.; 3) Золотаревский летописец — лл. 21—89; 4) Повесть о Брунцвике, чешском королевиче,— лл. 90—167 об.; 5) Притча о выходящих замуж и повесть о королевиче Василии Златоволосом — лл. 169—218; 6) Повесть о царе Соломоне, сыне Давида,— лл. 219 об.— 279 об.; 7) Маленькие нравоучительные и исторические повести и сказания — лл. 280—349; 8) Сказание об Ахмете — волхве и еретике — лл. 350—362; 9) Повесть о царстве Дария царя — лл. 362 об.— 368; 10) Притчи царя Соломона — лл. 369 об.— 373; 11) Сказание об Афонских монастырях — лл. 373 об.— 382; 12) Маленькие повести, сказания, слова нравоучительного характера — лл. 382 об.— 429; 13) Правило Антиохийского собора о брачной жизни — л. 429 об.; 14) Повести и слова нравоучительного характера — лл. 430—462 [25].

По почерку и водяным знакам — список 20-х годов XVIII в.

4. Эрмитажный. Находится в рукописи: ГПБ, Эрмитажное собрание, № 369. Рукопись в 4°, на 30 ненумерованных лл., в картонном переплете, писана скорописью одним почерком XVIII в. Водяной знак: Pro patria, C & HONIG (около 1743—1764 гг.) [26].

На поле л. 1 об., напротив даты «7175», почерком, как будто тождественным почерку рукописи, написано: «7266, 91 лет, 1758». Очевидно, это расчет времени от начала восстания до момента составления рукописи (7266—7175=1758—1667=91).

По почерку, водяным знакам и согласно записи на л. 1 об.— список 1758 г.

5. Соловьевский. Находится в составе сборника: ГПБ, Собрание ОЛДП, F. 195. Рукопись в 1°, на 449 лл., в картонном переплете, обтянутом материей, писана скорописью одним или несколькими близкими почерками XVIII в., особые почерки на двух первых и двух последних листах. Водяные знаки: ярославский герб третьего типа и литеры ЯМАЗ (около 1756—1765 гг.) [27], литеры РМ ДЗ (около 1766—1777 гг.) [28].

---

[24] *С. А. Клепиков.* Филиграни и штемпели, № 924, 972, 973, 1159.

[25] См. также: *А. Ф. Бычков.* Описание церковно-славянских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, ч. I. СПб., 1882, стр. 270—278; *М. Сменцовский.* Указ. соч., стр. 200.

[26] *С. А. Клепиков.* Филиграни и штемпели, № 955.

[27] Там же, № 749.

[28] Там же, № 452.

Состав сборника: 1) Запись расходов — лл. 1—2; 2) Повесть о Соломоне и Китаврасе — лл. 3—11; 3) Повесть о Дракуле — лл.11—16; 4) История о Максимилиане кесаре — лл. 16—28; 5) Золотаревский летописец — лл. 28 об.— 52 об.; 6) Повесть о рождении Петра I — лл. 53—118 об.; 7) Журнал походов Петра I — лл. 119—156; 8) Шесть книг жития Петра I — лл. 156—396; 9) Краткая повесть о смерти Петра I — лл. 396 об.— 406 об.; 10) Объявление о форме траурной одежды по случаю смерти Петра I — лл. 408—415; 11) Историческое описание и краткая реляция (1742 г.) о восшествии на престол Елизаветы Петровны — лл. 416—445 об.; 12) Выписка из «Прибавлений к Санкт-Петербургским ведомостям» от 28 сентября 1754 г.

На л. 1 печатный штамп: «Из библиотеки Сергея Михайловича Соловьева».

По почерку и водяным знакам — список 60-х — 70-х годов XVIII в.

6. Неплюевский. Находится в составе сборника: ГПБ, F. IV, № 575. Рукопись в 1°, на 243 лл., в картонном переплете, нижняя доска которого оторвана, писана скорописью одним почерком XVIII в. Водяной знак — малые литеры ГКС и герб графа Сиверса (около 60-х — 70-х годов XVIII в.) [29].

Состав сборника: 1) Деяния великих князей Василия Васильевича, Ивана Васильевича и Василия Ивановича — лл. 1—213; 2) Сказание о приходе к Ивану IV послов из Астрахани и от ногаев и о взятии Астрахани — лл. 214—219; 3) Золотаревский летописец — лл. 220—243 [30].

На л. 1 записи: 1) почерком XVIII в.: «Сия книга принадлежит крестьянину Архангелгородской губернии Колмогорского уезда Быстрокурской волости деревне Горки Пинскому»; 2) почерком XIX в., карандашом: «Копия с F. IV. 232» (при проверке выяснилось, что в сборнике F. IV. 232 текста Золотаревского летописца нет).

Рукопись принадлежала Н. Неплюеву [31].

По почерку и водяному знаку — список конца 60-х — 70-х годов XVIII в.

7. Библиотечный. Находится в составе сборника: ГПБ, Собрание ОЛДП, Q 102. Рукопись в 4°, на 212 лл., в картонном переплете, писана уставом и скорописью несколькими почерками XVIII в. Водяные знаки разных десятилетий XVIII в., в той части сборника (лл. 168—212), где помещен список Золота-

---

[29] *М. В. Кукушкина.* Филиграни на бумаге русских фабрик XVIII — начала XIX в.— «Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела БАН СССР», вып. II. М.—Л., 1958, стр. 296.

[30] См. также: «Отчет императорской Публичной библиотеки за 1874 г.» СПб., 1875, стр. 110—111; *М. Сменцовский.* Указ. соч., стр. 200.

[31] Об этом сказано в «Отчете имп. Публичной библиотеки за 1874 г.», стр. 111 («Рукопись принадлежала Н. Неплюеву»). Относится к числу рукописей, «купленных самою библиотекою» (стр. 109).

ревского летописца,— литеры КФ ПХ, ГКС и герб графа Сиверса (60-е — 80-е годы XVIII в.) [32].

Состав сборника: 1) «Устав святейших патриархов» — лл. 1—129 об.; 2) Челобитная Соловецкого монастыря царю Алексею Михайловичу 1667 г.— лл. 130—167 об.; 3) Сказание о приходе к Ивану IV послов из Астрахани и о взятии Астрахани — лл. 168—177; 4) Золотаревский летописец — лл. 177—212.

По почерку и водяному знаку — список 60-х — 80-х годов XVIII в.

8. Отдельский. Находится в рукописи: ГБЛ, Собрание Отдела рукописей (ф. 218), картон 341, № 1 [33]. Рукопись в 4°, на 42 лл., без переплета, без начала, писана полууставом одним почерком второй четверти XIX в. Водяной знак: александровский распростертый орел и литеры ФКНГ (около 1832 г.) [34].

По почерку и водяному знаку — список 30-х годов XIX в.

Третья редакция

Третья редакция отличается от второй некоторыми структурными изменениями, поновлением языка и стиля, увеличением количества искажений терминов и названий, более резкими характеристиками лагеря восставших.

Списки

1. Ундольский. Находится в составе сборника: ГБЛ, Собрание Ундольского, № 1165. Рукопись в 4°, на 134 лл., в картонном переплете, обтянутом кожей, писана полууставом разными почерками XVIII в. Водяные знаки: различные варианты ярославского герба третьего типа и литеры ЯМСЯ (около 1765 г.) [35]; на ненумерованных первом и последнем листах, вставленных для укрепления рукописи в переплете,— сложный вензель ФКПК (около 1768—1769 гг.) [36].

Состав сборника: 1) Сказание о приходе на Русь Максима Грека и предисловие к его творениям — лл. 1—72; 2) Сказание о завоевании царства Астраханского — лл. 73—82; 3) Золотаревский летописец — лл. 83—134.

По нижнему полю листов запись: «Сия книга Мефодия, епископа астраханскаго». На ненумерованных первом и последнем листах владельческие записи о принадлежности рукописи: 1) дьякону Моздокского собора Мартиниану Носову (почерком XVIII в.); 2) Сергею Ивановичу Серикову (почерком

---

[32] *С. А. Клепиков.* Филиграни и штемпели, № 192—196, 301—305; *М. В. Кукушкина.* Указ. соч., стр. 296, 360.
[33] Указала Е. В. Чистякова.
[34] *С. А. Клепиков.* Филиграни и штемпели, № 697.
[35] Там же, № 771.
[36] Там же, № 704.

XVIII в.); 3) серпуховскому священнику Семиону Ильину, 1818 г. июня (почерком XIX в.).

По почеркам и водяному знаку, а также по тому, что во владельческой скрепе Мефодий назван епископом (с 1758 по 1764 г.— епископ, с 1764 по 1776 г.— архиепископ) [37], список первой половины 60-х годов XVIII в.

2. Саровский. Находится в составе сборника: ЦГАДА, ф. Саровской пустыни, № 290. Рукопись в 4°, на 40 лл., в бумажном переплете, писана полууставом разными почерками XVIII в. Водяные знаки: ярославский герб третьего типа (около 60-х годов XVIII в.); на ненумерованных первом и последнем листах, вставленных для укрепления рукописи в переплете,— Pro patria (около первой четверти XIX в.).

Состав сборника: 1) Золотаревский летописец — лл. 2—29; 2) Житие астраханского игумена Кирилла — лл. 30—33 об.; 3) Житие астраханского архиепископа Феодосия — лл. 34—39 об.; 4) Реестр астраханских архиепископов — л. 40.

По почерку и водяному знаку, а также по тому, что в реестре архиепископов последним значится Мефодий (1764—1776 гг.) [38],— список 60-х — 70-х годов XVIII в.

3. Барятинский. Находится в составе сборника: ГИМ, Собрание Барятинского, № 233. Рукопись в 4°, на 46 лл., без переплета, писана скорописью тремя почерками XVIII в.: один — на лл. 1—35 об., другой — на лл. 36—40 об., третий — на лл. 41—46 об. Водяные знаки: олень на пьедестале, литеры РФСЯ и дата «1788» [39] (лл. 1—35), литеры ЯМПИЯ и ярославский герб восьмого или девятого типа (лл. 36—40) (около 1800 г.) [40].

Состав сборника: 1) Золотаревский летописец — лл. 1—35 об.; 2) Перевод письма вдовствующей императрицы почетному опекуну Плещееву от 26 марта 1801 г.— лл. 36—41 об.; 3) Письмо Екатерины II к австрийскому императору и ответное письмо императора — лл. 41 об.— 42; 4) Письмо турецкого визиря к Румянцеву и ответное письмо визирю — л. 42—42 об.; 5) Перечень драгоценностей, которые привез посланник от турецкого султана,— лл. 43—45; 6) Титул императора Александра Павловича — лл. 45 об.— 46 [41].

По почерку и водяному знаку — список конца 80-х — 90-х годов XVIII в. (после 1788 г.).

4. Казанский II. Находится в составе сборника: Отдел рукописей Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского в Казани, № 4526. Рукопись в 1°, на 23 лл., в картонном переплете, обтя-

---

[37] *П. Строев.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. СПб., 1877, стб. 311.
[38] Там же.
[39] Ср. *С. А. Клепиков.* Филиграни и штемпели, № 536.
[40] Там же, № 764.
[41] См. также: *В. С. Иконников.* Указ. соч., т. II, кн. II, стр. 1862.

нутом кожей, писана скорописью одним почерком с рядом вставок другим почерком первой половины XIX в. Водяные знаки — дата «1809» и герб Масловых с литерами СУТФ (около 1810 г.) [42].

Состав сборника: 1) «Краткое изъяснение плана древнего города Казани и описание осады и взятия оного в 1552 году, от Ю. Ф. Каница в Казани 1778 г.»— лл. 1—12; 2) Золотаревский летописец — лл. 12 об.— 23 об. [43]

По почерку и водяным знакам — список 1810 г.

5. Волжский.

Опубликован: 1) «Волга», 1864, № 28, 30, 34, 40 (без окончания); 2) «Астраханский сборник», вып. I. Астрахань, 1896, стр. 145—166 (с добавлением окончания по Епархиальному списку четвертой редакции).

Четвертая редакция

Четвертая редакция представляет собой вольное изложение фактов по мотивам второй редакции. Язык модернизирован подчас до неузнаваемости. Содержит грубые выпады против восставших.

Список

Епархиальный

Опубликован: 1) «Астраханские епархиальные ведомости», 1878, № 1, 2, 3, 11, 13, 18; 2) «Астраханский сборник», вып. I. Астрахань, 1896, стр. 145—166 (первая часть — по публикации в газете «Волга», см. Волжский список третьей редакции).

---

[42] *С. А. Клепиков.* Филиграни и штемпели, № 577.

[43] См. также: *А. И. Артемьев.* Описание рукописей, хранящихся в библиотеке имп. Казанского университета. СПб., 1892, стр. 107 (под шифром LXI, № 8417); *М. Сменцовский.* Указ. соч., стр. 200 (под тем же шифром).

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ЛАТУХИНСКОЙ СТЕПЕННОЙ КНИГИ

В. И. Корецкий

Честь открытия Латухинской степенной книги принадлежит Н. М. Карамзину, который приобрел ее у балахнинского купца Латухина и широко использовал в основном тексте и в примечаниях к своей «Истории государства Российского». Однако ни автор, ни время, ни место создания Латухинской степенной ему известны не были. Не определил он и ее состав. С тех пор внимание исследователей к Латухинской степенной не ослабевало. С. Ф. Платонову удалось открыть ее автора, которым оказался монах Желтоводского монастыря Тихон, закончивший свой труд в 1678 г., выяснить в основных чертах состав степенной [1]. Его ученик П. Г. Васенко в обстоятельных работах указал на ряд новых списков и установил основные редакции памятника, продолжил наблюдения над его составом [2]. Л. Л. Муравьева выявила новые списки и на основании владельческой записи на одном из них — Нижегородском — высказала интересное предположение о том, что в нем можно видеть оригинал Пространной редакции [3].

Латухинская степенная — компилятивный памятник, в основу которого положена Макарьевская степенная, дополненная Тихоном разнообразными источниками до 70-х годов XVII в. Среди этих дополнений уже Н. М. Карамзина привлекли оригинальные известия о последних годах правления Ивана Грозного и о «Смутном времени», не встречающиеся нигде, кроме Латухинской сте-

---

[1] *С. Ф. Платонов.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник, изд. 2. СПб., 1913, стр. 405—408.

[2] *П. Г. Васенко.* Заметки к Латухинской степенной книге. СПб., 1902 ; *он же.* Синодальный список Латухинской степенной книги.— ИОРЯС, т. X, кн. 2. СПб., 1904, стр. 294—302; *он же.* Академический список Латухинской степенной.— «Доклады Академии наук СССР», серия В, 1929, № 15, стр. 280—282.

[3] *Л. Л. Муравьева.* О списках Латухинской степенной книги.— «Археографический ежегодник за 1964 год». М., 1965. Анализ приписок на полях Нижегородского списка, проделанный нами, подтвердил предположение Л. Л. Муравьевой. Приписки свидетельствуют о продолжавшейся работе Тихона над степенной. В списке ГПБ, F-221, которым пользовался П. Г. Васенко, они уже включены в основной текст, но не всегда удачно. Поэтому в настоящей статье мы будем основываться на Нижегородском списке (хранится в Горьковской областной библиотеке им. В. И. Ленина, Отдел ценной книги, Ц-2658/2).

пенной. В дальнейшем ими воспользовались в своих трудах С. М. Соловьев, С. Ф. Платонов и другие исследователи. Однако источник этих известий неясен до сих пор. С. Ф. Платонов предположил, что в их основе лежат какие-то не дошедшие до нас документы или даже особая повесть о Годуновых [4]. На последнем настаивал П. Г. Васенко, указавший на стилистическую близость загадочных отрывков между собой и относивший составление предполагаемой повести ко времени после 1630 г. каким-то запоздалым доброхотом Годуновых [5].

Основной недостаток построений С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко состоит, на наш взгляд, в том, что они, пытаясь определить источник оригинальных известий Латухинской степенной, основывались не на всем их комплексе, а на тех из них, в которых речь шла о Борисе Годунове и его родственниках, при этом беря лишь известия, благоприятные Годунову. Нельзя согласиться и с тем, что некоторые из них вырывались из контекста и рассматривались всегда как вставки в текст «Нового летописца».

Попробуем суммировать оригинальные известия Латухинской степенной (далее — ЛС) за последние годы правления Ивана Грозного и за «Смутное время», избегая указанной односторонности и пытаясь оценить их в целом, а не только под углом их доброжелательности к Годуновым. Сравним в ряде случаев показания ЛС с «Новым летописцем» (далее — НЛ).

Первое оригинальное известие ЛС относится к 1581 г. и помещено вслед за сообщением об убийстве Грозным своего старшего сына. Оно повествует о попытке Бориса Годунова заступиться за царевича, о жестоких побоях, которые нанес Годунову царь, и о стараниях Федора Нагого оклеветать Годунова перед царем, представляя дело таким образом, что Годунов не является на глаза царю не из-за болезни, а по причине недоброжелательства к нему. Когда Грозный посетил Бориса и воочию убедился в его ранах, между ними произошел следующий диалог: «Кто ти врачует болезни сия?» — спросил царь. Борис же «отвеща, яко: «Целит моя язвы Великия Перми купецкого чина человек, именуемый Строганов». Последний был расспрошен царем и пожалован «выше гостя» — с того времени Строгановы начали писаться «с вичем» (лл. 824—825 об.).

Борис Годунов выступает в этом рассказе как одержимый добрыми чувствами. Человеколюбивый порыв Бориса и клевета Нагого могли иметь место. У Строгановых были по тому времени замечательные врачи [6]. Но совершенно не вяжется с исторической реальностью утверждение о пожаловании Строгановых

---

[4] *С. Ф. Платонов.* Указ. соч., стр. 407.
[5] *П. Г. Васенко.* Заметки к Латухинской степенной книге, стр. 69.
[6] *А. А. Введенский.* Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962, стр. 40—41.

именитыми в конце XVI в. Это произошло только в 1610 г., в царствование Василия Шуйского [7].

Второй отрывок содержит рассказ о побеге в Литву князя А. М. Курбского с «верным рабом» Васькой Шибановым (лл. 831 об.— 833). Он вдохновил А. К. Толстого на создание известной баллады «Василий Шибанов». Хронология здесь сильно нарушена. Если первый отрывок относится к 1581 г., то второй — к 1564 г. Никакого отношения к Борису Годунову этот отрывок не имеет. Но по стилю он родствен первому: та же любовь к диалогам (на сей раз между готовящимся к побегу князем и его женой, Грозным и Шибановым), налицо также тенденция к драматизации повествования. Это не литературная манера Тихона. В других случаях он близко следует излагаемым источникам. У него другая страсть — к стихотворству. Особенно это заметно при изложении Сказания Авраамия Палицына.

В Александро-Невской летописи приведена иная версия: Шибанов захвачен в Юрьеве-Ливонском, пытан и на допросе рассказывает про «изменные дела» Курбского [8]. Однако в послании Грозного Курбскому можно усмотреть намек на сцену, столь живо описанную в ЛС [9].

Третье известие о назначении умирающим царем Иваном Васильевичем «соблюдать» Федора и «радеть» о нем, наряду с князем Иваном Федоровичем Мстиславским, Никитой Романовичем Юрьевым, князем Иваном Петровичем Шуйским, «шурину его государя царевича болярину Борису Федоровичю Годунову» (л. 857). Здесь бросается в глаза наименование Федора «царевичем», что свидетельствует о раннем происхождении текста, может быть еще до мая 1584 г., когда Федор Иванович венчался на царство, или вскоре после этого события. О назначении Бориса Годунова опекуном, без упоминания о других, говорится в Соборном определении об избрании царем Бориса Годунова, создававшемся не без участия патриарха Иова [10]. Прочие русские источники

[7] *А. А. Введенский.* Указ. соч., стр. 133.

[8] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2. СПб., 1906, стр. 383.

[9] «Послания Ивана Грозного». М.—Л., 1951, стр. 13.

[10] ААЭ, т. II. СПб., 1836, стр. 14. Эта выгодная для Бориса Годунова версия, воспринявшая легендарные черты, приведена в позднейшем Пинежском летописце XVII в. Согласно летописцу, Иван Грозный, «егда ж восхотевше богу преставись, во он безконечный век от жития сего, тогда повеле к себе приити духовному своему архимариту Феодосию, хотя ему исповедати поведание пречистых таин, покаятися, и на то время был Борис предстоя у него у царского одра, и духовник Борису глаголя: «Вон выступи тайнаго ради исповедания». И царь Иван не повеле Борису вон итти, повеле предстояти у одра, глаголя: «Тебе душа моя обнажена вся при последнем издыхании духовнаго архимарита свидетеля поставляю». И слез очи свои наполняя, глаголя Борису: «Тебе предаю душу мою, и сына своего Феодора, и дщерь свою невестку Ирину, и все царство наше великаго государства. Ты ж соблюди яко зеницу ока. Аще ли не соблюдешь их, воздаси о них ответ пред богом на сем свете и в будущем веце» (*А. И. Копанев.* Пинежский летописец XVII в.— В кн.: «Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома». Л., 1972, стр. 80).

молчат об этом. Об опекунстве Бориса сообщают лишь иностранцы [11].

Четвертый отрывок, на наш взгляд, связан с первым. В нем говорится о мести Бориса Нагим. Он не привлек внимания С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко, так как не соответствовал выдвинутому ими положению о выгодном освещении действий Бориса Годунова во всех случаях. Вот текст этого отрывка: «По преставлении же государя царя Иоанна Васильевича тое же нощи болярин Борис Годунов со своим советники *нача месть воздвигати за оболгателство преждереченных Нагих — причина вины на них* (здесь и далее курсив мой.— *В. К.*). И повелевает переимати и по разным городом в темницы разослати, домы же их пограбити, а поместья и вотчины иным умысли роздати. Еще же советует благочестивому государю *царевичю* и великому князю Федору Иоанновичю брата его царевича Димитрия с материю его Мариею Феодоровною Нагих отпустити на удел во град Углеч и *дати им во владение другий город Кашин и Бежецкий верх,* да тамо они пребывают» (л. 862 об.).

Указание на причину ссылки царевича и его родни в Углич в НЛ отсутствует. Нет ее и в других русских источниках. Важно отметить, что, как и в предыдущем (третьем) известии, Федор назван «царевичем», тогда как в НЛ в аналогичном случае Федор именуется «царем» (стр. 35), что говорит о первоначальности текста, помещенного в ЛС. Подробнее перечислены в ЛС и земли, пожалованные Дмитрию в удел,— Углич, Кашин и Бежецкий верх, в НЛ упомянут только Углич.

Пятое известие. В главе «О покорении казанцев» в 80-х годах XVI в. в ЛС сказано, что они были умиротворены «мудрым смыслом Бориса Годунова» (л. 876 об.). Эти слова, отсутствующие в НЛ (стр. 36), П. Г. Васенко считал вставкой [12]. Однако трудно допустить в конце 70-х годов XVII в. похвалы государственным способностям Бориса Годунова Тихоном, совершенно равнодушным к тем спорам об оценке Бориса Годунова, которые велись в начале XVII в. И уже совершенно странным выглядела бы вставка слов о даче казанцам в целях их дальнейшего умиротворения полного жалования «предыдущих же времен», существенных для современника событий и совсем неважных для автора, писавшего много позже. Мы склонны видеть в обоих этих случаях позднейшие сокращения. Тем более, что имя Бориса Годунова сокращено в НЛ и в предшествующей главе о движении в Москве в 1584 г. против Богдана Бельского. В НЛ вначале сказано о действиях Богдана Бельского «*со своими советники*», ниже же речь идет об *одном* советнике без указания его имени (стр. 35). Хотя нигде ранее в НЛ не говорится о «совете» Бельского с Борисом и его заинтересованности в пере-

[11] *Дж. Горсей.* Записки о Московии XVI в. СПб., 1909, стр. 58.
[12] *П. Г. Васенко.* Заметки о Латухинской степенной книге, стр. 66.

вороте, в конце этой главы в НЛ сообщается о *мести Бориса* Ляпуновым, Кикиным и другим участникам движения. В ЛС имя советника, которому хотел добыть Московское царство Бельский, сохранено. Это — Борис Годунов: «...и царство Московское советнику своему Борису Годунову прочит» (л. 873). В ЛС оставлен и первоначальный текст о роли в событиях 1584 г. Шуйских, «по заводу» которых поднялись «резанцы Ляпуновы, Кикины и иных городов дети боярские» (л. 873 об.).

Шестое известие — о дружбе князя И. Ф. Мстиславского с Борисом Годуновым, когда «назва князь Иванн Бориса сыном, а Борис его назва себе отцом. Никита же Романович ко господу отъиде» (л. 879 об.). Далее сообщается о создании двух боярских группировок, первая из которых возглавлялась Шуйскими и Воротынскими, вторая — Годуновыми. В ЛС отмечено, что И. Ф. Мстиславский долго не соглашался «извести» Бориса, но в конце концов решился «в дому своем пир сотворити и, Бориса призвав, тогда его и убити». Советники Годунова своевременно разгадали этот план, и Борис «начя изберегатися и невредим от них бысть». Опалу на заговорщиков наложил сам царь Федор Иванович (л. 880 об.). В НЛ все это изложено более схематично, отмеченные выше яркие детали оказались опущенными. Однако в НЛ среди бояр, выступивших против Годуновых, названы Колычевы, отсутствующие в ЛС, и вместо Голицыных — Головины (стр. 36). И НЛ, и ЛС в данном случае сокращают какой-то общий источник, но Тихон передает его значительно подробнее, чем составитель НЛ.

Седьмое известие — о перемене Борисом Годуновым перемирных грамот у польских послов в 1591 г., когда в Москве было заключено 20-летнее перемирие. В новые грамоты тайно были вписаны дополнительные статьи. Посол Лев Сапега якобы обнаружил подмену лишь при объявлении грамот в Польше, но договор все-таки не был нарушен (лл. 892 об.— 893). В НЛ сообщено очень кратко о прибытии послов и заключении перемирия, имя Льва Сапеги не упомянуто (стр. 39). П. Г. Васенко склонялся к тому, что это известие заимствовано Тихоном из какого-то другого источника, чем предыдущие оригинальные известия, считал его недостоверным, хотя и благожелательным к Годунову [13]. На наш взгляд, это известие по общему стилю не выпадает из комплекса других оригинальных известий ЛС, в которых, наряду с точными указаниями, наличествуют и легендарные известия. Подмену грамот вряд ли можно рассматривать в благоприятном для Бориса плане.

Восьмое известие — о начале строительства Смоленска в 1596 г. и о дерзкой реплике князя Федора Михайловича Трубецкого относительно Бориса Годунова. Вернувшись из Смоленска в Москву, Борис заявил царю, что «сей град Смоленеск бу-

[13] *П. Г. Васенко.* Заметки о Латухинской степенной книге, стр. 72.

дет всем городам ожерелие. В то же время болярин князь Федор Михайлович Трубецкой противу Борисовых речей глагола сице: «Как в том ожерелье заведутца вши, и их будет не выжить». И сие слова по летех неколицех събысться, множество бо людей с обеих сторон под стенами града того падоша» (л. 911 об.). Известие неблагоприятно Борису Годунову. Отношения князя Ф. М. Трубецкого с Годуновыми были плохие. В 1591 г. во время похода на Выборг между ними вспыхнула рознь (НЛ, стр. 45; ЛС, л. 905). Хвастливое заявление Годунова и реплика князя Ф. М. Трубецкого в НЛ отсутствуют. В ЛС лучше, чем в НЛ, изложены действия Бориса на пути из Москвы в Смоленск, когда он «народ покоил и все нужды их исправлял, кто о чем побьет челом», раздав при этом «многую казну» (в НЛ опущено). В НЛ вместо этого «поил (вар. «поих») и кормил». Но в НЛ указано, что Борис делал все это, «являясь всему миру добрым», более подробно в нем перечислены конкретные распоряжения царя Федора по строительству укреплений Смоленска, хотя заключительные слова ЛС о том, что «совершен бысть (город.— *В. К.*) в царство Бориса Годунова», отсутствуют. По-видимому, и здесь имеет место не распространение текста НЛ Тихоном, а сокращение и им и создателем НЛ какого-то общего источника.

Девятое известие в ЛС отделено от предыдущего лишь кратким упоминанием о взятии Корелы. Оно вполне самостоятельно и ни в НЛ, ни в каком-либо другом источнике не встречается. Поскольку оно, на наш взгляд, может пролить некоторый свет на характер источника, из которого Тихон черпал свои сведения, приведем его полностью: «Того же году повелением благочестиваго царя Феодора Иоанновича мастеры сковаша раку сребряну в Чюдов монастырь чюдотворцу Алексею митрополиту. Егда же прииде царь и весь освященный собор преложения ради в новую ту раку святительских мощей, прият же мощи те святыя боярин Борис Годунов на своя руки. Тогда царь рече ему: «Кажи вблагородие твое, управляй люди, яко же и нача, и желание свое улучишь». Но в мале суета» (лл. 911 об.— 912).

Запись сделал современник, близкий к столичным церковным кругам, присутствовавший при церемонии перенесения мощей и вблизи наблюдавший ее. Он заметил такую конкретную деталь, как взятие мощей Борисом Годуновым себе на руки, передал милостивые слова, сказанные царем Федором Ивановичем правителю. Мы не ошибемся, если предположим в этом современнике-очевидце лицо духовное. Концовка рассказа довольно пессимистична, как бы предрекает крах честолюбивых планов Годунова («Но в мале суета»).

Десятое известие приведено в главе о вступлении первого Самозванца в Москву. Оно содержит красочный рассказ об убийстве «в то же время» в Калуге Михайлом Бутурлиным Ивана Ивановича Годунова, за которым была замужем «Ирина Никитична Романовых, Федора Никитича сестра». Эпизода этого в

НЛ нет. Однако убийство И. И. Годунова в Калуге произошло, как заметил еще Н. М. Карамзин, в действительности не при первом Самозванце, а при втором в 1610 г.[14] Михаил Бутурлин, которого, согласно этому известию, «порази дух неприязненный лют зело», мучивший его вплоть до смерти, на самом деле благополучно здравствовал и занимал ответственные воеводские посты до своей кончины в 1630 г.[15] По-видимому, под этими словами надо разуметь не реальные факты, на основании которых П. Г. Васенко склонен был относить составление предполагаемой повести о Годуновых ко времени после 1630 г., а нравоучительную сентенцию автора — лица духовного. Нельзя не отметить при этом, что автор проявляет интерес не только к Годуновым, но и к Романовым, специально указывая, что Ирина Никитична Романова приходилась сестрой Федору Никитичу.

Одиннадцатое, и последнее, известие — о посылке Лжедмитрия I к опальному Иову в Старицу с просьбой благословить на патриаршество ставленника Самозванца рязанского архиепископа Игнатия — также отсутствует в НЛ и других источниках. Согласно рассказу, помещенному в ЛС, Иов пренебрег всеми угрозами и отказался дать желанное благословение, заявив: «яко по ватаге и атаман, а по овцех и пастырь» (л. 965—965 об.). Легендарность этого сообщения отмечена в литературе[16]. Однако мало указать на легендарность того или иного известия, надо показать и среду, в которой могла возникнуть подобная легенда, возвеличивающая патриарха Иова. На наш взгляд, такая легенда скорее всего могла появиться либо в непосредственном окружении опального патриарха Иова, либо среди церковных деятелей, связанных с ним в недалеком прошлом.

В связи со сказанным представляет определенный интерес и сообщение ЛС (в главе «О выборе на Российское царство Бориса Годунова») о составлении Соборного определения 1598 г. патриархом Иовом и о помещении его в патриаршем Казенном приказе: «и положив патриарх совет по словесем всего народа, написа же и книгу приговорную за всех чинов руками, и положив ея во своем патриаршем дому в Казенном приказе» (л. 917). Это известие в НЛ отсутствует. Если добавить сюда еще и известие о пророчестве царя Федора относительно Годунова, взятое из «Повести о честном житии царя Федора Иоанновича», сочиненной патриархом Иовом (в Нижегородском списке это известие приписано на полях — ЛС, л. 902 об.), то все эти указания так же поведут нас к окружению патриарха Иова как той среде, из которой мог выйти автор загадочных сообщений.

---

[14] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, т. XII. СПб., 1829, прим. 475.

[15] Известия о службах М. Бутурлина собраны П. Г. Васенко (*П. Г. Васенко.* Заметки о Латухинской степенной книге, стр. 74, прим. 1).

[16] *С. Ф. Платонов.* Указ. соч., стр. 407.

Итак, из приведенных оригинальных известий ЛС можно предположительно заключить, что они принадлежат перу автора-современника, а подчас и очевидца описываемых событий, лицу духовному, связанному с окружением патриарха Иова и в силу того обладавшему большими возможностями для получения информации. Его интересует политическая борьба в придворных кругах в самом широком смысле слова. Внимание его не ограничивается Годуновыми, он прослеживает участие в ней Шуйских, Мстиславского и других бояр, отмечает смерть Никиты Романовича Юрьева и родственные связи остальных Романовых. Особым вниманием нашего автора, насколько позволяют судить помещенные в ЛС известия, пользуется деятельность патриарха Иова. Он пытается подчеркнуть его значение даже после низложения Самозванцем. Двойственность характера Бориса Годунова передана им исключительно сильно. Отмечены как мудрость и человеколюбивые порывы Бориса, так и его лицемерие, мстительность, властолюбие. Переданы не только доброжелательные отзывы о нем современников, но и враждебные. Говоря как о положительных чертах в Годунове, так и отрицательных, автор показывает, как зло постепенно брало верх, пока не овладело им целиком.

Кто же был этот летописец, показавший и доброе и злое в Годунове, но отнюдь не склонный внимать добру и злу равнодушно?

Вопрос о патриаршем летописании конца XVI — начала XVII в. является одним из наиболее сложных и темных в истории позднего русского летописания. А. Н. Насонов склонен был видеть остатки летописца, ведшегося при патриархе Гермогене, в некоторых статьях Хронографа второй редакции (в части до 1609 г.) [17]. В. Н. Татищев располагал «Историей о разорении российском» монаха Иосифа, келейника патриарха Иова, в которой излагались события с 1560 по 1613 г. Эта летопись представлялась В. Н. Татищеву, знакомому с Никоновской летописью, «Новым летописцем», Сказанием Авраамия Палицына и др., по богатству содержавшихся в ней сведений подлинным сокровищем [18]. Однако «История» Иосифа до нас не дошла. Она сгорела вместе с библиотекой В. Н. Татищева вскоре после смерти историка. Новый список «Истории» Иосифа, несмотря на все старания историков, обнаружить до сих пор не удалось. По хронологическим рамкам, довольно независимому по отношению к Годунову тону, осведомленности в церковных торжествах, совершаемых в Чудове монастыре (патриаршем) при открытии серебряной раки митрополита Алексея, преувеличению значения Иова даже после его опалы эти отрывки могут быть отнесены к исчезнувшей «Истории» Иосифа.

[17] *А. Н. Насонов.* Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы).— В кн.: «Проблемы источниковедения», т. IV. М., 1955, стр. 266—267.

[18] «Материалы для истории Академии наук», т. VII. СПб., 1895, стр. 492.

Но располагал ли при составлении ЛС Тихон «Историей» Иосифа? Обращение к примечаниям В. Н. Татищева на «Сибирскую историю» Г. Ф. Миллера позволяет ответить на этот вопрос утвердительно. Критикуя мнение Витзена о Строгановых как о старинном роде баронов, В. Н. Татищев сделал ссылки на «Историю» Иосифа, которую он неправильно приписывает здесь патриарху Иову. Пересказанный В. Н. Татищевым отрывок о пожаловании Строгановых именитыми за лечение Бориса Годунова и почитании их «выше гостей» совпадает с рассказом о том же событии в ЛС, отсутствующем во всех других источниках.

Примечание В. Н. Татищева	Латухинская степенная
«*За лечение Бориса Годунова, как Иева патриарха История* показует, пожалован (Строганов.— *В. К.*) *в именитые и у Соли Камской соль варить*. Имянитые люди в Новеграде назывались купцы второй статьи: первые — гости, другие — именитые, но потом уже за *их услуги Строганов выше гостей почтен*»[19].	«Тогда благоверньйший государь царь, видев оболгана Бориса к себе, и рече ему: «Кто ти врачует болезни сия?» Он же отвеща, яко: «*Целит моя лявы Великия Перми купецкого чина человек, именуемый Строганов*». Царь же повеле приити ему пред себе и вопрошаше о настоящей Борисове скорби свидетельствовав же, и уведе истинну и *повеле того купца назвати выше гостя. И от того времене те Строгановы начаша именоватися с вичем, именитыми людьми*» (л. 825—825 об.)

Следовательно, Тихон имел в своих руках «Историю» Иосифа, откуда и черпал свои оригинальные известия, очевидно, несколько сокращая их (так, у него ничего не сказано о пожаловании тогда же Строгановых «у Соли Камской соль варить»).

Исаак Масса в своем сочинении о Сибири пишет о большой дружбе Бориса Годунова со Строгановыми: «...Богатые Аниковичи заручились дружбой знатного и влиятельного при дворе лица по имени Борис Годунов, который был шурином царствовавшего тогда Федора Ивановича и после смерти его занял его место в качестве русского царя, как это подробнее изложено в описании московских войн». Согласно Исааку Массе, Борис, еще будучи правителем, поощрял Строгановых в их деятельности по освоению Сибири и дал им от имени царя Федора Ивановича «широковещательную грамоту, по которой они без противоречия с чьей бы то ни было стороны могли взять в свое вечное потомственное владение те земли, где только пожелают. Далее, так как случилось, что они задержались в Москве (а это было зимою), то проехался с ними в своих санях, а это считается у москвитян самой большой честью, тем более, что она в данном случае ис-

[19] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. VII. Л., 1968, стр. 438.

ходила от знатнейшего боярина, каким Борис был в ту пору, человека громадного влияния, в руках которого находилась большая власть» [20].

Известие о посещении больного Бориса Годунова Иваном Грозным получило легендарное отражение в благоприятном для Годунова духе на страницах Пинежского летописца XVII в.: «И как Борис болен был, тогда царь Иван Васильевич по своему жалованью приезжал к нему, и с ним холопи его были. И говорил царь Борису: «Борис, не ты болен, сын мой Федор болен, и богом даная мне дщи невестка Ирина болна, и аз болен». И простре свою царскую длань и указал на свои персты 3, глаголя Борису: «Борис, как те 3 перста моей длани видиши, так сын мой Федор и богом даная дщи Ирина да и ты, Борис, нашего царскаго величества вместе, как есть сын мой, а не холоп». На Борисе царьское милосердие и милость учинил по прежнему» [21].

До сего времени исследователи располагали лишь краткими ссылками на «Историю» Иосифа, келейника патриарха Иова, разбросанными в сочинениях В. Н. Татищева. Теперь, как можно думать, удалось вскрыть ряд новых страниц исчезнувшей летописи в ЛС. В результате мы получаем возможность судить об этом выдающемся памятнике русского летописания уже значительно более конкретно. Сопоставление же ссылок на «Историю» Иосифа в сочинениях В. Н. Татищева, известий Мазуринского летописца [22] и особенно Латухинской степенной с «Новым летописцем» показывает, что и составитель последнего в части до 1613 г. также воспользовался «Историей» Иосифа [23].

---

[20] *М. П. Алексеев.* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1932, стр. 250—251.

[21] *А. И. Копанев.* Указ. соч., стр. 80.

[22] См. нашу статью «Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени» (в сб.: «Славяне и Русь. К шестидесятилетию акад. Б. А. Рыбакова». М., 1968, стр. 282—290).

[23] *В. И. Корецкий.* «История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева.— В кн.: «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. V. Л., 1973, стр. 251—285.

ЛЕТОПИСНЫЕ ЗАМЕТКИ О МОСКОВСКИХ ВОССТАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

В. И. Буганов

История московских восстаний 1662 г. («Медный бунт»), 1682 г. («Хованщина») и 1698 г. (Стрелецкое восстание) освещается в ряде источников: актах, описаниях современников и т. д. Определенное место занимают среди них летописные памятники, особенно повести, включенные в некоторые летописцы. Они представляют большой интерес с двух точек зрения: во-первых, в них мы находим новые фактические данные об указанных движениях; во-вторых, они дают материал для суждения о взглядах тех слоев населения, из которых вышли их авторы, т. е. о развитии общественно-политической мысли второй половины XVII столетия, идейной направленности русского летописания этого времени, слабо, кстати сказать, изученного в научной литературе.

Часть летописного материала, некоторые летописные повести, использовалась в литературе или публиковалась. Так, М. Н. Тихомиров издал две повести с описанием событий Московского восстания 1682 г. [1], автор настоящей статьи опубликовал отрывок из летописца конца XVII в. с описанием восстания в Москве 1662 г., две повести о Московском восстании 1682 г. Анализу этих повестей, а также ряда летописных записей о восстании 1682 г. посвящена статья того же автора [2].

Представляют интерес летописные свидетельства об указанных восстаниях.

О Московском восстании 1662 г. можно привести два новых свидетельства. Первое совсем небогато по содержанию, но при-

[1] *М. Н. Тихомиров.* Заметки земского дьячка второй половины XVII в.— «Исторический архив», т. II. М.—Л., 1939, стр. 93—100; *он же.* Записки приказных людей конца XVII в.— ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 442—457.

[2] «Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв.» М., 1962, стр. 471, 509—513; *В. И. Буганов, В. А. Кучкин.* Новые материалы о московских восстаниях XVII в.— «Исторический архив», 1961, № 1, стр. 151—153; *В. И. Буганов.* Новый источник о Московском восстании 1682 г.— В кн.: «Исследования по отечественному источниковедению». М.—Л., 1964, стр. 318—324; *он же.* Повесть о Московском восстании 1682 г.— В кн.: «Древнерусская литература и ее связи с новым временем». М., 1967, стр. 317—354; *он же.* Летописные известия о Московском восстании 1682 г.— В кн.: «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова». М., 1967, стр. 310—319.

надлежит знаменитому сибирскому ученому второй половины XVII в. С. У. Ремезову, среди многочисленных трудов которого обнаружен хронограф конца XVII в.[3] Как и в некоторых других летописных записях, которые, возможно, использовал автор, «Медный бунт» датируется не 7170, а 7171 годом. В этот год, по словам хронографа Ремезова, «учинися на Москве от подметных писмен мятеж велик, и множество ходиша бити челом с Москвы чернь государю в Коломенское, беша бо того дни государю поход. И в том челобитье безстыдно мужик взял государя за пугвицу и говорил страшно дерзо. И за то много мятежников и с простыми посечено и привешано»[4].

В этой записи, таким образом, довольно верно освещаются основные события восстания, известные по другим источникам[5]: начало «мятежа велика» от прокламаций (подметных писем), поход восставших из Москвы в село Коломенское, где в это время находился царь Алексей Михайлович (но, конечно, его «поход» туда состоялся не только «того дни», т. е. в день восстания 25 июля, а продолжался более длительное время), челобитье царю и разгром восстания. Эта запись С. У. Ремезова любопытна с точки зрения реакции современника (автор принадлежал к числу казаков, затем — детей боярских) на события крупнейшего в истории XVII в. восстания. Он не может скрыть своего удивления перед тем фактом, что какой-то «мужик» мог брать самого царя за пуговицу кафтана и разговаривать с «помазанником божьим» так «страшно дерзо»!

В «Российском летописце», составленном, возможно, в конце первой трети XVIII в. (содержит сведения от Рюрика до 1728 г.), встречаем своеобразный отклик на события восстания в Москве 1662 г., окрашенный чувствами людей, переживших «стрелецкие бунты» конца XVII в. Московские стрельцы, которые, по словам составителя-летописца, назывались тогда надворной пехотой (на самом деле их так величали только в 1682 г.), вознегодовали на господ, бояр и ближних людей и учинили бунт — собрались с чернью и пришли к царю Алексею Михайловичу («к его величеству») в село Коломенское «с великим невежеством в таком намерении, чтоб бояр и ближних всех людей побить». В заключение эта краткая запись говорит о казнях и ссылках «бунтовщиков»[6]. Как видим, автор летописца задним числом пытается доказать, что московские стрельцы, действительно выступавшие против властей в конце XVII в., будто бы сделали это и в

---

[3] *Л. А. Гольденберг.* Семен Ульянович Ремезов, сибирский картограф и географ. М., 1965, стр. 127—131.

[4] Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске, Собрание рукописных книг XVII—XVIII вв., д. 83, л. 168.

[5] *В. И. Буганов.* Московское восстание 1662 г. М., 1964.

[6] ГИМ, Чертк. 156, л. 86 об. Летописец представляет собой рукопись в 1°, 359 лл., писан скорописью второй половины XVIII в., водяные знаки — герб Ярославля, буквы ЯМЗ, Pro patria.

1662 г., хотя известно, что во время «Медного бунта» они входили в число наиболее активных карателей. Этот подход позднейшего летописца характерен для отношения современников и почитателей Петра I к стрельцам, неоднократно выступавшим в защиту своих интересов в годы его правления.

Ряд записей в летописцах посвящен восстаниям 1682 и 1698 гг.

Так, в неопубликованной сибирской летописи, называемой «книгой записной», приводится описание «стрелецкого скопа» 1682 г., в котором чувствуется позднейшая обработка данных о восстании. В нем кратко говорится о расправах середины мая — убийстве бояр, приказных, стрелецких начальников (приводятся их фамилии, известные по другим источникам). Других стрелецких голов, продолжает автор летописца, «на правежех били, и в чем от них обида была к стрельцам и налога, и то на них все имали стрельцы». Автор, таким образом, понимает обоснованность обвинений, предъявлявшихся стрельцами к своим начальникам. Далее рассказывается о том, что стрельцы стали называться надворной пехотой, а вместо отставленных стрелецких голов появились новые полковники и полуполковники (на самом деле новое наименование стрелецких начальников было введено правительством еще до восстания), говорится о сооружении «столпа» на Красной площади.

Автор, принадлежавший к числу церковников-ортодоксов, с проклятиями описывает действия раскольников, в частности распопа Никиты Пустосвята, однако не может скрыть факта широкого участия простого народа в движении раскольников («сонмище раскольников», «мирские мужики»). Во время религиозного диспута 5 июля в Грановитой палате раскольники «невежливо кричали и челобитоваху безимянно и великий мятеж воздвигоша», за что казнили Никиту Пустосвята, «чернцов в подначальства розослаша, а мирские разбрелись безвестно» [7].

В одном из летописцев, имеющем, по мнению А. Н. Насонова, черты официального памятника петровского времени и принадлежащем, возможно, перу Скорнякова-Писарева, описывается воцарение Петра I и стрелецкий «бунт» 1682 г.

Предводителем этого «умысла и действа» был, по словам автора, И. М. Милославский, склонивший на свою сторону И. А. и А. И. Хованских. Описание восстания 15—17 мая дано в духе инсинуаций А. А. Матвеева и П. Н. Крекшина (о выставлении нескольких бочек вина стрельцам в критический момент событий утром 15 мая, о грабеже царских сокровищ, безмерном пьянстве

---

[7] Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева, Научная библиотека, Отдел редких книг и рукописей, витрина 752, исторический сборник, 4°, 260 лл., скоропись конца XVIII — начала XIX в., описание восстания см. на лл. 76—77; Тобольский краеведческий музей, инв. № 73,9 (с 18), К-53 (рукопись в 4°, 129 лл., копия XIX в.), лл. 116—117 об.

и т. д.), с использованием их данных, а также, возможно, сочинения С. Медведева, официальных актов. Хованские, по словам летописца, «угождая» стрельцам, раздавали им деньги, желая «получить себе честь и охранение». Старый Хованский, наряду с Никитой Пустосвятом, называется «предводителем» раскольников. В то же время автор летописца не может скрыть широкого народного характера событий «раскольничьего мятежа». Описывая капитуляцию восставших, автор выдвигает на первый план царицу Наталью Кирилловну, хотя из других источников известно, что главную роль во время этих событий играла царевна Софья [8].

В летописце, который, согласно А. Н. Насонову, составлен, возможно, Ф. Поликарповым в начале XVIII в., кратко говорится о событиях 15—17 мая — приходе вооруженных стрельцов и солдат в Кремль, их расправах с боярами и другими лицами (приводится список убитых). В конце сообщается, что по случаю прекращения «смятения великого» «уставися» петь благодарственный молебен с 5 июля 1683 г. [9]; это известие подтверждается одной из повестей о Московском восстании 1682 г. [10]

В одном из новгородских летописцев, доведенном до 1717 г., с позиций официального православия рассказывается о движении раскольников в Москве в 1682 г., причем не отрицается тот факт, что в нем принял участие «простой народ» [11].

В местной вологодской летописи конца XVII в., которую А. Н. Насонов называет монастырской (составлена, очевидно, в Спасо-Прилуцком монастыре), среди записей местного характера встречаются и сведения общегосударственного значения. Среди последних представляет интерес запись о майских событиях Московского восстания 1682 г., явно вставленная позднее местных записей, которые ее окружают [12]. Интересно, что автор описывает

---

[8] ЦГАДА, ф. 181, д. 358, лл. 1177 об.— 1201. Рукопись написана почерком конца XVIII в. См. также: *А. Н. Насонов.* Материалы и исследования по истории русского летописания.— В кн.: «Проблемы источниковедения», т. VI. М., 1958, стр. 262—263.

[9] ЦГАДА, ф. 181, д. 849, л. 429—429 об. Рукопись начала XVIII в. См. также: *А. Н. Насонов.* Летописные памятники хранилищ Москвы.— В кн.: «Проблемы источниковедения», т. IV. М., 1955, стр. 282—283.

[10] *В. И. Буганов.* Повесть о Московском восстании 1682 г.— В кн.: «Древнерусская литература и ее связи с новым временем». М., 1967, стр. 354.

[11] ЦГАДА, ф. 181, д. 9, лл. 210—211. Рукопись второй половины XVIII в.

[12] ГИМ, Увар. 591 (1390), л. 184—184 об. Рукопись представляет собой сборник (выписки из «Книги златыя чепи», краткие вологодские летописцы), в 4°, 211 лл., скоропись конца XVII в., водяные знаки — голова шута, герб Амстердама и др. См. также: *А. Н. Насонов.* Летописные памятники..., стр. 276—277. Запись о восстании 1682 г. сделана черными чернилами и другим почерком, записи до л. 184—184 об. и после него сделаны коричневыми чернилами и отличным от л. 184—184 об. почерком, причем на л. 185 тоже имеются сведения за 1682 г., но более ранние — за 15 февраля (вторая женитьба царя Федора) и 27 апреля (смерть Федора); запись о воцарении Петра и Ивана помещена на двух сторонах полоски, вклеен-

события в столице с сочувствием стрельцам и солдатам, хотя это выступает не так четко и ясно, как у дьячка Аверкия с Ваги или безымянного автора повести из Барсовского собрания ГИМ [13]. «Великое смятение» 15 мая «учинилось», по словам летописца, во всех стрелецких приказах и у бутырских солдат «за великие бунты и досады, и неми[ло]сти к ним от бояр и от комнатных и всяких чинов и от начальных людей, от полковников и полуполковников». Далее летописец рассказывает о приходе восставших в Кремль «великим строем», расправах со знатными лицами из правящей верхушки, причем, не зная истинных масштабов расправ, автор, перечислив некоторых из побитых, добавляет: «и иных многих безчисленно такожде бросали и метали и на Красную площадь волочили и разсекали бердышами своими телеса их в мелкие части».

По-новому описан эпизод с убийством боярина князя Ю. А. Долгорукого. В других источниках говорится, что восставшие пришли на двор ненавистного им начальника Стрелецкого приказа с целью его убийства, но простили его из-за болезненной старости, дряхлости и даже просили у него прощения за расправу с его сыном. Только злобные угрозы старика («Щуку убиша, а зубы осташася») заставили их вернуться и расправиться с ним [14]. В летописце об этом говорится несколько иначе: стрельцы и солдаты пришли к Долгорукому «вина пить». Престарелый боярин выставил им угощение. Вскоре большинство восставших покинуло его дом, но некоторые остались. Этим оставшимся главный начальник стрельцов «говорил, что де сына моево убили напрасно, яз де за кровь сына своего переведу по одному человеку и по целому городу всех перевешаю». Далее по-новому говорится о расправе: оставшиеся стрельцы вывели своего врага в переднюю палату, убили его, бросили мертвого с крыльца на копья «и наругалися над ним всячески».

В позиции автора записей, сделанных вскоре после майских событий, нельзя не видеть влияния того впечатления, которое произвел их победный для восставших исход на общественное мнение страны; возможно, причиной тому была присылка в Вологду текста царской жалованной грамоты 6 июня 1682 г., в которой оправдывались действия восставших стрельцов и солдат и, наоборот, осуждались побитые бояре и другие знатные лица [15].

В одном из продолжений к «Новому летописцу», доведенном до 1686 г., говорится о «великом смятении» в стрелецких полках,

---

ной в нижней части л. 185. В нижней части л. 183 об. черными чернилами внесено позднейшее известие за 9 января 1684 г. о женитьбе царя Ивана Алексеевича на П. Ф. Салтыковой.

[13] *В. И. Буганов.* Московские восстания конца XVII в. М., 1969, стр. 28, 31—33.

[14] Там же, стр. 153—154.

[15] Там же, стр. 236—244.

которые 15 мая 1682 г. «пришли в Кремль в стройстве с пушками и со всяким воинским оружием в десятом часу дни и учинили великое безстрашие, яже от века не слыхано». Удивляясь все более, автор пишет о хождении вооруженных восставших в царских хоромах и святых церквах «безо всякого опасения и страха», о расправах над боярами и думными людьми, которых «побили... странным наругательством». Отражая тот факт, что восставшие овладели положением в столице государства и диктовали свою волю, он добавляет: «И многое время мяли», т. е. делали то, что хотели. В качестве примера этого всесилия летописец приводит факт сооружения «столпа» на Красной площади с перечислением заслуг восставших стрельцов и солдат и тут же с удовлетворением и упреком в их адрес сообщает: «И бысть тому столпу разрушение с поруганием, а себе учинили вечную укоризну и поругательство» [16].

В упоминавшемся выше Чертковском летописце утверждается, что стрельцы в 1682 г. восстали из-за того, что царевич Иван ввиду слабого здоровья не занял царский престол. «Заводчиком» выступает И. М. Милославский, которого подвигнула на это Софья («по навету некоторой персоны в той силе, дабы ни большому, ни меншему государем царевичем коронованным не быть»). Далее приводится любопытное известие, отсутствующее в других источниках, о том, что царевича Ивана, убитого якобы Нарышкиными, нашли будто бы мертвым в Набережном саду Кремля (очевидно, около Набережной палаты царского дворца в Кремле). Из убитых в майские дни называются бояре И. К. Нарышкин («брата родного» царицы Натальи Кирилловны — подчеркивается в летописце; ошибочно говорится, что он был стрелецким головой), А. С. Матвеев и князь Ю. А. Долгорукий с сыном.

После избрания двух царей мятеж якобы «немного усмирился», но тем не менее царь Петр («его царское величество») со всей семьей и со двором для спасения своей жизни ушел в Троице-Сергиев монастырь.

Далее в летописце заметно стремление представить в выгодном свете Хованских. Боярина Хованского (Ивана Андреевича, а не Андрея Ивановича, как ошибочно он здесь называется) оставили в Москве для управления государственными делами и стрелецкими полками и приказали ему «тот воровской от стрельцов бунт усмирить и главных заводчиков приласкать и уговорить, дабы каким-нибудь образом тот мятеж утолить, что тот боярин князь Хованской и учинил, тот бунт усмирил». Вскоре после возвращения царей в Москву (известно, что это произошло в начале ноября 1682 г.) главных «заводчиков» восстания казнили (если имеются в виду стрелецкие выборные, то их казнили по распо-

---

[16] Центральная научная библиотека АН УССР, Рукописный отдел, ф. Киевского университета (ф. VIII), д. 115 (63), л. 247—247 об. Список относится ко второй половине XVIII в. (водяной знак— герб Ярославля), в 1°, 251 лл.

ряжению Софьи и бояр 17 сентября вместе с обоими Хованскими). «А протчих неколикое число и чернь и боярских холопей, которыя к ним тогда приставали, бив кнутом и сослали в дальныя городы в сылки. И тако тот воровской мятеж конечно тогда прекратили».

Чтобы как-то связать концы с концами, поскольку инициатором усмирения восставших выступали на самом деле Софья и ее помощники, а не Хованские, погибшие от ее руки, автор летописца продолжает строить свою искусственную конструкцию: «тогда же» всеми делами стала править царевна Софья, «и вскоре... по навету и по зависти Милославского упомянутой боярин князь Хованской и с сыном князь Иваном (ошибка, нужно: Андреем.— *В. Б.*) казнены смертью, отсечены головы в Воздвиженском селе» [17].

В летописце из Вострякovского собрания ГИМ бегло затрагиваются события 1682 г.— воцарение Петра I, венчание двух царей 25 июня и «пря» 5 июля. Описывая религиозный диспут, автор всячески поносит раскольников («ученицы сатанины, богоотступницы злии...» и т. д.), но не может скрыть, что они возмутили простой народ. В конце записи с позиций ортодокса автор, явно извращая факты, утверждает, что якобы Никиту Пустосвята и других расколоучителей «повергло на землю мучителне и страшно томими». Остальные же раскольники разбежались «и по делом их злым достойную казнь восприяша» [18].

В одном из кратких летописцев конца XVII в. Московское восстание 1682 г. описано по Крекшину [19], в другом — тоже использован текст записок последнего, который передается в сокращении; но в нем встречаются и сведения, отсутствующие в печатном издании записок [20].

Представляют интерес некоторые записи о восстании московских стрельцов 1698 г. В ульяновском кратком летописце вос-

---

[17] ГИМ, Чертк. 156, лл. 90 об.—91.

[18] ГИМ, Вострик. 852, л. 368—368 об. Рукопись представляет собой сборник, состоит из родословца и летописца с записями от древнейших времен до 1705 г., в 1°, 377 лл., написан полууставом разных почерков первой половины XVIII в., водяные знаки — герб Амстердама и др. Летописец вышел, по словам А. Н. Насонова, из кругов патриарха Адриана (*А. Н. Насонов.* Летописные памятники..., стр. 277—279).

[19] Центральная научная библиотека АН УССР, Рукописный отдел, ф. VIII, д. 116(64), лл. 81—95. Рукопись представляет собой сборник, писанный скорописью второй половины XVIII в. (водяной знак— Pro patria), в 1°, 142 лл.; летописец, начинающийся древнейшими хронологическими известиями, заканчивается 1699 годом.

[20] Ульяновский дворец книги (Ульяновская областная библиотека), Отдел редких книг и рукописей, д. 31, лл. 92—100. Рукопись представляет собой сборник, состоящий из Синопсиса, Краткого летописца с известиями, начиная с записей о нашествии Батыя и кончая известиями 1698—1699 гг., «Журнала» Петра I (в виде ведомости) и «Великого зерцала»; писан скорописью второй половины XVIII в. (водяной знак — герб Ярославля), в 1°, 135 лл. Ср. «Записки П. Н. Крекшина».— В кн.: «Записки русских людей». СПб., 1841, стр. 32—60.

стание московских стрельцов 1698 г. описано по запискам А. А. Матвеева [21].

В указанном выше вологодском, точнее спасо-прилуцком летописце в записи о восстании 1698 г. ощущается современник («В нынешнем 207-м году октября в 30 день» — так говорится о казнях восставших). Последний характеризует участников восстания как «воров и изменников, и крестопреступников, и бунтовщиков». В летописце кратко говорится, что стрельцы четырех восставших полков не подчинились приказу о переходе из Торопца в другие «указные места», «выслали вон» из полков своих начальников (полковников, полуполковников и капитанов), выбрали вместо них «таких же воров свою братью стрельцов». Они пошли к Москве с пушками, оружием якобы «по писму из Девичья монастыря от царевны Софии Алексеевны», которое привез в полки стрелец Василий Тума. Текст записи обрывается на известии о трехкратной посылке А. С. Шеиным своих представителей к восставшим для переговоров [22].

В Чертковском летописце восстание московских стрельцов 1698 г. описывается сходно с «журналом» Петра I: хотя последний и получил в Кракове известие о разгроме «бунта» под Воскресенским монастырем, он все же возвратился раньше времени из заграничного путешествия из-за боязни выступления других стрельцов («сумнение на них возъимел, ибо оная пехота устроена была образом янычар турецких»). Тут же приводится пример злонамеренности стрельцов: один 13-летний стрелецкий сын, отца и дядю которого казнили за участие в «бунте» (очевидно, в восстании 1698 г.), «ушел в Астрахань и там через четыре года» агитировал в пользу нового восстания «и напоследи намерение свое достиг, еже явно при казни сие сам сказал» (имеется в виду Астраханское восстание 1705 г.).

Далее в летописце описываются казни после большого розыска Петра I: стрельцам отсекали головы на Красной площади, вешали по 50 человек у ворот Белого и Земляного городов столицы, казнили у каменных столбов, поставленных по проезжим дорогам в трех верстах от Москвы; других ссылали в Сибирь. Потом все стрелецкие полки (неверно, речь может идти о московских полках) разослали по городам, куда кто захотел. Вместо них набирали людей в солдатские и драгунские полки («прямое регулярное войско»), сведенные в дивизии [23].

Таким образом, несмотря на краткость, летописные записи сообщают интересные данные о событиях трех московских вос-

---

Ульяновский дворец книги, Отдел редких книг и рукописей, д. 31, лл. 104 об.—105 об. Ср. «Записки А. А. Матвеева».—В кн.: «Записки русских людей». СПб., 1841, стр. 60—64.

[22] ГИМ, Увар. 591 (1390), л. 206—206 об.

[23] ГИМ, Чертк. 156, л. 170—170 об.; ср. «Журнал или поденная записка... имп. Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштатского мира», ч. I. СПб., 1770, стр. 1—3.

станий — 1662, 1682, 1698 гг. В основном летописи с осуждением и даже ненавистью описывают действия восставших стрельцов, но в некоторых случаях в них появляются нотки сочувствия или одобрения действий восставших (например, в 1662 и в 1682 гг.).

Запись хронографа С. У. Ремезова любопытна с точки зрения изучения реакции русских людей на события, связанные с крупнейшими взрывами классовой борьбы в России «бунташного» XVII в.

В целом рассмотренные заметки представляют интерес для изучения истории трех московских восстаний второй половины XVII в., а также истории русской общественно-политической мысли, идейной направленности позднего отечественного летописания.

ПОЗДНИЙ ЛЕТОПИСЧИК СО СВЕДЕНИЯМИ ПО ИСТОРИИ РОССИИ XVI В.

С. О. Шмидт

Публикуемый летописчик находится в сборнике, хранящемся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде [1]. Сборник в лист, написан скорописью разных почерков не ранее второй половины XVIII в. На л. 1 на верхнем поле справа другим, более примитивным, почерком написано: «Конюх Подий Премен (Кремен?)». Возможно, это указывает на социальную принадлежность владельца или составителя рукописи. В сборнике 177 листов. На первых листах сборника помещены известие о браке царя Алексея Михайловича с М. И. Милославской и выписка из сочинения Крекшина о рождении Петра I. На последующих листах — материалы, относящиеся к истории царствования Петра I, перевод «Истории Карла XII» Вольтера и документы по истории Семилетней войны.

Основное место в летописчике занимают известия о событиях политической истории России второй половины XVI в., при этом главное внимание отведено описанию неразумной жестокости Ивана Грозного. Особенно любопытны сведения об опричнине: рассказ о начале опричнины [2], близкий по содержанию к известиям записок иностранцев, и рассказ о казни 300 знатных лиц, осмелившихся просить царя прекратить преследование своих подданных. Эти данные можно отнести к событиям, связанным с Земским собором 1566 г. (т. е. 7074 г., а не 7064 г., как отмечено в летописчике), о которых сообщают и русские (Пискаревский летописец) и иностранные источники (Шлихтинг и др.). Своеобразная черта этого любопытного историко-публицистического памятника — отбор известий, относящихся именно к внутриполитической истории Российского государства. Из фактов, имеющих отношение к внешнеполитической истории, упомянуто лишь о набеге крымского хана 1571 г.

Летописчик, по-видимому, составлен из нескольких частей: описания событий времени Ивана Грозного (в свою очередь распадающегося на несколько фактически самостоятельных неболь-

[1] ГПБ, F. IV, № 631, лл. 4 об.—6 об. Сборник поступил в Библиотеку в 1897 г. и описан в рукописном каталоге церковно-славянских и русских рукописей (отд. IV, стр. 99 об.).

[2] Начало летописчика, содержащее описание событий, предшествовавших учреждению опричнины, опубликовано в статье С. О. Шмидта «К истории соборов XVI в.» («Исторические записки», т. 76, 1965, стр. 142, прим. 85).

ших частей); рассказа о «царском смотре» невест при Иване Грозном; подборки сведений о браках государей, начиная с Ивана III и кончая Михаилом Романовым; кратких известий о событиях середины XVII в.

В летописчике в первой же фразе, так же как и далее во многих местах, перепутаны даты, имена, географические названия, подробности исторических событий. Это предопределяет, конечно, необходимость строгого критического отношения к фактам, приводимым в летописчике. Бросаются в глаза, в частности, ошибочные упоминания о браках царя Ивана Васильевича Грозного. Так, и на л. 5, и на л. 6 читаем, будто Иван Грозный «совокупился вторым браком» с Анастасией Романовной, которая, как известно, была первой женой царя. В обоих случаях первой женой царя названа Дарья Ивановна Колтовская[3], на самом деле Колтовская, насильно постриженная затем в Тихвинский монастырь, была четвертой женой царя.

Все эти неточности и несуразицы объясняются, видимо, тем обстоятельством, что в летописчике объединены сведения, «выписанные» из разных, зачастую противоречивших один другому источников. Летописчик написан языком, отличным от языка XVI столетия. Это позволяет думать, что первичный текст — близкий по времени к описываемым событиям — мог быть поновлен при переписке или даже переработке. Первичное объединение всего этого материала в одном летописчике могло иметь место не ранее времени царствования Алексея Михайловича.

Составителем летописчика (или, точнее, переписчиком) — во всяком случае рассказа о начале опричнины — был не москвич, так как в Москве не спутали бы Коломну и Коломенское. Быть может, к делу переработки летописчика были в какой-то мере причастны Колтовские, известные местнической кичливостью и не стеснявшиеся — во имя фамильных интересов — вносить изменения в летописные тексты? (Один из Колтовских, окольничий Семен Семенович, признается наиболее вероятным автором вставки конца XVII в. в Хрущовскую степенную книгу, в которой прославляются заслуги его предка Чевкина-Дурново.)

Среди источников летописчика можно предполагать и родословец («Родословие дворянское»), откуда, вероятно, извлечены сведения о роде Траханиотовых (при этом составитель летописчика, возможно, даже путает Ивана III, которого современники называли «Грозным», и Ивана IV), и какие-то летописные материалы (об «одном летописце» упоминается в последней, приписанной, фразе); использован был и документ о Стоглавом соборе 1551 г., из которого взят перечень присутствовавших иерархов, хотя в перечне этом также допущены ошибки (епископом смоленским и брянским был не Григорий, а Гурий), а сам собор оха-

[3] Характерно, что Анна Алексеевна (а не Ивановна) Колтовская названа ее монашеским именем Дарья, под которым она известна по жалованным грамотам первой четверти XVII в. «старице и великой княгине Дарье».

рактеризован как «собор на еретиков» (такие соборы собирались в последующие годы).

Особенно интересно то, что составитель летописчика ссылается на воспоминания, «слышанные изустно» (о смотре царских невест). Воспоминания эти, относящиеся к XVI в., вряд ли дошли до нас в первоначальном варианте, но и в дошедшем виде они могут быть рассмотрены в ряду ранних русских записей мемуарного характера, введенных в научное обращение А. Н. Насоновым, М. Н. Тихомировым, О. А. Яковлевой. Вероятно, на устных воспоминаниях основаны и рассказы о начале опричнины и казни 300 представителей «знатных фамилий».

Наконец, можно полагать, что важнейшим первоисточником для составителя летописчика послужила «История о великом князе Московском» А. М. Курбского или основанное на ее известиях какое-либо переводное иностранное сочинение (например, Гваньини). Оттуда извлечены и перечень казненных в годы правления Ивана Грозного, и некоторые данные об этих казнях: о казнях 1540-х годов, о казни родственников А. Ф. Адашева, И. П. Федорова-Челяднина и его приближенных, об истреблении родов Сабуровых (80 человек), ярославских княжат и др., об убийстве Ф. А. Басмановым своего отца и т. д. Однако и эти данные приведены не всегда точно: перепутаны имена (например, И. П. Федоров назван Шереметевым, князь Репнин — Репиным и др.), опущены отдельные фразы (например, об опале А. Ф. Адашева, что делает непонятным определение Данилы Адашева как «брат его») и т. д. Детальное сравнительное исследование содержания летописчика и «Истории» Курбского поможет выяснению вопроса о распространении сочинения Курбского в среде русских читателей и о воздействии его на формирование общественно-исторических представлений в XVII—XVIII вв.

Публикуемый летописчик может представлять интерес и при изучении событий политической истории XVI в. и рассматриваться в плане проблемы читателя[4], как памятник исторической образованности и общественно-исторической мысли русских людей XVII—XVIII вв.

Выписано из летописца *л. 4 об.*

В 7074-м году было на государя царя Иоанна Васильевича возмущение от народа российскаго. Многие знатные вельможи собрали в Литве и в Полше немалую партию и хотели со оружием итти против царя своего. Царь, услышав оное возмущение на себя от народа, приказал ко двору своему царскому собратца всему народу и сигклиту своему и объявил им публично: «вижу я, что вы, все мои подданные, боле не желаете меня и фамилии

[4] См. литературу об этом в работе Е. К. Ромодановской «О круге чтения сибиряков в XVII—XVIII вв. в связи с проблемой изучения областных литератур» (в сб.: «Исследования по языку и фольклору». Новосибирск, 1965 (ротапринт), стр. 224—225).

мое[й] на престоле царском быть. Того ради оставляю вас, а я отъезжаю в далной путь, что уже более и в Москве быть не надеюсь, а град Москву оставляю под сохранение в руки господа бога нашего». И сам сел и з детьми своими в корету и поехал из Москвы в город Коломну. В Москве был великой страх и удивление, куда царь их изволит ехать, и ис Коломны изволил отъехать в Александрову слободу, куда к нему приехали с Москвы духовные особы и бояре с великою жалостию и все пали пред лице его и просили со слезами о принятии царского престола, а противных его величеству изволил бы сам наказать, да приимут возмездие по делам своим. Великий государь царь, видя от них слезное прошение, возвратился паки в столичной свой град Москву и сяде на престоле своем царском. А прежде того, 7053-го году, казнен был ближней царской советник князь Андрей Шуйской, а советни[ки] ево разосланы по разным городам в тюрмы. А в 7057-м году
л. 5 казнен // сродник государев князь Иван[а] Кубинской, Федор и Василей Воронцовы и некто Федор Невежа и князя Богдана Трубецково сын князь Михайло и князь Иван Дорогобужские, князь Иван Федоров сын Нагово. А в 7056-м году государь царь и великий князь Иван Васильевич первую свою супругу царицу Дар[ь]ю Ивановну постриг в Тифине, в девичьем монастыре, и совокупился вторым браком на дочери Романа Юрьевича Юрьева девице Анастасии Романовны, от рождения своего в 18 лето; от нея родился царь и великий князь Феодор Иоаннович; а в 7058-м году преставилась[б] царица Анаста[с]ья Романовна. А в 7059-м году был в государевых полатах собор на еретиков. На оном соборе были Макарий, митрополит Московский, Феодосий, архиепископ Новогородский и Псковский, Никандр, архиепископ Ростовский и Ярославский, Трифан, епископ Суждальский и Таруский, Григорий, епископ Смоленский и Брянский, Каспан, епископ Рязанский и Муромский, Паисий Тверский и Кашинский, Феодосий Коломенский и Коширский, Савва Сарский и Подонский, и Киприан Вологоцкий и Пермский, многие архимандриты и игумены.

7064 году по наветам от клеветников казнены многия знатныя фамилии. И, видя ту нестерпимость всеобще благородным фамилиам и протчим народам, просили государя царя, дабы по наветам от клеветников неповинных смертию не казнить, ибо де мы служим без всякаго порока, яко верным рабам подобает. За сие паки государь прогневался, ибо весь народ от клеветников был у государя в неверном мнении, повелел всех тех просителей, бояр и дворян и протчих людей, в темницы затвердить, а всех их было до 300 человек. По том в 5 день повелел ис темницы приводить; иным языки резал, иным руки, иным ноги отсекал, иных на дыбах пред народом кнутом бить повелел, а иных свободил в то время, но по некоем времени и все смертной казни не избегли, казнены по наветам ближних царских сиглитов. В сих же описаниях пишет: казнили некую вдову, именем Марию, с 5-ю сыновьями, оклеветанную яко чародейку, она же бысть жития святаго. Також по оклеветанию казнены Иван Шишкин з женою и з детьми, Данил, брат его, с сыномь, Петр Туров, Федор, Алексей и Андрей Сатины, князь Димитрей Овчинин, князь Михайла Репин, князь Юрия Кашин з братом

[а] *В рукописи далее*: да.

[б] *В рукописи*: переставилась.

своим князь Иваном, князь Дмитрей Шепырев и других князей немало. Того ж лета казнены Дмитрей Курлетева з женою и з детьми, князь Петр Аболенской, князь Александр Суздальской // с сыном, Петр да Михайло Ховрины, князь Димитрей Ряполовской, князь Семен, князь Василей да князь Андрей Ростовские, князь Петр Щенятев, князь Федор Львов, князь Семен Шаховской, князь Василей, князь Александр, князь Михайло Прозоровские, князь Иван Пронской и много иных рязанских князей, а Прозоровских, Ушатых и Ерославских князей мало не весь их род казнен; всех болше 200 человек в то время казнено. После того, казнены князь Володимер Хованской с материею своею, княиня Евдокия Хованская з двумя сыновьями и много жен и девиц. л. 5 об

В 7066 году казнен князь Михайло Воротынской, князь Никита Адоевской з женою и з детьми, Иван Челяднин з женою, князь Федор Дорогобужской, князь Федор Овчина Оболенской, Иван да Никита Шереметьевы, Семен Яковлев с сыном, князь Михайло Лыков, Хозяин Тютин з женою и з детьми, Иван Хабаров Симский, и род Колычевых и Шереметьевых многих, в повалышу затворя, порохом подорвали. Василей Розладин, Дмитрей Пушкин, Крик Тыртов, Андрей Шеин, Лев Салтыков с 5-ю сыновьями, Игнатей Заболоцкой, Богдан и Федосей Бутурлины з братьями и с племянниками, Иван Воронцов, Замятня Сабуров, Андрей Кошкаров з братьями, Азарей, Василей и Григорей Тетерины, все з женами и з детьми, Данила Чулков, Федор Булгаков з братьями и с родом их, род Сабуровых з женами и з детьми и со младенцами, ведено х казни 80 человек, Никита Казаринов с сыном и много сигклиту благороднаго, ибо невместимо писать, их же несколько тысеч в Москве и в других городах казнено. В то же время любимец царской боярин Федор Басманов посреде народа из своих рук зарезал отца своего Олексея, иже бысть первый злодей и многих честных и благородных родов живота лишил, князь Петра Ростовскаго и роду его числом до 50 мужей посече, а крестьян множество в темнице померло.

7076 году казнены Иван Петрович Шереметьев в городе Коломне и с ним 30 человек, и вотчины его огнем и мечем пусты соделаны, а нарочитых, собрав в одно место, порохом подорвали, а простой народ, жен и девок, погнали в лес нагих и по многих страмех замучены. Того ж времени казнены Казарин Дубровской з детьми, Борис Титов, князь Офонасей Вяземской, князь Тимофей Масалской и многое число польских пленников казнено.

В 7079-м году приходил под Москву крымской хан и Москву выжег, а царь Иоанн Васильевич был тогда на Вологде.

В лето 7092, марта в 28 день, преставился[б] царь Иоан Васильевич, во иноцех наречен был Иона, был на княжении и царстве 43 лета, а всех лет жил 54. //

Слышанные изустно о избрании в супруги государям из девиц знатных от[в] одной[в] бывшей с протчими на смотре царском у царя Иоанна Васильевича. И оное избрание было таким образом: царь Иоанн Васильевич повелел своим всем князям и бояром дочерей своих, которые уже к замужеству достойны, чтоб в назначенное время все в Москву привезены были, а на л. 6

[а] *В рукописи*: Курлечев.

[б] *В рукописи*: переставился.

[в–в] *Чтение неуверенное.*

пребывание их в Москве устроен был дом преизрядной и украшенной со многими покоями, и всякая полата имела 12 постель, которые всякой девицы определены. И оне в оном доме, ожидая царского смотра, пребывали. И когда время приидет, то царское величество приедет в тот дом в особую ему изготовленную полату с одним престарелым боярином и сядет на изготовленной ему украшеной стул, и те боярские и княжеские дочери в то время, всякая убравшись в лутчие свои девические уборы и в дорогое платье, украшенныи, по порядку едина по другой пред царя пришед, покланяютце до ног его. Царь же тогда всякой девице жаловал платок, росшитой золотом и серебром и унизанной дорогим жемчугом, бросая девице на груди, и всякая так приходя возвращалися во свои покои. А которая из них царю понравилась, тое он себе поимает в супруги, и других всех приказал отпустить с честию и пожаловал их вотчинами и денгами. И о сеи церемонии, не ведах подлинно истории, лживые разные о том сплетали на государей российских по злобе к росийскому народу.

Она[а] государь царь и великий князь Иоан Васильевич сочетался первым браком в лето от рожества христова [б], понял девицу Дарию Ивановну, дочь Ивана Колтовскаго.

Вторым браком сочетался в лето[б], понял девицу, дочь Романа Юрьевича Юрьева, Анастасию Романовну.

Третьим браком сочетался в лето [б], понял девицу, дочь Федора Нагих, Марфу Федоровну.

Пишет же в родословии дворянском.

В лето в 81 князю Иоанну Васильевичу Грозному привезли из Рима невесту царевну Софию, деспота царя амморейскаго // дочь, а с нею приехали служить два брата, Юрьи да Дмитрей Мануйловы дети, греки, а был у деспота царя во Аммареи боярами. И государь их пожаловал: велел себе служить. И от них пошел род Траханиотовых [в].

л. 6 об.

За сыном его царем Феодором Иоановичем царица была дочь Федора Гадунова Ирина Федоровна, сестра бывшему царю Борису Федоровичу Гадунову.

За вторым сыном, царевичем Иоанном Иоанновичем, была первая супруга Александра Богдановна, дочь Богдана Юрьевича Сабурова. Пострижена была царем Иоанном Васильевичем при жизни супруга его в Суздале в Покровскомь манастыре; вторая ево супруга была Парасковья Михайловна, дочь коширенина Михайла Соловаго. За государем царем Михайлом Федоровичем первая супруга была княжна Мар[ь]я Володимеровна, Володимера Дмитреевича Долгорукова дочь, а сочетался в лето 1625, которая вскоре преставилась. Того ж году царь Михайла Федорович сочетался вторым браком на Евдокии Лукьяновны, дочери Лукьяна Стрешнева.

1627, преставилась царица Дар[ь]я Ивановна, супруга царя Ивана [г] Васильевича [г], которая от него была пострижена в Тифине.

1630, родился царевич Алексей Михайлович, крещен в Чудове монастыре патриархом Филаретом Никитичем, а восприемник был Троицкаго ма-

---

[а] *Так в рукописи.*

[б] *Далее в рукописи оставлено чистое место.*

[в] *Далее знак о вставке, напечатанной в конце публикации.*

[г—г] *В рукописи:* И. В.

настыря келарь Александр.

1631 году был в Москве великой пожар, что едва не вся Москва выгорела, и такие силные были громовые погоды и жестокие ветры, что главы и кресты с церквей, и з домов кровли ломало, и самые хоромы с места на место бурею перебрасывало.

1633 году преставися патриарх Филарет Никитич.

1645 году июля 12 преставися царь Михаил Федорович, от рождения в 49 лето, царствовав 32 лета.

Того ж году каранован на царство сын ево царь Алексей Михайлович.

Пишет [a] же в одном летописце 7072 году: женился государь на царице Марье Темрюковне из черкас[a].

ГПБ, F. IV, № 631, лл. 4 об. — 6 об.

[a–a] *Вставка.*

РОСТОВСКИЕ ХРОНОГРАФЫ И ХРОНОГРАФ СПАСО-ЯРОСЛАВСКОГО МОНАСТЫРЯ

А. В. Соловьев

Знаток «Слова о полку Игореве» Л. А. Дмитриев в статье об истории открытия рукописи «Слова» напечатал «Дело о высылке трех хронографов и одной степенной книги Мусину-Пушкину и опись их из Ярославского архиерейского дома 1792 года ноября 20-го» [1]. Из этого любопытного документа он делает вывод, что «мы можем полностью присоединиться к предположению Н. К. Гудзия, что один из трех ярославских хронографов был тот, которым открывался погибший сборник со Словом», а также, «что Иоиль никакого отношения к рукописи Слова не имел» [2].

Однако так ли это? Мы полагаем, что Н. К. Гудзия ввел в заблуждение А. А. Кочубинский, который в 1889 г. в Ярославле наскоро ознакомился с этим делом и назвал его так: «Дело о высылке Мусину-Пушкину 12 августа 1791 г. трех из пяти хронографов, находившихся в библиотеке Ярославского архиерейского дома» [3]. Между тем из текста, опубликованного Л. А. Дмитриевым, ясно, что все шесть рукописей были найдены в библиотеке Ростовского архиерейского дома. Надо помнить, что Ростов был долгое время кафедрой епископа, чуть ли не с 992 г. Там в конце XVII в. был митрополитом известный церковный писатель Димитрий Туптало, получавший даже из Москвы исторические рукописи, так как он собирался написать «Келейный летописец». Лишь в 1788 г., в связи с развитием Ярославля как торгового города и захирением Ростова, решено было перевести архиерейскую кафедру в Ярославль, назначив для пребывания архиепископа Спасо-Ярославский монастырь, но в Ростове по-прежнему оставался старый архиерейский дом и богатая библиотека.

---

[1] *Л. А. Дмитриев.* История открытия рукописи «Слова о полку Игореве».— В сб.: ««Слово о полку Игореве» — памятник XII века». М.—Л., 1962, стр. 426—429.

[2] Там же, стр. 420 и 424.

[3] *Н. К. Гудзий.* Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве».— ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 33. Н. К. Гудзий ссылается на книгу А. В. Лонгинова «Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году» (Одесса, 1892, стр. 229).

Из нее-то, а вовсе не из Ярославля и были посланы Мусину-Пушкину три хронографа и одна степенная книга [4].

Из данного «дела» ясно, что архиепископ ростовский и ярославский Арсений получил указ императрицы Синоду от 5 сентября 1791 г. «о выявлении летописных и повествовательных материалов в монастырских и церковных книгохранилищах» и уже 20 ноября того же года сообщил Синоду, «что во вверенной ему епархии, по проверке, нигде исторических рукописных книг не оказалось, кроме пяти хронографов и одной степенной книги в архиерейском доме» (в Ростове). Подробная опись этих шести книг была учинена в Ростовской духовной консистории. Все шесть книг были в большой лист (ин-фолио) в кожаных переплетах; все они были огромных размеров: от 864 до 1504 страниц.

1) Скорописная, заключала хронограф от создания мира до римских и греческих царей. К нему прибавлена история о султанах турецких и о соборе во Флоренции (Ферраре) с папою. В книге было 749 листов.

2) Полууставного, а в некоторых местах и скорописного письма, заключала хронограф от создания мира до взятия Царяграда турками, затем историю о турецком государстве, историю о Венеции и описание собора, бывшего сперва в Ферраре, а потом во Флоренции; на 492 листах [5].

3) Скорописного старинного письма: опять хронограф, к которому «приобщает по местам историю русского народа» начиная от Рюрика и до времен Михаила Федоровича. «Сверх того, на конце сея книги особливо приданы две части описания времен княжения Московского, земель, нравов и обычаев разных народов, Россию населяющих». В ней было 590 листов.

4) Полуустав новейшего письма: хронограф, в котором описываются «бытия царств Римского, а потом Греческого и Сербского, между коими вмешена по местам руская летопись» от Рюрика до Василия Темного. Заканчивается сказанием о взятии турками Царяграда; на 432 листах.

5) Такого же полууставного письма: опять хронограф, за которым следует русская история от Рюрика до времен Михаила Федоровича; на 670 листах.

Очевидно, представив эту подробную опись А. И. Мусину-Пушкину «по бытности его ныне здесь в Ярославле» (в августе 1792 г.?), секретарь Ростовской духовной консистории Гаврила Муратов получил приказание от обер-прокурора «представить к

---

[4] На всех четырех рукописях, высланных обер-прокурору, пометка: «Внизу оной книги, с начального до последнего листа подписывано тако: книга, глаголемая хронограф (или степенная) Ростовского архиерейского дома» (*Л. А. Дмитриев.* Указ. соч., стр. 427).

[5] Против первых двух хронографов стоит запись: «Эти греческие хронографы были переведены на новогреческий язык митрополитом Дорофеем Монемвасийским, а затем на славено-российский монахами Арсением и Дионисием, греками».

личному просмотрению его превосходительства три хронографа» — на 570 листах (т. е. № 3), на 470 (т. е. № 2) и на 429 (т. е. № 4). После 12 августа 1792 г. (число точно не указано) из Ростовской духовной консистории отданы секретарю Г. Муратову под расписку эти три книги (и степенная) «для отправления в Санкт-Петербург» обер-прокурору А. И. Мусину-Пушкину.

Из этой подробной описи ясно, что ни один из пяти хронографов не мог включать ни «Слова о полку Игореве», ни «Девгениева деяния».

Состав хронографа, в котором находилось «Слово», известен довольно точно из предисловия к изданию 1800 г.[6] Это была «книга, писанная в лист», в которой находились:

1) «Книга, глаголемая Гранаграф, рекшь начало писменом царских родов от многих летописец: прежде о бытии, о сотворении мира, от книг Моисеовых и от Иисуса Навина, и от судей Иудейских, и от четырех царств, также и о Асирийских царех, и от Александрия, и от Римских царей, Еллин же благочестивых, и от Руских летописец, Сербских и Болгарских». Уже из этого заглавия видно, что данный «гранограф» сильно отличался от ростовских хронографов.

2) «Временник, еже нарицается летописание русских князей и земли Рускыя». Это, как указал Д. С. Лихачев, была Новгородская летопись младшего извода[7]. Сходное заглавие мы найдем у В. Н. Татищева в числе его источников: «Времянник, иже наречется летописание руских князей и земля Руская»[8].

3) «Сказание о Индии богатой». Как указал В. М. Истрин, по краткому изложению этого текста у Н. М. Карамзина видно, что это была первая редакция перевода с греческого, появившаяся еще в XIII в. и сохранившаяся лишь в отрывках в русской «Александрии»[9]. Между тем с конца XV в. появилась новая редакция, сохранившаяся во многих списках. Значит, рукопись Мусина-Пушкина содержала редкий, единственный в своем роде текст.

---

[6] «Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новагорода-Северскаго Игоря Святославлича...» М., 1800, стр. VII.

[7] *Д. С. Лихачев.* О русской летописи, находившейся в одном сборнике со «Словом о полку Игореве».— ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 139—141.

[8] Из этого сходства А. А. Зимин сделал странный вывод, что Мусин-Пушкин будто бы похитил разрозненные листы Татищевской (теперь Академической) рукописи и вплел их в сборник с хронографом. На это Ф. Я. Прийма ответил, что Академическая рукопись писана в четвертку, а хронограф-то был в лист («Русская литература», 1966, № 2). А главное, шесть различий в написании обоих заглавий убеждают нас, что это были два разных списка «Временника».

[9] *В. М. Истрин.* Сказание об Индийском царстве.— «Древности. Труды славянской комиссии имп. Московского Археологического общества». т. I, 1895; *М. Н. Сперанский.* Сказание об Индейском царстве.— «Известия по русскому языку и словесности», 1930, т. III. кн. 2; «La Geste du Prince Igor». New York, 1948, p. 6.

4) «Синагрип, царь Адоров и Наливския страны». Под этим заглавием известен древний ассиро-вавилонский фантастический роман об Акире Премудром, который, по мнению А. Д. Григорьева и Н. Н. Дурново, был переведен на Руси в конце XII или начале XIII в.[10] Как видно по выпискам Н. М. Карамзина, в сборнике находилась именно древняя редакция, известная еще лишь в двух рукописях (и одном отрывке). Опять-таки, это был весьма редкий эпический текст.

5) «Слово о полку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова».

Затем издание 1800 г. указывает еще три заглавия: 6) «Деяния прежних времен храбрых человек о бръзости, о силе и о храбрости», 7) «Сказание о Филипате и о Максиме и о храбрости их», 8) «Аще думно есь слышати о свадбе Девгееве и о всъхыщении Стратиговне». Давно уже выяснено, что это три заголовка статей из «Девгениева деяния», редчайшего древнерусского перевода этой единственной византийской героической поэмы. Она была найдена после того лишь в трех неполных списках — Тихонравова, Погодина и Титова, все XVIII в.[11]

Итак, мы видим, что содержание Мусин-Пушкинского хронографа резко отличалось от ростовских хронографов. После двух летописных сочинений («Граннографа» и «Временника») в нем было два переводных сказания полусказочного содержания и, наконец, две редкие эпические поэмы, одна — русская, вторая — византийская. Этот сборник выделялся своим светским, эпическим составом.

Откуда попал к Мусину-Пушкину этот сборник? Конечно, не из Ростовского архиерейского дома. В издании 1800 г. не было сказано ни слова о происхождении сборника. Лишь после пожара Москвы молодой Калайдович допытывался у графа об этом, и тот ему ответил: «До обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом управлял оным архимандрит Иоиль, муж просвещенный и любитель словесности; по уничтожении штата остался он в том монастыре до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю мой комиссионер купил у него все русские книги, в числе коих в одной, под № 323, под названием Хронограф, в конце найдено «Слово о полку Игореве». Этому известию нет оснований не верить, хотя в нем не все точно. Архимандрит Иоиль Быковский состоял с 1776 г. настоятелем Спасо-Ярославского монастыря и одновременно ректором Ярославской духовной семинарии. В 1788 г., в связи с перенесением архиерейской кафедры из Ростова в Ярославль, монастырь был упразднен и превращен в архиерейский дом, но Иоилю было позволено проживать в нем до самой его смерти в

---

[10] *А. Д. Григорьев.* Повесть об Акире Премудром. М., 1913; *И. Н. Дурново.* Материалы и исследования по старинной литературе, т. I. М., 1915.

[11] *В. Д. Кузьмина.* Девгениево деяние. М., 1964.

1798 г., с сохранением содержания в 500 рублей в год[12], что для монаха было тогда вполне достаточно. Следовательно, «в недостатке» он не находился.

Сомневаемся также, чтобы комиссионер купил у Иоиля «все русские книги». В. В. Лукьянов обнаружил в библиотеках Ярославля 85 печатных книг XVIII в. на русском и иностранных языках, принадлежавших лично архимандриту Иоилю и поступивших после его смерти в библиотеку Ярославской семинарии[13]. Мы полагаем, что комиссионер купил у Иоиля только четыре рукописи, на которые обратила внимание Е. М. Караваева. Она рассмотрела акт передачи имущества упраздненного Спасо-Ярославского монастыря, превращенного в 1788 г. в архиерейский дом. Эту опись, весьма полную, составил архимандрит Иоиль Быковский с братией. Как говорит Е. М. Караваева, «при чтении прежде всего бросилась в глаза необычная полнота описи. Упомянута даже трещина на стеклянном шаре под люстрой... Так же подробно перечислены книги и рукописи монастырской книгохранительницы. Некоторые из них значатся ветхими. Поэтому кажется особенно странным, что против четырех рукописей, о которых не сказано, что они ветхи, появились отметки на полях: «За ветхостью и согнитием уничтожена». Две из указанных рукописей — пергаментные. В то же время рукописи, названные ветхими в самом тексте описи, не были уничтожены... Уничтоженными оказались только:

«249. Часослов, писанной на баргамине;

274. Псалтырь на баргамине;

280. Аввы Дорофея [поучения];

286. Хронограф в десть».

Хронограф был единственной светской рукописью книгохранительницы. Против него на полях подпись пером: «Оной хронограф за ветхостью и согнитием уничтожен». Рядом с отметкой на полях поставлено четыре вопросительных знака карандашом и подпись: «Иподьякон Соколов»»[14]. Очевидно, принимавшему имущество архиерейскому иподиакону показалось весьма подозрительным такое «согнитие», и он поставил еще слева крестик и NB, подчеркнув всю строчку[15]. Е. М. Караваева делает предположение, что Соколов интересовался именно хронографом, зная, что «Слово о полку Игореве» входило в состав последнего. Это предположение трудно доказать. Скорее можно думать, что иподиакон был чрезвычайно удивлен тем, что огромный хронограф,

[12] *Ф. Я. Прийма.* К истории открытия «Слова о полку Игореве».— ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 49.

[13] *В. В. Лукьянов.* Первый владелец рукописи «Слова»—Иоиль Быковский.— ТОДРЛ, т. XII, стр. 42.

[14] *Е. М. Караваева.* Хронограф Спасо-Ярославского монастыря в описи 1788 года.— ТОДРЛ, т. XVI. М., 1960, стр. 82. Л. А. Дмитриев не принял во внимание эту заметку.

[15] См. фотографию этой страницы описи в указанной статье Е. М. Караваевой, стр. 83.

вероятно около тысячи страниц в переплете, мог быть уничтожен [16]. Мы полагаем, что за время своего долгого проживания в монастыре (с 1776 по 1788 г.) архимандрит Иоиль заинтересовался этим единственным хронографом, ознакомился с его драгоценным содержанием и просто присвоил его, так же как и две рукописи на пергамене. Позднее, когда Мусин-Пушкин приехал в Ярославль, Иоиль продал ему за хорошую цену четыре ценные рукописи, будто бы «уничтоженные» [17].

Несомненно, об исчезновении рукописей, удивившем иподиакона Соколова, стало известно архиепископу Арсению, поселившемуся в том же монастырском доме, рядом с Иоилем. Последний мог признаться Арсению в продаже рукописей и просить не опубликовывать «Слово» до своей смерти и не указывать источника получения. Арсений мог согласиться на это и потому 26 августа 1798 г. поспешил сообщить Бантышу-Каменскому о смерти Иоиля [18]. После этого кружок Мусина-Пушкина наконец собрался издать «Слово о полку Игореве», появившееся на свет лишь в декабре 1800 г.

---

[16] Е. М. Караваева старается оправдать Иоиля: «Скорее можно допустить, что Иоиль не решился передать такие ценные рукописи новым хозяевам. Епархиальные власти не всегда бережно относились к старине и губили многие исторические ценности». Полагаем, что просвещенного Арсения Верещагина, нового хозяина, трудно упрекнуть в таком невнимании к старым рукописям.

[17] Где-то мы читали, что у А. С. Уварова был часослов на пергамене, подаренный ему Мусиным-Пушкиным; это был, вероятно, исчезнувший спасо-ярославский часослов № 249.

[18] *В. В. Лукьянов.* Дополнения к биографии Иоиля Быковского.— ТОДРЛ, т. XV. М., 1958, стр. 509.

ПОДГОТОВКА К ПЕЧАТИ И ИЗДАНИЕ ТОМА XVII «ПОЛНОГО СОБРАНИЯ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ»

Н. Н. Улащик

Том XVII ПСРЛ, в который вошли летописи, называющиеся западнорусскими или литовскими, литовско-русскими, белорусско-литовскими, вышел из печати в 1907 г. Вопрос о выпуске подобного издания был поднят акад. А. А. Куником [1] на заседании Археографической комиссии еще в 1864 г. Тогда же Комиссией было решено «иметь в виду А. Ф. Бычкову издание литовских летописей в особом отделе Полного собрания летописей» [2]. Таким образом, от решения издать том летописей до выхода его в свет прошло более 40 лет. Очевидно, никакое другое издание этой серии не пережило столь длительного «утробного» периода.

Ко времени выступления А. А. Куника некоторые из летописей, созданные в Великом княжестве литовском, были опубликованы. Так, в 1823—1824 гг. И. Данилович издал летопись, получившую название Супрасльской [3]. В 1846 г. Т. Нарбут выпустил отдельным изданием хронику Быховца [4]. В том же году О. Бодянский напечатал отрывок из летописи, получившей название летописи Рачинского [5]. В 1854 г. А. Н. Попов опубликовал бо́льшую часть Уваровской, или Слуцкой летописи [6]. В 1866 г. М. О. Коялович представил в Комиссию копию летописи Авраамки, которую Комиссия тогда же решила напечатать [7]. Позже был найден и издан еще ряд летописей того же характера, и поэтому А. А. Куник в 1886 г. подал в Комиссию «Записку»,

[1] А. А. Куник, естественно, имел в виду не буквально те летописи, которые были позже помещены в т. XVII ПСРЛ, потому что в 1864 г. часть из них еще не была известна. Говоря «подобного», имею в виду издание, содержащее летописи, созданные в Великом княжестве литовском.

[2] ЛЗАК, вып. 13. СПб., 1901. Извлечения из протоколов заседаний Комиссии за 1900 г. Записка А. А. Шахматова о западнорусских летописях, стр. 39.

[3] «Dziennik Wileński», t. II—III. Wilno, 1823—1824.

[4] «Pomniki do dziejów litewskich». Wilno, 1846.

[5] ЧОИДР, 1846, кн. 1.

[6] «Ученые записки II отделения Академии наук», 1854, кн. I, отд. III. Вторая часть этой летописи, озаглавленная «О великом князи московском», была опубликована в 1894 г. (*Леонид*, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. III. СПб., 1894).

[7] ЛЗАК, вып. 13, стр. 39.

настаивая на необходимости выпуска их отдельным изданием [8]. В результате Комиссия решила «приступить к изданию литовско-русских летописей», поручив это дело опять А. Ф. Бычкову [9].

Хотя Археографическая комиссия уже приняла решение публиковать летопись Авраамки в т. XVI ПСРЛ (том этот вышел в 1889 г.), тем не менее Куник в своей «Записке» предлагал издать сборник источников по истории Великого княжества литовского, включив в него и эту летопись. Куник намеревался поместить в сборник следующие летописи: Рачинского, Патриаршую, Евреиновскую, Быховца, Супрасльскую, Уварова, Красинского, Руссова, Авраамки и Межигорскую. Кроме того, он сообщал, что располагает сведениями о наличии летописей у помещика Хоминского (Виленская губ.) [10], большого отрывка летописи у какого-то херсонского помещика, писанной на латинском языке, «который, судя по доступным данным, заслуживает особого внимания», и найденного В. О. Ключевским «сказания о Гедимине» [11], которое он тоже, видимо, считал необходимым поместить в сборник. Сверх того, Куник предлагал включить туда же «Гонца добродетели» М. Стрыйковского [12], главы из книги Гваньини, посвященные Литве (Куник считал, что действительным автором этой работы был М. Стрыйковский), затем все те отрывки из «Хроники» М. Стрыйковского, которые касаются литовской истории за время приблизительно «до Ягайла или до Витовта», такие же отрывки из «Истории» (хроники) Яна Длугоша и «генеалогическое сочинение» А. Кояловича [13]. Все это предполагалось дать и в оригинале, и в переводе на русский язык.

---

[8] Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 95, оп. 1, д. 67. «Записка» А. А. Куника написана не его рукой и имеет массу поправок, сделанных еще кем-то. Содержание «Записки» очень подробно изложено в упомянутой «Записке» А. А. Шахматова.

[9] ЛЗАК, вып. 13, стр. 39.

[10] Очевидно, это та летопись, которая позже была помещена в т. XVII ПСРЛ под названием Ольшевской, так как именно она принадлежала помещику Хоминскому. В предисловии к т. XVII ПСРЛ редактор сообщил, что эта летопись находилась в имении Ольшев, владельцем которого был А. С. Хоминский (причем ошибочно называет уезд, в котором находился Ольшев, не Свенцянским, а Свенцицким.— ПСРЛ, т. XVII, стр. IX).

[11] Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 95, оп. 1, д. 67.

[12] Стрыйковский сам позже признавал, что эта его работа содержит массу ошибок (*M. Stryjkowski.* Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi, t. I. Warszawa, 1846, s. 316).

[13] В Архиве АН СССР в ф. А. А. Куника (ф. 95, оп. 1, д. 69) имеется объемистая папка, содержащая выписки из работ Я. Длугоша, М. Бельского и М. Стрыйковского (места, содержащие данные по истории Великого княжества литовского). Выписки сделаны без перевода на русский на одной половине листа большого формата. В той же папке хранятся выписки из летописей: Ипатьевской, Густынской (больше всего), Воскресенской и Новгородской. Очевидно, это подготовительные материалы для будущей публикации, но они так и остались неиспользованными.

Как видно из этого, А. А. Куник хотел издать том не собственно летописей, а как бы археографический сборник (или несколько сборников, так как вместить все это в один том невозможно), освещающий историю Великого княжества литовского за период примерно до конца XIV столетия.

В январе 1899 г. А. А. Куник умер, не успев осуществить свои начинания, и продолжателем его работ стал А. А. Шахматов, представивший 12 декабря 1900 г. в Археографическую комиссию свою «Записку», в которой изложил как историю вопроса, так и свой план издания белорусско-литовских (западнорусских) летописей.

По мнению А. А. Шахматова, следовало «печатать каждый из списков западнорусских летописей отдельно, так как этот единственно научный способ издания западнорусских летописей дает возможность разрешить ряд весьма сложных вопросов о происхождении и взаимных отношениях дошедших до нас исторических повестей и летописных заметок западнорусского происхождения». Кроме того, А. А. Шахматов считал, что этот том «должен содержать в себе не только издание отдельных списков этих летописей, но также все указания на западнорусские летописи, находящиеся в польских хрониках Длугоша и Стрыйковского, причем, быть может, правильнее всего остановиться на мысли Куника — напечатать все встречающиеся у Длугоша известия о Литве и все места летописной компиляции Стрыйковского, касающиеся собственно литовской истории в тех именно хронологических пределах, к которым относится содержание западнорусских летописей. Кроме того, необходимо было бы присоединить к изданию выборку из московских и из других летописей тех статей и известий, где можно найти указания на их западнорусское происхождение» [14].

Как видно из этого, А. А. Шахматов предполагал издать очень разнообразные по происхождению и характеру источники, как написанные в Великом княжестве литовском, так и вне этого государства, но содержащие данные по его истории. Однако, переходя непосредственно к вопросу о комплектовании тома, А. А. Шахматов сильно ограничил рамки публикации.

Ориентировочно он намечал для будущего тома следующие летописи [15]: 1. Супрасльскую; 2. Никифоровскую (для вариантов к Супрасльской); 3. Уваровскую (часть, содержащую данные по истории Великого княжества литовского, а остальное — для вариантов к Супрасльской); 4. Авраамки; 5. Красинского; 6. Части Ростовской (озаглавленные «Литовскому роду починок» и «Родословие великих князей литовских»); 7. Руссова; 8. Ев-

---

[14] ЛЗАК, вып. 13, стр. 42—43.

[15] А. А. Шахматов летописи, намеченные для этого издания, называет везде летописными списками или просто списками в том смысле, что это были не оригиналы летописей, а копии.

рейновскую; 9. Рачинского; 10. Быховца; 11. Отрывок из «Сборника» Муханова (о королеве Варваре); 12. Патриарший; 13. Origo regis Jagyelo; 14. «Список 18 столетия, сделанный латиницей с летописи, указанной под № 5» [16].

Как видим, между двумя изложенными планами имеется существенная разница: в проектируемый том А. А. Шахматов предлагал включить материалы исключительно летописного характера, притом созданные только в Великом княжестве литовском, тогда как в той же «Записке» он высказал пожелание издать гораздо более разнообразные источники. Расхождение, очевидно, получилось вследствие того, что в первом случае А. А. Шахматов намечал программу публикаций конкретно, применительно к данному тому, а во втором — вообще. Разница между двумя планами тем более была необходимой, что в серии «Полное собрание русских летописей» издавались исключительно летописи, тогда как труды Длугоша и тем более Стрыйковского отнести к летописям едва ли возможно. Не подходят к этой серии также и выборки из летописей, потому что в серии памятники печатаются полностью.

Была ли идея издания сборника, содержащего выборки из работ польских хронистов в переводах, оставлена А. А. Шахматовым совершенно или отложена на время, неизвестно, во всяком случае вопрос этот со временем не только не потерял своего значения, но еще более обострился. Нет никакого сомнения, что труды Длугоша, Бельского и в особенности Стрыйковского, содержащие огромную массу данных по истории не только Литвы и Белоруссии, но и всей Восточной Европы, должны быть переведены на русский язык, притом лучше всего не в выдержках, а полностью и с необходимыми комментариями. В первую очередь это относится к «Хронике» Стрыйковского [17].

Ранее намечаемые к изданию летописи обычно назывались литовскими, А. А. Шахматов высказался против такого названия, потому что в них «есть записи, возникшие в Смоленске». Он был также против того, чтобы их называли «литовско-русскими» по тем соображениям, что под это название могут подойти и «южнорусские», т. е. украинские летописи, и поэтому предложил назвать их «западнорусскими» [18].

Очевидно, аргументация автора в этом случае не отличается убедительностью, так как все названные летописи (за исключением Супрасльской) содержат данные прежде всего по истории

[16] ЛЗАК, вып. 13, стр. 43—47. Под № 5 в «Записке» числится летопись Красинского. Почему А. А. Шахматов предлагал напечатать вторично этот текст, только переписанный латиницей,— неясно.

[17] Стоит обратить внимание на то, что в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве из всех изданий хроники Стрыйковского есть лишь первое (1582 г.) малодоступное и одна часть из двух изданий 1846 г. Недостаточное использование советскими историками этого источника, очевидно в большой мере зависит от его малодоступности.

[18] ЛЗАК, вып. 13, стр. 41.

Великого княжества литовского, и поэтому хотя они написаны не на литовском языке, исключать слово «литовские» невозможно [19]. Кажется, что для них всего больше подходит термин «белорусско-литовские», поскольку в основном они написаны на белорусском языке, но содержат преимущественно данные по истории Литовского государства.

На том же заседании Комиссии, происходившем 12 декабря 1900 г., А. А. Шахматов выразил пожелание, чтобы ему дали помощника, вернее, чтобы была создана небольшая группа из лиц, не принадлежащих к Комиссии, но знакомых с теми летописями, которые предполагалось включить в том, причем он прямо указывал на С. Л. Пташицкого.

Однако член Комиссии С. Ф. Платонов, ссылаясь на отсутствие подобного прецедента, выступил против создания группы, но сказал, что редакторы Археографической комиссии «пользуются полным и неограниченным правом искать совета и даже приглашать к сотрудничеству специалистов здешних и иногородних», указывая как на подходящих кандидатов на И. И. Лаппо и М. К. Любавского [20], известных уже в то время специалистов по истории Великого княжества литовского.

Комиссия решила послать И. И. Лаппо и С. Л. Пташицкому «Записку» А. А. Шахматова с предложением принять участие «в трудах А. А. Шахматова к отысканию и изучению рукописей, содержащих литовские летописи, и вообще в работах по изданию означенных памятников» [21].

В действительности участие в издании т. XVII ПСРЛ принял лишь С. Л. Пташицкий, причем роль его в этом деле была весьма значительной. В предисловии к т. XVII ПСРЛ сказано, что «редакция тома принадлежит С. Л. Пташицкому и велась им совместно с членом Комиссии А. А. Шахматовым» [22], но в предисловии к Ольшевской летописи (входившей в состав т. XVII и изданной в 1932 г. в Польше) редактором тома Пташицкий называет себя одного [23]. Как получилось такое расхождение?

В том же 1907 г., когда был издан т. XVII ПСРЛ, Пташицкий напечатал (в Вильно) Ольшевскую летопись отдельной книгой, дав к ней пространное предисловие на польском языке [23а]. Публикуя эту летопись в 1932 г. еще раз, Пташицкий перепечатал почти без изменений предисловие, сам же текст

---

[19] В предисловии к тому, написанному, очевидно, С. Л. Пташицким, летописи называются «западнорусские (литовские)» — стр. 1.

[20] ЛЗАК, вып. 13, стр. 25.

[21] Там же, стр. 26.

[22] ПСРЛ, т. XVII. Западнорусские летописи. СПб., 1907, стр. XIV.

[23] *S. Ptaszycki.* Kodeks Olszewski Chomińskiego.— «Wielkięgo księstwa Litewskiego i Żmódzkiego kronika». Warszawa, 1932, s. 2.

[23а] *S. Ptaszycki.* Kodeks Olszewski Chomińskiego. Wielkiego księstwa Litewskiego i Żmódzkiego kronika. Podług rękopisu z roku 1550 wydał Stanisław Ptaszycki. Wilno, 1907.

летописи заново не печатался, так как у издателя оказалось достаточно оттисков тех листов летописи, которые были помещены в т. XVII ПСРЛ. Новым сравнительно с предыдущими изданиями является помещение двух фотоснимков с отдельных листов летописи.

То, что в издании 1932 г. Пташицкий назвал себя единственным редактором т. XVII, всего вероятнее следует понимать так, что он приготовил том к печати со стороны технической, причем сделал это весьма добросовестно, исключая те случаи, когда он не понимал значения отдельных слов. Все это, однако, не дает ему права исключать А. А. Шахматова в деле подготовки тома к изданию.

Общий объем тома составляет около 40 печатных листов, из них один приходится на предисловие и около двух на указатели.

В том вошли следующие летописи (перечислены в том порядке, в каком они даны в томе): 1. Супрасльская; 2. Уваровская; 3. Академическая; 4. Красинского (вторая часть); 5. Виленская; 6. Литовскому роду починок; 7. Origo regis Jagyelo et Wytholdi ducum Lithuaniae; 8. Красинского (первая часть); 9. Археологического общества; 10. Рачинского; 11. Евреиновская; 12. Родословие великих князей Литовского княжества; 13. Похвала Витовту; 14. Ольшевская; 15. Великого княжества литовского кроничка; 16. Быховца. Приложения: 1. Родство великих князей литовских (Литовскому роду починок); 2. Родство великих князей литовских (Родословец великих князей литовских); 3. Начало государей литовских; 4. Предисловие о великих князьях литовских, откуда они пошли; 5. Родословие великих князей литовских; 6. Сказание о великом князе Витофте.

Издавая т. XVII ПСРЛ, редакция стремилась передать текст с наибольшей полнотой. Она сохранила все те буквы, которые вышли из употребления (ѧ, ѡ, ѵ, ѳ), но в то же время надстрочные внесла в текст и передала курсивом. Титла в большинстве случаев раскрыты. На всем протяжении тома сохранена пунктуация оригинала, в результате чего есть немало страниц, на которых вообще нет знаков препинания, зато на других точки и запятые встречаются через каждые 2—3 слова. Правило это не соблюдено только в летописи Быховца, но из-за того, что имелся лишь печатный текст, а не оригинал. Сохранение пунктуации оригинала не дает возможности представить, как понимали текст редакторы; каждому читателю предоставляется возможность толковать его по-своему. Естественно, что это затрудняет пользование источниками.

Строго придерживаясь оригинала, редакция печатала текст со всеми ошибками или описками («свими» вместо «всими»), давая правильное прочтение в примечаниях, а иногда, печатая искаженное слово, делала пометку («так», «sic») или ставила восклицательный знак. Впрочем, в ряде случаев такие отметки

ставились и там, где они вовсе не были нужны [24]. Вместе с тем в томе есть немало искаженных слов, при которых нет никаких отметок и для читателя непонятно, что это: неотмеченная ошибка оригинала или просто недосмотр корректора.

Помещенные в томе летописи печатались ранее, причем давалось их палеографическое описание, и, очевидно, поэтому в предисловии подобное описание в большинстве случаев отсутствует, что является одним из недочетов издания.

В тех томах «Полного собрания русских летописей», которые выходили перед революцией, указатели имеются далеко не во всех, но в т. XVII они есть; это — именной и географический. И именно они являются самым уязвимым местом т. XVII ПСРЛ. Сделаны указатели исключительно плохо, так как составитель их В. К. Колашевский не понимал языка летописей и вообще проявил в своей работе крайнюю небрежность. В особенности неблагополучно обстоит дело с географическим указателем; иногда, правда, это явные опечатки (г. Димитров назван уездным городом не Московской, а Минской губернии, стб. 640). Но в целом он переполнен грубыми ошибками. Так, согласно указателю, города Кернов (Литва) и Пернов (Эстония) — это одно и то же, и поэтому на стб. 644 дается ссылка: «Пернов, см. Кернов». Наоборот, Луцк разделен на два города: Луцк и Великие Луки (стб. 642, 643). Причиной этого является наименование в ряде мест Луцка Великим Луцком. Хотя названия «Крево» и «Краков» находятся рядом, автор указателя в вариантах названия Крево приводит и Краков (стб. 642). В Белоруссии и в Польше есть реки с названием «Бобр» (по-польски «Бебжа»), в первом случае это приток Березины, во втором — Западного Буга. В указателе обе эти реки даны как одна, и притом на слово «Боброка» (стб. 638). Город Белгород на р. Ирпени (в указателе — Иртени) спутан с Белгородом Днестровским, и таким образом вместо двух городов получился один (стб. 638). В одном месте Буг Южный спутан с Бугом Западным (стб. 638). Город Ворута назван горой (стб. 638). Согласно указателю г. Скала находится не в Подолии, а в Польше (стб. 646). Река Случь, левый приток Припяти, спутана со Случью, впадающей в ту же Припять с правой стороны (стб. 646). На стб. 410 по ошибке вместо «род Кгаштолтов» напечатано «город Кгаштолтов», в результате чего в указателе появился «город Гастолтов» (стб. 640).

Упоминаемые в тексте рядом названия двух городов Белоруссии — Койданово и Ивенец — даны как один населенный пункт Койданово-Ивенец (стб. 641). Город Копыль, расположенный в юго-восточной Белоруссии, отнесен к Волыни (стб. 642).

---

[24] На столбце 477, например, имеется отметка «sic» к слову «Дручиск», т. е. Друцк. Но в современном произношении этот город не называет ни одна летопись.

Две реки Уши, в одном случае приток Немана, а в другом — Березины, как и река Цепра, протекающая примерно в 100 км севернее Припяти, отнесены к Подолии (стб. 647). В одном случае слово «тайстра» (по-белорусски «тайстра», или «кайстра», означает «холщевая сумка») было понято как название населенного пункта и попало в географический указатель (стб. 647). Точно так же из слов «свои голд» (своя присяга) получился город Своиголд (стб. 646).

Гораздо меньше ошибок в указателе именном, но и там они есть. Так, князь Свидригайло в одном месте обозначен своим именем, а в другом как «Оветригайло» (стб. 630). Село Милославичи под Киевом понято как имя человека (стб. 628). Бона, жена короля польского и великого князя литовского Сигизмунда Казимировича, названа женой Сигизмунда Ягайловича (стб. 619). Непонятно, почему Евна (персонаж фантастический), упоминаемый в испорченной части текста хроники Быховца, названа женой Гедимина (стб. 623). Вол, который в хронике подчеркнуто именуется литовским паном, в указателе назван польским (стб. 621), тогда как мазур Носута назван литовцем (стб. 622). Князья Кобринские названы Крбинскими (здесь, правда, повторена ошибка текста, стб. 627).

К сожалению, указанные ошибки далеко не исчерпывают все неточности, имеющиеся в т. XVII ПСРЛ.

Выход в свет т. XVII был встречен рецензиями самых крупных специалистов по белорусско-литовскому летописанию: Е. Ф. Карского [25], М. С. Грушевского [26], И. А. Тихомирова [27], А. Прохаски [28]. За исключением М. С. Грушевского, который сказал, что том «не оправдал больших надежд, которые на него возлагались», остальные рецензенты отнеслись к изданию очень благожелательно, отмечая, что в этом томе впервые собраны все известные летописи, отражающие историю Великого княжества литовского. Вместе с тем они сделали ряд весьма существенных и изложенных в резкой форме замечаний. Е. Ф. Карский отмечал, что том представляет собой «собственно рукопись, а не издание» и что в этой «рукописи» господствует «полная путаница в собственных именах лиц, названиях мест, а иногда даже и простом повествовательном тексте». Карский считал, что это издание «строго филологическое» и очень неудобное для всех нефилологов.

И. А. Тихомиров прежде всего критиковал способ издания, т. е. печатание текста со всеми ошибками и описками, с отне-

---

[25] «Русский филологический вестник», Варшава, 1908, № 1—2, стр. 405—406.

[26] «Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка», Львів, 1908, № 86, стр. 224, 225.

[27] ЖМНП, 1910, № 6, стр. 373—386.

[28] *A. Prochaska.* Z powodu wydawnictwa latopisów litewskich.—«Przegląd Historyczny», Warszawa, 1911, t. XII, s. 115—125.

сением правильного текста в примечания, тогда как во всех предыдущих томах было наоборот [29]. Не согласен И. А. Тихомиров и с тем, что летопись Красинского разделена на две части, причем вторая напечатана раньше первой [30]. Масса замечаний сделана им относительно ошибочных отметок редакции о наличии или отсутствии тех или иных текстов в различных списках летописей.

А. Прохаска, тоже выразивший недовольство способом издания, отметил, что Никифоровскую летопись следовало напечатать полностью, а не только использовать для вариантов; кроме того, он в своей пространной рецензии сделал ряд весьма ценных замечаний о составе летописей, помещенных в томе.

После выхода в свет т. XVII ПСРЛ прошло почти семьдесят лет, и эта книга давно стала библиографической редкостью. Несмотря на свои недочеты это издание является важнейшим источником по политической истории Великого княжества литовского, а вместе и каждого из народов, населявших в свое время это государство, т. е. литовцев, белорусов, украинцев и отчасти русских. При таком положении давно назрел вопрос о его переиздании. Единодушное мнение рецензентов и опыт издания летописей в наше время говорит, что, переиздавая том, следует придерживаться тех же правил, каких придерживаются сейчас вообще, т. е. заменять вышедшие из употребления буквы современными, раскрывать все титла, вносить в строку надстрочные буквы, заменять буквенные обозначения годов цифровыми, применять современную пунктуацию. Несравнимо более сложен вопрос о составе. Не вызывает сомнения, что переиздать следует все летописи, имеющиеся в томе, но порядок их следования должен быть изменен (например, летопись Красинского должна быть помещена вместе). Кроме того, следует издать (и притом в первую очередь) те летописи или хроники, которые были обнаружены после выхода в свет т. XVII ПСРЛ.

[29] ЖМНП, 1910, № 6, стр. 374.
[30] Там же, стр. 373—384.

ХРОНИКА

24 декабря 1973 г. состоялось совместное заседание Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР и Группы по изданию «Полного собрания русских летописей» Института истории СССР АН СССР, посвященное 75-летию со дня рождения Арсения Николаевича Насонова (1898—1965).

Во вступительном слове акад. *Б. А. Рыбаков* отметил, что А. Н. Насонов был ученым многогранным. Широта его научного кругозора сочеталась с необычайной скрупулезностью. Он не позволял себе оставить что-то незавершенным, недоделанным, он всегда отшлифовывал текст рукописи и только после этого приступал к новой работе. Уже его ранняя работа «Монголы и Русь» (1940 г.) является прекрасным образцом исторических исследований, где источниковедческий анализ неразрывно связан с общеисторическими выводами. В этом главная особенность и главное достоинство исследований А. Н. Насонова. Огромное значение имеют историко-географические работы А. Н. Насонова, в частности ««Русская земля» и образование территории Древнерусского государства» (1951 г.). Арсений Николаевич провел огромную работу по выявлению и изучению летописных текстов. Он сделал чрезвычайно много по описанию списков летописей. Однако завершить эту работу автор не успел. Но то, что он сделал в области летописеведения, представляет для нас большой интерес. Арсений Николаевич был образцом научного работника-исследователя.

В. И. Буганов в докладе «А. Н. Насонов — исследователь русского летописания» отметил, что Арсений Николаевич олицетворял живую связь поколений в среде ученых, посвятивших свои усилия летописеведению. Его работа в области истории русского летописания теснейшим образом была связана с выявлением новых летописных текстов, их описанием, изданием или переизданием на новых основах. Труды А. Н. Насонова затрагивали вопросы начального южнорусского, северо-восточного, тверского, псковского, ростово-суздальского, общерусского конца XV — середины XVI в. летописания; ряд работ касается истории русского летописания в целом — в XI — начале XVIII в. Огромное значение имеет обобщающий труд А. Н. Насонова «История русского летописания XI — начала XVIII в.», вышедший посмертно в 1969 г. За свой долгий творческий путь Арсений Николаевич рассмотрел ряд вопросов русского летописания на всем протяжении его существования. В одних случаях он вносил коррективы в уже сложившиеся в науке представления (особенно это касается ранних этапов летописания), в других — существенно дополнял наши представления, анализируя обнаруженные им летописные своды XV—XVI вв., в третьих — намечал пути дальней-

ших изысканий. Будучи ученым-марксистом, он немалое внимание уделил марксистско-ленинской методологии и методике исследования летописного материала. Его научное творчество оказало и оказывает благотворное влияние на разработку проблем отечественной истории, в частности истории русского летописания.

В докладе *В. А. Кучкина* «А. Н. Насонов как археограф» прослежена деятельность А. Н. Насонова в области издания русских летописных текстов. Летописные своды, по мнению ученого, являлись выдающимися памятниками отечественной и мировой культуры, важнейшими источниками для познания исторического прошлого народов нашей страны. Важное значение русских летописей обусловливало и методы их издания. А. Н. Насонов требовал тщательного изучения списков летописей, их классификации и группировки, чтобы в основу при издании были положены самые древние и лучше сохранившиеся списки. Такая работа была проделана Арсением Николаевичем при издании Псковской I, II, III, Новгородской I летописей, сводов 1493 и 1495 гг. Помимо выбора основного списка, А. Н. Насонов большое внимание уделял тщательной передаче самого текста, постоянно совершенствуя издательские приемы, стремясь приблизить печатный текст к подлиннику. А. Н. Насонов являлся новатором не только в применении строго научных методик в исследовании русских летописей, но и в выработке многих норм летописной археографии.

С докладом «Обзор фонда А. Н. Насонова в Архиве АН СССР» выступил *А. Л. Станиславский.* Он сообщил, что фонд А. Н. Насонова в настоящее время насчитывает 388 единиц хранения. В нем представлены различные варианты опубликованных работ (в частности, несколько вариантов книги «Монголы и Русь»), неопубликованные работы (например, «Краткий исторический очерк Узбекской ССР»), выписки и наброски статей по истории русского летописания, тезисы-инструкции по изданию ПСРЛ, отзывы на работы, переписка с учеными (М. Д. Приселков, С. Б. Веселовский, А. А. Новосельский, А. А. Зимин и др.).

С воспоминаниями об А. Н. Насонове выступили *Е. Н. Кушева, Е. П. Подъяпольская, О. И. Подобедова, С. М. Голицын.* Они отметили его большой вклад в развитие исторической науки, его трудолюбие, скромность, чуткость, внимательность к коллегам.

В конце заседания выступил *С. О. Шмидт,* который отметил исключительно большой вклад, внесенный А. Н. Насоновым в изучение самых различных проблем отечественной истории, в особенности исторической географии, монголо-татарского ига и борьбы с ним русского народа, истории русского летописания.

Л. Ф. Кузьмина.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	—«Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею», т. I—IV. СПб., 1836.
АСЭИ	—«Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», т. I—III. М., 1952—1964.
БАН	— Библиотека Академии наук СССР.
ГВНП	—«Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.— Л., 1949.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ДиДГ	—«Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» М.— Л., 1950.
ЖМНП	—«Журнал Министерства народного просвещения».
ИОРЯС	—«Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук».
ИРЛИ АН СССР	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
ЛЗАК	—«Летопись занятий Археографической комиссии».
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории СССР Академии наук СССР.
МИА	—«Материалы и исследования по археологии СССР».
НПЛ	—«Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.— Л., 1950.
ПВЛ	—«Повесть временных лет», ч. 1—2. М.— Л., 1950.
ПРП	—«Памятники русского права», вып. 2. М., 1953.
ПСРЛ	—«Полное собрание русских летописей изданное Археографическою комиссиею», т. I—XXXI. СПб., Л., М., 1841—1968.
РИБ	—«Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею».
Сб. РИО	—«Сборник Русского исторического общества».
ТОДРЛ	—«Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР».
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов.
ЧОИДР	—«Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие		3
В. А. Кучкин	Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь	5
Список научных трудов А. Н. Насонова		27
Н. Н. Розов (Ленинград)	К вопросу об участии Илариона в начальном летописании	31
А. Г. Кузьмин	Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи	37
Л. Мюллер (ФРГ)	Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород	48
А. В. Поппэ (ПНР)	Родословная Мстиши Свенельдича	64
Йожеф Перени (ВНР)	Угры в «Повести временных лет»	92
В. Т. Пашуто	Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос	103
М. Ф. Мурьянов (Ленинград)	О летописных статьях 1039 и 1131 гг.	111
Дьердь Дьерффи (ВНР)	Время составления Анонимом «Деяний венгров» и степень достоверности этого сочинения	115
И. Э. Клейненберг (Ярославль)	«Дедрик Бернский» в Новгородской I летописи	129
Н. Н. Воронин	«Переяславль новый»	137
Л. Л. Муравьева	Об общерусском источнике Владимирского летописца	143
Е. П. Наумов	К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних»	150

С. Н. Азбелев (Ленинград) — Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского — 164

Я. Н. Щапов — К характеристике некоторых летописных трудов XV в. — 173

А. Л. Хорошкевич — Псковские летописи как источник по истории внешней торговли Пскова XIV — начала XVI в. — 187

Я. С. Лурье (Ленинград) — Летописание XV в. и Кирилло-Белозерский монастырь — 202

Н. А. Мещерский (Ленинград) — К вопросу о составе и источниках Академического хронографа — 212

М. А. Ючас (Вильнюс) — Хроника Быховца — 220

Ф. А. Грекул — Молдавские летописи о России — 232

А. А. Зимин — Летописные свидетельства о коронации Дмитрия-внука и заговоре Владимира Гусева (1497—1498 гг.) — 240

Б. М. Клосс — Новгородская V летопись и вопрос об источниках Никоновского свода — 252

Т. Н. Протасьева — К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи (Син. № 962) — 271

Д. Н. Альшиц (Ленинград) — «Слово о погибели Рускыя земли» и «Казанская история» — 286

И. А. Жарков — «Новый летописец» по списку М. А. Оболенского — 293

В. Д. Назаров — «Новый летописец» как источник по истории царствования Лжедмитрия I — 299

А. В. Флоровский (ЧССР) — Русское летописание и Я. А. Коменский — 312

Л. З. Мильготина — О редакциях и списках Золотаревского сказания — 317

В. И. Корецкий — К вопросу об источниках Латухинской степенной книги — 328

В. И. Буганов — Летописные заметки о московских восстаниях второй половины XVII в. — 338

С. О. Шмидт Поздний летописчик со сведениями по истории России XVI в. 347

А. В. Соловьев (Швейцария) Ростовские хронографы и хронограф Спасо-Ярославского монастыря 354

Н. Н. Улащик Подготовка к печати и издание тома XVII «Полного собрания русских летописей» 360

Хроника 369

Список сокращений 371

ЛЕТОПИСИ И ХРОНИКИ

Сборник статей. 1973 г.

Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства *С. А. Левина*
Художник *Л. С. Эрман*
Технический редактор *Р. М. Денисова*

Сдано в набор 28/II 1974 г.
Подписано к печати 30/V 1974 г.
Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бумага № 2
Усл. печ. л. 24. Уч.-изд. л. 26,6
Тираж 2150 экз. Т-06582. Тип. зак. 238
Цена 1 р. 83 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
21	14 сн.	р.	оз.
34	20 сн.	значении	знании
43	9 св.	Полем	Поляном
148	17 св.	ржев	Ржев
237	21 сн.	преследовал	проследовал
352	23 сн.	был	были